

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации  
Государственная академия наук  
Российская академия образования  
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

**А. В. КАРПОВ**

# **ПСИХИКА И ВРЕМЯ**

**В двух томах**

**Том II**

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ  
ГЕНЕЗИС  
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

Ярославль  
Филигрань  
2023

УДК 159.93/94  
ББК 88.251.137 + 87.152.32  
К26

*Рецензенты:*

*Владислав Александрович Лекторский* – доктор философских наук,  
профессор, академик РАН и РАО;

*Владимир Дмитриевич Шадриков* – доктор психологических наук, академик РАО;  
профессор-исследователь НИУ ВШЭ;

*Тимофей Александрович Нестик* – доктор психологических наук, профессор; заведующий лабораторией  
социальной и экономической психологии Института психологии РАН

**Карпов, Анатолий Викторович.**

К26 Психика и время. В 2 томах. Т. 2. Функционирование. Генезис. Репрезентации /  
А. В. Карпов. – Ярославль : Филигрань, 2023. – 700 с.  
ISBN 978-5-6050859-9-7  
ISBN 978-5-6051178-1-0 (т. II)

Эта книга является вторым томом монографии под общим названием «Психика и время». В ней предпринята попытка охватить единым теоретико-методологическим подходом основные аспекты фундаментальной общепсихологической проблемы субъективного времени, в качестве которого выступает развитый в ней метасистемный подход.

В этом томе проблема субъективного времени раскрыта в трех базовых гносеологических аспектах – функциональном, генетическом и интегративном. В первом из них выявлена и охарактеризована развернутая система функциональных закономерностей, лежащих в основе феномена субъективного времени. Сформулирован и реализован новый подход к их трактовке, с позиций которого все они выступают как проявления особого типа системности – временной, а психика в целом и ее временная организация, в частности, эксплицируется как система темпорального типа.

Раскрыты и проинтерпретированы базовые закономерности генезиса субъективного времени, а также его роли в общем процессе формирования и генетического развития психики в целом. Выявлены и объяснены операционные и генеративные функции субъективного времени в процессе психического развития личности в целом, а также в генезисе основных психических процессов и структур.

По отношению к проблеме субъективного времени впервые реализована общенаучная методология качественного анализа, в результате чего выявлена и объяснена его роль в порождении и функционировании наиболее глубинного уровня организации психики – онтологического, лежащего в основе конституирования субъективной реальности в целом. Раскрыты и проинтерпретированы основные закономерности порождения субъективного времени как атрибута этой реальности, локализованные в базовых сферах психического – в сенсорике, психических процессах, сознании, бессознательном, психических качествах. Сформулированы новые представления о механизме порождения онтологии психического – механизме окачества реальности, а также о его ведущей роли в генезисе субъективного времени.

Книга адресована психологам и представителям смежных областей, в которых исследуется фундаментальная психологическая проблема субъективного времени, а также его роли в организации и генезисе психики.

ISBN 978-5-6050859-9-7  
ISBN 978-5-6051178-1-0 (т. II)

© Карпов А. В., 2023  
© ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2023  
© Российская академия образования (РАО), 2023

## Глава 4

### Функциональная организация субъективного времени

#### 4.1. Постановка проблемы исследования

Вся совокупность материалов, представленных в предыдущих главах, создает необходимые условия для того, чтобы перейти к реализации следующего основного этапа исследования, предписываемого его общей стратегией и положенной в основу данной работы, – функционального. Напомним, что общая характеристика данной стратегии также была дана выше, а ее основным содержанием выступает реализация по отношению к изучаемому предмету комплексной методической процедуры, обозначаемой понятием алгоритма системного исследования (АСИ), который образован совокупностью пяти основных этапов (аспектов) исследования – метасистемным, структурным, функциональным, генетическим и интегративным [248]. Согласно данной стратегии, после того, как предмет рассмотрен в его метасистемном плане, а также в плане его структурной организации, необходимо раскрыть его в другом и также основополагающем аспекте, содержанием которого является весь комплекс особенностей и закономерностей собственно функциональной организации. При этом следует руководствоваться теми императивами, которые предписываются содержанием данного аспекта – основными направлениями его реализации. Действительно, в этом – общем плане он, локализуясь непосредственно вслед за структурным этапом, в значительной мере базируется на его результатах. Если структурный этап (аспект) алгоритма системного исследования трактуется обычно как базовый и определяющий, поскольку он направлен на решение критически значимого для любой системы вопроса о ее субстанциональной основе – о содержании и «материале», а также о механизмах ее структурирования и интеграции в целостность, то функциональный аспект имеет иную специфику. Она состоит в том, что именно данный аспект является не только максимально общим, но и предельно *многоплановым*, гетерогенным, а само понятие функционирования характеризуется выраженной полисемичностью.

Далее, в наиболее общем и определяющем плане он направлен на то, чтобы выявить и объяснить основные *закономерности* особой категории – закономерности собственно функционального типа. В свою очередь, она, взятая в максимально общем виде и принципиальном смысле, характеризует основные особенности собственно *временной*, то есть диахронической – темпоральной организации изучаемого объекта, его бытия во времени. При этом необходимо учитывать также, что закономерности данного типа обретают по отношению к психическим образованиям свое более детализированное и конкретизированное проявление: они представлены, прежде всего, как закономерности их *процессуальной* организации. Естественно, что функциональный план изучения не исчерпывается лишь этими – наиболее обобщенными и специфичными ему модусами (временным и процессуальным). Как раз наоборот, одна из отличительных черт функционального плана (и этапа) исследования заключается именно в том, что он является многоаспектным; включает в себя целый ряд более частных, хотя также – очень важных гносеологических направлений.

Так, он предполагает установление не только закономерностей собственно функциональной организации изучаемого предмета, но и выявление тех *функций*, которые он реализует в контексте какой-либо более общей целостности, являющейся по отношению к нему самому метасистемой. Вообще говоря, именно этот аспект исследования – изучение функций, реализуемых предметом исследования в отношении каких-либо иных сущностей, является и наиболее традиционным, и наиболее представленным по отношению к большинству объектов психологического исследования. Кроме того, следует учитывать, что вся совокупность собственно функциональных закономерностей имеет и свое итоговое, результативное выражение – в частности, в формировании определенных *функциональных новообразований*. Их исследование также выступает одной из важных задач данного этапа изучения.

Наконец, следует обязательно учитывать, что именно функциональный план в определенном смысле более сложен в гносеологическом отношении, нежели структурный план (подчеркнем – лишь относительно и в определенном аспекте). Действительно, последний связан с решением базового и исходного, а в чем-то даже «архетипического» для любого познания (не только научного, но и житейского, обыденного) вопроса – вопроса о том, «из чего состоит и как устроен»

предмет исследования. Функциональный же план направлен на решение вопроса о том, как, по каким закономерностям и на основе каких механизмов он «работает» – функционирует. Понятно, однако, что решение именно этого вопроса является не только наиболее важным в плане раскрытия природы, фактически, любого предмета исследования, но и наиболее сложным в гносеологическом плане. Таким образом, можно видеть, что функциональный план изучения синтезирует в себе две основополагающие гносеологические характеристики – ярко выраженную множественность и столь же явную сложность, что делает его реализацию также весьма трудной задачей.

С другой стороны, все эти – именно общие особенности функционального плана исследования приобретают по отношению к основному предмету данной работы – субъективному времени существенную специфику, которую также необходимо учитывать при его реализации. Во-первых, наиболее принципиально то, что понятия функционирования и времени являются во многом не просто взаимопологаемыми, но и атрибутивно односущностными. Действительно, само бытие любой сущности, а тем более – сложной объективно включает в себя атрибут, так сказать, немгновенности, несимультанности – представленности как нечто развертывающееся, «длящееся», то есть в качестве процесса. Все живое, а тем более – психическое атрибутивно невозможно вне его временной развертки, а потому функционирование как форма их бытия является важнейшим условием самого этого бытия. Прекращение функционирования означает и прекращение бытия. В силу этого, собственно говоря, именно функциональный план исследования просто в значительной мере тождественен исследованию особенностей и закономерностей временной организации объектов, в том числе – и субъективного времени. Фактически, функциональный план во многом совпадает в содержательном плане с проблемой временной организации, с проблемой времени в целом и субъективного времени, в частности. Особо значимо это как раз по отношению к исследованиям психологического плана, поскольку, как справедливо отмечал С. Л. Рубинштейн, процесс и является основным способом существования психического [481].

Во-вторых, при обращении к понятию субъективного времени и к категории времени в целом с высокой степенью очевидности эксплицируется очень важное обстоятельство, которое, однако, обычно

не учитывается в должной мере в исследовательской практике. Дело в том, что в ней – и это отмечалось выше при характеристике общих особенностей функционального плана – данный этап рассматривается не только как следующий за структурным, но и во многом как базирующийся на нем и в этом смысле как производный от него. Разумеется, в гносеологическом отношении это не только вполне обоснованно, но и весьма целесообразно, продуктивно. Однако не следует забывать и о том, что в ином – онтологическом плане, то есть в плане того, как предмет исследования представлен в реальности в его исходном, первичном и ненарушенном никакими исследовательскими процедурами виде дело обстоит иначе. Предмет исследования изначально выступает, как правило, вовсе не как статическое образование, не в его собственно структурном модусе, а как образование динамическое – развертывающееся во времени. Следовательно, сам структурный план является в известной мере, хотя и очень полезной, но все же некоторой абстракцией; он должен быть понят не как первичный, а наоборот – как вторичный по отношению к тому плану, в котором предмет представлен в его исходном модусе – в аспекте его реального бытия, то есть функционирования.

В-третьих, все это, в конечном счете, связано с тем, что, как уже отмечалось, «психическое существует лишь в форме процесса», а что «процесс – это и есть способ существования психического» [481]. Другими словами, в одной из основных психологических категорий – в категории психических процессов воплощена главная черта и аналогичный, то есть также – основной атрибут функциональной организации как таковой. Он состоит в ее процессуальном характере; в возможности бытия – функционирования психического лишь в процессуальной форме. Функциональная, а, следовательно, и процессуальная форма существования – это и есть реальная онтология психического. Следовательно, и сам этот, повторяем, – базовый атрибут функциональной организации должен изучаться через особенности процессуальной организации. По отношению к психологической проблематике в целом и к проблеме субъективного времени, в частности, это означает, что изучение функциональной организации является, фактически, во многом эквивалентным раскрытию закономерностей собственно процессуальной организации психического. Данное обстоятельство вновь указывает на то, что сам функци-

ональный план должен быть понят не как вторичный и производный от структурного, а как первичный и исходный – но, повторяем, в его онтологическом смысле.

В-четвертых, это, конечно, не отменяет и правомерности первичности структурного плана в его гносеологической роли. Однако именно в ней сам функциональный аспект исследования существенно более сложен, нежели структурный, по причине большей имплицитности самих функциональных закономерностей по сравнению со структурными. Следовательно, для того, чтобы их раскрыть, необходимо установление самих структурных закономерностей. Одновременно это означает, что к установлению функциональных закономерностей надо подойти именно через установление структурных закономерностей. Однако, уже после того, как это реализовано, следует вспомнить и о том, что в реальности структурный и функциональный планы организации предмета исследования все же характеризуются противоположными отношениями. И именно поэтому в данной работе сохранена традиционная последовательность этих планов исследования. Здесь, конечно, следует вспомнить и известное положение, согласно которому «покой» (то есть структура) относителен, а «движение» (то есть функционирование) абсолютно.

В-пятых, еще более значимо то, что по отношению к субъективному времени и ко времени в целом понятие функционирования обретает выраженную специфичность и существенно усложняется. Дело в том, что обычно само понятие функционирования используется как релятивное – оно всегда приурочивается к тому субстрату, который и подвергается ему – основе, которая, собственно говоря, и функционирует. Сами же закономерности функционального типа всегда оказываются приуроченными к этому субстрату и потому носят вполне материализованный, конкретный – содержательный характер. Причем, на первый взгляд, представляется, что иначе просто и быть не может, что это – общий закон функциональной организации. Вместе с тем, по отношению к проблеме времени в целом и субъективного времени, в частности, дело обстоит существенно иначе. Как отмечалось выше, само функционирование не просто репрезентирует бытие объектов во времени, но и во многом просто тождественно этой – временной развертке, то есть тому, как он представлен не в симультанном (синхроническом), а в сукцессивном (диахрониче-

ском) модусе. Функционирование как таковое, а не функционирование конкретного объекта, то есть в его привязке к субстанциональному носителю, это и есть, собственно говоря, его временная организация; функциональность и темпоральность во многом эксплицируются как тождественные сущности. Базовые – «надпредметные» инварианты, которые присущи функциональной организации как таковой, должны во многом совпадать с основными особенностями и закономерностями темпоральной организации, точнее – последние должны лежать в основе первых и проявляться в них. Поэтому и проблема функциональной организации – это во многом проблема темпоральной организации, а по отношению к психологической проблематике – проблема субъективного времени. Это же означает, что главной целью функционального аспекта исследования субъективного времени должно выступать не столько выявление особенностей и закономерностей того, как функционально организован объект исследования, а выявление того, как организована сама эта организация. Иначе говоря, главной целью должно выступать выявление и интерпретация закономерностей *организации самой организации*. Функциональные закономерности объекта исследования должны быть, конечно, поняты как первичные – сопряженные со спецификой его содержания и производные от этого содержания. Они, однако, сами воплощают в себе определенные – еще более имплицитные особенности и закономерности, но уже не содержательного – субстанционального, а темпорального – временного плана, то есть того, каким образом в них как первичных воплощена временная координата реальности. Это – вторичные, собственно темпоральные закономерности, которые и являются основным предметом рассмотрения в психологии субъективного времени.

В-шестых, следует учитывать и еще одно специфическое обстоятельство осложняющего плана. Дело в том, что критически значимой, определяющей особенностью, фактически, всех основных «носителей» субъективного времени, в качестве которых выступают базовые психические структуры и образования, как раз и является то, что они являются атрибутивно функциональными по своей природе. Они самой своей природой и организацией уже не просто воплощают в себе темпоральность, но и во многом являются средствами ее реализации в организации психики в целом. Действительно, как было показано в предыдущей главе, их сущность и содержание, равно как и смысл

понятий, в которых они зафиксированы, неразрывно сопряжены с темпоральностью, с категорией времени, являясь в значительной степени ее отображением на уровне психического. Так, понятие процесса даже этимологически содержит момент динамичности, диахронии, временного развертывания как определяющий. То же самое относится и к понятию функции, поскольку функционирование это и есть бытие любой сущности во времени. Наряду с этим, важнейшими атрибутами сознания являются его трансцендентность и эмерджентность, что также эксплицирует его как «поточковый» феномен – как то, что объективно может существовать лишь перманентно трансформируясь вдоль «оси» времени и, более того, образуя ее и, следовательно, субъективное время. В силу этого, можно сказать и так: функциональный план уже в значительной степени был реализован при рассмотрении предыдущего плана – структурного. Отсюда следует, что, с одной стороны, те результаты, которые были получены при его реализации, должны быть привлечены и для решения задач данной главы. Однако, с другой стороны, вследствие этого возникают сложности композиционного плана, обусловленные трудно устранимыми в этом случае повторами уже рассмотренных вопросов, что приводит к необходимости дублирования представленных материалов.

В-седьмых, следует, конечно, учитывать и один из основных принципов темпоральной организации, сформулированный в предыдущей главе – принцип *субстанциональной опосредствованности*. Согласно ему, напомним, исследование субъективного времени должно осуществляться не прямо и непосредственно, а опосредствованно – на основе раскрытия особенностей и закономерностей того, как оно обусловлено структурно-функциональной организацией и генетическими закономерностями того или иного субстанционального объекта – его носителя и основы. Следствием данного принципа выступает то, что в психике, фактически, отсутствуют такие ее «составляющие», которые не были бы подвергнуты темпоральной организации. Поэтому сам предмет исследования – субъективное время оказывается поистине «безбрежным» и практически недоступным его полному охвату. Кроме того, чем более детальным является темпоральный анализ этих «составляющих», тем в большей степени он обогащается их содержательным анализом, а затем в значительной мере трансформируется в этот – уже суб-

станционально-ориентированный анализ. Возникает типичная для темпорального изучения ситуация «скольжения» или даже исчезновения исходного предмета анализа, состоящая в его подмене – именно как темпорального субстанциональным анализом. Причем, это не ошибка, а типичная гносеологическая ловушка – «капкан» исследования, который следует осознавать и, по возможности, избегать. В силу этого, в представленных ниже материалах мы сконцентрируем внимание на тех предметах исследования, которые являются, с одной стороны, наиболее значимыми, а с другой, – наиболее *репрезентативными* в плане проблемы темпоральной организации в целом. В их качестве выступит темпоральная организация *деятельности* и системы *психических процессов*. Причем, они будут рассмотрены не столько в их субстанциональных основах, сколько в плане их темпоральной организации.

Наконец, в-восьмых, следует учитывать и еще одно – сформулированное в главе 3 методологическое положение. Оно, явившись следствием теоретического анализа и выступив первоначально в качестве гипотезы исследования, уже подтвердило свою обоснованность по отношению к двум реализованным аспектам исследования – метасистемному и структурному. Его сущность состоит в том, что субъективное время должно быть понято и рассмотрено в исследовании не только как нескорый *феномен*, но и как совокупность *операционных* средств организации психики. И именно в силу того, что оно оказалось верифицированным по отношению к основополагающим аспектам – метасистемному и структурному, есть все основания полагать, что оно окажется обоснованным и в плане раскрытия закономерностей функционального типа. Это означает, что и в функциональном аспекте субъективное время и темпоральность в целом выступает не только как феномен психического (то есть как *операнд*) и даже не только как операционное средство (то есть как *оператор*), но оно уже воплощено – реализовано в самой его структурно-функциональной организации. Другими словами, то, что традиционно обозначается как «приспособление ко времени», обеспечивается не только операционными средствами психики, но и самой ее организацией. Приспособление к темпоральности объективной реальности обеспечивается тем, что сама темпоральность уже реализована в организации психики. Задача поэтому со-

стоит в выяснении того, как конкретно это достигается и за счет каких закономерностей обеспечивается, что и составляет основной предмет рассмотрения в данной главе.

Переходя к ее рассмотрению, представляется целесообразным начать анализ функциональной организации субъективного времени со второго из понятий, представленных в этом словосочетании, – с понятия *организации* как наиболее общего и потому исходного. Действительно, как было показано в параграфе 2.2.3., данное понятие как очень широкое и даже – предельное по его масштабу не только предполагает, но и требует дифференциации на целый ряд базовых модусов. Причем, во всем их многообразии отчетливо выделяются два основных – это те виды и формы организации, которые обозначаются обобщенными понятиями *субстанциональной* (содержательной) и *темпоральной* (временной) организации. При этом приходится констатировать, что первая из них исследована несопоставимо лучше – глубже и полнее, чем вторая, причины чего также рассмотрены в данном параграфе. Вместе с тем, там же было показано, что в целях раскрытия второй должен быть реализован тот эвристический потенциал и методологические принципы, которые сложились при исследовании первой. Вообще говоря, в целом у этих двух типов организации, наряду с принципиальными различиями, существуют и важные общие закономерности, что эксплицирует их взаимопреemptственность, которая также будет подробно рассмотрена ниже. Однако уже сейчас следует зафиксировать обстоятельство наиболее общего и принципиального плана, являющееся в целом несложным, но крайне важным. Оно состоит в том – вполне очевидном факте, что темпоральная организация, так же как и субстанциональная, может быть представлена с разной мерой выраженности. Она образует определенный континуум, на полюсах которого локализуются ее противоположные значения – минимальный и максимальный. Первый означает полную временную неупорядоченность – так сказать темпоральный хаос, а второй, напротив, воплощает в себе наиболее эффективную из известных форм организации – системную<sup>1</sup>. Это же относится

---

<sup>1</sup> Здесь мы затрагиваем достаточно дискуссионный вопрос о том, действительно ли системная форма организации является наиболее совершенной? Дело в том, что к настоящему времени складываются предпосылки для того, чтобы

и к понятию процесса как модуса темпоральной организации. В этом плане необходимо, конечно, отметить, что понятие процесса также характеризуется очень высокой степенью полисемичности и многозначности смысловых оттенков – степенью, вполне сопоставимой с той, которая характерна и для понятия функционирования. Процессом может обозначаться и неупорядоченное, неструктурированное на фазы и этапы, по существу – хаотическое, но развертывающееся во времени явление (это своего рода широкое значение данного понятия). Однако процессом может обозначаться и структурированное – организованное и упорядоченное протекание явления во времени (это более узкое, но одновременно и более строгое его значение). Внутри же данного континуума локализованы многочисленные промежуточные формы темпоральной организации. Для их обозначения в настоящее время сложился целый ряд понятий: в частности, такие понятия как временная форма, темпоральная структура и др. Они и должны составлять предмет рассмотрения при раскрытии особенностей темпоральной организации. Вместе с тем, следует учитывать и одно из наиболее важных методологических правил, согласно которому, познание высшего – ключ к раскрытию низшего, но не наоборот, что предписывает постановку в центр анализа именно понятия темпоральной системности.

Итак, в максимально общем плане понятие функционирования конкретизирует по отношению к объекту категорию времени: функционирование – это и есть бытие объекта в его собственно временном «измерении». Функционирование есть конкретизация временной организации – того, как представлен объект во временном «измерении»; как он бытийствует – развертывается во времени. Очевидно, однако, что и у самой временной организации также существуют множественные и, по-видимому, достаточно сложные закономерности. Они, вероятно, дифференцируются на закономерности общего плана, присущие временной организации как таковой, а также на более специфические закономерности, обусловленные качественным своеобразием тех или иных конкретных систем, подлежащих такой

---

несколько изменить это традиционное мнение, поскольку существуют и иные – так называемые постсистемные типы организации – в частности, организация по типу системного комплекса.

организации. В связи с этим, по отношению к рассматриваемым здесь вопросам необходимо привлечь сформулированные нами в работах [254, 258] представления о временной системности, а также о существовании специфического класса систем – собственно темпорального (а не субстанционального) типа. Следовательно, одним из основных и наиболее общих планов функционального анализа деятельности должна стать реализация по отношению к ней наиболее общего смысла понятия функционирования – как бытия во времени. Это означает, что к ее изучению должны быть привлечены понятия временной системности и временных (темпоральных) систем.

Еще один основной модус категории функционирования носит несколько менее общий характер, чем предыдущий, но все же является также весьма обобщенным. Им, как известно, является конкретизация категории функционирования до понятия процесса, взятого в его строгом и непосредственном смысле – именно как временной организации явления, как его упорядоченного во времени развертывания. Функционирование всегда представлено в процессуальной форме, а сама она является конкретной временной «разверткой» функционирования объекта. Категория функционирования и понятие процесса, фактически, взаимополагаемы и взаимообусловлены. В этом плане со всей определенностью необходимо подчеркнуть следующее важнейшее обстоятельство. Дело в том, что взаимополагаемость общей категории функционирования и понятия процесса, по существу, является фундаментальной, прежде всего, именно для психологии и проявляется в целом ряде основных – рассмотренных в главе 3 модусов психического.

В связи с понятиями временной, темпоральной (диахронической) системности и тем более – темпоральных систем возникает, однако, очень острый – наиболее принципиальный и общий вопрос о том, существуют ли они вообще и является ли обоснованной сама их дифференциация? Несмотря на сложность и трудноразрешимость данного вопроса, его все же нельзя замалчивать, поскольку отсутствие ответа на него – хотя бы в первом приближении не только в существенной степени препятствует продуктивной разработке проблемы субъективного времени, но и во многом блокирует ее. Предпринимая попытку ответа на него и отчетливо осознавая всю сложность данного вопроса, равно как и предварительный характер самого предлагаемого варианта его решения, не только допускающе-

го, но и требующего возможность уточнения, а также существование альтернативных точек зрения, отметим следующие обстоятельства, содействующие этому решению. По-видимому, в самом общем и принципиальном плане ответ на вопрос о том, существует ли временная системность и временные системы должен быть таким же, как и ответ на вопрос о том, существует ли время как таковое? Объективно ли оно или выступает некоторой абстракцией – идеальной сущностью, вносимой субъектом в объективную реальность с целью приспособления к ней и функционирования в ней? Другими словами, на этот вопрос полностью переносится наиболее общая и традиционная для понимания категории времени проблема его существования как такового. В главе 1 уже отмечалось, что точки зрения на нее весьма разнообразны и все они объединяются в две основные группы теорий – объективистские и релятивистские. Поэтому и ответ на поставленный вопрос должен быть таким: временная системность и темпоральные системы существуют, но только в том смысле и в том плане, в каком существует само время. Их онтологический статус точно такой же, каков статус самого времени, который как раз и является очень специфическим – и труднопонижаемым и трудноуловимым, в чем состоит истинная загадка самого времени. Оно и объективно и субъективно, но не-объективно только и не-субъективно только, а в этом смысле и существует и не существует. Время – это такая реальность, которая лежит по ту сторону дихотомии объективного и субъективного, материального и идеального – за и вне ее, точнее – над ней. Онтологически, то есть в субстанциональном (вещном) отношении оно не представлено как некоторая объективная, точнее – внесубъективная реальность и в этом смысле не существует. Однако, в другом – уже не субстанциональном плане, а в плане того, как тот или иной материальный и потому – объективный «носитель» организован в процессе его бытия – как развернут в диахроническом плане, оно все же представляет, хотя и специфическую, но реальность. Оно объективно точно в такой же степени, в какой объективно само диахронического развертывание того или иного материального носителя, процесс этой диахронии. И в этом плане ключевым – так сказать опосредствующим понятием между объективным носителем диахронии и самой этой диахронией, то есть между объективной основой времени и самими, должно быть реализовано именно понятие процесса. Оно настолько же материально

и потому объективно, насколько и свободно от обязательной привязки к содержанию его материального носителя, так как фиксирует в себе не его содержание, а его организация – в данном случае диахроническую, представленную в феномене темпоральности.

Другими словами, именно процесс – это одновременно и то, что с несомненностью является субстанционально приуроченной и потому – материализованной, объективной сущностью, которая не подлежит сомнению в плане ее онтологичности. Однако, это и то, и то, что не является ей непосредственно, поскольку фиксирует не ее саму, а организацию ее бытия в диахроническом отношении. Именно у процесса, но, конечно, не у времени непосредственно существуют такие особенности и закономерности, которые как раз и выступают необходимыми основаниями для специфически диахронической организации. Она, в свою очередь, зафиксирована в понятии темпоральности – в том числе, и во временной организации, во временной системности. К числу таких особенностей относятся хорошо известные – причем, столь же субстанциональные, сколь и надпредметные, надобъектные (безразличные к материальному носителю) атрибуты, как следование, чередование, сменяемость, цикличность, повторяемость, синхрония, диахрония, временная нелокальность, последовательность. Все они не существуют вне того, что следует, синхронизируется, чередуется и т. д. Однако они и не сводятся к тому, что подлежит следованию, чередованию, синхронизации. В связи с этим, само понятие темпоральности фиксирует в себе не столько саму временную организацию некоторого субстанционального носителя непосредственно, сколько организацию процесса его диахронического развертывания. Темпоральность – атрибут процесса, а не представленной в нем субстанциональной основы его объективного носителя. И именно поэтому темпоральность (и временная системность, а также временные системы) обретают свой внутренне противоречивый двуединый статус. Они и существуют – но как некоторые вторичные, производные от организации, причем также специфической – диахронической; и не существуют в качестве онтологически представленных образований. Доступ к ним и их изучение возможны поэтому только опосредствованно – через исследование диахронической организации процессов, в которых и на основе которых сама темпоральность и порождается. Лишь небольшое преувеличение требуется для того, чтобы сказать, что

именно понятие процесса позволяет так сказать «материализовать» столь нематериальную сущность, как время; точнее – зафиксировать ту сущность, которая синтезирует в себе субстанциональность (материальность) и темпоральность (идеальность).

Вместе с тем, вследствие данного вывода возникает еще один – причем, даже более сложный вопрос, формулировка которого, на первый взгляд, представляется не вполне обычной и избыточной – даже излишней. Несмотря на то, что он носит не просто очень общий, а предельно общий и максимально абстрактный характер, его все же следует поставить и по возможности попытаться дать ответ на него. Действительно, если существуют некоторые атрибуты, эксплицирующие процессуальность как таковую [261], то должны существовать и причины, которые порождают эти атрибуты и, следовательно, саму процессуальность как специфически диахронический феномен. Почему, собственно говоря, реальность – и объективная и субъективная процессуальны, почему именно диахрония, а не синхрония, является первичной и исходной формой бытия как такового? Почему они так сказать несимультанны – не мгновенны, а сукцессивны – протяжены и темпорально нелокальны? Здесь вновь вспоминается выражение: движение (то есть, фактически, процессуальность, диахрония) абсолютно и, добавим – первично, исходно; покой же (то есть синхрония и статика) относителен и, добавим – вторичен, условен. Почему возникает то, что обозначается, хотя и не строгими, но очень емкими понятиями – дление, длящестъ, поток, а в самом простом виде – течение.

По нашему мнению, возможный вариант ответа на эти вопросы должен обладать такой же степенью обобщенности, как и сами они, а его сущность состоит в следующем. Бытие – онтология любого материального объекта с необходимостью предполагает существование определенной совокупности взаимодействий, развертывающихся как внутри него – в пределах его собственной структуры и организации, так и вовне – с иными объектами. Эти взаимодействия совершенно объективны и, в силу этого, характеризуются первичностью, онтологическим статусом. Наряду с этим, критически значимо то, что любые взаимодействия имеют две стороны, два модуса – не только процессуальной, но и результативной. Иными словами, в итоге любых взаимодействий возникает определенный результат, который отсутствовал исходно – до процесса взаимодействия и в нем самом, но он возникает

после него. Однако сам этот вновь возникающий и также вполне материальный, онтологически представленный результат также подлежит включению в общую совокупность взаимодействий, но уже в статусе исходных посылок, в качестве детерминант процесса, то есть в статусе содержательных факторов. Результат меняет свой исходный статус на процессуальный, он «погружается» в процесс, порождая затем новые результаты, которые, однако, ожидает та же участь – возникая как результаты, становиться затем частями процесса. И такая реверсия – перманентное обогащение процесса его промежуточными результатами составляет суть диахронии, точнее, она и порождает саму эту диахронию и даже является ей. Бытие не может быть темпорально локальным – мгновенным, постольку в каждый его момент еще отсутствует то, что и явится его содержанием, но после и на основе того содержания, которое представлен актуально. Содержание – субстанция порождает внутри себя те результаты, которых исходно не было в ее состоянии, но которые, возникнув, стали затем этим содержанием и вновь привели к возможности новых результатов. Взаимодействие – в его материальном воплощении это всегда «контакты» между тем, что актуально представлено; однако, суть дела в том и состоит, что они приводят к тому, чего еще не было представлено актуально, но что затем, возникнув, также должно быть вплетено в онтологию объекта. Это и происходит, порождая временную нелокальность, немгновенность – то, что образует течение – дление, протяженность, диахронию. Причем, это относится не только к сущностям объективной природы, но и к сущностям субъективным – психическим образованиям и структурам, феноменам и процессам. Дело в том, что, как это было показано выше, а также в главе 3, именно механизм перманентного «погружения» результата в процесс и, следовательно, их реверсия как раз и является очень общим по отношению к процессуальной организации психики. Он, собственно говоря, и составляет основу процессуальности как базовой формы ее существования.

Наконец, в свете предложенного варианта можно сформулировать и некоторые положения относительно еще одного и также значимого вопроса. Это вопрос о соотношении двух типов системности – субстанциональной и темпоральной. В общем плане он состоит в том, что вторая не только производна от первой, но и является, фактически, ее следствием и проявлением – продуктом и результатом.

Она – суть форма и следствие процессуальной организации самой субстанциональной основы в ее диахроническом развертывании. Однако, результаты самой этой диахронической организации, то есть, фактически, именно темпоральной, сами становятся затем содержательными факторами организации субстанциональной основы и тем самым начинают участвовать в ней, то есть трансформируются в субстанциональную системность. Эта обратимость – реверсия двух типов системности, собственно говоря, и составляет процесс бытия как таковой. Очень важно и то, что уже сам феномен (и механизм) обратимости, который, кстати говоря, максимально выражен именно по отношению к психическим явлениям, атрибутивно темпорален; он содержит в себе основу времени как такового, поскольку обратимость – это всегда переход одного в другое. Переход же – это, прежде всего, *ход*, а он всегда есть нечто немгновенное, протяженное, образующее континуум и, следовательно, «ось времени».

## 4.2. Архитектоника временной системности

Зафиксировав эти методологические положения, возвратимся теперь к основной задаче данной главы, состоящей в необходимости реализации функционального аспекта организации субъективного времени как одного из базовых в комплексной стратегии его изучения в целом. В более конкретном плане основной из возникающих при этом вопросов состоит, напомним, в том, могут ли быть реализованы понятия системности и системы по отношению к временной – темпоральной организации. В самом общем виде ответ на него, как следует из этих материалов, состоит в том, что – да, могут, но с учетом явной и яркой специфичности самого времени. Эта специфика заключается в том, что оно, существуя с несомненностью в качестве *субъективной* реальности и, соответственно, категории, тем не менее, сопровождается перманентными дискуссиями относительно *объективности* его существования. Поэтому и временные системы, равно как и временная системность существуют именно в том плане и в том модусе, в каком существует само время, а на вопрос об их существовании транспонируется, фактически, вся сложность и головоломная запутанность исходного вопроса о существовании времени как такового. Вместе с тем, проведенный анализ показал, что существует

и такое понятие, которое все же позволяет в существенной степени конкретизировать и наполнить реальным смыслом два этих базовых типа системности. Оно является переходным и потому – связующим между двумя категориями носителей самой системности как формы организации – субстанциональными (содержательными) и темпоральными (временными); это – понятие *процесса*. Оно в такой же степени приурочено к своему субстанциональному носителю и в такой же степени выступает формой организации его содержания, в какой воплощает в себе его собственно временную развертку – течение, ход, то есть саму темпоральность. И, если традиционно используемое понятие субстанциональной системности соотносится именно с содержанием процесса, а ее субстратом как раз и является это содержание, то понятие темпоральной системности соотносится с его диахроническим развертыванием, с его организацией во времени. Поэтому и субстратом темпоральной системности выступает также процесс, но не в его содержательном плане, а в плане его временной организации. Если субстанциональная системность отображает организацию содержания, то темпоральная системность отображает организацию процесса, а сам он и является основой для временной системности. Понятно, что такой – специфический носитель системности существенно более сложен для изучения и понимания, чем, собственно говоря, обусловлена его меньшая эксплицированность и представленность в качестве предмета психологического исследования.

Важная и во многом определяющая роль понятия процесса для раскрытия природы темпоральных систем и временной системности связана с еще одним существенным обстоятельством, заключающимся в следующем. С одной стороны, с этих позиций вполне очевидно, что материалом, подлежащим организации и являющимся основой для темпоральных систем, выступает именно процесс, организация как таковая, в известной мере экстрагированная от непосредственной приуроченности к содержанию субстанционального носителя. С другой стороны, не менее очевидно, что такая – процессуальная организация, равно как и любая иная, в том числе – и материальная, может быть представлена с существенно *разной* степенью, с разной мерой совершенства и эффективности. Не только формы, но и степень достигаемой временной организации самой процессуальности, как отмечалось выше, могут очень существенно отличаться

друг от друга, варьируя от практически полной темпоральной неупорядоченности до максимально совершенной организации, которая и зафиксирована в понятии системности в его узком значении. Отсюда, однако, с очевидностью следует, что необходимо дифференцировать два близких и обычно используемых как взаимополагаемые, даже синонимичные понятия – временной *системы* и временной *системности*. Нечто – та или иная сущность может в той или иной мере – с разной степенью полноты воплощать в себе особенности и закономерности, принципы и средства системной организации, но не являться системой, включающей в себя все ее атрибуты. Однако, если они все же воплощаются в достаточной мере, то можно говорить не только о системности организации, но и о системе как таковой. Точно так же обстоит дело и с одним из типов системности – темпоральной. Она также может воплощаться в том или ином процесс с разной степенью, в различной мере и в зависимости от этого сам процесс в большей или меньшей мере приближается к статусу темпоральной системы. Следовательно, процесс в его широком значении это лишь предпосылка и основа – потенция для складывания временных систем, но еще не сама временная система. Он тем в большей мере трансформируется в нее, чем в большей степени в нем воплощаются черты временной системности – ее принципы и средства, феномены и механизмы. Поэтому для того, чтобы конструктивно и содержательно раскрыть саму темпоральную системность, следует установить, *что именно* выступает в качестве таких специфически темпоральных средств и механизмов ее обеспечения, которая, в свою очередь, усложняясь, может приводить и к формированию временных систем.

Показательно, что при такой конкретизации исходной проблемы она получает достаточно естественное решение, реализующее те представления, которые были сформулированы выше. Действительно, с их позиций становится ясным, что сама бинарная дихотомия процессуальных сущностей – их строгая дизъюнкция на темпоральные системы и не-системы неправомерна. Вопрос о наличии у того или иного процесса статуса системного образования не может решаться по принципу «все или ничего» – либо да, либо нет. Дело в том, что переход от не-системности к системности вовсе не дискретен, а континуален, а сам ее носитель может в разной степени воплощать ее, приближаясь к статусу собственно системного образо-

вания. Это приближение как раз и достигается за счет того, что в его организации все более полно воплощаются базовые атрибуты самой системной формы организации. Конечно, при этом возникает еще один важный вопрос – о составе и содержании самих этих атрибутов. И хотя пока в целом он не решен в приемлемой степени, все же основные из них достаточно полно эксплицированы<sup>2</sup>. В свою очередь, это ставит еще один вопрос – о том, в какой мере они транспонируемы с субстанциональной системности на темпоральную и достаточны ли они для ее характеристики? Возникают ли у нее некоторые дополнительные и присущие только ей – специфические атрибуты системной организации? Справедливо и обратное: о любой системе, в том числе, и темпоральной можно говорить только в том случае и с той степенью обоснованности, в какой в ее организации воплощены сами эти атрибуты. Следовательно, для обоснования самого понятия темпоральных систем необходимо выявить эти атрибуты, а затем – попытаться выяснить и то, насколько полно они воплощены в процессуальных средствах, лежащих в основе субъективного времени, равно как и в темпоральной организации психики в целом.

Наконец, подчеркнем еще одно обстоятельство, также выступающее следствием сформулированных выше представлений. Как известно, очень значимым вопросом, возникающим при исследовании любых образований системного типа, является вопрос о тех базовых компонентах, на основе которых они и складываются – о ее частях, «составляющих». Он нередко формулируется и как вопрос об основных *единицах* состава и содержания систем. Важность данного вопроса связана не только с тем, что он позволяет определить своего рода точку отсчета – отправной пункт в раскрытии состава и организации систем как таковых. Дело еще и в том, что на основе решения проблемы единиц системы ее содержание вообще обретает необходимую степень конкретизированности и, следовательно, операционализируемости. То, как будет понята единица системы, во многом определяет и то, как будет понято все ее содержание, поскольку сама единица как раз и фиксирует в себе это содержание, – пусть и в относительно простейшей форме. Единица – компонент системы обладает основным

---

<sup>2</sup> К ним относятся, в частности, атрибуты целостности, синергетичности, структурности, интегративности, эмерджентности, иерархичности, неаддитивности и др.

атрибутом, состоящим в том, что это такая часть целого, которая воплощает в себе основные особенности самого целого и является репрезентативной в плане всего содержания целого. В связи с этим, однако, возникает необходимость в выявлении того, как это происходит по отношению не к субстанциональной, а к темпоральной – процессуальной организации? Что может и должно выступать такой исходной единицей темпоральной организации? Организация чего – каких компонентов дает на выходе все большее приближение к воплощению в этой организации черт системности? Что выступает базовой единицей процессуальной организации и, следовательно, темпоральной системности? Где коренится зачаток процессуальности и темпоральности – где они так сказать возникают, «рождаются»? Благодаря чему и на основе чего порождается сама процессуальность (диахрония)? Что выступает основным фактором становления темпоральной системности?<sup>3</sup>

По нашему мнению, в целях ответа на эти вопросы необходимо привлечь два базовых и в принципе хорошо исследованных феномена, зафиксированных в проблеме времени в целом – феномены *синхронии* и *диахронии*. Дело в том, что объективным – необходимым условием самого времени является переход от первой ко второй, возникновение временной дискордантности как таковой. Дифференциация исходно синхронических сущностей и генерирование отношений диахронии – временной разделенности сущностей вообще лежит в основе базового атрибута времени – того, что обозначается как протяженность, дление, течение и, соответственно, образует темпоральный континуум – «ось времени». Только там и только тогда, когда синхрония трансформируется в диахронию, само время и возникает как координата реальности, – как ее измерение, атрибут. Однако в таком случае встает следующий вопрос: к чему приводит и в чем проявляется – в самом общем и элементарном выражении – этот переход?

Ответ на него, однако, достаточно очевиден – в самом переходе, то есть в таком типе отношений, которые обозначаются как *отношения следования*. Именно они составляют исходный и отправной, а потому – базовый компонент времени и временной организации, основную

---

<sup>3</sup> Напомним, что сходные вопросы уже рассматривались выше – в главе 3, в связи с чем результаты этого рассмотрения будут использованы и в представленном здесь анализе.

единицу темпоральности. Причем, она является столь же временной – не приуроченной непосредственно к какому-либо содержанию, безразличной к своей наполненности, сколь и наполненной им; следование – это всегда следование чего-либо за чем-либо; «чистого» следования быть не может. Наконец, отсюда вытекает и еще одно предположение, которое уже непосредственно должно составить основной предмет рассмотрения в представленных ниже материалах. Процесс в качестве формы собственно темпоральной организации, точнее – ее субстанциональная основа может быть, как отмечалось выше, организован, во временном плане с разной степенью совершенства. Это означает, что в нем с разной мерой полноты могут воплощаться основные особенности и закономерности собственно системной организации – атрибуты системности. Следовательно, процесс, воплощая эти атрибуты, вовсе не обязательно всегда выступает системой временного типа в ее полном виде, но может воплощать в себе лишь те или иные черты временной системности. Процесс в зависимости от степени полноты воплощения в нем временной системности, в большей или меньшей мере приближается к статусу временной системы. В связи с этим, можно предположить, что сама степень полноты такого воплощения – достигаемые ее *уровни* могут быть поняты и как уровни самой темпоральной системности. Обретение процессом этих атрибутов – все более полное их воплощение в нем – так сказать ступени этого воплощения означают и обретение самим процессом все более высоких уровней темпоральной организации. Следовательно, на основе этого возникает задача раскрытия того, каким образом и в каких формах, а также на каких уровнях это реализуется? В еще более общем виде она формулируется и как задача выявления в темпоральной организации в целом не только различных форм и уровней временной организации, но и иных – основных атрибутов системной формы организации – принципов и механизмов, средств и феноменов. Поэтому, к ее рассмотрению теперь необходимо перейти.

В целях решения сформулированной задачи представляется целесообразным вновь обратиться к понятию следования как кандидату на статус базовой единицы темпоральной организации и темпоральной системности. Переходя к рассмотрению данной задачи, необходимо также предварительно зафиксировать ряд положений теоретико-методологического характера. Прежде всего, как можно видеть

из результатов проведенного выше анализа, сам по себе тезис о существовании систем специфического типа – временных, темпоральных является достаточно обоснованным в теоретическом плане. Кроме того, он не только вполне закономерен с точки зрения общей логики развития системных представлений, но и, фактически, является их естественным расширением и углублением. Вместе с тем, вполне естественно, что он приводит к постановке целого ряда новых и еще более сложных теоретических проблем, в том числе – и принципиального плана. Их общий смысл заключается в следующем. Может ли быть вообще распространен сам феномен системности и системная форма организации на столь *кардинально* отличающуюся от традиционных – *материальных*, точнее – субстанциональных систем сущность, каковой выступает *время*? Если нет, то почему, а, если да, то как именно? В чем заключается природа и, возможно, очень выраженная специфичность систем временного, темпорального типов? Существуют ли, и, если да, то какие именно общие и специфические особенности систем двух принципиально разных типов – субстанциональных и темпоральных? Как специфицируются по отношению ко вторым наиболее важные категории закономерностей системной организации – структурные, функциональные и генетические? Каким образом, в частности, реализуются во временных системах базовые принципы структурной организации систем в целом – иерархический и гетерархический принципы? Как эксплицируется по отношению к временным системам еще одна базовая пара категорий – целого и части? Как представлен феномен целостности по отношению к ним и что следует рассматривать в качестве эквивалента понятию «часть» для этих систем?

Спектр этих и подобных им по смыслу и значимости вопросов очень широк, а их анализ *в целом*, разумеется, выходит далеко за пределы данной работы<sup>4</sup>. Вместе с тем, среди них представлен и такой,

---

<sup>4</sup> Более того, они носят настолько общий характер, что, казалось бы, не вполне соответствуют основным задачам данной работы характер. Вместе с тем, это не совсем так, поскольку без предварительного решения их именно как *общих* (разумеется, лишь в определенном приближении), не только крайне затруднительно, но и вообще – практически невозможно конструктивное решение и любых более *частных* – специальных проблем, в том числе – и проблемы функциональной организации субъективного времени. Данное положение будет конкретизировано ниже; пока же зафиксируем его как исходное.

который характеризуется объективно наибольшей значимостью. Кроме того, он является и исходным – первичным в гносеологическом плане, поскольку многие иные вопросы, связанные с природой временной организации в значительной мере производны от него. Это, разумеется, вопрос об «организации *самой* временной организации», то есть о том, как она сама построена и может ли быть по отношению к ней реализовано понятие структуры как таковое?

Предпринимая попытку рассмотрения данного вопроса, приходится, к сожалению, учитывать два обстоятельства принципиального плана, затрудняющих его изучение. Прежде всего, это, конечно, крайне слабая степень его изученности; фактически, – отсутствие специального внимания к нему и, соответственно, чрезвычайно малый объем конкретных данных и, тем более, эмпирических результатов. Кроме того, при обращении к нему приходится по необходимости иметь дело не только, так сказать, с практически «полностью неизвестным», но и вторгаться в область достаточно необычных – даже по самой постановке проблем. Действительно, как вообще можно говорить о структуре такой не-материальной субстанции, как время? До сих пор, согласно устойчивой (и, добавим, – весьма консервативной) трактовке, понятие структуры достаточно жестко ассоциируется и даже так сказать «привязывается» к понятию именно *материального* носителя. Структурность и субстанциональность вообще во многом рассматриваются как взаимополгаемые понятия. В связи с этим, и возникает вопрос – как вообще можно говорить о какой-либо *временной структурности*, о «временной целостности»? В чем конкретно эта целостность проявляется, а главное, – чем она *является* и каковы ее эмпирико-феноменологические референты? Наконец, это наиболее общий и принципиальный вопрос о том, может ли быть *вообще* и, если да, то как *конкретно* эксплицировано само понятие организации по отношению к параметру времени, а понятие *структуры* – по отношению к подчеркнуто аструктурным (то есть не статическим, а динамическим, то есть процессуальным) сущностям – временным<sup>5</sup>?

---

<sup>5</sup> Подчеркнем, что, в силу всех изложенных выше обстоятельств, представленный далее вариант решения указанных вопросов носит по необходимости *предварительный* характер; он не претендует ни на завершенность, ни на единственность и безальтернативность.

По нашему мнению, в целях их решения необходимо привлечь одно из наиболее важных положений методологического плана. Оно заключается в том, что системная форма организации как таковая характеризуется *общностью* ее базовых закономерностей, принципов и механизмов. Они, с одной стороны, *инвариантно* воспроизводятся во всех основных типах и классах систем, но с другой, – *специфицируются* в каждом из них. Важнейшей из такого рода инвариантных закономерностей является то, что организация систем в их главном и определяющем аспекте структурном базируется на основном принципе – *уровневом*. Она осуществляется на основе *общесистемного инварианта* ряда основных структурных уровней. Универсальность – очень высокая степень обобщенности данной закономерности (ее, фактически, всеобщий характер), в свою очередь, обусловлена тем, что она базируется на таком объективном критерии, который носит именно общесистемный характер. Он был обозначен нами как общесистемный *критерий-дискриминатор* уровней организации и подробно охарактеризован в параграфе 2.2.2. Данный критерий имеет, как было показано там же, *предметно-неспецифический* – так сказать, содержательно нейтральный характер, поскольку он не зависит от содержания конкретных систем.

Наряду с этим он является и *типологически-неспецифическим*. Это означает, что он адекватен не только какому-либо *одному* типу систем, или даже – нескольким типам, а *всем* типологическим проявлениям системной формы организации (конечно, тем, которые известны в настоящее время). Другими словами, он релевантен этой форме *как таковой* – в целом, а не только ее частным случаям, то есть отдельным типам и классам, видам и формам. Данное обстоятельство, в свою очередь, обусловлено его производностью от *атрибутивных* особенностей самой этой формы. Эти особенности – именно как атрибутивные сохраняются в *любоых* вариантах данной формы. Следовательно, есть все основания предполагать, что он будет релевантен и такому – повторяем, предельно качественно специфическому классу систем, каковым выступают системы временного, собственно диахронического типа.

В наиболее общем виде данный критерий включает *пять* базовых значений и, соответственно, требует дифференциации в общем составе систем пяти базовых макроуровней. Они, а соответственно, – сами дифференцируемые на их основе уровни обозначаются поняти-

ями *элементного, компонентного, субсистемного, общесистемного и метасистемного* уровней. Напомним, что с этих позиций любая достаточно сложная целостность представляет собой организацию ряда подсистем различного ранга (и, соответственно, различной сложности), обладающих собственными качественными характеристиками. Эти подсистемы и выступают интегративными уровнями ее организации. Согласно общему решению данной проблемы, в структуре сложного целого (явления, процесса) необходимо дифференцировать, как минимум, следующие интегративные уровни. Во-первых, уровень *целостности*, на котором явление, процесс представлены во всей полноте состава, структуры и качественных характеристик. Это – собственно системный, или *общесистемный* уровень. Во-вторых, уровень отдельных *подсистем*, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональные органы» системы) и имеющих собственное достаточно сложное строение. Это – *субсистемный* уровень. Он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы. В-третьих, уровень структурных *компонентов* как базовых единиц целого. Наряду с этим, следует учитывать, что в психологии (в силу предельной сложности предмета изучения) он специфичен и дифференцируется на два качественно специфических по своим характеристикам уровня – собственно компонентный и *элементный*. Под компонентом понимается такое простейшее образование, которое еще обладает качественной специфичностью целого. Под элементами понимаются те структурные составляющие, из которых образованы компоненты, но которые уже утрачивают качественную определенность целого (хотя и являются его онтологически необходимыми составляющими). Наконец, с позиций общего решения проблемы иерархии уровней необходимо учитывать и то, что любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей *метасистемы*. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» бытие [311]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации.

Более того, – и это главное для систем, являющихся предметом собственно психологического познания, – метасистемный уровень, как было показано выше, может быть функционально включен – «встроен» в их структурно-уровневую организацию, включен в их состав и содержание. Следовательно, собственная структура этих систем, иерархия их основных уровней обязательно предполагает необходимость дифференциации этого уровня как самостоятельного, качественно специфического, несводимого к иным уровням и тем более – лишь к эффектам взаимодействия системы с метасистемами, в которые она онтологически включена. Пять указанных уровней (элементный, компонентный, субсистемный, системный, метасистемный) носят, таким образом, общий характер и именно на них целостность обладает наиболее различающимися качественными «измерениями». В соответствии с содержанием данного критерия можно предложить вполне определенный и достаточно обоснованный, на наш взгляд, вариант решения вопроса о закономерностях структурной организации систем временного – темпорального типа.

Однако, прежде чем дать его характеристику и *для того*, чтобы она была более обоснованной и ясной, необходимо – хотя бы кратко остановиться на еще одном, так сказать, вспомогательном вопросе. Он связан со сложившимися в настоящее время и не всегда позитивными традициями анализа структурного и, соответственно, приводит и к трудностям решения рассматриваемой здесь проблемы. Действительно, согласно традиционным представлениям, вопрос о структуре чего-либо – это, в конечном счете, и в наиболее простом виде всегда вопрос о том, как *целое* структурируется из *частей*, как компоненты системы организованы в ней. Само по себе это утверждение, хотя и носит предельно общий характер, является, безусловно, верным. Негативным является лишь то, что и само оно в целом, а также понятия системы и компонентов, в частности, автоматически ассоциируются с анализом, проводимом лишь так сказать в морфологической – материализованной плоскости, то есть по отношению к тем или иным именно *субстанциональным* сущностям.

Вместе с тем, не подлежит сомнению, что *любая* сущность (а не только субстанциональная и – тем более, морфологическая) в принципе также допускает свою декомпозицию – ее расчленение на отдельные «составляющие». Это проявляется, в частности, и в от-

ношении принципиальной декомпозиции – квантификации временного континуума, то есть в возможности декомпозиции на компоненты также и систем временного типа. Более того, не только в научном, но и в обыденном познании, и в повседневной жизни сложился, а в естественном языке – закрепился целый ряд слов и понятий, в которых происходит такое «квантование», то есть закономерное структурирование временного континуума. Это, разумеется, все так называемые единицы измерения времени. Тем самым, казалось бы, исходная задача – задача поиска структурной единицы временных систем решается. Однако, это, к сожалению, – иллюзия, поскольку данное решение носит предельно – максимально возможный по степени обобщенности характер и, главное, оно *неспецифично* содержанию тех или иных конкретных временных систем.

В связи с этим, возникает необходимость поиска и установления своего рода «промежуточного» понятия. Оно, с одной стороны, должно обладать достаточно высокой степенью обобщенности и быть применимым по отношению к широкому классу временных систем. Однако, с другой стороны, оно должно допускать возможность его конкретизации – его так сказать свою «предметную наполняемость»: оно должно насыщаться специфическим для каждой конкретной системы предметным содержанием. И, безусловно, такое понятие, точнее – целый комплекс такого рода понятий, включающий ряд сходных в функциональном отношении терминов, не только дифференцируется с достаточно высокой степенью отчетливости, но и является общепризнанным для характеристики временного «измерения» систем. Главными из них являются, как известно, понятия этапов, стадий, фаз, интервалов и т. д. развертывания того или иного процесса. Это и есть средства «квантования» временного континуума в целом и временного развертывания процессов, в частности.

Кроме того, все эти понятия, будучи, разумеется, *необходимыми* для характеристики временной организации систем, все же являются еще *недостаточными* для этого. Дело в том, что сама по себе временная организация, эксплицируемая через совокупность тех или иных этапов (через этапность их развертывания), фиксирует лишь конечный эффект, *результативное* проявление той или иной организации, в данном случае – временной. Однако, содержание этой организации – в ее собственно *процессуальном* выражении, а также в плане реализу-

юющих ее средств остается скрытой. Вместе с тем, именно эта организация и лежит *в основе* эксплицированной – внешне представленной этапности и *проявляется* в ней. Она, однако, ей *не является*, а напротив, должна быть через нее обнаружена. Тем самым, все указанные понятия, а также временная организация, эксплицируемая через них, соотносится с *уровнем явления* – с феноменологическим уровнем, но не с *уровнем сущности*, на котором находятся причины – детерминанты временной организации как таковой. Следовательно, опора только на эти понятия не приводит к решению исходной задачи, хотя и способствуют ему. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в форме «последовательности этапов» представлена не только лишь *феноменологическая* картина временной организации того или иного процесса, но и его, фактически, *агрегативная* характеристика.

Действительно, отдельные этапы *сами по себе* (по определению) *рядоположены* друг другу во времени, а все их временное множество дает лишь *агрегативное* объединение – «сумму их содержаний», но не выявляет эффекты их организации. В силу этого, отдельные этапы (фазы, стадии) сами по себе не могут выступать в качестве искомым единиц, позволяющих установить качественно различные уровни и формы временной организации, хотя, повторяем, и необходимы для этого. По нашему мнению, качественные – то есть глубокие и принципиальные различия в формах, а соответственно, и в закономерностях и механизмах временной организации (и, в конечном итоге, в структуре временной системности в целом) могут быть установлены лишь принципиально иным путем. Их надо искать не внутри той или иной единицы, а именно в их *соотношениях*; в тех – возможно, принципиально различных вариантах этих отношений, которые и характеризуют временную организацию, ее структуру и различия в ней. Истинная специфика временных единиц заключается в том, что они не могут быть соотнесены не только с морфологическими образованиями, но и вообще – ни с какими-либо явлениями, аспектами и пр., взятыми «в отдельности» друг от друга, вне соотношений между ними – самими по себе. Причем, реальная сложность этих единиц заключается еще и в том, что *результативно* они могут принимать форму такого рода явлений – выступать как этапы, фазы. Однако, как мы уже отмечали, только этого недостаточно для экспликации истинного смысла и содержания каждой из них. Оно опре-

деляется не только, а зачастую даже и не столько самим их содержанием непосредственно, сколько тем, как именно они *соотносятся* со всеми иными этапами, как они вплетены в общую «временную сеть» (организацию) того или иного процесса.

Исходя из сказанного, можно сформулировать следующие представления относительно того, каким образом реализуется общесистемный критерий-дискриминатор уровней по отношению к временной организации систем и, соответственно, в их структурно-уровневой организации. По-видимому, качественно различные уровни, то есть, фактически, принципиально различные формы и способы временной организации определяются не специфичностью самих итоговых единиц такой организации – этапов, стадии и пр., а различиями тех *отношений*, которые складываются между ними. В конечном счете, сама временная организация и вообще – развертывание явления во времени (то есть процесс в строгом и непосредственном смысле) представляет собой совокупность, точнее – систему отношений между всеми распределенными во времени его частными проявлениями, так сказать – парциальными актами его бытия. Поэтому и общий подход к определению критерия дифференциации временных систем на уровни их организации, а также его смысл и содержание в принципе не могут быть ни «морфологическими», ни субстанциональными, то есть направленным на выделение тех или иных единиц (и их соорганизацию). Такой критерий может быть лишь *принципиально релятивистским*. Сами же уровни временной организации должны быть производными от качественных *различий в отношениях*, которые в принципе могут устанавливаться и существовать между «временными частями» того или иного процесса. Причем, речь идет о дифференциации временных систем именно на *уровни*, то есть на *принципиально, качественно* различные формы и способы организации. Следовательно, необходимо выявление и интерпретация аналогичных, то есть именно *качественных* – принципиальных различий между такими отношениями. Кроме того, если справедливо сформулированное выше положение об универсальном характере общесистемного критерия-дискриминатора уровневой дифференциации, то различия в формах временных отношений и сами эти формы должны естественным образом соответствовать основным – базовым значениям данного критерия. Другими словами, та *качественная*

*определенность*, которая зафиксирована в каждом из этих значений, должна соответствовать какому-либо конкретному – основному *уровню* временной организации систем. При такой формулировке исходная задача, заключающаяся в попытке раскрытия структурной, точнее – структурно-уровневой организации систем временного типа, становится уже более доступной для решения.

Действительно, с этих позиций открывается возможность для того, чтобы предложить конкретный по содержанию, хотя и общий по смыслу вариант решения данной проблемы. Ключевым – критически значимым условием этого является необходимость реализации общесистемного критерия-дискриминатора уровневой дифференциации и, соответственно, выделение таких форм временной организации, которые изоморфны его основным значениям. Качественная определенность каждой из этих форм должна, согласно данному подходу, быть идентичной тому или иному – основному значению данного критерия (напомним, такими значениями являются элементное, компонентное, субсистемное, общесистемное и метасистемное значения).

Переходя к решению данной задачи, представляется целесообразным начать дискриминацию уровней – как этого и требует методология системного подхода в целом и структурно-уровневого подхода, в особенности, с попытки выявления того уровня, который соотносится с *компонентным* значением данного критерия. Напомним, что оно сопряжено с такой единицей системы в целом, характеризуется основными чертами ее качественной определенности и несет на себе эту определенность.

Констатируя это, необходимо подчеркнуть, что именно такой качественной определенностью по отношению к параметру времени, безусловно, выступает сама *длительность*, протяженность как таковая. Вместе с тем, она объективно конституируется лишь в том случае, если у нее будут представлены те границы – те события, которые фиксируют ее начало и завершение. В этом плане сама по себе длительность, а соответственно, и протяженность как безусловные и важнейшие референты времени, с необходимостью предполагают *десинхронизированность*, как минимум, двух каких-либо событий – их временную *разнесенность*. Лишь при ее условии объективно возникает возможность самого феномена протяженности – *длительности* и, соответственно, возникновение качественной определенности временных систем как таковых.

Вместе с тем, такая разнесенность (десинхронизированность) должна быть представлена на этом – компонентном значении критерия-дискриминатора в относительно *простейшем* из всех возможных виде. Естественно, что именно таким видом десинхронизации являются отношения прямого, *непосредственного* следования двух каких-либо событий («В» *непосредственно* следует за «А»; «А» *непосредственно* предшествует «В»). В этом отношении, которое можно обозначить как «*отношение следования*» и сам параметр времени (как эквивалент протяженности, длительности), и степень сложности временной организации представлены, действительно, в простейшем из всех возможных виде. Однако они здесь *уже* представлены, то есть уже имеет место качественная определенность времени как такового; возникает и простейшая форма собственно временной организации. Это дает все необходимые основания для того, чтобы рассматривать данную форму временной организации (отношение следования) в качестве базовой единицы временной организации в целом.

Далее, следует специально подчеркнуть и то, что данное отношение соответствует компонентному значению именно в силу *двух* основных причин, которые, в свою очередь, являются конкретизацией двух базовых особенностей самих компонентов как таковых, указанных выше. Во-первых, в отношениях следования *уже* представлена качественная определенность всей системы в целом. Действительно, именно эти отношения и дают «на выходе», то есть *порождают* простейшее, но и важнейшее проявление времени – длительность, протяженность, так сказать, «дление». Во-вторых, эти же «отношения следования» являются и *простейшими* из всех возможных форм временной организации – упорядочивания тех или иных событий (актов бытия системы) вдоль «оси времени». Это означает, что в таких простейших отношениях *уже* представлен, хотя опять-таки и в «зачаточном» виде еще один базовый атрибут времени в целом и временной организации. Это – атрибут *последовательности*, который, однако, сопряжен и с иными временными атрибутами (однонаправленности времени, временной необратимости и др.). Отношения следования поэтому и дают последовательность как таковую.

Очень показательно, а в плане верификации предположения о дифференцированности временных систем на основе общесистемного критерия-дискриминатора – и доказательно, что именно это его

базовое значение (компонентное) содержит необходимые предпосылки для дальнейшей дифференциации уровней. Более того, два так сказать «соседних» – ближайших к нему значения (и, соответственно, – уровня) *непосредственно* выводятся из него путем его закономерных трансформаций; поясним сказанное. Так, ближайшим к нему так сказать снизу является, как известно, *элементное* значение критерия-дискриминатора и, соответственно, – элементный уровень организации систем. Под элементами, напомним, понимаются такие образования, из которых формируются компоненты, но которые уже утрачивает качественную определенность целого – системы. Они тем самым, будучи онтологически – объективно необходимы для организации системы, не несут на себе ее качественной определенности. По отношению к временной организации, к временным системам в целом и – по отношению к субъективной репрезентации времени, в особенности, данное значение также имеет свои несомненные референты.

В самом деле, временная протяженность, длительность становится все менее представленной в том случае и в прямой зависимости от того, в какой редуцируются сами «отношения следования». Ее ощущение – субъективная репрезентация редуцируется прямо пропорционально тому, как «отношения следования», являющиеся результатом *десинхронизированности* двух событий, трансформируются в принципиально иной тип временных отношений – *синхронизируются* и предстают как отношения синхронизированности» Синхронизированность двух элементарных событий, то есть их временной синтез вдет, фактически, к *деструкции* исходного компонента временной организации. Точнее говоря, она приводит к его трансформации в такую единицу временной организации, которая уже *утрачивает* ее качественную определенность (длительность, протяженность, последовательность). Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что синхронизированность («отношения синхронии») является *объективно необходимой* для временной организации. Дело в том, что десинхронизированность как, действительно, объективное условие этой организации возникает лишь в том случае, если «уже есть то, что может быть десинхронизировано».

Подчеркнем также, что на феномены (и механизмы) синхронизации и десинхронизации распространяются и наиболее общие – принципиальные отношения, которые существуют между компо-

нентами и элементами в целом и описаны в теории систем. Главными из них, как известно, являются отношения функциональной и генетической *обратимости* компонентов и элементов, согласно которым они не только могут трансформироваться – взаимопереходить друг в друга, но сами эти переходы во многом и определяют специфику межуровневых переходов в системах, их организацию в целом. В организации темпоральных систем такой переход между компонентами и элементами представлен в еще более явном виде, нежели по отношению к системам субстанционального типа. Он осуществляется посредством изменения меры выраженности «отношений следования», что и дает «на выходе» либо десинхронизацию (компонент временной системы), либо синхронизацию (элемент временной системы). В феномене синхронизованности (как *элемента* временной системы) происходит *деструкция* базового атрибута времени и временной организации. Однако это вовсе не означает, что элементы не обязательны для такой организации. Как раз напротив, они выступают *онтологической* базой для нее, поскольку сама десинхронизация обязательно «рождается» из чего-либо. Десинхронизация («отношения следования») как компонентное значение критерия-дискриминатора временных систем невозможна поэтому без и «вне» их предшествующей синхронизованности. Это положение, кстати говоря, очень хорошо согласуется с современной точкой зрения на природу *процессорной организации* как таковой, особенно явно представленной по отношению к психическим процессам. Дело в том, что любой сложноорганизованный процесс (то есть, другими словами, – временная система) строится в плане своего функционального генезиса не по типу *интеграции* какой-либо совокупности тех или иных этапов, которая *уже* дана до их организации. Как раз наоборот, он (в общем случае) строится по типу *дифференциации* исходной целостности лишь на те части – этапы, которые необходимы и *достаточны* для достижения цели процесса. Тем самым, исходная целостность, в которой доминируют, естественно, механизмы синхронизации, дифференцируется на временные «части», являющиеся следствием действия механизма десинхронизации.

Далее, столь же естественным, органичным и даже необходимым является трансформация компонентного значения критери-

я-дискриминатора в ближайшее к нему по сложности значение, но уже «сверху» – в *субсистемное*<sup>6</sup>. По отношению к временной организации и временным системам в целом данное значение критерия-дискриминатора конкретизируется следующим образом. Те «отношения следования», которые составляют суть компонентного значения и являются относительно простейшими из возможных, могут, разумеется, усложняться – причем, совершенно естественным, необходимым и понятным образом. Они могут трансформироваться из отношений *непосредственного* следования в отношения *опосредствованного* следования. В них, в отличие от предыдущих, какое-либо событие «В» уже не прямо – не *непосредственно* следует за событием «А», то есть локализуется на временной оси не *сразу* же за ним, а отделено от него какими-либо иными событиями. Такое временное *опосредствование* ведет, однако, к двум фундаментальным следствиям.

Во-первых, само по себе опосредствование, означая разнесенность событий вдоль «оси времени», порождает еще один важнейший атрибут времени (как объективного, так и субъективного). Это – его *дискретный, интервальный* характер. События, связанные друг с другом, не прямо, а опосредствованно, то есть события, не переходящие одно в другое непосредственно, с *необходимостью* порождают возникновение *интервала* между ними, что и дает «на выходе» указанное свойство. Вместе с тем, такая отсроченность – разнесенность не является чем-то исключительным. Как раз наоборот, она выступает объективным следствием и продуктом естественного усложнения *содержания* того или иного процесса.

Во-вторых, пожалуй, еще более важным в плане раскрытия *содержания* временной организации является то, что события, которые включаются между изначально непосредственно следующими друг за другом событиями, не только не являются в *содержатель-*

---

<sup>6</sup> Напомним, что суть данного значения и, соответственно, состоит в следующем. Данный уровень образован упорядоченной совокупностью отдельных *подсистем*, включенных в сложное целое, формирующихся для обеспечения различных ее функциональных проявлений («функциональных органов» системы) и имеющих собственное достаточно сложное – собственно системное строение, так как все они формируются как продукты закономерной интеграции множества компонентов. Кроме того, он принципиально гетерогенен, поскольку предполагает множество различных по сложности частных декомпозиций системы.

ном плане не связанными с ними, но, напротив, как правило, зависят от них. Более того, они, как правило, порождены ими, а нередко служат и *средством* перехода от одних событий к другим<sup>7</sup>. В силу этого, они оказываются атрибутивно связанными друг с другом – либо по структурному, либо по функциональному основанию. Тем самым, однако, достигается важный результат, придающий временной организации новые грани и обеспечивающий новые возможности и заключающийся в следующем. В *общей* временной организации дифференцируются не только ее отдельные *компоненты* (и элементы) – этапы, стадии, события, но и определенные *функциональные ансамбли* этих компонентов. Образуются «цепочки» событий – их относительно локальные временные комплексы, в пределах которых они теснейшим образом взаимосвязаны и взаимопереходят друг в друга. Это обеспечивается за счет того, что в их основе как раз и лежат «отношения следования», хотя, разумеется, и опосредствованного. Тем самым, представленные в компонентном значении критерия-дискриминатора отношения следования трансформируются в отношения опосредствования, что и дает в итоге феномен последовательности. Он, в свою очередь, образован многократно повторяющимися, но закономерно взаимосвязанными, отношениями следования. Внутри общего состава временных систем дифференцируются такие их «части», которые уже в принцип не могут быть соотнесены с отдельными компонентами (то есть «отношения следования»), поскольку представлены их множество, причем – множеством, также подвергнутым соорганизации. Тем самым, компоненты, фактически, синтезируют

---

<sup>7</sup> Классическим и наиболее явным примером этого является именно то, как организованы отдельные действия в структуре деятельности (к этому вопросу мы еще возвратимся ниже). Так, при усложнении условий деятельности возникает фундаментальный феномен, суть которого состоит в том, что исходная временная связь двух действий («А» и «В»), когда второе *непосредственно* следовало за первым («отношения следования») трансформируется в более сложную связь *опосредствованного* типа. Дело в том, что сам переход от «А» к «В», в силу изменения (усложнения) условий оказывается объективно возможным лишь тогда, когда *между* ними будут осуществлены дополнительные, вспомогательные действия. Причем, разумеется, все они должны быть сорганизованы друг с другом, образовывать комплексы – «цепочки», представляющие определенные комплексы действий – их подсистемы.

ются в комплексы, обладающие своей необходимой организацией и представляющие собой относительно целостные в функциональном плане образования. Они удовлетворяют поэтому всем основным параметрам именно *субсистемного* значения критерия-дискриминатора. Именно в них впервые со всей остротой встает задача временной организации – упорядочивания как такового. Феномен опосредствованности является объективной предпосылкой для подключения соответствующих – собственно организационных средств. Именно он приводит к необходимости упорядочивания этой опосредствованности – в частности, выстраивания элементарных событий (напримен, действий) вдоль «оси» времени.

Таким образом, можно видеть, что закономерное и вполне естественное усложнение исходных компонентов (отношений следования) с необходимостью приводит к порождению *нового* типа временных отношений – отношений опосредствования. Через них осуществляется становления «временных комплексов», образованных последовательностями взаимосвязанных событий<sup>8</sup>. Тем самым, однако, порождается необходимость в их временном структурировании, в их упорядочивании вдоль «оси времени», что и эквивалентно временной организации как таковой. Вместе с тем, эта организация направлена еще не на весь процесс в целом, то есть соотносится не с его *общей* организацией. Она по необходимости носит здесь еще *локальный* характер, так как направлена на упорядочивание лишь какой-либо части его временного содержания.

Далее, с позиций сформулированного подхода очень показательным и доказательным является то, что еще одно основное значение критерия-дискриминатора – собственно *системное* также очень органично и естественно воплощается в структурно-уровневой организации временных систем. С одной стороны, степень очевидности и мера

---

<sup>8</sup> В контексте данного вывода по-новому раскрывается известное понятие терблига. *Терблиг* – производное слово от фамилии авторов, предложившего его, супругов – Ф. и Л. Гилбрет (если читать его наоборот) [143]. Им обозначаются относительно самостоятельные, сорганизованные друг с другом *комплексы* отдельных действий (то есть их временные паттерны), направленные на решение тех или иных функциональных задач, которые, в свою очередь, определяются общими целями деятельности и ее содержанием, а также режимными условиями ее осуществления.

полноты такого соответствия является также относительно наибольшей. С другой стороны, и сам характер этого соответствия подобен тому, которой существует по отношению ко всем иным типам систем (прежде всего, классическим – субстанциональным). Действительно, не только хорошо известно, но и вообще – является одной из аксиом системного подхода, что именно по отношению к организации систем *в целом*, (то есть на общесистемном уровне организации) ее ведущим и определяющим началом – *системообразующим фактором* выступает цель той или иной системы. Вместе с тем, трудно не видеть того обстоятельства, что именно *это же* характерно (и вообще – атрибутивно присуще) и собственно временной организации как таковой. Более того, по отношению к ней данное положение представлено с еще большей степенью отчетливости, демонстративности и даже – очевидности. Это проявляется в двух основных планах, фиксирующих, соответственно, два основных механизма временной организации.

Во-первых, совершенно очевидно, что сложность тех отношений следования, которые составляют содержание компонентного уровня временной организации, может претерпевать и иные – дополнительные по отношению к уже рассмотренным типы трансформации. В самом деле, отношения прямого следования («В» следует сразу же за «А») могут трансформироваться не только по типу внесения в них опосредствования как такового («В», следуя за «А», опосредствуется еще и включением между ними «С», «D» и др.). Дело в том, что такого рода временные связи (и непосредственного и опосредствованного типов) могут устанавливаться не только между *локальными* компонентами процесса – его так сказать элементарными событиями, но и между каждым из них, с одной стороны, и *общей* целью всего процесса, с другой. Разумеется, все это может иметь место лишь в отношении тех процессов – тех временных сущностей, у которых, как минимум, есть такая цель.

Однако суть дела как раз и заключается в том, что о временных системах (в отличие от просто «развертывающихся во времени» явлений (то есть от временных не-систем) можно говорить лишь в том случае, если они имеют такую цель. Само ее наличие является, как известно, *главным* критерием для дифференциации систем любого типа и класса, в том числе, разумеется, – и временных. В силу этого, именно наличие у какого-либо развертывающегося во времени

явления цели (и, соответственно, его принадлежность к образованиям системного типа) – это, фактически, взаимополгаемые явления. Однако в таком случае появляются необходимые и *достаточные* основания для следующего – значимого в контексте рассматриваемых задач заключения. Еще один принципиально возможный и обладающей собственной качественной спецификой тип сложности отношений между временными «составляющими» – их прямые связи, но не *друг с другом*, а с конечной *целью* (как системообразующим фактором) является основанием для дифференциации нового уровня сложности самой временной организации. По своему содержанию и смыслу он очень естественным и органичным образом соответствует *общесистемному* значению критерия-дискриминатора. Дело в том, что именно цель, а также ее организующая роль по отношению ко *всей* совокупности «составляющих» системы как раз и выступает системообразующим фактором.

Во-вторых, именно на этом уровне (и по отношению к этому типу сложности отношений временных «составляющих» систем) имеет место один из наиболее фундаментальных и специфически временных феноменов. Он вообще во многом лежит в основе их существования и обычно обозначается как феномен *временной обратимости*, точнее – *инверсии*, а его суть состоит в следующем. По отношению к ряду наиболее сложноорганизованных процессов может трансформироваться сам тип их детерминации – *каузальная* детерминация меняется на *целевую*. Это означает, что именно цель вступает не только как конечный *результат*, но и как основной комплекс *детерминант* развертывания и, соответственно, – организации всего *процесса*, то есть, фактически, всего содержания организации временных систем. Следует специально подчеркнуть, что механизм *временной* инверсии, позволяя реализовывать цели ее *системообразующие* функции, является атрибутивно временным по своей природе. Это еще раз демонстрирует важность данного типа системности как такового, а также его связь с иными атрибутами и типами системности – в частности, с субстанциональной. Фактически, это означает также, что ни одна система, поскольку она невозможна без наличия цели в качестве ее системообразующего фактора, не может быть реализована и без воплощения в ней собственно временной системности. Эту же мысль можно сформулировать и несколько иначе. Цель является системообразующим фактором

и по отношению к обеспечению субстанциональных систем, и по отношению к обеспечению временных – темпоральных систем. Поэтому и сам феномен цели как системообразующего фактора интегрирует два основных типа системности<sup>9</sup>. Таким образом, можно заключить, что еще одно базовое значение критерия-дискриминатора (общесистемное) также находит свое естественное и органичное, полное и, фактически, исчерпывающее воплощение в особенностях собственно временной организации систем.

Наконец, обращаясь к последнему значению общесистемного критерия-дискриминатора – *метасистемному*, можно констатировать следующую ситуацию<sup>10</sup>. Все основные и наиболее специфические особенности данного значения с достаточно высокой степенью очевидности проявляются и в собственно временной организации. В качестве основного индикатора – эмпирического референта этого выступает следующая, хорошо известная и естественная с точки зрения общей организации систем закономерность. Согласно ей, те или иные временные «составляющие» системы (этапы и фазы, стадии и события и пр.) зависят не только, а зачастую – не столько от каких-либо других ее «составляющих» или даже – от ее общей цели, а от *внешних* по отношению к ней факторов и детерминант. Они, имея зачастую

---

<sup>9</sup> К данному – важному, на наш взгляд, обстоятельству, мы еще возвратимся в ходе последующего изложения (см. параграф 4.5.1).

<sup>10</sup> Напомним, что сущность данного значения определяется следующими обстоятельствами. Любая сложная целостность сама выступает как составляющая еще более широкой и общей *метасистемы*. В составе последней то или иное явление (процесс) вообще только и может существовать не как абстракция, а как онтологическое образование; оно, как уже отмечалось выше, приобретает свое конкретное – «внутрисистемное» бытие [311]. Во взаимодействии с метасистемой явление, процесс приобретают новые качественные характеристики, измерения и параметры, которые образуют в совокупности высший (метасистемный) уровень организации. Однако, для систем, являющихся предметом собственно психологического познания, – метасистемный уровень, как было показано выше, может быть функционально включен – «встроен» в их структурно-уровневую организацию, включен в их состав и содержание. Следовательно, собственная структура этих систем, иерархия их основных уровней обязательно предполагает необходимость дифференциации этого уровня как самостоятельного, качественно специфического, несводимого к иным уровням и тем более – лишь к эффектам взаимодействия системы с метасистемами, в которые она онтологически включена.

еще более сильный характер в плане временной организации систем, заложены, однако, не в них самих, а в содержании того – более широко и общего временного контекста, в который они объективно включены. Данное обстоятельство представляется настолько очевидным сколь и значимым, а соответственно, – имеющим многочисленные и хорошо известные эмпирические референты, что на нем, по-видимому, нет необходимости останавливаться более подробно<sup>11</sup>. Причем, очень важно, что эти исходно внешние детерминанты и факторы не просто оказывают влияние на ту или иную систему. Они, как было показано в параграфе 2.1.3., фактически, функционально *включаются*, «встраиваются» в ее собственное содержание<sup>12</sup>. Временные системы, равно как и субстанциональные, также строятся по типу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Это, собственно говоря, и достигается за счет вхождения в их собственное содержание исходно внешних по отношению к ним детерминант и факторов. Однако тем самым в их *собственном* составе и содержании оказывается воплощенным и еще одно основное значение критерия-дискриминатора – *метасистемное*.

Таким образом, можно видеть, что все пять основных значений общесистемного критерия-дискриминатора (метасистемное, системное, субсистемное, компонентное, элементное), действительно, очень полно, точно и органично – вообще совершенно *естественным* образом воплощены в закономерностях собственно временной организации систем. Они характеризуют принципиально – именно качественно различные типы сложности отношений следования их базовых временных «составляющих» и, соответственно, временной организации в целом. В результате этого в организации систем временного, *темпорального* типа реализуется то же самый – общесистемный инвариант базовых уровней систем как таковых, который лежит в основе общей организации систем и *субстанционального* типа. Он включает в себя пять основных макроуровней [252, 253]. На основании этого можно сделать заключение, согласно которому не только субстанцио-

---

<sup>11</sup> Фактически, любой сложноорганизованный процесс (то есть развертывание явления во времени) во многом и является таковым, то есть именно сложноорганизованным, что в нем всегда есть и то, чего в нем нет непосредственно.

<sup>12</sup> Кроме того, в параграфе 4.5.1. мы еще возвратимся к данному положению и покажем, как *конкретно* реализуется такое функциональное включение.

нальный, но и темпоральный – временной тип систем также построен на основе структурно-уровневого принципа и образует собой целостную иерархию ряда основных макроуровней. Вместе с тем, эти уровни образованы не субстанциональными – морфологическими и, тем более, – материальными единицами. Они вообще образованы не единицами как таковыми, а *отношениями* между ними. Дифференциация уровней темпоральных систем возможна лишь при условии осознания и учета того, что в основе их организации лежит *релятивистский* принцип. Это – принцип изменения степени сложности *отношений* между ее временными «составляющими», а не принцип изменения степени сложности самих этих «составляющих». Подчеркнем также, что предложенный выше вариант решения проблемы структурно-уровневой организации систем темпорального типа носит (и должен носить, исходя из общей постановки задачи) именно *обобщающий*, а потому – и в известной мере *формальный* характер. Он, естественно, должен быть впоследствии *конкретизирован* – наполнен конкретным содержанием. Это содержание, разумеется, непосредственно обусловлено психологической природой того феномена, который является основным предметом данной работы – субъективным временем и темпоральностью в целом<sup>13</sup>.

### 4.3. Временные системные качества

Выше были рассмотрены некоторые достаточно общие вопросы, связанные с особенностями организации систем качественно специфического типа – временных, темпоральных. Основным итогом тако-

---

<sup>13</sup> В этом плане необходимо отметить, что в настоящее время представлены и некоторые иные варианты решения проблемы дифференциации уровней темпоральной системности – в частности, в работе [90]. Более того, в ней, но уже в собственно философском плане – с позиций методологии «абсолютного релятивизма» предложен такой подход, который в ряде принципиальных моментов вполне созвучен развитым выше представлениям. На наш взгляд, это соответствие двух подходов – причем, разработанных не только совершенно независимо друг от друга, но и даже на разных уровнях исследования – психологическом, с одной стороны, и философском, с другой, должно рассматриваться как доказательство правомерности самой необходимости уровневой дифференциации по отношению к системам темпорального типа.

го рассмотрения явилось обоснование положения, согласно которому, во-первых, в их общей структурной организации, действительно, реализован базовый и общий для системной формы организации как таковой принцип – уровневый (точнее, структурно-уровневый). Во-вторых, в их структурной организации реализована еще одна – очень важная системная закономерность: эта организация воплощает в себе общесистемный критерий-дискриминатор основных макроуровней<sup>14</sup>. В-третьих, в наиболее общем плане все представленные материалы свидетельствуют, что в темпоральной организации, действительно, воплощены такая атрибутивная и критически значимая черта системной формы организации, как иерархичность – структурно-уровневое строение. Тем самым не только получает обоснование предположение о подчиненности темпоральной организации базовым закономерностям системной форме организации, но и выявляется глубинная общность этой организации по отношению к обоим основным типам систем – субстанциональным и темпоральным. Вместе с тем, только этими – хотя и важными, но все же не единственными чертами и особенностями системная форма организации не исчерпывается. Наряду с ними, данная форма характеризуется и наличием еще одной – пожалуй, даже более яркой и специфической особенности. Она состоит в том, что данной форме организации присущи свойства особого рода – интегративные по механизмам и синтетические по генезису, обозначаемые понятием *системных качеств*. Именно они нередко вообще служат критерием отнесения того или иного объекта к категории систем, то есть кладутся в основу самого определения систем. Следовательно, для того, чтобы по возможности более полно рассмотреть вопрос о существовании и специфике темпоральной системности и темпоральных систем, необходимо выяснить, существуют ли специфически *темпоральные системные качества*.

При рассмотрении данного вопроса, по нашему мнению, необходимо учитывать и еще одно не менее значимое положение, состоящее в следующем. Наиболее общие и фундаментальные закономер-

---

<sup>14</sup> Кроме того, необходимо еще раз отметить, что представленный выше вариант решения данной проблемы должен рассматриваться именно в качестве одного из возможных *вариантов*. Он не только не исключает иных способов, но и, по-видимому, может дополняться данными, полученными при их разработке.

ности организации системных объектов потому и являются общими, что характеризуются инвариантностью своего действия в основных планах, аспектах, в том числе – и в таких разных, как структурный, с одной стороны, и временной, с другой. В связи со сказанным, можно предположить, что для определения конкретных закономерностей и механизмов временной системности (как средства организации процесса осознания) не только могут, но и должны быть привлечены те представления, которые сложились к настоящему времени в методологии системного подхода по отношению к субстанциональной (синхронической) системности. Одно из главных среди них заключается, как известно, в том, что ключевую и определяющую роль в достижении оптимальной организационной структуры (и, что еще более значимо, – в увеличении функциональных и всех иных возможностей системы) играют *системные качества*, формирующиеся и развивающиеся в процессе функционирования той или иной целостности, а затем – организующие его. По самой своей природе системные качества представляют собой определенный «выход» за пределы простой суммы компонентов той или иной системы. Он достигается, однако, без нарушения ее онтологических границ, поскольку он и, соответственно, «прибавка» функциональных и всех иных возможностей обеспечивается за счет организации содержания системы, а не за счет подключения *новых ресурсов извне*.

Вместе с тем, приходится констатировать, что, к сожалению, до настоящего времени понятие системных качеств раскрыто и реализовано, в основном, преимущественно лишь к одному, хотя и очень важному, но все же не исчерпывающему всю организацию систем, аспекту – структурному, содержательному, то есть синхроническому. Более того, оно до сих пор остается недостаточно дифференцированным и потому – зачастую неопределенным и даже в чем-то «загадочным». Однако именно оно играет ключевую роль во всей методологии системности, поскольку лежит в основе механизмов и феноменов интеграции, организации, составляющих, как известно, суть системности как таковой и, соответственно, концептуальное ядро системного подхода в целом.

В связи со сказанным, есть основания предположить, что данное понятие может и должно быть реализовано по отношению к исследованию не только структурно-содержательной (синхронической),

но и временной (диахронической) системности. При этом по отношению к последней системные качества, по-видимому, выполняют ту же самую функциональную роль, что и по отношению к первой: они обеспечивают *расширение* функциональных возможностей систем за счет их организации, но уже не структурной, а временной (диахронической). В целях обоснования данного положения необходимо, однако, учитывать и еще одно обстоятельство. Оно заключается в том, что к настоящему времени само понятие системного качества, как отмечалось выше, не является пока строго определенным и концептуально оформленным. В силу этого, можно дифференцировать, как минимум, два значения данного понятия – узкое и широкое.

Первое – традиционное и исходное значение заключается в том, что под системными качествами понимаются такие свойства целостности, которые присущи только ей, но которые отсутствуют у каждого из ее элементов и даже у их аддитивной совокупности (простой суммы). Второе значение данного понятия, не отрицая, разумеется, первого, а включая его в свой состав, дает более общую трактовку системного качества. С его позиций первое значение фиксирует лишь *один* из множества типов системных качеств, а для дифференциации иных типов следует исходить из общей диалектики взаимодействия «частей и целого», закономерностей организации первых во втором. Так, в пользу этого свидетельствует, в частности, дифференциация еще одного типа системных качеств, зафиксированного в известном – фундаментальном феномене «удвоения качеств». Согласно ему, любой явление, включаясь в состав системы и сохраняя свою качественную *определенность*, обретает, вместе с тем, новые качественные особенности, связанные с возникновением у него качественной *специфики* под влиянием включенности в систему. Кроме того, как было показано в ряде исследований (например, в исследованиях Ф. Кликса [287]), системные качества могут формироваться не только вследствие интеграции частей в целостность, компонентов в систему, но и вследствие дифференциации исходной целостности на ее подсистемы и, далее, – на еще более локальные образования, в частности, на компоненты.

Переход от узкой трактовки понятия системного качества к широкой трактовке имеет двоякий смысл. Во-первых, он убедительно свидетельствует о том, что существует целая *совокупность* различ-

ных типов системных качеств, своего рода их «арсенал», благодаря которому система и становится таковой – обретает черты собственно системой организации. Во-вторых, несмотря на принципиальную гетерогенность системных качеств, у них сохраняется атрибутивная особенность: все они являются конкретными средствами, а в значительной степени – и механизмами расширения функциональных и всех иных возможностей системы, увеличения ее потенциала действия. Собственно говоря, в этом и состоит смысл системных качеств, а в более общем плане – и смысл системности как таковой.

По нашему мнению, понятие системных качеств, а также их атрибутивные особенности не только могут, но и должны быть реализованы по отношению к раскрытию закономерностей собственно временной организации; они в своей совокупности, по-видимому, и образуют временную системность как таковую. Функционирование систем, построенное на их основе, предстает как закономерно организованный процесс, то есть как временная система, как система диахронического типа. В связи с этим, возникает, однако, достаточно сложная проблема, находящаяся, к тому же, лишь на самых ранних стадиях разработки, – проблема выявления и интерпретации *основных видов системных качеств временного типа*.

Вместе с тем, несмотря на ее объективно высокую сложность и слабую изученность, по нашему мнению, уже сейчас можно сформулировать некоторые положения, содействующие ее решению. При этом, разумеется, необходимо придерживаться широкой трактовки понятия системных качеств, так как в рамках узкой трактовки данная проблема, фактически, даже не формулируется в явном виде. Кроме того, в целях дифференцированного анализа временных системных качеств и обнаружения их основных типов целесообразно прибегнуть к аналогии со структурным аспектом данной проблемы, которая, в действительности, как будет показано ниже, является не просто и не только аналогией. Если по отношению к нему проблема соотношения «частей и целого» конкретизируется именно в структурно-содержательном плане, то есть как проблема соотношения *компонентов и системы*, то по отношению к временному, функциональному аспекту она же конкретизируется до проблемы соотношения *этапов и процесса* в целом. Первые выступают при этом в качестве аналогов компонентов – единиц целого, а вто-

рой – в качестве аналога самого этого целого, то есть временной системы. При такой экспликации данной проблемы возможна, на наш взгляд, дифференциация, как минимум, следующих основных видов временных системных качеств<sup>15</sup>.

1. Первый тип временных системных качеств наиболее близок к традиционному – узкому значению данного понятия, а его суть заключается в том, что на уровне целостности, то есть процесса в целом, имеют место такие особенности и качественные характеристики, которые отсутствуют у каждого из отдельных этапов (частей) и их аддитивной совокупности – простой суммы. Организация, интеграция этапов (частей), которая и составляет сущность процесса как такового, обуславливает – в отличие от простой агрегации и рядоположенного суммирования, выход в новое качество, генерацию новых – системных качественных характеристик процесса в целом. Данный тип временных системных качеств можно обозначить как *интегральные системные качества*<sup>16</sup>.

2. Весте с тем, в основе формирования временных системных качеств могут лежать механизмы не только интегративного, но и противоположного вида – дифференциального. Так, в частности, исходно нерасчлененный, представленный в относительно недифференцированной форме – в форме симульганного осознания процесс, будучи

---

<sup>15</sup> Проводя дифференциацию временных системных качеств на их типы, мы не претендуем на *общий* характер решения проблемы типологии этих качеств как таковых. По-видимому, временная системность как феномен, как механизм организации ничуть не проще и не менее сложна и всеобъемлема, чем традиционно изучающаяся структурно-содержательная системность, а «мир временных систем» также предельно многообразен.

<sup>16</sup> В этом плане следует, конечно, сделать необходимое пояснение. Дело в том, что, строго говоря, *любое* системное качество является, атрибутивно интегративным; более того, собственно интегративная природа любого системного качества является, по-видимому, и наиболее важным *механизмом* его формирования. По отношению к данному типу качеств использование данного термина призвано отразить лишь тот факт, что они являются непосредственным продуктом синтеза – интеграции отдельных «составляющих» процесса – его этапов. Кроме того, следует учитывать, что данный термин, использующийся для обозначения этого типа временных системных качеств, равно как и все иные, предлагаемые для обозначения других их типов, следует рассматривать как условные, «рабочие» и как допускающие возможную корректировку в дальнейшем.

по определению целостным и значит, выступая как система, может, далее, дифференцироваться, расчленяться на те или иные «составляющие» – этапы. Они, однако, наряду с обретением их собственного содержания и собственных качественных характеристик, будут сохранять и те характеристики, которые обусловлены их включенностью в более общий и исходный процесс (который, собственно, и подвергается через них своей дифференциации). В результате этого взаимодействия «двух рядов» качественной определенности (определенности самих этих возникающих в результате дифференциации этапов и сохранения определенности исходного целого) возникают новые качественные характеристики, несводимые ни к первой, ни ко второй качественной определенности, то есть именно системные качества. Данный тип временных системных качеств можно обозначить как *дифференциальные системные качества*.

3. Столь же очевидной и имеющей прямые феноменологические референты является, далее, необходимость дифференциации еще одного типа временных системных качеств, суть которых заключается в следующем. Любые два (или более) элементарных события – содержательные компоненты, семантические фрагменты, частные знания, переживания, репрезентации могут выступать, так сказать, в разной степени временной удаленности друг от друга. Если они оказываются представленными в каком-либо процессе – например, в процессе осознания одновременно, или же – очень близко друг к другу синхронизировано, то это оказывается предпосылкой и для их более тесного – прямого содержательного взаимодействия. В результате этого уже простая синхронизованность элементарных событий является необходимым и достаточным условием для порождения нового качества самого процесса. Классический и наиболее явный и известный пример этого – базовый феномен, во многом послуживший истоком всей идеологии гештальтпсихологии – фи-феномен [217, 304]. Временной синтез двух элементарных событий, точнее установление между ними определенных временных отношений (то есть придание им временной организованности), состоящей во вполне определенном временном интервале последовательности двух зрительных стимулов, приводит к возникновению совершенно нового качества – воспринимаемого движения, которое отсутствует у каждого из этих событий и у их простой суммы. Более того, есть все основания

считать, что именно данный тип временных системных качеств, которые можно обозначить как *синхронические* системные качества, является и базовым, но и наиболее универсальным типом такого рода качеств.

4. Еще один тип временных системных качеств, впрочем, тесно связанный с предыдущим, но выступающий его так сказать инверсионной формой, состоит в следующем. Элементарные события, будучи исходно представленными как синхронизированные или близкие по времени, могут затем – либо произвольно, либо вполне целенаправленно и преднамеренно разноситься по времени, распределяться «вдоль процесса». В этом случае обращение к одному из двух синхронизированных изначально элементарных событий, но на значительно отсроченных этапах реализации процесса, часто приводит к тому, что оно событие начинает представляться в совершенно ином свете, чем исходно, – обретать новые качества, обусловленные именно фактом его десинхронизации по отношению к исходной форме репрезентации. Данный тип временных системных качеств можно поэтому обозначить как *десинхронические* системные качества.

5. Если рассмотреть тот или иной процесс (как временную систему) в его относительно развернутом, сложном и организованном виде, то есть в виде уже произошедшей его дифференциации на этапы, то возможна (а на наш взгляд, необходима) дифференциация и еще двух типов временных системных качеств. Они также имеют прямые аналоги среди системных качеств, установленных при изучении структурно-содержательной системности. Так, каждый из отдельно взятых этапов, характеризуясь своим собственным содержанием и, соответственно, – собственной качественной определенностью, выступает одновременно не «сам по себе», а как часть целого, то есть включаясь в общий процесс, обретает, вместе с тем, и дополнительную специфику, получает свою качественную спецификацию. Тем самым, по отношению к временной системности действует общий механизм «удвоения качеств», составляющий одну из основных закономерностей системной организации как таковой и достаточно подробно описанный в методологии системного подхода. Смысл и содержание любого этапа процесса может быть адекватно и полно раскрыты и вообще – существуют лишь как функция взаимодействия самого этапа и процесса в целом, как результат включения этапа в общий контекст всего процесса. Данный тип временных

системных качеств может быть поэтому обозначен как *контекстуальные* системные качества.

6. Далее, необходимо учитывать, что одним из основных принципов процессуальной – собственно временной организации является принцип целевой детерминации. Он означает, что на каждом отдельно взятом этапе развертывания процесса он организуется и координируется, управляется и направляется определенной целью, характеризующей его именно в целом. Эти представления о содержании, о смысле процесса в целом, следовательно, так или иначе – в более или менее полном и отчетливом виде, но всегда и притом – совершенно объективно оказываются включенными в содержание каждого из этапов. Используя терминологию теории систем, можно сказать, что целое не только интегрируется из частей, но и само мультиплицируется в них, обретая в каждой из них свою качественную специфику и приводя, следовательно, к возникновению новых – также системных качеств. Данный тип временных системных качеств можно, в силу этого, обозначить как *мультипликативные* системные качества.

7. Очень характерной и показательной в плане рассматриваемой здесь проблемы особенностью любого действительно, организованного процесса является то, что каждый последующий его этап обусловлен, детерминирован содержательными и качественными характеристиками всех предыдущих этапов, а не является результатом лишь какого-либо одного (то есть предшествующего) этапа. При этом детерминация такого рода реализуется именно организацией, смыслом всех предшествующих этапов, а не простой суммой их содержаний. Проще говоря, детерминация каждого последующего этапа строится как системная детерминация, имеющая в своей основе именно синтетическую обусловленность каждого последующего этапа интеграцией (а не агрегацией) предшествующих этапов. В результате этого каждый последующий этап становится носителем таких качеств, которые не сводятся к простой – аддитивной сумме содержаний ни предшествующих этапов, ни к содержанию его самого, а выступают как продукты интеграции этапов. Накапливающееся по ходу развертывания процесса содержание предстает в каждом очередном этапе в интегрированном виде, в кумулятивной форме. Данный тип временных системных качеств можно обозначить поэтому как *кумулятивные* системные качества.

8. Вместе с тем, не менее характерным для процесса как временной системы является и то, что каждый его этап детерминирован не только прошлым (кумулятивным эффектом предшествующих этапов), но разворачивается на основе принципа целевой детерминации. Это означает, что содержание каждого этапа обусловлено и теми представлениями, которые характеризуют субъективную репрезентацию будущей цели и теми – еще не реализованными, но антиципируемыми этапами, которые предстоит реализовать. Содержание каждого этапа имеет, таким образом, не только каузальную, но и телеологическую детерминацию – детерминацию будущим<sup>17</sup>. Содержание и смысл каждого этапа трудно понять полностью исходя из него самого; однако сделать это в полном объеме нельзя и учитывая его детерминацию лишь прошлым. Для этого обязателен учет и его детерминации будущим. Данный тип временных системных качеств можно обозначить как *фьючерные* системные качества.

9. Для того, чтобы нагляднее продемонстрировать смысл следующего типа временных системных качеств, необходимо вновь обратиться к аналогии временной системности со структурно-содержательной системностью, к их глубинному сходству в аспекте базовых принципов организации. Как известно, огромную роль в обеспечении структурно-содержательной системности и, соответственно, в формировании присущих ей системных качеств играет механизм иерархизации систем, приводящий в итоге к структурно-уровневому принципу строения систем. В аспекте проблематики системных качеств это означает следующее. Та или иная локальная составляющая системы может включаться и реально включается не в какой-либо один контекст, не напрямую входит в систему в целом, а проходит целый ряд ступеней интеграции. Так, компонент может включаться в состав того или иного их комплекса; эти комплексы могут, далее, подвергаться дальнейшей интеграции в еще более обобщенные подсистемы. Они, в свою очередь, также могут выступать с разной степенью интегративности и локализируются на разных уровнях системы; наконец, эти подсистемы подвергаются терминальной интеграции в рамках всей системы

---

<sup>17</sup> Именно данная особенность лежит, как известно, в основе такого фундаментального для психических процессов и образований явления, как явление опережающего отражения [25].

в целом. Следовательно, каждый локальный компонент подвергается не «разовой» – однократной интеграции в систему в целом – непосредственно, а проходит целый ряд такого рода интеграций. Каждый раз при включении в комплексы, на все более высоком уровне организации он обретает новые – также системные качества.

Однако трудно не видеть того, что аналогичная в принципе картина имеет место и в плане собственно временной, диахронической, то есть собственно процессуальной организации. Отдельные его локальные этапы и подэтапы группируются в те или иные – качественно гомогенные по определенным признакам – стадии, в рамках которых они и обретают свой дополнительный смысл. И уже затем эти стадии (как аналоги комплексов, подсистем) синтезируются в целостный процесс. Таким образом, каждый этап подвергается не единичной спецификации в рамках процесса в целом, а как минимум, двум спецификациям (хотя, конечно, в действительности – особенно в сложных, сукцессированных процессах таких спецификаций может быть существенно больше). По отношению к структурной системности результативным эффектом данного механизма является формирование так называемой «лестницы качественных определенностей»; по отношению же к временной системности он предстает – в своем результативном проявлении – как своеобразная «хронология качественных определенностей». В результате этого, в частности, феномен «удвоения качеств» трансформируется в феномен «умножения качеств». Любая временная система состоит не из своих этапов *непосредственно*, а из их некоторых промежуточных синтезов – временных *подсистем* (стадий), каждая из которых имеет свои системные качества. Одной из отличительных особенностей данного типа системных качеств, как следует из проведенного анализа, является их принципиальная гетерогенность, множественность. Все они, однако, объединяются в специфическую группу, синтезируются в идентичный тип на одном общем основании: они являются продуктами внутрисистемной интеграции компонентов, реализуемой, однако, в разных временных масштабах. Данный тип временных системных качеств можно обозначить поэтому как *внутрисистемные* качества.

10. Наконец, есть основания для дифференциации и еще одного типа временных системных качеств, стоящего, однако, особняком по отношению ко всем иным качествам такого рода. Дело в том, что

вся реализованная выше дифференциация временных системных качеств осуществлена на основе принципа соотношения «частей и целого» – этапов процесса и процесса в целом. При этом, следовательно, сам процесс рассматривается как эквивалент системы, целостности, хотя и очень специфической – временной; понятие процесса балось при этом за «точку отсчета», в качестве основы анализа.

Вместе с тем, следует учитывать, что такой способ анализа, хотя и является, конечно, возможным и, более того, – необходимым, но не может рассматриваться как единственно возможный и исчерпывающий. Он фиксирует известную в методологии системного подхода системоцентрическую призму видения, согласно которой в центр исследования ставится какая-либо система, но при этом – в относительной изолированности от ее реальной включенности в состав систем более высоких порядков<sup>18</sup>. В действительности, однако, необходимо учитывать, что любой процесс практически всегда включен в контекст многих иных процессов. Во взаимодействия с ними он обретает новые – системные по своему генезу качества.

Другими словами, наряду с внутрисистемной (внутрипроцессуальной) интеграцией, имеет место и межсистемная (межпроцессуальная) интеграция: системные качества того или иного процесса могут выступать следствиями не только внутрисистемных механизмов организации, но и механизмов межсистемной организации. Взаимодействие двух (или более) относительно самостоятельных и качественно определенных процессов объективно приводит к генезу новых качеств и новых закономерностей, которые (и это наиболее важно в данном контексте) также имеют статус системных качеств. В частности, очень показательна, что эффективность и действенность любого процесса определяется не только, а зачастую – даже не столько его внутренней организованностью, сколько его соорганизованностью и скоординированностью с иными – развертываю-

---

<sup>18</sup> Подобная «призма видения», хотя, повторяем, и является необходимой, но не должна, вместе с тем, абсолютизироваться, поскольку в этом случае, как было показано нами в [270], она логически ведет к ошибкам «системной аналитичности». Они заключаются в гипертрофии собственных закономерностей системы и в недостаточном учете тех – нередко еще более существенных особенностей и закономерностей, которые система обретает во взаимодействии с другими системами.

щимся синхронизировано с ним процессов<sup>19</sup>. Данный тип временных системных качеств можно обозначить поэтому как *межсистемные* качества. Они, также как и внутрисистемные качества, обладают принципиальной гетерогенностью, поскольку тот или иной процесс (как временная система) взаимодействует, естественно, не только с каким-либо одним – иным процессом, а с их множеством и, следовательно, обретает в этом множественном взаимодействии столь же многочисленные новые качественные особенности.

Следует подчеркнуть также, что определенные предпосылки для необходимости дифференциации особого типа системности – временной, а также специфического класса системных качеств – также временных, диахронических могут быть обнаружены и в собственно историческом плане – в плане эволюции представлений о целостности как исходной форме существования психических явлений и даже о механизмах этих явлений. Речь при этом, разумеется, идет о тех взглядах, которые сложились в рамках гештальтпсихологии. Очень показательным в данном отношении, что уже базовый и исходный феномен (фи-феномен), который в последующем и явился отправным для развития этих взглядов, не только может, но и должен быть, по нашему мнению, проинтерпретирован с позиций представлений о временной системности. Действительно, сама суть данного феномена как раз и состоит в том, что два элементарные события, будучи особым образом *организованы во времени*, дают совершенно новое качество – качество воспринимаемого движения, которое полностью отсутствует у тех частей – физических носителей, продуктом организации которых он, в конечном счете, выступает. Таким образом, сам фи-феномен – это и есть проявление одного из типов временных системных качеств – в нашей терминологии синхронических системных качеств. Еще более показательным примером временной системности является и такой – традиционный для гештальтпсихологии предмет, как феномен мелодии. К сожалению, однако, в дальнейшем развитие представлений в рамках гештальтпсихологии происходило, в основном, на базе исследования иного типа систем-

---

<sup>19</sup> Данное обстоятельство в общем виде достаточно хорошо осознано и реализовано в ряде научных дисциплин и направлений, составляя, например, суть идеологии процессного подхода в теории управления [313].

ности – структурно-содержательной, субстанциональной. Временная же системность не стала предметом специального исследования, что, конечно, является столь же негативным, сколь и не вполне понятным с точки зрения общей логики развития представлений о системности в ее полном объеме, в том числе, естественно, – и временной.

Таким образом, резюмируя результаты проведенного выше анализа, целесообразно сделать следующие заключения обобщающего плана. Во-первых, его наиболее общим итогом можно, по-видимому, считать обоснование самой необходимости дифференциации, наряду со структурно-содержательными, субстанциональными (синхроническими) системными качествами, особого класса системных качеств – временных (диахронических). Во-вторых, все качества данного класса, будучи принципиально отличными от класса субстанциональных системных качеств по совершенно четкому критерию (их направленности на собственно временную организацию), вместе с тем, практически идентичны с ими по своей природе – они также являются собственно системными по механизмам своего генеза и статуса. В-третьих, данный класс характеризуется множественностью частых типов – их принципиальной гетерогенностью, что должно рассматриваться как надежный индикатор его, как минимум, не меньшей сложности, чем класс структурно-содержательных системных качеств. Следовательно, и сама временная системность играет, по-видимому, не меньшую роль в функциональной организации сложных объектов, нежели структурно-содержательная системность. В-четвертых, все дифференцированные типы временных системных качеств (и это, пожалуй, наиболее важно) характеризуются глубокой общностью своей функциональной природы, идентичностью их предназначения в общей организации систем – их так сказать операционным статусом. Все они, в конечном итоге, направлены на то, чтобы расширить, увеличить и разнообразить функциональные, а также все иные возможности самой системы. Они, равно как и структурно-содержательные системные качества, означают, фактически, некоторую «прибавку» функциональных возможностей систем, повышение их общего потенциала, достигаемое, однако, исключительно за счет механизмов *организации*, а не за счет привлечения ресурсов извне. Система, оставаясь самой собой и не выходя за свои онтологические пределы, становится, благодаря этим качествам, однако, большим, нежели аддитивная сумма ее «со-

ставляющих», выходит за их пределы. Тем самым, как можно видеть, имеют место те же самые – фундаментальные по своей значимости эффекты системности, интегративные эффекты, которые лежат и в основе структурно-содержательной системности. Возникают собственно системные – синергетические эффекты, но уже не в собственно структурном, а во временном плане, в аспекте собственно функциональной организации систем, их бытия во времени. В-пятых, еще раз подчеркнем, что ни сам перечень представленных выше временных системных качеств, ни тем более, рабочие термины, которые были использованы для их обозначения нельзя, конечно, рассматривать как окончательные и исчерпывающие, не требующие уточнения и коррекции. Скорее, это – лишь первый шаг в направлении раскрытия природы специфического класса системных качеств – временных, диахронических.

Таким образом, можно видеть, что временные системные качества, а также предложенная выше их типология, содействуют решению двух задач. С одной стороны, они конкретизируют общее положение о существовании, наряду со структурно-содержательной, дополнительного и важного, качественно специфического типа системности – временной давая ему одновременно и дополнительное обоснование. С другой стороны, они показывают, как конкретно этот тип системности оказывается возможным, то есть благодаря каким механизмам и даже – операционным средствам сама временная системность реализует свой организационный потенциал. В более общем плане с этих позиций становится также очевидной необходимость реализации всего арсенала методологии системности по отношению не только к структурному, содержательному плану объектов исследования, но и по отношению к их функциональной организации. Широко изучающаяся в настоящее время структурно-содержательная системность должна быть дополнена столь же широким исследованием другого важнейшего типа системности – *временной, диахронической*, вскрывающей системность самого процесса функционирования. Объекты внешнего мира и психические явления системны не только в их «уже ставшем» виде, но и в самом процессе функционирования – процессуально системны. Это функционирование является источником *новой категории* системных качеств – временных, обнаруживаемых в плане целостной временной организации. Понятно, что данный вывод требует дополнительного обоснования; вместе с тем, по отношению к та-

ким – достаточно значимым психическим процессам, как, например, процессы принятия решения, планирования, самоконтроля, он непосредственно следует из эмпирических наблюдений и экспериментальных результатов, вскрывающих несводимость целостного процесса их развертывания к аддитивной совокупности его этапов.

Кроме того, с этих позиций раскрывается специфика процессуальной организации психических явлений, многократно и подробно описанная в исследованиях и состоящая в единстве, недизъюнктивности процессуального содержания, в искусственности и условности любой их дифференциации на этапы и стадии. Дело в том, что любой процесс, рассмотренный и понятый как система в непосредственном смысле этого понятия, обладает, как и всякая иная система, соответствующими и наиболее важными для нее системными качествами. Они невыводимы ни из каждого отдельно взятого этапа процесса, ни из их аддитивной совокупности (в данном случае – из линейной последовательности). В любом процессе обнаруживаются качества, особенности, характеризующие его именно как целостность, придающие ему организованность и выступающие в качестве его общих регуляторов. Эти качества, а также стоящая за ними «процессуальная прибавка» по отношению к сумме содержания всех этапов, обнаруживается и экспериментально, в факте существования значимых эффектов взаимодействия всех этапов реализации [253].

Важным представляется также, что посредством использования данного типа системности сложноорганизованные системы обретают новую способность – способность *распределять* свой функциональный ресурс вдоль «оси времени», осуществлять его *временное структурирование*. Другими словами, возникновение способности не только приспособления ко времени, но и использования времени как основы для структурирования своего функционирования означает, что система обретает принципиально новые возможности управления процессами собственного бытия. Сам *процесс* – как организованная и закономерным образом синтезированная совокупность этапов должен быть понят как своего рода *временная система* – как продукт временной упорядоченности различных функциональных проявлений системы, ее функциональных возможностей. Чем более эффективно организована эта система, то есть, чем более структурирован процесс, тем выше его продуктивность.

Наконец, в свете представленных материалов раскрывается и еще одна – достаточно существенная, на наш взгляд, особенность сложноорганизованных систем в целом и систем со «востренным» метасистемным уровнем, в частности, заключающаяся в следующем. Благодаря существованию временных системных качеств, складывается ситуация, при которой, фактически, каждый *отдельно* взятый этап того или иного процесса оказывается носителем не только своих собственных качеств (то есть своей качественной определенности), но и в известной степени – носителем качественной определенности *всего* этого процесса. Целое (процесс) детерминирует и определяет – специфицирует каждую из своих частей (этапов); на каждом из них само целое определенным образом оказывается представленным в каждой из частей и, кроме того, существенно влияет на их динамику и содержание. Более того, в каждый конкретный момент времени целое – процесс (то есть временная система в целом) *может существовать только в форме* какой-либо из своих частей (этапов).

#### 4.4. Принципы темпоральной организации

На основе сказанного с достаточной отчетливостью вырисовывается одна из очень важных – ключевых и даже определяющих особенностей временных систем. Она заключается в том, что целое (временная система, то есть процесс) уже не *состоит* из своих компонентов (этапов) как по определению более простых, нежели оно само, а все *реализуется* в них. При этом каждая из частей (этапов) воспроизводит сложность того целого, в которое оно включено; имеет место механизм *мультиплицирования* временной системы в ее компонентах (этапах). В результате этого, благодаря временной системности, то есть благодаря своеобразному распределению общего функционального ресурса вдоль «оси времени», системы получают возможность многократной, *множественной реализации* их потенциала, их ресурса. На каждом отдельно взятом этапе «работает» не какая-либо *часть* системы, а *вся* она, хотя, конечно, и в определенном аспекте, с той или иной степенью воплощенности. Синтезирование и организация этих множественных реализаций приводит к тому, что резко возрастают и общие функциональные возможности самой системы. В этом, собственно говоря, и заключается еще одна – быть может, наиболее значимая грань ме-

ханизма временной системности как таковой, ее объективный смысл и основание для существования как одного из главных средств расширения функционального потенциала. Сама же *временная* системность выступает при этом не как *следствие*, не как эпифеномен, характеризующий организацию того или иного процесса (его функциональную организацию), а как *причина* и даже механизм того, что сам этот процесс выступает именно в форме процесса в строгом смысле указанного понятия – как *временная* система. В этом плане необходима, на наш взгляд, определенная корректировка самого понятия процесса: процесс – это не столько то, что *порождает* временную, функциональную организацию, а то, что само *порождается* механизмом временной системности. Временная системность, по-видимому, как раз и является глубинным основанием и решающей детерминантой собственно процессуальной формы организации.

Проблема установления и интерпретации тех средств и механизмов, за счет которых обеспечивается временная системность, требует обращения к еще одному вопросу. Он связан с взаимополагаемостью понятий функциональной организации и временной организации, поскольку именно функциональные закономерности являются определяющими во всей временной организации любого явления, процесса и т. д. Функциональная организация в максимально широком смысле данного понятия, как отмечалось выше, это и есть их организация в соответствии с параметром времени; организация, базирующаяся на закономерностях их бытия во времени.

По отношению к специфике функциональной организации процессов психики, рассмотренной в ее временном плане, необходимо, на наш взгляд, привлечь следующее основное положение. Оно базируется на многочисленных эмпирических и феноменологических референтах, а также полностью согласуется с рассмотренными выше особенностями временной организации систем в целом. Его суть заключается в том, что любой процесс, любая собственно функциональная организация лишь тогда обретает черты системной организации (и, соответственно, лишь тогда трансформируется в систему специфического типа – временную систему), когда в ней реализованы общие закономерности системной организации – ее основные принципы. В этом плане процесс функциональной организации, фактически, ничем не отличается от всех иных образований, в которых

оказывается воплощенными принципы системности. Действительно, системность субстанционального типа, как известно, возможна лишь в том случае, если в организации воплощены присущие ей специфически системные принципы (например, принцип иерархичности, наличие закономерных межуровневых взаимодействий и пр.). Еще более показательным является проявление данной закономерности в организации процесса генезиса тех или иных системных образований. Он, как известно, организован именно в соответствии со специфически системными закономерностями – *принципами системогенеза* [605].

Следовательно, ключевую роль в обретении функциональной организацией черт временной системности играют определенные – базовые закономерности, выступающие основными *принципами*, на основе которых и осуществляется такая реализация. Эти принципы являются основными средствами реализации временной системности в общей функциональной организации психических структур, образований и процессов в целом. Действительно, по отношению к макроинтервалам времени, то есть по отношению к процессу генезиса тех или иных психических образований, структур и процессов они зафиксированы, как отмечалось, в понятиях принципов системогенеза. Однако есть все основания считать (а многочисленные эмпирико-экспериментальные данные убедительно подтверждают это), что аналогичные принципы имеют место и по отношению к микроинтервалам времени. Эти интервалы соотносимы уже не с генезисом психических образований как их формированием и развитием, а именно с их процессуальной организацией, то есть *функциональным* генезисом (в несколько иной терминологии – с актогенезом). Они действуют по отношению к функциональному генезису как таковому, к собственно процессуальной форме организации психических образований.

В связи со сказанным, по-видимому, можно дифференцировать два типа этих принципов – общие и специфические. Первые характеризуют особенности и закономерности того, как воплощается временная системность в целом – в качестве именно общего средства организации подавляющего большинства психических образований, структур, процессов. Вторые принципы присущи отдельно взятым из них и специфичны их природе, а также функциональной организации. В свете всего этого несколько иную, чем это полагается традиционно и в более общем плане раскрывается одно из наиболее фунда-

ментальных и широко используемых понятий – понятие процесса. Действительно, с этих позиций любой психический процесс эксплицируется как специфическая система – система временного, темпорального типа, то есть как системно организованное во времени функционирование. Само функционирование, как отмечалось, лишь тогда и лишь постольку трансформируется в процесс, когда в нем начинают воплощаться собственно системные, точнее системно-временные закономерности.

На наш взгляд, к настоящему времени сложились необходимые и достаточные предпосылки, базирующиеся, в свою очередь, на многочисленных результатах эмпирических и теоретических исследований, для дифференциации следующих основных – общих принципов функциональной организации. Они, будучи именно общими, являются и базовыми средствами реализации основных закономерностей собственно временной системности.

1. Принцип *целевой детерминации*. Его общий смысл уже был рассмотрен выше; он достаточно хорошо известен и заключается в том, что именно цель выступает в качестве системообразующего фактора общей организации систем не только в плане их субстанционального содержания, но и выполняет аналогичную роль в плане собственно функциональной, то есть временной – темпоральной организации. Цель, взятая в аспекте ее функциональной роли, выступает тем самым системообразующим фактором и для формирования системы и для ее временной организации – для воплощения в ней временной системности. В отношении данного принципа в целом – и как наиболее общей закономерности временной организации, и как решающего средства реализации временной системности, а также его роли в функциональной организации деятельности, в особенности, необходимо, по нашему мнению, подчеркнуть следующее.

Во-первых, он является так сказать «первым среди равных», поскольку именно он лежит в основе всей временной динамики и организации того или иного процесса. Он в значительной мере координирует и регулирует действие всех иных временных закономерностей, выступая тем самым в качестве своеобразного метапринципа. В этом обнаруживается его прямое сходство или даже подобие с принципом иерархичности как аналогичным по сути и роли принципом собственно структурной – субстанциональной организации систем. Принцип

целевой детерминации как раз и придает общую организацию процессуальному развертыванию любого образования, явления, процесса. Он обеспечивает и внутреннюю дифференцированность, и временную скоординированность (интегрированность) их основных этапов, а также многочисленные закономерности взаимосвязей между ними.

В-вторых, существует и еще одна – более глубинная черта сходства принципов целевой детерминации и иерархичности. Дело в том, что для сверхсложных систем второй из этих принципов оказывается не вполне релевантным и нередко уступает место более общему и мощному принципу – принципу гетерархии. Аналогичным образом, однако, обстоит дело и с логикой развития представлений о собственно временной организации, о временной системности – и в целом, и по отношению, например к деятельности. Как известно, именно в отношении деятельности наиболее остро представлена недостаточность традиционных взглядов относительно оппозиционности и даже – противоречивости двух типов детерминации: причинно-следственной (каузальной) и собственно целевой (телеологической). И деятельность в целом, и любой ее фрагмент развертываются одновременно и по принципу «для чего» (целевая детерминация), и по принципу «почему» (причинно-следственная, каузальная детерминация). Но это означает, что по отношению к деятельности «работает» не один из указанных принципов, а оба они одновременно; между ними складываются, фактически, во многом паритетные и взаимодополнительные отношения. Следовательно, сама деятельность организована на их своеобразной гетерархии, что снимает противоречие между ними, синтезирует каузальность и телеологичность в детерминации деятельности в целом и в ее временной организации, в частности.

2. Принцип *минимально достаточной дифференцированности*. Практически любая иная временная система структурируются и организуются не по типу интеграции изначально данного – так сказать «предзаданного» набора каких-либо этапов, а существенно иначе. Исходно целостная процессуальная активность, направленная на достижение какой-либо цели, дифференцируется лишь на те временные «кванты» (компоненты), например, действия, и в таком их количестве, которое минимально достаточно для ее достижения. Она дифференцируется до такой степени, которая окажется достаточной для обеспечения системообразующего фактора – цели (впрочем, равно

как и для обеспечения этого же фактора по отношению к любой иной временной системе). Конечно, степень такой дифференциации зависит и от многих иных, причем – также мощных опосредствующих факторов. Например, по отношению к *процессу* деятельности в их качестве могут выступать, скажем, степень мотивированности субъекта, уровень его притязаний, совокупность внешних требований к результатам реализации деятельности и т. д. Однако все эти факторы именно регулируют меру полноты действия данного принципа, но не изменяют его сути. Они не меняют его статуса именно как общей закономерности процессуальной организации деятельности, то есть именно как ее принципа.

3. Принцип *пропорциональной интегрированности*. Для того чтобы нечто, подвергшееся дифференциации, оказалось эффективным в своем итоговом функциональном проявлении, оно, разумеется, должно быть организовано, что требует подключения «симметричных» средств – средств интегративного типа. Вместе с тем, очень важно иметь в виду, что эти средства подключаются лишь в той мере, в какой это необходимо (пропорционально) осуществленной дифференциацией и достаточно для организации дифференцированных временных стадий (как компонентов временной системы). Временная интеграция, как, впрочем, и любая иная, должна быть не абстрактной, а совершенно конкретной. Это означает, что она должна быть соразмерной, то есть пропорциональной (не большей, но и, конечно, не меньшей) той степени, до которой система оказалась дифференцированной. Именно это справедливо по отношению, например, к организации деятельности. Временная интеграция должна быть адекватной осуществленной дифференциации – и по степени развернутости и по сложности ее средств, и по количеству тех временных «квантов» (действий), на которые был дифференцирован процесс достижения ее цели.

4. Принцип *неравномерности*. Как известно, одной из очень характерных, отличительных особенностей организации любого целенаправленного процесса – в том числе, деятельности именно в плане ее временной организации является стремление субъекта к обеспечению достаточного времени для осуществления не только ее в целом, но и ее отдельных фрагментов. Более того, существует и отчетливое стремление субъекта к созданию своего рода временного резерва – обеспечения некоторой временной избыточности для их реализации как основы для возможного подключения дополнительных

средств их организации. Однако наиболее значимым является то, что этот резерв обеспечивается с очень разной степенью по отношению к различным по значимости компонентам активности. Так, для наиболее значимых и, следовательно, иерархически высших компонентов он обеспечивается в первую очередь и как бы с «большим запасом», и наоборот. Тем самым, обеспечивается приоритетная реализуемость именно иерархически высших, системообразующих компонентов деятельностной и поведенческой активности, а следовательно, – обеспечивается системность ее организации в целом.

5. Принцип *гетерохронности*, который наиболее полно опять-таки проявляется по отношению к временной организации деятельности. Как уже отмечалось, в качестве компонентов функциональной организации деятельности могут и должны быть рассмотрены не только, так сказать ее отдельные временные «кванты» (действия), но и совокупность базовых регулятивных функций, направленных на ее организацию, в том числе, разумеется, – и временную. Они, собственно говоря, и лежат в основе собственно процессуального обеспечения психологической системы деятельности. Вместе с тем, очень характерно и достаточно очевидно то – важное обстоятельство, что общая временная динамика развертывания этих функций, хотя и характеризуется известной и, более того, необходимой степенью «перекрывтия», все же имеет и отчетливую гетерохронность. Одни функции более выражены на существенно более ранних стадиях временной организации деятельности, другие – на промежуточных, а третьи – на заключительных ее фазах. Такая гетерохрония, безусловно, очень выгодна системам (в данном случае – временного типа) в плане экономии их общего функционального ресурса, его равномерного распределения вдоль «оси времени». Более того, речь, по-видимому, должна идти при этом не просто об экономии. По всей вероятности, данный принцип является объективно необходимым средством, позволяющим согласовать величину функционального ресурса той или иной системы с внешними, прежде всего, – временными требованиями к ее реализации.

6. Принцип *реверсивности*. Очень характерной и специфической для организации любого сложного процесса, в том числе – и собственно временной является еще одна, также общая и рассмотренная выше закономерность. То, что выступало на предыдущем

этапе процесса его результатом, на следующем этапе трансформируется в элемент его содержания, обретает качественно иной статус – «составляющей» самого ее процесса. Далее, однако, на новом этапе использование этого нового содержания, порождает новые результаты, которые могут в дальнейшем опять трансформироваться в элемент содержания процесса, но уже на следующем этапе его развертывания. Перманентная обратимость, то есть реверсия процесса в результат и обратно составляет одну из важнейших граней временной, собственно функциональной организации деятельности. Кроме того, есть основания полагать, что реверсивный принцип не только присущ всем сложноорганизованным системам, но именно благодаря ему, и достигается сама высокая сложность их организации.

7. Принцип *кумулятивности*. Он, будучи тесно сопряжен с предыдущим и являясь в известной степени его следствием, имеет, однако, и вполне самостоятельное значение. Практически в любом случае последовательность временных «квантов» процесса детерминирована не только его общей целью, но и всем «багажом» уже достигнутых по ходу ее предшествующего осуществления результатов. Причем, сами эти результаты являются не только, а зачастую – даже не столько простыми следствиями тех или иных этапов. Как было показано выше, дело еще и в том, что сами этапы специально и преднамеренно включаются во временную структуру процесса для того, чтобы получить вполне определенные результаты как необходимые детерминанты для его последующего осуществления. Это – именно те результаты, которые требуются для его дальнейшего развертывания, то есть для его организации в целом. Они, постоянно порождаясь и аккумулируясь в нем, выступают тем самым и в качестве детерминант его дальнейшего осуществления. Кроме того, важно помнить и о том, что временная кумуляция развертывается не по типу простой агрегации, а по типу интеграции результатов, достигнутых на каждом из временных этапов.

8. Принцип *итеративности*. Как уже отмечалось выше, функциональная, собственно временная организация процессов воплощает в себе принцип реверсивности. Она развертывается как взаимобратимый перевод содержания процесса в его результат и, наоборот, результата в процесс. Причем, эта реверсия может многократно повторяться, реализуясь, к тому же и в микроинтервалах времени.

Другими словами, она может реализовываться до тех пор, пока не будет достигнут результат (либо деятельности в целом, либо какого-либо ее фрагмента). Следовательно, принцип реверсии дополняется при этом и принципом итеративности: процесс разворачивается циклично – до достижения необходимого результата. При этом особо следует подчеркнуть, что итеративность нетождественна простой повторяемости. Дело в том, что каждая последующая итерация осуществляется с учетом результатов, полученных в ходе всех предыдущих итераций. Имеет место тот механизм, который, правда, на уровне его феноменологического проявления зафиксирован в известной формуле Н. А. Бернштейна – «повторение без повторения» [76]. В конечном счете, именно принцип итеративности лежит в основе важнейшего свойства деятельности – свойства целодостигаемости (нетождественного, разумеется, свойству целенаправленности).

9. Принцип *трансформирующейся детерминации*. Одной из наиболее характерных особенностей временной системности и, соответственно, одной из атрибутивных черт временных систем является следующая закономерность. Сам тип их детерминации (по определению) не может носить, так сказать, стационарный характер. Дело в том, что содержание, состав и структура их детерминационных факторов не только являются принципиально динамичными на разных этапах их развертывания, но эти изменения и составляют самую суть этих систем, вообще – образуют их содержание. Каждый последующий этап процесса реализуется при обязательном условии опоры на те результаты, которые были получены на всех предыдущих этапах. В силу этого, развертывающаяся по ходу процесса кумуляция результатов приводит к принципиальной изменчивости и вариативности детерминационной базы каждого ее последующего этапа. Поэтому и весь процесс разворачивается как временная система со сменными основаниями детерминант, то есть подчиняется принципу сменной детерминации.

Более того, эти детерминанты, а также вся их совокупность не только выступают как нечто «уже данное», хотя и различное на каждом этапе, но они сами формируются, создаются в процессе. Процесс тем самым – это одновременно и создание нового содержания, новых детерминант для ее же собственного функционального развертывания. Причем, очень характерно и то, что субъект может активно влиять на содержание, состав и структуру актуально складывающихся-

ся детерминант, частично управлять этим процессом. Он может создавать более выгодные условия, более благоприятные предпосылки для его последующего развертывания. В связи с этим, можно видеть, что имеет место и частичная инверсия соотношения понятий детерминанты (причины) и результата (следствия). Сами детерминанты, прежде чем стать таковыми, вначале выступают результатами специальной активности по их созданию.

Следовательно, в общей детерминации процессов синтезированных три ее существенно разных типа – не только уже рассмотренные каузальная (причинно-следственная) и телеологическая (целевая), но и так сказать «создаваемая» по его ходу самим субъектом и постоянно трансформирующаяся при этом – причем, как правило, также в соответствии с его общими целями и задачами. Данный принцип является одним из следствий и проявлений очень общего и важного атрибута наиболее сложных процессуальных образований психики – свойства самодетерминации. Оно, в свою очередь, выступает одним из модусов еще более общего свойства – саморегулятивности.

10. Принцип *мультипликативности*. Еще одной – также очень характерной общей особенностью временных систем, ярко и рельефно проявляющейся по отношению к организации деятельности и тесно связанной с предыдущим принципом, выступает следующая закономерность. Благодаря синтезу трех рассмотренных выше типов детерминации – каузальной (причинно-следственной), телеологической (целевой) и актуально формирующейся (ситуационной), складывается следующая ситуация. Оказывается, что, по существу, в каждом отдельном деятельностном акте (действии) в той или иной мере репрезентированы основные содержательные характеристики всего процесса деятельности в целом. Целое (процесс) детерминирует и определяет – специфицирует каждую из своих частей (этапов). На каждом из них само целое определенным образом оказывается представленным в каждой из частей и существенно влияет на их динамику и содержание. Более того, в каждый конкретный момент времени целое – процесс (как временная система) может существовать только в форме какой-либо из своих частей (этапов).

На основе сказанного с достаточной отчетливостью вырисовывается одна из очень важных – ключевых и даже определяющих особенностей временных систем. Она заключается в том, что по отно-

шению к ним неприменим известный и, казалось бы, незыблемый тезис, согласно которому целое (в данном случае – временная система, то есть процесс) состоит из своих частей (этапов) как – по определению – более простых, нежели оно. Здесь, как отмечалось, действует иной принцип: целое не *состоит* из частей, а *реализуется* в них, хотя и с разной степенью полноты в каждой из них. При этом каждая из частей (этапов) процесса может воспроизводить сложность того целого, в которое оно включено. Имеет место уже неоднократно отмечавшийся механизм мультиплицирования временной системы в ее компонентах (этапы). В результате этого, благодаря временной системности, то есть благодаря своеобразному распределению общего функционального ресурса вдоль «оси времени», системы получают возможность многократной реализации их потенциала, ресурса. На каждом отдельно взятом этапе «работает» не какая-либо часть системы, а вся она, хотя, конечно, и в определенном аспекте, с той или иной степенью воплощенности. Синтезирование и организация этих множественных реализаций приводит к тому, что резко возрастают и общие функциональные возможности самой системы.

Таким образом, обобщая результаты проведенного выше анализа, можно заключить, что в функциональной организации сложно-организованных процессуальных образований психики, действительно, воплощен ряд важных принципов собственно системного типа. Это свидетельствует о том, что в них воплощена и временная системность как одно из основных средств этой организации. Все ее принципы либо непосредственно зафиксированы в системной методологии и, следовательно, должны быть поняты как принципы специфически системной организации; либо имеют прямые аналоги среди них. Это – принципы целевой детерминации, дифференциации исходной целостности (а не интеграции предзаданных в количественном и качественном отношении компонентов – этапов), необходимости и достаточности осуществляющейся дифференциации, пропорциональной интеграции, реверсивности, трансформирующейся кумуляции, итеративности, сменной детерминации.

Кроме того, необходимо подчеркнуть и еще одно обстоятельство достаточно общего плана. Как это и было спрогнозировано в ходе проведенного выше теоретического анализа, временная системность, взятая в ее общем виде, характеризуется аналогичными,

то есть также общими особенностями – принципами. Они, однако, не только могут, но и реально специфицируются в каждом конкретном случае ее реализации – по отношению к какому-либо процессу, явлению, образованию. Именно это и проявилось в результате нескольких циклов проведенных нами исследований. Их основной целью выступало раскрытие закономерностей процессуальной, временной организации таких – достаточно значимых процессов, как процессы принятия решения [253, 254], рефлексивные процессы [257, 259], метакогнитивные и метарегулятивные процессы [268, 269] и др. Основным и общим итогом их изучения явилось то, что по отношению к ним все – рассмотренные выше общие принципы функциональной (и, соответственно, временной) организации дополняются еще и теми новыми закономерностями, которые обусловлены спецификой каждого из них.

Итак, в свете сказанного можно, по-видимому, сделать следующее заключение. Функциональный генезис того или иного процесса не только допускает, но и требует свою экспликацию через понятия временной организации и темпоральной системности. В связи с этим, процессуальная, собственно временная организация психических образований может быть охарактеризована (по аналогии с понятием системогенеза) понятием *системокинеза*. Она также строится на основе специфически системных закономерностей, но взятых не в плане генеза, в плане развертывания, «движения» – кинеза процессов. Именно этот тип функциональной организации придает, в конечном итоге, целостность и организованность любому процессуальному проявлению психики. Такая организованность проявляется, в частности, в принципиальной недизъюнктивности отдельных этапов любых процессуальных проявлений психического; в искусственности и условности их разбиения как единых по своей сути на отдельные этапы. Подобная недизъюнктивность, достаточно часто обсуждаемая при анализе процессуальных образований и обосновываемая обычно лишь сугубо теоретическими или просто умозрительными аргументами, естественным образом, но уже в собственно теоретическом плане вытекает из сформулированных выше представлений о сути временной, темпоральной системности. Кроме того, она верифицируется и результатами собственно экспериментальных исследований (см. обзор в [258]).

Наконец, можно видеть, что рассмотрение общих принципов темпоральной организации, лежащих в основе функционального развертывания как такового, с логической необходимостью приводит к постановке вопроса о том, каким образом они реализуются по отношению к основным психическим процессам и образованиям, к базовым формам активности личности, а в целом – по отношению практически к любым иным предметам психологического исследования. В плане решения данного вопроса, по нашему мнению, необходимо обратиться к рассмотрению, прежде всего, наиболее сложных и репрезентативных из них – к системе *деятельности и сознания*, что и будет осуществлено ниже.

## **4.5. Деятельность как система темпорального типа**

### **4.5.1. Темпоральная системность в структурно-функциональной организации деятельности**

Действительно, для решения целого ряда исследовательских задач не только возможна, но и необходима экспликация базовой категории деятельности в том ее аспекте, который связан именно с процессом ее развертывания. Естественно, организация этого процесса построена таким образом, что в его структуре, содержании и динамике воплощены, прежде всего, *содержательные* характеристики самих взаимодействующих агентов – субъекта и объекта. Более того, эти характеристики являются онтологической – субстанциональной основой для организации данного процесса. Он от них не только в принципе не абстрагируем, а наоборот, строится на основе этих характеристик и воспроизводит их в себе. Вместе с тем, в свете проведенного в предыдущем параграфе анализа появляются все основания допустить, что он, по-видимому, имеет и определенную собственную логику, обусловленную общими закономерностями темпоральной организации как таковой. В связи с этим, собственно процессуальный аспект анализа деятельности как раз и требует выявления и интерпретации закономерностей ее временной, темпоральной организации как одного из аспектов общей функциональной организации.

При этом необходимо учитывать, что деятельность в ее процессуальном аспекте характеризуется и еще одной – очень важной и, по существу, атрибутивной чертой ее собственно функциональ-

ной организации, которая уже частично была рассмотрена выше, состоящей в следующем. Общая цель деятельности, как правило, или даже практически всегда – именно в силу того, что является общей, в принципе не допускает своей полной реализации посредством какого-либо одного, отдельно взятого, «единичного» акта взаимодействия субъекта и объекта. Деятельность потому и дифференцируется на части – действия, а затем интегрируется из них, что ее общая цель (по определению) предполагает множественность целого ряда так сказать «квантов» взаимодействия субъекта и объекта. Каждый из них вносит свой парциальный вклад в ее достижение, а кумуляция этих вкладов и делает возможным достижение самой цели.

Другими словами, невозможность непосредственного достижения общей цели деятельности в какой-либо конкретный, отдельно взятый момент времени (так сказать симультанного ее достижения) разумеется, отнюдь не означает невозможности такого достижения вообще. Это становится возможным, как уже отмечалось выше, благодаря механизму сукцессирования взаимодействия – его дифференциации на «временные кванты». В каждом из них реализуется какая-либо часть этого потенциала, а синтез, то есть кумуляция как раз и обеспечивает уже не парциальную, а интегральную его реализацию. Другими словами, в каждом конкретном – парциальном акте деятельности» (действии), то есть в каждый отдельно взятый момент, в ней достигается лишь какой-либо достаточно частный фрагмент общей цели, что и отражено в понятии подцели<sup>20</sup>. Вместе с тем, сама суть деятельности как раз и заключается в том, что она, выступая актуально – в каждый конкретный, отдельно взятый момент времени в форме действия, в целом представлена как организованная последовательность этих парциальных актов<sup>21</sup>. Они непосредственно сменяют друг друга и являются предпосылками, основаниями друг для друга.

Итак, можно видеть, что в каждом акте деятельности объективно может реализовываться лишь какая-либо – очень ограниченная

---

<sup>20</sup> Показательно этимологическое родство понятий акта и актуальности – некоторое действие как акт – это именно актуально присутствующее, то есть психическое *настоящее*.

<sup>21</sup> Выявляется и показательная созвучность термином акта и такта – любое действие это не только содержательный *акт*, но и временной *такт*.

часть общего потенциала субъекта. Вместе с тем, через механизм множественности этих актов и, соответственно, их парциальных результатов достигается возможность их последующей кумуляции, а тем самым обеспечения достаточно полной реализации этого потенциала. Взаимодействие субъекта и объекта деятельности, которое и является, собственно говоря, ее процессом в непосредственном смысле слова, допускает квантификацию, дифференциацию вдоль «оси времени» и последующую кумуляцию частичных – парциальных результатов. Точнее, оно и является такой квантификацией. Отдельными же «квантами» как раз и являются частные, парциальные действия, а также те результаты, к которым они приводят и кумуляция которых обеспечивает возможность достижения общей цели деятельности. Реализация общего потенциала субъекта, которая, действительно, невозможна «сразу и одновременно», становится, однако, возможной при условии ее сукцессирования. Это означает, что она должна быть распределена – так сказать, растянута вдоль «оси времени». Деятельность с этой точки зрения выступает теснейшим образом сопряженной с временной квантификацией как специфическим операционным средством, но при условии, однако, эффективной соорганизации отдельных временных «квантов» – действий.

В этом пункте анализа необходимо обратить специальное внимание на еще одно – важное, на наш взгляд, обстоятельство. Дело в том, что само это сукцессированное и представленное в форме процесса взаимодействие, включающее целую цепь актов деятельности (действий), может быть либо менее, либо более эффективным. Эффективность же, в свою очередь, решающим образом зависит от того, насколько эта «цепь» – временная последовательность актов деятельности будет организована и, следовательно, насколько парциальные результаты этого взаимодействия обеспечат в своей совокупности их совместный, то есть кумулятивный эффект. Другими словами, эта последовательность должна быть представлена уже не просто как «поток», не как сумма отдельных актов деятельности, а как их закономерно организованная последовательность, подчиненная общей логике и направленная на достижение единой цели. Именно как таковая она объективно должна быть подвергнута организации – причем, по возможности, максимально эффективной. Однако, известно, что той формой, которая и может обеспечить такую – высокую эффективность

организации, как раз и является организация собственно системного характера. Тем самым, деятельность с необходимостью эксплицируется, фактически, как система, но особого – уже не субстанционального, а собственно временного, то есть темпорального типа.

Далее, еще одна очень важная закономерность процессуальной организации деятельности, которая также эксплицирует ее принадлежность к системам темпорального типа, заключается в следующем. Как было показано выше, в ходе ее временного развертывания происходит кумуляция – накопление парциальных результатов, полученных на каждом ее этапе (акте), то есть посредством каждого действия. При этом, однако, следует подчеркнуть, что такая кумуляция осуществляется отнюдь не по типу простого суммирования (то есть агрегации) получаемых результатов. Дело в том, что на каждом последующем этапе – в процессе реализации последующих актов результаты, полученные на предыдущих этапах, не только, а зачастую – даже не столько суммируются, сколько могут представлять в новом свете, то есть подвергаются качественным трансформациям. В этом заключается одна из важных граней процесса деятельности, одна из ее атрибутивных особенностей. Следовательно, и обогащение базы результатов деятельности, являющееся формально кумулятивным, при более детализированном рассмотрении выступает не как их агрегация, а как их интеграция. Она предполагает не только количественное увеличение – расширение и обогащение этой базы, но и ее качественные трансформации. Данная закономерность в общем плане выше обозначена как принцип трансформирующейся кумуляции.

В деятельности проявляется и еще одна также достаточно общая закономерность функциональной организации, коренящаяся в базовых принципах системной организации как таковой. Каждый последующий этап процесса развертывания деятельности (каждое последующее действие) реализуется при обязательном условии опоры на те результаты, которые были получены на всех предыдущих этапах. Вместе с тем, развертывающаяся по ходу процесса деятельности кумуляция результатов характеризуется, как следует из предыдущей закономерности, принципиальной изменчивостью и вариативностью: она другая для каждого последующего этапа, чем для предыдущего. Однако именно эта принципиально трансформирующаяся в содержательном отношении база и является основанием, то есть, фактиче-

ски, комплексной детерминантой для каждого последующего этапа, акта деятельности. Тем самым и весь ее процесс развертывается как временная система со сменными основаниями, то есть подчиняется принципу сменной детерминации. Более того, эти детерминанты, а также вся их совокупность отнюдь не выступают как нечто «уже данное», хотя и различное на каждом этапе. Дело заключается еще и в том, что они сами формируются, фактически, – создаются в процессе деятельности. В силу этого, сама деятельность раскрывается и как процесс создания (генерации) нового содержания – новых детерминант для ее же собственного функционального развертывания. Принцип сменной детерминации по отношению к деятельности, фактически, трансформируется в принцип генерируемой детерминации.

Итак, какой же – в свете отмеченных выше обстоятельств может и должна быть интерпретация деятельности в ее собственно процессуальном плане? Что именно она представляет собой именно как процесс – в ее временном «измерении», в ее диахронической, то есть собственно темпоральной организации? Прежде всего, представляется очевидным, что она, как минимум, должна быть «просто» организована и в этом плане, а не только в плане более традиционных для психологии деятельности «составляющих» – субъекта и объекта. Столь же очевидно, что, чем выше будет степень такой – временной, то есть собственно процессуальной организации, тем выше будет и эффективность самой деятельности. Следовательно, можно констатировать наличие объективных оснований и факторов – общих детерминант для того, чтобы временная организация деятельности формировалась и развивалась в возможно более совершенном виде. Это, соответственно, предполагает формирование и реализацию все более эффективных средств такой организации. Отсюда, следует, что в ходе эволюции средств своей временной организации деятельность «не могла пройти мимо» той формы, которая является наиболее эффективной, то есть собственно системной формы организации. Как уже отмечалось выше, это означает, что для обеспечения возможно большей эффективности деятельности требуется ее, соответственно, возможно большая организованность. В свою очередь, это – в целом несложное, но крайне важное обстоятельство и обуславливает объективную необходимость в реализации соответствующей, то есть также наиболее эффективной форме (системной).

С этой точки зрения становится вполне очевидным, что сам процесс деятельности должен быть построен таким образом, чтобы воплотить в себе черты собственно системной формы организации. Однако подчеркнем еще раз, это системность особого, качественно глубоко специфического типа – не субстанциональная, а временная, темпоральная; она выступает наиболее эффективной формой собственно диахронической организации. Чем в большей степени она воплощается в организации деятельности, тем выше и ее общая организованность деятельности, и ее эффективность. Все это означает, что сама деятельность в целом должна быть понята как представитель особого класса системных образований – как система временного типа. Она реализует в своей организации не только субстанциональную, но и темпоральную системность как наиболее совершенную форму диахронической организации. В этом отношении она воспроизводит в своей организации темпоральную системность как таковую.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что именно по отношению к деятельности темпоральная системность представлена не только с максимальной отчетливостью и феноменологической очевидности. Она вообще составляет самую ее суть, ее содержание и выступает эмпирически данной и феноменологически представленной формой ее бытия. Именно темпоральная – собственно процессуальная организация деятельности составляет один из основных ее атрибутов, важнейшее условие и даже залог ее эффективности и вообще – реализуемости в целом. Необходимость в ней является и нормативным императивом, поскольку в содержание нормативно-одобренного способа деятельности как раз и включается, прежде всего, ее временная регламентация.

В свете всего вышеизложенного вполне закономерно, что в процессе организации деятельности (как частной, хотя и высшей формы собственно временной, функциональной организации в целом) получают свое естественное и многоплановое воплощение все основные особенности собственно системной организации. Причем, что также очень характерно и доказательно, в деятельности воплощены не только и даже не столько какие-либо частные – локальные особенности системной организации (хотя, разумеется, и они тоже), сколько именно наиболее общие, определяющие особенности и закономерности. Они являются наиболее характерными для этой формы как тако-

вой и вообще – выступают, фактически, ее атрибутами. Рассмотрим их более подробно.

Так, прежде всего, с очень высокой степенью очевидности обнаруживается, что темпоральная организация деятельности, а следовательно, и сама она в целом, в наиболее общем плане подчиняется основной закономерности системного типа – наличию определенного *системообразующего* фактора. Причем, в его качестве по отношению к временной организации деятельности выступает, фактически, то же самое деятельностное образование, что и для иных аспектов и планов ее организации. Действительно, в качестве такового, разумеется, должна быть понята цель деятельности. Более того, речь, по-видимому, должна идти о том, что она, являясь общим системообразующим фактором для всей деятельности, выступает таковой и по отношению к ее собственно временной организации. Она должна рассматриваться в модусе ее организующего начала и по отношению к данному типу организации – темпоральной. Тем самым, наличие у временной организации деятельности системообразующего фактора, а также сам его тип – содержание и специфичность той роли, которую он выполняет, является решающим аргументом в пользу наиболее обобщенного и притом объективного обоснования принадлежности деятельности к собственно системным образованиям. И для содержательной (субстанциональной), и для временной (темпоральной) организации деятельности системообразующие факторы не только существуют, но и являются, фактически, едиными – общими. В их качестве выступаете цель деятельности, взятая, однако, в двух ее разных, хотя и одинаково значимых – базовых функциональных проявлениях: в плане организации содержания и структуры деятельности, а также в плане ее временной, процессуальной организации.

Таким образом, цель определяет не только компонентный состав, содержание, структурную организацию деятельности и пр. Она определяет и ее основные характеристики, взятые в собственно временном «измерении». К этим характеристикам относятся, прежде всего, следующие особенности: определенная этапность ее осуществления; та или иная степень дифференцированности на «временные фрагменты» как компоненты функциональной динамики; последовательность и соподчиненность фаз ее развертывания и мн. др. Следует подчеркнуть, что в психологии, а также в ряде других дисциплин

и направлений (например, в «физиологии активности»), по отношению к цели как системообразующему фактору временной организации поведения установлен ряд важных закономерностей достаточно общего плана. Все они хорошо известны, в силу чего достаточно ограничиться указанием на их общий смысл.

Прежде всего, это, разумеется, специфическая форма существования цели (именно как системообразующего фактора деятельности) – форма идеального образа будущего результата. Именно идеальная природа цели позволяет ей реализовывать регулятивные и системообразующие функции по отношению ко всей деятельности и на всех временных этапах ее осуществления. Она позволяет ей быть тем ориентиром, который определяет и динамизирует весь ход ее осуществления, а также регулирует ее функциональную организацию. В частности, такой характер цели (как атрибута именно временной системности) лежит в основе ряда известных, фундаментальных феноменов имеющих непосредственное отношение и к организации деятельности, и более того, – вообще порождает их. Это, прежде всего, феномен «потребного будущего» (Н. А. Бернштейн [77]); явление оперативного образа (Д. А. Ошанин [418]), понятие акцептора действия (П. К. Анохин [25]), а также ряд иных – сходных с ними явлений.

Наряду с этим, на наш взгляд, не менее значимо, что именно такой характер цели как системообразующего фактора временной организации деятельности, лежит в основе существенного расширения и углубления трактовки наиболее общего понятия – понятия процесса детерминации как такового (его факторов, типов и форм и др.). Дело в том, что в этом случае качественно трансформируется сам характер детерминации, ее общий принцип – с каузального на *телеологический*. Точнее говоря, каузальная (то есть причинно-следственная) детерминация дополняется телеологической, то есть той, которая и характерна для целевой детерминации. Детерминация по типу *почему?* меняется на детерминацию по типу *зачем?* и *для чего?* (точнее, дополняется ей). Тем самым, и временная организация, а соответственно, – и временная системность выступает уже как относительно более сложная, нежели системность собственно субстанциональная. В ней оказываются синтезированными два основных типа детерминации – каузальная и телеологическая, причинно-следственная и целевая. Рассмотренная выше особенность – наличие у временной

организации деятельности совершенно определенного и очень общего системообразующего фактора является, на наш взгляд, наиболее значимой для всей этой организации. Она определяет собой многие иные – также значимые особенности воплощенности во временной динамике деятельности черт собственно системной организации.

Так, во временной организации деятельности с высокой степенью полноты и демонстративности проявляется еще одна – максимально обобщенная и специфичная для системной формы организации в целом особенность. Она, в свою очередь, непосредственно обусловлена рассмотренной выше ролью цели в качестве ее системообразующего фактора. Данная особенность сопряжена с теми – характерными и специфичными для системной формы организации отношениями, которые складываются в любой системе между ней в целом и ее отдельными «составляющими», то есть с отношениями целого и его частей. Эта специфика заключается в том, что любая часть, любая локальная «составляющая» целого (системы) обладает двойственностью, точнее – двуединством природы и содержания. С одной стороны, она обладает собственной качественной определенностью – характеризуется теми особенностями, которые присущи ей, так сказать, «самой по себе». С другой стороны, она во взаимодействии с целым – включаясь в него и функционируя в нем, обретает дополнительные качественные характеристики, дополнительные качественные «измерения», что отражено в понятии качественной специфичности. Тем самым возникает известный и фундаментальный для системной методологии феномен «удвоения качеств».

Вместе с тем, констатируя это, трудно не видеть и того, что данный феномен очень демонстративно проявляется именно во временной организации деятельности. Хорошо известно, что содержание ее основных временных «составляющих» (действий) в принципе нераскрываемо и часто непонятно, а иногда, на первый взгляд, бессмысленно само по себе – вне целостного деятельностного контекста, вне общей последовательности составляющих ее действий. Любое действие обретает смысл и насыщается конкретным содержанием лишь в контексте целостного – временного развертывания всей деятельности, в контексте ее общей темпоральной организации. Как известно, одним из фундаментальных атрибутов действия и даже – критически значимых, то есть определяющих признаков его дифференциации

в структуре деятельности является *несовпадение* его цели с целями всей деятельности, но одновременно – и соподчиненность им [332]. Тем самым, действие вообще порождается только как соотносимое с общей целью деятельности, но одновременно – и принципиально не совпадающее с ней. Отсюда становится совершенно понятным и даже необходимым известный феномен, заключающийся в том, что в любом действии всегда есть и то, чего в нем нет непосредственно. Смысл действия, а в конечном итоге – и всё его содержание производны не только от его собственной организации, но и от его включенности в деятельность, в том числе, и в ее собственно временную организацию.

Наряду с этим, по отношению к временной организации деятельности, воплощающей в себе черты собственно системной организации, необходимо констатировать еще более общую и в принципе известную особенность. Она рассматривается в качестве основного признака – так сказать индикатора и предиктора системности в целом. Данная особенность имеет своего рода «зеркальное» содержание по отношению к предыдущей особенности и заключается в следующем. С одной стороны, включение отдельных «составляющих» деятельности – ее частей (действий) в целое (деятельность) приводит к своеобразному выходу за пределы их собственного содержания. Это и обуславливает, собственно говоря, возникновение специфически-генеративных, порождающих эффектов. Однако, с другой стороны, аналогичное именно по своей генетически-порождающей природе явление имеет место, как известно, и при синтезе – организации самих «составляющих» в целостность. Формирующаяся целостность – система (в данном случае темпорального типа) потому и является таковой, что у нее возникают новые – специфически системные качества. Это – те свойства, которых нет ни у ее отдельных «составляющих», ни у их аддитивной совокупности, то есть у их агрегативного множества. Генеративно-порождающие эффекты возникают уже не только по отношению к отдельным «составляющим» – действиям, но и к их синтезам. На уровне целостности эти эффекты и образуют качественную определенность самого целого, представленную в совокупности его базовых характеристик – системных качеств.

Именно эта закономерность является очень характерной для временной организации деятельности в целом; она соотносит-

ся именно с организацией ее локальных временных составляющих – действий. Деятельность обязательно (даже – по определению) имеет такой результат, а следовательно, и такое содержание, которое в принципе отсутствует у любого из ее временных компонентов – действий, а также у их неорганизованной совокупности, то есть у неупорядоченного во времени их агрегативного множества. Более того, именно в целях получения такого результата сама деятельность как система действий и конституируется, порождается – обретает смысл именно как закономерно организованный процесс. Данная закономерность имеет место, однако, не только на уровне временной организации деятельности в целом, но и в более частном плане такой организации – в меньших интервалах времени, нежели вся она.

Кроме того, сам функциональный генезис деятельности – ее организация, воплощающая в себе черты временной системности, характеризуется принципиальной генеративностью. Те или иные ее временные компоненты (действия) вначале порождаются – причем, именно в том виде, форме и содержании, какие необходимы с точки зрения достижения ее общих целей. И лишь затем они используются, то есть подвергаются временному синтезу. Наиболее важным при этом является то, что сам процесс их порождения и, соответственно, те характеристики, которые они обретают в его результате, детерминированы условиями, задачами и требованиями последующего использования. Одной из наиболее очевидных иллюстраций этого является, например, организация действий по выработке и принятию решений [254]. Эти действия, как известно, организуются не только, а зачастую – не столько в соответствии с аргументами содержательного и тем более – строго рационалистического характера, сколько в соответствии с соображениями последующей *реализуемости* решения. Данная особенность является частным проявлением общей закономерности, состоящей в том, что в деятельность не только постоянно порождаются условия и детерминанты ее же собственного развертывания, но при этом генерируется лишь такие, которые в ней могут быть реализованы, то есть облают фундаментальным свойством реализуемости.

#### 4.5.2. Действие как структурная «единица» темпоральной организации деятельности

Продолжая анализ деятельностного аспекта проблемы субъективного времени, целесообразно обратиться также к рассмотрению не только деятельности в целом, но и ее базового компонента – основной единицы, которая как раз и выступает наиболее традиционным предметом ее психологического анализа – действия. Оправданность такого шага связана, как известно, и с тем важнейшим методологическим положением, что такой анализ должен проводиться именно на уровне компонентов целого, то есть тех его частей, которые, являясь относительно наиболее простыми его составляющими и вступая поэтому наиболее конструктивными и реализуемыми в процессе анализа, в то же время несут на себе всю специфику самого целого<sup>22</sup>. Посредством анализа деятельности на уровне ее основных единиц, вскрываются и общие особенности самой деятельности, а ее анализ обретает необходимую степень конкретизированности и глубины.

Действительно, анализ деятельности с позиций реализации в ней темпоральной системности – при условии, конечно, его достаточной глубины, с необходимостью приводит к постановке более общих – по существу, *методологических* вопросов и проблем. Так, с этих позиций с высокой степенью очевидности и остроты обнаруживается одна из принципиальных трудностей и даже – одно из фундаментальных противоречий всей современной психологической теории деятельности, заключающееся в следующем. С одной стороны, аксиоматичным в ней является положение, согласно которому основным, базовым компонентом деятельности выступает *действие*. Оно трактуется при этом именно в качестве компонента деятельности, что, однако, – вольно или невольно, а чаще просто «следуя традиции» предполагает и его понимание в качестве именно *структурного*, подчеркнуто содержательного компонента, поскольку сами понятия компонента и структуры традиционно выступают воедино связанными, предполагающими друг друга. С другой стороны, как

---

<sup>22</sup> Показательна в этом плане, например, известная точка зрения С. Л. Рубинштейна, указывавшего, согласно которой именно в действии как подлинной ячейке деятельности воплощены все ее основные психологические свойства [481].

показано выше, субстанциональная системность, воплощающаяся в структурной организации, – это, хотя и важный и, более того, по-видимому, основной тип системности, но всей же не единственный ее тип. Наряду с ней, существует и темпоральная системность, являющаяся объективным следствием и высшей формой временной организации. Она, как, впрочем, и любая иная организация, предполагает наличие самого «организуемого», то есть соответствующих ей специфических компонентов. Однако, это уже собственно *временные компоненты*, то есть компоненты временной системы. С этих позиций трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что само понятие действия как наиболее традиционное и, по существу, безоговорочно принимаемое в качестве базового компонента деятельности исходно и первично является не ее субстанциональным компонентом, а выступает компонентом иной природы – *временным компонентом*.

В самом деле, любое действие дифференцируется в структуре деятельности по критически значимому признаку – наличию у него *осознаваемой* цели. Вместе с тем, не менее фундаментальной является и та закономерность, согласно которой именно осознаваемая, произвольная регуляция, сопряженная с достижением какой-либо цели, в силу своей одноканальности, «однофокусности» (как базового принципа организации самого сознания), не может так сказать запараллеливаться с другими действиями. Она требует полной включенности в нее субъекта и, следовательно, предполагает необходимость выделения действия в общем деятельностном континууме именно в качестве *автономного* собственно временного *интервала*. Любое действие, сопряженное с достижением осознаваемой цели, объективно предполагает его *временную автономизацию* – представленность именно в качестве этапа (или – микроэтапа) деятельности, в качестве ее так сказать «временного кванта».

С этих позиций становится еще более очевидной определенная и уже отмечавшаяся выше условность традиционно сложившихся представлений о действии как единице, лежащей в основе *иерархической* организации *структуры* уровней. Эта структура (например, в концепции А. Н. Леонтьева) предполагает трактовку самого действия именно как структурного, а не как временного ее компонента, что и приводит к целому ряду принципиальных теоретических трудностей. В реальности же организация деятельности – это, пре-

жде всего, *временная организация*. В связи с этим, возникает необходимость, во-первых, в распространении понятия структуры на временную (а не только на субстанциональную) организацию и, соответственно, – необходимость в понятии *временной структуры*. Во-вторых, становится необходимой и трактовка самого действия не только в качестве структурно-*субстанционального*, но и в качестве именно структурно-*временного*, то есть темпорального компонента деятельности. Действие – это не только, а быть может и не столько «морфологическая» (субстанциональная), сколько временная (темпоральная) единица деятельности.

Трактовка действия как «составляющей» деятельности (ее основного компонента, единицы), носящей уже не только структурно-*субстанциональный*, но и структурно-*временной* характер, позволяет, далее, выявить обстоятельство еще более имплицитного плана. В самом деле, согласно данной трактовке, действие выступает, с одной стороны, своего рода временным «квантом» деятельности, средством ее временной дифференциации (а на этой основе – и ее интеграции). Однако в еще более широком и принципиальном плане это же означает, что оно является и средством, обеспечивающим включение в организацию деятельности самого *параметра времени* как одной из базовых, фундаментальных «координат» объективной реальности. Оно выступает поэтому и важным средством того, что традиционно обозначается как «приспособление к времени». С другой стороны, *в* действии и *через* него происходит, по-видимому, не только приспособление к параметру времени, а само оно является поэтому не только инструментальным образованием, а выполняет по отношению к данному параметру более важные функции – инструментальную и генеративную.

Дело в том, что, как отмечалось, ключевым и критически значимым признаком дифференциации действия в структуре деятельности является наличие у него *осознаваемой* цели – причем, цели, не совпадающей с общей целью деятельности. Тем самым, на действие автоматически и совершенно объективно транспонируется само качество *осознаваемости*, *состояние* осознаваемого контроля – состояние сознания, взятое в его актуальном и конкретном бытии. В каждый отдельно взятый момент времени, соотносящийся с реализацией того или иного действия, осознаваемый контроль за ним, его осознаваемая

репрезентация образует собой актуально переживаемое, осознаваемое содержание психики, всю *субъективную реальность* в ее *актуальном* проявлении. «Цепь» действий, точнее – их последовательность, а еще точнее – их временная организация, собственно говоря, и эквивалентна деятельности в целом. Однако, тем самым *эта же* «цепь» (последовательность – временная структура) предстает и как последовательность *состояний осознания*, то есть как его *собственная* – так сказать «внутренняя» динамика, которая, в свою очередь, во многом вообще и репрезентирует субъектность как таковую. Причем, сами действия, в силу также уже отмечавшейся одноканальности сознания, строго говоря, не могут запараллеливаться, а реализуются иным образом, то есть именно одноканально – согласно принципу *последовательности*.

Таким образом, можно видеть, что последовательность действий выступает и как последовательность *состояний сознания*. Это – последовательность, точнее, своего рода временная динамика состояний *самого субъекта*, само «бытие субъектности» в плане ее временного развертывания. При этом, однако, уже не динамика субъективного мира дробится на отдельные «кванты» (действия), а наоборот, они сами как раз и *порождают* ее. Тем самым, действия, а также их организация выполняют генеративно-порождающие функции; они в известной мере *порождают субъективное время*, а не только выступают *средством* адаптации к нему.

Далее, именно временная *последовательность*, точнее – временная структура действий, составляет саму *суть* деятельности как таковой; обуславливает существование *процесса* деятельности проявление собственной временной организации. Тем самым эта организация в значительной степени транспонирует на себя и основные свойства параметра времени в целом. «Ось времени», с одной стороны, и временная структура деятельности, с другой, оказываются принципиально подобными; вторая, фактически, воспроизводит первую. К чертам такого принципиального подобия необходимо отнести следующие атрибуты: одномерность, однонаправленность, непрерывность (континуальность), цикличность, принципиальную квантифицируемость (дискретность), «длительность» (продолжительность) и др. Тем самым, процесс деятельности оказывается в значительной мере и в своих наиболее принципиальных чертах подобным и даже

*изоморфным «оси времени»<sup>23</sup>. Деятельность* выступает и как *длительность*, а сама длительность (временная протяженность состояний субъекта) обретает форму деятельности и, фактически, *является* ей. Деятельность эксплицируется и как средство *приспособления* к объективному времени, и как средство, *порождающее* субъективное время, а также – в определенной мере и как средство активного, субъективного контроля за ним.

Именно темпоральная – диахроническая организация действий в комплексы, точнее, в подсистемы (субсистемы по отношению ко всей деятельности), в целостные «временные паттерны» является, по-видимому, исходной и базовой. В связи с этим, можно сформулировать предположение еще более общего плана, согласно которому именно диахроническая организация временных «составляющих» деятельности выступает в качестве базовой и определяющей, а потому – и генетически первичной по отношению к ее субстанциональной организации. *Процесс* деятельности организует ее структуру, а не *структура* детерминирует процесс<sup>24</sup>.

На основе проведенного выше анализа можно заключить, далее, что, по-видимому, именно различия в собственно темпоральной организации и сама эта организация как таковая выступает первичной по отношению общей – в том числе и структурной организации деятельности. Она является своего рода активным началом по отношению к особенностям и закономерностям собственно содержательной организации уровней. Тем самым, временная организация выступает, фактически, одним из основных *операционных средств* и, по-видимому, даже – *механизмом* собственно субстанциональной, то есть содержательной организации основных уровней деятельности. Сама же временная иерархия деятельности в этом плане, не исключено, должна быть проинтерпретирована в качестве первичной по отношению к субстанциональной, содержательной. Именно различия во временном масштабе уровней создают *объективно* необходимые (и также –

---

<sup>23</sup> Хотя, конечно, *в отличие* от полной необратимости времени, деятельность характеризуется свойством – пусть и неполной, но все же, обратимости – компенсируемости, корректируемости ее последствий.

<sup>24</sup> В этой связи вновь напрашивается аналогия данного вывода с известным положением теории управления: «функция определяет структуру» (Ч. Барнард [646]).

разные) условия для насыщения их качественно различным содержанием<sup>25</sup>. К этому принципиальному вопросу (к вопросу о соотношении двух иерархий – субстанциональной и темпоральной в организации деятельности) мы еще возвратимся в ходе последующего анализа.

### **4.5.3. Темпоральная системность в структурно-уровневой организации деятельности**

Итак, на основе проведенного выше анализа можно становится вполне очевидным, что базовой единицей темпоральной организации деятельности является *действие* – причем, в его наиболее полном и непосредственном, так сказать «классическом» виде, во всех его основных атрибутах, подробно раскрытых в психологической теории деятельности. Вместе с тем, только этими атрибутами содержание действия, но в качестве единицы уже не субстанциональной, а *темпоральной* организации деятельности, не ограничивается. Дело в том, что в самой природе действия как единицы деятельности содержатся (правда, в имплицитном виде) все необходимые и достаточные условия для складывания и формирования на их основе различных по степени сложности *временных паттернов* – «цепочек», последовательностей, временных комплексов и т.д. действий. Причем эти паттерны, как показано нами в работе [257], характеризуются в целом глубокими и принципиальными, то есть именно *качественными* различиями. В силу этого, они не только могут, но и должны быть проинтерпретированы как проявления качественно разных *уровней* временной организации деятельности. Причем, сами эти уровни подчиняются наиболее общей закономерности их структурной организации – огни синтезируются в целостную иерархию.

В данном пункте анализа мы, однако, вплотную подходим к необходимости формулировки и рассмотрению еще более общей

---

<sup>25</sup> Безусловно, мы отдаем полный отчет в том, что вопрос о «первичности – вторичности» двух типов системности по отношению к организации деятельности в целом и к ее иерархической организации, в частности, чрезвычайно сложен и не допускает, по-видимому, простых и однозначных решений. Есть основания полагать, что, в действительности, оба этих типа системности теснейшим образом взаимосвязаны друг с другом и взаимно опосредствуют друг друга. Они, фактически, синхронизированы и синтезированы в ее общей иерархической организации

и, по-видимому, наиболее принципиально проблемы. Это – проблема, связанная раскрытием закономерностей иерархической, структурно-уровневой организации деятельности как системы именно темпорального типа. Суть данной проблемы состоит в том, существует ли и, если да, то какая именно уровневая организация у деятельности именно как системы темпорального, а не только субстанционального типа?

При ее решении необходимо учитывать, в первую очередь, два принципиальных обстоятельства. Первое состоит в том, что в этих целях следует базироваться на тех представлениях, которые были сформулированы нами в параграфе 4.2 относительно общих закономерностях и особенностях *архитектонике темпоральной системности* в целом. Не дублируя, разумеется, их здесь, подчеркнем, однако, что именно они и будут использованы как основа для экспликации уровневой организации деятельности как темпоральной системы. Второе основное положение состоит в том, что решение данной задачи не должно строиться по типу поиска каких-либо *специфически-временных* единиц, то есть особых – именно временных сущностей, которые автономны и тем более – рядоположены всем иным «составляющим» деятельности. Это – тупиковый, контрпродуктивный и, фактически, некорректный в методологическом плане путь. Как раз наоборот, все эти попытки должны осуществляться на основе осознания того важнейшего обстоятельства, что сами эти «единицы» не только производны от собственно *содержательных* «составляющих» деятельности, но и, фактически, являются одними из их собственных характеристик, одним из присущих им «измерений». Таким образом, временные единиц следует искать в самом содержании деятельности, в ее компонентном составе, взятом, однако, в специфическом – именно временном «измерении». Более того, есть все основания предполагать, что решение данной задачи должно быть обязательно сопряжено не с какой-либо частной, содержательной «составляющей» деятельности, а с ее объективно *главной* «единицей». В качестве именно такой – определяющей и трактуемой в теории деятельности в качестве основной ее единицы («ячейки») понимается, как известно, действие. На наш взгляд, именно действие является не только основным субстанциональным (так сказать «морфологическим») компонентом деятельности. Оно является и аналогичным по статусу, то есть также базовым, *временным ее компонентом*;

выступает ее базовой собственно временной единицей<sup>26</sup>. В целях обоснования данного положения необходимо привлечь результаты анализа деятельности как системы темпорального типа, представленные, в частности, в работе [251].

Как неоднократно подчеркивалось выше, одним из основополагающих положений психологической теории деятельности является тезис, согласно которому базовым психологическим атрибутом действия является наличие у него *осознаваемой* цели. Причем, цель действия должна носить не только осознаваемый характер, но и обязательно *не совпадать* с общей целью деятельности. Вместе с тем, цели действий обладают и еще одним атрибутом, на который, однако, обращается существенно меньшее внимание, а сам он и поэтому явно недооценивается. Он состоит в том, что именно цели отдельных действий являются максимально конкретизированными – детализированными, дробными. В силу этого/ они уже не могут далее дифференцироваться на цели иных порядков без того, чтобы не приводить к таким единицам деятельности, которые уже не обладают атрибутом осознаваемости. Именно поэтому в действии пролегает граница между осознаваемым и неосознаваемым уровнями регуляции деятельности. Цель действий *еще* осознается, тогда как их субцели, то есть все, что «лежит под уровнем действия» (операции), *уже* не осознается. Более того, справедливость и универсальность этого обстоятельства, его определяющее для теории деятельности значение носят еще более явный и общий характер. Они связаны еще и с тем, что, фактически, сами действия как раз и дифференцируются в структуре деятельности по признаку наличия у них *осознаваемой* цели. Вместе с тем, констатируя это, нельзя не учитывать и еще одну – также очень общую и определяющую закономерность организации психики в целом и механизмов осознаваемой регуляции деятельности, в особенности, состоящую в следующем<sup>27</sup>.

Сознание как феномен, то есть как некоторое итоговое – результативное проявление целостного функционирования психики, рав-

---

<sup>26</sup> По-видимому, именно этот статус – статус временной (а не содержательной) единицы является объективно *первичным*, исходным, а потому в известном смысле – и основным.

<sup>27</sup> В общем плане она была рассмотрена нами в работе [256], в силу чего здесь будет воспроизведен лишь ее общий смысл.

но как и рефлексия, выступающая его собственно процессуальным средством, обладают, наряду, разумеется, с иными, очень разными особенностями одним – по существу, фундаментальным свойством. Это свойство неоднократно рассматривалось выше и чаще всего обозначается как их одноканальность, «однофокусность», а его суть состоит, как известно, в следующем. Осознание чего-либо *непосредственно* определяется той или иной – актуальной в каждый конкретный момент *времени* целью. Однако, само это «что-либо», то есть осознаваемое в каждый момент времени, не просто и не только подвергается автономизации. Оно подлежит не только выделению в относительно дискретном виде, но и, фактически, образует все содержание «осознаваемого психического» в *каждый конкретный* – так сказать, текущий момент времени. Оно тем самым образует *психическое настоящее* и дифференцирует его от прошлого» и будущего.

Следовательно, сам механизм осознания – через дифференциацию активности субъекта именно на действия с присущим им атрибутом цели *конституирует* психическое настоящее в каждый момент времени [258]. Чрез «цепочки», точнее – последовательности таких осознаний (представленных в деятельности как соподчиненные действия) столь же объективно и естественно порождается и само субъективное время, конституируется временная «координата» деятельности. Деятельность поэтому подвергается временной квантификации – дифференциации на единицы, в качестве которых и выступает именно через ее базовый компонент – действие. Затем и на основе этого она подвергается также и последующей интеграции. Само же действие, в силу этого, «удваивает» свой общепсихологический статус. Оно раскрывается уже не только в его традиционном («классическом») статусе основной *структурной* «ячейки» деятельности, но также и основной его *временной* единицы. И именно через такой синтез в *одном* «носителе», в одной и той же сущности – в действии обеспечивается синтез «содержательного» (субстанционального) и временного (темпорального) аспектов деятельности. Этот синтез является, как можно видеть из вышеизложенного, и объективно необходимым, и вообще – единственно возможным именно в действии. В силу этого, сама его констатация не только не является уходом от решения проблемы поиска «временных единиц», но, напротив, – абсолютно необходимым условием такого решения. Временные еди-

ницы целого (в данном случае деятельности) не могут иметь внесодержательного, не связанного с «субстанцией», то есть с ней самой характера. Напротив, они должны быть *производны* от него, причем, не столько от тех или иных его частных аспектов, сколько от его базовых и основополагающих особенностей. Именно это и обнаруживается через связь «временных единиц с базовым и определяющим структурным компонентом деятельности – действием»<sup>28</sup>.

Далее, очень показательно и то, что с позиций именно такого решения оказывается возможным предложить и решение еще одной – существенно более общей задачи. Она состоит в экспликации иных – качественно отличных от базовой временной единицы форм организации деятельности. Очень характерно и то, что эти – все более усложняющиеся формы и паттерны являются атрибутивно все же производными от самой базовой временной единицы и выступают как закономерные продукты ее качественных трансформаций. Действительно, как мы уже отмечали выше, базовая единица временной организации должна воплощать в себе (пусть пока и в неразвернутой форме) качественную определенность всего целого, которое и подвергается структурному анализу. Констатируя это, следует исходить из того, что именно такой качественной определенностью по отношению к параметру времени, безусловно, выступает, прежде всего, сама *длительность*, протяженность как таковая. Вместе с тем, она объективно конституируется лишь в том случае, если у нее будут представлены те границы – те события, которые фиксируют ее начало и завершение. В этом плане сама по себе длительность, а соответственно, и протяженность как безусловные и важнейшие референты времени, с необходимостью предполагают *десинхронизированность*, как минимум, двух каких-либо событий – их временную *разнесенность*. Лишь при ее условии объективно возникает возможность самого феномена «протяженности» – *длительности* и, соответственно, возникновение качественной определенности временных систем как таковых.

Вместе с тем, такая разнесенность (десинхронизированность) представлена по отношению к базовой временной единице в отно-

---

<sup>28</sup> В ходе дальнейшего рассмотрения будут использованы материалы параграфа 4.2, поскольку в них раскрыта архитектура временной системности, являющаяся основой для временной организации деятельности.

сительно *простейшем* из всех возможных виде. Естественно, что именно этим – максимально простейшим видом десинхронизации являются отношения *прямого*, непосредственного следования двух каких-либо событий (В *непосредственно* следует за А; А *непосредственно* предшествует В). В данном отношении, которое было обозначено в разделе как *отношение следования* и сам параметр времени (как эквивалент протяженности, длительности), и степень сложности временной организации представлены в простейшем из всех возможных виде. Вместе с тем, они здесь *уже* представлены, то есть уже имеет место качественная определенность времени как такового; возникает и простейшая форма собственно временной организации. Это дает все необходимые основания для того, чтобы рассматривать данную форму временной организации («отношение следования») в качестве базовой единицы временной организации в целом<sup>29</sup>.

Очень показательно и то, что именно эта базовая временная единица и соответствующий ей тип «отношений следования» содержат в себе необходимые предпосылки для экспликации качественно иных форм и уровней временной организации деятельности. Более того, две так сказать «соседних» – ближайших к ним формы (и, соответственно, – уровня) *непосредственно* выводятся из них посредством вполне закономерных трансформаций; поясним сказанное.

В самом деле, временная протяженность, длительность становится все менее представленной в том случае и в прямой зависимости от того, в какой редуцируются указанные выше отношения следования. Ее ощущение – субъективная репрезентация редуцируется прямо пропорционально тому, как отношения следования, являющиеся результатом *десинхронизированности* двух событий, трансформируются в принципиально иной тип временных отношений – *синхронизируются* и предстают как «отношения синхронизированности». Синхронизированность двух элементарных событий, то есть их *«временной синтез»* ведет, фактически, к *деструкции* исходного компонента временной организации. Точнее говоря, она приводит

---

<sup>29</sup> Можно видеть, что в данном контексте вновь возникает необходимость обращения к тем материалам, которые уже были рассмотрены в параграфе 4.2. и которые раскрывают особенности и закономерности архитектоники временной системности в целом.

к его трансформации в такую единицу временной организации, которая, являясь необходимой для нее, уже утрачивает ее качественную определенность (длительность, протяженность, последовательность). Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что сама по себе синхронизированность («отношения синхронии») является *объективно необходимой* для временной организации. Дело в том, что десинхронизированность как, действительно, объективное условие этой организации возникает лишь в том случае, если «уже есть то, что может быть десинхронизировано».

В феномене синхронизированности, таким образом, происходит *деструкция* базового атрибута времени и временной организации. Вместе с тем, речь идет лишь о деструкции *субъективной* репрезентации данного атрибута. Однако это вовсе не означает, что сама временная синхронизация «не обязательна» для общей организации деятельности. Как раз напротив, она выступают *онтологической* базой для нее, поскольку сама десинхронизация обязательно «рождается» из чего-либо. Десинхронизация («отношения следования») как компонентное значение критерия-дискриминатора временных систем невозможна без и «вне» их предшествующей синхронизированности. Это положение, кстати говоря, очень хорошо согласуется с современной точкой зрения на природу процессорной организации как таковой, особенно явно представленной по отношению к психически процессам. Дело в том, что любой сложноорганизованный процесс (то есть, другими словами, – временная система) строится в плане своего функционального генезиса не по типу *интеграции* какой-либо совокупности тех или иных этапов, которая *уже* дана до их организации. Как раз наоборот, он (в общем случае) строится по типу *дифференциации* исходной целостности лишь на те части – этапы, которые необходимы и достаточны для достижения цели процесса. Тем самым, исходная целостность, в которой доминируют, естественно, механизмы синхронизации, дифференцируется на временные части, которые и являются следствием действия механизма десинхронизации.

Далее, столь же естественным и органичным, даже – необходимым является и трансформация «отношений следования» (характерных для базовой временной единицы) в качественно иной по степени сложности тип временных отношений. Его суть состоит в следующем. Дело в том, что сами отношения следования, которые являются

относительно простейшими из всех возможных, могут, разумеется, усложняться – причем, совершенно естественным, необходимым и понятным образом. Так, наиболее простым и естественным является простая кумуляция ряда частных (парциальных) отношений следования, в результате чего возникают временные «цепочки», последовательности – временные паттерны, состоящие из целого комплекса базовых временных единиц – действий. Они образуют собой относительно самостоятельные и синтезированные по функциональному признаку, направленные, как правило, на решение тех или иных частных деятельностных задач временные фрагменты деятельности, образованные подсистемами действий, которые, в свою очередь, синтезированы в общую систему деятельности.

Другим – более сложным, но и более содержательным направлением трансформаций временной организации является следующее направление. Отношения следования могут трансформироваться из отношений *непосредственного* следования в отношения *опосредствованного* следования. В них, в отличие от предыдущих, какое-либо событие В уже не прямо – не *непосредственно* следует за событием А, то есть локализуется на временной оси не *сразу* же за ним, а отделено от него какими-либо иными событиями. Такое временное *опосредствование* ведет, однако, к двум фундаментальным следствиям.

Во-первых, само по себе опосредствование, означая разнесенность событий вдоль «оси времени», порождает еще один важнейший атрибут времени (как объективного, так и субъективного). Это – его *дискретный, интервальный* характер. Действительно, те события, которые связаны друг с другом не прямо, а опосредствованно, то есть не переходят прямо и непосредственно одно в другое, с *необходимостью* порождают возникновение *интервала* между ними, что и дает «на выходе» указанное свойство. Вместе с тем, такая отсроченность – разнесенность не является чем-то исключительным. Как раз наоборот, она выступает объективным следствием и продуктом естественного усложнения *содержания* того или иного процесса.

Во-вторых, пожалуй, еще более важным в плане раскрытия *содержания* временной организации является то, что события, которые включаются между изначально непосредственно следующими друг за другом событиями, не только не являются в *содержательном* плане не связанными с ними, но, напротив, как правило, зависят

от них. Более того, они, как правило, порождены ими, а нередко служат и *средством* перехода от одних событий к другим. В силу этого, все они оказываются атрибутивно связанными друг с другом. Эта связь может носить либо структурный, либо функциональный, либо какой-либо иной, но обязательно *содержательный* характер. Тем самым, однако, достигается важный результат, придающий временной организации новые грани и обеспечивающий новые возможности. В *общей* временной организации дифференцируются не только ее отдельные *компоненты* (и элементы) – этапы, стадии, события, но и определенные *функциональные ансамбли* этих компонентов. Образуются «цепочки» событий – их относительно «локальные *временные комплексы*», в пределах которых они тесным образом взаимосвязаны и взаимопереходят друг в друга. Это обеспечивается за счет того, что в их основе как раз и лежат «отношения следования», хотя, разумеется, и опосредствованного. Тем самым, отношения следования трансформируются в отношения опосредствования, что и дает в итоге феномен последовательности. Он, в свою очередь, образован многократно повторяющимися, но закономерно взаимосвязанными, отношениями следования. Внутри общего состава временных систем дифференцируются такие их «части», которые уже в принципе не могут быть соотнесены с отдельными компонентами (то есть «отношения следования»), поскольку представлены их множество, причем – множеством, также подвергнутым соорганизации. Тем самым, компоненты, фактически, синтезируются в комплексы, обладающие своей необходимой организацией и представляющие собой относительно целостные в функциональном плане образования. Именно в них впервые со всей остротой встает задача временной организации – упорядочивания как такового. Феномен опосредствованности является объективной предпосылкой для подключения соответствующих – собственно организационных средств. Дело в том, что он приводит к необходимости упорядочивания этой опосредствованности – в частности, «выстраивания» элементарных событий (например, действий) вдоль оси времени.

Таким образом, можно видеть, что необходимое и естественное, хотя и относительно элементарное усложнение исходных «отношений следования» с необходимостью приводит к порождению *нового* типа временных отношений – отношений опосредствования. Через них осуществляется становления временных комплексов, образованных

последовательностями взаимосвязанных событий. Тем самым, однако, возникает объективная необходимость в их временном структурировании, в их упорядочивании вдоль «оси времени», что и эквивалентно временной организации как таковой. Вместе с тем, эта организация направлена еще не на весь процесс в целом, то есть она соотносится не с его *общей* организацией. Напротив, она по необходимости носит здесь еще *локальный* характер, так как направлена на упорядочивание лишь какой-либо части его временного содержания.

Далее, с позиций сформулированного подхода очень показательным и доказательным является возможность (и необходимость) дифференциации еще одной – качественно глубоко специфической формы, а одновременно – и уровня временной организации деятельности. Ее суть заключается в следующем. Одной из аксиом системного подхода является положение, согласно которому именно по отношению к организации систем *в целом*, ведущим и определяющим началом – *системообразующим фактором* выступает цель той или иной системы. Данное положение достаточно подробно и в различных аспектах уже неоднократно рассматривалось выше.

Однако трудно не видеть того, повторяем – очень показательного и доказательного обстоятельства, что именно *это же* характерно (и вообще атрибутивно присуще) и собственно временной организации как таковой. Более того, по отношению к ней данное положение представлено с еще большей степенью отчетливости, демонстративности и даже – очевидности. Это проявляется в двух основных планах, фиксирующих, соответственно, два основных механизма временной организации.

Во-первых, совершенно очевидно, что сложность тех «отношений следования», которые составляют содержание компонентного уровня временной организации, может претерпевать и иные – дополнительные по отношению к уже рассмотренным, типы трансформации. В самом деле, отношения прямого следования (В следует сразу же за А) могут трансформироваться не только по типу внесения в них опосредствования как такового (В, следуя за А, опосредствуется еще и включением между ними С, D и др.). Дело в том, что такого рода временные связи (и непосредственного и опосредствованного типов) могут устанавливаться не только между *локальными* компонентами процесса – его так сказать элементарными событиями, но и между

каждым из них, с одной стороны, и *общей* целью всего процесса, с другой. Разумеется, все это может иметь место лишь в отношении тех процессов – тех временных сущностей, у которых, как минимум, есть такая цель.

Вместе с тем, суть дела как раз и заключается в том, что о временных системах (в отличие от просто развертывающихся во времени явлений, то есть временных не-систем) можно говорить лишь в том случае, если они имеют такую цель. Само ее наличие как раз и является, как известно, главным критерием для дифференциации временных систем как таковых (впрочем, равно как и любых иных). Поэтому наличие у какого-либо развертывающегося во времени явления цели и, соответственно, – его принадлежность к образованиям системного типа (к временным системам) – это, фактически, взаимополагаемые явления. Но в таком случае появляются все необходимые и достаточные основания для следующего – значимого в контексте рассматриваемых задач заключения. Согласно ему, еще один принципиально возможный и обладающей собственной качественной спецификой «тип сложности» отношений между временными «составляющими» – это их связи, но не *друг с другом*, а с конечной *целью* (как системообразующим фактором). Это, в свою очередь, является основанием для дифференциации нового уровня сложности самой временной организации. По своему содержанию и смыслу он, как можно видеть, непосредственно и очень органично соответствует *общесистемному* уровню организации деятельности, в том числе – и временной.

Во-вторых, именно на этом уровне (и по отношению к этому типу сложности отношений «временных составляющих» систем) имеет место один из наиболее фундаментальных специфически временных феноменов. Он вообще во многом лежит в основе возможности их существования как таковых и обычно обозначается как феномен *временной обратимости*, точнее – *инверсии*. Данный феномен уже рассматривался выше, а его суть, напомним, заключается в следующем. По отношению к ряду наиболее сложноорганизованных (то есть, системно построенных) процессов меняется сам тип, принцип их детерминации – каузальная на целевую. Это означает, что именно цель вступает не только как конечный *результат*, но и как основной комплекс детерминант, причин развертывания и, соответственно, – организации всего *процесса*, то есть, фактически, всего содержания организации

временных систем. Следует специально подчеркнуть, что механизм «временной инверсии», позволяя реализовывать цели ее *системообразующие* функции, является атрибутивно временным по своей природе. Это еще раз демонстрирует важность данного типа системности как такового, а также его связь с иными атрибутами и типами системности – в частности, с субстанциональной. Фактически, это означает, что ни одна система, поскольку она невозможна без наличия цели в качестве ее системообразующего фактора, не может быть реализована и без воплощенности в ней временной системности. Эту же мысль можно сформулировать по-другому. Цель является системообразующим фактором и по отношению к обеспечению субстанциональных систем, и по отношению к обеспечению временных, темпоральных систем. Данную форму временной организации можно условно обозначить как *темпорально-целевую интеграцию*. В связи с этим, важно подчеркнуть и то обстоятельство, которое уже было констатировано нами в ходе теоретического анализа общей архитектоники временной системности. Оно состоит в том, что феномен цели как системообразующего фактора синтезирует два основных типа системности – субстанциональную и темпоральную.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что проведенный в работе [251] анализ вскрыл необходимость дифференциации еще одной – качественно специфической формы временной организации деятельности. В наиболее общем плане она является непосредственным следствием рассмотренной в [251] метасистемной природы и соответственно – организации деятельности. Действительно, анализ показывает, что все основные и наиболее специфические особенности данного принципа с достаточно высокой степенью очевидности проявляются и в собственно временной организации. В качестве основного индикатора – эмпирического референта этого выступает следующая хорошо известная и естественная с точки зрения общей организации систем закономерность. Согласно ей, те или иные временные «составляющие» системы (этапы, фазы, стадии акты, события и пр.) зависят не только, а зачастую – не столько от каких-либо других *собственных* ее «составляющих» или даже – от ее общей цели, а от *внешних* по отношению к ней факторов и детерминант. Эти факторы и детерминанты, имеют нередко (или даже, как правило) еще более сильный характер, чем внутренние. Они, однако, заложены

ны в содержании того – более широко и общего контекста (точнее, метаконтекста), в том числе и временного, в который онтологически и объективно включена любая временная система. Данное обстоятельство представляется настолько очевидным и значимым, а соответственно, имеющим многочисленные и хорошо известные эмпирические референты, что на нем, по-видимому, нет необходимости останавливаться более подробно. Причем, очень важно, что эти исходно внешние детерминанты и факторы не просто оказывают *влияние* на ту или иную систему. Они, как было показано выше, фактически, функционально *включаются* – «встраиваются» в ее собственное содержание. Временные системы, равно как и субстанциональные, также конституируются по типу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Это, собственно говоря, и достигается за счет вхождения в их собственное содержание исходно «внешних» по отношению к ним детерминант и факторов. Однако тем самым в их *собственном* составе и содержании оказывается воплощенным и еще одно основное значение критерия-дискриминатора – *метасистемное*.

Таким образом, подводя итоги анализу особенностей и закономерностей временной организации деятельности, можно сделать следующие заключения. Наиболее общим результатом этого анализа является обоснование положения, согласно которому, в деятельности, действительно, находят достаточно полное и развернутое воплощение средства и механизмы не только субстанциональной, но и темпоральной системности. Причем, эти средства и механизмы, с одной стороны, базируются не общей – инвариантной и унитарной единицы временной организации деятельности, в качестве которой выступает действие. Вместе с тем, они характеризуются глубокими и множественными – именно качественными различиями в содержании и степени сложности своей организации, а потому могут и должны быть проинтерпретированы как уровни временной организации деятельности. Кроме того, они однозначно и вполне естественным образом соотносятся с качественно различными типами общей временной организации.

Так, базовая временная единица (действие) непосредственно и органичным образом соответствует отношения следования (как элементарному носителю качественной определенности самого параметра времени). Эти отношения, означающие, наряду с прочими их особенностями, и то, что в них имеет место фундаментальный

феномен десинхронизации, могут претерпевать, однако, трансформации в двух диаметрально противоположных направлениях. С одной стороны, они могут редуцироваться, что приводит к возникновению столь же фундаментального феномена синхронизованности. Он, в свою очередь, находит по отношению к деятельности свое непосредственное проявление и воплощение в психологических операциях. Они, как известно, тем и отличаются, что никак не вычлениаются осознанно из структуры деятельности и потому не «занимают» никакого временного интервала в субъективном времени. С другой стороны, отношения следования могут трансформироваться по типу усложнения, что – в наиболее общем плане приводит к двум важнейшим следствиям. Первое состоит в том, что возникает еще одна новая форма временной организации, суть которой состоит в том, что эти отношения просто аккумулируются и в результате образуются «цепочки», последовательности – временные паттерны действий. Второе состоит в том, что отношения следования трансформируются в «отношения опосредствования», что также приводит к возникновению временных комплексов – паттернов действий, но имеющих уже не линейную, а иерархическую организацию.

Еще одна – быть может наиболее обобщенная и значимая форма временной организации обусловлена атрибутивными функциями цели как системообразующего фактора любой системы – в том числе, и темпорального типа. В результате возникает еще одна форма временной организации, которую можно обозначить как темпорально-целевую интеграцию. Наконец, во временной организации деятельности находит свое естественное воплощение и еще один из общих принципов структурной организации деятельности – принцип метасистемности. Выявленные формы временной организации характеризуют принципиально – именно *качественно* различные типы сложности отношений следования их базовых временных «составляющих» и, соответственно, временной организации как таковой. В результате этого в организации систем временного, *темпорального* типа реализуется тот же самый основной принцип структурной организации, который лежит в основе организации систем и *субстанционального* типа – *иерархический*. Тем самым, можно сделать заключение, согласно которому не только субстанциональный, но и темпоральный тип систем также построен на основе структур-

но-уровневого принципа. Они также строятся на основе особой целостной иерархии ряда основных макроуровней.

Вместе с тем, эти уровни образованы не субстанциональными – морфологическими, материальными единицами. Они вообще образованы не единицами как таковыми, а *отношениями* между ними. Дифференциация их на уровни возможна лишь при условии осознания и учета того, что в основе их организации лежит *релятивистский* принцип – принцип изменения степени сложности *отношений* между ее временными «составляющими», но не принцип изменения степени сложности самих этих «составляющих».

Проведенный выше анализ позволяет, однако, сформулировать заключение и более обобщенного характера. В самом деле, интерпретация именно действия в качестве основной и определяющей временной «составляющей» деятельности оказалась, как можно видеть, и вполне естественной, и достаточно конструктивной. Она привела в итоге к установлению и раскрытию целостной – согласованной и скоординированной иерархии основных уровней организации деятельности, но уже именно как системы собственно темпорального типа. С этих позиций само действие интерпретируется как такая ее единица, которая, обладая, с одной стороны, всеми основными характеристиками ее качественной определенности, с другой, является мельчайшей среди всех возможных. Именно через понятие действия (и, соответственно, через ту психическую реальность, которая в нем отражена) временные «составляющие» систем, которые были установлены посредством обобщающего и по необходимости формального анализа уровневой временной организации систем, находят свое адекватное воплощение. Они содержательно наполняются и предметно конкретизируются по отношению к одной из них – к деятельности. Действие поэтому является основной структурной единицей деятельности не только в ее субстанциональном – содержательном плане, но и основной временной единице». Тем самым, не только подтверждается, но в еще более глубоком плане раскрывается фундаментальный статус самого действия как подлинной единицы («ячейки», основного ее «кирпичика» и пр.) деятельности; этот статус раскрывается и новыми – так сказать темпоральными гранями. С еще большей очевидностью эксплицируется также и производность всей иерархической организации деятельности именно

от этой единицы – уже не только в субстанциональном, но и в темпоральном – временном «измерении» этой организации.

Наряду с этим, в свете изложенного получает свое подтверждение и еще одно – сформулированное нами выше предположение. Согласно ему, в темпоральной организации деятельности в принципе некорректно искать какую-либо *специфически*-временную «единицу». Таких – «новых» и рядоположенных всем иным ее компонентам, автономных единиц, носящих так сказать «чистый» (абстрагированный от содержания и не отягощенный им) характер, просто нет. Внесодержательных временных единиц нет и не может быть точно так же, как не может быть вневременных содержательных единиц. Кроме того, именно в этой – глубокой общности, доходящей до степени органичного синтеза, заключается и принципиальная теоретическая сложность дифференциации временных и содержательных компонентов деятельности друг от друга. Это – очень высокая сложность дифференциации двух ее системных модусов: *и* как системы *субстанционального* типа, *и* как системы *темпорального* типа.

Далее, не менее, а быть может, – и более показателен еще один результат, который вытекает из предложенного выше решения. Интерпретация действия в качестве основной временной «составляющей» деятельности (в качестве ее временного компонента) позволяет очень полно, точно, естественно и даже – исчерпывающим образом реализовать по отношению к ее собственно *временной* организации критерий-дискриминатор дифференциации уровней. Тем самым оказывается возможным обоснованно эксплицировать и ее общую иерархическую организацию как системы именно темпорального типа.

Данный результат имеет, в свою очередь, три значимых следствия теоретического плана. Во-первых, становится очевидным, что этот принцип не только может, но и должен быть распространен на качественно иной тип систем – на системы темпорального типа. Он является достаточно универсальным по отношению к различиям не только в *видах* систем, но и в их *типах*, классах, а не исключено, носит универсальный характер. Во-вторых, он позволяет выявить иерархическую организацию одной из наиболее значимых и сложных темпоральных систем – деятельности. В-третьих, факт полной воплощенности данного принципа во временной организации деятельности как системе темпорального типа следует рассматривать

в качестве необходимого и достаточного основания верификации предположения о структурно-уровневом принципе ее организации.

Вполне закономерно, что реализация этого подхода привела к дифференциации таких уровней временной организации деятельности, которые обладают наиболее выраженными – четкими и несомненными проявлениями и референтами. Более того, все они не только многократно зафиксированы эмпирически, но и закреплены теоретически в соответствующих конструктах и концептуальных положениях. В самом деле, как можно было видеть из проведенного выше анализа, он приводит, в конечном итоге, к следующему – наиболее общему результату. Все пять уровней темпоральной организации очень полно и точно соответствуют тем уровням (и, соответственно, – той психической *реальности*), которые дифференцируются по иным – традиционным, то есть содержательным основаниям. Действительно, та форма временной организации, при которой имеет место субъективная редукция качественной определенности самого времени (обозначенная как отношения синхронизации), однозначно и естественным образом соответствует уровню психологических операций<sup>30</sup>. Другая основная и качественно специфическая форма временной организации деятельности, обозначенная как отношения следования и характеризующаяся возникновением феномена десинхронизации, закономерно и естественным образом соответствует уровню действия. Еще одна – также глубоко (именно качественно) своеобразная форма временной организации, обозначенная как отношения опосредствования однозначно и органично, также естественным образом соответствует понятию функциональных комплексов действий. Они образуют целостные паттерны (подсистемы) внутри деятельности. Однако именно эти подсистемы соответствуют, как показано в целом ряде работ, еще одному – качественно специфическому уровню организации деятельности – инфрадеятельност-

---

<sup>30</sup> Подчеркнем, что при рассмотрении соотношения субстанциональной и темпоральной организации деятельности мы руководствуемся теми представлениями о ее структурно-уровневой организации, которые были сформулированы в параграфе 4.5.1., равно как и в работе [251] и которые предполагают необходимость дифференциации *пяти* (а не трех, как это полагается традиционно) основных ее структурных уровней.

ному [251, 263]. Наиболее сложная форма временной организации, обозначенная как темпорально-целевая интеграция, однозначно соответствует традиционно выделяемому уровню отдельной, автономной деятельности». Наконец, метасистемная форма временной организации, которая также очень отчетливо эксплицируется в общей темпоральной организации деятельности, однозначно соответствует уровню аналогичной, то есть также метасистемной организации деятельности, но уже в собственно субстанциональном плане ее организации.

Данное положение, в свою очередь, позволяет с высокой степенью очевидности обнаружить обстоятельство наиболее принципиального плана. Оно состоит в существовании не просто сходства или даже подобия, но, по существу, – *изоморфизма* субстанциональной и темпоральной иерархий деятельности. Более того, как показал проведенный анализ, по-видимому, именно различия в собственно темпоральной организации (и сама эта организация как таковая) выступают первичной. Она является своего рода «активным началом» по отношению к особенностям и закономерностям собственно содержательной организации уровней. Тем самым, временная организация выступает, фактически, одним из основных *операционных средств* и, по-видимому, даже – *механизмом* собственно субстанциональной, то есть содержательной организации основных уровней деятельности. Сама же временная иерархия деятельности в этом плане, не исключено, должна быть проинтерпретирована в качестве первичной по отношению к субстанциональной, содержательной. Именно различия во временном масштабе уровней создают *объективно* необходимые (и также – разные) условия для насыщения их качественно различным содержанием.

Причем, и в этом плане вновь приходится констатировать уже отмеченную и очень важную закономерность. Именно темпоральная – диахроническая организация действий в комплексы, точнее, в подсистемы (субсистемы по отношению ко всей деятельности), в целостные «временные паттерны» является исходной и базовой. Поэтому и диахроническая организация временных «составляющих» деятельности выступает в качестве базовой и определяющей по отношению к ее субстанциональной организации. *Процесс* деятельности организует ее структуру, а не *структура* детерминирует процесс.

Если доводить осуществляемый здесь анализ до его логического завершения, то можно, по-видимому, сделать и более категоричное

заключение. Он показывает, что те представления, которые сложились к настоящему времени относительно структурно-уровневой организации деятельности в целом, неправомерно (или, по крайней мере – недостаточно) трактовать в том смысле, в каком это обычно делается. Сами уровни рассматриваются, согласно традиционным взглядам, в качестве образований, прежде всего, собственно *содержательного, субстанционального* плана (или даже – исключительно как таковые). В результате дифференцируются известные структурные уровни (уровни операций, действий и автономной деятельности). В действительности же, в этих «классических» представлениях зафиксированы различия, обусловленные не столько содержательным, сколько именно временным «измерением» деятельности. Поэтому иерархическая экспликация деятельности, представленная в них, это, фактически, ее экспликация в качестве именно временной системы, то есть системы темпорального типа. Само же действие как базовый компонент данной иерархии – это, прежде всего, именно «временная единица», в рамках которой и на основе которой обеспечиваются необходимые условия для обретения ей своих основных субстанциональных (содержательных) характеристик. Именно поэтому анализ общей проблемы структурно-уровневой организации деятельности как системы темпорального типа привел в итоге отнюдь не к обнаружению какой-либо «новой» иерархии – рядоположенной ее «содержательному измерению». В действительности, он привел к принципиально к *той же* самой уровневой дифференциации, которая присуща деятельности и как системе субстанционального типа и которая закреплена в традиционно сложившихся представлениях.

Вместе с тем, суть дела как раз и заключается в том, что последняя должна быть обязательно реинтерпретирована. Она должна быть понята не в качестве иерархии только субстанционального типа (и даже – не *столько* в этом качестве), сколько в статусе собственно *временной иерархии*. При такой интерпретации со всей отчетливостью вскрывается принципиально ее *противоречие* между истинным, то есть *временным* характером данной иерархии (и ее основного компонента – действия) и сложившейся, очень устойчивой традицией их исследования атрибутивно субстанциональных психологических образований. В свою очередь, осознание данного противоречия позволяет в значительной мере преодолеть многие трудности и пара-

доксы, обнаруживающиеся в исследованиях как отдельных уровней деятельности, так и межуровневых взаимодействий.

Итак, на основе проведенного анализа можно заключить, что в структурной и функциональной организации деятельности, действительно, с высокой степенью комплексности и показательности воплощены базовые особенности и закономерности, принципы и эффекты и собственно темпоральной системности. Поэтому она также должна быть эксплицирована в качестве системы не только субстанционального, но и темпорального типа. Вместе с тем, данное заключение делает еще более обоснованным и сформулированное ранее предположение, согласно которому не только деятельность, но и иные – также основополагающие психические структуры и образования в целом и наиболее сложное и репрезентативное из них – сознание, в частности, также воплощают в себе базовые закономерности темпоральной организации и временной системности. К рассмотрению этого вопроса теперь и необходимо перейти.

#### **4.6. Временная системность в организации сознания<sup>31</sup>**

Действительно, согласно данному предположению, в функциональной организации целого ряда структур и образований, процессов и качеств психики в целом и сознания, в особенности, воплощен особый и качественно специфический тип системности – темпоральная. Вся функциональная организация такого рода систем, их «бытие во времени» (как наиболее общий модус функционирования в целом) базируется на активном использовании не только того типа системности, который традиционно дифференцируется в системном подходе – на структурно-содержательной (синхронической) системности, но и на системности качественно иного типа – временной (диахронической) системности. Это, в свою очередь, означает, что функциональная организация сознания предполагает опору на специфические – временные системные качества как операционные средства данной организации. Сам же процесс функционирования сознания

---

<sup>31</sup> В этом разделе мы будем опираться на результаты теоретико-методологического анализа проблемы функциональной организации систем со «встроенным» метасистемным уровнем рассмотренные в параграфе 2.2.3.

представляет собой поэтому в значительной мере специфическую систему временного – собственно диахронического плана. Естественно, что при этом сразу же возникает целый ряд вопросов, связанных с самими понятиями временной системности и временных системных качеств. Прежде всего, это, разумеется, вопросы о том, *что именно* они представляют; как возможно существование, наряду со структурно-содержательной, еще и временной системности; в чем заключаются конкретные механизмы их действия; как они вплетены в общую «ткань» функциональной организации сознания и какими конкретно закономерностями они при этом характеризуются. Все эти вопросы были рассмотрены в работах [256, 257], на материалы которых мы будем опираться в ходе дальнейшего анализа.

Прежде чем перейти к нему, представляется целесообразным, однако, сделать ряд предварительных замечаний методологического плана. Во-первых, необходимо учитывать общее положение, согласно которому структурный и функциональный планы изучения сознания не только теснейшим образом взаимосвязаны, а второй из них в значительной мере базируется на первом и, более того, является его конкретизацией и детализацией. Одновременно он должен развивать и углублять те данные, которые были получены при его реализации и представлены в главе 3. Во-вторых, взаимосогласованность и непротиворечивость данных, полученных в каждом из указанных планов, если она обнаружится, может и должна рассматриваться в качестве средства верификации обоснованности этих данных. В-третьих, следует обязательно учитывать и еще одну – очень характерную именно для разработки проблемы сознания особенность его исследования как в структурном, так и в функциональном планах и состоящую в следующем. Это исследование, а также реализация какого-либо его отдельного аспекта сопряжены с трудностью дифференциации общих структурных и функциональных закономерностей организации психики в целом и специфических закономерностей сознания. Хотя такая дифференциация и является, разумеется, необходимой в гносеологическом отношении, нельзя не учитывать ее условности и относительности в онтологическом отношении. Дело в том, что одной из наиболее характерных особенностей и черт организации сознания в целом как раз и является производность его собственных закономерностей от общих закономерностей психики в целом, их исполь-

зование в его структурно-функциональной организации. Учитывая эти положения и базируясь на представленных выше результатах, перейдем, далее, к рассмотрению того, каким образом темпоральная системность реализована в организации сознания.

Одним из основных принципов, лежащих в основе всей функциональной организации психики в целом и сознания, в особенности, является, как известно, представленность в ней двух качественно различных формы бытия психического – актуальной и потенциальной, реально репрезентированной и виртуальной, что феноменологически представлено в его дифференциации на *осознаваемое* и *неосознаваемое* содержание. Причем, последнее может выступать не только как классическое бессознательное, интерпретированное в его традиционном смысле, но и как метасознательное, то есть как такое неосознаваемое, которое уже прошло опосредствование сознанием и приняло вторичную форму – форму знаний. Взаимообратимый перевод этих форм составляет важную грань общей функциональной организации психики в целом и сознания, в частности. Вместе с тем, существуют очень явные и многообразные референты эмпирического и феноменологического плана, свидетельствующие о том, что эти две формы выступают принципиально различными не только в качественном отношении, но в еще одном отношении – объемном, количественном. Актуально осознаваемое содержание психического, составляющее суть первой формы, всегда заведомо и на много порядков меньше по своим объемным – количественным характеристикам, нежели содержание второй формы. В качестве содержания последней выступает, по сути, вся совокупность знаний, представленных в индивидуальном опыте, то есть та информация, которая, пройдя опосредствование сознанием (уже бывшая осознанной), трансформировалась, однако, затем в свою превращенную форму – в форму своеобразного «кристаллизованного сознательного» – метасознательного. Более того, при сопоставлении объемных характеристик этих форм речь должна идти уже не просто о собственно количественных различиях, а о различиях принципиального, кардинального характера, радикальным и определяющим образом влияющих на функциональную организацию как самого сознания, так и психики в целом. Дело в том, что сквозь призму этих, повторяем, принципиальных и кардинальных различий очень отчетливо проявляется

следующая – столь же общая особенность эволюционного развития всех сверхсложных систем в целом и психики как одной из наиболее типичных сред них, в частности.

С одной стороны, и с адаптационной, и с эволюционной точки зрения, а также во многих иных отношениях, генезис этих систем (как в общем виде, так и в каждом конкретном – индивидуальном случае) не только объективно предполагает возможно большее увеличение их информационной емкости, возможно большее их обогащение собственным содержанием, но и во многом и заключается в такого рода увеличении и обогащении. Понятия сложности систем и меры полноты, богатства их собственного содержания (внутреннего разнообразия) являются во многом взаимополагаемыми. Чем большим внутренним содержанием, большей «информационной емкостью» (представленным по отношению к психике объемом индивидуальных знаний, зафиксированных в ней) обладают системы, тем выше их адаптивные и все иные возможности, больше их собственный потенциал. Именно поэтому расширение арсенала знаний, обогащение представленных в них и «через них» индивидуального опыта и составляет определяющую линию генезиса психики в целом, обладающую объективным характером и, безусловно, позитивным адаптивным смыслом. Это, повторяем, – объективная закономерность, без которой формирования и прогрессивного развития сверхсложных систем было бы, фактически, невозможным.

С другой стороны, нельзя не принимать во внимание и тот – столь же объективный факт, согласно которому все, даже сверхсложные системы, наряду со своими так сказать информационно-содержательными характеристиками, обладают еще и характеристиками иного плана. Это – характеристики собственно функционального, ресурсного плана, обусловленные их структурными, динамическими и даже морфологическими особенностями. Они кардинально отличаются от первых тем, что имеют столь же принципиально ограниченный характер. Ограничения такого плана имеют множественный и хорошо известный характер: это объемные, динамические, точностные, а также иные типы ограничений. Важно и то, что все они, в конечном итоге, обусловлены характеристиками объективного плана, коренящимися в особенностях структурно-функциональной, психофизиологической организации психики и даже ее морфоло-

гических основ. Диапазон них развития, потенциал их повышения в онтогенезе просто несопоставим с тем, в котором могут развиваться – расширяться информационно-содержательные характеристики. Фактическая несопоставимость этих диапазонов приводит к тому, что в ходе онтогенетического развития очень рано возникает фундаментальное противоречие. Это – противоречие между объемом той информации – тем содержанием, которое содержится в индивидуальном опыте (в совокупности знаний) и которое потенциально может быть привлечено к организации взаимодействия со средой, с одной стороны, и тем объемом, который реально – актуально доступен использованию, с другой. Последний как раз и лимитирована присутствиями психике ресурсными ограничениями. Актуально, в каждый конкретный момент времени такого взаимодействия система (психика) в принципе не может использовать весь свой информационно-содержательный потенциал в силу присущих ей же объективных ограничений ресурсного типа. Психика в ходе своего эволюционного развития объективно и достаточно рано в онтогенетическом плане переходит через своеобразный «порог», когда вся она в целом – в аспекте ее информационного содержания, в аспекте знаний, зафиксированных в ней, в принципе не может взаимодействовать со средой по типу актуального использования всего этого содержания. Эта ситуация, впрочем, характерна и для иных сверхсложных систем: их содержательная, информационная емкость такова, что взаимодействие этих систем со средой практически никогда не может разворачиваться по типу актуальной интеграции всего их содержания, в силу присущих им ограничений ресурсного типа.

Следует обратить также специальное внимание и на то, что обе эти особенности сами по себе, так сказать в отдельности несут не только объективный, но и очень позитивный с адаптационной точки зрения характер. Что касается первой из них – прогрессирующего расширения информационной емкости, то ее адаптационное значение, по-видимому, не нуждается в комментариях. Однако и вторая особенность также весьма целесообразна, поскольку подавляющее большинство ситуаций взаимодействия со средой отнюдь не требует полной интеграции системы, полного вовлечения в это взаимодействие всего ее информационно-содержательного потенциала. Более того, такая исчерпывающая вовлеченность и полная интеграция (или

даже – стремление к ним) в ходе организации взаимодействия со средой носит, фактически, эксклюзивный – достаточно редкий характер, не являясь типичным, массовым случаем.

Таким образом, складывается следующая противоречивая картина. Информационно-содержательный потенциал системы – психики в принципе, то есть именно потенциально практически всегда таков, что он в состоянии обеспечить намного более богатое и комплексное, а потому – более эффективное взаимодействие со средой, нежели это возможно с точки зрения присущих ей закономерностей ресурсного (ограничивающего) плана. Потенциал всегда шире и богаче, нежели его актуальная реализуемость в каждый момент времени, в каждом конкретном акте взаимодействия со средой. Следовательно, объективно необходим такой механизм, такая – по-видимому, достаточно фундаментальная закономерность функциональной организации, которая позволяла бы и использовать этот потенциал, и в то же время, разумеется, не нарушать объективно присущих психике ресурсных ограничений. Эту же мысль можно сформулировать и несколько по-другому. Актуальное, то есть развертывающееся в каждый конкретный интервал времени взаимодействие системы (в частности, психики) со средой в принципе не может развертываться и осуществляться на уровне полной и исчерпывающей интеграции всего ее потенциального содержания. Оно, повторяем, актуально – в каждый конкретный момент (интервал) времени – может реализовываться лишь по типу неполной, частичной, то есть своего рода парциальной интеграции, частичного использования ее потенциала. Вместе с тем, столь же очевидно и то, что с адаптационной точки зрения было бы крайне нецелесообразным и не использование этого потенциала в возможно более полном виде. Но в таком случае возникает вопрос: как же преодолеть указанное противоречие? Как совместить, казалось бы, несовместимое – практически неограниченный информационно-содержательный, «заниевый» потенциал и достаточно ограниченные ресурсные возможности его актуального использования?

Прежде чем и для того, чтобы попытаться ответить на данный вопрос, необходимо, на наш взгляд, привлечь известную в методологии науки в целом и в психологии, в частности, дифференциацию систем на так называемые системы «с немедленным реагированием» и системы с «отсроченным реагированием» [124]. Первые характе-

ризуются тем, что в каждом актуальном взаимодействии ос средой в него вовлекается именно весь их потенциал, а само это взаимодействие осуществляется на уровне полной интеграции всего их содержания и реализуется поэтому как бы все сразу, то есть в симультанной форме. Вторые системы, наоборот, характеризуются тем, что взаимодействие подвергается сукцессированию, дробиться на «кванты», каждый из которых реализуется не на уровне полной интеграции всего содержания системы, а на уровне частичной интеграции, обеспечивая тот или иной – парциальный аспект этого взаимодействия, парциальный вклад в него. Кумуляция – накопление этих вкладов, представленная, однако (по определению) в сукцессированной форме – в форме процесса взаимодействия и лежит в основе его реализации. Следовательно, системы с «отсроченным реагированием» потому и являются таковыми, что обретают качественно новую особенность – они оказываются в состоянии создавать некоторый временной резерв, конституировать, а затем использовать определенный интервал времени своего собственного функционирования. Этот резерв, интервал локализован между «ориентацией в ситуации» и совокупностью ответных воздействий системы на нее с целью ее преодоления. Он составляет ту самую «отсроченность реагирования», которая характерна для такого рода систем и образует, в коечном счете, собственное время их функционирования. Можно видеть, таким образом, что системы с «отсроченным реагированием» в определенном смысле порождают свое собственное время, а затем используют его как важный функциональный ресурс своей организации. Вместе с тем, естественно, что оно, а также способность к его генерации и реализации, должно обладать конгруэнтностью по отношению к объективному времени – должно быть адекватным и соразмерным ему. Для этого системы с «отсроченным реагированием» должны обладать способностью к определению допустимого интервала отсроченности реагирования. Таким образом, эти системы обретают своего рода «триаду» особенностей: принципиальную возможность для создания самого временного интервала; определение меры его допустимых границ; активную организации своего функционирования в пределах данного интервала. В результате этого такого рода системы обретают принципиально новую возможность – возможность распределять свой функциональный ресурс во времени, диф-

ференцировать и «квантовать» это взаимодействие, обеспечивая реализацию в каждом таком «кванте» парциальную реализацию всего их потенциала, а в их совокупности (точнее – в организованной последовательности) гораздо более полное воплощение их потенциала.

Кроме того, известно, что общая и магистральная линия эволюции систем как таковых (в особенности – живых, организмических) как раз и состоит в переходе от их построения по типу немедленного реагирования к отсроченному реагированию, а также – в его дальнейшем прогрессивном усложнении последних. Оно проявляется, в частности, в увеличении времени самой «отсрочки реагирования». На наш взгляд, можно допустить, что именно эта линия не только находит прямое воплощение в функциональной организации сознания как такового, но и, по существу, лежит в основе этой организации, составляет самую ее суть.

Действительно, как было показано выше, потенциальное – информационно-знаниевое содержание психики очень велико и, более того, чем оно масштабнее, «тем лучше» для индивида. Оно поэтому – именно по своим объемным, количественным характеристикам в принципе не допускает своей полной реализации в каждом конкретном акте взаимодействия со средой. Решающим фактором такой невозможности выступают объективно присущие психике в целом и сознанию, в частности, ресурсные ограничения. Однако, невозможность использования потенциала в какой-либо конкретный, отдельно взятый момент времени, на каком-либо ограниченном временном интервале отнюдь не означает невозможности такого использования вообще. Это становится возможным, благодаря механизму сукцессирования взаимодействия, дифференциации его на временные «кванты», в каждом из которых реализуется какая-либо часть этого потенциала, но синтез – кумуляция которых как раз и обеспечивает уже не парциальную, а интегральную его реализацию. Другими словами, в каждом конкретном акте сознания, в каждый отдельно взятый момент «бытия сознания» в нем воплощен лишь какой-либо достаточно узкий фрагмент всего информационно-содержательного потенциала психики. Само осознание в значительной мере и эквивалентно такому – частичному, парциальному использованию этого потенциала. Вместе с тем, сама суть сознания как раз и заключается в том, что оно, выступая актуально как некоторое состояние, объективно представлено как целый ряд

последовательных – парциальных осознаний, непосредственно чередующих друг друга и являющихся предпосылками, основаниями друг для друга. Тем самым общий потенциал получает уже не свою однократную, а многократную реализацию, что, разумеется, резко повышает и общую степень его воплощенности во взаимодействии со средой (с ситуацией). Кроме того, такой принцип функциональной организации позволяет достичь еще одного – очень важного эффекта. Дело в том, что многократное, итеративно организованное и потому – представленное в сукцессированной форме сканирование практически неограниченного информационно-содержательного потенциала само по себе создает принципиальную возможность аналогичной, то есть также многократной реализации в этих целях одной и той же – достаточно ограниченной совокупности операционных, процессуальных средств. Прогрессивное расширение информационного потенциала оказывается не привязанным жестко к расширению арсенала операционных средств по его использованию. В противном случае такой «арсенал» должен был бы формироваться в аналогичном, то есть также практически не ограниченном виде, что и нецелесообразно, и попросту невозможно. Проще говоря, данный принцип позволяет достаточно ограниченному набору операционных и процессуальных средств регулировать практически неограниченный (и уж во всяком случае – очень большой, принципиально открытый информационно-содержательный потенциал). Собственно говоря, именно это и имеет место в одной из фундаментальных особенностей организации психики, заключающейся в том, набор, арсенал такого рода процессуальных (операционных) средств является достаточно ограниченным и образован совокупностью основных когнитивных процессов.

В этом пункте анализа необходимо обратить специальное внимание на еще одно – крайне важное, на наш взгляд, обстоятельство. Дело в том, что само это сукцессированное и представленное в форме процесса, включающего цепь актов осознания взаимодействие, может либо менее, либо более эффективным. Сама же эффективность решающим образом зависит от того, насколько эта «цепь», последовательность актов осознания будет организована и, следовательно, насколько парциальные результаты этого взаимодействия обеспечат в своей совокупности их совместный – кумулятивный эффект. Другими словами, эта последовательность должна быть представлена уже не просто как

«поток», не как сумма отдельных актов осознания», а как их закономерно организованная последовательность, подчиненная общей логике и направленная на достижении единой цели. Следовательно, она должна быть подвергнута организации, наиболее эффективной формой которой, по-видимому, и является организация именно системного типа, то есть воплощенность в последовательности отдельных актов осознания основных черт системности, но уже, разумеется, не структурно-содержательной, а диахронической, временной.

Таким образом, можно видеть, что в каждом акте осознания объективно может реализовываться лишь какая-либо – очень ограниченная часть общего информационно-знаниевого потенциала психики; и в этом смысле само сознание, казалось бы, весьма несовершенно, поскольку в каждый конкретный момент времени оно не воплощает сколько-нибудь существенно доли всего содержания психики. Вместе с тем, суть дела в том и состоит, через механизм множественности этих актов и, соответственно, их парциальных результатов достигается возможность их последующей кумуляции, а тем самым обеспечения достаточно полной реализации этого потенциала. Психика настолько сложна и обладает настолько большим – практически необозримым информационно-содержательным потенциалом, что он не допускает его симультанной реализации – так сказать «полностью и сразу», в каждом отдельно взятом акте взаимодействия. Однако это взаимодействие допускает квантификацию, дифференциацию вдоль «оси времени» и последующую кумуляцию частичных – парциальных результатов. Такими «квантами» как раз и являются отдельные акты осознания и те результаты – знания, которые они дают «на выходе» и кумуляция которых обеспечивает возможность реализации информационно-содержательного потенциала психики. Реализация этого потенциала, невозможная «сразу и одновременно», становится возможной, однако, будучи сукцессированной – растянутой вдоль «оси времени». Сознание как раз и является операционным средством этой временной квантификации, но при условии, однако, эффективной соорганизации отдельных «квантов».

Итак, можно видеть, что разрешение фундаментального противоречия – между объективной возможностью полной реализации практически неограниченного информационно-знаниевого содержания психики и столь объективной невозможностью этой реализации

(в силу ресурсных психофизиологических ограничений) оказывается достижимым на основе становления и формирования, развития и функционирования в ее структуре сознания как такового. Именно оно выступает механизмом временного квантования реализации общего информационно-знаниевого потенциала на парциальные акты (акты осознания) и их последующую организацию – интеграцию в процессе осознанно регулируемого взаимодействия со средой. Вместе с тем, данный вывод приводит к постановке новых вопросов, а основными среди них являются следующие. Как именно и на основе каких закономерностей осуществляется такая квантификация? Как, в какой конкретной форме функциональная организация сознания включает в себя временную координату? Каким образом осуществляется интеграция отдельных квантов и их результатов в общем – едином и организованном процессе осознания? К их рассмотрению, следовательно, теперь и необходимо перейти.

Прежде чем непосредственно обратиться к ним, представляется целесообразным сделать необходимое с точки зрения обоснования общего подхода к их анализу отступление. Действительно, на первый взгляд может показаться, что по отношению именно к процессуальной организации сознания и к сознанию в целом параметр времени наименее специфичен и играет достаточно незначительную роль (особенно в феноменологическом, субъективном плане). Он иногда вообще «ускользает» от этого плана, поскольку сознание – в его относительно неразвернутых проявлениях, а в особенности – взятое как единичный акт осознания, характеризуется принципиальной симультанностью и, следовательно, практическим отсутствием собственно временной организации. Однако он же (параметр времени) может быть, наоборот, представлен в нем и максимально полно, очевидно и именно в силу этого не требует обоснования, представляясь самоочевидным. Понятно, что во втором случае имеется в виду максимально дифференцированная, утонченная и развернутая форма процессуальной организации сознания, представленная в процессуальной феноменологии рефлексии.

Вместе с тем, если за исходный предмет анализа взять не эти – своего рода «крайние полюса» форм развернутости процесса осознания, а его так сказать усредненную по данному параметру и потому – наиболее типичную, характерную, массовидную форму, то раскрыва-

ется существенно иная картина. При ее характеристике необходимо учитывать два следующих обстоятельства. Во-первых, базовой и генетически первичной, исходной функцией сознания является, как известно, собственно *регулятивная* функция, обеспечивающая организацию взаимодействия со средой. Она же является не только основной, но и наиболее экологичной в плане организации естественного поведения, деятельности, общения и других форм активности. Во-вторых, подавляющее большинство реальных, то есть опять-таки наиболее экологичных ситуаций являются таковыми, что они – в силу своей промежуточной степени сложности, с одной стороны, не требуют развернутых форм рефлексии. С другой стороны, они все же не могут быть преодолены «за один раз» – путем однократного их осознания и нахождения на этой основе способа выхода из них. Для их преодоления требуется, следовательно, некоторое множество, «цепь» актов осознания, каждый из которых дает то или иное видение ситуации и вносит тем самым частичный – парциальный вклад в нахождение способа их разрешения. При этом, разумеется, чем более они будут соорганизованы, тем выше будет и эффективность разрешения ситуации в целом.

Следовательно, в наиболее типичном, массовидном и поэтому – наиболее широко представленном, то есть репрезентативном случае и в наиболее экологичной – регулятивной функции сознания реализуется в виде некоторого сукцессированного процесса, содержанием которого как раз и выступает сорганизованная *последовательность* единичных актов осознания. Этот процесс будет тем более эффективным с адаптационной точки зрения, чем в большей степени он организован. Однако, это – уже собственно временная организация, содержанием которой является собственно временное структурирование сукцессивных форм сознания. Следовательно, и сам процесс развертывания осознанной регуляции, сама функциональная организация сознания при этом должна, по-видимому, воплощать в себе такого рода – временную организацию. В связи с этим, и сама временная организация должна реализовываться на основе какого-либо – достаточно общего и действенного, конструктивного принципа. Можно предположить, что им как раз и является реализация по отношению к временному структурированию, к сукцессивной организации процесса осознания механизмов и средств собственно системной организации. Однако, при этом (то есть в аспекте собственно

процессуальной организации) системность выступает уже не в своем структурном модусе, а как собственно временная системность. С этой точки зрения сам процесс (как закономерно организованное во времени функционирование) должен быть проинтерпретирован как система собственно временного, диахронического типа.

Далее, необходимо учитывать, что сформулированное выше положение о процессе как системе временного, диахронического типа не только может, но и должно быть проинтерпретировано на двух различных уровнях организации. Так, на относительно более обобщенном уровне анализа представляется совершенно очевидным и имеющим многочисленные эмпирико-экспериментальные референты, а также несомненные феноменологические проявления то положение, согласно которому сама специфика любого психического процесса как раз и заключается в том, что он является именно организованной последовательностью ряда этапов, стадий, фаз. Фактически, любой из известных психических процессов интерпретируется и раскрывается именно как закономерно организованная последовательность ряда этапов и стадий такого рода, специфичных по своему содержанию тому или иному – конкретному процессу. В этом плане можно, например, отметить известную трехчленную структуру волевого акта; принципиальную инвариантность стадийности перцептивных операций, составляющую содержание процесса восприятия и т. д. Именно временное структурирование, диахроническая организация во всех этих и многих иных случаях лежит в их основе именно как *процессов*, а в определенной степени порождает сам процесс их функционирования как систему временного типа. В результате этого и сам процесс обретает новые и существенно большие возможности – причем, тем большие, чем совершеннее его временная организация. Временная системность, как, впрочем, и любая иная, дает известную «прибавку», порождает новый потенциал и новое содержание, отсутствующее у аддитивной суммы его этапов и уж тем более – у каждого из них в отдельности. При этом очень характерно и то, что по отношению практически ко всем известным психическим процессам существует и в принципе известна та или иная – специфическая для каждого из них и инвариантная временная структура, лежащая в основе его реализации. Чем в большей степени в каждом отдельном случае тот или иной психический процесс воспроизводит эту – инвариантную структуру, тем более он организован

и эффективен. В связи с этим, можно сказать и так: по отношению к организации и реализации подавляющего большинства психических процессов речь должна идти именно об использовании механизмов временной организации, эффектов и средств временной системности.

Вместе с тем, по отношению к временному структурированию, составляющему важную грань общей функциональной организации сознания, ситуация выглядит существенно иначе, а ее сущность может быть раскрыта на более детализированном и конкретном, углубленном уровне анализа. Ее суть заключается в том, что процесс функциональной организации сознания (в отличие практически от всех иных психических процессов) не только не имеет, но и в принципе не должен иметь инвариантной совокупности каких-либо этапов – ни в содержательном плане, ни в количественном отношении; поясним сказанное. Если ситуация взаимодействия характеризуется относительно наибольшей простотой, то она – именно в силу этого – может быть преодолена посредством «простого ее осознания» и понимания, то есть «за один раз», путем однократной реализации специфического процесса осознания. В этом случае функциональная организация сознания представлена в симультанной форме и не требует, в силу ее несложности, простоты и понятности, а очень часто – и привычности, нередкой стереотипности, более сложных форм. Подчеркнем, что при этом сам процесс осознания, будучи представлен в своей простейшей и потому – симультанной форме, реализуется, тем не менее, как целостность, хотя и внутренне недифференцированная. Он подчинен определенной цели – цели осознания и понимания ситуации и позволяет реализовать ее.

Вместе с тем, это лишь одна – исходная и потому относительно неразвернутая, недифференцированная форма организации процесса осознания, представленная в максимально простых ситуациях, которые, однако, очень широко представлены в реальном поведении, деятельности, общении. Усложнение ситуаций взаимодействия объективно приводит к тому, что однократного осознания становится уже недостаточно для ее понимания и определения способа их преодоления. Такое усложнение требует реализации все большего числа парциальных актов осознания, осуществления целой их «цепи», каждый из которых, позволяя получить тот или иной частичный результат, должен быть организован со всеми другими, а в итоге посредством

кумуляции этих вкладов и дает понимание – осознание ситуации. Следовательно, и сама функциональная организация сознания, включенного в это взаимодействие, с необходимостью начинает приобретать все более дифференцированный и внутренне расчлененный вид; она квантифицируется на отдельные этапы – на частичные акты осознания. При этом следует подчеркнуть, что степень такой дифференцированности, расчлененности исходно представленного как целостность процесса всегда будет лишь такой, которая необходима и достаточна для понимания и преодоления актуально имеющей место ситуации. Таким образом, можно видеть, что степень дифференциации процесса сознания не является предзаданной и инвариантной, а определяется, исходя из сложности ситуации. Сам же этот процесс строится не по типу интеграции и организации изначально предзаданной и инвариантной совокупности каких-либо стабильных и содержательно определенных этапов, а по типу дифференциации исходно представленной целостности. Мера этой дифференциации целого определяется принципом необходимости и достаточности в плане понимания и преодоления той или иной ситуации.

Обобщая сказанное, можно заключить, что уже во всем этом, фактически, проявляются два базовых принципа функциональной организации. Во-первых, это – общий принцип функциональной, собственно процессуальной организации, согласно которому она строится не по типу интеграции предзаданной и инвариантной совокупности этапов, а по типу дифференциации исходного целого. Во-вторых, это принцип необходимости и достаточности развертывания дифференциации лишь до той степени, которая обеспечивает адекватное преодоление ситуации.

Два отмеченных выше принципа не исчерпывают, однако, всех основных закономерностей функциональной организации процесса сознания. Так, следует иметь в виду, что сама развертывающаяся дифференциация не является самодостаточной, а выступает всегда, в конечном счете, как необходимое средство, поскольку все, получаемые в ее итоге парциальные результаты осознания – затем должны быть обязательно подвергнуты интеграции, что в итоге и дает общее осознание ситуации. Следовательно, развертывающаяся дифференциация по необходимости должна быть и такой, чтобы допускать в дальнейшем возможность интеграции этих парциальных резуль-

татов. Однако, интеграционные возможности сознания (равно как и любого иного психического процесса) не являются безграничными, а напротив, как показано выше, всегда имеют те или иные ресурсные ограничения. Следовательно, уже на стадии развертывания дифференциации она должна быть такой, чтобы не противоречить этим ограничениям, а поэтому имеет место еще одна функциональная закономерность – принцип максимально допустимой (с точки зрения реализации последующей интеграции) дифференциации общего процесса на его стадии. Далее, дифференциально-интеграционные механизмы (с какой бы степенью детализации и последующего синтезирования, обобщения они ни осуществлялись) всегда и притом – совершенно объективно должны быть соорганизованы, должны управляться и координироваться – и лишь в этом случае обретают черты целостности, системности. В связи с этим, на временную организацию процесса осознания должен быть распространен известный и фундаментальный принцип целевой детерминации. Именно цель является, как известно, системообразующим фактором для любой системы, том числе – и для систем временного, диахронического типа.

При анализе функциональной организации процесса осознания следует, однако, учитывать не только его так сказать формально-количественное измерение, связанное с числом этапов, на которые он дифференцируется и их организацией. Дело еще и в том, что локальные, парциальные акты сознания, трактуемые как его «единицы» могут характеризоваться и, как правило, характеризуются различным качеством. Они могут существенно различаться по степени адекватности их реализации; могут быть более или менее соответствующими реальности. В том случае, если они оказываются по как-либо причинам неадекватными и не обеспечивающими должного понимания и осмысления ситуации, они должны быть реализованы повторно. Причем, эти повторы могут быть и неоднократными – развертываться до тех пор, пока они не приведут к желаемому результату. Следовательно, в общем случае в функциональной организации процесса осознания воплощен и еще один базовый принцип системной организации – принцип итеративности.

Другой – также важной и достаточно общей особенностью функциональной организации процесса осознания является то, что в ходе его развертывания реализуется перманентное обогащение зна-

ний о ситуации, кумуляция парциальных результатов, полученных на каждом этапе (акте) осознания. При этом, однако, следует подчеркнуть, что такая кумуляция осуществляется отнюдь не по типу простого суммирования этих результатов. Дело в том, что на каждом последующем этапе, в процессе реализации последующих актов осознания результаты, полученные на предыдущих этапах, не только, а зачастую – даже не столько суммируются, аккумулируются, сколько могут представать в новом свете, то есть подвергаются качественным трансформациям. В этом заключается одна из важных граней процесса осознания, одна из его атрибутивных особенностей. Следовательно, и обогащение репрезентированной в процессе осознания информации, являющееся формально кумулятивным, при более детализированном рассмотрении (то есть содержательно) выступает не как агрегация данных, а как их интеграция, предполагающая и количественное увеличение, и качественные трансформации. Данная закономерность также была зафиксирована в общем плане в итоге представленного в параграфе 4.3. анализа и обозначена как принцип трансформирующейся кумуляции.

Наконец, нельзя не отметить и еще одну достаточно общую закономерность функциональной организации процесса осознания, коренящуюся, в конечном итоге, в базовых принципах системной организации как таковой. Дело в том, что каждый последующий этап данного процесса (каждый последующий цикл осознания) реализуется при обязательном условии опоры на те результаты и те данные – знания, которые были получены на всех предыдущих этапах. Вместе с тем, развертывающаяся по ходу процесса осознания кумуляция результатов (данных, знаний) характеризуется, как следует из предыдущей закономерности, принципиальной изменчивостью и вариативностью: она для каждого последующего этапа другая, чем для предыдущего. Однако, именно она – эта принципиально трансформирующаяся в содержательном отношении база является основанием, то есть детерминантой для каждого последующего этапа, акта осознания. Тем самым и весь процесс осознания развертывается как временная система со сменными основаниями детерминант, то есть подчиняется принципу сменной детерминации. Более того, эти детерминанты, а также вся их совокупность не только выступают как нечто «уже данное», хотя и различное на каждом этапе, но они сами

формируются, создаются в процессе осознания. Сознание тем самым – это всегда и создание нового содержания, новых детерминант для его же собственного функционального развертывания.

В этом пункте анализа необходимо специально подчеркнуть следующее – достаточно принципиальное обстоятельство. Используя в ходе проводимого анализа термины результата и процесса, говоря об этапах и подэтапах, разделяя итоговую и процессуальную стороны функционирования сознания, мы, разумеется, имеем в виду не только и даже не столько их представленность, так сказать, в макровременном масштабе, в плане сукцессированного функционирования сознания, взятого, скажем, в форме развернутой рефлексии. Речь вовсе не идет о том, что субъект, получая какой-либо результат и фиксируя, осознавая его, затем целенаправленно и специально использует его в ходе дальнейшего процесса как средство его осуществления, а в итоге такого использования оказывается возможным получение нового результата, который, далее, также используется в процессе и т. д. Эта картина характерна, скорее, для развернутого – сукцессированного, дискурсивного мышления и, более того, достаточно хорошо описывает и объясняет его организацию.

По отношению к функциональной организации сознания и тем более – актам осознания как его составляющим дело обстоит существенно иначе. Указанный механизм погружения результата в процесс, реализуемый многократно и итеративно, развертывается в совершенно иных временных рамках, в ином временном масштабе – не в макро-, а в микровременном. Любые парциальные акты интеграции, то есть «кванты» структурной системности осуществляются в микроинтервалах времени. Они, обеспечивая тот или иной парциальный результат, столь же быстро переходят друг в друга – порождают иные «кванты», в которых эти результаты используются уже как составляющие процесса. Такая динамика развертывается до тех пор, пока «на выходе» процесса не будет достигнут результат, дающий субъекту приемлемое решение общей и исходной задачи – задачи осознания чего-либо, который и подлежит осознанию (более того, он и является этим осознанием). Чем сложнее исходная задача осознания чего-либо, тем на большее число «квантов» дробится процесс ее реализации, тем в большей «размерности» этапов он представлен. В любом случае, однако, эта размерность является лишь необхо-

димой и достаточной для решения общей задачи осознания. Через последовательность «квантов» реализации синхронической системности осуществляется своего рода сканирование психикой своего собственного содержания – сканирование каждый раз и в каждом отдельном микроинтервале времени очень частное и парциальное, но многократное и крайне динамичное, «быстрое». Отдельные такты этого сканирования – «кванты» реализации синхронической системности и даже целые их комплексы ( в силу их симультанности) не даны, не осознаются, чего нельзя сказать про их итоговые – результативные проявления и эффекты, которые, напротив, не только даны, но и образуют эту данность, являются ей.

Далее, в этом плане можно сформулировать предположение, которое, хотя и нуждается в специальной и многоплановой верификации, но представляется вполне обоснованным. По-видимому, описанный механизм сканирования как единство действия синхронической и диахронической системности, как средство функциональной организации сознания в его базовом – временном «измерении» должен быть каким-то образом связан с наиболее общими принципами функциональной организации самого субстрата – мозга, в частности, с ритмичностью, цикличностью его физиологических механизмов. Не исключено, что само сканирование – это и есть одно из необходимых следствий и проявлений такого рода цикличности, итеративности организации. Психика – ни в целом, ни даже в ее сколько-нибудь существенной части не может быть мультиплицирована в ее «составляющей» – сознании вся сразу, «целиком», симультанно. Это может быть достигнуто через последовательность частных мультипликаций, что и проявляется в механизме сканирования. Более того, можно допустить, что цикличность и ритмичность, образующие в совокупности базу для итеративной, принципиально функциональной организации психофизиологического субстрата психики – это как раз и есть базовое средство, обеспечивающее действие самого механизма сканирования – множественности мультипликаций «целого в части» и их последующую диахроническую организацию. В этом плане трудно не видеть принципиального, атрибутивного сходства или даже – общности механизмов цикличности, ритмичности биоэлектрической активности мозга и самого «духа» временной, диахронической системности как таковой: первые – это и есть

конкретные психофизиологические механизмы, лежащие в основе второй, а в определенной мере – и порождающие ее. Действуя в микроинтервалах времени, данный принцип и лежит, по-видимому, в основе поддержания состояния сознания – как состояния непрерывного сканирования психикой своего же собственного содержания. Однако он же – этот принцип при увеличении масштаба времени и, соответственно, при повышении степени обобщенности реализующих его процессов может приводить и реально приводит ко все более развернутым и сукцессированным формам осознания – вплоть до утонченных и дифференцированных форм рефлексивных процессов.

Итак, рассмотренный выше принцип, на основе которого в функциональной организации сознания реализуется временная системность как таковая (то есть, фактически, принцип *мультипликативного сканирования*) обнаруживает не только множественность форм своей представленности, но и их общность, лежащую в основе их соорганизации. Действительно, он имеет место в очень широком диапазоне изменения масштаба времени его действия, то есть в очень разных по величине интервалах времени. В подавляющем большинстве случаев этот масштаб очень мал, а сам «акт осознания» предстает, фактически, как симультанное явление (что, кстати говоря, и порождает иллюзию апроцессуальности сознания). Этот масштаб может, однако, увеличиваться, что приводит к сукцессированию функционирования сознания, а в конечном итоге, – к максимальной степени его процессуальной развернутости в рефлексивных процессах. Однако, именно «сквозь призму» различий во временном масштабе данного принципа обнаруживается следующая – общая и важная, на наш взгляд, закономерность. Оказывается, что изменения величины временного интервала, на котором разворачивается действие данного принципа, то есть изменения степени сукцессированности процесса функционирования сознания, фактически, означают «движение» вверх по уровням структурной организации сознания. Они равнозначны изменению того ведущего уровня, на котором оно функционирует в конкретной ситуации. В подавляющем большинстве случаев осознание, как уже отмечалось, происходит симультанно с субъективной точки зрения, без выраженной процессуальной развернутости. Это и порождает ощущение его апроцессуальности, мгновенности. Субъекту обычно достаточно просто поставить ту

или иную «задачу на осознание» какой-либо ситуации, на ее осознанное восприятие, вообще – на осознание чего-либо, как она практически сразу же решается. Другими словами, для этого оказывается достаточным подключение того или иного когнитивного процесса, представленного, к тому же, не обязательно в его развернутой форме. Вместе с тем, уже в этом случае для решения «задачи на осознание» требуется подключение именно процессов, хотя пока только первичных. Однако, каждый из них – это именно процесс, имеющий инвариантную и организованную последовательность его этапов и иных операционных средств, достаточно подробно охарактеризованную в соответствующих исследованиях (более того, все эти исследования составляют, как известно, одно из важных направлений проблемы когнитивных процессов – актогенетическое направление). В связи с этим, любой процесс уже является носителем и даже – своеобразным воплощением временной системности как таковой. Поэтому в данном случае указанный принцип представлен, фактически, на компонентном уровне общей структурной организации сознания, то есть на уровне первичных когнитивных процессов.

Однако, при усложнении задачи на осознание, при изменении и усложнении внешних и внутренних условий масштаб времени действия данного принципа может увеличиваться, а сам он начинает разветвляться в иных формах и на иных уровнях. Дело в том, что переход от симультанных форм осознания к их сукцессивным формам, фактически, означает включение в них уже не только первичных, но и вторичных, то есть метакогнитивных процессов. Тем самым данный принцип начинает реализовываться уже не на компонентном, а на субсистемном уровне структурной организации сознания, на котором и представлены вторичные процессы. Наконец, в тех случаях, когда данный принцип принимает наиболее развернутые, сукцессивные формы, он характеризуется еще большим масштабом времени и проявляется в аналогичных по степени развернутости и сукцессивности рефлексивных процессах. Поэтому он реализуется на ином уровне организации сознания – системном.

Таким образом, можно видеть, что данный принцип, действительно, оказывается представленным в широком временном диапазоне, в существенно разных временных масштабах, что и позволяет ему при сохранении общности своей функциональной роли реали-

зывать ее в очень широком спектре ситуаций осознания. Он, сохраняя эту общность, оказывается представленным в принципиально различных формах, которые, в свою очередь, очень полно и точно соответствуют специфике операционных средств каждого из основных структурных уровней организации сознания. Тем самым он, фактически, воспроизводит в себе структурно-уровневую организацию сознания. Одновременно, и сами уровни выступают как основные «реализаторы» этого принципа функциональной организации сознания.

В свете сказанного с достаточной очевидностью вырисовываются и дополнительные обстоятельства. Во-первых, еще бóльшим смыслом наполняется и раскрывается новыми гранями известный тезис С. Л. Рубинштейна о «процессе как основной форме существования психического». Оказывается, что именно она и является, фактически, воплощением одного из базовых типов системности как таковой – временной. Сама категория процесса в целом и понятие когнитивных процессов, в особенности, как раз и фиксируют тот фундаментальный факт, что их атрибутивной чертой выступает именно воплощенность в них данного типа системности. Они базируются на ней – как на объективно необходимом для их функциональной организации средстве. Когнитивные процессы – это и есть конкретные формы реализации временной системности. Во-вторых, еще более обоснованной и правомерной представляется предложенная нами в главе 3 дифференциация в качестве основных компонентов сознания именно когнитивных процессов, то есть образований собственно процессуальной природы. Необходимость в этом связана с тем, что базовые компоненты сознания должны обязательно воплощать в себе временную системность, поскольку она лежит в основе самого механизма осознания. Именно это как раз и достигается наилучшим и наиболее естественным способом в когнитивных процессах как таковых. В-третьих, структурно-уровневая трактовка форм представленности данного принципа позволяет объяснить очень существенные, а иногда – кардинальные различия самих этих форм – начиная от их, фактически, симультанных проявлений и заканчивая развитыми и утонченными рефлексивными проявлениями. Вместе с тем, с этих позиций обнаруживается и общность действия данного принципа на всех уровнях структурной организации сознания. С этих позиций становится более понятной и закономерной, общ-

ность данного принципа с результатами собственно физиологических исследований, показывающих важнейшую роль механизмов сканирования – многократной циклической активации нейронных ансамблей в обеспечении сознания. К ним относятся, прежде всего, механизмы реверберации, возвратного возбуждения, итеративного «повторного входа» и др. Они показывают, что в самой основе структурной организации сознания – даже в плане его психофизиологического субстрата оно базируется на средствах и механизмах именно циклической, ритмической – диахронической природы, а тем самым воплощает в себе временную системность.

Таким образом, обобщая результаты проведенного выше анализа, можно заключить, что в функциональной организации сознания, действительно, воплощена временная системность как одно из основных ее средств. Воплощен также и ряд принципов, которые либо непосредственно зафиксированы в системной методологии и, следовательно, должны быть поняты как принципы специфически системной организации, либо имеют прямые аналоги среди них. Это, в первую очередь, принцип дифференциации исходной целостности (а не интеграции предзаданных в количественном и качественном отношении компонентов – этапов); принцип необходимости и достаточности осуществляющейся дифференциации; принцип допустимой с точки зрения последующей интеграции дифференциации; принцип целевой детерминации; принцип трансформирующейся кумуляции; принцип итеративности; принцип сменной детерминации.

Констатируя существование этих принципов, мы считаем необходимым, далее, подчеркнуть два главных обстоятельства. Во-первых, сам факт воплощенности указанных – специфически системных закономерностей функциональной организации (то есть системных принципов) в функциональной организации сознания решающим образом свидетельствует о том, что оно в его процессуальном модусе также характеризуется системностью организации, воплощает в себе системность как таковую, но специфическую – временную, диахроническую. Следовательно, и функциональная организация сознания должна быть понята в наиболее общем плане как организованная, базирующаяся на особом типе системной организации – на временной системности. Во-вторых, при решении вопроса о составе и содержании принципов, на основе которых реализуется тот или иной процесс, всегда возникает

вопрос о полноте и достаточности какого-либо их множества, а также о критериях такой достаточности. По-видимому, в настоящее время пока еще нельзя рассматривать охарактеризованное выше множество завершенным и окончательным. Было бы, по крайней мере, преждевременным считать, что все – реально существующие принципы такого рода уже известны. Вместе с тем, и те из них, которые можно дифференцировать с точки зрения современных представлений, свидетельствуют об обоснованности наиболее общего положения – о подчиненности сознания специфически системным закономерностям функциональной организации, о его процессуальном обеспечении как системе специфического – диахронического типа.

На основе этого вывода достаточно существенным представляется и еще одно обстоятельство. Дело в том, что развитие выше представления о специфически системном, точнее – диахронически-системном принципе организации сознания, фактически, вскрывают фундаментальную общность его организации с принципами организации психических процессов в целом, процессов как таковых. Как отмечалось выше, все основные психические процессы, в особенности, конечно, когнитивные, потому и являются таковыми, то есть процессами в строгом и непосредственном смысле данного понятия (как нечто организованное и скоординированное, упорядоченное и подчиненное инвариантным закономерностям), что воплощают в себе основные принципы временной системности. Само понятие процесса раскрывается с этой точки зрения как специфическая разновидность систем, но другого, нежели это принято традиционно, типа: это система не структурно-морфологического, синхронического (субстанционального) типа, а динамического, диахронического (темпорального) типа. При этом, напомним, системность в качестве механизма организации субстанциональных объектов есть не что иное, как оптимальная форма их структурирования, выражающаяся, главным образом, в структурно-уровневом, иерархическом строении. Однако системность, по-видимому, является и механизмом собственно функциональной организации. Она означает, по существу, то же самое – оптимальную форму организации процесса. Тот потенциал, которым обладает субстанциональная система (вообще любой объект), тот его функциональный ресурс, которым он характеризуется, всегда ограничен и должен быть в целях максимизации целевой

функции организован каким-либо оптимальным, наилучшим способом. Им, по-видимому, и является «наложение» на процессуальную организацию, на динамику функционального генезиса определенных принципов, описанных выше. Чем в большей степени эти принципы воплощены в организации процесса, тем выше мера его организации и целостности, тем выше его конечная результативность.

Констатируя это – наиболее общее положение, необходимо еще раз специально подчеркнуть и то обстоятельство, которое уже было предметом рассмотрения, но которое имеет непосредственное отношение к сути анализируемых здесь вопросов. Оно с достаточно рельефной форме обнаруживает качественную специфичность структурно-функциональной организации сознания по сравнению с аналогичной организацией всех иных психических процессов и состоит в следующем. По отношению к ним временная системность как базовый механизм функциональной организации также имеет место, а их процессуальная форма как раз и означает, что они обретают, благодаря ей, черты организованности, скоординированности, получая новые функциональные возможности. Вместе с тем, как подробно охарактеризовано в специальном направлении психологических исследований (оно обозначается как функционально-генетическое, актогенетическое) основные психические процессы имеют достаточно инвариантную последовательность основных – стабильных качественном и функциональном отношении этапов. Следовательно, по отношению к ним такого рода процессуальные инварианты уже существуют и должны быть всякий раз лишь применены, использованы (конечно, с разной степенью дифференцированности, полноты) – и тогда процесс обретает необходимую и действенную степень организации. Поэтому по отношению к ним временная системность именно используется.

Однако, по отношению к функциональной, диахронической организации процесса осознания дело обстоит существенно иначе. Он, как показано выше, не только не имеет, но и в принципе не должен иметь такой – инвариантной, «предзаданной» и стабильно воспроизводящейся последовательности этапов. Он всегда порождается, строится, создается – причем, в том виде и с той степенью дифференцировки, которая каждый раз необходима с точки зрения ситуационных и субъектных детерминант. В относительно элементарном случае,

то есть в простейшей форме – в форме «простого акта осознания» у него, фактически, отсутствует эта – временная, диахроническая организация, а сам он реализуется не сукцессивно, а симультанно. И лишь затем – по мере усложнения эта временная системность сначала порождается, а затем обретает все более развернутый и сложный вид. Тем самым по отношению к функциональной организации процесса осознания складывается иная и существенно более сложная картина: временная системность не только используется в его организации, но и порождается в ней и лишь затем – используется, причем также в принципиально вариативной форме. Сознание, следовательно, не только использует временную системность как одно из важных операционных средств своей организации, но и в известном смысле порождает саму эту форму системности. В свою очередь, это оказывается возможным лишь благодаря тому, что функциональная организация сознания не просто «развертывается во времени», но и активно использует временную координату как базовое средство функциональной организации, что феноменологически репрезентируется как субъективное время. Тем самым, с одной стороны, вновь вскрывается общность фундаментальных принципов функциональной организации процесса осознания и всех иных психических процессов, а с другой, – обнаруживается и специфичность и даже – уникальность этой организации по отношению к организации иных психических процессов.

Продолжая и детализируя анализ закономерностей функциональной организации сознания, необходимо, по нашему мнению, обратиться и к еще одному значимому вопросу. Он, являясь, на первый взгляд, достаточно простым и потому – не требующим специального внимания, в действительности, позволяет выявить дополнительные грани и особенности функциональной организации сознания, а его суть заключается в следующем. С одной стороны, представляется очевидным, что временная системность потому и лежит в основе функциональной организации сознания, что она позволяет придать ему черты организованности как таковой, а в результате обеспечить его адекватность, эффективность, адаптационный потенциал в целом. Однако, с другой стороны, пока остается не вполне ясным, за счет чего, за счет каких конкретных средств и механизмов это достигается? Что именно позволяет быть процессу чем-то большим, нежели

аддитивная совокупность его «единиц» – этапов? Понятно, что возможный ответ на данный вопрос не только должен быть непосредственно связан с дальнейшим рассмотрением феномена организации в особенности – временной, но и базироваться на результатах проведенного выше рассмотрения этой организации, представленной, в основном, как совокупность базовых принципов временной системности.

Наряду с этим, при формулировке возможного ответа на данный вопрос необходимо учитывать и еще более значимое положение, состоящее в следующем. Наиболее общие и фундаментальные закономерности организации систем потому и являются общими, что характеризуются инвариантностью действия в основных планах, в том числе, – и таких разных, как структурный и временной. В связи с этим, можно предположить, что для определения конкретных закономерностей и механизмов временной системности (как средства организации сознания) не только могут, но и должны быть привлечены те представления, которые сложились к настоящему времени в методологии системного подхода по отношению, преимущественно, к структурно-содержательной (синхронической) системности. Одно из главных среди них заключается, как известно, в том, что ключевую и определяющую роль в достижении оптимальной организационной структуры (и, что еще более значимо, – в увеличении функциональных и всех иных возможностей системы) играют системные качества, формирующиеся и развивающиеся в процессе функционирования той или иной целостности, а затем – организующие его. По самой своей природе системные качества представляют собой определенный «выход» за пределы простой суммы компонентов той или иной системы. Он достигается, однако, без нарушения ее онтологических границ, поскольку он и, соответственно, прибавка функциональных и всех иных возможностей достигается именно за счет организации содержания системы, а не за счет подключения новых ресурсов извне.

Вместе с тем, как отмечалось выше, к сожалению, до настоящего времени данное понятие реализовано, в основном, преимущественно лишь к одному, хотя и очень важному, но все же не исчерпывающему всю организацию систем, аспекту – структурно-содержательному, синхроническому. Однако, как показано в параграфе 4.3., есть основания считать, что оно должно быть реализовано и по отношению к исследованию и временной (диахронической) системности.

При этом по отношению к последней системные качества выполняют ту же самую функциональную роль, что и по отношению к первой. Они лежат в основе расширения функциональных возможностей систем за счет их организации, но уже не структурной, а временной (диакронической). В целях обоснования и реализации данного положения нами были сформулированы представления об основных типах временных системных качеств, охарактеризованные в параграфе 4.3. Именно они в определенной степени и объясняют, как и почему именно временные системные качества выступают в качестве операционных средств обеспечения темпоральной системности в целом.

Итак, сформулированные – общие положения относительно временной системности как средства (а частично – и механизме) организации сложноорганизованных систем, на наш взгляд, должны быть реализованы и по отношению к проблеме функциональной организации сознания. Вместе с тем, именно потому, что они имеют достаточно общий характер, вся их совокупность по отношению к данной проблеме приобретает и более специфическую форму. При этом сама их спецификация является двуединой по своей сути.

С одной стороны, некоторые из охарактеризованных выше особенностей и закономерностей представлены в функциональной организации сознания в редуцированном и даже – латентном виде, что, однако, уже само по себе выступает одним из аспектов характеристики этой организации. Другими словами, отсутствие той или иной закономерности – это тоже закономерность, требующая объяснения того, почему она не выполняется, в чем смысл ее редукции. Очень характерным в этом плане является то, что, как показано выше, в отличие от практически всех иных процессуально-психологических образований, процессуальное обеспечение сознания не только не имеет, но и в принципе не должно иметь четкой, определенной по составу и предзаданной – инвариантной совокупности этапов своей реализации. Оно строится принципиально иначе: не по типу интеграции предзаданных – инвариантных этапов, а по типу дифференциации исходно целостного, но нерасчлененного образования лишь на те этапы, которые необходимы и достаточны для решения задачи осознания, а в более общем плане – для понимания той или иной ситуации и выходу из нее. Благодаря именно этому, достигается высочайшая пластичность и лабильность – подстраиваемость процесса

осознания под любые внешние и внутренние условия; обеспечивает его сочетаемость с другими процессами, а также синхронизация с ними и даже – включенность в само их содержание.

С другой стороны, два иные – также основные плана временной системности (связанные, соответственно, с принципами временной организации и с механизмом временных системных качеств) также представлены в организации процессуального обеспечения сознания не только в их максимально полном проявлении, но и, фактически, раскрывают саму его суть. Действительно, как было показано выше, данный процесс, взятый в его относительно простейшей форме – как симультанный акт осознания потому и является таковым, что он – уже в этой своей исходной форме подчиняется одному из главных принципов функциональной организации – принципу минимально необходимой дифференциации. При изменении ситуации (обусловленном как внешними – ситуационными, так и внутренними – субъектными детерминантами) данный процесс подвергается сукцессированию, дифференциации на отдельные компоненты – этапы, а все их множество начинает регулироваться и организовываться иными – охарактеризованными выше принципами. На основе этого, однако, складывается ситуация, при которой процесс осознания тем и отличается практически от всех иных процессуально-психологических образований, что в нем не используется предзаданная и инвариантная совокупность этапов, а сама эта совокупность вначале порождается и лишь затем – используется. Причем, все это обязательно осуществляется в том виде и в том количестве, в каком необходимо и достаточно с точки зрения актуально складывающихся условий. Другими словами, сознание в своей функциональной организации не только и даже не столько использует временную системность, но и в значительной степени порождает ее, используя затем в той мере и с той степенью полноты и эксплицированности, в какой это необходимо. Сама же временная системность выступает при этом не как следствие, не как эпифеномен, характеризующий организацию того или иного процесса (его функциональную организацию), а как причина и даже механизм того, что сам этот процесс выступает именно в форме процесса в строгом смысле указанного понятия – как временная система. В этом плане необходима, на наш взгляд, определенная корректировка самого понятия «процесс»: процесс – это не столько то, что порождает временную, функ-

циональную организацию, а то, что само порождается механизмом временной системности. Временная системность, по-видимому, как раз и является глубинным основанием и решающей детерминантой собственно процессуальной формы организации.

Данный вывод, однако, позволяет вновь обратиться (но уже на более глубоком уровне анализа) к одному из основных, сформулированных выше положений, – относительно наиболее общего принципа функциональной организации сознания в структурной организации психики в целом. Действительно, как было показано выше, в ходе эволюционного развития психики складывается объективное противоречие между резко возрастающей и принципиально практически неограниченной ее информационно-содержательной емкостью и достаточно выраженной ограниченностью ее ресурсных характеристик. В результате этого, ни в один – отдельно взятый, актуальный момент времени (интервал) психика в целом – во всем ее информационно-содержательном потенциале в принципе не может быть вовлечена в организацию взаимодействия организма со средой. Такое вовлечение – реализация общего потенциала информационно-содержательных характеристик психики всегда является поэтому частичным, парциальным. Именно оно и только оно и представлено в сознании в каждый момент времени, составляет его содержание.

Вместе с тем, при этом – в каждом отдельно взятом акте осознания имеют место огромные информационные, содержательные потери: не весь потенциал психики, а лишь его незначительная часть оказываются представленными в тот или иной момент времени – в отдельно взятом акте осознания. В связи с этим, возникает вопрос: имеет ли все это – столь большие «потери» – адаптивный и любой иной позитивный смысл? Поскольку отрицательный ответ на данный вопрос вполне очевиден, то возникает другой вопрос: какой конкретный механизм позволяет снять противоречие между крайней целесообразностью вовлечения во взаимодействие возможно большей части общего информационно-содержательного потенциала психики и принципиальной невозможностью этого в каждом отдельном «акте осознания»? Ответ на него, по-видимому, может быть лишь один: это может быть достигнуто за счет активного использования параметра времени, то есть за счет организации во времени многократно осуществляющихся парциальных актов осознания, каждый из которых

приводит, естественно, к частичному и очень неполному использованию информационного содержания психики. Однако их синтез – суперпозиция приводит к несоизмеримо более полной его реализации. С этих позиций само сознание – это и есть решающее средство, базовый механизм, лежащий в основе структурно-функциональной организации психики в целом. Именно он позволяет преодолеть фундаментальное и притом – объективно необходимое (и даже целесообразное с точки зрения ее прогрессивного эволюционного развития) противоречие между необходимостью все большего возрастания «информационно-содержательного» потенциала и принципиальной ограниченностью ее ресурсных возможностей. Однако данный механизм может существовать только при условии того, что в саму его сущность с необходимостью должен быть включен параметр времени, а сам он может реализовываться лишь благодаря воплощенности в нем временной системности.

Естественно, сформулированное положение ни в коем случае не означает, что процесс осознания предполагает такую степень дифференцированности на этапы и в таком их количестве, которые позволяли хотя бы приблизиться к реализации в нем всего «информационно-содержательного» потенциала психики. Практически никогда это не является необходимым и, более того, – целесообразным. Речь идет о другом – о том, что формируется и функционирует сам механизм, позволяющий – именно благодаря временной системности, многократно мультиплицировать этот потенциал, хотя и в парциальном виде, а затем – синтезировать получаемые в каждом отдельно взятом «акте осознания» эффекты. Такая мультипликация, а затем – синтез, собственно говоря, и образует сам процесс осознания, а также то, что феноменологически репрезентировано как «поток осознания». Вопрос же о степени такой мультиплицированности и о мере достигаемого синтеза – это уже вопрос не о сути, а именно о мере его выраженности. Она, естественно, может быть кардинально разной – от элементарной (отдельный «акт осознания») до максимально развернутых и даже гипертрофированных и изощренных форм рефлексии. Целое (психика) обладает способностью мультиплицироваться в своих частях, в своих «составляющих» – в том числе и прежде всего в такой специфической и уникальной системе, каковой является само сознание. Каждый акт такой мультипликации эквивалентен

феноменологически, субъективно переживаемому «акту осознания», результат которого является, однако, лишь частичным, парциальным отображением в нем всего содержания целого. Последовательность таких мультипликаций (квантов) «целого в части» и образует процесс сознания – как организованную во времени последовательность отдельных этапов осознания.

Итак, можно видеть, что данный вывод показывает, что ведущую роль в его реализации играет один из типов системных качеств – временные. Временная система (в данном случае – процесс функциональной организации осознания) порождает посредством своей дифференциации на этапы специфические – временные системные качества, а затем использует их для целей своей же собственной функциональной организации. Чем более выражена такая дифференциация, тем в большей степени временная система обретает способность к самоорганизации, самоуправлению своей собственной функциональной организацией. Причем, по отношению к одному из типов временных систем – к функциональной организации сознания данный механизм не только достаточно явно выражен, но и, по существу, непосредственно связан с фундаментальной особенностью его организации.

Таким образом, временная системность в целом лежит в основе функциональной организации процесса осознания; она составляет его собственно процессуальный аспект. Она, однако, имеет свои итоговые проявления, поскольку порождает временные системные качества, которые, в отличие от предыдущего аспекта, являются «субъективно ощущаемыми», доступными репрезентации – в форме переживаемого содержания результатов отдельных этапов процесса осознания. Отсюда, однако, вытекает еще одно следствие. Через взаимодействие – взаимополагаемость и «взаимоиспользование» процесса и результата, то есть через их попеременное использование либо в качестве средств (условий), либо в качестве целей (результатов) оказывается возможным и обретение самой способности к активному использованию временной системности как таковой. И функционирование психики в целом, и функциональная организация сознания, в особенности, воплощают тем самым особый и достаточно важный принцип, который был обозначен как принцип реверсивности: то, что выступало на предыдущем этапе процесса его результатом, на следующем этапе трансформируется в элемент его содержания, обретает

качественно иной статус – элемента самого процесса. Далее, однако, на новом этапе использование этого нового содержания, порождает новые результаты, которые могут в дальнейшем опять трансформироваться в элемент содержания процесса, но уже на следующем этапе его развертывания. Перманентная обратимость, то есть реверсия процесса в результат и обратно составляет одну из важнейших граней временной, собственно функциональной организации сознания. Реверсивный принцип присущ, на наш взгляд, всем сложноорганизованным системам; он в наиболее отчетливой и полной форме проявляется по отношению к сознанию.

Таким образом, на основе проведенного анализа, по-видимому, можно сделать следующее заключение обобщающего плана. Одной из важнейших закономерностей функциональной организации сознания является то, что она предполагает в качестве своей основы использование особого типа системности – временной, диахронической. Ключевым механизмом этого и ведущим операционным средством такого использования выступает возможность порождения, а затем – активной реализации временных системных качеств. В свою очередь, их порождение, распознавание («чувствительность» к ним) и действенное использование обеспечивается через их репрезентированность в содержание результативных проявлений каждого этапа (и подэтапа) процесса осознания, а затем в трансформации этого содержания из результативного в процессуальный модус, то есть в содержание самого процесса, но уже на последующих этапах его реализации. В итоге этого функциональная организация сознания воплощает в себе реверсивный принцип и развертывается как взаимобратимый перевод «процесса в результат» и «результата в процесс». Причем, эта реверсия может многократно повторяться, реализуясь, к тому же и в микроинтервалах времени, – до тех пор, пока сам результат не будет представлен в достаточном для адекватного осознания ситуации виде. Следовательно, принцип реверсивности дополняется при этом и принципом итеративности: процесс развертывается циклично – до достижения необходимой степени осознания, понимания. В еще более общем плане можно, по-видимому, заключить, что благодаря всем, рассмотренным выше особенностям и закономерностям и психика в целом, и сознание, в особенности, должны быть поняты не только в качестве подчиняющихся

системным закономерностям, могущих быть описанными и объясненными ими. Они раскрываются как такие сверхсложные системы, которые тем и отличаются от всех иных, что обретают способность к порождению и использованию системности – в качестве базового средства и механизма своей функциональной организации. И именно поэтому они реально выступают в этом качестве – в качестве систем в непосредственном и полном значении данного понятия.

#### 4.7. Заключительные замечания

В данной главе по отношению к проблеме субъективного времени был реализован один из основных аспектов (планов) общей стратегии исследования, положенной в основу всей этой работы и составляющей алгоритм системного исследования, – функциональный. Подводя итог проведенному анализу и резюмируя его основные результаты, целесообразно сформулировать ряд заключений обобщающего плана, основные из которых состоят в следующем. Во-первых, являясь предельно общим и во многом определяющим в гносеологическом плане в целом, он обретает по отношению к этой проблеме, равно как и по отношению к категории времени в целом, весьма выраженную специфику и дополнительную значимость. В конечном счете, это обусловлено тем – наиболее принципиальным обстоятельством, согласно которому понятия функционирования и времени являются во многом не просто взаимополагаемыми, но и атрибутивно односущностными. Все живое, а тем более – психическое атрибутивно невозможно вне его временной развертки, а потому функционирование как форма их бытия является важнейшим условием самого этого бытия. В силу этого функциональный план исследования в значительной мере тождественен исследованию особенностей и закономерностей временной организации объектов, в том числе – и проблеме субъективного времени. Поэтому функциональный план во многом совпадает в содержательном отношении с проблемой временной организации, с проблемой времени в целом и субъективного времени, в частности. Особо значимо это как раз по отношению к исследованиям психологического плана, поскольку, как неоднократно подчеркивалось по ходу изложения, «психическое существует лишь в форме процесса», а «процесс – это и есть основ-

ной способ существования психического» [481]. Другими словами, в одной из основных психологических категорий – в категории психических процессов (равно, как, впрочем, и в иных важнейших понятиях) воплощена главная черта и основной атрибут функциональной организации. Он состоит в ее процессуальном характере; в возможности бытия – функционирования психического лишь в процессуальной форме. Функциональная, а, следовательно, и процессуальная форма существования – это и есть реальная онтология психического.

Во-вторых, весь комплекс представленных материалов дает основания и для того, чтобы сформулировать еще одно обобщающее положение – причем, такое, которое по содержанию и смыслу даже несколько выходит за пределы собственно психологической проблематики. Но именно в силу его общего характера, оно также содействует ее разработке в целом и проблемы субъективного времени, в особенности. Дело в том, что у самой временной организации существуют множественные и достаточно сложные специфические закономерности. Они дифференцируются на закономерности общего плана, присущие временной организации как таковой, а также на более частные закономерности, обусловленные качественным своеобразием тех или иных конкретных систем, подлежащих такой организации. Сама категория процесса в целом, равно как и его основные экспликации по отношению к психике – психические процессы должны быть поняты с этих позиций как онтологически представленная, объективная основа для специфической формы организации – темпоральной. При условии достаточной степени представленности такой организации сами процессы раскрываются в качестве закономерным образом синтезированной совокупности временных составляющих – как продукт временной упорядоченности различных функциональных проявлений системы и ее функциональных возможностей, то есть как временная система. Чем более эффективно организована эта система, то есть, чем более структурирован процесс, тем выше его продуктивность. С этих позиций очевидна необходимость реализации всего арсенала методологии системности по отношению не только к структурно-содержательному (субстанциональному) аспекту объектов исследования, но и по отношению к их функциональной организации. Традиционно изучающийся феномен структурно-содержательной – точнее, субстанциональной системно-

сти не является, однако, единственным. Он должен быть дополнен другим важнейшим типом системности – временной, темпоральной (диахронической) системностью, эксплицирующей системность организации самого процесса функционирования. Объекты внешнего мира и психические явления системны не только в их результативном проявлении, но и в самом процессе функционирования – процессуально системны. Это общее положение получило также и дополнительное обоснование посредством выявления у темпоральной системности тех основных особенностей и закономерностей – атрибутов, которые и являются критически значимыми для системности как таковой, выступая ее критериями. Так, в частности, была эксплицирована и раскрыта специфическая для нее и не описанная пока категория системных качеств – временные системные качества, а также предложена их обобщающая таксономия.

Наряду с этим, установлена архитектура самой временной организации и темпоральной системности. Наиболее общим итогом этого явилось обоснование положения, согласно которому системы и темпорального типа (а не только субстанционального) также организованы на основе структурно-уровневого принципа. Они – в общем случае – образованы целостной иерархией, включающей ряд основных уровней, а также средства и механизмы межуровневых взаимодействий. Наконец, по отношению к темпоральной системности был установлен и проинтерпретирован еще один базовый атрибут системности, но уже специфически темпоральной – существенное развернутой совокупности скоординированные принципов, лежащих в ее основе. Наложённые на функционирование, они и порождает системность, но не субстанциональную (так сказать синхроническую), а временную, то есть диахроническую, темпоральную. Последняя, в свою очередь, является основным и, по-видимому, наиболее совершенным средством организации самого процесса функционирования.

В-третьих, очень показательным и то, что с позиций сформулированных общетеоретических представлений позиций открываются дополнительные возможности для решения целого ряда значимых, но более конкретных и острых, но остающихся пока без ответа вопросов; отметим в качестве репрезентативного примера только один из них. Так, с этих позиций получает непротиворечивое объяснение принципиальная недизъюнктивность любой – собственно процессуальной фор-

мы организации, в том числе и процессуальной организации деятельности. В основе феноменологически представленной и эмпирически фиксируемой ее недизъюнктивности как раз и лежит существование в любом процессе особой категории качеств – временных, системных, а следовательно, – принципиальная несводимость содержания любого процесса к аддитивной совокупности, то есть агрегативному множеству его отдельных «составляющих» – этапов, стадий, фаз.

В-четвертых, еще одним и, быть может, наиболее значимым итогом проведенного рассмотрения является обоснование того положения, согласно которому все основные атрибуты темпоральной системности – в том числе, и отмеченные выше с максимальной полнотой, комплексностью и очевидностью воплощены именно в организации психики. Она в столь же явной мере должна быть проинтерпретирована в качестве носителя второго основного типа системности – темпоральной. Это не означает, разумеется, того, что она в целом является системой темпорального типа, точнее – только ей. В ней, естественно, воплощены – причем, с еще большей степенью очевидности и комплексности атрибуты и другого типа системности – субстанциональной. Дело, однако, состоит в том, что между этими типами существуют отношения взаимодетерминации и взаимопроизводности, они взаимопрождают друг друга, образуя ее реальную онтологию в ее полноте и сложности, комплексности и многомерности. Лишь определенная инерционность традиционных представлений относительно системности организации психики мешает распознать, понять и принять тот факт, что она не сводится только к ее субстанциональному модусу, а предполагает еще один модус – темпоральный, онтологически представленный как ее функциональная природа, а феноменологически – как процессуальность ее основных составляющих. При этом обратим внимание еще раз на то – очень показательное положение, что уже одно из основных и во многом определяющих психологических понятий – понятие психических процессов отражает это критически значимое обстоятельство – процессуальность, а значит темпоральность организации психического.

В-пятых, психическое, воплощая в себе базовые атрибуты темпоральной организации и темпоральной системности на уровне его организации в целом, обладает, однако, и способностью мультиплицировать этот тип системности в своих частных, но также крайне

значимых аспектах. Являясь темпорально-системным образованием в целом, психика транспонирует этот тип системности и на свои основные модусы и аспекты – процессы и структуры, закономерности и механизмы, а также на основные формы активности, которые она обеспечивает. В частности, это в очень демонстративном виде констатируется по отношению к таким важным и общим, а потому – репрезентативным предметам психологического исследования, как деятельность и сознание. В них с высокой степенью комплексности и показательности воплощены базовые особенности и закономерности, принципы и эффекты системной организации темпорального плана. Поэтому они также должны быть эксплицированы в качестве систем не только субстанционального, но и темпорального типа. Сама же психика в целом раскрывается с этих позиций как темпоральная макросистема, включающая в свой состав комплекс более частных систем темпорального типа. При этом, констатируя данное обстоятельство, подчеркнем и то – важное, но весьма сложное и трудное в интерпретационном плане положение, согласно которому существеннее систем темпорального типа вовсе не означает их альтернативность по отношению к иным – более традиционным и давно зафиксированным субстанциональным системам. Дело в том, что одни и те же в онтологическом, сущностном плане структуры и процессы психики одновременно выступают и в качестве систем субстанционального типа, и в качестве систем темпорального типа. Лишь на основе принципа дополнительности их понимания и как тех и как других одновременно может быть раскрыта их реальная сложность и многомерность. И лишь на этой основе в само их бытие реально – причем, повторяем, многопланово включается важнейшая координата реальности – временная, параметр времени как таковой.

В-шестых, отсюда следует – как это и предполагалось априорно в качестве одной из общетеоретических гипотез, что, действительно, сам феномен субъективного времени выступает не только в этом его первичном статусе – именно как феномен, но и в ином, более имплицитном статусе – как *операционное средство* организации психики и форм ее проявления. Он должен быть понят не только как относительно пассивный операнд, то есть не только в его содержательном плане, но и как активный оператор – как комплекс операционных средств, лежащих в основе обеспечения функционирования

основных составляющих психики. Он в целом и темпоральность как его основа выступают в качестве общих по смыслу, но конкретных по содержанию средств их организации. Так, в частности, одним из наиболее очевидных проявлений этого является эксплицированная в параграфе 4.5. атрибутивно темпоральная организация деятельности. В ней механизм временного сукцессирования выступает не только как важнейший, но также и как конституирующий ее в целом.

В-седьмых, по отношению к функциональному аспекту организации субъективного времени и его роли в организации психики следует констатировать и еще один – уже наиболее имплицитный и глубинный, а потому в значительной мере основополагающий факт. Он состоит в том, что роль субъективного времени и лежащей в его основе темпоральности не исчерпывается даже этими существенно более имплицитными функциями – операндной и операторной. Дело в том, что – как это также прогнозировалось априорно в качестве еще одного общетеоретического предположения – они воплощены в самой организации психического в целом – так сказать, уже учтены в ней. Еще до того, как в онтогенезе будет реализовываться сложный процесс ассимиляции психикой временной координаты реальности – то, что обозначается как приспособление ко времени, в самой организации психического уже реализована эта координата – воплощена темпоральная системность ее организации. Психика в целом организована таким образом, что в ней предусмотрела и темпоральная системность как базовый атрибут реальности. Однако в ней он выступает уже как атрибут реальности не объективной, а субъективной. И именно такая взаимная конгруэнтность темпоральной организации объективной и субъективной реальности обеспечивает, в конечном итоге, функционирование психического, ее высокую адаптивность и ее общий потенциал. Данное – итоговое заключение, как можно видеть, вполне созвучно и даже аналогично итоговому заключению, сформулированному на основе рассмотрения предыдущего – структурного аспекта исследования. Напомним, что оно состояло в том, что сама структура психики в целом и ее основные «единицы» (в частности, психические процессы и функции) уже исходно – атрибутивно являются не только, а отчасти и не столько субстанциональными сущностями, сколько временными – темпоральными образованиями, то есть воплощают в себе темпоральность как таковую.

Тем самым, уже в плане структурной организации в психике воплощена временная координата реальности. Однако то же самое с еще большей очевидностью констатируется и в отношении функциональной организации психики: она и в целом и в своих основных составляющих воплощает в себе темпоральную системность и в этом плане принадлежит к классу темпоральных систем. Поэтому ее адекватность задачам взаимодействия с внешней – объективной реальностью, включающей временное «измерение» как один из атрибутов, в конечном счете, обеспечивается тем, что она сама уже воплощает в себе это измерение; она сама является темпоральной системой, то есть такой, которая адекватна и конгруэнтна темпоральной системности объективной реальности.

Наконец, в-восьмых, на основе выявления общих принципов и закономерностей темпоральной организации, лежащих в основе функционального развертывания, установлено, каким образом они реализуются по отношению к основным предметам психологического исследования – в первую очередь, наиболее сложным и репрезентативным – к системе *деятельности и сознания*. Другими словами, с позиций развитых выше представлений открываются возможности для формулировки положений, позволяющих непосредственно перейти к следующему – генетическому аспекту исследования и деятельности, и сознания (что и будет сделано в следующей главе). Действительно, их интерпретация в качестве систем специфического – темпорального типа имеет, как минимум, два достаточно значимых теоретических следствия.

Первое: из нее вытекает, что генезис деятельности в целом и ее иерархической организации, в частности, включает в себя, конечно, не два параллельно реализующихся генезиса (соответственно, – ее субстанциональной и ее темпоральной иерархии). Он представляет собой становление единой иерархической организации, но включающей два взаимосвязанных аспекта – субстанциональный (содержательный) и темпоральный (временной). Кроме того, именно второй из них, как было показано выше, выступает объективной основой для формирования первой. Сама традиционно принятая иерархия уровней организации деятельности потому и формируется, что в рамках и «на основе» генезиса ее темпоральной структуры складывают объективные предпосылки и условия для нее. Другими

словами, генезис системы деятельности в его значительной и очень существенно части представляет собой именно ее генезис именно в качестве системы темпорального типа. Аналогичным образом, и генезис операционных и процессуальных средств сознания также, по всей вероятности, включает в себя становление средств собственно темпорального плана, представленных, в частности, как базовые принципы темпоральной организации (напомним, что они рассмотрены параграфе 4.4.).

Второе: как следует из результатов проведенного анализа, по отношению к деятельности именно действие выступает базовым компонентом не только ее субстанциональной (содержательной) организации, но и ее временной – темпоральной организации. Оно – основной компонент и временной организации деятельности тоже. Следовательно, именно оно должно быть реализовано в качестве аналогичного, то есть также основного интерпретационного понятия при исследовании генезиса деятельности как системы темпорального типа. Однако принципиально аналогичным образом обстоит дело и по отношению к возможным механизмам генезиса темпоральной организации сознания. Дело в том, что ведущую роль в этом генезисе играет формирование особого класса системных качеств – временных. Поэтому именно они в целом и их генезис, в частности, также могут выступить в качестве средства исследования генетических закономерностей темпоральной организации сознания в целом и его основных компонентов – психических процессов, в особенности.

## Глава 5

### Генетические закономерности в организации субъективного времени

#### 5.1. Постановка проблемы исследования

Аналогично тому, как материалы главы, посвященной структурному плану (аспекту) проблемы субъективного времени, создали необходимую основу для реализации другого важнейшего плана – функционального, рассмотренного в предыдущей главе, так и материалы ее самой создают необходимые условия для перехода к еще одному базовому исследователю плану – *генетическому*. Он, как известно, также является одним из этапов общей – комплексной стратегии, положенной в основу всей этой работы. Напомним, что она основана на базовом инварианте главных гносеологических аспектов исследования и на разработанной в методологии метасистемного подхода последовательности ведущих исследовательских планов, обозначаемой как алгоритм системного исследования. Он образован пятью основными гносеологическими планами – онтологическим (метасистемным), структурным, функциональным, генетическим и интегративным; первые три из них уже выступили предметом специального рассмотрения в предыдущих главах. В результате этого в них были сформулированы представления, соответственно, об общей метасистемной организации субъективного времени, а также об основных закономерностях ее структурной и функциональной организации.

В силу этого, теперь не только возможен, но и необходим переход к следующему, также основному плану (а одновременно – и этапу) реализации комплексной стратегии исследования – генетическому. При его реализации следует учитывать определенные требования методологического характера, отражающие его специфику. Они в общем виде были сформулированы нами в ряде предыдущих работ и реализованы в них по отношению к ряду значимых предметов исследования – в частности, к деятельности, сознанию, индивидуальным качествам личности и др. Согласно им, трактовка генетического исследования как, хотя и вполне самостоятельного, но все же именно как одного из этапов и планов более общей исследовательской страте-

гии, имеет двоякий смысл. С одной стороны, именно с этих позиций генетический аспект изучения входит на паритетных правах в общий гносеологический инвариант с такими основополагающими и определяющими исследовательскими аспектами, каковыми являются онтологический, структурный и функциональный аспекты. Тем самым он обретает аналогичный с ними статус – статус базового гносеологического плана. Это и естественно, поскольку именно он направлен на установление, раскрытие и интерпретацию особой, самостоятельной и, повторяем, одной из важнейших категорий закономерностей любого предмета исследования – собственно генетических закономерностей. Их роль заключается не только в том, что они позволяют выявить и объяснить особенности собственно генетического плана, но и в том, что с их позиций оказывается возможным дать более полную и комплексную характеристику закономерностей уже сформированных, развившихся объектов исследования. Следовательно, их раскрытие выступает не только как задача исследования и как его предмет, но и как *метод* исследования иных категорий закономерностей.

С другой стороны, необходимо учитывать, что генетический план имеет вполне определенную локализацию в рамках данной стратегии. Он располагается после трех первых базовых планов (метасистемного, структурного и функционального). В силу этого, он с необходимостью должен базироваться на тех результатах, к которым приводит их реализация. Более того, те результаты, которые были получены в трех первых гносеологических планах, должны составлять его основу, а он, в свою очередь, должен выступать как их дальнейшее развитие их углубление. Он должен выступать как гносеологически преемственный по отношению к ним. Другими словами, их результаты должны служить необходимой теоретико-методологической и эмпирико-экспериментальной базой для осуществления собственно генетического плана (этапа) исследования. Все эти общие методологические положения справедливы и по отношению к разработке проблемы субъективного времени. Это означает, что реализация генетического плана его исследования должна базироваться на тех данных, которые были получены и охарактеризованы в предыдущих главах данной работы в трех других основных гносеологических планах – метасистемном, структурном и функциональном. Иначе говоря, можно видеть, что общая – комплексная стратегия

исследования своей внутренней логикой не только требует обращения к реализации генетического плана, но и задает ему конкретные ориентиры, поскольку предоставляет необходимый материал и основания для нее. В их качестве выступает вся совокупность результатов, полученных в иных – уже реализованных базовых гносеологических планах. Кроме того, при осуществлении генетического плана исследования необходимо продолжить реализацию по отношению к проблеме субъективного времени общего методологического подхода, сформулированного в главе 2, – метасистемного.

Вместе с тем, следует учитывать и то, что реализация того или иного методологического подхода к какой-либо проблеме (особенно такой общей и крупной, как проблема субъективного времени) нередко сопряжена с необходимостью корректировки и уточнения тех исходных положений, которые и составляют сущность его содержания. «Логика предмета» может корректировать и, как правило, корректирует «логику метода», в чем проявляются известная – фундаментальная диалектика предмета и метода в целом. В связи с этим, еще одна задача заключается в том, чтобы выявить, каким образом и как конкретно генетический аспект изучения проблемы субъективного времени может содействовать уточнению и углублению представлений собственно методологического плана, сложившихся в самом метасистемном подходе.

При реализации генетического аспекта исследования субъективного времени следует учитывать и еще одно положение методологического плана. Оно состоит в том, что при его осуществлении надо быть готовым к тому, что и по отношению к данной проблеме может проявиться очень общая особенность генетического исследования в целом, которая неоднократно зафиксирована в психологических исследованиях и в принципе хорошо известна. Она состоит в том, что генетическое исследование непосредственно сопряжено не только с поисковыми – собственно исследовательскими целями, но и выполняет обычно собственно методическую функцию, выступает как метод (в широком смысле) изучения. Это вполне закономерно, поскольку раскрытие особенностей и закономерностей формирования любого объекта – один из конструктивных путей его исследования в целом. Здесь можно вспомнить выражение, согласно которому «анализ становления – это путь к пониманию ставшего», Оно, скорее всего, не только проявится (хотя, не исключено, и не вполне ожида-

емым пока образом) и при реализации данного аспекта, но и может быть представлено при этом весьма выраженном виде. Это объясняется, во-первых, органичной включенностью временной координаты, темпоральности как базовой формы организации в самую суть генезиса многих психических образований и структур. Во-вторых, это связано и с тем, что темпоральность является предельно общим атрибутом организации психического во всех его проявлениях и, следовательно, обладает очень широкой сферой действия, обуславливая генезис практически всех его составляющих (что было обозначено выше как свойство «вездесущести»).

Наконец, необходимо помнить и о том, что реализация генетического аспекта проблемы субъективного времени должна проводиться с обязательным учетом тех особенностей и традиций, которые сложились сегодня в генетических исследованиях в целом и в исследованиях генезиса самого субъективного времени, в особенности. В этом также проявляется одна из общих гносеологических закономерностей, согласно которой формулировка и развитие тех или новых методологических подходов должна базироваться на принципе преемственности. Он, как известно, существенно более продуктивен и конструктивен по сравнению с принципом альтернативности. Суть данного принципа состоит в том, что новый подход должен выступать в качестве более общего по отношению к прежнему, а он, в свою очередь, должен раскрываться как частный случай тех – более общих представлений, которые, собственно говоря, и составляют суть нового подхода. При этом, как правило, в новом подходе не происходит «голового отрицания» основных положений прежнего подхода, а имеет место их своего рода диалектическое снятие, при котором они выступают частным случаем тех или иных – вновь формулируемых положений уже более общего характера. Тем самым, новая теория не отменяет прежнюю, а выступает по отношению к ней как более общая; она включает ее в себя в качестве своего частного случая.

Именно в связи со всеми этим обстоятельством – в контексте традиций, сложившихся при реализации генетического аспекта изучения субъективного времени выявляется и еще одно обстоятельство установочного плана, которое также необходимо учитывать при его реализации по отношению к данной проблеме. Оно, в свою очередь, также является общим для всех уже реализованных гносеологиче-

ских планов и состоит в следующем. Их реализация в целом и содержание каждого из них, наряду с общим для всех низ чертами, характеризуется и заметной спецификой, отражающей особенности самих этапов, а также своеобразие предмета исследования. Точно так же обстоит дело и с генетическим планом исследования. Действительно, по отношению к проблеме субъективного времени можно констатировать именно такие традиции, которые и необходимо учитывать при реализации генетического плана исследования. Так, наиболее явной и значимой среди них является то, что данная проблема, действительно, в достаточно полной мере разработана именно в этом аспекте. Сам же он традиционно привлекает внимание исследователей, работающих не только в общей, но и в детской, а также в возрастной психологии. В этом отношении наибольшую известность приобрели, как известно, исследования формирования временных и пространственных понятий и представлений, выполненные в школе Ж. Пиаже [429], а также в работах отечественных психологов [623]. Это, в свою очередь, отражает традиционно большое внимание, уделяемое генетическим исследованиям в ней в целом. Еще более характерно и специфично именно в отношении генетических исследований данной проблемы то, что в их итоге достаточно полное раскрытие получили два из трех ее основных аспектов, охарактеризованных в главе 3. Напомним, что первый из них состоит в исследовании субъективного времени как некоторого фундаментального и очень общего, комплексного феномена, то есть в его содержательном плане – в аспекте его особенностей и закономерностей, свойств и проявлений, то есть именно в качестве некоторого операнда. Второй аспект связан с его изучением в ином аспекте – в отношении того, как в нем воплощена совокупность специфических операционных средств, обеспечивающих то, что традиционно фиксируется в понятии приспособления ко времени. В этом плане субъективное время рассматривается уже не в качестве относительно пассивного операнда, а в качестве активного оператора. И, хотя этот план разработан в существенно меньшей степени, он также вполне традиционен, а в содержательном отношении он, как правлю, сопряжен с закономерностями генетического формирования так называемых временных эталонов, единиц времени, выработанных в социуме и интернализуемых индивидом в процессе онтогенетического развития.

Вместе с тем, как неоднократно подчеркивалось по ходу всего предшествующего изложения и что вытекает из самой сути общего методологического подхода, положенного в основу данной работы, только этими двумя планами проблема субъективно времени не исчерпывается. Дело в том, что существует третий – гораздо более глубокий и определяющий аспект данной проблемы (и уровень организации субъективного времени), связанный с выявлением того, каким образом темпоральность реализована, воплощена в самой структурно-функциональной организации психики, как она уже представлена в ней. Он до сих пор остается практически не раскрытым. В этом плане субъективное время и темпоральность в целом эксплицируются уже не в качестве операнда и даже не в качестве оператора, а в качественно ином модусе – в качестве своеобразного *протооператора*. В нем темпоральность представлена как базовый атрибут структурно-функционально организации психики и ее генетических закономерностей, уже «встроенный» в нее – предусмотренный этой структурой и организацией. Тем самым, темпоральность и ее феноменология – субъективное время выступает в качестве основы для формирования его в целом – и как операнда, и как оператора. Сами операционные средства субъективного времени складываются и развиваются на ее основе и выступают как продукты ее эволюционно-генетического развития и формирования. Темпоральность тем самым и выступает в качестве того, на основе и вследствие чего формируется само операционное средства – субъективное время в его операторном модусе. Именно поэтому оно и должна быть проинтерпретирована в качестве своеобразного протооператора, то есть того, что предшествует самим операторам и что является протообразом – протоосновой их как таковых – в особенности, в их функциональном предназначении. К заключению о существовании этого модуса субъективного времени и темпоральности в целом привела вся логика развития данной проблемы в целом, а также результаты ее рассмотрения в предшествующих главах, в частности. Следовательно, этот модус объективно выступает в качестве предмета приоритетного рассмотрения, в силу чего он должен составить основу задачу данной главы.

Наряду с этим, следует учитывать, что реализация именно этого плана исследования субъективного времени сопряжена, пожалуй, с наибольшими трудностями, чем, кстати говоря, и обусловлена несопо-

ставимо меньшая степень его разработанности. Дело в том, что его реализация – и в целом и по отношению к генетическому формированию невозможна, так сказать, в непосредственном плане: темпоральность как таковая никогда не представлена «в чистом виде», то есть в отрыве от тех носителей – субстанциональных основ, на базе которых она существует и на организацию которых она направлена. Она всегда представлена в «связанном» виде, в сцепленном проявлении со своим субстанциональным носителем. Здесь работает старое правило: точно так же, как не существует вневременных объектов, не существует и времени вне объектов – вне его приуроченности к той или иной субстанциональной основе. Собственно говоря, это и нашло отражение в сформулированном нами принципе субстанциональной опосредствованности как базовом методологическом императиве. Согласно ему, исследование субъективного времени должно осуществляться не прямо и непосредственно, а опосредствованно – на основе раскрытия особенностей и закономерностей того, как оно связано и обусловлено структурно-функциональной организацией и генетическими закономерностями того или иного субстанционального объекта – его носителя и основы. Другими словами, само субъективное время и темпоральность в целом формируется и развивается не сама по себе, не непосредственно, а на основе и вследствие развития целого ряда иных, но именно субстанциональных структур и процессов, образований и качеств психики. И только через раскрытие закономерностей их формирования можно рассчитывать на раскрытие особенностей формирования самого субъективного времени. Однако и установление особенностей формирования темпоральности в целом и субъективного времени, в частности, также может способствовать раскрытию генетических закономерностей этих субстанциональных основ. Здесь закономерности генезиса темпоральности выступают уже в качестве средства и даже метода генетического исследования психики в целом. Отсюда следует, что реализация генетического плана исследования субъективного времени и темпоральности как таковой должна проводиться на основе исследования генезиса тех или иных объектов субстанционального плана – в аспекте того, как они формируются и развиваются в контексте их собственного развития. Кроме того, она должна при этом рассматриваться и изучаться уже не только как следствие и результат этого развития, но и как его фактор, детерминанта – как то, что обуславливает это развитие.

Наконец, необходимо попытаться реализовать указанные императивы, в первую очередь, по отношению к таким предметам психологического исследования, которые являются наиболее репрезентативными в плане всей этой проблемы в целом. Эти императивы должны быть реализованы по отношению к относительно наиболее значимым из них, играющих наибольшую роль в организации психики и личности, а также в реализации основных форм ее активности – прежде всего, деятельностной. Последнее обстоятельство – относительно деятельностной детерминации генезиса темпоральности важно еще и в том плане, что оно задает еще один методологический вектор дальнейшего рассмотрения. Он состоит в том, что решение комплекса задач, связанных с генезисом темпоральности, должно осуществляться с обязательной опорой на тот вид деятельностной активности, в котором и на основе которого и происходит ее не только формирование, но и складывание – *игровой* деятельности.

## **5.2. Игровая деятельность как детерминанта генезиса темпоральности**

### **5.2.1. Базовые атрибуты игровой деятельности как факторы генезиса темпоральности**

Руководствуясь сформулированными выше положениями методологического порядка, перейдем к рассмотрению вопроса о том, каким образом генетический аспект проблемы деятельности может содействовать разработке проблемы субъективного времени в целом и его генезиса, в особенности. Действительно, интерпретация деятельности в качестве такой системы, в которой реализован специфический тип организации – темпоральная, имеет, как минимум, два достаточно значимых теоретических следствия.

Во-первых, из нее вытекает, что генезис деятельности в целом и ее иерархической организации, в частности, включает в себя не два параллельно реализующихся генезиса (соответственно, – ее субстанциональной и ее темпоральной иерархии). Он представляет собой становление *единой* иерархической организации, но включающей два взаимосвязанных аспекта – субстанциональный (содержательный) и темпоральный (временной). Кроме того, именно второй из них, как было

показано выше, выступает объективной основой для формирования первой. Сама традиционно принятая иерархия уровней организации деятельности потому и формируется, что в рамках и на основе генезиса ее темпоральной структуры складываются объективные предпосылки и условия для нее<sup>32</sup>. Другими словами, генезис системы деятельности в его значительной и очень существенно части представляет собой ее генезис именно в качестве системы темпорального типа.

Во-вторых, как следует из результатов проведенного в главе 4 анализа, базовым компонентом не только субстанциональной (содержательной) организации деятельности, но и ее временной – темпоральной организации выступает действие. Оно – основной компонент и временной организации деятельности тоже. Кроме того, генетические особенности формирования действий непосредственно сопряжены с генезисом их процессуального обеспечения, то есть с генезисом психических процессов в целом. Следовательно, именно понятие действия должно быть реализовано в качестве аналогичного, то есть также основного интерпретационного понятия при исследовании генезиса деятельности как системы темпорального типа и ее процессуально-психологического обеспечения.

В предыдущей главе был охарактеризован возможный вариант решения ряда теоретико-методологических вопросов, связанных с реализацией функционального плана исследования субъективного времени. Это является необходимым условием для дальнейшего анализа, направленного уже непосредственно на рассмотрение основного предмета данной главы – закономерностей деятельностного генезиса темпоральности и субъективного времени. Вместе с тем, прежде чем перейти к нему, представляется необходимым эксплицировать и те основные данные, которые были получены нами ранее в резуль-

---

<sup>32</sup> Естественно, что при этом возникает и еще один – вполне естественный, но очень «неудобный» вопрос. Это – вопрос о том, какая из двух отмеченных генетических линий, в действительности, является первичной, а какая вторичной? Понятно, однако, и то, что «снять» данный вопрос можно не столько посредством попыток его решения, сколько осознанием некорректности самой его постановки. Дело в том, что обе указанные генетические линии не являются онтологически самостоятельными, а по необходимости выступают как гносеологические абстракции, фиксирующие различные стороны и «измерения» единого по своей сути процесса генезиса деятельности.

тате реализации данного аспекта не столько к проблеме деятельности в целом, а по отношению к одному из ее основных видов – *игровой деятельности*. Дело в том, что генезис темпоральной системности осуществляется исходно именно в ней и, следовательно, она должна быть взята в качестве приоритетного предмета рассмотрения. Действительно, как показано в главе 4, одной из наиболее характерных и типичных, содержательно богатых и сложных систем темпорального типа как раз и выступает система деятельности. Она с полным правом и самым *непосредственным* образом должна быть отнесена к данному классу систем – к темпоральным системам<sup>33</sup>. Вместе с тем, при этом, конечно, следует иметь в виду, наибольшую степень воплощенности темпоральная системность получает, естественно, в наиболее развитых формах и типах самой деятельности – прежде всего, в трудовой, профессиональной.

Поэтому, если в своем развитом и сформированном виде – в своем так сказать *результативном* проявлении деятельность, действительно, является системой темпорального типа, то и *процесс* ее развития – генезис должен включать в себя формирование собственно темпоральной системности. С точки зрения основных задач данной работы наиболее важно то, что данный процесс локализуется именно на том интервале онтогенеза интервале, на котором игровая деятельность и является *ведущим* типом. Следовательно, генезис данного типа деятельности также с необходимостью должен быть проинтерпретирован именно как генезис системы временного, темпорального типа. Естественно,

---

<sup>33</sup> При этом, однако, следует напомнить, что, в действительности, ситуация является несколько более сложной. Дело в том, что в деятельности реализуется, прежде всего, именно темпоральная *системность*, но сама она далеко не всегда с полным основанием может быть интерпретирована именно как темпоральная *система* – в ее полном и завершенном виде. Деятельность при недостаточном уровне освоенности еще не достигает такой степени организации, которая и позволяла бы говорить о ней как о таковой; она еще только «движется» к этому. Используя метафорическую формулировку, можно сказать так: она «*хочет*» быть системой, но в *общем* случае «*не может*» быть ей. В силу этого, ни процесс ее генезиса, ни его результаты не могут быть представлены в таком же гармоничном и организованном – в так сказать системно-оформленном виде, в каком это характерно для «истинных систем». К этому – важному именно в плане генетического анализа обстоятельству мы еще возвратимся в ходе дальнейшего анализа.

что такая его характеристика вовсе «не отменяет» всех иных – содержательных сторон и особенностей, закономерностей и механизмов генетического плана, а именно *дополняет* их новыми и очень важными гранями, очень значимым параметром – собственно *временным*.

Кроме того, вся совокупность рассмотренных в главе 4 результатов с необходимостью приводит к следующему итоговому заключению: если деятельность в своем сформированном виде представляет собой типичное системное образование, то она – но в процессе становления и развития также предстает как процесс системогенеза. Он, однако, обязательно включает и генезис временной системности. В еще более общем плане этот вывод означает необходимость включения в концептуальный строй и понятийный аппарат теории системогенеза (и психологии деятельности в целом) категории времени как таковой, а также сопряженных с ней многочисленных временных понятий<sup>34</sup>. Естественно, что данное заключение носит достаточно общий характер; оно должно быть поэтому конкретизировано и наполнено психологическим содержанием. Однако именно оно задает необходимые и наиболее обоснованные, перспективные направления для дальнейшего раскрытия закономерностей системогенеза игровой деятельности. Показательно, что предпосылки и необходимые условия именно для такой постановки проблемы генезиса субъективного времени и его деятельностной детерминации содержатся в атрибутивных особенностях и закономерностях игровой деятельности, в ее основных психологических свойствах. К ним, в частности, относятся необязательность получения какого-либо значимого и продуктивного результата; удовольствие от самого процесса игры и, соответственно, мотивационная функция именно процесса игры, а не ее результата. Вместе с тем, именно эти – атрибутивные особенности игровой деятельности предстают, в новом, хотя и вполне естественном свете с точки зрения развитой выше интерпретации самой деятельности как системы временного, темпорального типа. Данное обстоятель-

---

<sup>34</sup> Вообще говоря, следует констатировать, что категория времени все еще явно недостаточно ассимилирована концепцией системогенеза (впрочем, как и многими иными психологическими направлениями – в том числе, и достаточно общими). Соответственно, с необходимостью возникает задача компенсации данного концептуального пробела, на что, в частности, и направлена данная работа.

ство представляется наиболее принципиальным, в силу чего на нем необходимо остановиться более подробно.

Действительно, психологический анализ игровой деятельности и феномена игры в целом приводит к необходимости дифференциации следующих ее основных особенностей. Во-первых, она атрибутивно *процессуальна* и не связана «жестко» и необходимо с каким-либо результатом. Сам процесс ее осуществления имеет – по определенным и очень важным причинам не только самостоятельное, но и наибольшее значение. Во-вторых, одновременно с этим в содержание и в структурно-функциональную организацию игры объективно – совершенно естественным и самым непосредственным образом входит процессуальность как таковая. Она, в свою очередь, базируется на временной координате: без и *вне* временной координаты *процессуальность* объективно невозможна. Процессуальность и временное развертывание того или иного явления – это, фактически, *alter ego* друг друга. Следовательно, уже сам по себе очень хорошо известный эмпирически приоритет процесса детской игры над ее результатом требует, однако, попытки заглянуть за его феноменологический фасад, а для этого – обратиться именно к параметру времени. Более того, с этой точки зрения представляется не вполне естественным и даже труднообъяснимым, что до сих пор этого не было сделано. В данной связи возникает наиболее принципиальный вопрос о том, *что* именно с содержательной точки зрения скрывается за очевидной и предельно выраженной процессуальностью детской игры? В чем ее истинный и наиболее глубокий смысл?

В-третьих, еще одним неперенным и объективно необходимым следствием (и атрибутом) процессуальности как таковой является и столь же принципиальная *множественность* того содержания, которое и составляет, собственно говоря, сам процесс ее реализации – ее временную развертку. Другими словами, процессуальность неотъемлемо связана с *гетерогенностью* того, что и подвержено процессуальной динамике; она предполагает множественность некоторых сущностей, организованных во времени. В данном случае ими вступают любые внешне (и внутренние) представленные компоненты игровой деятельности – начиная от простейших движений и даже реакций и заканчивая достаточно крупными комплексами

действий. Процессуальность означает сменяемость, повторяемость, чередование, а в целом – определенную их *последовательность*, а тем самым – объективно предполагает их множественность.

Данное обстоятельство является столь же очевидным и общим, сколь в малой степени оно обычно подвергается его осмыслению как таковое – именно в его общем виде (именно по причине его самоочевидности и, казалось бы, отсутствия в нем проблемности). Вместе с тем, в действительности, оно, повторяем, имеет наиболее принципиальное значение именно в этом его – наиболее *общем* виде. Действительно, именно множественность компонентов игровой активности, их многократная *повторяемость*, самоценность *процесса* их воспроизведения, его *итеративный* характер, вариативность меры «спонтанности – организованности» и пр. – все это, с одной стороны, создает все *необходимые* и достаточные условия для развертывания средств и механизмов темпоральной системности, а с другой, *объективно требует* этого. Метафорически выражаясь, можно сказать, что активность, характеризующаяся указанными особенностями, является так сказать «первичным бульоном», в котором и зарождается деятельность с присущими ей закономерностями и механизмами временной системности. Она – именно в силу множественности и гетерогенности ее состава и содержания, объективно требует внесения в него организации – прежде всего, временной упорядоченности. Феноменологически это и выражается в присущих ей свойствах временной организации [263]. Фактически, складывается ситуация, при которой уже самые элементарные и примитивные формы двигательной активности, образующие содержание игры на самых ранних онтогенетических этапах, составляют объективную основу для *возможности* «наложения» на них темпоральной системности. Вначале это достигается, разумеется, посредством преодоления ее практически полной спонтанности, а затем – посредством все более полной меры реализации в ней средств временной организации. Другими словами, истоки деятельности как системы темпорального типа коренятся именно в игре, в игровой деятельности – в том симптомокомплексе ее *процессуальных* характеристик, которыми она уже исходно обладает. Все это очень ярко представлено именно по отношению к детской игре, а содержанием ее множественности, носителем ее гетеро-

генности как раз и выступают *многообразные* двигательные акты, спонтанная активность ребенка, включающая множество самых разнообразных реакций и движений (см. подробнее ниже).

В-четвертых, важным и очень характерным именно для игровой деятельности – для *процесса* ее развертывания является и то, что он обладает *самоценностью*. Он выступает так сказать «автономным носителем» – самостоятельным источником положительных эмоций. Игра выполняется ради нее самой; процесс игры самоценен и эта его самоценность, а значит – и положительная валентность является стимулом для его самоподкрепления. Он имеет тенденцию повторяться вновь и вновь – самостимулирует себя. Для его реализации не нужны какие-либо дополнительные стимулы и детерминанты, причины и принуждающие обстоятельства. Игра организована таким образом, что изначально и исходно для реализации ее процесса не нужна стимулирующая функция результата и детерминирующая роль цели. Это, конечно, не означает, что они не могут возникнуть потом – на достаточно развитых и продвинутых фазах генезиса игрой деятельности. Важно другое: они не требуются *исходно* – на самых ранних фазах онтогенеза.

В-пятых, не менее характерно и то, что данное обстоятельство на разных уровнях организации игровой активности ребенка имеет целый ряд феноменологических индикаторов и теоретических следствий. Так, в частности, функционирование уже *само по себе*, взятое просто в его физиологическом аспекте, выступает как эмоционально позитивно окрашенное. Физиологические функциональные системы, с одной стороны, «требуют» активности – выхода и реализации заложенного в них потенциала функционирования. Однако, с другой стороны, само это функционирование приводит к эмоционально положительному отклику и к эмоциональной разрядке, являясь одним из мощных факторов обеспечения физиологического комфорта. В этом, кстати говоря, заложен генетический корень общего свойства *самодетерминации* поведения, на что в свое время указывали еще Р. Вудвортс и В. Уайт (по [263]). На собственно психологическом уровне, по существу, эта же – наиболее глубинная закономерность находит свое проявление и выражается в феномене внутренней мотивации, в ее гетеростатическом принципе. Он как раз и лежит в основе того, что сам процесс активности, связанной с удовлетворением мотива, выступает главным динамическим фактором, а тем самым – подкрепляет и усиливает себя.

В-шестых, принципиальная – атрибутивная процессуальность детской игры находит проявление и в иных, также очень общих и важных феноменах и закономерностях. Среди них можно, в частности, отметить чувство радости от простого *повторения* одних и тех же действий; радость узнавания при возникновении одних и тех же – уже бывших ситуаций [272, 275, 276, 411, 466]; феномен «любимой игры» [411], то есть, фактически, также повторение одного и того же и др. Тем самым процессуальность предстает и как *итеративность* – причем, итеративность принципиально множественная и далеко не всегда обладающая каким-либо видимым и очевидным смыслом, полезностью. Игра не просто *процессуальна*, но и *итеративна*, а сама итеративность *множественна*. В этом отношении очень показательны те заключения, к которым приходили уже первые исследователи детской игры, подчеркивающие ее принципиально *повторяющийся* (то есть, фактически, итеративный) характер. Однако в таком случае вновь возникает вопрос о смысле всех этих свойств, ряд из которых представляются, по крайней мере, на первый взгляд, «бесполезными».

В-седьмых, выраженная процессуальность, представленная как череда – как последовательность двигательных актов, реакций, движений, действий и пр., имеет и еще одну важную грань. Она, по преимуществу, носит спонтанный и неорганизованный характер, хотя общее направление ее развития в онтогенезе как раз и заключается в «движении» к обретению все большей организованности и, следовательно, во все более полном устраниении этого исходного свойства. Более того, уже в самых элементарных и примитивных проявлениях эта спонтанная активность строится, как известно, по типу рефлекторного кольца, принимая впоследствии вид так называемых «первичных», а затем – «вторичных» циркулярных реакций. Наиболее важно при этом, что, будучи построена на их основе и выступая – даже этимологически «закольцованной», она приобретает замкнутый, а значит – и *целостный* характер. Она имеет начало (побуждение) и конец (тот или иной эффект), отношения между которыми, как известно, строятся на основе принципа *обратной связи*.

В результате совокупного действия всех указанных выше особенностей и закономерностей складывается следующая – общая ситуация. Она наиболее характерная для тех стадий онтогенеза, на которых ведущим, основным типом деятельности выступает игра. Уже

на *самых* ранних стадиях онтогенеза в качестве *данности*, то есть объективной – физиологической реальности имеет место «просто» активность, функционирование как таковое. Оно уже существует и не нуждается в причинении со стороны чего-либо еще. Эта активность процессуальна еще и в том плане, что она по необходимости представляет собой *последовательность*, а значит – и определенную временную развертку. Однако, она же процессуальна и в том смысле, что представляет собой последовательность некоторых сущностей – *множества* движений, двигательных актов, действий, реакций и пр. Наконец, эта процессуальность характеризуется еще и тем, что она – в своем *собственном* содержании содержит стимулы и детерминанты не только для своего самоподдержания, но и для самоусиления. Это такая процессуальность, которая «не нуждается» ни в чем другом; она самодостаточна, а значит – что также принципиально – *исходна*, в том числе и прежде всего, – *генетически*. Наконец, это и такая процессуальность, которая характеризуется чрезвычайно широкой вариативностью, огромным диапазоном вариаций степени простоты – сложности, дезорганизованности – организованности. Причем, эта вариативность имеет место, прежде всего, именно в отношении различий степени организованности отдельных движений, двигательных актов, действий и т. д. вдоль «оси времени», то есть в отношении собственно временной организации.

Все указанные особенности и закономерности вскрывают, на наш взгляд, следующее – наиболее принципиальное обстоятельство. Оно состоит в том, что уже исходно – генетически первично и совершенно объективно сама двигательная активность, а затем и ее различные воплощения в игре представляет собой «классический материал» для того, чтобы реализовать по отношению к нему средства и механизмы временной, темпоральной системности.

Все последующее развитие игровой активности во многом как раз и состоит именно в придании ей черт темпоральной упорядоченности – временной организации и структуры, а в наиболее общем плане – атрибута темпоральной системности. Тем самым, системогенез игровой деятельности раскрывается как генезис *и* системы темпорального типа. Во избежание недоразумений подчеркнем, что при этом, вовсе не отменяются все иные – так сказать «не временные», а содержательные характеристики и особенности, закономерности и механиз-

мы системогенеза. Как раз наоборот, они, разумеется, полностью *сохраняются*, но *дополняются* еще одним – временным «измерением».

Кроме того, сформулированное заключение приводит к постановке и другого – также принципиального и, быть может, наиболее сложного вопроса. Причем, он является не просто объективно сложным, но и так сказать очень «хитрым». Не только его решение, но даже – и его постановка обладают известным в гносеологии свойством «ускользаемости» от анализа, что, кстати говоря, очень характерно для всех проблем, связанных с категорией времени в целом. Смысл данного вопроса состоит в следующем. С одной стороны, действительно, формирование и развитие деятельности, в том числе – и игровой, может и должно быть понято как формирование системы темпорального типа. Оно не только направлено на как придание ей все более выраженных черт временной системности, но во многом в этом и *состоит*. Однако, с другой стороны, данный процесс ни в каком отношении и ни в каком смысле не организован так, чтобы быть *специально* направленным на решение данной задачи. Ни субъект, ни социум и ни какая-либо иная внешняя инстанция вообще не ставят задачу придать деятельности черт темпоральной системности, да и просто – временной упорядоченности. Все это происходит совершенно *объективно* и не представлено в качестве самостоятельной – автономной и отдельной задачи. Процесс придания деятельности – вначале, разумеется, игровой черт темпоральной организации, а впоследствии и моментов системности (и в этом состоит отмеченная выше его «хитрость») вплетен в иные – *содержательные* процессы. Он вообще никак не репрезентируется и, соответственно, не осознается субъектом, а составляет латентную основу генезиса. Он представлен и субъективно, и объективно в совершенно иных – содержательных планах и аспектах; вплетен в решение иных – собственно поведенческих и деятельностных задач, репрезентируемых субъективно в их содержательных характеристиках. Другими словами, временная структура, а затем – и темпоральная системность деятельности формируется не «сама по себе» и уж тем более не как самоцель, а как *объективное следствие* формирования и развития иной – содержательной, то есть *субстанциональной* структуры деятельности, как результат именно содержательных трансформаций, которые и составляют суть генезиса деятельности.

По отношению к деятельности нет и не может быть, так сказать, ее «чистой» – временной структуры. У нее не может быть внесодержательной – чисто темпоральной системности (впрочем, точно так же, как у нее не может быть вневременных содержательных компонентов). Генезис субстанциональной (содержательной) и темпоральной (временной) организации деятельности – это двуединый процесс, в чем и заключается его сложность, но чем и обеспечивается его эффективность. И лишь через взаимодействие этих линий генезиса общий процесс формирования деятельности (вначале игровой) может быть эксплицирован более полно и адекватно. Далее мы подробнее остановимся на некоторых конкретных закономерностях такого формирования.

### **5.2.2. Опосредствованность как механизм генезиса темпоральной организации**

Прежде всего, необходимо со всей определенностью дифференцировать близкие по смыслу, но в целом достаточно различные по содержанию понятия – понятия темпоральных *систем* и темпоральной *системности*. Первое из них фиксирует факт существования особого класса систем, атрибутивной характеристикой которых является, фактически, *полная* реализованность в них всех основных особенностей и закономерностей, феноменов и свойств системной формы организации как таковой. Во временных системах темпоральная системность находит свое именно *полное* воплощение, чем, собственно говоря, и достигается их основной атрибут – *целостность*. Вместе с тем, совершенно понятно, что *мера* полноты такой реализации может быть очень разной. Впрочем, точно так же обстоит дело и по отношению к субстанциональной системности, мера реализованности которой может быть очень разной (причем, данное обстоятельство не только не вызывает никаких возражений, но и считается, фактически, аксиоматичным). По отношению к темпоральной системности это означает следующее. Чем более полной будет мера ее реализованности, тем в большей степени то или иное разворачивающееся во времени явление (скажем, тот или иной процесс) *приближается* по своей организации к статусу временной системы. В еще более общем плане аналогичная необходимость возникает и при дифференци-

ации понятий временной *системности* и так называемой временной *формы*<sup>35</sup>. Последнее является более общим, нежели понятие временной системности и фиксирует в себе, фактически, *любое* организованное – так сказать «оформленное» во времени явление. Эта форма может быть, в свою очередь, либо системной, либо внесистемной. Вместе с тем, есть основания полагать, что именно темпоральная системность является наиболее совершенной – наиболее «мощной» и богатой возможностями формой временной организации.

Далее, все сказанное в полной мере относится, разумеется, и к одной из наиболее сложных и типичных систем данного класса, каковой и является, по нашему мнению, система деятельности. При этом, однако, недопустимо упрощать и схематизировать реальность, утверждая, что деятельность всегда и везде является именно темпоральной системой. Как раз наоборот – это практически эксклюзивный случай, характерный для очень высоких уровней и степеней сформированности, развитости и совершенства освоенности деятельности. В подавляющем большинстве случаев деятельность, как мы уже подчеркивали выше, еще не достигает этой стадии совершенства своей организации. Она поэтому не является, как правило, темпоральной *системой*, а выступает таким процессом, в котором реализована темпоральная *системность*.

Кроме того, следует подчеркнуть, что все вышеизложенное в *особой* мере относится именно к игровой деятельности, поскольку она является (точнее, – считается), с одной стороны, относительно наиболее простым, а одновременно – и наименее совершенным типом деятельности. С другой стороны, именно в ней и «через нее» как раз и происходит не только развитие, но и первоначальное складывание всех атрибутов собственно деятельностной организации – в том числе, разумеется, и организации временной. Если в двух других основных типах деятельности (учебной и трудовой) темпоральная системность именно развивается и *совершенствуется*, то в игровой деятельности она, прежде всего, пока еще только складывается – *возникает*. В силу этого, и мера выраженности темпоральной системности в ней существенно, а не исключено, – и ради-

---

<sup>35</sup> Данное понятие было подробно рассмотрено в связи с психологической проблематикой Ю. К. Стрелковым [524].

кально меньше, нежели в иных основных типах деятельности. Однако это не упрощает, а наоборот, усложняет задачу анализа временной (темпоральной) организации игровой деятельности, поскольку здесь этой задачей выступает раскрытие особенностей и закономерностей не ее *совершенствования*, а ее, фактически, *возникновения*. Кроме того, существенным усложняющим обстоятельством является и то, что степень эксплицированности особенностей и закономерностей темпоральной системности в игровой деятельности является меньшей, а их выявление – соответственно, более сложной задачей.

Наконец, приходится учитывать и крайне слабую разработанность проблемы темпоральной системности, а в еще более общем плане – и проблемы, которую можно обозначит как проблема «системность и время». Как мы отмечали выше, представляется удивительным и даже парадоксальным тот факт, что до сих пор ни системная методология, ни системный подход фактически крайне слабо ассимилировали важнейшую общенаучную (и общепhilософскую) категорию времени. Однако еще большие сложности связаны даже не столько со слабой разработанностью данной проблемы, а со спецификой и даже – необычностью ее содержания. Вместе с тем, пора, как отмечалось выше, со всей определенностью осознать (и рассматривать как императив исследовательской практики) очевидную необходимость реализации *всего арсенала* методологии системности по отношению не только к структурно-содержательному – *субстанциональному* аспекту объектов исследования, но и по отношению к их *темпоральной*, – прежде всего, к функциональной организации. Традиционно изучающийся феномен структурно-содержательной – точнее, *субстанциональной* системности не является, однако, единственным. Он должен быть дополнен другим важнейшим типом системности – временной, *темпоральной* (диахронической) *системностью*, эксплицирующей системность организации самого процесса *функционирования*. Объекты внешнего мира и психические явления системны не только в их «уже ставшем» – сформированном виде, но и в самом процессе функционирования – они процессуально системны. Это функционирование является источником *новой категории* системных качеств – *временных*, обнаруживаемых в плане целостной временной динамики процесса. Понятно, что данный вывод требует большого комплекса исследований. Вместе с тем, по отношению, к целому ряду важных «составляющих»

психики и деятельности (в частности, по отношению к процессам принятия решения, планирования, самоконтроля) они уже осуществлены, – в том числе и собственно экспериментальными средствами вскрывающих несводимость целостного процесса их развертывания к аддитивной совокупности его этапов [251, 253 и др.].

В данной связи следует напомнить об уже отмечавшемся выше – очень показательном, а одновременно и доказательном в плане обоснования этих положений обстоятельстве гносеологического характера. Оно связано с общей логикой развития не только конкретно-научных, но и философских представлений относительно принципов системной организации. Дело в том, что представления о временной системности и, соответственно, о существовании особого класса системных образований – темпоральных систем были первоначально сформулированы нами уже достаточно давно (см. работы [250, 254]); причем, эти представления явились необходимым следствием конкретных, в том числе – и экспериментальных исследований таких важных предметов психологического изучения, как процессы принятия решения [249, 253], интегральные процессы психической регуляции деятельности [246], а впоследствии – и деятельность в целом [251], а также сознания [256]. Вместе с тем, хотя и несколько позже, но именно к аналогичным заключениям привели и исследования собственно философского характера, выполненные, в частности, с позиций направления «философского релятивизма» [90].

Кроме того, необходимо подчеркнуть также, что все эти представления были развиты на основе психологического анализа, прежде всего, наиболее развитого и сложного типа деятельности – трудовой, профессиональной. В ней, как уже отмечалось, все особенности и закономерности временной организации и темпоральной системности представлены в наиболее полном и развернутом виде. В силу этого, они не только могут, но и должны быть подвергнуты конкретизации и спецификации по отношению к своеобразию именно игровой деятельности.

Наконец, прежде чем непосредственно перейти к решению всех этих задач, необходимо остановиться на еще одном – важном, на наш взгляд, обстоятельстве принципиального плана. Оно, к тому же, имеет очень общий характер и состоит в следующем. Представляется совершенно очевидным (именно в наиболее общем плане), что – *онтоло-*

*гически* развертывание *любого* явления во времени есть не что иное, как последовательность, смена – так сказать «ряд» тех или иных его состояний, тех или иных его *объективаций*. Эта черед парциальных объективаций и образует в своей совокупности *объективное* (общее) бытие явления во времени. Далее, не менее очевидно, что сама эта черед – смена состояний явлений может быть либо менее, либо более организована, *упорядочена*. Так, в наиболее примитивной форме она представляет собой просто хаотическую, полностью рандомизированную смену различных состояний явления. Здесь, собственно говоря, ни о какой темпоральной организации просто еще не приходится говорить. Тем более не приходится говорить о наиболее совершенной форме организации, в том числе, и временной, то есть о системной форме. Наконец, понятно и то, что обязательным условием (необходимым атрибутом) и вообще – своего рода залогом возникновения временной организации как таковой и темпоральной системности как ее разновидности является существование *связей* между различными – сменяющимися друг друга объективациями явления. Организация в целом, а затем и «вместе с тем» – структурность и, наконец, системность возникает лишь там и тогда, где и когда сами компоненты организуемого, как минимум, *связаны* друг с другом. Следовательно, и временная форма, и временная организация объективно могут возникнуть лишь при условии взаимосвязи компонентов организуемого – отдельных состояний явления, его парциальных объективаций.

Вместе с тем, необходимо обязательно учитывать, что, как было показано нами в работе [263], сам характер такой взаимосвязанности – так сказать «склейки» этих состояний (объективаций) может быть двух *принципиально* разных типов. Соответственно, и эволюция временной организации также может в принципе осуществляться по двум совершенно различным направлениям. Первый тип заключается в том, что отдельные состояния – частичные, парциальные объективации связаны друг с другом обычными *детерминационными* отношениями. Это, прежде всего, отношения *каузальной* детерминации, то есть, фактически, причинно-следственные связи. Общий смысл такого рода связей заключается в том, что предшествующие состояния влияют не последующие – детерминируют их. Они, в свою очередь, выступают следствиями – продуктами и результатами детерминации со стороны предыдущих состояний.

Наряду с этим, существует и второй – принципиально отличный от этого тип взаимосвязей временных состояний бытия явлений во времени. Он подробно охарактеризован, например, в работах [242, 258], а его смысл состоит в следующем. Существует целый класс систем, которые обладают принципиально новой и очень важной особенностью, точнее – способностью. Это – способность использовать *результаты*, полученные ими же самими на предшествующих фазах временного развертывания, в качестве *средств* для осуществления последующих фаз. Те результативные эффекты, которые объективно завершают предшествующие фазы функционирования, не только не «пропадают зря» и даже не просто – выступают обычными детерминантами (причинами) последующих фаз. Дело в том и заключается, что эти результативные эффекты меняют свой статус: они становятся уже не *результативными*, а *посылочными* факторами. При этом они используются как средства, как новые – полученные самой же системой возможности для ее дальнейшего функционирования, но уже на последующих его фазах. Тем самым, системы, генерируя некоторый результат, затем используют его же, но в качестве его противоположности – уже не как *результата*, а как *исходного условия* для своего же функционирования, но на последующих временных этапах.

Представляется достаточно очевидным, что именно второй тип временных связей является не только более совершенным, но и открывает совершенно новые – поистине уникальные и беспрецедентные возможности для темпоральной организации как таковой. Те или иные системы, функционируя и, соответственно, – развертываясь во времени, получают возможность для осуществления так сказать своего «самостроительства», для самопорождения, а в конечном счете, – для самоорганизации. Они обретают возможность реализовать *инструментальные* функции по отношению к самим же себе и, соответственно, получают возможности для увеличения своего функционального потенциала. Наконец, по-видимому, вполне очевидно и то, что именно этот тип временных связей является объективно необходимым для возникновения уже не просто временной формы или временной организации, а именно темпоральной *системности*. Классическим и наиболее очевидным воплощением этого типа как раз и является система деятельности, о чем уже подробно было сказано в параграфе 4.5.

Действительно, как было показано в этом параграфе, деятельность – в ее собственно темпоральном аспекте – организована таким образом, что в каждом ее отелном компоненте – акте (прежде всего, в действии) может реализовываться лишь какая-либо – очень ограниченная часть общего потенциала субъекта. Вместе с тем, суть дела в том и состоит, что через механизм множественности этих актов и, соответственно, их парциальных результатов достигается возможность их последующей кумуляции, а тем самым – и для обеспечения достаточно полной реализации этого потенциала. Взаимодействие субъекта и объекта деятельности, которое и является, собственно говоря, ее процессом в непосредственном смысле слова, допускает квантификацию и дифференциацию вдоль «оси времени», а также последующую кумуляцию частичных – парциальных результатов. Точнее, оно и является такой квантификацией. Отдельными же «квантами» как раз и являются частные, парциальные действия, а также те результаты, к которым они приводят и кумуляция которых обеспечивает возможность достижения общей цели деятельности. Реализация общего потенциала субъекта, которая, действительно, невозможна «сразу и одновременно», становится, однако, возможной при условии ее сукцессирования – растягивания вдоль «оси» времени при обязательном условии внесения в него соответствующей организации. Деятельность с этой точки зрения выступает теснейшим образом сопряженной с временной квантификацией как ее *операционным средством*, но при условии эффективной соорганизации отдельных временных «квантов» – действий.

Еще одной – также важной закономерностью процессуальной организации деятельности является не только то, в ходе ее развертывания происходит кумуляция парциальных результатов, полученных на каждом ее этапе (акте), то есть посредством каждого действия. Важно иметь в виду, что такая кумуляция осуществляется отнюдь не по типу простого суммирования (то есть агрегации) получаемых результатов. Дело в том, что на каждом последующем этапе – в процессе реализации последующих актов те результаты, которые получены на предыдущих этапах, не только, а зачастую – даже не столько суммируются, аккумулируются, сколько могут «представать в новом свете», то есть подвергаются качественным трансформациям. В этом заключается одна из важных граней процесса деятельности, одна из ее атрибутивных особенностей. Следовательно, и обогащение

базы результатов деятельности, являющееся формально кумулятивным, при более детализированном рассмотрении (то есть содержательно) выступает не как их *агрегация*, а как их *интеграция*. Она включает в себя и количественное увеличение, и *качественные* трансформации. Данная закономерность была обозначена нами как принцип *трансформирующейся кумуляции*.

Наконец, необходимо учитывать, что все сформулированные выше положения основаны, прежде всего, на материале рассмотрения наиболее сложного и совершенного типа деятельности – трудовой, профессиональной. В ней они представлены в достаточно эксплицированном и рельефном виде – в виде именно *уже сформированных* и относительно наиболее развитых. Однако, в том случае, когда речь идет об игровой деятельности (и ее генезисе), возникает дополнительная и еще более сложная задача. Она связана с необходимостью выявления того, как и на основе чего они *возникают* – складываются и появляются (и лишь затем – развиваются и в организации деятельности). Не претендуя, разумеется, на исчерпывающее решение столь сложной, а к тому же – и практически полностью неразработанной проблемы, попытаемся сформулировать один из возможных вариантов ее решения.

Прежде всего, обратим внимание на то, что в психологии (и в физиологии) существует целый ряд фундаментальных – основополагающих явлений и закономерностей, которые имеют самое непосредственное отношение к анализируемой здесь проблеме временной, темпоральной организации, а шире – и к учету параметра времени, временной «координаты» в организации психики (и ее физиологических основ). Более того, все эти явления и закономерности обнаруживают сходство своих принципиальных черт и своей главной функциональной направленности именно «сквозь призму» категории времени. Параметр времени – временная «координата» *объективной* реальности (и ее реализация в реальности *субъективной*) эксплицирует свою генетическую первичность и очень важную роль во всей функциональной организации психики, а также ее физиологических основ. И наоборот, представляется не вполне естественным и даже – парадоксальным то, что до сих пор все эти явления и закономерности не были эксплицированы именно как функционально *сходные* в этом – собственно временном отношении, точнее – временном измерении. Речь при этом, разумеется, идет о таких классических

феноменах и закономерностях, как феномен *условного рефлекса* (И. П. Павлов [419]); как очень близкий или даже во многом тождественный ему феномен *сочетательного рефлекса* (В. М. Бехтерев [81]); как феномен *оперантного обусловливания* (Б. Ф. Скиннер [507]); как – хотя и несколько более сложные, но функционально сходные с предыдущими феномены «первичных», «вторичных» и «третьих» *циркулярных реакций* (Ж. Пиаже [429]). Наконец, в этом же ряду должен быть отмечен и феномен *обратной связи* – как фундаментальный временной принцип организации функциональных физиологических систем (П. К. Анохин [26]). Он обеспечивает их важнейшее свойство – *итеративности* и, следовательно, лежит в основе их целенаправленного и целедостигающего характера.

Все указанные выше феномены и закономерности обладают важнейшей, хотя и достаточно имплицитной особенностью: в них и «через них» функциональные системы разного типа и разного уровня сложности (равно как и их компоненты) обретают новую и, по существу, уникальную способность, а соответственно, – и новую возможность. Это – возможность «распознавать», а затем и использовать полученные на тех или иных временных этапах *результаты* в качестве *средств* – в качестве новых возможностей для реализации последующих этапов. Действительно, сама суть феномена условного рефлекса состоит в трансформации исходно индифферентного внешнего стимула в биологически значимый стимул: он при этом становится, фактически, *средством* для последующего этапа – собственно условной реакции. С еще большей степенью очевидности и «технологичности» это представлено в феномене оперантного обусловливания. Здесь в качестве средства используется уже не внешний стимул, а собственная активность – точнее, тот результат, к которому и привел «обусловливающий акт». Аналогичные – также временные по своей сути закономерности имеют место и во всех иных – отмеченных выше, в том числе – и более сложных феноменах [263].

Таким образом, можно видеть, что в самом «фундаменте» психики – в ее собственно физиологических основах заложены необходимые и достаточные условия для возникновения и развития собственно временной организации. Кстати говоря, на важность и, более того, на объективную необходимость привлечения временных понятий, равно как и категории времени в целом в физиологическую проблематику

ку указывал в свое время еще П. К. Анохин. Действительно, одним из важных и, более того, – во многом исходным положением разработанной им теории функциональных физиологических систем выступает следующая закономерность фундаментального характера. Формирование *инвариантов регуляции* поведения как таковых, выработка функциональных систем регуляции поведения в целом – именно как систем, то есть упорядоченных и скоординированных схем регуляции поведения, возможна лишь при соблюдении следующего важнейшего условия. Сама объективная среда – внешний мир также должны характеризоваться упорядоченностью, системностью – *инвариантностью его организации*. Факт ее существования – существования объективной организации, однако, совершенно непреложен. Эта организация, по мысли П. К. Анохина, определяется, в первую очередь, закономерностями пространственной и временной организации среды – прежде всего, повторяемостью, воспроизводимостью и цикличностью ее типичных воздействий на организм, инвариантностью или схожестью внешних, то есть объективных ситуаций. Следовательно, сама *объективная инвариантность* (пространственная и временная, содержательная и ситуационная) является аналогичной, то есть *онтологической* основой – необходимым и достаточным условием для формирования функциональной инвариантности регуляции [26]. Она и представлена – в ее простейшем виде в форме условного рефлекса. В более развернутом и совершенном с эволюционной точки зрения виде она же лежит и в основе функциональных физиологических систем<sup>36</sup>.

---

<sup>36</sup> Напомним, что в еще более общем плане по отношению к анализу данной проблемы целесообразно привлечь и понятие хронотопа. *Хронотоп* (от др.-греч. χρόνος, «время» и τόπος, «место») – «закономерная связь пространственно-временных координат» [59]. Он – в его собственно психологическом содержании представляет собой интегральное образование, синтезирующее комплекс средств, обеспечивающих репрезентацию в психике пространственно-временной организации объективной реальности, транспонирующего «хронологию» и «метрику» внешнего мира на мир внутренний [216]. Данный термин, был введен А. А. Ухтомским в контексте его физиологических исследований [556], а затем распространен М. М. Бахтиным на гуманитарную сферу [58]. А. А. Ухтомский исходил из того, что гетерохрония событий есть условие их возможной гармонии. Увязка во времени, в скоростях, в ритмах действия, а значит и в сроках выполнения отдельных элементов, образует из пространственно разделенных групп функционально определенный «центр» [566]. Он ссылается на А. Эйнштейна, упоминая

В этой связи можно полагать также, что аналогичная – принципиальная и атрибутивно временная организация должна быть присуща не только *объективной* реальности (на что и указывают отмеченные выше исследователи), но и реальности *субъективной* – на ее различных уровнях, начиная от физиологического и даже морфологического и заканчивая психологическим. Обратим внимание и на то, что уже в этом пункте анализа с очевидностью вскрывается важнейший факт – принадлежность организации физиологических основ, а далее и психических образований ко *второму* из дифференцированных выше типов темпоральной организации. В связи со сказанным становится совершенно очевидным, что сам феномен *обусловливания* (как объективно – ситуационно, так и субъективно – психологически), наряду, разумеется, с его содержательными – субстанциональными характеристиками, имеет и собственно *временную* природу. Более того, обусловливание и временная организация (в виде пока относительно простых ее проявлений – последовательности, следования) раскрываются с этих позиций как взаимопорождающие друг друга, как *объективно* предполагающие друг друга. Параметр времени, временная координата оказывается вплетенной в основу основ – в «фундамент» физиологической организации организма в целом и его поведенческой активности, в особенности.

Далее, необходимо обратить внимание и на еще один – чрезвычайно важный, на наш взгляд, факт, обнаруживаемый посредством анализа временной поведенческой активности. Он состоит в том, что *прямым* аналогом, даже – фактически, *эквивалентом* обусловливания (представленного, в основном, в физиологических исследованиях и на физиологическом уровне временной организации поведенческой активности организма) является уже преимущественно собственно психологический феномен – феномен *опосредствования*. Вместе с тем, важно и то, что он, действительно, во многом базируясь

---

«спайку пространства и времени» в пространстве Минковского» [622]. Однако он вводит это понятие в контекст человеческого восприятия: «с точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [622]). В этом плане должны быть отмечены и работы, раскрывающие роль «феномена действия» в становлении *хронотопа личности* – интегрального образования, синтезирующего комплекс средств, обеспечивающих репрезентацию в психике пространственно-временной организации объективной реальности. Он транспонирует «хронологию» и «метрику» внешнего мира на мир внутренний.

на первом, дополняется новыми – очень важными особенностями. Сохраняя свою исходно временную природу, феномен опосредствования обогащается еще и тем, что он является уже не просто и не только временным – *темпоральным*, но и *инструментальным*. Это означает, что в нем полученные на предыдущих этапах поведенческой активности результаты не только «сохраняются», но и *используются как средства* (то есть, фактически, как инструменты) для реализации последующих этапов. Разумеется, такое использование может носить совершенно разный по степени сложности характер. В своих простейших формах он представлен в виде *элементарного* использования мнемически зафиксированных следов тех или иных двигательных актов при организации других – следующих за ними актов. Однако в своих относительно наиболее развернутых проявлениях он обретает уже форму *произвольного* – целенаправленного и осознаваемого использования полученных результатов как средств организации поведения<sup>37</sup>. В феномене опосредствования система – в данном случае система поведенческой активности (точнее, система ее психической регуляции) «распознает», а затем *использует* наиболее *общий* и *важный* – принципиальный механизм временной организации<sup>38</sup>. Он лежит и в основе темпоральной си-

---

<sup>37</sup> В этом отношении очень интересно и показательно, что в самой этимологии термина «опосредствование» содержится так сказать собственно временная «составляющая». Действительно, одна из его морфологических частей («по») *непосредственно* указывает на отношения следования, точнее – *временного* следования: на то, что нечто следует после чего-либо другого.

<sup>38</sup> Данное заключение вновь со всей отчетливостью и рельефностью эксплицирует ту фундаментальную роль, которую выполняет по отношению к организации поведения и деятельности, в частности, и игровой механизмы *опосредствующего* типа, «феномен опосредствованности» в целом. Однако, в резком противоречии с этим, степень его изученности в настоящее время, да и просто – внимание исследователей к нему явно недостаточны и не соответствуют его объективной значимости. Они носят либо очень общий и неконкретизированный, либо просто метафорический, а не операциональный и конструктивный характер. Показательным в этом отношении является, например, название одной из работ, в которых используется данный термин – статья А. Нельсона «Игра как опосредованное действие. Гендерный аспект» [400]. Понятно, что речь здесь идет лишь именно о переносном и, скорее, метафорическом значении словосочетания «опосредствованное действие», но не о прямом его смысле, связанном с операционными средствами, выполняемыми механизмами опосредствования [625].

стемности, являясь ее атрибутом. Система «улавливает» возможность использования результатов своего собственного функционирования для его же организации, но на последующих временных интервалах. Тем самым, она обретает отмеченное выше атрибутивное свойство – свойство «самостроительства», самопорождения. Она выступает в *инструментальной* функции по отношению к самой себе. Причем, повторяем, все это эксплицируется с очень высокой степенью очевидности уже в плане наиболее общих (объективных) и глубинных – основополагающих физиологических закономерностей и механизмов организации психики. Вместе с тем, это же естественным образом приводит и к собственно психологическому по содержанию, но столь же общему по смыслу феномену, – к феномену опосредствованности.

Констатируя указанные выше особенности и закономерности, эксплицируемые посредством анализа временной организации, необходимо, далее, обратить особое внимание и на еще одно обстоятельство. Оно является, пожалуй, наиболее значимым с точки зрения задач данной работы. Кроме того, если рассмотреть его в более широком и общем плане, то представляется не вполне естественным тот факт, что оно не было пока эксплицировано с достаточной отчетливостью. Действительно, с позиций представленных выше результатов трудно не видеть не только и не просто сходства или аналогичности, но и, фактически, *атрибутивной общности* двух важнейших, основополагающих закономерностей, установленных в общей психологии в целом и психологической теории деятельности, в частности.

С одной стороны, это – разумеется, уже отмеченный феномен *опосредствования*. Во избежание недоразумений подчеркнем, что, естественно, мы отдаем отчет в том, что он сам по себе является разноплановым и многомерным; он не только допускает, но и требует его множественной экспликации. Здесь речь идет лишь о том, что одной из его важнейших и, более того – определяющих особенно в генетическом плане черт является то, что он, фактически, означает возникновение принципиально новой возможности, точнее, – способности. Это – способность к использованию *результатов* функционирования в качестве *средств* этого же функционирования, но на последующих временных этапах. Тем самым данный феномен раскрывается как своего рода «зачаток», как элементарный «квант» временной организации, а впоследствии – и временной (темпоральной) системности.

С другой стороны, это и еще более фундаментальный и основополагающий по своей значимости, а также по его месту и роли в психологических исследованиях феномен – феномен *действия*<sup>39</sup>. Он, являясь, безусловно, еще более многомерным и многоаспектным, нежели феномен опосредствованности, также имеет целый ряд экспликаций и аспектов, сторон и граней. Здесь наиболее целесообразно выделить его собственно деятельностьную спецификацию – тот смысл, который вкладывается в него именно с позиций психологической теории деятельности. В данной связи следует также особо акцентировать внимание на том дифференцирующем признаке – критерии, на основе которого действия вообще выделяется в общей структуре деятельности как ее единицы. Известно, что таким признаком (и, соответственно, критерием) является *несовпадение* цели каждого отдельно взятого – конкретного действия с общей целью деятельности. В другой формулировке данное положение обозначается, например, как феномен расхождения целей действия и деятельности. Оно же зафиксировано и в следующем выражении: в действии не совпадает то, *почему* оно осуществляется, с тем, *зачем* оно осуществляется.

В свете всего этого трудно, однако, не видеть того очевидного обстоятельства, что атрибутивной особенностью любого действия, даже – общим критерием для их выделения как отдельных сущностей является именно их принципиально *опосредствованный* по отношению к деятельности в целом характер. Действие принципиально опосредствованно, а само опосредствование в деятельности обретает действенный характер. Но это же означает, что именно временная организация, приводя «на стыке» физиологического и психологического уровней организации поведенческой активности к феномену опосредствованности, далее – но уже в структуре собственно *психологического* обеспечения деятельности приводит и к возникновению самого феномена действия. Два фундаментальных феномена – опосредствованности и действия имеют общий генетический корень: он, в свою очередь, имеет временную, темпоральную, точнее – организационно-темпоральную природу.

---

<sup>39</sup> Как мы уже подчеркивали ранее, используя термин «феномен действия», мы не преследуем никакой иной цели, кроме той, которая заключается лишь в фиксации действия как предмета психологического изучения.

Однако, еще более значимо то, что именно экспликация этой – временной общности вскрывает принципиальнейший факт. Он заключается в существовании их прямой и объективно необходимой генетической преемственности. Более того, он столь же естественным образом указывает и на *производность* – на вторичность самого феномена действия от феномена опосредствованности. Становится более понятным, почему, как и из чего возникает фундаментальный психологический феномен действия. Более понятным становится также и то, почему он возникает *из* и *на основе* основных принципов именно временной организации физиологических основ психики. Еще более зримо и рельефно эксплицируется та – действительно, фундаментальная роль, которую во всем этом играет временная координата реальности (и объективной, и субъективной). Становится ясным и то, как сама субъективная реальность – в том числе, и представленная в форме поведенческой активности начинает строиться в соответствии с этой координатой. Наконец, в большей степени проясняется и то, как складывается – возникает, а затем совершенствуется временная системность в качестве средства организации внешней поведенческой активности, а затем и собственного – внутреннего содержания психики в целом.

Кроме того, с точки зрения сформулированного вывода становится очевидным и тот факт, что сам феномен действия, наряду, естественно, с его структурно-содержательными характеристиками, имеет и еще один очень важный и, не исключено, – генетически *первичный* модус. Действие раскрывается не только как основная «единица» структурной организации деятельности – не только как ее *субстанциональная* единица, но также и как ее основная *темпоральная* единица. При этом следует особо подчеркнуть, что генетическая первичность темпорального модуса феномена действия обусловлена тем, что именно он, как можно видеть из проведенного выше анализа, наиболее непосредственно связан с фундаментальными физиологическими особенностями и закономерностями организации поведения.

Все рассмотренные выше особенности и закономерности имеют самое непосредственное отношение именно к проблеме игровой деятельности по одной – достаточно простой, но очень важной причине. Дело в том, что все они не только разворачиваются наиболее интенсивно именно на тех этапах, на котором основным – ведущим типом

деятельностной (и поведенческой) активности является именно игра, игровая деятельность, но и вообще являются *определяющими* на них. Вместе с тем, это – хотя, действительно, крайне важная, но все же не единственная причина такого рода. Наряду с ней, существуют и иные, более имплицитные факторы и детерминанты формирования и развития темпоральной системности как средства организации поведения и деятельности. Они, являясь, действительно, более глубинными и скрытыми, выступают и более сложными для экспликации и интерпретации. Тем не менее, отчетливо сознавая всю их сложность, все же необходимо попытаться осмыслить некоторые из них, поскольку без этого трудно рассчитывать на сколько-нибудь полное решение основных задач данной работы.

Действительно, все рассмотренные выше базовые темпоральные феномены имеют место там и тогда, где и когда объективно представлены *внешние* по отношению к организации способы воздействия. Они могут быть представлены либо в виде обусловливания, либо в виде моторных, то есть также внешних движений<sup>40</sup>. Лишь при замыкании поведенческого кольца и при включении в него внешних факторов все эти феномены и могут возникать. Разумеется, все это совершенно справедливо и имеет огромное значение как для адаптации в целом, так и для организации деятельности, в том числе – игровой, а также для ее генезиса, в частности. Вместе с тем, даже с априорной точки зрения весьма трудно предположить, что детерминация генезиса игровой деятельности, равно как и формирования темпоральной системности в ней, исчерпывается только так сказать внешним управлением. Действительно, возникает вопрос: только ли внешние воздействия управляют формированием темпоральной ор-

---

<sup>40</sup> Напомним, что основными из них являются такие – классические феномены и закономерности, как феномен *условного рефлекса* (И. П. Павлов [419]); как очень близкий или даже во многом тождественный ему феномен *сочетательного рефлекса* (В. М. Бехтерев [81]); как феномен *оперантного обусловливания* (Б. Ф. Скиннер [507]); как – хотя и несколько более сложные, но функционально сходные с предыдущими феномены «первичных», «вторичных» и «третичных» *циркулярных реакций* (Ж. Пиаже [429]). Наконец, в этом же ряду должен быть отмечен и феномен *обратной связи* – как фундаментальный временной принцип организации функциональных физиологических систем (П. К. Анохин [25]).

ганизации поведения и направляют его? Или же у этого формирования есть и внутренние – так сказать аутохтонные причины и детерминанты? В еще более общем плане возникает и другой – не совсем обычный вопрос: почему все это, то есть *складывание* – возникновение темпоральной организации не только и не просто имеет место в игровой деятельности, но и *наиболее* выражено именно в ней. Достаточно отметить в этой связи, что в этой деятельности формируется наиболее фундаментальная, базовая и определяющая структурная «единица» деятельности (причем, не только субстанциональная, но и темпоральная) – действие. На наш взгляд, можно предложить следующий вариант решения этих принципиальных вопросов.

Для того чтобы возникли базовые физиологические механизмы, зафиксированные в указанных выше временных феноменах, необходимо, как минимум, факт *позитивного подкрепления*. Оно может быть любым по типу, форме, характеру и пр., но в любом случае оно, как минимум, объективно *должно быть*. Отсюда вытекает достаточно имплицитный, но необходимый вывод: оно может носить не только *внешний*, но и *внутренний* характер; иметь не только внешнюю, но и внутреннюю локализацию. На первый взгляд, представляется, что этого не может быть – хотя бы просто следуя традиции. Однако, по-видимому, это не совсем так (точнее, совсем не так). В действительности, такое позитивное подкрепление может носить и внутренний характер. Для того чтобы обосновать данную точку зрения, необходимо обратиться к основным психологическим свойствам – базовым атрибутам игровой деятельности. Важнейшими среди них как раз и являются самооценочность *процесса* игры в сочетании с сугубо подчиненным значением получения в ней какого-либо результата. Отсюда вытекает и то, что удовольствие и удовлетворение – позитивная окраска и оценка обусловлена именно процессом реализации игры, а не получением в ней результата. Но это же «на языке» теории мотивации означает, что очень характерным для игровой деятельности является именно *внутренняя*, а не *внешняя* мотивация.

Вместе с тем, следует обязательно учитывать важнейшую и, по существу, атрибутивную особенность самой внутренней мотивации как таковой. Она принципиально отличает ее от иных типов мотивации, прежде всего, – от внешней, результативной. Как известно, внутренняя мотивация базируется не на *гомеостатическом* прин-

ципе, как многие иные типы мотивации, а на ином – *гетеростатическом* [680]. В основе первого принципа (гомеостатического) лежит механизм *редукции* мотива и (или) потребности после их удовлетворения. В основе же второго (гетеростатического) принципа, напротив, лежит механизм *усиления* мотива после его удовлетворения. Система отнюдь не приходит к равновесию (гомеостазу) после «устранения возмущений», связанных с возникновением у нее дефицита в чем-либо, который и переживается как потребность, как мотив. Напротив, она проявляет активность, направленную на их усиление. Феноменологически это находит свои проявления в известных фактах, суть которых сводится к тому, что, например, познавательный или иной интерес к чему-либо после его удовлетворения может не только не ослабевать, но и наоборот усиливаться. Удовольствие, получаемое от игры, как мы уже подчеркивали выше, не только не приводит к редукции игровых мотивов, но и стимулирует их развитие и интенсификацию. Все это выступает следствием того, что внутренняя мотивация является открытой и, следовательно, труднонасыщаемой. Через нее и *в ней* действуют механизмы самодетерминации активности в целом и игровой активности, в особенности. Именно приоритет в игровой деятельности внутренней мотивации является решающим условием самодетерминации – как атрибутивно присущего этой деятельности свойства. Особо подчеркнем, что такая специфика вытекает из самой психологической природы игровой деятельности. Точнее – она сама обуславливает эту природу, детерминируя важнейшие атрибуты игровой деятельности.

Подчеркнем, что все отмеченные выше особенности мотивационной «составляющей» игровой деятельности в принципе не только хорошо известны, но и составляют самую ее *суть*. Дело, однако, заключается в том, что за «феноменологическим фасадом» этих особенностей необходимо видеть не только их более глубокий смысл и механизмы, лежащие в их основе. Необходимо установить также, каким образом они влияют на системогенез этой деятельности и, более того, – определяют его *общий* тип. Влияние же это носит очень мощный характер; оно приводит к тому, что весь процесс формирования и развития игровой деятельности обретает характер *автосистемогенеза*. Напомним, что аналогичное заключение уже было сделано в работе [263] в качестве необходимого следствия

анализа специфики генезиса основных психологических «составляющих» игровой деятельности<sup>41</sup>.

Из сказанного следует, однако, достаточно важный в плане рассматриваемой проблемы вывод: по отношению к игровой деятельности позитивные стимулы, то есть подкрепляющие факторы, которые объективно необходимы для формирования базовых физиологических механизмов темпоральной организации поведенческой активности, заложены в ней *самой*. Для формирования – складывания и развития темпоральной организации, строго говоря, вообще не нужно внешних средств, хотя, конечно, их наличие и крайне желательно. В основе игры лежит, в конечном итоге, просто двигательная активность как атрибутивно присущая нормальному организму. Она не требует для своего осуществления никаких иных причин – является самодостаточной и самопричиняемой, а организм получает удовольствие и удовлетворение от нее самой. Тем самым, просто функционирование, приводя к тем или иным результатам (сначала – именно в движениях, а затем – и в более сложных проявлениях поведенческой активности) порождает положительный эмоциональный отклик, то есть является позитивным стимулом для своего самоподкрепления.

Итак, игра и игровая деятельность устроены таким образом, что само по себе функционирование, то есть процесс их реализации, является *достаточным* условием для ее самоподдержания и самоподкрепления (то есть, фактически, самодетерминации). Соответственно, они же являются достаточными условиями и для ее развития – для генезиса. Функционирование с необходимостью приводит к определенному результату; он сам по себе, являясь эмоционально позитивным, порождает реакцию гетеростатического типа и является стимулом для продолжения и развития процесса функционирования. Следовательно, именно гетеростатичность игры является объективным и важнейшим условием для того, чтобы она не только не заканчивалась на каком-либо – достигнутом результате функционирова-

---

<sup>41</sup> В частности, практически все те закономерности, которые характерны для мотивационной «составляющей» игровой деятельности, обнаруживаются и по отношению к другой ее важнейшей «составляющей» – к процессам целеобразования и к самой цели, а также к закономерностям их формирования и развития.

ния, а наоборот, сам этот результат становился исходным условием и средством для ее дальнейшего функционального развертывания и развития. Другими словами, гетеростатичность организации игры и лежит в основе возникновения (и поддержания) механизма *обусловливания* (который, как можно видеть из сказанного, исходно имеет вид именно мотивационного обусловливания). Затем и «вместе с тем» на этой же функциональной основе возникает еще более общий и важный механизм (и феномен) *опосредствования*, а на его основе, в свою очередь – и феномен *действия*. Для их возникновения в игре заложены все необходимые – именно внутренние, аутохтонные средства и детерминанты. Она самой своей природой – психологической спецификой и особенностями организации порождает все эти феномены – обусловливания, опосредствованности и действия<sup>42</sup>.

Кроме того, из сказанного с логической необходимостью следует и еще один вывод: все рассмотренные выше закономерности вскрывают основное направление генетического развития игры – это развитие не может осуществляться никак иначе, кроме преобразования *игры* в игровую *деятельность*. Причина этого состоит в том, что аутохтонные закономерности самой игры, а также закономерности придания ей темпоральной организации, с *объективной необходимостью* приводят к становлению вначале феномена опосредствованности, а затем (и на его основе) – феномена действия. Однако, именно возникновение этой базовой и определяющей структурной единицы, причем, – что также важно, всегда не в единственном числе, как раз и является необходимым и достаточным условием для формирования деятельности как таковой. Более того, сам феномен действия объективно может возникнуть лишь тогда, когда уже имеется их множество. Дело в том, что, как отмечалось, критически значимым признаком действия является *несовпадение* того, *почему* оно осуществляется и *зачем* оно осуществляется. Иначе говоря, цель действия не должна быть идентичной целям некоторой более общей целостности, в которую оно входит на правах компонента. Однако эта целостность может быть более общей лишь в том случае, если она будет

---

<sup>42</sup> Вместе с тем, подчеркнем еще раз, что внешние воздействия также очень желательны в этом плане, поскольку они в значимой степени также содействуют формированию темпоральной организации деятельности.

состоять из множества компонентов. Несколько схематизируя, можно сказать, что через обретение темпоральной организации игра и трансформируется в игровую деятельность. Однако, поскольку она является лишь первым, но не единственным основным типом деятельности в целом, то можно сказать и так: через темпоральную организацию игра (как еще «не-деятельность») трансформируется в деятельность вообще. Именно через формирование темпоральной организации, осуществляющееся в процессе генезиса игры, во многом и *возникает* сама деятельность (вначале – игровая, а затем – учебная и трудовая).

Феномен опосредствованности имеет, однако, и еще одну важную грань; он привадит к еще одному крайне значимому именно для *общей* организации психики и деятельности следствию. Выше уже отмечался один из возможных типов временной организации систем – *каузальная* детерминация, в основе которой лежит причинно-следственный принцип. Он имеет очень широкую сферу действия; в частности, на его основе организован целый ряд форм и уровней организации поведенческой и деятельностной активности (особенно – игровой). На феноменологическом – собственно поведенческом уровне он проявляется (опять-таки, прежде всего, по отношению именно к игровой деятельности) в такой – очень характерной для нее особенности, как спонтанный и непредсказуемый, хаотичный и несистематический – свободный ее характер. Однако, не менее, а быть может и еще более характерной – особенно на ранних и наиболее примитивных этапах развития детской игры – ее чертой является ярко выраженный *стимул-реактивный* характер. Она строится не как организованная активность, направленная на достижение каких-либо целей и потому – подчиняющаяся какому-либо плану, а принципиально иначе. Игровые движения, действия и иные моторные акты – это, прежде всего, сугубо *реактивные* образования. Поведенческая и деятельностная активность при их реализации носит подчеркнуто реактивный характер; она просто не может носить на этих – ранних этапах никакой иной характер. Можно видеть, таким образом, что при этом имеет место принципиальная конгруэнтность, соответственно, каузального типа детерминации и реактивного принципа организации игры.

Вместе с тем, уже в этой – *первой*, но поэтому *не единственной* форме темпоральной организации заложены принципиальные возможности для решающего – поистине «революционного» шага, знаменую-

шего выход организации поведенческой и деятельностной активности на совершенно новый уровень сложности организации. Действительно, как было показано выше, именно внутри каузального типа детерминации складываются три воедино связанных – «сцепленных» и генетических преемственных феномена – феномен *обусловливания*, феномен *опосредствованности* и феномен *действия*. Причем, наиболее радикальные трансформации имеют место при переходе от первого ко второму. Дело в том, что само возникновение феномена опосредствованности, фактически, равнозначно тому, что система (например, личность) оказывается в состоянии распознавать, а затем – использовать *результаты* какого-либо предшествующего поведенческого акта в качестве *средств* организации последующих актов. Но в этом случае оказывается возможным *сначала* получать нечто такое, что *затем* и должно выступить этим средством. Система начинает стремиться к какому-либо результату уже не столько как к *результату*, а именно как к средству для организации иных своих проявлений (например, средству организации последующих функциональных проявлений). Трудно не видеть, однако, в этой – повторяем, кардинальной по своей значимости и последствиям трансформации более глубинного смысла. Дело в том, что это, по существу, и есть механизм перехода от *каузального* типа детерминации к *целевому* типу – к принципу детерминации по цели. Последствия этого, действительно, велики и множественны; они будут более подробно рассмотрены ниже. Пока же зафиксируем наиболее общий факт: такая трансформация реально существует и реализуется именно в феномене действия и *через* него. Возникает не только новый тип детерминации – целевая, но на саму темпоральную организацию, равно как и на темпоральную системность, транспонируется основная функция цели как таковой. Это – ее роль как системообразующего фактора, но в данном случае – по отношению к системе темпорального типа<sup>43</sup>.

---

<sup>43</sup> В данной связи возникает необходимость терминологического дополнения, вытекающая из результатов проведенного анализа. Действительно, хорошо известно, что формирование поведенческой активности реактивного типа осуществляется, помимо всего прочего, и за счет формирования ее специфической «единицы» – *реакции*. Однако, по отношению к другому основному типу активности – проактивному нет соответствующего и адекватного термина для обозначения его специфической «единицы». В этой связи, не исключено, что для ее обозначения может быть использован термин *проакциии*.

Наиболее принципиальной особенностью проведенного анализа является то, что для непротиворечивого объяснения смены двух базовых типов детерминации (каузальной на целевую) он *не потребовал* никаких иных дополнительных объяснительных средств, кроме понятий временной организации и временной системности. Тем самым, это уже само по себе может рассматриваться в качестве свидетельства конструктивности использованных понятийных средств и, в первую очередь, самого понятия временной – темпоральной системности.

Констатация всех рассмотренных выше – действительно, достаточно сложных закономерностей и особенностей генетического плана, имеющих место в игровой деятельности, тем не менее, еще не исчерпывает всю реальную сложность ее генезиса. В целях более полной экспликации этой сложности необходимо привлечь еще одну группу данных. Как мы уже отмечали, недопустимым упрощением была бы трактовка формирования темпоральной организации с позиций известной парадигмы «усвоения и формирования»<sup>44</sup>. С этой точки зрения, формирование темпоральной организации поведения, в том числе – и игрового, разворачивается именно как формирование тех или иных внешне представленных актов – движений, действий, а затем – как их временное упорядочивание. В действительности, как показано во многих психологических и физиологических исследованиях, ни на одном – даже самом начальном этапе онтогенеза невозможно абстрагироваться (даже в так называемых исследовательских целях) от исходной – атрибутивной процессуальности организации активности. Разумеется, она при этом носит предельно не-организованный, спонтанный, хаотичный, непреднамеренный и пр. характер, но она «уже и всегда есть». Поэтому темпоральной организации изначально подвержено не формирование и развитие поведенческих актов, движений, действий (хотя, конечно, и они тоже). Первоначально она складывается на основе базовой активности, носящей, повторяем, спонтанный и хаотичный характер и образованной элементарными поведенческими и даже организмическими реакциями. Это означает,

---

<sup>44</sup> Она, в свою очередь, негласно – «автоматически» предполагает трактовку самой временной организации, а впоследствии – и темпоральной системности как процесс интериоризации внешней упорядоченности действий (и любых иных поведенческих актов) во внутреннюю временную организацию.

что базис – основа (так сказать, «материал») для темпоральной организации существует практически всегда – на всех онтогенетических этапах<sup>45</sup>. Но это же означает, что темпоральная организация не просто так сказать «накладывается» на формирование и развитие поведенческой и деятельностной активности. Дело еще и в том, что последняя – сама по себе, то есть будучи представлена исходно и онтологически первично, требует организации – причем, любой, в том числе, разумеется, и временной. Следовательно, сама темпоральная организация возникает не *вслед* и не на основе формирования и развития поведенческой активности, а *вместе* с ней и, фактически, *в ней* и, более того, *из нее*. Тем самым, темпоральная организация вступает объективным и необходимым следствием активности организма как таковой (хотя, конечно, и через целый ряд переходных этапов и трансформаций).

Итак, выше мы достаточно подробно остановились на проблеме, которую можно было бы обозначить как «деятельность и время», поскольку без раскрытия закономерностей генезиса и особенностей содержания субъективного времени, фактически, невозможно и сколько-нибудь полное раскрытие базовых закономерностей организации психики в целом. И наоборот, генезис субъективного времени и средств приспособления к нему в процессе формирования деятельностной формы активности (в том числе и «прежде всего», именно в игровой деятельности как генетически первичном основном типе деятельности) во многом может содействовать и более глубокому уяснению и объяснению этих закономерностей. Кроме того, необходимо еще раз со всей определенностью подчеркнуть, что сам феномен детской игры раскрывается при этом в таком его аспекте, который до сих пор исследован крайне слабо – в его генеративно-порождающей функции по отношению к генезису субъективного времени в целом. Подводя промежуточные итоги проведенного анализа, можно, по-видимому, сделать вывод, согласно которому понятия темпоральной организации и темпоральной системности, действительно, являются достаточно конструктивными интерпретационными средствами для раскрытия особенностей и закономерностей игровой деятельности

---

<sup>45</sup> Более того, как показывают современные исследования, наиболее элементарные проявления такого рода активности имеют место еще в период внутриутробного развития плода.

и ее генезиса. Вместе с тем, естественно, что эти понятия имеют целый ряд дополнительных содержательных граней, обладают дополнительным объяснительным потенциалом по отношению к общей проблеме детской игры в целом и ее генезиса, в частности. К их рассмотрению теперь и необходимо перейти.

### **5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности**

#### **5.3.1. Закономерности генезиса темпоральной организации первичных психических процессов**

В наиболее *общем* виде основная проблема дальнейшего рассмотрения может быть сформулирована следующим образом. Каким образом представления о темпоральных системах и темпоральной системности содействуют разработке проблемы детской игры и ее генезиса, а тем самым – и проблемы генезиса в ней самого субъективного времени? Кроме того, на основе проведенного выше анализа можно предположить, что определяющее значение для ее решения может иметь раскрытие и тех закономерностей, которые образуют более *конкретный*, но и более глубинный уровень организации любой деятельности, в том числе – и игровой. Это, разумеется, уровень собственно *процессуально-психологического обеспечения* деятельности. Следовательно, его и необходимо сделать предметом приоритетного анализа. Предварительно, однако, следует сделать некоторые необходимые уточняющие замечания.

Во-первых, разумеется, представленный ниже вариант решения данной проблемы не претендует на то, чтобы охватить *всё* содержание чрезвычайно многообразных и очень сложных взаимосвязей двух рассматриваемых и предельно обобщенных самих по себе сущностей. Ими являются, с одной стороны целый *класс* систем – темпоральные, а с другой стороны, такая – не менее *обобщенная сфера* психического, каковой выступает ее процессуально-психологическое содержание. В связи с этим, мы и считаем необходимым подчеркнуть, что те аспекты реализации понятия темпоральной системности, которые будут рассмотрены ниже, являются именно *аспектами* – сторонами и гранями общей картины ее реализации в организации психики в целом и в ее

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности процессуально-психологическом содержании, в частности, но не всей этой картиной. Одновременно и сам генезис процессуально-психологического обеспечения также не может быть, разумеется, сведен лишь к все более полной ассимиляции в них темпоральной системности; он включает в себя и иные, столь же существенные аспекты. Вместе с тем, именно такая ассимиляция является очень важной, поскольку, она *объективно* выступает одним из базовых механизмов генезиса психики. Однако она не только наименее исследована, но и сама проблема, связанная с ее изучением, ставится здесь, фактически, впервые.

Во-вторых, следует остерегаться опасности упрощенной трактовки возможной связи указанных сущностей. Действительно, эта связь – на первый взгляд, может быть представлена в достаточно простом и весьма прозаическом виде, смысл которого состоит в следующем. В ходе онтогенеза детской игры формируется и развивается вначале примитивная, а затем все более усложняющаяся деятельность активная, то есть именно игровая *деятельность*. Она, в свою очередь, как показано выше, мультиплицирует в себе основные особенности темпоральной системности. Наконец, поскольку это, действительно, имеет место, то данные особенности *транспонируются* и на организацию основных «составляющих» психики – в том числе, и психических процессов<sup>46</sup>. Собственно говоря, в этом и проявляется то, что обычно вкладывается в содержание принципа единства психики и деятельности. Это – не что иное, как транспонирование складывающихся и формирующихся, развивающихся и эволюционирующих в ходе онтогенетического развития особенностей и закономерностей организации внешней деятельности на структурно-функциональную организацию внутреннего содержания психики.

Безусловно, все сказанное также имеет место и по отношению к рассматриваемой здесь проблеме. Однако только такой – относительно простой схемой взаимодействия внешней организации деятельности и ее внутреннего, то есть процессуально-психологического, обеспечения дело не исчерпывается. Следует отдавать полный отчет в том, что и развитие самого процессуально-психологического («вну-

---

<sup>46</sup> Причем, по отношению именно к психическим процессам такое транспонирование носит максимально полный, рельефный и, более того, принципиальный характер (см. об этом подробнее в [258], а также по ходу последующего анализа).

треннего») обеспечения имеет свои собственные – аутохтонные и поэтому наиболее важные закономерности. Оно имеет свою внутреннюю логику, связанную со многими иными, а не только деятельностными факторами и детерминантами. В частности, одной из главных среди них выступает категория детерминант, которые связаны с психофизиологическим (и даже – морфологическим) созреванием мозговых структур, с физиологической эволюцией самих психических функций, на базе которых осуществляется генезис сферы психических процессов. В этом – сложнейшем по содержанию и двуедином по характеру онтогенетическом процессе и осуществляется общий генезис процессуально-психологического содержания психики в целом и игровой деятельности, в частности. В нем синтезированы и переплетены две генетические линии. Первая связана с *деятельностной* детерминацией этого развития и носит так сказать внешний характер. Вторая связана с внутренними – *аутохтонными* закономерностями формирования и развития сферы психических процессов.

В-третьих, следует отдавать полный отчет и в том, что сама сфера процессуально-психологического обеспечения деятельности, психические процессы – и как предмет исследования, и как онтологическая реальность занимают совершенно исключительное положение как в истории психологического познания, так и в организации самой психики. Это, как известно, – «основа основ», базовое содержание всей ее структурно-функциональной организации. Вполне закономерно поэтому, что *основное* содержания предмета общей психологии составляют представления именно о системе психических процессов<sup>47</sup>. Кроме того, столь же велика роль данной сферы и в *генезисе* психики и деятельности. В связи с этим, следует отдавать отчет, что, обращаясь к данной проблеме, исследователь встает на достаточно рискованный путь, обрекая себя на взаимодействие с безбрежной по масштабу и грандиозной по степени сложности проблемой. Он должен заранее смириться с фактической невозможностью ее полного раскрытия и со столь же неизбежными упреками в «неполноте»

---

<sup>47</sup> Достаточно рассмотреть с этой точки зрения структуру практически любого учебника по психологии, в которых очень существенную часть занимают разделы, посвященные именно психическим процессам. Более того, изложение представлений о предмете психологии обычно с них и начинается.

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности ее изучения. Вместе с тем, следует помнить и о другом: без и «вне» обращения к данной проблеме сколько-нибудь ощутимый прогресс в раскрытии особенностей и закономерностей детской игры и ее генезиса *объективно* невозможен.

В-четвертых, следствием предыдущего обстоятельства является и то, что в общей структуре данной проблемы объективно представлен целый ряд, точнее – множество ее более частых аспектов. Являясь, действительно, более локальными, нежели она сама в целом, они, тем не менее, выступают чрезвычайно важными и сами по себе – так сказать в отдельности, а нередко носят и основополагающий характер. Все они настолько значимы, что них вообще очень трудно или даже практически невозможно выстроить, так сказать, по их приоритетной значимости. Вместе с тем, некоторые из них все же выделяются даже на фоне этой «равновеликости», выступая, в то же время, и наиболее трудными для психологического исследования (что уже само по себе свидетельствует об их особой важности). Именно на них и представляется целесообразным сфокусировать дальнейший анализ.

Наконец, в-пятых, и среди этих – теоретически приоритетных и избранных аспектов существует и достаточно отчетливо дифференцируется такой, который является определяющим и критически значимым – *объективно* основным. Все иные аспекты и планы анализа столь же объективно производны от него и вторичны по отношению к нему. Действительно, выше было подробно обосновано положение, согласно которому объективно основным аспектом общего функционального плана исследования тот его план, который направлен на раскрытие закономерностей «бытия системы во *времени*» – с ее временной разверткой. Он тем самым онтологически включает «ось времени» в организацию систем, а гносеологически – предписывает дать объяснение формам и модусам такого включения. Следовательно, его и необходимо рассматривать в качестве «основного из основных». Кроме того, следует учитывать, что он во многом попросту *репрезентирует* весь функциональный анализ в целом. Поэтому его изучение в значительной степени содействует и раскрытию всех иных аспектов данного плана исследования.

В то же время, общепризнанным является и еще одно фундаментальное общепсихологическое положение, сформулированное в русле исследования проблемы психических процессов и состоя-

щее в следующем<sup>48</sup>. Как неоднократно отмечалось выше, полагается (причем, совершенно обоснованно и справедливо), что сама *суть* любого психического процесса в целом и *специфика* каждого из них, в отдельности, определяется его собственно *операционным составом* [17, 481]. О психических *процессах* как таковых вообще можно говорить лишь в том случае, если в предмете того или иного психологического исследования феноменологически зафиксирован операционный состав как таковой. И наоборот, наличие операционного состава являться критически значимым – атрибутивным признаком для отнесения того или иного предмета психологического исследования именно к категории психических *процессов*. Именно наличие операционного состава – операционность, то есть объективная представленность и специфичность самих операций как раз и составляет атрибутивную сущность любого психического процесса. Именно операционный состав вообще в определяющей мере конституирует *качественную определенность* содержания любого психического процесса. Он же обуславливает и *качественную специфичность* любого психического процесса по отношению ко всем иным процессам. И наоборот, *отсутствие* этого атрибута является наилучшим и наиболее надежным индикатором *не-принадлежности* того или иного предмета исследования к категории психических процессов<sup>49</sup>. Следовательно, операционный состав, образующий основное содержание любого процесса, выступает и таким его аспектом, который является не только *объективно* основным, но и во многом *конституирует* его. Поэтому именно через обращение к понятию операционного состава и через его приоритетное исследование – в том числе, и в плане понятия темпоральной системности открываются наиболее благоприятные перспективы для исследования и генетической динамики психических процессов в целом, а также роли этой динамики в развитии детской игры, в частности.

---

<sup>48</sup> Напомним, что этот вопрос уже рассматривался в общем плане в параграфе 3.4.

<sup>49</sup> В частности, именно этот атрибут отсутствует у иных базовых «составляющих» психики – психических *свойств* и *состояний*, а потому может и должен быть проинтерпретирован и как достаточно глубокий критерий – как своего рода демаркационный признак дифференциации *процессуальных* образований психики от иных ее основных «составляющих».

Таким образом, можно видеть, что *общая* проблема раскрытия генетических закономерностей детской игры в целом и генезиса ее процессуально-психологического обеспечения, в частности, *конкретизируется* до следующего вида. Каковы особенности и закономерности взаимосвязи *темпоральной системности* и содержания (и генезиса) *операционного состава* психических процессов? Такая формулировка исходной проблемы носит уже значительно более определенный характер и, соответственно, допускает большие возможности для ее решения. Вместе с тем, даже в этом – конкретизированном и операционализированном виде она все же также очень сложна и весьма многоаспектна. Отчетливо сознавая данное обстоятельство и не претендуя, в силу этого, на его полное раскрытие, попытаемся, однако, сформулировать положения, способствующие такому раскрытию.

Прежде всего, обратим внимание на фундаментальное по значимости и очень общее по характеру положение, которое уже не раз фиксировалось в ходе предыдущего анализа и суть которого заключается в следующем. В структурно-функциональной организации психики в целом, а также в содержании и составе ее процессуально-психологического обеспечения, в особенности, *онтологически*, то есть объективно, реализуется атрибутивная взаимосвязь двух важнейших ее уровней – собственно физиологического и психологического. Одним из базовых проявлений данной связи выступает, как известно, принципиальное и очень глубинное соответствие, доходящее до степени *изоморфизма*, между совокупностью психо-физиологических (и психических) функций и системой психических *процессов*<sup>50</sup>. Вообще говоря, именно эта связь, является, действительно, наиболее глубинной основой для организации психики в целом. Она выступает – и исторически, и традиционно, и – что еще более важно – по *существованию* своего содержания предметом огромного числа исследований самого разного плана, начиная от сугубо методологических и заканчивая экспериментальными. Каждому профессиональному психологу давно и хорошо знакомы все те многочисленные перипетии и коллизии, которые сопровождали развитие данной проблемы, что, впрочем, уже само по себе является

---

<sup>50</sup> В этой связи приходится еще раз вспомнить уже отмечавшуюся мысль М. С. Роговина относительно принципиального подобия совокупности основных психических функций и системы базовых психических процессов [474].

наиболее надежным индикатором ее истинной значимости и основополагающей роли для психологического познания в целом.

Кроме того, столь же важен и собственно *генетический* аспект данной проблемы, поскольку само формирование и развитие собственно психических *процессов* во многом и базируется на основе тех или иных психофизиологических функций – осуществляется *из* них и *через* них. Вполне закономерно поэтому, что собственно генетические исследования в области психических процессов как раз и направлены на то, чтобы вскрыть и объяснить закономерности, которые лежат в основе качественных трансформаций, позволяющих функциям эволюционировать до уровня (и формы) психических процессов.

Наконец, общеизвестно также, что наиболее обоснованным и развитым, а одновременно – и перспективным путем раскрытия того, как же конкретно это происходит и в чем состоит суть такого рода трансформаций, является дифференциация в структуре психических процессов двух категорий средств их реализации. Эти категории могут по-разному обозначаться, в них могут выделяться (и, далее, подвергаться приоритетному изучению) разные аспекты и проявления. Однако наиболее четкое и концептуально завершенное воплощение эта дифференциация получила, как известно, в работах Б. Г. Ананьева<sup>51</sup>. В них сформулировано положение, согласно которому в структуре любого психического процесса представлены два типа механизмов – *функциональные* и *операционные* [17]<sup>52</sup>. Кроме того, согласно взглядам Б. Г. Ананьева, дифференцируется еще один тип механизмов – мотивационные, которые, к сожалению, не получили столь глубокого раскрытия, как первые два. Это, на наш взгляд, не только не является случайным и не заслуживающим особого внимания обстоятельством (или же следствием естественной неравномерности в разработке тех или иных проблем), а напротив, – очень показательным именно в плане развиваемых нами здесь представлений. Дело в том, что и функциональные, и операционные механизмы – по понятным и не нуждающимся в дополнительных комментариях причинам, объективно и самым непосредственным образом

---

<sup>51</sup> Эти вопросы уже являлись предметом рассмотрения в главе 4.

<sup>52</sup> У Л. С. Выготского близкое по содержанию положение отражено в понятиях *натурального* и *культурного*, а также в их генетической взаимосвязи [129].

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности (даже – атрибутивно) сопряжены с параметром *времени*, с временной «координатой». Следовательно, они столь же атрибутивно воплощают в себе основную форму организации, свойственную именно для процессов как таковых, *темпоральную*. Мотивационные же механизмы напротив, «чужды» этой координате; они в существенно большей степени релевантны иной базовой категории – категории *энергии*.

Например, в структуре перцептивного процесса дифференцируются следующие операции: обнаружение, различение, категоризация, идентификация, опознание и др. [124]. Аналогичным образом, операционный состав другого психического процесса – воображения включает, например, такие – специфические для него операции, как агглютинация, гиперболизация, шаржирование и пр. В составе еще одного психического процесса – памяти также дифференцируется достаточно развернутая система операций; причем, сами они могут выделяться на основании разных критериев [607]. Наиболее полное выражение они обретают, например, в совокупности так называемых мнемотехнических средств (операций). Наконец, пожалуй, наиболее развернутым является операционный состав аналогичного по степени сложности, то есть также наиболее сложного, психического процесса – мышления. Он образован операциями анализа, синтеза, обобщения, конкретизации, абстрагирования, сравнения и др.<sup>53</sup>.

Далее, очень характерно и показательно с точки зрения данных представлений именно то, что генезис каждого психического процесса, равно как и их системы, с *содержательной* стороны во многом попросту и представляет собой формирование операционных механизмов на базе уже имеющихся функциональных механизмов. За счет этого, во-первых, расширяются возможности самих функциональных механизмов, а общий потенциал любого психического

---

<sup>53</sup> Кроме того, в данной связи необходимо подчеркнуть обстоятельство еще более общего плана. Как показывают исследования последнего времени данная закономерность – наличие специфического операционного состава является, действительно, очень общей и присуща не только традиционно дифференцируемым классам процессов, но и процессам *иных* классов и иных уровней интегративности. Так, в частности, данная закономерность очень отчетливо эксплицируется при раскрытии психологического содержания класса *интегральных процессов* психической регуляции деятельности [248]; она же установлена и по отношению к классу *метакогнитивных процессов* [256].

процесса также существенно возрастает. Собственно говоря, генезис психических процессов, согласно данному подходу, это и есть формирование операционных механизмов на основе функциональных, а также обогащение вторых первыми, а в результате – генезис общего процессуально-психологического содержания<sup>54</sup>. Все это, разумеется, не только совершенно справедливо, но и входит в «золотой фонд» психологического знания. Оно не на словах, а на деле (хотя, конечно, и в известных исторических и традиционных рамках) реализует то, что обычно лишь декларируется – провозглашается и закрепляется в известном *общеметодологическом* принципе единства психики и деятельности. Дело в том, что данное положение, действительно, вскрывает некоторые *конкретные* закономерности и механизмы того, как *реально* действует данный принцип, как реально – онтологически реализуется данная связь и ее «генетическая развертка»<sup>55</sup>.

Вместе с тем, указанные представления, являясь, повторяем, безусловно, справедливыми и обоснованными, все же отнюдь не закрывают возможность их дальнейшего развития и углубления, а напротив, – предполагают это. Дело в том, что для раскрытия *общего* содержания и организации операционного состава любого психического процесса в целом необходимо решение *двух* (а не одной, как в концепции Б. Г. Ананьева) задач. Во-первых, это, разумеется, установление данного состава так сказать самого по себе. Она включает определение его перечня – так сказать «номенклатуры», а также характеристику тех операций, которые его и образуют. Именно эта задача и была поставлена, а в значительной мере – и решена в концепции Б. Г. Ананьева. Однако, во-вторых, наряду с этим, необходимо отдавать отчет и в том, что сам этот операционный состав отнюдь не является (и, что еще более важно, *в принципе* не может и не должен являться) простой суммой, агрегативным множеством – рядоположенной совокупностью отдельных операций. Как раз напротив, эта совокупность, а следовательно,

---

<sup>54</sup> Далее эта же линия генетического развития находит свое проявление и в генезисе иных классов психических процессов – метакогнитивных и интегральных; см. об этом подробнее в параграфе 5.3.2.

<sup>55</sup> При этом, однако, следует подчеркнуть, что по каким-то не вполне понятным причинам данная проблема, равно как и отмеченная выше концепция Б. Г. Ананьева в целом, во многом просто обошла стороной ранние онтогенетические периоды и, следовательно, никак не была востребована психологией игровой деятельности.

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности и весь операционный состав может обрести действенный характер лишь в том случае, если он будет *организован* – прежде всего, именно в плане его временной, темпоральной упорядоченности. Отдельные операции, входящие в состав любого психического процесса, – это не только собственно операции, то есть *содержательные* образования, но и *этапы*, то есть образования темпоральные.

Вообще говоря, любой психический процесс становится *психическим* процессом в силу формирования его операционного состава в плане содержания входящих в этот состав операций. Однако он же становится психическим *процессом* в силу того, что эти же операции упорядочиваются вдоль «оси времени», то есть подвергаются темпоральной организации. Проявления и иллюстрации этого множественны и повсеместны. Более того, как известно, в психологии существует и специальное направление, в котором углубленно исследуется данный круг вопросов – *актогенетическое* направление<sup>56</sup>. На наш взгляд, представляется не вполне естественным, что до сих пор в работах, направленных на раскрытие взаимосвязи операционных и функциональных механизмов психических процессов, этот – темпоральный аспект практически никак даже не затрагивается. Именно он, являясь атрибутивно присущим собственно *процессуальной* организации любого из них; следовательно, он должен быть обязательно рассмотрен в качестве столь же необходимого направления развития этих представлений.

В свете всего этого трудно, однако, не видеть достаточно несложного, но крайне значимого обстоятельства, согласно которому любой психический процесс, фактически, и становится таковым, то есть процессом в строгом и наиболее непосредственном смысле данного понятия благодаря тому, что в нем – в его структуре и функционировании реализуется временная упорядоченность, темпоральная организация. Любой психический процесс, собственно говоря, и становится таковым лишь благодаря тому, что он воплощает в себе черты и закономерности именно темпоральной организации, а в наиболее развернутых и зрелых формах – и темпоральной системности. Психические процессы раскрываются в их истинном и наиболее полном, богатом содержанием и принципами организации виде – в качестве психологических

---

<sup>56</sup> Данное направление обычно связывается с работами Х. Д. Шмидта; оно рассмотрено в параграфе 4.4.

систем, но уже не только, а быть может, и не столько *субстанционального* типа, сколько в качестве *темпоральных* систем.

Однако, если, действительно, операционный состав любого психического процесса обретает черты временной, собственно темпоральной организации и, если, действительно, отдельные операции «выстраиваются» в определенную последовательность вдоль «оси времени» и образуют его процессуальное, временное содержание, то *что* выступает *детерминантами* самой этой организации? На основе каких факторов и причин, благодаря каким особенностям и закономерностям происходит само временное структурирование, а затем – и общая темпоральная организация операционного состава каждого психического процесса? Наконец, если сами процессы рассматривать в уже сформированной и развитой форме, то есть в качестве процессуальных образований, приближающихся по мере своей организованности к собственно темпоральным системам, то возникает аналогичный, но еще более общий вопрос. *Что* именно выступает детерминантой формирования и развития темпоральной системности по отношению к сфере психических процессов в целом и к каждому из них, в частности? Почему они – повторяем, в развитой форме и должны быть поняты как частные экспликации темпоральных систем? Другими словами, *что* именно упорядочивает временное развертывание – последовательность отдельных операций и «вытягивает» их в цепь таким образом, чтобы она была оптимальной с точки зрения обеспечения того результата, на обеспечение которого и направлен сам процесс?

Формулируя эти вопросы и переходя, далее, к попытке ответа на них, не будем, однако, забывать про два – уже проанализированных выше обстоятельства. Напомним, что первое из них состоит в том, что все указанные феномены и закономерности, равно как и все качественные трансформации, связанные с переходом от функций к процессам и с формированием операционного состава последних, наиболее интенсивно происходят на тех этапах онтогенеза, на которых основным типом деятельности является именно игра. Следовательно, само формирование операционного состава и его темпоральная организация также наиболее представлено именно в игре, в игровой деятельности. Второе обстоятельство заключается в том, что на *этом* же онтогенетическом этапе наиболее интенсивному складыванию, формированию и совершенствованию подвержена

### 5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности

также и сама игровая деятельность. Фактически, здесь она возникает, а затем – и формируется. Другими словами, здесь осуществляется переход от просто *игры* к игровой *деятельности*.

Однако выше было показано также, что именно этот переход – трансформация игры в игровую деятельность, формирование самой этой деятельности именно как *деятельности* во многом просто *тождественен* тому, что исходно неорганизованная активность все более полно воплощает в себе черты и закономерности временной, собственно темпоральной организации. На эту поведенческую активность «накладывается» временная, темпоральная организация, а само неорганизованное – спонтанное и нерегулярное, хаотичное и неупорядоченное поведение все более полно и явно обретает организацию, в том числе собственно временную. При этом далее, необходимо особо подчеркнуть и еще одно – несколько более сложное, но одновременно и более важное, даже *принципиальное* обстоятельство. Дело в том, что такое «наложение» – воплощение в поведенческой активности черт темпоральной организации ни в коем случае нельзя трактовать как привнесение в поведение, а затем – в деятельность каких-либо *внешних* и, следовательно, искусственных средств (тем более таких абстрактных и труднодостижимых в этом возрасте, как средства временной организации). Не только дети – тем более, на ранних возрастных этапах, но и взрослые очень часто практически не способны на это. Сам же параметр времени является, как известно, одним из наиболее сложных в плане его субъективной репрезентации. Дело, на наш взгляд, обстоит совершенно иначе, а конкретные по содержанию, хотя и очень общие по смыслу механизмы такого наложения – воплощения в организации деятельности черт темпоральной организации состоят абсолютно в другом.

Действительно, выше мы уже отмечали, что о временной, темпоральной организации как таковой вообще можно говорить лишь в том случае, если какая-либо система (в данном случае – деятельность) обретает следующую – важнейшую и, по существу, атрибутивную особенность. Она заключается в том, что система начинает «распознавать», а затем – и использовать те или иные *результаты* своего собственного функционирования, достигаемые ей на каком-либо этапе такого функционирования, в качестве *средств*, в качестве своеобразного «материала» и «ресурса» для организации ее же функцио-

нирования, но на последующих этапах. Именно это свойство, точнее – атрибут не только присущ деятельности как таковой, но и представлен по отношению к ней с максимальной, – по существу, предельной степенью выраженности. Это свойство – свойство так сказать «само-строительства» вообще лежит в *основе* ее организации как специфической формы активности. За счет него – на его базе обеспечиваются другие важнейшие атрибуты деятельности, прежде всего, продуктивность, целедостигаемость, активность и др.

Констатируя это, необходимо подчеркнуть и еще одно – также очень существенное обстоятельство. Дело в том, что все указанные процессы и трансформации организационного (точнее – организационно-темпорального) характера исходно и первоначально осуществляются, во-первых, во *внешнем* поведении, внешних действиях – в эксплицитном плане. Во-вторых, это реализуется совершенно *естественным* и достаточно несложным путем, а отнюдь не путем *искусственной* – навязанной извне детерминации (состоящей в «наложении» на поведенческую активность каких-либо особых средств временной организации). *Содержательные* компоненты деятельности – движения, а затем – действия просто «вытягиваются» и выстраиваются – организуются таким образом, чтобы обеспечить тот или иной результат. Затем они же подвергаются и дальнейшей временной организации и оптимизации с целью того, чтобы данный результат был обеспечен в возможно более эффективном виде. Деятельность структурируется и организуется, обретая, в том числе и черты процессуальности, именно на основе ее темпорального упорядочивания и временной организации, но под детерминирующим влиянием ее собственно *содержательных* характеристик – как в целом, так и отдельных организуемых компонентов (прежде всего, действий). В этом, собственно, говоря, и состоит одна из ключевых особенностей темпоральной организации как таковой – ее своеобразная «хитрость» и причина того, что она обладает свойством ускользаемости от анализа. Темпоральная организация, имея, безусловно, свою логику и присущие ей закономерности, тем не менее, реализуется на основе не временных, а собственно *содержательных* характеристик и детерминант самого организуемого во времени явления.

Вместе с тем, как мы уже отмечали в данной связи, ее эффективность, в свою очередь, *решающим* образом зависит от того, насколько

### 5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности

эта цепь – временная последовательность актов деятельности будет организована и, следовательно, насколько парциальные результаты этого взаимодействия обеспечат в своей совокупности их совместный, то есть кумулятивный эффект. Другими словами, эта последовательность должна быть представлена уже не просто как «поток», не как сумма отдельных актов деятельности, а как их закономерно организованная последовательность, подчиненная общей логике и направленная на достижение единой цели (то есть фактически, как *система*). Следовательно, она должна быть подвергнута организации, наиболее эффективной формой которой, по-видимому, и является организация именно системного типа, то есть воплощенность в последовательности отдельных актов осознания основных черт системности, но уже, разумеется, не субстанциональной, а темпоральной.

Однако, развертывание всех этих – повторяем, исключительно внешне представленных качественных трансформаций, объективно приводит (и не может не приводить, в силу присущих психике механизмов обобщения и генерализации) к формированию определенного – именно *обобщенного* свойства. Это – свойство, состоящее в способности к темпоральной организации своих не только общих, но и более частных «составляющих». Другими словами формирующаяся исходно и изначально во внешней деятельности временная, темпоральная организация, точнее – способность ней, транспонируется и на иные «составляющие» психики. Разумеется, это в первую очередь относится к наиболее важным и определяющим среди такого рода «составляющих», то есть к психическим процессам, прежде всего, конечно, к когнитивным. То, что было обозначено выше, как «самостроительство», а в более общем виде – и как темпоральная самоорганизация, транспонируется и на процессуально-психологическую сферу, становится атрибутом всех когнитивных процессов и каждого из них в отдельности. Однако, именно *за счет* этого и на основе этого (точнее – через это) *процессы* и становятся именно таковыми. Они обретают процессуальность как таковую и предстают как явления, упорядоченные во времени и обладающие чертами временной – темпоральной организации; они тем самым становятся системами темпорального типа.

Итак, можно видеть, что одним из главных, а не исключено, – и определяющих механизмов складывания, а затем – формирования и развития психических *процессов* на базе психофизиологических

функций является не только возникновение у них качественно специфического операционного состава, но и обретение им черт именно временной организации. В свою очередь, в «основе этой основы» лежит еще более глубинный и имплицитный механизм – механизм «самостроительства», то есть, фактически, самопорождения.

Следует отметить также, что данный механизм, равно, как и иные – рассмотренные выше особенности и закономерности, лежит, по-видимому, в основе не только *генезиса* психических процессов и деятельности в целом, но и в основе функционального развертывания в их уже сформированных, зрелых проявлениях. Наиболее показательной в данном отношении является, по-видимому, структурно-функциональная организация системы *деятельности*, деятельность как специфическая система в целом. Действительно, сама ее суть, равно как важнейшая черта ее структурно-функциональной организации в том и, что она в целом образует именно скоординированную во временном плане последовательность (то есть организованных в темпоральном смысле) ее частных компонентов – действий. В силу этого, деятельность как раз и является атрибутивно временной – темпоральной системой. Цель деятельности (требуемый результат), как уже подчеркивалось выше, в принципе не может быть достигнута посредством, так сказать, однократного взаимодействия субъекта и объекта – локального и единичного акта исполнения<sup>57</sup>. Это взаимодействие всегда должно подвергаться дифференциации на частные компоненты, реализация каждого из которых осуществляется на каком-либо этапе и представлена в качестве компонентов деятельности – действия. Те парциальные результаты, которые достигаются в итоге их реализации, используются, однако, затем – в последующих действиях как предпосылки и основания для их осуществления. Происходит своеобразное «накопление результатов» – их кумуляция.

Однако, для того, чтобы эта кумуляция обрела наиболее эффективный и продуктивный характер, сама дифференциация системы (деятельности) на компоненты также должна быть не только осуществлена, но и организована. Другими словами, она должна быть представлена как развертывающаяся во времени система, то есть

---

<sup>57</sup> Собственно говоря, именно дифференциация целого на части, то есть дифференциация деятельности на ее отдельные компоненты – действия является ключевой и определяющей ее характеристикой.

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности как система именно темпорального типа. Это означает, что каждый из парциальных результатов, получаемых в итоге реализации частных действий, должен быть не только использован как в ней в целом, так и при осуществлении иных действий, но и, по возможности, *спрогнозирован*, спланирован. Деятельность, как и любая иная система темпорального типа, строится по принципу дифференциации исходно нерасчлененной целостности лишь на те «части» (для темпоральных систем – на этапы, то есть действия), а также в таком их количественном составе, который необходим и достаточен для достижения общей цели деятельности. При любой степени дифференцированности деятельность, однако, сохраняет исходно присущие ей черты целостности и поэтому всегда выступает именно как организованная во времени система этих действий. Важной особенностью такого рода систем является не только использование ими своих частных, парциальных результатов для организации процесса своего же собственного осуществления. Дело еще и в том, что эти результаты вначале – активно *порождаются* именно для обеспечения этого функционирования, а затем и на основе этого – *используются* в нем.

Вместе с тем, в более общем плане можно видеть, однако, что такого рода функциональная организация характерна для процессуальной организации не только деятельностной формы активности, но и, по существу, для *любого* сколько-нибудь сложноорганизованного процесса взаимодействия со средой, для любого развернутого процесса переработки информации. Так, выше уже отмечалось, что процесс *решения задач* строится именно на основе данного принципа, поскольку каждый последующий его этап обязательно предполагает трансформацию полученных на предыдущих этапах *результатов* в посылки – *условия* дальнейшего развертывания самого процесса. Любая сколько-нибудь сложная *поведенческая задача*, а также преодоление подавляющего большинства поведенческих ситуаций объективно не допускают возможности сделать это сразу – симультанно. Напротив, это оказывается возможным лишь на основе дифференциации общего решения, преодоления ситуации и пр. на последовательность частных, локальных временных компонентов – этапов и последующей кумуляции получаемых при этом парциальных результатов, а также благодаря их использованию в качестве детерминант организации самого процесса функционирования.

Все это в совокупности позволяет полнее понять некоторые существенные, на наш взгляд, грани того поистине беспрецедентного по сложности и значимости процесса, который лежит в основе наиболее важной генетической трансформации. Она состоит в переходе от психофизиологических (и психических) *функций* как базы – как физиологической основы психического к психическим *процессам* – как уже собственно психическим образованиям. Подчеркнем, что чрезвычайная сложность и высокая значимость такого перехода связана со следующим принципиальным обстоятельством. Именно в нем имеет место, фактически, трансформация *не-психического* (и, следовательно, материального) в психическое (и значит – в идеальное). В этом состоит вообще одна из граней разгадки тайны известного «психофизиологического сечения», лежащая, как можно видеть из сказанного, именно в *генетической* плоскости. В еще более общем и, по существу, философском плане этот переход имеет непосредственное отношение и к основному вопросу философии – к вопросу о соотношении материально и идеального в целом, а также об их взаимодействующих связях, в особенности. В контексте основных задач данной работы очень показательно то, что все эти трансформации как раз и осуществляются именно в игровой деятельности и «через нее». Поэтому именно они, фактически, и лежат в основе формирования психики – в ее качественной определенности и в специфическом именно для человека виде и уровне сложности. И здесь, на наш взгляд, вполне уместна аналогия, которая, в действительности, является бóльшим, чем просто аналогия; она состоит в следующем.

Так, традиционно считается, что относительно наиболее простым среди всех психических процессов является ощущение. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что, в действительности, с определенной точки зрения оно является, наоборот, наиболее сложным, поскольку именно в нем и локализована та «тайна психофизиологического сечения», о которой шла речь выше. Это – загадка перехода от не-психического к *психическому*, от объективного к субъективному, от материального к идеальному, а в конечном счете, – и загадка порождения самого сознания и внутреннего мира в целом. Вместе с тем, точно такую же ситуацию можно констатировать и в отношении игровой деятельности. Она – опять-таки, согласно традиционным представлениям, *считается* относительно наиболее простым

### 5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности

типом деятельности. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что именно в ней (но уже не в функциональном, а в генетическом плане) также локализована «наиболее жгучая» тайна. Это тайна возникновения того же самого – психического из не-психического; загадка трансформации психофизиологических функций в психические процессы. Показательно и то, что эта «тайна» становится чуть менее грандиозной в том случае, если к ее разгадке привлечь данные о роли временной организации и темпоральной системности, а также о фундаментальном свойстве, присущем любой темпоральной системе – способности к «самостроительству», самопорождению. Становится более понятным и то, что механизмы, лежащие в основе самого этого свойства, являются исходно и изначально *внешне* локализованы – они имеют деятельностьную природу.

Тем самым, кстати говоря, наполняется вполне осязаемым содержанием и становится более понятным известный тезис, согласно которому психика формируется в деятельности, а также о том, что «внутреннее рождается из внешнего». В действительности, речь должна идти не о «рождении» первого из второго, а о *транспонировании* тех организационных, точнее – темпорально-организационных средств и механизмов, которые исходно представлены во второй, на первую. В свою очередь, само это транспонирование оказывается объективно возможным и онтологически необходимым именно благодаря тому, что и деятельность, и любой из психических процессов являются, хотя и очень общими и значимыми, но все же *частными* случаями *общего* класса систем – систем темпорального типа. Именно общность их базовых принципов и их основных атрибутов делают возможным транспонирование внешне представленных средств и механизмов временной организации на внутренние «составляющие» психики – прежде всего, на психические процессы. Понятно также, что в свете данной закономерности несколько по-новому решается одна из наиболее трудных и острых, но в то же время и неоднозначных, дискуссионных проблем психологии – проблема *интериоризации*. «Внутреннее» отнюдь не рождается из «внешнего» и уж, тем более, не тождественно так называемому переходу второго в первое. «Внутреннее» – во всем богатстве и сложности его проявлений формируется на основе наложения на него же само, но представленное в исходно неразвитом виде, тех организационных

средств, которые исходно представлены во внешнем плане и которые последовательно усложняются в онтогенезе. Наконец, подчеркнем, что все рассмотренные закономерности раскрывают лишь один из аспектов тех трансформаций, которые претерпевает психика в целом и психические процессы, в особенности, вследствие транспонирования на них темпоральной системности.

Действительно, наряду с ним, следует констатировать и еще одно – также достаточно значимое направление такого рода трансформаций. По ходу всего предшествующего изложения уже неоднократно возникла необходимость обращения к известному общеметодологическому принципу единства психики и деятельности. Подчеркнем также, что по отношению к нему в настоящее время сложилась двойственная ситуация. С одной стороны, признавая за ним право на существование и, более того, фундаментальный характер, многие исследователи все же достаточно скептически и даже критически настроены относительно него – прежде всего, из-за его очень общего и потому, казалось бы, не вполне конструктивного характера. Однако, с другой стороны, нельзя не видеть и того, что на основе данного принципа уже получены многочисленные – причем, важнейшие результаты эмпирического и экспериментального плана, а также осуществлен целый ряд значимых теоретических и концептуальных обобщений. По-видимому, дело вовсе не в том, что этот принцип страдает атрибутивной ограниченностью, а в том, что он достаточно часто реализуется не вполне корректно, поверхностно, а то – и просто лишь декларируется. В этих случаях можно говорить о его квазиреализации, о его «приговаривании» к той или иной проблеме. По отношению к нему с полным правом можно применить известное выражение: исчерпал себя не сам этот принцип, а упрощенные (и добавим – уплощенные) представления о нем. Поэтому гораздо более конструктивной является не позиция критики и критиканства – скепсиса и нигилизма относительно него, поскольку она вообще ни чему не приводит, а попытка его операционализации и корректной реализации.

В самом деле, данный принцип имеет две основных стороны. Первая состоит в известном тезисе, согласно которому «внешнее» (деятельность) и «внутреннее» (психика) находятся в связях диалектического типа: деятельность является наиболее комплексной детерминантой структурно-функциональной организации и генезиса пси-

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности хики, а психика эксплицируется в деятельности. Вторая заключается в том, что это же единство характеризует и процессуальный план их взаимодействия, что также зафиксировало в известном выражении, согласно которому психика формируется и развивается *в* деятельности, *через* деятельность и *посредством* деятельности. Вместе с тем, следует, конечно, согласиться с тем, что вопрос о *конкретных* закономерностях и механизмах такого развития, о том, как в действительности оно осуществляется, остается пока во многом открытым. Кроме того, второй – генетический аспект указанного единства изучен, в основном, на материале профессиональной и частично – учебной деятельности. При этом, действительно, получены очень значимые эмпирические и теоретические результаты. Достаточно отметить в данной связи, например, концепцию «оперативности отражения и действия» Д. А. Ошанина [418]. В ней получили глубокое раскрытие достаточно общие механизмы и закономерности генезиса сенсорно-перцептивных и – частично регулятивных процессов под детерминирующим воздействием профессиональной деятельности<sup>58</sup>.

Однако, еще один основной тип деятельности – игровая, остается до сих пор, фактически, не охваченным исследованиями, реализуемыми с позиций данного принципа. Парадоксальность и даже неестественность такого положения уже была констатирована выше. Она состоит в том, что – по совершенно понятным и объективным причинам именно на тех фазах онтогенеза, на котором ведущей является игровая деятельность, происходит не только и не просто наиболее интенсивное *формирование и развитие* психических образований под влиянием факторов любого плана (в том числе, разумеется, и деятельности). Здесь имеют место процессы существенно более кардинального и радикального характера, которые связаны с их фактическим *складыванием*, с возникновением – *порождением*.

Далее, еще одним важнейшим аспектом данного принципа, который проходит «красной нитью» через подавляющее большинство

---

<sup>58</sup> Подчеркнем также, что в дальнейшем понятие оперативности было конструктивно реализовано и по отношению к иным, нежели указанные выше, психологическим проблемам – в частности, по отношению к проблеме профессиональных способностей и их генезиса под детерминирующим воздействием трудовой и учебной деятельности [271, 604].

выполненных на его основе исследований, является следующее положение. Все психические процессы – прежде всего, разумеется, когнитивные могут и должны быть проинтерпретированы в их двуедином виде. С одной стороны, это, естественно, собственно *процессуальные* образования, воплощающие в себе все атрибуты данной формы организации. Это – их исходный и базовый статус. С другой стороны, они же могут быть проинтерпретированы и как «вне-процессуальные» образования, носящие именно операционный – *действенный* и *деятельностный* характер. Хорошо известно, например, что очень конструктивным и перспективным является трактовка перцептивного акта (как «составляющей» процесса восприятия) в качестве действия. Она получила развитие в известной «действенной парадигме» исследования процесса восприятия<sup>59</sup>. Кроме того, и относительно еще более простой процесс – ощущение также допускает свою интерпретацию в качестве операционно-действенного образования – в частности, в тех случаях, когда речь идет о достаточно сложных формах и проявлениях данного процесса. Например, по отношению к деятельности оператора-акустика употребляется термин «*деятельность* слушивания». В деятельности дегустатора аналогичная – развернутая форма именно данного процесса является вообще ее основной и т. д. Однако отсюда следует несложный, но важный, а к тому же – подкрепленный многочисленными исследованиями вывод, состоящий в следующем. Если даже эти – относительно наиболее простые процессы могут реализовываться в форме действия, то и все иные – более сложные процессы *тем более* и с еще большей выраженностью могут реализовываться в форме действия.

Не менее очевидным является и то обстоятельство, также многократно эксплицированное и проинтерпретированное в психологии психических процессов, согласно которому этот – вторичный их статус (действенный) не исчерпывается лишь собственно действенной формой реализации. Когнитивные процессы могут и, более того, как правило, реализуются и в более сложных, но также операционно-деятельностных формах. Они могут обретать, например, форму определенной совокупности, точнее – последовательности, а еще точнее –

---

<sup>59</sup> Очень детальную разработку данная трактовка получила в трудах А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, В. А. Барабанщикова и др. [53, 54, 124, 218].

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности паттерна действий. Причем, наиболее характерно, а одновременно – и важно с точки зрения рассматриваемой здесь проблемы то, что такого рода паттерны носят, прежде всего, характер *временной* упорядоченности, то есть, фактически, *темпоральной* организации. Такая форма организации очень характерна, как известно, для *мнемических* процессов, которые с очень высокой степенью рельефности эксплицируют комплексный, составной характер своей реализации. Хорошо известно, например, что обычно актуализация информации из памяти не носит простого и одномоментного – *симультанного* характера, а выступает перед субъектом в форме определенной задачи и требует целой совокупности соподчиненных действий. Она принимает *сукцессивный* вид и, соответственно, требует темпоральной организации. Вообще говоря, усложнение любого когнитивного процесса означает, в первую очередь, именно его сукцессирование. В свою очередь, подвергаясь сукцессированию, когнитивные процессы начинают проявлять себя как совокупность действий, как их последовательность – как *временная* организация.

Наконец, столь же хорошо известно, что в *наиболее* сложных и развернутых случаях когнитивные процессы могут обретать и такую форму организации, которая, фактически, тождественна – по крайней мере, в аспекте ее «технологии» – *деятельностной* форме. Прежде всего, это, разумеется, относится к процессу мышления, а его изучение с позиций именно деятельностного подхода и вообще – трактовка мышления «как деятельности» является очень распространенной и достаточно конструктивной. В связи с этим, можно констатировать, что данная (деятельностная) форма организации – это своего рода предел, так сказать асимптота эволюции и совершенствования степени сложности когнитивных процессов.

Обобщая представленные выше материалы, следует, прежде всего, видеть принципиальную общность их смысла. Она заключается в том, что практически все когнитивные процессы (хотя, конечно, и в разной мере) могут реализовываться и как *действия*, и как совокупности – *паттерны* действий, и как относительно самостоятельная *деятельностная* активность. К этому следует добавить, конечно, что все эти три формы конкретизации собственно деятельностного статуса когнитивных процессов «не отменяют» их исходного и базового статуса – процессуального. Другими словами, когнитивные процессы,

естественно, реализуются и в собственно *операционной* форме – как совокупность характерных и специфичных для каждого из них *операций*, образующих его операционный состав. Отсюда, однако, следует достаточно значимый вывод, имеющий две основные стороны.

Во-первых, можно видеть, что в любом когнитивном процессе имеет место феномен «удвоения статусов» – в данном случае процессуального и деятельностного. Кроме того, во втором из них (деятельностном) когнитивные процессы также получают *множественную* экспликацию. Они могут существовать в большом *диапазоне* изменения степени сложности организации – от операционной до деятельностной формы.

Во-вторых, указанные особенности характерны, прежде всего, для зрелых, уже развитых форм их организации. Однако, в том случае, когда речь идет лишь еще о развитии и «становлении» психики, то *эти* же формы следует трактовать и в еще одном их модусе. Они раскрываются как *генетические стадии* формирования самих когнитивных процессов, как те – качественно своеобразные и глубоко специфичные по отношению друг к другу формы, которые проходит каждый из них в своем генетическом становлении. Исходно любой когнитивный процесс представлен, разумеется, как совокупность *операций*. Он образован определенным операционным составом, базирующимся, в свою очередь, на тех или иных психофизиологических (и психических) функциях. Интеграция операций и придание им организации – прежде всего, обретение их совокупностью целевого характера, обуславливает их перевод в новую форму и на качественно иной уровень – *действительный*. Он, в свою очередь, подвергаясь вполне естественному и закономерному – более того, жизненно необходимому усложнению, обретает, далее, форму совокупности действий их темпоральных паттернов. Наконец, в наиболее развернутых формах когнитивные процессы становятся, фактически, неотличимыми – по крайней мере, в аспекте их «технологии» от собственно деятельностной формы организации активности. Более того, не приходится, по-видимому, доказывать, что достаточно часто степень сложности такой организации может даже *превосходить* сложность широкого круга видов реализации деятельности.

Следовательно, истинная природа и сама суть того, что обычно обозначается как деятельностная детерминация генезиса психических процессов (прежде всего, – когнитивных), заключается не в абстракт-

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности  
ном влиянии на них деятельностных детерминант. Она состоит в том, что основные уровни организации самой деятельности и присущие каждому уровню структурные единицы как раз и выступают ступенями и конкретными формами, которые обретают (и последовательно проходят) сами когнитивные процессы в своем генезисе. «Судьба» любого когнитивного процесса состоит в том, чтобы быть вначале совокупностью операций, а затем – поступательно трансформироваться вначале в действия, затем в организованные совокупности действий (паттерны) и, наконец, в их реализацию в деятельностной форме. Генезис когнитивных процессов – это во многом и есть их «прохождение» через основные формы и уровни самой деятельностной организации, через обретение ими таких форм организации, которые присущи основным структурным уровням организации деятельности.

Вместе с тем, констатация этого – очень важного, на наш взгляд, положения вновь приводит к постановке известного (и извечного) вопроса – почему? Как это оказывается возможным? Какие конкретные механизмы лежат в основе этих трансформаций? В силу каких причин генезис когнитивных процессов не только в общем виде, но и в плане *конкретных* механизмов носит, действительно, деятельностный характер? Не претендуя, разумеется, на исчерпывающее решение этих – предельно сложных вопросов, тем не менее, выскажем определенные соображения, содействующие этому. На наш взгляд, в основе всех рассмотренных выше генетических трансформаций как раз и лежит, прежде всего, то, что любой из когнитивных *процессов* и *процесс* деятельности являются, хотя и очень специфическими и важными, но все же *разновидностями одного* и того же *класса* систем – темпоральных систем. Они, следовательно, воспроизводят в своей организации *одни* и те же – наиболее характерные и *общие* для этих систем особенности и закономерности. Прежде всего, это закономерности собственно временной, то есть темпоральной организации, а в идеале – и черт темпоральной *системности*. И деятельность, и каждый когнитивный процесс «проходит» одинаковый путь развития и формирования – начиная от относительно простейших и элементарных *симультаных* форм и проявлений к обретению ими все большей *сукцессированности* и, соответственно, – различных форм темпоральной организации. Поэтому именно темпоральная системность является тем объяснительным средством, привлече-

ние которого позволяет, на наш взгляд, существенно более глубоко и полно, а одновременно – и более конкретно раскрыть *действительные* механизмы генезиса когнитивных процессов в деятельности и *через* деятельность. Причем, как можно видеть из сказанного, *действительные* не только в семантическом, но даже и в этимологическом смысле<sup>60</sup>. Организация когнитивных процессов транспонирует на себя те формы организации – прежде всего, темпоральной, которые исходно складываются именно во внешней деятельности. Те временные формы, которые возникают и развиваются в ней, постепенно и перманентно транспонируются на процессуальную форму организации, что и лежит в основе генезиса когнитивных процессов. Тем самым, выявляется еще одна грань того потенциала, которым обладает понятие темпоральной системности по отношению к сложнейшему психологическому понятию *интериоризации*.

В связи со сформулированными выше положениями, следует эксплицировать еще одну грань теснейшей взаимосвязи и, фактически, системы когнитивных процессов и структурной организации деятельности, вскрывающую их атрибутивное единство. Она, являясь не только очень важной и общей, до сих пор, однако, парадоксальным образом остается нераспознанной и не осмысленной в должной мере. Действительно, если вновь обратиться к рассмотренному выше вопросу о множественности деятельностных форм организации когнитивных процессов, то можно зафиксировать следующее обстоятельство. Различные по степени сложности когнитивные процессы обладают существенно *разными возможностями* по обретению ими такого рода форм; они вообще так сказать конгруэнтны различным формам; поясним сказанное.

Так, относительно наиболее простой процесс – ощущение чаще всего реализуется либо именно на операционном уровне, либо как отдельное – единичное действие и не требует иных, более развернутых, то есть сукцессированных форм организации. Другие – уже более сложные процессы (скажем, воображение, память), напротив, практически не допускают своей реализации в этой форме, а требу-

---

<sup>60</sup> И, добавим, – *посредством деятельности*, то есть через использование в процессуальной организации собственно деятельностных средств и уровней ее собственной организации.

### 5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности

ют осуществления целого ряда действий. Наконец, наиболее типичным и характерным для самого сложного когнитивного процесса – мышления является то, что он реализуется в аналогичной по степени сложности – то есть в *максимально* сложной форме; приближается по своей «технологии» к деятельностной организации. В то же время, ни память, ни тем более мышление практически не допускают реализацию в форме единичного действия; они, так сказать, не конгруэнтны друг другу ни в структурном, ни в функциональном плане.

Далее, одним из основных положений теории психических процессов, особенно характерных для современной когнитивной психологии, является тезис, согласно которому базовые когнитивные процессы выступают не просто в качестве разных *видов* процессов, но также и в качестве различных *уровней* общей когнитивной иерархии. Когнитивные процессы – это качественно различные уровни единой структурно-уровневой организации, построенной по иерархическому принципу. Базу данной иерархии – составляет процесс ощущения, а ее вершину – процесс мышления. Иерархическая трактовка когнитивной подсистемы психики является, повторяем, наиболее распространенной в настоящее время, действительно, очень конструктивна.

Однако, аналогичная, то есть также иерархическая – структурно-уровневая трактовка еще раньше и с еще большей степенью рельефности и полноты оформилась, как известно, и по отношению к раскрытию закономерностей организации деятельности. Положение о деятельности как о структурно-уровневом образовании, включающем организованную совокупность целого ряда основных уровней, вообще является «основой основ» психологической теории деятельности, ее «сердцевиной». Вместе с тем, эти две иерархии (когнитивная и деятельностная) до сих пор рассматриваются отдельно друг от друга. Вопрос об их сопоставлении и, тем более, о *сравнительном* исследовании и возможном *сходстве* или даже подобии базовых принципов организации пока не ставится. Вместе с тем, если их рассмотреть именно в плане этой – возможной *общности* их принципов, то обнаруживается их удивительное подобие, доходящее до степени *изоморфизма*. Действительно, очень трудно не видеть того фундаментального факта, согласно которому «низшие» уровни когнитивной иерархии (процессы ощущения и восприятия) соотносятся с аналогичными, то есть также относительно

низшими уровнями деятельностной иерархии (с уровнями операций и действий). Дальнейшее усложнение когнитивных процессов – переход к процессам представления, внимания, воображения и частично – памяти по своей «технологии» и механизмам аналогичен тем направлениям усложнения, которые характерны и для уровней организации деятельности. В ней *отдельные* действия синтезируются в паттерны, образующие инфрадеятельностный уровень ее организации<sup>61</sup>. Одновременно, ни о внимании, ни о воображении, ни о памяти практически не приходится говорить «как о деятельности». Напротив, именно это характерно для исследований в области мышления (что и эксплицирует его конгруэнтность высшему уровню организации самой деятельности). Собственно деятельностный модус процесса мышления, вообще говоря, неоднократно фиксировался в целом ряде исследований, а трактовка мышления именно как деятельности является, как известно, одним из основных и наиболее традиционных подходов в психологии мышления (см., например, в [360, 542]).

Кроме того, в этой связи сформулировано положение, существенно углубляющее эти общие представления и заключающееся в следующем. Как показано в работах А. М. Матюшкина, А. В. Брушлинского, М. С. Роговина и др., когнитивные процессы всех иных (кроме мыслительного) уровней организации могут строиться по «образу и подобию» самого мышления. Они транспонируют на себя те средства и закономерности, которые характерны для него – так сказать «берут их взаймы» [101, 360, 474]. С точки зрения развитых выше представлений это выглядит не только совершенно естественным, но и предстает, фактически, как *частный* случай одной из наиболее *общих* закономерностей. Она состоит в том, что реализации когнитивных процессов возможна в различных деятельностных формах, в том числе, разумеется, и в форме относительно самостоятельной деятельности.

---

<sup>61</sup> Характеристика данного уровня была дана в параграфе 2.2.3, а его главной чертой является то, что он образован целостными *подсистемами* – именно паттернами действий; поэтому он не сводится к уровню «отдельного действия», но и не возвышается и до уровня «автономной деятельности». Он локализуется между ними, заполняя собой огромный диапазон изменения степени сложности организации деятельности, заключенный между этими двумя – традиционно дифференцируемыми уровнями.

Таким образом, можно видеть, что, действительно, две иерархии – когнитивная и деятельностная во многом просто *изоморфны* друг другу. Они поэтому являются принципиально *подобными* – и по составу, и, что еще более существенно, по содержанию, то есть по «организационным механизмам» образующих их уровней. Это означает, что деятельность является той – исходно представленной (онтологически первичной, объективно существующей) основой, на базе которой складывается, а затем – совершенствуется сама когнитивная иерархия. Данное обстоятельство представляется принципиальным и еще по одной причине. Качественные трансформации когнитивных процессов осуществляются не автономно друг от друга, а именно «в системе», то есть целостно. Целостность же эта и обеспечивается тем, что детерминантой качественных трансформаций всей системы когнитивных процессов является аналогичная по комплексности система – целостная организация деятельности.

Еще один важный аспект данной связи состоит в том, что указанные детерминанты отнюдь не даны так сказать в готовом виде; напротив, они сами развиваются и, более того, возникают в ходе онтогенетического развития. Поэтому две указанные иерархии подобны не только в их уже *сформированном* – так сказать «ставшем» виде, но и в плане закономерностей их *генезиса*. Генезис уровней когнитивных процессов, являясь производным от генезиса уровней организации деятельности, в то же время выступает и детерминантой дальнейшего совершенствования и качественных трансформации самих деятельностных уровней. В этом состоит еще одна грань принципа единства психики и деятельности; еще один конкретный механизм, лежащий в основе генезиса игровой *деятельности*, а также ее *процессуального* обеспечения. Причем, следует особо подчеркнуть тот факт, что эти взаимодетерминационные отношения представлены в наиболее явном и рельефном виде именно на тех фазах онтогенеза, на которых ведущим типом деятельности как раз и является *игровая* деятельность. Следовательно, все эти трансформации, а также лежащие в их основе психологические механизмы, также представлены в наиболее выраженном виде именно в данной деятельности. Игровая деятельность раскрывается с этой точки зрения как комплексная детерминанта придания всей когнитивной подсистеме психики иерархичности организации,

обретения ей черт структурно-уровневого строения, а через это – и как основной фактор ее развития.

Подчеркнем также, что принципиальное подобие закономерностей организации двух (когнитивной и деятельностной) иерархий носит совершенно естественный и объективный характер. Дело в том, что и та, и другая являются *необходимыми* следствиями – своего рода результативными эффектами эволюции и совершенствования форм собственно временной – темпоральной организации. Действительно, с одной стороны, все более усложняющиеся ее формы, как показано выше, обуславливают все бóльшую *сукцессированность* процессуальной организации. Однако, с другой стороны, они же приводят и к формированию все новых деятельностных образований, а в итоге – к становлению их *уровневой* структуры.

Необходимо подчеркнуть и еще одно обстоятельство, которое также вскрывает глубинное подобие двух рассматриваемых иерархий. Дело в том, что в терминологическом аппарате и психологической теории деятельности, и теории психических процессов сложилось вполне определенное понятие для обозначения их относительно наиболее простых структурных образований – соответственно, образований деятельностного и процессуального планов. В психологической теории деятельности таким понятием является, как известно, понятие психологических *операций*. Их суть состоит в том, что они носят автоматизированный, несознаваемый характер. Однако именно *этот* же термин используется и в теории психических процессов для обозначения также относительно простейших единиц – частей, из которых и складывается содержание психических процессов, в особенности – когнитивных. Это, разумеется, также понятие операций, образующих *операционный* состав психических процессов<sup>62</sup>.

Более того, в исследованиях и психических процессов сложились представления, согласно которым отдельные компоненты операционного состава, то есть сами операции (но уже не деятельностные, а именно процессуальные) имеют в качестве одной из своих основных особенностей *неосознаваемый* – автоматизированный

---

<sup>62</sup> Необходимо подчеркнуть, что речь идет об идентичности именно терминов, а не понятий, поскольку в содержательном плане они, разумеется, неотждественны.

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности характер. В наиболее рельефном виде это представлено по отношению к относительно наименее сложным психическим процессам (например, по отношению к восприятию, в котором отдельные перцептивные операции практически никогда и никак не осознаются). Тем самым, вновь эксплицируется *удивительное* подобие базовых принципов организации двух иерархий – когнитивной и деятельностной. Действительно, можно видеть, что их базовый, а потому в известном смысле – главный и определяющий уровень образован такими «составляющими», которые не только атрибутивно и сущностно, то есть по самим своим механизмам, но даже этимологически являются подобными. Это – собственно *операционный уровень*<sup>63</sup>. Кроме того, представляется важным, что и деятельностные, и процессуальные операции обладают общим для всех операций атрибутом – возможностью их трансформации в *осознаваемую* форму, то есть, фактически, возможностью их перевода на следующий уровень – действенный. Важность этого – именно по отношению к организации системы когнитивных процессов состоит в том, что на ее организацию транспонируется еще один механизм, который также исходно представлен во внешней (деятельностной) форме. Это механизм обратимого перевода действий и операций, то есть механизм *операционно-действенной обратимости*. Одновременно он же, фактически, лежит в основе *всего* дальнейшего усложнения самой когнитивной иерархии (равно как он же лежит и в основе деятельностной иерархии).

Тем самым эксплицируется зафиксированное в ряде исследований обстоятельство, согласно которому когнитивные процессы могут реализовываться и как операции, и как действия, и как совокупности действий, и как относительно автономная деятельность. Данный феномен был достаточно подробно рассмотрен нами выше, а также в работе [270] и получил обозначение явления *процессуально-действенной обратимости*. Благодаря ему, обеспечивается своеобразный обмен содержанием и принципами организации между деятельностью и когнитивными процессами.

Отметим также, что посредством данной закономерности открывается возможность для дальнейшей детализации рассмотренной

---

<sup>63</sup> Общность «фундамента» этих иерархий является одним из важнейших условий аналогичной общности общих принципов их организации в целом.

выше детерминационной связи деятельностных и процессуальных образований психики, но уже в рамках общей проблемы детской игры. Действительно, исходно спонтанная и неорганизованная активность объективно порождает игру и лежит в основе ее относительно простейших форм (точнее, она во многом и *является* самими этим формами). В свою очередь, она со столь же очевидной необходимостью предполагает внесение в ее содержание – пусть и элементарной, даже примитивной, но все же организации (прежде всего, временной). Тем самым, она, однако, и трансформируется в игровую *деятельность*. Наконец, в ней складываются те структуры – уровни деятельности, которые являются детерминантами усложнения форм организации когнитивных процессов. Однако, теперь «цепочку» этих детерминационных связей можно дополнить еще одним звеном. Взаимообусловленность процесса генезиса деятельностных уровней и уровней когнитивной иерархии предполагает и формирование практически *идентичного* – общего для них образования (операций). Именно они и образуют низший уровень – базу, «фундамент» и той и другой.

На наш взгляд, данное обстоятельство имеет многочисленные и очень важные следствия для организации как деятельности, так и системы когнитивных процессов. Их анализ – это особая, очень сложная и самостоятельная тема, далеко выходящая за пределы задач данной работы. Вместе с тем, один из ее аспектов все же должен быть зафиксирован здесь, поскольку он имеет самое непосредственное отношение именно к временной, темпоральной организации как особой формы организации в целом. Действительно, одним из главных предназначений любой организации, в том числе, и темпоральной, является *оптимизация* самой организуемой системы. В нашем случае это, естественно, именно временная – темпоральная оптимизация; она, в конечном итоге, направлена на то, чтобы повысить, расширить функциональные возможности какой-либо оптимизируемой системы. Временная оптимизация (психики в целом и каждого когнитивного процесса, в частности) направлена, прежде всего, на обеспечение возможности переработки все большего объема информации в единицу времени, то есть, фактически, о повышении ее производительности. Известно, например, что именно количество обрабатываемой в единицу времени информации, а в целом – уровень информационного обмена со средой является одним из наиболее важных

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности индикаторов и предикторов интеллекта как такового. Более того, он вообще лежит в основе одной из главных «составляющих» интеллекта – его так называемого скоростного фактора (Г. Айзенк) [8].

В этой связи, однако, возникает необходимость обратить особое внимание на одно из важнейших свойств любых деятельностных операций – на их автоматизированный, то есть *неосознаваемый* характер. Благодаря ему, операции не загружают уровень сознания, а тем самым – «не занимают» собой собственно субъективное время. Тем самым операции обретают поистине неопенимое с точки зрения временной оптимизации свойство: они одновременно и *реализуются*, и *не требуют* расходования временного ресурса на них. Это – вообще так сказать идеальное, «лучшее из лучших» средство временной оптимизации. Благодаря данному средству, операции «и есть», и «их нет»; точнее – они *объективно* есть, а *субъективно* их нет. Подчеркнем, однако, что чем полнее и богаче степень представленности операций (и в деятельности, и в реализации когнитивных процессов), тем выше будет и степень достигаемой временной оптимизации. Вследствие этого, сама оптимизирующаяся система обретает все большие возможности по переработке информации. В частности, при этом повышается и общий функциональный потенциал когнитивной подсистемы в целом, и каждого когнитивного процесса, в частности. Тем самым можно видеть, что операционная оптимизация – это и есть, прежде всего, именно временная – темпоральная оптимизация. Она темпоральна не только по самой своей сути и механизмам, но также и по своему функциональному предназначению, поскольку резко повышает информационную емкость системы (психики), уровень ее информационного обмена со средой.

Итак, выше были рассмотрены некоторые наиболее значимые и общие направления, по которым реализуются генеративно-порождающие функции деятельности в целом и игровой деятельности, в особенности, по отношению к формированию и развитию когнитивных процессов и их темпоральной организации. Естественно, только ими эта общая проблема далеко не исчерпывается. Более того, необходимо четко осознавать, что при ее рассмотрении естественным образом возникает необходимость специального обращения к еще более общей и, что очень показательно для основных задач данной работы проблеме времени в целом и субъективного времени, в особенности.

Так, в плане этой проблемы целесообразно и, более того, – необходимо различать две ее очень разные по содержанию, но взаимосвязанные и общие по их глубинному смыслу стороны. Первая связана с тем, чтобы выявить и проинтерпретировать основные средства и механизмы, позволяющие личности взаимодействовать с параметром времени (отражать его, адаптироваться к нему и т. д.). Вторая – более глубинная, на наш взгляд, сторона данной проблемы состоит в том, чтобы выявить, каким образом сам параметр времени, сама временная «координата» реальности воплощена – так сказать «учтена» в организации психики в целом и системы когнитивных процессов, в особенности. Как и по каким направлениям формирующаяся и эволюционирующая психика «уловила» в процессе филогенеза (а затем – миллиарды раз воплощает в ходе индивидуального онтогенеза) в своей организации эту – фундаментальную «координату» реальности? В плане возможной разработки данной проблемы, на наш взгляд, могут быть сформулированы следующие положения.

Прежде всего, представляется очень значимым и показательным то обстоятельство, которое было обосновано выше и согласно которому генезис субъективного времени, а также ассимиляция психикой временной «координаты» реальности в целом неразрывно сопряжены именно с генезисом деятельности и особенностями становления ее структурно-функциональной организации. Следовательно, в этом генезисе и в первую очередь – на его относительно наиболее ранних этапах и необходимо искать генетические корни» самого субъективного времени, а также средства экспликации тех механизмов и средств, которые обеспечивают приспособление к нему. Однако, именно эти – наиболее ранние этапы как раз и сопряжены с доминированием собственно игровой деятельности. Тем самым последняя поворачивается совершенно новой гранью. Она раскрывается с новой и достаточно важной стороны – как комплексное средство и объективная детерминанта генезиса субъективного времени (равно, как и всей совокупности операционных средств приспособления к нему). Напомним в этой связи, что в параграфе 4.5.2. нами был сформулирован подход, согласно которому действие как базовая «составляющая» деятельности (ее основной компонент, единица), носит уже не только структурно-субстанциональный, но и, прежде всего, структурно-временной характер.

Однако именно такая трактовка позволяет выявить обстоятельство еще более имплицитного плана. В самом деле, согласно ей, действие выступает, с одной стороны, своего рода временным «квантом» деятельности, средством ее временной дифференциации (а на этой основе – и ее интеграции). В более широком плане это означает, что оно является и средством, обеспечивающим включение в организацию деятельности самого параметра времени как одной из базовых, фундаментальных «координат» объективной реальности; ее ассимиляцию деятельностью и адаптацию субъекта к ней. С другой стороны, в действии и через действие происходит, по-видимому, не только приспособление к параметру времени, а само оно выступает поэтому не только инструментальным образованием, а выполняет по отношению к данному параметру более важную функцию. Она состоит в том, что через генезис «феномена действия» субъективное время в значительной мере также и конституируется<sup>64</sup>.

### **5.3.2. Закономерности генезиса темпоральной организации вторичных психических процессов**

Представленные в параграфе 5.3.1. материалы раскрывают некоторые – достаточно существенные, на наш взгляд, особенности и закономерности процессуально-психологического обеспечения игровой деятельности, а также его генезиса в ходе ее развития. Вместе с тем, весь проведенный анализ был осуществлен, прежде всего, по отношению к одной из основных подсистем психики – *когнитивной*. Естественно, при этом необходимо принимать во внимание условность и относительность любого способа дифференциации такого сложнейшего предмета исследования, каковым выступает общая система психических процессов, любого критерия выделения тех или иных ее «составляющих» и тем более – его отдельных единиц, компонентов. Психическое, в силу своей многомерности и многокачественности, не только допускает, но и требует его исследование в различных аспектах, в различных «срезах». Каждый из них является частным и лишь их синтез может считаться относительно полным. Так же обстоит дело и при разработке представлений о системе про-

---

<sup>64</sup> Напомним, что эти вопросы рассмотрены в параграфе 4.5.

цессов психики. Их изучение в каком-либо одном аспекте (с точки зрения когнитивной функции) дает одну систему понятий, фиксирует одну группу процессов – когнитивных.

В свою очередь, не только возможна, но, на наш взгляд, и необходима дифференциация единого процессуального содержания психики по еще одному основанию – *регулятивному*, по их отношению к организации деятельности и поведения. Она приводит к необходимости выделения и изучения другого класса процессов – обозначенных нами как *интегральные*<sup>65</sup>. Такие процессы, действительно, не только реально существуют, но и, как отмечалось, достаточно давно известны в психологии; они получили также свое закрепление в естественном языке. Однако для того, чтобы их адекватно дифференцировать и осмыслить, необходимо расширить традиционную схему понятийного описания процессов психики, дополнить аналитико-когнитивную установку их изучения регулятивно-синтетической установкой. С ее позиций и становится очевидной необходимость дифференциации класса интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения – как вторичных и дополняющих собой совокупность традиционно выделяемых классов психических процессов (как первичных). Они были достаточно подробно рассмотрены в главе 3. Кроме того, именно с позиций необходимости в таком дополнении становится очевидным и главное направление последующего анализа особенностей и закономерностей организации (в том числе – и темпоральной) процессуального обеспечения деятельности и его генезиса.

Далее, в связи с проведенным выше анализом процессуального содержания психики в целом и ее регулятивной подсистемы, в частности, должны быть привлечены и представления о еще одном классе именно *вторичных* психических процессов – о *метакогнитивных* процессах [697, 757, 767 и др.]. Они также выходят за пределы когнитивных функций (отсюда, в частности, и происходит префикс

---

<sup>65</sup> Вообще говоря, в понятиях когнитивной и регулятивной подсистем, в составляющих их процессах психики, по существу, зафиксированы два различных способа описания единого по сути процессуального содержания психики. Оно и в целом, и каждая его составляющая – на каком бы уровне анализа их ни выделять, не являются ни только когнитивными, ни только регулятивными, но и теми и другими одновременно. Следовательно, и их познание должно базироваться на общенаучном принципе дополнительности.

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности «мета») и реализуют собственно *регулятивные* функции. Правда – и в этом заключается их глубочайшая специфичность – они делают это не по отношению к исполнению непосредственно, а по отношению к первичным процессам, то есть – к процессам, составляющим содержание когнитивной подсистемы. Как известно, *общий смысл*, фундаментальное предназначение и вообще – онтологические основания и детерминанты самого существования метакогнитивных процессов состоят в том, что они выступают средствами расширения *ресурсных возможностей* когнитивной подсистемы психики. Все они направлены на повышение когнитивного потенциала личности и, кроме того, локализуются на высшем уровне собственной организации самой когнитивной подсистемы. *Через* них и *в* них она эволюционирует, а формирующиеся и развивающиеся при этом отдельные – первичные психические процессы также становятся всё более развернутыми и богатыми содержанием. В том числе это проявляется и тогда, когда они выступают в качестве компонентов, включенных в реализацию собственно регулятивных функций по отношению к деятельности.

Тем самым, логика анализа приводит к необходимости раскрытия генезиса этой подсистемы во всей – истинной ее полноте и комплексности, с обязательным учетом включенности в нее и класса *метакогнитивных* процессов. Вместе с тем, именно он выступает ближайшим по степени сложности (и по своей природе) классом по отношению к максимально интегративному процессуальному образованию психики – к *рефлексии*, равно как и к ее итоговому, результативному эффекту – к *сознанию*. Тем самым, анализ с логической необходимостью приводит к формулировке еще одной – предельно важной, прежде всего, в собственно теоретическом плане проблемы. Это, разумеется, *проблема сознания*; точнее – проблема соотношения сознания и деятельности, взятая в ее собственно генетическом аспекте, а еще более конкретно – проблема, которую можно обозначить как проблема *системогенеза и сознания*. Именно метакогнитивные процессы являются процессуальными образованиями, через которые, как показано выше, обеспечивается фундаментальное свойство психики в целом и сознания, в особенности, составляющее самую его суть и уникальность – свойство *самосензитивности*, самопрезентированности [258].

Далее, необходимо констатировать и еще одну – также очень важную закономерность общего плана, которая явственно эксплицирует-

ся по отношению к когнитивным процессам, но становится особенно отчетливой по отношению к регулятивным процессам. Сутью данной закономерности является то, что в них очень полно воплощен в базовый принцип (а одновременно – и совокупность основанных на нем механизмов) организации – принцип *интегативности*. Все – и когнитивные, и регулятивные процессы воплощают в себе интегативность организации как неотъемлемый атрибут, хотя и реализуют его в существенно разной мере, что, в свою очередь, обусловлено качественными различиями в их содержании и – особенно, в их сложности. Кроме того, по отношению к этим классам достаточно различна и так сказать база интеграции. Если для когнитивных процессов в качестве таковой выступает совокупность *операций*, характерных для каждого из них (то есть их операционный состав), то для регулятивных процессов в ее качестве выступает уже совокупность самих когнитивных *процессов* – наряду, естественно, с процессами всех иных классов – мотивационными, эмоциональными, волевыми. Когнитивные процессы выступают при этом, как известно, и в статусе первичных по отношению к интегральным процессам как вторичным. Тем самым, и интегральные процессы в целом раскрываются в качестве своего рода «процессов с процессами», в качестве процессов «второго порядка» – организационных процессов и т. д. Они выступают процессами, принципиально синтетичными по своему содержанию и составу. Одновременно они предстают и как процессы столь же принципиально интегативные по средствам и механизмам их организации. За счет этого, однако, создается своеобразный прецедент (что также отмечалось выше): психически процессы «оборачиваются» сами на себя – процессуальные средства психики транспонируются на ее *собственное* процессуально-психологическое содержание. Происходит своеобразное «удвоение процессов». Фиксируя все эти – важнейшие и принципиальные трансформации, обратим внимание на то, что их экспликация оказалась итогом анализа именно класса интегральных (регулятивных) процессов и выступила одним из основных положений разработанной нами концепции интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения.

Вместе с тем, при этом трудно не видеть другого – также вполне очевидного и крайне демонстративного обстоятельства. Дело в том, что аналогичная логика развертывания представлений о процессуальном содержании является характерной для особого – отдельного

### 5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности

и вполне самостоятельного, очень крупного направления современной когнитивной психологии (и психологии в целом) – для *метакогнитивизма*. Действительно, основной смысл и пафос данного направления как раз и заключается в том, что в нем был установлен и раскрыт особый, качественно специфический класс психических процессов также – вторичных, то есть метакогнитивных. Эти процессы представляют собой, по существу, новую и во многом специфическую психическую реальность; они лишь сравнительно недавно стали предметом психологических исследований. Общим, то есть родовым их признаком является то, что все они направлены на организацию, регуляцию и координацию других – первичных когнитивных процессов. Тем самым они специфичны по своему, так сказать, предмету – им выступает не объективная, а субъективная, точнее – субъектная реальность, а еще точнее процессы и структуры ее репрезентации. Метакогнитивные процессы одновременно выходят за рамки традиционных когнитивных процессов, поскольку они могут быть направлены на реализацию базовых *регулятивных* функций как по отношению к собственно познанию, так и по отношению к организации деятельности в целом. Возвышаясь над иерархией когнитивных процессов, они одновременно опосредствуют связь между когнитивными и регулятивными процессами деятельности и поведения.

В данной связи необходимо подчеркнуть принципиальную общность психологического статуса и организации метакогнитивных и интегральных процессов. Она, в конечном итоге, коренится в самой психологической природе тех и других. Все они являются атрибутивно *синтетическими* – составными. Так, метакогнитивные процессы выступают в качестве эффекта комплексирования, как минимум, двух процессуальных (и иных) образований или же эффекта «удвоения» какого-либо процесса. В частности, таковыми являются, как уже отмечалось, самые первые из дифференцированных метакогнитивных процессов – процессы метамышления (мышления о мышлении) и метапамяти (памяти относительно памяти). Одновременно, таковыми же, то есть «составными», но в еще более выраженном проявлении, выступают и все иные процессы, образования и структуры, являющиеся предметом изучения в метакогнитивизме. Показательно и то, что его последовательное развитие характеризуется тенденцией к дифференциации все более комплексных, сложных, то есть именно «составных»,

синтетических образований метакогнитивного плана. Таким образом, можно видеть, что атрибутивной особенностью всех метакогнитивных процессов (и иных образований данного плана – как принципиально «вторичных») является то, что в их *собственную качественную определенность* входит синтетичность состава и интегративность организации. Данная особенность базируется, в свою очередь, на механизмах и закономерностях *структурирования* в них более локальных, то есть первичных процессов. Этим они столь же принципиально отличаются от последних. Объективным следствием и результативным эффектом принципиальной неаналитичности метакогнитивных процессов является, как известно, их столь же принципиально *осознаваемый* характер. Атрибутивно присущие им механизмы структурной организации, а значит – и комплексирования *с необходимостью* обуславливают их *интегративную* вовлеченность в регуляцию деятельности и поведения. Именно такое – интегративное включение является, однако, объективным условием возникновения аналогичного, то есть также интегративного феномена – феномена *сознания*, свойства осознаваемости [256]. В то же время и интегральные (регулятивные) процессы также характеризуются принципиальной синтетичностью своей организации, поскольку выступают продуктом комплексирования, результативным – синергетическим эффектом синтеза первичных процессов – как когнитивных, так и иных.

По ходу предшествующего изложения мы неоднократно отмечали, что одной из важнейших особенностей организации сложных систем в целом и психики, в освоенности, является их способность использовать промежуточные результаты своего функционирования в качестве оснований (условий и факторов, детерминант и предпосылок) его организации, но на последующих этапах развертывания [245]. Результаты, генерируемые системой на какой-либо фазе функционирования, меняют свой статус и становятся факторами организации процесса, но уже на других, последующих его фазах [255]. Имеет место явление (точнее, по-видимому, механизм), обозначаемый как «погружение результата в процесс». Результативные эффекты меняют свой статус: они становятся уже не результативными, а посылочными факторами. При этом они используются как средства, как новые – полученные самой же системой возможности для ее дальнейшего функционирования, но уже на последующих его фазах.

Кроме того, специфика функциональной организации метакогнитивных процессов, состоит и в том, что вследствие этой закономерности, тот или иной психический процесс, в особенности – когнитивный предстает как перманентное обогащение и расширение его содержания за счет использования результатов, достигаемых на том или ином его этапе. В итоге имеет место то, что обозначается обычно как саморазвитие или даже как «самостроительство» процесса. Однако трудно не видеть, что в основе этого в значительной степени как раз и лежит отмеченная выше трансформация результатов из своего первичного статуса во вторичный статус – в статус факторов и детерминант процессуального развертывания. В итоге любой психический процесс, в особенности, повторяем, когнитивный предстает и как постоянная трансформация тех или иных его «составляющих» из одного статуса другой – из результативного в процессуальный.

Наконец, показано также, что многие метакогнитивные феномены могут выступать и реально выступают не только в их исходном статусе – как феномены, но и в еще одном и также очень важном статусе – вторичном, операционном. Это означает, что их особенности – как содержательные, так и собственно процессуальные могут распознаваться – «улавливаться» и осознаваться субъектом, а затем использоваться им в качестве организационных средств по отношению не только к деятельности, и к самим себе, то есть в их операционном статусе [245]. Обретая его и становясь средствами организации самих же процессов, они, фактически, включаются в саму их структуру, составляя в своей совокупности важную часть всего их содержания. В более общем плане это означает, что система (психика) порождая некоторые эффекты и феномены своего функционирования, обладает способностью использовать их же в своем последующем функционировании, но уже в качестве средств оптимизации этого функционирования. Однако можно видеть, что данная закономерность является, фактически, одним из очень явных и, в то же время, важных и показательных частных проявлений той предельно общей закономерности, которая была охарактеризована выше – механизма «погружения» результата в процесс.

Вместе с тем, следует обязательно подчеркнуть, что по отношению к метакогнитивным процессам эта закономерность приобретает, как минимум, две новые и очень значимые специфические особенно-

сти. Во-первых, она становится здесь, по существу, максимально выраженной, получая свою представленность даже на феноменологическом уровне, то есть, выступая в качестве относительно самостоятельных феноменов и образований. Во-вторых, что еще более значимо, она переводится на уровень осознания: она, как показано выше, не только распознается и улавливается субъектом как нечто существующее и могущее использоваться в качестве операционного средства, но и реально используется им – причем, именно на осознаваемом уровне, на уровне собственно произвольной регуляции. В результате этого очень многочисленные феномены метакогнитивного плана перестают быть только лишь эпифеноменами и становятся реальными и действенными средствами собственно операционного плана.

Таким образом, можно видеть, что, пожалуй, главная особенность собственно функциональной организации метакогнитивных процессов состоит в следующем. Во-первых, в ней находит свое непосредственное воплощение не какая-либо, пусть важная, но все же относительно частная особенность функциональной организации всех процессуальных образований психики, а ее объективно главная закономерность – самообогащение, «самостроительство» процесса за счет использования промежуточных результатов в качестве факторов процессуального развертывания. Во-вторых, эта закономерность приобретает здесь качественно новую форму: она переводится на уровень осознаваемого, произвольно контролируемого использования. Причем, очень важно подчеркнуть, что именно это позволяет объяснить обязательное наличие у метакогнитивных процессов их важнейшего атрибута – их осознаваемого характера. Следовательно, метакогнитивные процессы раскрываются как закономерное следствие общей линии усложнения функциональной организации, присущей всем иным психическим процессам. Однако в основе самой этой функциональной организации лежит внесение в нее дополнительной – собственно темпоральной упорядоченности, своего рода удвоение самих процессов и трансформация из их первичной формы во вторичную. Именно такое удвоение и является не только механизмом формирования самих метакогнитивных процессов, но и одной из важных форм темпоральной организации как таковой. В то же время, они знаменуют собой качественно иной – новый и более совершенный ее тип. Их функциональная организация рас-

### 5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности

крывается как единство общего и специфического по сравнению со всеми иными процессуальными образованиями. Все средства метакогнитивного плана предстают с этих позиций как способы и формы дальнейшего «проникновения» процесса к своему содержанию, а частично и к закономерностям его осуществления, а на этой основе – и к регуляции им самого же себя. Эта особенность, являясь общей для всех когнитивных процессов, становится по отношению к метакогнитивным процессам, повторяем, максимально выраженной и, более того, составляет самую их суть – обуславливает их качественную специфичность. Основной смысл и главное функциональное предназначение такой – новой формы, как мы уже отмечали, состоит в том, что она порождает дополнительные возможности: она позволяет расширить общий когнитивный потенциал, а в конечном итоге, содействует и повышению ментальных ресурсов субъекта деятельности.

В связи с этим, возникает, однако, проблема раскрытия особенностей и закономерностей участия метакогнитивных процессов в процессуально-психологическом обеспечении игровой деятельности, их генезиса в ходе развития игровой формы активности, а также в формировании субъективного времени. Эту проблему – в более лаконичном виде можно сформулировать следующим образом: *метакогнитивизм и игра* (или – метакогнитивизм и игровая деятельность). Констатируя это, приходится, к сожалению, признать, что данная проблема разработана в настоящее время крайне слабо и, более того, не зафиксирована в качестве самостоятельного, особого направления психологических исследований. Это тем более удивительно и даже – несколько неестественно, что не только развитие, но и само *возникновение*, то есть «первоначальное складывание» именно метакогнитивных процессов как раз и реализуется наиболее интенсивными темпами на тех стадиях онтогенеза, на которых ведущим типом деятельности является игра. В этом отношении метакогнитивное направление разделило судьбу – логику развития общей проблемы процессуально-психологического обеспечения деятельности и, в особенности, его *генезиса* в ходе развития личности. Она, как известно, также в основном разработана на материале изучения трудовой и учебной деятельности, но не деятельности игровой. Сам же принцип единства психики и деятельности, в основном, реализован по отношению к трудовой и учебной деятельности, а не по отношению к игровой деятельности.

По нашему мнению, данная проблема должна исследоваться при обязательном учете двух следующих ключевых положений, конкретизирующих сформулированные выше представления о структурной и функциональной организации субъективного времени и темпоральности в целом по отношению к генезису процессуального содержания психического как такового. Во-первых, это наиболее общее положение о существовании, наряду с традиционно изучающимся типом системности – структурно-содержательной (*субстанцииальной*), еще одного – качественно специфического типа системности – *темпоральной*. Соответственно этим типам системности, дифференцируются и два класса систем – *субстанцииальные* и *темпоральные* системы<sup>66</sup>. Наиболее принципиально то, что с этих позиций любой процесс, прежде всего, – психический рассматривается как одна из основных экспликаций темпоральных систем. Процессуальность как форма временной организации – это и есть одно из воплощений темпоральной организации. Во-вторых, это положение, раскрывающее базовый атрибут, благодаря которому любой процесс обретает черты темпоральной системности, а в конечном счете, – и способность к трансформации в систему собственно темпорального типа. Как уже отмечалось, общая способность к постановке, а затем и к решению все более сложных общеадаптационных задач (как средства достижения высокого уровня самой адаптированности) имеет очень важные следствия для развития форм внешней активности в целом и деятельности, в особенности. Однако решение сложных задач (в отличие от простых), а также достижение при этом, действительно, значимых результатов по совершенно понятным и объективным причинам не может быть осуществлено по принципу, так сказать, *разового* – однократного взаимодействия со средой. Оно не может быть осуществлено в форме единичного – локального и, соответственно, симультанного приспособительного взаимодействия с ней и (или) воздействия на нее. Напротив, это может быть достигнуто лишь за счет *не-однократного*, а обычно *многократного* использования функциональных ресурсов организма в его взаимодействии со средой, с задачей, то есть на основе целого ряда актов взаи-

---

<sup>66</sup> Характеристика этих типов системности, а также двух – соответствующих им классов систем была дана в главе 4; кроме того, они являются предметом самостоятельного анализа в работах [258, 263].

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности  
модействия с ними. Все эти особенности уже были установлены нами в параграфе 5.2.2., в силу чего представленные в нем данные должны быть реализованы и при рассмотрении анализируемых здесь задач, поскольку они могут способствовать их решению.

Действительно, именно вследствие существования отмеченных закономерностей объективно и возникает важнейшая задача, связанная с организацией такого – дифференцированного и включающего целый ряд актов взаимодействия. Объективно порождается также и принципиально новый, фундаментальный по своей значимости феномен – феномен *опосредствованности*. Он состоит в том, что отдельные акты – своего рода «кванты» взаимодействия (в том числе и действия) могут и не быть прямо – *непосредственно* связанными с конечным результатом. Напротив, они могут быть направлены на обеспечение какого-либо *другого* «кванта» (реакции, акта, действия) и лишь за счет этого, то есть опосредствованно, работать и на конечный результат. Однако, именно в этом случае, то есть при возникновении самого феномена опосредствования, как раз и возникает *объективная* необходимость в организации – прежде всего, временной, отдельных «квантов» взаимодействия, их упорядочивания вдоль «оси времени». В каждом «акте деятельности» объективно может реализовываться лишь какая-либо – очень ограниченная часть общего «потенциала субъекта. Вместе с тем, суть дела в том и состоит, через механизм множественности этих актов и, соответственно, их «парциальных» результатов достигается возможность их последующей кумуляции, а тем самым обеспечения достаточно полной реализации этого потенциала. В обобщенном виде данное положение можно сформулировать следующим образом. *Результат* каждого предыдущего акта функционирования системы (для деятельности – действия) «погружается в основание» ее последующего функционирования, то есть становится *условием, процессуальной* детерминантой этого функционирования. Лишь те системы, которые обрели эту способность – способность «погружения результата в процесс», точнее – трансформации результативных эффектов своего функционирования в условия дальнейшего процессуального развертывания, достигают достаточно высокого уровня сложности своей организации. Одной из наиболее типичных и показательных среди систем такого рода и является система деятельности. В ней данный

механизм не только представлен максимально рельефно, но и вообще составляет ее *суть* – основу ее функциональной организации.

В самом деле – и это также отмечалось по ходу предыдущего анализа, взаимодействие субъекта и объекта деятельности, которое и является, собственно говоря, ее процессом в непосредственном смысле слова, допускает квантификацию, дифференциацию вдоль «оси времени» и последующую кумуляцию частичных – парциальных результатов. Точнее, оно и *является* такой квантификацией. Отдельными же «квантами» как раз и являются частные, парциальные действия, а также те результаты, к которым они приводят и кумуляция которых обеспечивает возможность достижения общей цели деятельности. Реализация общего потенциала субъекта, которая, действительно, невозможна «сразу и одновременно», становится, однако, возможной при условии ее сукцессирования. Это означает, что она должна быть распределена – так сказать растянутой вдоль «оси времени». Деятельность с этой точки зрения выступает теснейшим образом сопряженной с временной квантификацией как ее *операционным средством*, но при условии, однако, эффективной соорганизации отдельных временных «квантов» – действий.

На наш взгляд, именно эти положения, наряду, естественно, с иными – сформулированными выше закономерностями относительно специфики темпоральной системности, составляют необходимые и достаточные условия для решения рассматриваемых здесь проблем. Действительно, если просто не нарушать их, а следовать им, а также пытаться их развить и углубить, то с логической необходимостью можно сформулировать следующее положение теоретического плана. Как можно видеть из представленных выше материалов, второе из сформулированных положений состоит в том, что системы темпорального типа в целом и психические процессы, в частности, обладают уникальной возможностью «распознавать», а затем – использовать *результаты* своего же собственного функционирования в качестве *условий*, детерминант и факторов – так сказать «посылок» для его дальнейшей реализации. Процесс – именно как темпоральная система обретает, в силу этого, свойства «самостроительства», то есть самогенезиса. Он начинает выступать и в *инструментальной* функции по отношению к самому себе. Вместе с тем, в связи с этим возникает вопрос кардинальной важности, суть которого заключается в следующем. Исчер-

### 5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности

пывается ли такая способность процесса как темпоральной системы – чувствительность, сензитивность к своей результативной стороне *только* ей, то есть только именно *результативной* стороной? Или же она каким-либо образом (пока не ясным и, следовательно, требующим экспликации) распространяется и на его собственно *процессуальную* сторону – на процессуальное содержание как таковое?

В свете данной формулировки необходимо, однако, обратиться исходному и «каноническому» – базовому определению самого понятия метакогнитивных процессов. Это – такие процессы, предметом и «материалом» которых являются они же сами; в них происходит своего рода *удвоение процессуальности*: тот или иной психический процесс либо «оборачивается» сам на себя, либо направляется на какой-либо иной процесс. Трудно, однако, не видеть того очевидного обстоятельства, что в самой сути сложившихся традиционных относительно метакогнитивных процессов как раз и отражена идея о том, что они могут «улавливать» не только свои *итоговые* результаты, но и их же собственное *процессуальное* содержание. Действительно, скажем, один из наиболее традиционных процессов, дифференцированных уже на самых первых этапах развития метакогнитивизма – метамышление определяется это «мышление относительно *процесса* мышления» (а не только относительно *результатов*). Метапамять – это память не только об *итоговых* характеристиках памяти, но и о ее содержательных – в том числе, и процессуальных особенностях. Тем самым, в наиболее общем принципе и даже – атрибуте всех метакогнитивных процессов – в самой сути и главном признаке (критерии) их дифференциации как раз и зафиксировано, что отмеченное выше – основное свойство временных систем не только может трансформироваться и усложняться, но именно это реально и имеет место по отношению к ним.

Действительно, анализ класса метакогнитивных процессов со всей очевидностью вскрывает обстоятельство принципиального плана. Оказывается что они, проинтерпретированные с позиций понятия темпоральной системности, то есть в форме процессов *высокой* степени сукцессированности и расчлененности, могут «распознавать и улавливать», а затем – использовать в целях своего же собственного функционирования не только их *результативную* сторону, но и свое собственное *процессуальное* содержание. Причем это, по-видимому, присуще не всем системам темпорального типа,

а лишь наиболее сложным и развитым среди них. Одними из такого рода сложноорганизованных процессуальных систем и являются метакогнитивные процессы. В связи с этим, становится вполне очевидным, что они являются закономерным и очень естественным – фактически, непосредственным следствием общей эволюции средств и механизмов темпоральной системности как таковой. Качественные трансформации психических *процессов* во многом тождественны переходу от первичных, то есть традиционных когнитивных процессов, к «вторичным» – метакогнитивным процессам. Однако сам этот переход раскрывается с позиций сформулированных выше представлений как необходимое следствие общей эволюции форм и уровней *темпоральных систем* (и, соответственно, как ее частный). В этом, собственно говоря, и заключаются наиболее имплицитные детерминанты становления и развития самих метакогнитивных процессов в онтогенезе в целом и в игровой деятельности, в частности.

Констатируя это – принципиальное, на наш взгляд, обстоятельство, недопустимо, вместе с тем, упрощать реальность и полагать, что оно *полностью* раскрывает суть и содержание происходящих трансформаций. Более того, – и это необходимо подчеркнуть со всей категоричностью – оно еще не решает основного, возникающего при этом вопроса (а частично даже маскирует отсутствие такого решения). Действительно, что означает и как надо понимать тезис: процесс обретает «чувствительность» не только к своим *результатам*, но и к своему *содержанию*, а следовательно – к средствам, операциям и механизмам, составляющим это содержание? Острота данного вопроса связана с тем, что одной из основных и, более того, – фундаментальных и до конца еще непонятых особенностей психики как раз и является ее «нечувствительность» к средствам и механизмам, лежащим в основе ее феноменологических, то есть осознаваемых проявлений как таковых. Именно эту особенность имели в виду Дж. Миллер, Ю. Галантер и К. Прибрам, отмечавшие еще более полувека назад, что «психическое трагически невидимо» [375].

Однако в таком случае и возникает вполне закономерный вопрос: не входят ли тем самым базовые положения метакогнитивизма в радикальное противоречие и с основными общепсихологическими представлениями и со столь же фундаментальными основами организации самой психики? Это – действительно, сложный и, более того,

принципиальный вопрос. Вместе с тем, к сожалению, в современном метакогнитивизме он практически не сформулирован как самостоятельный; он вообще обычно обходится стороной исследователями – в том числе, и ради сохранения исследователями концептуального комфорта. Однако делать вид, что его не существует, совершенно недопустимо. Напротив, его следует осознать, а также попытаться сформулировать ответ на него – пусть и предварительный.

На наш взгляд, в сформулированном выше вопросе, в действительности, нет никакого противоречия с фундаментальными представлениями об организации психики в целом и о ее «нечувствительности» к собственным механизмам и наиболее глубинным средствам обеспечения. Дело, по-видимому, заключается в другом: любой процесс (в данном случае – психический, когнитивный) может быть представлен результативно – эксплицирован с разной степенью обобщенности. Действительно, он может эксплицироваться и быть представлен лишь в его в так называемом общем виде, в его итоговых – результативных эффектах и проявлениях. Однако он может получать и более детальную, а притом, – и множественную парциальную экспликацию. При этом он репрезентируется и эксплицируется не только в его итоговых эффектах – в целом, а и в целом ряде *промежуточных* эффектах – частных результатах, получаемых при реализации тех или иных *подцелей*. В самом деле, очень хорошо известно, что именно дифференциация общей цели любого процесса (и особенно – процесса деятельности) на подцели является одним из важных и, что крайне значимо, – *объективных* условий, а также и основных механизмов придания ему возможно большей эффективности и организованности.

В таком случае, однако, возникает аналогичная, то есть также *объективная* необходимость (а еще важнее – и *возможность*) распознавания в целях контроля и последующего использования не только *конечного* результата, но и парциальных результатов, связанных с реализацией этих подцелей. Улавливаются и распознаются, а затем используются опять-таки *продукты* и результаты, но не только процесса *в целом*, но и его *частных*, парциальных актов, связанных с реализацией его подцелей. Тем самым процесс просто дифференцируется, а вслед за этим повышается и «порядок контроля» – мера полноты и детализированности «расознавания и улавливания», а затем – использования его результатов. Этому под-

вергаются уже не только *итоговые* результаты процесса, но и его *промежуточные* результаты. По отношению к психическим процессам (как разновидностям темпоральных систем) данная – фундаментальная, на наш взгляд, закономерность феноменологически проявляется в повышении *меры осознаваемости* их реализации; в повышении меры полноты репрезентации в сознании его содержательных особенностей.

Вместе с тем, разумеется, сами средства и механизмы, а также наиболее глубинные детерминанты, составляющие функциональную основу процессуальной стороны, как были неосознаваемыми, так и остаются ими. Например, с этих позиций метамышление – это отнюдь не «процесс мышления с *содержанием* своего мышления». Он не может быть сведен лишь к использованию тех *результатов*, которые были получены, а потом оказались «распознанными» при его же реализации, но в других ситуациях. Общеизвестно, что в качестве важнейших компонентов, в качестве важнейших «составляющих» самого *операционного состава* данного метапроцесса входят также и специфические *стратегии* его реализации. Однако, столь же известно, что именно они как раз и выступают важнейшими собственно *процессуальными* образованиями. Точнее, они и составляют содержание этих процессов, а еще точнее – во многом просто *являются* им. В силу этого, достигая уровня метапроцессов (в особенности, – метакогнитивных) сама процессуальная организация психического обретает принципиально новое свойство – сензитивность не только к результативной стороне самих процессов, но и к их содержательной стороне, то есть, фактически, к *самой себе*. Подчеркнем также, что это – важнейшая грань, а также ключевой механизм обретения психикой одного из ее наиболее важных ее свойств – свойства *самосензитивности*. Вместе с тем, нельзя упускать из виду и то, что собственно процессуальная сторона остается все же в значительно меньшей мере доступной репрезентации – в том числе, и субъектной, осознаваемой.

Наряду с этим, необходимо обратить внимание и на *главный* атрибут метакогнитивных процессов – на то, что обычно обозначается как «удвоение процессуального статуса», а в результате – обратимости процессуальности на самоё себя и, следовательно, формирование вторичных процессов как таковых. Но в таком случае возникает вопрос: где это *впервые* происходит? Где, то есть в каком процессе (или – процессах), *возникает* этот феномен «оборачива-

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности ния»? Где сами когнитивные процессы трансформируются из статуса операторов в статус операндов и становятся «ощущаемыми», то есть репрезентированными самому субъекту и – хотя, конечно, и частично, но подвластными контролю с его стороны? Обычно при ответе на них принято указывать на процессы метапамять и метамышления как наиболее ранние (так называемые рудиментарные) и, что еще более важно, – наиболее *репрезентативные* предметы исследования в метакогнитивизме. В них, действительно, указанный феномен (точнее – механизм) объективно представлен наиболее полно и явно. Однако, «полно и явно» вовсе не означает того, что в них он и *возникает* – появляется *впервые*. Как раз наоборот: в них данный феномен потому и представлен наиболее явно и полно, что они выступают относительно *поздними* продуктами развития механизмов метакогнитивного плана. В них – как именно в *итоговых* эффектах этого развития основные атрибуты метакогнитивных процессов представлены наиболее полно и потому – в более легком для обнаружения и исследования виде. Однако само возникновение данного феномена, метакогниция как базовый механизм организации процессуального содержания психики *впервые* появляется, на наш взгляд, не в них, а в аналогичном – по степени сложности (точнее – несложности) процессе – в ощущении.

В этой связи новым – достаточно неожиданным, на первый взгляд, но вполне естественным, в действительности, смыслом наполняется известный термин *самоощущения*. Обычно его содержание трактуется как ощущение *себя* – во всей его полноте. Однако, возможно и иное его семантическое звучание: по аналогии со *всеми* иными метапроцессами, *процесс* ощущения также, по-видимому, может «оборачиваться» сам на себя что и приводит к описанному выше феномену «удвоения» процессуальности, а также к механизму операндно-операторной обратимости. Подчеркнем, что при такой интерпретации на процесс ощущения просто распространяется *общая* закономерность, являющаяся основной в метакогнитивизме. Кроме того, такое включение процесса ощущения в действие данной закономерности очень полно и естественно соответствует и феноменологическим данным, и эмпирическим фактам, и просто – житейскому опыту. Более того, становится не вполне понятным, почему метакогнитивизм обошел стороной этот – неоспоримый факт и не включил

уже изначально в состав метакогнитивных процессов относительно наиболее простой и базовый процесс – самоощущение? Почему он не дифференцировал, наряду с понятиями, например, метапамяти и метамышления, еще и процесс *метаощущения*<sup>67</sup>?

Далее, из сказанного следует, что наиболее элементарная и, соответственно, ранняя форма метакогниции – это просто ощущение (и как модальность, и как процесс ощущения какого-либо *другого* процесса). Это – *сензитивность* к своим же собственным процессам, представленная, однако, изначально именно как сензитивность, то есть как *чувствительность* – например, как «ощущение памяти», «ощущение мышления» и пр. Для обозначения этих – уже синтетических, составных, то есть вторичных, хотя еще и самых элементарных процессов, в настоящее время отсутствуют какие-либо специальные термины. Однако, сам факт того, что они не только существуют, но и вообще являются наиболее несомненной психической – субъективной реальностью, не подлежит сомнению<sup>68</sup>. И именно эта ощущаемая реальность является той первичной формой, в которой впервые и возникает метакогниция как таковая и на основе которой складываются и развиваются все иные – более сложные метакогнитивные процессы.

Кроме того, отсюда следует и еще один вывод: все метакогнитивные процессы не только могут, но, по нашему мнению обязательно *должны* быть дифференцированы на две достаточно различные категории. Первая – это так сказать метакогнитивные *автопроцессы*. Они являются наиболее традиционным предметом исследования в метакогнитивизме и формируются за счет «оборачивания» какого-либо первичного когнитивного процесса самого на себя. Однако наряду с ними, без сомнения, не только существует, но и являются более ранней, нежели они, категория так сказать метакогнитивных *гетеропроцессов*. Их суть состоит в том, что в них один какой-либо когнитивный процесс направляется не сам на себя, а на *другой* когнитивный процесс. Это, например, отмеченные в параграфе 3.4

---

<sup>67</sup> Характеристика этих типов системности, а также двух – соответствующих им классов систем была дана в главе 4; кроме того, он являются предметом самостоятельного анализа в работах [258, 263].

<sup>68</sup> Большое значение имеет в этом плане исследование метакогнитивных *чувств*.

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности процессы «ощущения памяти», «ощущения мышления», а также и иные процессы, – скажем, «представление о памяти», «представление о внимании» и др.

Наконец, именно данный вывод позволяет сформулировать и представления о так сказать «общем векторе», то есть о наиболее общей закономерности развития самих метакогнитивных процессов. По-видимому, он как раз и образован второй категорией метакогнитивных процессов – гетеропроцессами. Вначале возникают и развиваются гетеропроцессы, связанные с простым *ощущением* какого-либо другого когнитивного процесса [256]. Затем формируется относительно целостное и достаточно расчлененное представление об этих процессах, в связи с чем можно говорить уже не только о «способности ощущать» свои же собственные процессы, но и об их целостном субъективном *восприятии*. Далее метакогнитивные процессы проходят все иные стадии усложнения их субъективной репрезентации, самопрезентации – от *аутопредставления* до *метамышления*. Другими словами, в состав и в содержание метакогниции последовательно включаются все новые уровни когнитивной иерархии как таковой. В результате этого формируются такие вторичные процессуальные образования, в составе которых оказываются представленными процессы все более высоких иерархических уровней. С этой точки зрения становится очевидным также, что метакогнитивизм начал свое развитие «не с начала» – то есть не с наиболее простых, а потому объективно *исходных* экспликаций его базового предмета. Наоборот, он начал – «с конца», то есть с наиболее сложных его экспликаций (процессов метапамяти и метамышления). Вместе с тем, пора, наконец, четко осознать, что генетическим корнем всех метакогнитивных процессов является отнюдь не их «вторичный» характер и, соответственно, – не статус метапроцессов, а свойство, точнее – атрибут *самосензитивности* психики. Он состоит в ее «самочувствительности» к своему же собственному содержанию, а частично – даже и к механизмам и *процессам* функционирования. Данный атрибут *исходно* представлен, однако, в рассмотренных выше метакогнитивных гетеропроцессах и, в особенности, в тех из них, оператором в которых выступает наиболее простой когнитивный процесс – ощущение. В связи с этим, следует специально указать и на то, что в данном пункте анализа со всей остротой возникает необходимость обращения к еще более общей и фундаментальной,

а не исключено, – вообще основной и так сказать «наиболее жгучей» проблеме психологии. Это, разумеется, проблема сознания и его базового атрибута – самосензитивности, самоданности.

### 5.3.3. Темпоральная системность в генезисе рефлексии как «третичного» психического процесса

Переходя к ее рассмотрению, напомним, что одним из основных выводов проведенного в главе 3 анализа явилось обоснование тезиса, согласно которому суть метакогнитивных процессов состоит в том, что, благодаря им, в структуре психики возникает очень общий и, по существу, фундаментальный механизм операндо-операторной обратимости. В свою очередь, на его основе психика обретает свойство самосензитивности – «самоданности» и саморепрезентированности. Именно в этом направлении осуществляется формирование и развитие когнитивной сферы личности и в целом, и под влиянием детерминации со стороны *игровой* деятельности.

Вместе с тем, на основе этого следует констатировать и обстоятельство еще более общего и принципиального плана; его суть состоит в следующем. Возникновение – складывание и развитие метакогнитивных процессов именно как вторичных, действительно, знаменует выход всей когнитивной подсистемы психики на качественно новый уровень организации. Кроме того, очень показательно, что именно в этом же направлении, то есть по линии формирования аналогичных – вторичных процессуальных образований осуществляется развитие и второй основной подсистемы психики – *регулятивной* (за счет формирования совокупности интегральных – специфически регулятивных процессов, рассмотренных выше). В результате формируется и получает развитие уровень вторичных процессов в целом, уровень так сказать *метапроцессуальной* организации психики.

Однако, с точки зрения современных представлений это лишь *первый* шаг качественных трансформаций процессуального содержания психики – именно первый, но отнюдь не последний и не завершающий. Одним из достаточно несложных, но важных и, более того, – *достаточных* аргументов в пользу этого является следующее обстоятельство. Хорошо известно, что и в понятийном аппарате психологии, и в ее теоретическом строе (причем, в самых фундаментальных

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности и базовых – по существу аксиоматичных положениях) издавна сложилось и очень прочно закрепилось, приобретя, к тому же, статус одной из ее основных категорий понятие *рефлексии*. В нем как раз и зафиксирована та *целостность* процессов, в которой они представлены именно в их *онтологически* данном виде. Это – целостность, в форме которой они существуют не как *гносеологическая* абстракция, не как тот или иной «срез» процессуального содержания, а в их ненарушенном виде – как *онтологическая* данность. В ней, по существу, синтезированы все психические процессы, то есть представлена их *общая* система, а организация процессуального содержания психики репрезентирована в ней на уровне его *общесистемной* организации [264]. Такой реальностью (и, соответственно, понятием, в котором она зафиксирована), повторяем, и является понятие рефлексии. Вместе с тем, до настоящего времени оно является достаточно неопределенным в концептуальном отношении, слабо дифференцированным и не имеющим четко эксплицированной структурной характеристики.

Следовательно, для раскрытия специфики и, соответственно, рефлексивного уровня процессуально-психологической организации необходимо рассмотрение еще одной, более общей и не менее сложной проблемы. Она состоит в необходимости детализированного раскрытия содержания самой рефлексии, в его дифференцированном изучении. Данное понятие должно быть наполнено содержательным смыслом в аспекте именно его собственно процессуальной организации, а также состава и структуры. Естественно, что эта проблема в ее полном объеме и истинном содержании выходит далеко за пределы непосредственных задач данной работы. Вместе с тем, все же обойти ее не представляется возможным, поскольку, без раскрытия содержания и структуры самих рефлексивных процессов общая проблема процессуального обеспечения деятельности не может быть решена в принципе. В связи с этим, необходимо специально остановиться на ней – разумеется, лишь в том аспекте и в тех рамках, которые связаны с анализируемыми здесь вопросами<sup>69</sup>.

При обращении к ней, однако, со всей остротой предстают очень большие трудности теоретической интерпретации беспрецедентно

---

<sup>69</sup> В развернутом виде данная проблема специально рассмотрена нами в работе [255].

высокой гетерогенности содержательных и процессуальных форм рефлексии. Существует и эмпирически зафиксировано очень большое количество ее видов, типов, форм, средств, модусов и пр. Более того, эта гетерогенность ставит следующий – принципиальный по своей сути вопрос. Является ли рефлексия, хотя, естественно, и предельно сложным, многоаспектным, но все же – *унитарным* процессом? Или же сам термин рефлексии является *собирательным*, а в действительности существует некоторая *система* рефлексивных процессов, образующих специфический класс и, не исключено, – уровень в общей организации всей системы психических процессов?

Предпринимая попытку ответа на эти вопросы, целесообразно привлечь те представления, которые были рассмотрены в главе 3. Так, в ней указывалось, что при анализе рефлексивных феноменов и процессов, хотя и принято отмечать, что они являются разнородными, но, тем не менее, сама эта разнородность не становится предметом самостоятельного и специального анализа, не ставится вопрос о ее причинах и смысле. Вместе с тем, трудно не видеть, что мера этой гетерогенности настолько велика, а проявления ее настолько очевидны и феноменологически бесспорны, что невольно возникает вопрос о наличии некоторых *существенных* причин, лежащих в ее основе. Диапазон различий рефлексивных процессов и феноменов поистине беспрецедентен: от элементарного смутного «самоощущения» до предельно развернутых, утонченных и даже изощренных форм самопознания. И именно эта – чрезвычайно высокая степень гетерогенности рефлексивных процессов и феноменов служила и продолжает служить одной из главных причин, главных трудностей для адекватной концептуализации процесса рефлексии как такового, взятого в его полноте и качественной определенности.

Именно в этой – чрезвычайно высокой гетерогенности рефлексии как раз и заключается «разгадка» ее природы, ключ к решению проблемы ее процессуального статуса. По нашему мнению, представляется достаточно странным и даже парадоксальным, что до сих пор в этом многообразии процессуальных проявлений рефлексии не распознана и не зафиксирована одна важнейшая закономерность. Как известно, в терминологическом аппарате психологии, а также в естественном языке сложился целый ряд понятий и выражений, фиксирующих различные процессуальные проявления рефлексии. Это, прежде всего,

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности следующие понятия: *самоощущение, самовосприятие, аутопредставления*, «самонаправленное» *внимание*, память о памяти – *метапамять*, «мышление о мышлении – *метамышление*. Обратим специально внимание на то, что все эти процессы, согласно современной трактовке, как раз и относятся к категории *метакогнитивных* процессов, а в своей совокупности составляют ее важнейшую часть<sup>70</sup>. Нетрудно видеть, что в этих, а также и иных – более дифференцированных понятиях зафиксированы не просто различные процессуальные проявления рефлексии, а ее различные *уровни*, соотносящиеся с различными видами *основных когнитивных процессов*. Последние, как известно, организованы на основе *уровневого принципа* и поэтому выступают не просто отдельными видами, а именно *уровнями*. Другими словами, отсюда следует достаточно значимый, на наш взгляд, вывод: рефлексия как процесс, выступая одним из макроуровней в общей организации психики, сама построена по *уровневому принципу*. Она воспроизводит в своем *уровневом строении* основные уровни *когнитивной иерархии* в целом. Каждый подуровень рефлексии полно, точно, непосредственно и вообще – совершенно естественным образом соотносится с тем или иным базовым уровнем когнитивной иерархии. Когнитивная иерархия «в лице» рефлексии оборачивается на внутреннее содержание психики и выполняет те же самые функции, которые эта иерархия реализует по отношению к познанию внешней среды. В связи с этим, можно, по-видимому, говорить о двух формах, о двух модусах когнитивной иерархии в целом – внешне-ориентированной и внутренне-ориентированной. Экономичность и «мудрость» организации психики проявляется в том, что в ней складываются не две разные системы ориентации во внешней и внутренней среде, а одна такая система, проявляющаяся, правда, в существенно разных формах.

Итак, понятая в широком смысле, рефлексия обладает принципиальной гетерогенностью, поскольку ее процессы представлены в разных плоскостях метакогнитивной гетерархии. Традиционное понимание рефлексии фиксирует лишь ее наиболее развернутую

---

<sup>70</sup> Подчеркнем, что в данном контексте вновь возникает необходимость обращения к классу *метакогнитивных* процессов. Именно эти процессы, которые обозначаются еще и как вторичные, играют, согласно современным представлениям, очень большую роль в организации психики и деятельности.

(и уже поэтому – не единственную) форму, в основе которой лежит метамышление. Кроме того, само свойство рефлексивности (и процесс рефлексии как процессуальное проявление этого свойства) должно быть понято как *видовое* по отношению к более *общему* и атрибутивно присущему психике свойству *самосензитивности* – «чувствительности к себе» как *родовому*, элементарные проявления которого наблюдаются уже в самых простейших сенсорных процессах.

Вместе с тем, следует, конечно, отдавать отчет и в том, что даже охарактеризованная выше – действительно, сложнейшая и внутренне дифференцированная картина организации рефлексивных процессов еще не исчерпывает всей ее реальной сложности. Дело в том, что проведенный анализ фиксировал пока лишь, в основном, так сказать «когнитивное измерение» рефлексивных процессов. Однако данное «измерение» – это, хотя, безусловно, важнейшая, но не единственная сфера действия рефлексивных процессов. Еще одной вполне очевидной и важной форм представленности рефлексивных процессов является, как мы отмечали выше, уже не собственно когнитивная, а *регулятивная* форма их существования. Именно процессы, составляющие содержание регулятивной рефлексии, обеспечивают, как известно, *осознаваемый, произвольно контролируемый* характер целостной процессуально-психологической регуляции деятельности и поведения. Причем, следует особо подчеркнуть, что данное свойство – свойство осознаваемости, произвольности, субъектной управляемости составляет *самую суть* процессуально-психологического обеспечения деятельности, поведения, общения. Любой, даже самый сложный из дифференцируемых ныне психических процессов – суть срез, аспект (а строго говоря, и определенная абстракция) единого процессуально-психологического содержания, включенного, в свою очередь, в качестве важнейшего компонента в целостные деятельностные, поведенческие и общенческие метаконтексты. И лишь на уровне общей организации этих процессов, то есть при условии сохранения их целостности, преодолевается «гносеологическая аналитичность» любого – выделяемого познанием процесса и они предстают в их онтологическом единстве. Атрибутом последнего является свойство осознаваемости; сознание – это не только феноменологическая данность, но и способ, механизм организации всей системы психических процессов, а в этом смысле – и их *онтология*.

Таким образом, анализ показывает, что рефлексия (в ее собственно процессуальном проявлении) должна быть, по всей вероятности, понята в качестве процесса того – еще более высокого уровня организации, нежели уровень, на котором локализованы отдельные метакогнитивные процессы (то есть – вторичные процессы). Она представляет собой поэтому специфический уровень организации процессуального содержания психики, выступая уже своего рода «*третичным*» процессом. Вместе с тем, возможность (и даже необходимость) такого понимания может быть обеспечена лишь в том случае, если расширить и сделать более адекватной исходную – традиционную трактовку самой рефлексии. Наряду со специфически когнитивной рефлексией, необходима дифференциация и регулятивной рефлексии. Лишь вторая, базируясь на потенциале когнитивной рефлексии, может обеспечить осознаваемый, рефлексивный мониторинг и контроль внешней активности субъекта.

Итак, возникает необходимость существенного переосмысления самого понятия рефлексии как процесса. Рефлексия, на наш взгляд, не является унитарным процессом; в то же время, она не может быть сведена к ее традиционной трактовке – когнитивной рефлексии, хотя, естественно, последняя образует основу, ядро всех рефлексивных феноменов. Рефлексия *принципиально гетерогенна* по своему процессуальному содержанию и образует целое «семейство», точнее – систему, а еще точнее – уровень метапроцессов (метакогнитивных, метарегулятивных и иных) в общей процессуальной организации психики. Последние же, на наш взгляд, могут и должны быть поняты как операционные средства реализации рефлексии. Поэтому она не может быть проинтерпретирована ни как унитарный процесс, ни как *монопараметрическое* (и, следовательно, *монометрическое*) свойство. Включая в себя целую систему операционных средств, рефлексия предстает как определенная структура этих процессов. Логично допустить поэтому, что ее основные содержательные и динамические ее характеристики определяются не только (а, быть может, и не столько) ее компонентами, то есть метапроцессами по отдельности и их суммой, сколько особенностями их *структурной организации*.

В силу этого, современная ситуация требует перехода к новой парадигме исследования рефлексии – *структурно-полипроцессуальной*. Вместе с тем, недопустимо «растворение» в этой полипроцессу-

альности очевидной специфичности всех рефлексивных процессов (например, атрибута их самопрезентированности, непосредственной данности личности), а также их столь же реальной целостности. Будучи процессуально гетерогенной, рефлексия вместе с тем предстает как единство разнообразного, поскольку входящие в не метапроцессы репрезентированы субъективно и организованы объективно (онтологически) именно как целостность, как система. И как таковая эта система должна, по-видимому, обладать инвариантными закономерностями своей собственной *структурной организации*, которые обуславливают не только ее специфичность, но и целостность.

Таким образом, можно видеть, что анализ с необходимостью – своей внутренней логикой приводит к фундаментальной общепсихологической проблеме рефлексии, а также ее генезиса в ходе развития форм деятельностной активности личности в целом. Не менее (а быть может, – и более) существенно и то, что через эту проблему в анализ с необходимостью включается и еще более фундаментальная и продолжающая оставаться во многом «загадочной» проблема сознания (и «святая святых» самой этой проблемы – проблема *возникновения* сознания). Разумеется, обе эти проблемы являются не просто огромными и, по существу, беспрецедентными по масштабу и степени сложности, а также по количеству посвященных им исследований, но и вообще не имеют аналогов в психологической проблематике. В связи с этим, они, конечно, не могут и не должны выступать в данной работе в качестве предмета специального анализа. Однако, и «пройти мимо» них также недопустимо, поскольку в этом случае сам анализ будет по необходимости неполным, а главное, недостаточно глубоким – упрощенным и «уплощенным». Отчетливо сознавая это, остановимся лишь на тех их аспектах, которые имеют наиболее непосредственное отношение к основным задачам данной работы.

В этой связи необходимо обратить особое внимание на две – выявленные и охарактеризованные выше закономерности. Во-первых, это достаточно общая и, по существу, сквозная для всех процессуальных образований психики закономерность, согласно которой базовые психические процессы могут «оборачиваться» сами на себя. В результате этого они трансформируются из статуса активного оператора в статус относительно пассивного операнда. Такая трансформация была обозначена выше как механизм *операндно-операторной*

5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности *обратимости*. Во-вторых, это ведущая и все возрастающая роль собственно *интегративных* средств и механизмов при повышении уровня сложности самих психических процессов. Более того, это, фактически, просто *взаимопологаемость* понятий интегративности и сложности по отношению к ним.

Синхронизированное действие этих механизмов лежит в основе *качественных* трансформаций уже не только отдельных видов или даже *типов* психических процессов, но и их обобщенных *классов* – *макроуровней* их организации. Действительно механизм операндно-операторной обратимости, реализуясь по отношению к первичным когнитивным процессам, приводит к порождению вторичных процессов – метакогнитивных. Однако этот механизм играет важную роль и в генезисе собственно регулятивных – интегральных процессов, являющихся также вторичными по своему психологическому статусу. В результате этого качественно повышается уровень интегративности процессуально-психологических образований. Кроме того, качественно трансформируется и также усложняется присущий им атрибут *самосензитивности*.

Оба этих механизма (и, соответственно, обе тенденции) находят свое дальнейшее развитие при переходе от вторичных процессов к наиболее обобщенному процессуальному образованию психики – к рефлексии. Он, характеризуясь еще большей и, по существу, максимальной степенью интегративности (и столь же максимальной выраженностью атрибута самосензитивности); он является уже не вторичным, а *«третичным»* психическим процессом. Собственно говоря, *именно поэтому* он и является *достаточным* для того, чтобы обеспечивать наиболее сложное правление психического в целом – *сознание*. В связи с этим, он и является комплексным – внутренне дифференцированным, но принципиально целостным средством его процессуально-психологического обеспечения.

Далее, существенный интерес представляет еще один важный, на наш взгляд, аспект данной проблемы, который обычно, к сожалению, не только не подвергается должному анализу, но и вообще – обделен вниманием со стороны исследователей. Он, фактически, не сформулирован в явном виде как проблема (и даже в известном смысле как *противоречие*); соответственно, не предложены варианты ответа на него.

Действительно, одним из наиболее общих и фундаментальных общепсихологических положений, составляющих, к тому же, основу методологического принципа единства психики и деятельности, является следующий тезис. Ведущую и определяющую – основную (и вообще – критически значимую) роль в возникновении сознания в ходе *филогенеза* играет *трудовая* деятельность, труд как специфическая только для вида *homo sapiens* форма поведенческой активности. В целом и в самом общем виде это, разумеется, совершенно справедливо, хотя данное положение *само* по себе, конечно, еще не раскрывает *конкретных* механизмов и закономерностей данного процесса. Кроме того, сам он беспрецедентно сложен и многомерен, а в его структуре можно и нужно дифференцировать целый ряд достаточно разных планов, аспектов и пр. Вместе с тем, в наиболее общем виде данное положение, действительно, по-видимому, адекватно отражает реальный ход эволюционного развития и человека в целом, и сознания, в частности.

В несколько иной формулировке данное положение может быть представлено, однако, следующим образом. Становление и развитие сознания как *высшей* формы организации психики, характерной только для человека, оказывается возможным *в* и *благодаря* аналогичному по степени сложности, то есть также *высшему*, типу поведенческой активности. Другими словами, это становится возможным лишь благодаря трудовой деятельности. Вместе с тем, обратим внимание на следующее обстоятельство. Ни игра, которая, как известно, также характерна для иных живых существ (а не только для человека), ни научение, которое также имеет место у них, сами по себе *не приводят* к возникновению и развитию сознания в ходе *филогенеза* всех живых существ, кроме человека. Эволюция форм поведенческой активности, исчерпанная игрой и научением и заканчивающаяся в своем развитии, так сказать, не доходя до трудовой деятельности, не является *достаточным* условием для возникновения сознания в ходе *филогенеза*.

Все это является столь аксиоматичным и само собой разумеющимся, что об этом, казалось бы, вообще не стоило говорить, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что сформулированное выше положение, действительно, безусловно, справедливо, но только так сказать «в одном измерении», с точки зрения одного эволюционно-генетического процесса – процесса *филогенеза*. Однако если обратиться

### 5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности

к другому генетическому процессу – *онтогенезу*, то эти же положения становятся не только не выполняющимися, но и, фактически, неправильными. Действительно, по отношению к *индивидуальному* развитию, то есть к онтогенезу в целом и к возникновению сознания, в особенности, дело обстоит совершенно иначе. Для его возникновения в онтогенезе уже не только необходимо, но и *достаточно* лишь *игровой* деятельности, хотя и элементарная «учебная» деятельность (точнее – ее прототипы, протоформы, в которых она представлена на ранних этапах онтогенеза) также, несомненно, способствуют этому. Вместе с тем, нельзя игнорировать фундаментальный по своей значимости факт, который, однако, не только не концептуализирован в настоящее время, но и, фактически, даже не зафиксирован. Согласно ему, в онтогенезе (в отличие от филогенеза) для возникновения *самой сложной* формы организации психики – сознания вполне *достаточно* формирования *самой простой* формы деятельностной активности – игровой.

Однако в таком случае возникает острейшее *противоречие* двух генетических линий – филогенетической и онтогенетической. В наиболее же общем виде возникает вопрос – как это возможно? Почему для *человечества* в целом необходимым и достаточным условием и средством порождения сознания является *трудовая* деятельность, а для отдельного *человека* таким условием является «просто» *игровая* деятельность<sup>71</sup>? Причем, здесь мы вновь сталкиваемся с тем – принципиальным по своей значимости обстоятельством, которое уже было зафиксировано выше. Оно состоит в том, что истинный масштаб важности и сложности проблемы детской игры, игровой деятельности определяется ее *решающей* ролью не только в развитии психики и личности в целом, но и в генезисе абсолютно нового и уникального образования, качественно отличающего психику человека от психики всех иных живых существ, – сознания. И здесь вновь возникает вопрос – как это возможно? Как устранить это противоречие? На наш взгляд, сделать это можно лишь в том случае, если радикально изменить трактовку самой игровой деятельности и понять ее отнюдь

---

<sup>71</sup> Иными словами, как возможно, чтобы наиболее *сложное* (сознание) рождалось бы в наиболее *простом* (игровой деятельности)? По-видимому, ответ на данный вопрос в принципе возможен лишь в том случае, если кардинально изменить саму оценку игровой деятельности как «простой», а точнее – отказаться от нее.

не как самый простой тип деятельностной активности, а как в известном смысле – наиболее *сложный*. При этом, конечно, следует пояснить, что речь идет о большей сложности не ее структурно-функциональной организации, а о большей сложности тех генеративно-порождающих свойств и механизмов, которые заложены в игровой деятельности. Для отдельного человека, то есть в каждом *конкретном* случае сознание «рождается» не в труде, а в игре, хотя, конечно, затем развивается и в труде тоже, но предварительно еще и в учебной деятельности. Сам принцип единства сознания и деятельности акцентирующий внимание лишь на раскрытии роли трудовой и частично – учебной деятельности, по необходимости «имеет дело» лишь с уже достаточно сформированными и зрелыми уровнями сознания. На них предмет исследования представлен уже в значительной степени в сформированном виде. При такой постановке проблемы данный принцип может содействовать поэтому раскрытию лишь того, как сознание *развивается* в деятельности, но не тому, как оно *возникает* в ней. Следовательно, и сам этот принцип должен быть подвергнут определенному переосмыслению и расширению. Он должен быть реально (а не декларативно) распространен и на игровую деятельность – именно как на одну из основных форм деятельностной активности.

Сформулированные выше положения, фиксирующие указанную проблему и предоставляющие определенные методологически ориентиры для ее решения, все же пока недостаточны для *конкретного* – содержательного ее раскрытия. Оно в свою очередь предполагает выявления тех детерминант, а также тех средств и механизмов, на основе которых для порождения сознания достаточно потенциала игровой деятельности (а не обязательно трудовой). В плане их экспликации, на наш взгляд, могут быть сформулированы следующие положения. Так, параграфе 4.5.1. было показано, что одной из основных особенностей структурно-функциональной организации деятельности, которая представлена особенно ярко и полно именно в *трудовой* деятельности, является то, что в ее основе лежит определенный *регулятивный инвариант*. Напомним, что он образован последовательностью следующих регулятивных процессов (представленных, к тому же, в их временной организации): целеобразование – антиципация – прогнозирование – принятие решения – планирование – программирование – контроль – самоконтроль. В связи с понятием регулятивного

### 5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности

инварианта особо важно подчеркнуть, однако, два следующих обстоятельства. Во-первых, именно благодаря становлению – формированию и развитию данного инварианта в целом, а также входящих в него «составляющих» интегральных, регулятивных процессов, в частности, сама психическая регуляция обретает те свойства, которые характерны для осознаваемого уровня ее реализации и регуляции, а следовательно, – и для сознания как такового. Именно *через* данный инвариант и, по существу, «в нем» сознание и формируется в деятельности. Однако, он сам – в том виде, в котором это *достаточно* для полноценной и эффективной организации деятельности – складывается и формируется именно в трудовой деятельности. Его формирование – это в значительной степени и есть «филогенез» самой трудовой деятельности, ее возникновения и совершенствования. Во-вторых, не менее значимо и то, что данный регулятивный инвариант является именно *инвариантным*, то есть он *подобен* в своих главных чертах по отношению ко всем трем основным типам деятельности. Отсюда, однако, с необходимостью следует, что он же, хотя, конечно, и в относительно менее развитом виде, присущ не только трудовой, но и игровой деятельности. Следовательно, само его транспонирование из трудовой деятельности в игровую является не только необходимым, но и *достаточным* условием для того, чтобы сама игровая деятельность эффективно выполнила генеративно-порождающие функции по отношению к задаче формирования сознания.

Другими словами, игра только тогда становится достаточным условием для порождения сознания, когда она трансформируется в игровую *деятельность*. В свою очередь, это происходит, когда на ее организацию транспонируются тот регулятивный инвариант, который характерен для всех трех основных типов деятельности. Однако, именно эта трансформация – придание игре все большей сложности и организованности, а в итоге – транспонирование на нее «технологии» собственно деятельностной организации, то есть регулятивного инварианта, как раз и является основным – магистральным направлением развития игры в целом. Таким образом, и по отношению к онтогенезу исходный тезис оказывается, действительно, справедливым: сознание «рождается» в деятельности, но в деятельности именно игровой и именно тогда, когда *игра* трансформируется в игровую *деятельность*. Отсюда следует, что решающим – крити-

чески значимым условием для возникновения сознания в онтогенезе как раз и является трансформация *игры* в игровую *деятельность*. Это, в свою очередь, становится возможным на основе того, что постепенно и последовательно исходно и изначально неорганизованная, спонтанная и хаотичная игра во все большей степени транспортирует на свою организацию рассмотренный выше регулятивный инвариант, образованной системой интегральных процессов.

Констатируя это необходимо напомнить, далее, и о том – общем по смыслу, но совершенно конкретном по содержанию комплексе механизмов, благодаря которым осуществляется указанная трансформация. Как известно, онтогенетическое развитие, формирование психики и поведения, а затем (и вместе с тем) – деятельности объективно невозможны вне общения ребенка и взрослого, вне социальных контактов, вне социальных взаимодействий в целом. В общем плане данное положение зафиксировано в общеметодологическом принципе социальной обусловленности психики. Подчеркнем, что эти контакты и взаимодействия осуществляются, прежде всего, именно в процессе игровой деятельности. В этом взаимодействии, в этих контактах ребенка и взрослого проявляется соактивность как простейшая форма совместного поведения, а затем – и совместной деятельности. Причем, по совершенно естественным, понятным и даже – жизненно необходимым причинам взрослый реализует в этой соактивности направляющие, организующие, регулирующие и прочие воздействия на поведенческую активность ребенка. По отношению к поведению ребенка со стороны взрослого должны быть реализованы некоторые – вначале самые элементарные, а затем все более усложняющиеся организующие, корригирующие и направляющие функции. Взрослый учит, а ребенок учится в этом взаимодействии действовать, а *для этого* – предвидеть, ставить цель, элементарно планировать, делать выбор (принимать решения), контролировать себя, исправлять (корректировать) ошибки и др. Тем самым, в этом процессе взрослый – просто в силу того, что он объективно организует поведение ребенка, следит за ним и контролирует его, естественным и необходимым образом реализует некоторую совокупность функций по управлению этим поведением. Разумеется, в подавляющем большинстве случаев взрослый не ставит перед собой самостоятельную цель делать это и тем более – реализовывать какие-либо управленческие функции. Суть дела в том,

### 5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности

что такая реализация носит совершенно объективный характер и происходит параллельно соактивности ребенка и взрослого. При ближайшем рассмотрении оказывается, что по своему содержанию эти функции (повторяем, – направленные на управление поведением ребенка) очень близки к управленческим функциям как таковым, хотя они, разумеется, и представлены в относительно простейшем, элементарном виде. Вместе с тем, понимая их смысл, воплощая их требования в своем индивидуальном поведении, *подчиняясь* им, ребенок начинает строить свое поведение в соответствии с ними.

Итак, все эти функции и тот регулятивный инвариант, в виде которого они представлены в поведении и деятельности, начинает регулировать индивидуальное поведение, а затем и элементарные формы индивидуальной деятельности (подчеркнем, – прежде всего, именно игровой) ребенка. Этот инвариант и включает в себя систему интегральных, регулятивных процессов организации деятельности – процессы целеобразования, антиципации, принятия решения, прогнозирования, программирования, планирования, контроля, самоконтроля. Другими словами (так сказать, – исходно) этот инвариант представлен «со стороны взрослого» как совокупность регулятивных *функций*. Через них он направляет, регулирует поведение ребенка. Однако эти функции, подчинения которым и добивается, прежде всего, взрослый, начинают «переходить во внутренний план» и принимать тем самым форму специфических – регулятивных процессов, направленных на организацию индивидуального поведения. Иными словами, формируются те процессуальные регуляторы, которые были обозначены выше понятием интегральных психических процессов. Их система, будучи исходно задана в качестве регулятивного инварианта, затем принимает внутреннюю форму – форму *саморегулятивного* инварианта.

Таким образом, подводя промежуточные итоги проведенному выше анализу, можно сделать и еще одно заключение. Анализ процессуально-психологического содержания деятельности в целом и игровой, в особенности, а также ее генезиса, привел в итоге к тому, к чему и должен был привести – к феномену сознания. Эволюционное усложнение форм и уровней процессуального содержания психики и в ее когнитивном «измерении», и в ее регулятивном «измерении», равно как и во всех иных, последовательно, но с необходимостью приводит к высшей по степени интегративности форме

организации этого содержания – к сознанию. Естественно, что данный феномен – сознание как предмет психологического исследования не исчерпывается только рассмотренными аспектами и к ним не сводится<sup>72</sup>. Наряду с ними, существуют и иные планы организации и генезиса сознания – в том числе, и те, которые необходимо проанализировать с точки зрения основных задач данной работы.

## 5.4. Темпоральность в структуре системогенеза психики

### 5.4.1. Темпоральность как детерминанта психического развития

Действительно, одним из важных вопросов, возникающих в связи с данной проблемой и представляющим особый теоретический интерес, является вопрос о том, каким образом возникает и за счет каких средств обеспечивается *самосензитивность*, а на этой основе и способность психики к саморегуляции? Как данные свойства представлены на разных этапах онтогенетического развития и какова роль при этом собственно игровой деятельности? В плане возможного ответа на него, на наш взгляд, могут быть сформулированы следующие положения.

Как можно видеть из проведенного выше анализа, все представленные в нем материалы демонстрируют достаточно общую и очень значимую закономерность. Она заключается в том, что системогенез деятельности по своим так сказать последствиям постоянно *выходит* за свои собственные пределы и имеет значительно более обобщенные эффекты. В нем и через него осуществляется вполне закономерное, последовательно развертывающееся формирование и собственно *психических* образований. Он сам в известном смысле выступает комплексным средством, совокупностью механизмов их генезиса. Причем, это не какие-либо, хотя и важные, но все же рядовые образования и структуры, а образования *основные* – наиболее значимые в плане организации психики в целом. Напомним, что к ним относятся, прежде всего, регулятивная подсистема психики; действие как основная единица деятельности; основные классы психических

---

<sup>72</sup> Вместе с тем, его собственно процессуальные основы и механизмы являются, все же, по-видимому, главными.

процессов – как первичных, так и вторичных и др.<sup>73</sup>. Психика, как мы уже отмечали выше, «использует» деятельность в качестве очень комплексного и многопланового инструментального средства, направленного на генезис ее структур и образований. Атрибутивно присущие самой деятельности организационные средства, последовательно транспонируются и на организацию самой психики, качественно перестраивая ее «составляющие» и процессу.

Далее, обратим внимание и на то, что все рассмотренные средства генезиса психики в деятельности и через деятельность, несмотря на их кардинальные содержательные различия, имеют одну *общую* по смыслу и фундаментальную по значимости черту. Они в той или иной форме реализуют по отношению к организации деятельности *системность*, заложенную в организации деятельности. Сама системность деятельности и ее основные атрибуты (интегративные механизмы, синергетические эффекты, иерархичность организации и др.), объективно присущие деятельности, «эксплуатируются» психикой для ее собственного формирования и развития. Констатируя это, нельзя, однако, не видеть и другого – также очень значимого обстоятельства, состоящего в следующем. Все сказанное относится не только к *одному* из типов системности – *субстанциональной*, но и ко второму из ее типов – к *темпоральной* системности. Причем, очень важно, что последняя с высокой степенью полноты и рельефности реализована именно в функциональной организации деятельности. Тем самым данный тип системности эксплицируется в качестве наиболее комплексного, базового средства, через которое достигается объективно *главный* аспект всего функционального плана исследования. Он, напомним, состоит в раскрытии закономерностей бытия явления во времени. В связи с этим – наиболее общим выводом, может быть сформулирован, однако, и ряд положений более конкретного плана. Они также направлены на выявление тех последствий, которые имеет данный тип системно-

---

<sup>73</sup> При этом необходимо особо подчеркнуть, что проведенный выше анализ раскрывает дополнительные грани общего «феномена действия»; с позиций этих результатов действия еще полнее и рельефнее предстают именно как базовые структурные единицы – содержания и генезиса уже не только деятельности, но и психики в целом. *Действие* раскрывается в качестве того, что во многом и *делает*, то есть осуществляет формирование психического.

сти и его освоения в ходе генезиса деятельности для генезиса уже собственно психических образований. Они же раскрывают и то, по каким закономерностями и на основе каких механизмов осуществляется его освоение в деятельности и к чему оно приводит.

Ключевую значение в плане их раскрытия имеет та – определяющая роль, которую играют в организации деятельности (и ее генезисе) *интегральные процессы* ее регуляции. Они уже не раз становились предметом нашего анализа, проявляясь при этом своими различными гранями и функциями в плане организации и генезиса деятельности. Вместе с тем, одна из них остается пока еще недостаточно раскрытой, а ее суть заключается в следующем. Как было показано в параграфе 4.5.1, *общая совокупность* интегральных процессов потому и является не просто их агрегативным объединением, а собственно системным образованием, что она построена на основе целого ряда соответствующих принципов и закономерностей. Все они являются специфически системными, а их раскрытие, собственно говоря, и составляли основу изложения в данном параграфе. Одной из основных среди них является то, что их совокупность закономерным и очень естественным образом воплощает в себе фундаментальный по своей значимости (и в целом, и по отношению к организации деятельности, в особенности) *параметр времени*. Это обеспечивается за счет того, что их совокупность представлена в форме определенного регулятивного инварианта, построенного, в том числе, и по собственно *хронологическому*, то есть специфически темпоральному принципу. Последнее означает, что все они «вытянуты» вдоль оси времени, организованы на основе собственно временной «координаты».

Действительно, очень трудно не видеть именно того, что вся их совокупность как раз и представляет собой определенную временную последовательность, точнее – временную организацию. Их совокупность – это и есть в известном смысле воплощение временной организации в общей структуре психической регуляции. И по отношению к реализации отдельно взятого действия, и по отношению к их комплексам, и по отношению к деятельности в целом – то есть, фактически, к *любому* деятельностному акту их временная развертка является вполне определенной и инвариантной. Она (и это мы уже отмечали выше) как раз и представляет собой закономерную *последовательность* этих процессов: целеобразование – антиципация –

прогнозирование – принятие решения – планирование – программирование – контроль – самоконтроль.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что именно эти процессы являются основными процессуальными «составляющими» одной из основных подсистем психики – *регулятивной*. Они, наряду, разумеется, с регулятивным потенциалом иных психических процессов, и составляют ее содержание. Следовательно, можно сделать заключение, согласно которому в собственно *процессуальной организации* одной из базовых подсистем психики (регулятивной) органично воплощен параметр времени в целом. Его репрезентированность в регулятивной подсистеме (которая обеспечивается *основными* для психики, то есть собственно *процессуальными* средствами), следовательно, обеспечивает его функциональное включение также и в общую организацию психики. Регулятивная подсистема организована таким же образом, каким организована базовая форма активности субъекта, на которую, прежде всего, и направлена сама регуляция, – деятельность. И та, и другая воплощают в себе черты временной организации в целом и временной системности, в особенности. «Ось времени» – это та базовая координата, которая оказывается репрезентированной и во временной структуре деятельности, и в процессуальной организации регулятивной подсистемы психики.

Рассмотренная выше закономерность, являясь, разумеется, достаточно общей и значимой сама по себе, эксплицирует, однако, обстоятельство еще более обобщенного плана. Оно состоит в том, что влияние генезиса деятельности на формирование психических образований осуществляется по двум основным направлениям, с использованием двух базовых категорий средств. Во-первых, это все более полная реализация в формирующейся психике тех организационных средств, которые присущи именно *содержательной*, то есть субстанциональной организации деятельности. Это означает, что на организацию деятельности транспонируется первый из двух основных типов системности – *субстанциональная*. Во-вторых, наряду с этим, на психику транспонируется и собственно временная – темпоральная организация, также атрибутивно присущая деятельности. Тем самым психика все более полно ассимилирует в своей организации и второй основной тип системности – *темпоральную*. В результате этого те базовые особенности и закономерности, которые присущи деятель-

ности как системе временного, темпорального типа (и которые составляли предмет развернутого анализа в параграфе 4.5.1.), все более полно и последовательно транспонируются также и на организацию психики. Психика реализует не только *субстанциональную* системность, заложенную в деятельности, но и системность *темпоральную*, также атрибутивно присущую деятельности.

При этом, однако, вновь следует особо подчеркнуть, что именно деятельность выступает очень явным и ярким представителем систем темпорального типа. Именно в ней параметр времени не просто «реализован», а по существу лежит в *основе* всей ее организации. Поэтому, овладевая деятельностью, субъект во многом овладевает и временем, точнее – временной организацией как принципом построения и структурировании самого психического. При этом фактически, все особенности и закономерности временной организации, которые атрибутивно присущи деятельности (и которые эксплицируют ее в качестве системы временного типа), выступают и средствами временной организации самой психики. Их транспонирование из внешнего (из деятельностной формы их существования) во внутреннее – в содержание самой психики составляет одно из важнейших направлений собственного генезиса психического. В плане своей *макроорганизации* деятельность, как показано выше, действительно, воплощает в себе основные принципы и закономерности собственно временной организации в целом и временной – темпоральной системности, в особенности. Она тем самым выступает *онтологически* представленной – объективно существующей и данной *исходно* основой для становления аналогичной организации и аналогичного типа системности также и у психического в целом. Временная организация и темпоральная системность транспонируются из деятельности в психику, составляя важную грань генезиса последней. Представленность темпоральной системности в психике не дана «сама по себе» – исходно и изначально, автоматически. Такая представленность – это именно *результат*, в основе которого лежит определенный и достаточно комплексный *процесс* собственно генетического плана. Этот генезис во многом и разворачивается, как показано выше, в процессе системогенеза деятельности; он является деятельностно-опосредствованным. Важнейшую роль в нем играет транспонирование на организацию психики *принципов* темпоральной – соб-

ственно процессуальной организации деятельности. Благодаря им, сама деятельность обретает основные черты собственно временной организации, а также атрибуты, раскрывающие ее принадлежность к системам темпорального типа. В качестве таких атрибутов и выступают основные *принципы*, лежащие в основе системной формы организации как таковой. Они были подробно охарактеризованы в параграфе 3.4.: это принципы целевой детерминации, минимально достаточной дифференцированности, пропорциональной интегрированности, неравномерности, гетерохронности, реверсивности, кумулятивности, итеративности, трансформирующей детерминации и др.<sup>74</sup>.

Вместе с тем, важность параметра времени, а также значимость субъектных, в том числе и деятельностных средств приспособления к нему (особенно тех, которые воплощают в себе черты системности) проявляется и в еще одном аспекте. Как было показано, ведущую и определяющую роль в функциональной организации деятельности (равно, впрочем, как и в ее структурной организации) играет класс интегральных процессов психической регуляции деятельности и поведения. Он, однако, фактически, воспроизводит в своем составе и содержании определенный – базовый временной регулятивный инвариант. Все эти процессы объективно очень естественным и даже необходимым образом распределяются – как бы выстраиваются именно вдоль «оси времени». Они организуются на основе так сказать хронологического, темпорального критерия.

Действительно, по отношению к реализации и отдельно взятого действия, и их комплексов, и деятельности в целом – то есть, фактически, по отношению к любому исполнительском, деятельностному акту их «временная развертка» является вполне определенной и инвариантной. Она как раз и представляет собой закономерную последовательность этих процессов: целеобразование – антиципация – прогнозирование – принятие решения – планирование – программи-

---

<sup>74</sup> Кроме того, как было показано нами выше, а также работах [252, 256], существует и особая категория *системных качеств – временные системные качества*, которые также раскрывают одну из важнейших граней темпоральной системности как таковой. Их общая типология, а также конкретные формы их существования в деятельности как системе темпорального типа были также подробно рассмотрены в указанных работах, а также в параграфе 3.5.3.

рование – контроль – самоконтроль. Вместе с тем, необходимо учитывать, что именно эти процессы являются основными процессуальными «составляющими» одной из основных подсистем психики – регулятивной. Они, наряду, разумеется, с регулятивным потенциалом иных психических процессов, и составляют ее содержание. Следовательно, можно сделать заключение, согласно которому в собственно процессуальной организации одной из базовых подсистем психики – регулятивной органично воплощен и реализован в ней параметр времени. Он, точнее – его адекватная репрезентация собственно психическими средствами и механизмами (причем, основными для психики, то есть собственно процессуальными), следовательно, функционально включен и в ее общую организацию. Регулятивная подсистема организована таким же образом, каким организована базовая форма активности субъекта, на которую, прежде всего, и направлена сама регуляция – деятельность. И та, и другая воплощают в себе черты временной организации в целом и временной системности, в особенности. «Ось времени» – это та базовая координата, которая репрезентирована и во временной структуре деятельности, и в процессуальной организации регулятивной подсистемы психики<sup>75</sup>.

Можно видеть, что понятие регулятивного инварианта позволяет произвести дальнейшее углубление представлений о том, каким образом реализуется в организации деятельности временная – темпоральная системность, а в более общем плане – как воплощается в этой организации временная «координата» реальности в целом. Действительно, в параграфе 4.5.1 было показано, что одним из основных принципов структурной организации деятельности является ее последовательное сукцессирование на более дробные – и в содержательном, и во временном отношении «составляющие». Происходит ее дифференциация на компонент, а также сопряженная с ней их последующая инте-

---

<sup>75</sup> Вместе с тем, такое подобие имеет и определенные границы; оно не доходит до степени тождества. Наиболее существенное различие между ними, дифференцирующее объективное и субъективное время в целом, состоит в том, что система интегральных процессов (как основа всего содержания регулятивной подсистемы психики) характеризуется свойством *обратимости*. В них заложена возможность принципиальной *компенсируемости* неправильно и или неудачно осуществленной регуляции. «Бытие деятельности», представленное как ее процессуальная организация, в известных границах «обратимо», тогда как «бытие во времени» – нет.

грация – соорганизация (и структурно-содержательная – субстанциональная, и временная – темпоральная). Причем, во втором случае основным принципом и объективной основой такой соорганизации выступает то, насколько образованная цепочка – последовательность (временной паттерн) этих «составляющих», в качестве которых обычно выступают действия, является целеобусловленным и эффективным с точки зрения достижения тех или иных результатов. Метафорически выражаясь, можно сказать, что «в борьбе за существование «побеждают» те последовательности, те временные паттерны, которые более эффективны и действенны (причем, опять-таки не только в содержательном, но даже и в этимологическом смысле). Неудачные, а тем более неправильные временные последовательности действий просто «не выживают» – не закрепляются и не фиксируются.

Следовательно, наиболее общим принципом такого «выстраивания», то есть хронологического упорядочивания», а шире – темпоральной организации является принцип целесообразности и эффективности. Он является наиболее общим, а потому воспроизводится на самых разных уровнях сложности поведенческих и деятельностных ситуаций; лежит в основе организации действий по «выходу из них». Однако необходимо подчеркнуть, что это именно наиболее общий, а в чем-то даже и формальный принцип. Он, будучи необходимым, все еще сам по себе еще недостаточен для эффективной темпоральной организации деятельности. В этих целях и должны быть обязательно реализованы, на наш взгляд, также и те средства, которые заложены во временной структуре рассмотренного выше регулятивного инварианта. Именно он – тот состав и та последовательность, которые характеризуют его содержание и временную организацию, как раз и являются комплексным основанием для обеспечения темпоральной организации у любого деятельностного акта и деятельности в целом. Это – наиболее комплексное средство обеспечения их оптимальной упорядоченности, наилучшей организованности. В данном регулятивном инварианте реализованы все основные принципы и закономерности собственно темпоральной организации и темпоральной системности в целом. Именно в силу этого он и выступает уже не только необходимым, но и достаточным условием для обретения деятельностными актами оптимальной темпоральной организации. Он является не только формальной, но и содержательной основой такой организации.

Далее, необходимо обратить внимание и на еще одно – также очень показательное с точки зрения развиваемых здесь представлений о темпоральной системности обстоятельство. Тот факт, что в темпоральной организации деятельности воплощен регулятивный инвариант, собственно говоря, и придает ей атрибут процессуальности – вообще эксплицирует ее как процесс, как длительность. Вместе с тем, сам этот регулятивный инвариант образован совокупностью также процессуальных образований, в качестве которых выступают интегральные процессы психической регуляции. Они являются, с одной стороны, собственно операционными образованиями, поскольку направлены на обеспечение вполне определенных функций по организации деятельности, а с другой стороны, выступают и в качестве вполне определенных этапов временного развертывания данного инварианта. Другими словами, они не только могут, но и объективно должны быть проинтерпретированы в качестве основных операционных средств организации деятельности. Они являются таковыми и в ее структурно-содержательном (субстанциональном) и во временном (темпоральном) планах. Тем самым они обнаруживают еще один свой модус – раскрываются в качестве компонентов операционного состава общего процесса деятельности, но взятой в ее временной развертке, в ее собственно временной организации. Они эксплицируются в качестве операционного состава деятельности как системы темпорального типа.

Наконец, подчеркнем и еще одно обстоятельство. Данный инвариант может быть представлен с разной степенью развитости и полноты в зависимости от сложности самих деятельностных и поведенческих актов, на организацию которых он направлен. Причем, даже в относительно простых и симультанных актах он также представлен, хотя и может принимать при этом достаточно редуцированные формы. Так, в предельно неразвернутой из них он, по существу, представлен лишь, так сказать, «краями (полюсами) всего континуума регулятивных процессов – постановкой цели и контролем за тем, достигнута она или нет. В связи с этим, можно, по-видимому, считать, что он последовательно усложняется и приобретает все более развернутый вид именно при переходе от одного структурным уровнем организации деятельности к другому: от действенного (а в известной мере – даже операционного) уровня к уровню автономной деятельности. Действительно, на операционном уровне он, фактически, во многом полно-

стью редуцируется как психологическое субъективное образование, хотя, безусловно, представлен объективно. Он эксплицируется здесь в виде средств и механизмов собственно физиологического плана (то есть на уровне архитектуры физиологических функциональных систем). На действенном уровне он представлен уже в качестве собственно психологического образования, но данным лишь в указанной выше неразвернутой форме («локальная цель – текущий контроль»). На уровне целостных паттернов действий (то есть на инфрадеятельностном уровне) он уже обретает свой развернутый вид и представлен именно как цепь – последовательность всех указанных интегральных процессов. Наконец, на уровне автономной деятельности он вообще может трансформироваться в основную задачу – в задачу организации и построения всей деятельности в целом. Он становится при этом «технологически» подобным ей и приобретает достаточно специфическую форму, обозначенную нами понятием квазидеятельностной формы.

Следует отметить и тесную генетическую связь «феномена действия» с формированием (и в фило- и в онтогенезе) одного из важнейших, а не исключенной – и основных принципов функциональной организации психики. Он обычно обозначается как принцип одноканальности, «однофокусности» сознания (и выше уже был предметом нашего рассмотрения). Действительно, любое действие дифференцируется в структуре деятельности по критически значимому признаку – наличию у него *осознаваемой* цели. Вместе с тем, не менее фундаментальной является и закономерность, согласно которой именно эта осознаваемая цель определяет собой актуальное содержание сознания в каждый интервал времени – психическое *настоящее* субъекта. Однако эта цель сама должна быть целостна – едина и единственна в пределах действия. В противном случае действие просто дифференцируется на два и более новых, относительно самостоятельных действия. Она требует полной включенности в нее субъекта и, следовательно, предполагает необходимость выделения действия в общем деятельностном континууме именно в качестве *автономного* временного *интервала*. Любое действие, сопряженное с достижением *осознаваемой* цели, объективно предполагает его *временную автономизацию* – представленность именно в качестве этапа (или – микроэтапа) деятельности, в качестве ее временного «кванта». В свою очередь, эти «кванты» также объективно подлежат временной организации и тем самым

образовывают временную последовательность. Поэтому общая временная организация последовательности действий уже не просто воспроизводится в принципе «одноканальности», но и, фактически, является ее генетическим корнем, первопричиной. Сознание – в его временной развертке, то есть в его функциональной организации «строится» так же, как и деятельность, взятая в плане временной организации ее основных «единиц» – действий.

Итак, резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что и в собственно временном «измерении» имеет место все та же – уже неоднократно констатированная выше наиболее общая закономерность. Согласно ей, психика «эксплуатирует» те особенности и принципы организации, которые атрибутивно присущи деятельности, в целях своей собственной организации. Причем, в свете изложенных материалов, данное общее положение наполняется именно реальным содержанием, поскольку раскрываются новые *конкретные* направления такого генетического «использования». Более того, в свете сказанного можно сделать и еще одно заключение – также обобщающего плана, состоящее в следующем: в ходе развития деятельности происходит транспонирование на психику в целом *обоих* основных типов системности – и субстанциональной, и темпоральной. Генетическое влияние деятельности на психику, действительно, осуществляется в аспекте важнейшего и наиболее обобщенного принципа ее организации – системности. Однако сам этот принцип транспонируется на организацию психики комплексно – в его двух базовых разновидностях (субстанциональной и темпоральной системности).

Вместе с тем, каким бы сильным и многоплановым ни было генетическое воздействие принципов собственно *системной* организации деятельности на ее формирование, *только* ими дело не ограничивается. Дело в том, что, как было показано в [251], деятельность принадлежит к качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Она, следовательно, обладает не только собственно системной, но и *метасистемной* специфичностью, подробно рассмотренной, в параграфе 4.5.1. Это также имеет очень существенные и многоплановые «последствия» для генетической детерминации развития психики со стороны деятельности. Важнейшее из них обусловлено следующим обстоятельством. Метасистемная специфичность деятельности проявляется, прежде всего, в глубоком своеобразии ее иерархи-

ческой организации, поскольку высшим уровнем в ней выступает *метадеятельностный* уровень. Его подробная характеристика была дана в [251], а его определяющей и атрибутивной чертой является то, что на нем имеет место феномен (и механизм) деятельностного рефлексирования – «оборачивания» деятельности на саму себя. Происходит своего рода «удвоение» статуса самой деятельности. Она, не переставая быть собственно системным образованием (активным *оператором*), одновременно выступает и в качестве предмета – «материала» для оперирования (то есть *операндом*)<sup>76</sup>. Следовательно, «технология» и атрибутивно присущие деятельности черты (продуктивность, результативность, трансформационность и др.), которые в принципе хорошо известны, но рассматриваются лишь по отношению к какому-либо внешнему предмету, могут транспонироваться и на нее саму. Деятельность выступает тем самым не только средством организации самой себя, но и средством своего же собственного генезиса. В конечном итоге, данное свойство деятельности и, соответственно, – возможность ее существования в так сказать «удвоенном бытии» (в виде метадеятельности) коренится в еще более глубинном ее атрибуте – свойстве *саморегулятивности*. Это свойство пронизывает все уровни ее организации, достигая, однако, апогея именно на высшем – метадеятельностном уровне. На нем совокупность механизмов саморегуляции обретает, фактически, деятельностный статус – именно в плане своей сложности, «технологии» и, что наиболее существенно, в плане самого их предмета. Им выступает сама первичная деятельность в целом.

Все это и обуславливает возникновение новых, качественно специфических черт у самого генезиса деятельности: он, как было показано в работе [263], трансформируется в метасистемогенез. Его определяющей чертой, в свою очередь, выступает то, что он регулируется и контролируется – управляется, в основном, средствами и механизмами *осознаваемого* плана. Это имеет как позитивные (в основном), так и негативные последствия для самого формирования деятельности. Вместе с тем, сама метадеятельностная организация, лежащая в основе саморегулируемости, выступает не только как «вторичная» деятельность, но и как вторичная *деятельность*.

---

<sup>76</sup> В свою очередь, это является частным случаем общего и имеющего множество проявлений механизма операндно-операторной обратимости.

Другими словами, она также строится на тех же самых принципах, которые присущи и первичной деятельности. Одними из важнейших среди них, как показано выше, являются механизмы субстанциональной и темпоральной системности. Однако в таком случае складывается следующая ситуация. Закономерности и механизмы, принципы и средства, атрибутивно присущие системности как таковой, начинают реализовываться *в отношении их же самих*. Системность выступает средством развития самой же себя, причем, представленной в одной и той же форме – в форме деятельности. Происходит уже не только «рефлектирование деятельности», но и «рефлектирование системности» порождается метасистемность как таковая.

В генетическом плане важность данного явления состоит в том, что с его позиций несколько в новом свете должен быть проинтерпретирован и общий характер генезиса деятельности. Он раскрывается уже не только как процесс, в котором реализована системность, то есть как нечто такое, в чем используются принципы системогенеза. Одновременно он предстает и в качестве процесса, в котором сами эти принципы (и системность как общий атрибут организации) также подвержены формированию. Они не даны исходно, а развиваются и трансформируются в его процессе. Причем, важным средством такого развития системности выступает она же сама. Системность, «оборачиваясь» сама на себя, порождает системность так сказать «второго» порядка, то есть метасистемность. Вместе с тем, такое «оборачивание» выступает, возможно, лишь первым шагом на пути ее качественных трансформаций, является лишь прецедентом. Не исключено, что могут происходить и дальнейшие трансформации, приводящие к становлению системности иных порядков сложности. На наш взгляд, именно этот наиболее общий механизм системной организации, суть которого состоит в качественной трансформации ее самой под влиянием механизмов ее же собственной организации, как раз и лежит в основе генезиса психических явлений и процессов, структур и образований. Вся эта – действительно, более сложная, но и более богатая содержанием и более близкая к реальности картина, адекватнее и полнее раскрывает истинный характер и содержание генетических трансформаций деятельности и психики в ней.

Вместе с тем, если справедлива многократно проявившаяся выше закономерность, согласно которой психика в своем развитии

«эксплуатирует» принципы и средства организации деятельности, то эта закономерность должна распространяться и на охарактеризованную выше «вторичную» системность. Другими словами, согласно данной закономерности, эта «вторичная» системность не просто транспонируется из деятельности в содержание психики в целом. Она же, по-видимому, выступает и генетически корнем – истоком и источником тех базовых принципов (не исключено – наиболее общих), на основе которых построена и психика в целом. Очень показательно, что именно это, действительно, и является очень характерным для организации психики в целом и ее высшего уровня – *сознания*, в особенности; поясним сказанное.

Атрибут саморегулируемости, базирующийся на охарактеризованном выше механизме «вторичной» системности, исходно – генетически первично складывается, как показано выше, именно в деятельности. Он объективно имеет *регулятивную* природу, а ведущую роль в нем играет детерминация именно деятельностного плана. Она столь же объективна, сколь объективна и сама деятельностная активность – начиная от ее элементарных проявлений и заканчивая зрелыми формами. Вместе с тем, этот – складывающийся исходно в деятельностной активности атрибут подчиняется общим закономерностям транспонирования принципов генезиса деятельности на организацию психики. Он выступает поэтому и как базовый, генетически первичный по отношению к ее организации. В результате этого он выходит за границы лишь регулятивной специфичности и обретает более общий характер, выступая в качестве феномена (и комплексного механизма) *самоорганизации*. Собственно говоря, самоорганизация – это и есть саморегуляция, взятая в ее высшей форме и на высшем ее уровне, когда «регулятор» и «регулируемое» (организатор и организующее) реализуются *одной и той же* сущностью. Наиболее полное и очевидное воплощение данный механизм и находит, как известно, в феномене сознания, в сознании как таком уникальном образовании, которое как раз и характеризуется, прежде всего, тем, что в нем возникает атрибут самопрезентированности, самосензитивности. Следовательно, можно констатировать, что генетически корнем самоорганизации как наиболее общего атрибута психики в целом и сознания, в особенности является то важнейшее свойство, которое исходно присуще именно деятельности. Оно носит

специфически деятельностный характер и представлено в комплексном механизме саморегулируемости. Этот механизм транспонируется на содержание психики в целом. Он претерпевает при этом закономерные качественные трансформации и выступает в своем итоговом виде как механизм (точнее – совокупность механизмов) *самоорганизации*.

По отношению к зрелой, сформированной психике все это, собственно говоря, и приводит, как было показано выше, к становлению в ее структуре метасистемного уровня. Он, в свою очередь, создает условия для того, чтобы стала возможной *объективация* психики самой же себе – в качестве некоторого оппозиционированного, условно внешнеположенного объекта. Психика обретает способность отнестись к самой себе как к целому, как к системе. Метасистемный уровень означает своего рода метаплоскость, с позиций которой оказывается возможной регуляция и воздействие на всю систему – психику в целом. Все это, повторяем, не только наиболее рельефно проявляется в феномене сознания, но и составляет его сущность. Становится возможным своеобразный выход за ее собственные пределы, а тем самым и становление атрибута самоорганизации. Зрелая, сформированная психика – благодаря сформированности именно метасистемного уровня, не только *базируется* на системных закономерностях, но и активно *использует* их же в отношении своей собственной организации в качестве *операционных средств*. Управлять собой и регулировать себя (то есть – саморегулировать) можно лишь в том случае, если существует средство для экспликации и затем использования тех закономерностей, на которых базируется организация психики. Однако сами они могут быть использованы именно как *средства* саморегуляции лишь в том случае, если сформирован метасистемный уровень как таковой.

Следовательно, и генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем – это не просто системогенез в его классическом понимании – как развитие системы. Он обязательно предполагает не только *формирование системы*, но и формирование *способностей* системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции. Другими словами, он означает и *развитие системности как механизма* этой регуляции. Именно этим генезис систем со «встроенным» метасистемным уровнем отличается от генезиса иных типов систем. Для его обозначения и было предложено понятие *метасистемогенеза*. В своем широком значении данное понятие фиксирует

общий генезис особого, качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Данное понятие, как показано выше, фиксирует такой специфический тип системного генезиса, который означает не только формирование и развитие системности как таковое, но и формирование *способности* системы использовать свои же собственные закономерности в качестве операционных средств саморегуляции – повторяем, развитие системности как механизма этой регуляции. Оно, свою очередь, обязательно предполагает и возможность использования системности в отношении *самой же себя* – как в плане генезиса, так и в плане организации. По отношению к деятельности он представлено в качестве становления и развития атрибута саморегуляции, а по отношению к психике в целом – в виде формирования и совершенствования атрибута ее самоорганизации. Причем, в контексте тех общих закономерностей, которые являются основным предметом рассмотрения в данном параграфе, наиболее показательно и характерно то, что второй из них во многом выступает как *генетически вторичный* по отношению к первому. В свою очередь, первый должен быть рассмотрен как генетический корень – как исток и источник для развития второго, равно как и постоянный стимул его совершенствования в ходе онтогенетической смены основных типов деятельности.

Представленные выше материалы позволяют, далее, сформулировать один из возможных вариантов наиболее сложного, а одновременно – и важного вопроса, связанного с раскрытием закономерностей и механизмов базового и во многом определяющего, фундаментального свойства психики – свойства *самопрезентированности*, самосензитивности. Оно феноменологически максимально полно и ярко эксплицируется в сознании как таковом, образуя одну из важнейших граней его качественной определенности. Для этого, однако, необходимо дополнить уже проанализированные материалы еще одной группой представлений теоретического плана. Они связаны со сложившимися в методологии системности представлениями о существовании трех базовых категорий *качеств* – материальных, функциональных и системных<sup>77</sup>. Эти категории исходно возникли, а затем длительное время разрабатывались и применяются в настоящее время по отношению

---

<sup>77</sup> Эти категории впоследствии еще станут предметом специального и достаточно развернутого анализа в главе 6.

фактически *исключительно* одному типу систем – к *субстанциональным* системам. Вместе с тем, как было подробно обосновано выше, наряду с субстанциональными системами, существует и еще один, столь же фундаментальный тип систем – *темпоральные*. Кроме того, основное внимание при их исследовании уделяется тому, каким образом на базе функциональных качеств возникают качества принципиально иного уровня, то есть системные качества. Однако, как было показано нами в работе [258], не меньшее значение, нежели генетически-порождающий переход функциональных качеств в системные, имеет и «обратная» трансформация – системных качеств в функциональные. Несмотря на то, что и темпоральная системность, и «обратный» переход системных качеств в функциональные изучены в настоящее время очень слабо, именно они играют определяющую роль в генезисе базового атрибута психики – свойства саморепрезентированности. Одновременно – и это также чрезвычайно показательно в контексте основных задач данной работы – *они* же критически значимы для объяснения сути структурно-функциональной организации деятельности в целом и игровой деятельности, в частности.

Действительно, эволюция системной формы организации привела к тому, что так сказать «прямой» механизм – механизм порождения системных качеств на основе функциональных был дополнен своего рода симметричным по отношению к нему механизмом. Это – механизм обратной трансформации системных качеств в функциональные. Общенаучный *принцип симметрии* оказывается тем самым реализованным и в самой системной форме организации как таковой, что еще раз подтверждает не только возможность и правомерность этой обратной трансформации, но и ее, фактически, *объективную необходимость*. Такого рода обратная трансформация имеет множество своих проявлений. Однако все они имеют принципиально общий смысл, состоящий в следующем. Тот или иной *результат*, достигаемый системой на как-либо интервале ее функционирования и характеризующий это функционирование именно *в целом*, не только может, но и должен быть проинтерпретирована как ее – системы именно *целостное* проявление и выражение, то есть как ее интегративное свойство – как *системное качество*. Однако, как было показано выше и в общем плане и на материале функциональной организации деятельности, ряд систем организован таким образом, что они могут использовать *результаты*

своего функционирования в качестве исходных *условий* и *средств* для него же, но на *последующих* интервалах его развертывания. Другими словами, результаты, представленные в виде системных качеств трансформируются в статус условий. Тем самым, однако, сами системные качества начинают использоваться в собственно *инструментальной* функции – как средства, то есть, фактически, они становятся собственно *функциональными качествами*. Вместе с тем, – и это, пожалуй, наиболее принципиально, подчеркнем следующее обстоятельство. Такая трансформация возможна только в том случае, если в системную форму организации обязательно включен новый параметр, если эта форма дополняется еще одним – не просто важным и базовым, но и фундаментальным механизмом, новым атрибутом. Это – включенность в нее параметра *времени*, временной «координаты» реальности.

Действительно, без и «вне» данной координаты обратная трансформация вообще невозможна, что объясняется следующим. То, что выступало системным качеством на каком-либо интервале, стадии, то есть в тот или иной момент времени, может становиться *затем*, то есть уже *принципиально* в другой момент функциональным качеством. Обратная трансформация – переход системных качеств в функциональные, как и любой иной *переход*, это всегда – именно *ход*, течение, процесс, временное развертывание, «бытие во времени». Тем самым, однако, можно видеть, что *субстанциональные* системы самой «логикой» своего эволюционного развития, то есть своим усложнением и совершенствованием порождают принципиально иной тип систем – *темпоральные*, временные посредством включения в первые самой временной координаты, параметра времени как такового. Посредством этого субстанциональная системность дополняется темпоральной, а действительно сложноорганизованные системы воплощают в своей организации оба этих типа системности. Они, не переставая, разумеется, быть субстанциональными системами, обретают еще и статус темпоральных систем. В представленных выше материалах как раз и было подробно обосновано, каким образом это происходит и по отношению к психике в целом, и по отношению к деятельности, в частности.

Далее, следует, конечно, иметь в виду, что с *содержательной* стороны, то есть в плане конкретных средств – реализаторов данного перехода он может характеризоваться глубокими различиями в каждом отдельном случае. Так, по отношению к организации де-

тельности он может иметь одно содержание, а по отношению к организации психики в целом – другое. Общность данного перехода, равно как и реализующих его организационных механизмов, состоят не в содержательном сходстве, а в инвариантности именно общих *принципов организации*. Они, в свою очередь, потому и являются общими, что выступают частными экспликациями темпоральной системности как таковой. Действительно, именно этот принцип и эта форма и является подобными в обоих случаях. По отношению к деятельности он представлен в охарактеризованном выше механизме «погружения результата в процесс». Он представляет собой трансформация содержательных характеристик системы из статуса ее *результативных* эффектов в статус *процессуальных* условий детерминант ее же собственного функционирования, то есть процессуальной организации. По отношению к организации психики в целом и ее процессуального содержания, в особенности, имеет место принципиально сходный механизм, но представленный в несколько более сложном виде. Действительно, в параграфе 3.3. было показано, что механизм операндно-операторной обратимости, лежащий в основе генезиса вторичных и «третьих» психических процессов может обеспечивать сензитивность не только к *результативной* стороне первичных психических процессов, но и их собственно *процессуальному* содержанию. Напомним, что его суть состоит в следующем. Первые, характеризуют результат функционирования системы в целом на каком-либо интервале времени, а потому являются именно обобщенными (результативными) его характеристиками, то есть его системными качествами. Однако, они же, но на иных – последующих этапах фиксируются системой и используются как операционные средства его дальнейшей функциональной организации. Тем самым они начинают выступать уже как собственно функциональные качества.

Сказанное можно проиллюстрировать следующей, хотя по необходимости упрощенной, но показательной схемой (напомним, что данный вопрос уже был частично рассмотрен в разделе). Допустим, на каком-либо интервале функционирования ( $t_1$ ) система, состоящая из  $n$  компонентов, достигла в результате их интеграции некоторого результата. Он, будучи именно итоговым, результативным эффектом функционирования системы, в принципе несводим к аддитивной совокупности изначально включенных в интеграцию компонентов, а ха-

рактирует новые – атрибутивно системные качества. Вместе с тем, как неоднократно подчеркивалось выше, процесс функционирования сложных систем потому и является именно процессом, то есть организованным во времени функционированием, что общий – конечный результат не может быть получен в общем случае «за один раз», посредством так сказать «однократной» интеграции ее компонентов. Напротив, он может быть получен через целый ряд – через организованное множество, то есть скоординированную последовательность такого рода парциальных интеграций. Это означает, следовательно, что на следующем интервале функционирования ( $t_2$ ) достигнутый на предыдущем этапе парциальный результат и характеризующие его системные качества, начинает использоваться системой уже в качестве одного из условий, в качестве одного из операционных, функциональных средств. Этот результат распознается системой и фиксируется ей, а затем используется ей в качестве просто еще одного компонента, составляющего общее содержание процесса, но на новом «такте итерации» – разворачивания этого процесса.

Наиболее непосредственные референты сказанного представлены именно по отношению именно к психике. Это – прямая воспринимаемость именно результата, содержания того или иного процесса, но и столь же принципиальная «скрытость» многих иных его сторон и механизмов. Тем самым результат транспонируется в содержание системы, выступая в качестве еще одного ее компонента. База интеграции расширяется и включает уже  $(n + 1)$  компонент, что объективно требует новой интеграции, которая, соответственно, приводит к новому результату. Далее аналогичные по своей сути трансформации могут многократно повторяться. Это происходит до тех пор, пока интеграция все более обогащающихся компонентов системы не станет достаточной для реализации ее конечной цели функционирования.

Следовательно, можно видеть, что сама суть функциональной организации сложных систем, позволяющая обрести ее черты необходимой организованности, то есть выступить в собственно процессуальной форме, обязательно и объективно предполагает наличие двух взаимосвязанных механизмов. Первый – это механизм транспонирования результатов процесса, достигаемых на том или ином этапе его разворачивания, в его содержание и в его условия и их использование в качестве операционных средств, но уже на последу-

ющих этапах. Из статуса «следствий» (результатов) они трансформируются в статус «причин» (детерминант). Второй – это механизм трансформации системных качеств в функциональные, суть которого состоит в способности системы использовать первые в роли вторых. Кроме того, эти два механизма не только не являются автономными, но, напротив, теснейшим образом взаимосвязаны. Более того, именно механизм трансформации системных качеств в функциональные как раз и выступает, по всей вероятности, основой для трансформации парциальных результатов процесса в само содержание этого процесса. Это – основа для порождения им же самим все новых условий, средств, посылок для его же собственного развертывания.

На основе проведенного анализа можно сделать, заключение, непосредственно связанное с целью основного, рассматриваемого здесь вопроса. Действительно, этот анализ вскрыл существование механизма трансформации системных качеств в функциональные. Он не только имеет место, но и составляет основу функциональной организации систем. На его основе системы обретают принципиально новое свойство, новую способность – сензитивность к своим же собственным системным качествам. Она означает их «восприимчивость» и последующее использование этой категории качеств как операционных средств функциональной организации. Именно оно и лежит, на наш взгляд, в основе базового атрибута психики – свойства ее самопрезентированности и самосензитивности, феноменологически проявляющемся в сознании как таковом.

В связи со сказанным, далее, возникает еще один – принципиальный вопрос, имеющий наиболее непосредственное отношение основным задачам проводимого здесь анализа. Если две отмеченные выше экспликации единого и, по-видимому, базового, фундаментального механизма организации психики и деятельности, действительно, существуют, то какой из двух его модусов является первичным – генетически исходным? Вообще, в каких отношениях, в том числе – *генетических* они находятся между собой? При такой постановке проблемы, точнее при такой – очень детализированной и конкретизированной степени ее операционализации ее решение представляется уже достаточно очевидным.

Действительно, есть все основания считать, что первичным является именно деятельностный модус указанного механизма, а вся бога-

тейшая феноменология общей и генетической психологии убедительно подтверждает это. Именно деятельность в целом и основные принципы ее структурно-функциональной организации являются, как показано выше, максимально полным и явным, а в то же время – и достаточно простым и даже так сказать «прозаическим» воплощением данного принципа. Более того, в ней он воплощен не только максимально полно, но и представлен, по существу, в наименее сложном из всех возможных виде. Он тем самым максимально адаптирован к тому, чтобы быть «распознанным» и «уловленным» психикой уже на самых ранних этапах ее онтогенетической эволюции, в том числе – и тогда, когда многие иные ее структуры и механизмы еще просто отсутствуют. Именно деятельностный модус данного механизма является поэтому *генетически первичным*. И именно поэтому временная, темпоральная системность возникает и первоначально формируется во внешней активности в целом и деятельностной организации активности, в особенности (прежде всего, в игре). Вместе с тем, возникнув и будучи распознанной, эта темпоральная системность – именно как процессуальное средство – попадает под действие одной из наиболее фундаментальных закономерностей психики: она *обобщается* и на иные ее «составляющие», сферы, модусы, а также на ее организацию *в целом*. Тем самым, возникая исходно во внешнем – деятельностном плане, темпоральная системность транспонируется и во внутренний план. Она переносится на организацию психики в целом и на ее наиболее интегративное образование – сознание. Таким образом, с указанных позиций и оно в целом, и его наиболее «таинственный» атрибут (самосензитивность) во многом просто перестают быть такими загадочными<sup>78</sup>. Они выступают как естественные и необходимые следствия – как результаты транспонирования на организацию психики тех атрибутов внешней активности, которые имеют очень «прозаический» и в принципе относительно несложный характер. Именно эта внешняя активность, начиная

---

<sup>78</sup> Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим, что рассматриваемый механизм имеет и еще более общую сферу своего действия. Более того, как будет показано в параграфе 6.3.1, он во многом обеспечивает возможность, пожалуй, наиболее сложного и до сих пор во многом непонятого атрибута психического – свойства *идеальности*; он позволяет раскрыть, каким образом формируется как само это свойство, так и сензитивность к нему.

последовательно во все большей степени вбирать в себя – строиться в соответствии с темпоральной системностью, тем самым и обеспечивает формирование базового и фундаментального механизма – механизма трансформации системных качеств в функциональные.

Он, далее, генерализуясь и транспонируясь на организацию психики в целом, переходит – как это обычно обозначается – во внутренний план. Тем самым он в еще большей степени содействует раскрытию того, в чем же именно состоит во многом непонятное пока явление интериоризации. Необходимо обратить внимание и на то, что сама темпоральная организация и темпоральная системность могут складываться и развиваться во внешней активности лишь в том случае, если последняя, действительно, во все большей степени становится упорядоченной, скоординированной, целеобусловленной и целенаправленной и т. д. Другими словами, темпоральная системность может складываться лишь в том случае, если исходно спонтанная и хаотичная поведенческая активность будет обретать противоположные черты – целенаправленности, организованности, системности и т. д. Но это, фактически, тождественно трансформации «просто» поведенческой активности» в деятельностную форму организации, в деятельность как таковую. Отсюда, однако, следует важнейшее, на наш взгляд, заключение, суть которого состоит в следующем. Все указанные выше средства и механизмы, все трансформации принципиального плана, приводящие в итоге к возникновению атрибута самопрезентированности психики и феномена сознания объективно возможны лишь при условии того, что сама игра трансформируется в игровую *деятельность*. Лишь становясь деятельностью (пусть и в достаточно элементарном виде) игровая активность обретает черты временной организации, а постепенно – и темпоральной системности. И именно это обстоятельство объясняет, почему именно игровая форма организации поведенческой активности оказывается *достаточной* для возникновения сознания в онтогенезе. Более того, с этих позиций их возникновение эксплицируется как совершенно естественное и необходимое следствие эволюции организации самой внешней поведенческой активности, исходно представленной в форме игры.

Наряду с этим, указанные генетические трансформации имеют и еще один – значимый, на наш взгляд, аспект. Как показано выше, в основе обретения внешней активностью собственно деятельностной формы лежит то, что эта активность во все большей степени

начинает строиться на базе совершенно определенной совокупности процессуальных средств – интегральных процессов психической регуляции поведения деятельности; они образуют рассмотренный *общерегулятивный инвариант*. Он обладает, наряду, естественно, со многими иными свойствами и особенностями двумя очень важными атрибутами. Во-первых, он характеризуется тем, что в нем очень полно и явно представлена временная организация – собственно темпоральная системность. Собственно говоря, он сам и является одним из конкретных по содержанию, но общих по смыслу и сфере действия средств ее обеспечения по отношению психической регуляции деятельности. Во-вторых, те свойства (точнее, атрибуты), которые являются основными по отношению к сознанию, во многом и складываются, а затем – становятся очень характерными и для данного инварианта процессуальных средств. Тем самым, реализуясь во все более полном виде в организации поведенческой, а затем деятельностной активности, именно этот инвариант во многом и обеспечивает формирование базовых атрибутов самого сознания в целом. Темпоральная системность и атрибутивная сущность сознания вновь эксплицируют свою глубинную связь. И именно через эту связь вновь обнаруживается решающая роль игры, а затем – и игровой деятельности в генезисе темпоральной организации (а затем – и темпоральной системности), в возникновении и формировании сознания в целом и его базового атрибута (идеальности), в особенности.

Наконец, отметим и еще одно обстоятельство также итогового, резюмирующего плана, состоящее в следующем. Так, анализ процессуального содержания психики и деятельности, а также закономерностей его генезиса, привел в итоге – через ряд переходных фаз – к феномену *сознания* как высшей интегративной целостности организации всей системы психических процессов. В качестве таких фаз выступают стадии развития первичных, вторичных психических процессов (как метакогнитивных, так и интегральных), а также генезис рефлексии как «третичного» психического процесса. Однако, и другая линия анализа, связанная с деятельностным «измерением» генетических трансформаций, также приводит к необходимости формулировки аналогичного вывода. Дело в том, что главным – магистральным направлением и сутью этого поведенческого генезиса является трансформация *игры* в игровую *деятельность*, то есть об-

ретенение первой черт и закономерностей собственно деятельностной организации (прежде всего, – транспонирования на нее регулятивно-го инварианта). Таким образом, обе эти линии в совокупности приводят к становлению и развитию двух наиболее обобщенных «составляющих» субъективной реальности – сознания и деятельность.

Вместе с тем, именно в данном пункте анализа необходимо, на наш взгляд, возвратиться к его исходным фазам. Напомним, что он в целом был сконцентрирован на одном, но важнейшем аспекте функционально-генетической организации игровой деятельности – ее временной, *темпоральной* организации. Кроме того, необходимо учитывать, что *общая* функциональная организация включает и иные – также основные аспекты. Во-первых, это аспект, связанный с изучением результативных эффектов, к которым приводит само функционирования – функциональных новообразований. В них «кристаллизуются» закономерности и содержательные особенности самого процесса функционирования (иногда для их обозначения используется понятие «функциональных органов» системы). Во-вторых, это аспект, связанный с выявлением и интерпретацией состава, содержания и специфики системы тех закономерностей, по которым функционирует объект исследования, то есть его собственно *функциональных закономерностей*.

Однако, очень закономерно, что эти основные аспекты получают свое вполне естественное объяснение с позиций тех результатов, которые получены именно в наиболее общем плане – временном. И основные новообразования, и базовые закономерности организации психики, взятые в их специфичности, как раз и являются следствиями – вторичными по отношению к формированию двух указанных целостностей – деятельности и сознания. Действительно, с одной стороны, сама деятельностная форма поведения, возникающая и развиваясь в игре (через придание ей черт игровой *деятельности*) под детерминирующим воздействием внутренних – аутохтонных закономерностей психики, затем сама начинает выполнять аналогичную – генеративно-порождающую роль в отношении ее же структур и образований. Тем самым, формирование деятельности (игровой) вступает своего рода макросредством, через которое происходит формирование основных психических новообразований. С другой стороны, сама суть и истинная специфичность собственно психоло-

гических закономерностей состоит в том, что они допускают «вмешательство» в них субъектного, а значит – и субъективного контроля. Они сами становятся поэтому подверженными действию самих же себя; в результате этого возникают «закономерности трансформации закономерностей», то есть те варианты, по которым субъективные факторы могут видоизменять «первичные» закономерности. Другими словами, возникает новая – дополнительная категория самих психологических закономерностей – *метазакономерности*.

Тем самым, и деятельность, и сознание раскрываются в еще одном своем – причем, *общем* для них модусе – в качестве своеобразного инструментального (точнее – макроинструментального) средства генезиса психики и личности. Формируясь как закономерные *продукты* онтогенеза, они сами начинают выступать как *факторы* и комплексные детерминанты, как системы средств и механизмов, то есть как *основа* его дальнейшего развертывания. Формируясь в онтогенезе, сознание и деятельность, затем сами в известной степени управляют этим формированием. Решающую роль при этом выполняют те трансформации генетического плана, которые сопряжены именно с игровой деятельностью, а также ее развитием.

#### **5.4.2. Генезис основных принципов системной формы организации в игровой деятельности**

Вся совокупность представленных выше материалов позволяет сформулировать еще одну группу положений, носящих, преимущественно, обобщающий характер и раскрывающих наиболее глубокие аспекты функциональной организации деятельности – в том числе и игровой, а также закономерности ее генезиса. Подчеркнем, что все эти материалы исходно были получены при реализации одного из основных гносеологических планов – функционального. Причем, такая реализация была произведена выше не столько в целом, сколько в его объективно *главном* и определяющем аспекте. Он связан с выявлением и интерпретацией закономерностей временной – темпоральной организации изучаемого предмета. В результате были сформулированы представления об особой типе системности (темпоральной) и, соответственно, о качественно специфическом классе систем – временных, темпоральных. С этих позиций становится

очевидным, сто общая функциональная организация деятельности включает в себя системные механизмы двух основных типов.

Во-первых, – это те организационные средства, которые присущи именно *содержательной*, то есть субстанциональной организации деятельности. Другими словами, на организацию деятельности транспонируется первый из двух основных типов системности – *субстанциональная*.

Во-вторых, – это временная, то есть темпоральная организация также атрибутивно присущая деятельности. Психика все более полно «вбирает» в себя и второй основной тип системности – *темпоральную*. В результате этого те базовые особенности и закономерности, которые присущи деятельности как системе временного, темпорального типа (и которые составляли предмет развернутого анализа в разделе), все более полно и последовательно транспонируются также и на организацию психики. Психика использует не только *субстанциональную* системность, заложенную в деятельности, но и системность *темпоральную*, также атрибутивно присущую деятельности.

Далее, очень показательно и то, что все эти – атрибутивно системные закономерности и механизмы не даны так сказать в готовом виде, а проходят достаточно сложный и внутренне дифференцированный процесс их становления, а затем формирования и развития. Именно это, собственно говоря, и составляет один из важнейших аспектов общего системогенеза деятельности и психики на ранних фазах онтогенеза. Более того, как уже неоднократно отмечалось выше, генезис именно игровой деятельности достаточно специфичен по отношению к генезису двух других – основных типов деятельности (учебной и трудовой). Эта специфика состоит, прежде всего, в том, что в его ходе формируется не какая-либо ее «жесткая» структура и тем более – не ее психологическая *система*. В ней складывается (и даже – *закладывается*), а впоследствии и развивается сама *структурность*, а затем – и *системность* как форма организации ее психической регуляции. Суть генезиса игровой деятельности, а затем и «вместе с тем» – и важнейших психических образований и структур состоит в том, что формируется именно *системность как форма организации*, которая впоследствии – на других фазах онтогенеза выступит основой для организации многих иных образований и структур, а также и для организации иных типов деятельности. Это – формирование *системности*

как комплексного средства, как формы организации, которая в дальнейшем обеспечит полноценное формирование «истинных» систем – психологических систем учебной и трудовой деятельности. Потому по отношению к игровой деятельности точнее было говорить не столько о системогенезе (как процессе генезиса системы), а о *системногенезе* (как процессе генезиса самой системности в качестве универсальной формы организации в целом). Кроме того, все представленные выше материалы как раз и позволяют наполнить данное – общее заключение конкретными закономерностями и механизмами, особенностями и феноменами. Они показывают, как конкретно в процессе генезиса игровой деятельности происходит формирование самой системности – как универсальной формы организации. При этом определяющую – основную роль играют, как, впрочем, это и «положено» на основе даже их этимологического смысла, – именно те *принципы*, которые и составляют основу самой системности как универсальной формы организации (и деятельности, и психики)<sup>79</sup>.

Действительно, развитие представлений о темпоральной системности по отношению к деятельности, в том числе – и игровой, а также к ее генезису своей *собственной* логикой с необходимостью требует обращения к одному из основных механизмов (и принципов) системной организации в целом – *иерархичности*. Другими словами, со всей очевидностью эксплицируется положение достаточно общего и принципиального плана, состоявшее в том, что и темпоральная системность (а соответственно, – и темпоральные системы) также базируются на закономерностях и механизмах иерархии, а в их развитых и *сформированных* проявлениях находит свое воплощение структурно-уровневая организация. Очень характерно и то, что и *процесс* их формирования также с необходимостью эксплицируется как становление и развитие закономерностей и механизмов темпоральной системности в целом и ее структурно-уровневой организации, в частности. Однако, еще более характерно и специфично относительно ранним фазам онтогенеза (тем, которые и соотносятся с генезисом игровой деятельности) то, что на них складывается,

---

<sup>79</sup> Подчеркнем еще раз, что сам термин «принцип» (от лат. «principium») как раз и имеет в качестве своего основного этимологического смысла «основу», «основной».

а затем – совершенствуется и развивается не структурно-уровневая, то есть *иерархическая* организация той или иной конкретной системы, а именно *иерархичность* как общий *принцип* организации систем. Тем самым, функциональный аспект генезиса деятельности – и в плане ее субстанциональной характеристики, и в плане ее темпоральной организации с необходимостью приводит к принципу иерархии, точнее – к закономерностям его возникновения и становления, формирования и экспликации в структурной организации деятельности.

Далее, очень показательно, что, наряду с принципом иерархичности, в ходе генезиса игровой деятельности – хотя пока и в несколько менее выраженной форме, складывается и еще один важнейший принцип, лежащий в основе системной формы организации в целом, – принцип *гетерархичности*. Конкретным по содержанию, но очень общим по смыслу и сфере действия механизмом такого формирования вновь выступает развитие и совершенствование особого, качественно специфического класса психической регуляции деятельности – интегральных процессов. Дело в том, что одной из основных закономерностей, которая присуща им, но обнаруживается не у каждого из них по отдельности, а характеризует их общую организацию, является то, что вся их совокупность как раз и организована на основе данного принципа. Действительно, среди них, как уже отмечалось выше, нельзя выделить какой-либо один процесс, устойчиво находящийся «на вершине» иерархии регулятивной подсистемы. Любой из интегральных процессов в зависимости от конкретной ситуации может становиться ведущим и организовывать в целях своей реализации все иные интегральные процессы, соподчинять их себе. Показательно и то, что смена интегральных процессов на ведущем уровне происходит достаточно естественно, зависит от складывающейся ситуации, от содержания и условий конкретной деятельностной и поведенческой задачи. Все это, как можно считать, свидетельствует о том, что организация интегральных процессов подчиняется не иерархическому, а иному – *гетерархическому принципу*. Он, как известно, характеризуется возможностью гибкого и динамичного перераспределения, смены «управляющих центров» в зависимости от конкретной ситуации, а также – наличием нескольких паритетных управляющих центров одновременно. В силу этого, *через* формирование системы интегральных процессов в организацию и психики, и деятельности «проникает»

еще один важнейший принцип, лежащий в основе системной формы организации как таковой – принцип гетерархичности.

Вместе с тем, очень показательным и то, что становление двух общесистемных принципов (иерархичности и гетерархичности) является, хотя, разумеется, и крайне значимым, но еще не исчерпывает всех аспектов функциональной организации систем, эксплицируемых «сквозь призму» понятия темпоральной организации. Наряду с ним, в ходе генезиса темпоральной системности (и темпоральных систем) – а особенно в ходе онтогенетического развития деятельности (прежде всего, разумеется, игровой) происходит становление и развитие еще одного – аналогичного по статусу, то есть также общесистемного принципа – принципа *целевой детерминации*. Не только *субстанциональные*, но – причем, в еще более явном и эксплицированном виде – *темпоральные* системы также предполагают его формирование и развитие в своей общей организации (точнее – именно как средство этой организации). Цель выступает системообразующим фактором не только по отношению к системам субстанционального типа, но и по отношению к темпоральным (временным) системам. Характерно и то, что степень полноты и совершенства – развитости и действенности данного принципа также закономерно меняется и прогрессивно возрастает по мере и онтогенетического развития как такового, и развития форм и видов самой игровой деятельности. При этом следует учитывать также, что данный принцип и системная форма организации как таковая являются, как известно, вообще в значительной мере взаимополагаемыми и взаимообусловленными.

Следовательно, со всей очевидностью вскрывается обстоятельство еще более принципиального плана, которое выше было констатировано и по отношению к принципу иерархичности. Оно состоит в том, что на этапе доминирования игровой деятельности – «в ее недрах» данный принцип не только и не просто действует, а именно *складывается* – возникает и формируется, развивается и совершенствуется. Само же это складывание и развитие как раз и составляет еще одну (не исключено, – важнейшую) грань становления системности как формы организации психики и деятельности в целом. Иными словами, приходится констатировать то же самое обстоятельство, которое явилось следствием анализа и предыдущего принципа (иерархичности). На ранних этапах онтогенеза, на которых ведущим типом деятельности

является игра, данный принципа не просто действует, а цель не только выполняет свои функции в качестве системообразующего фактора; он – этот принцип именно возникает и получает свое первоначальное развитие, а затем – и совершенствование. Формируется не только целеобразование как таковое, но и сама *способность* к нему. Складывание и эволюция данного принципа, в свою очередь, составляет, в свою очередь, важную грань становления и развития системности как общей и основной формы организации психики и деятельности. При этом еще раз подчеркнем, что данный вывод с необходимостью вытекает из логики анализа именно временной системности, из особенностей и закономерностей собственно темпоральной организации деятельности. Если традиционно понятие целеобразования, равно как и принцип целевой детерминации (а также функция цели как системообразующего фактора) соотносятся лишь с содержательной – субстанциональной системностью, то теперь – в свете результатов проведенного выше анализа – они с необходимостью должны быть транспонированы и на собственно темпоральную системность. Наконец, отсюда же следует, что не только становление и развитие, но и возникновение принципа целевой детерминации по отношению именно к темпоральной организации также выступает еще одной гранью общего процесса системогенеза деятельностной формы активности.

Показательно, что проведенный выше анализ особенностей и закономерностей именно *темпоральной* организации и системности как формы организации позволил раскрыть критически значимую роль еще одного – достаточно общего принципа этой организации. Причем, данный принцип опять-таки сущностно, атрибутивно связан именно с темпоральной системностью и является, фактически, ее alter ego. Речь, разумеется, идет о таком важнейшем и определяющем принципе, лежавшем в основе системной формы организации в целом, как принцип *обратной связи*, точнее – обратнотсвязевой регуляции. Обычно и данный принцип также, в основном (или даже полностью) соотносятся лишь с содержательно-структурной – субстанциональной системностью. Однако, совершенно очевидно, что он может быть реализована лишь в том случае, если сама система воплощает в своей организации и особенно в своем функционировании еще один базовый принцип (и механизм) – принцип *итеративности*, множественной повторяемости, цикличности. Лишь

при условии итеративности функциональной организации сам принцип обратной связи может реализовывать свои основные – контрольные и коррекционные функции. Лишь в этом случае функционировании систем обретает характер замкнутости и «кольцеобразности». Лишь в этом случае их функционирование трансформируется из «просто» повторения в известную организацию по типу «повторения без повторения» – со всеми вытекающими отсюда и также хорошо известными последствиями (Н. А. Бернштейн [76]). Наконец, лишь в этом случае функционирование систем обретает, наряду с атрибутом *целенаправленности*, еще и атрибут *целедостигаемости*.

Одновременно, «на фоне» всех этих – достаточно общих и важных, а одновременно и вполне очевидных обстоятельств представляется еще более парадоксальным и не вполне естественным, что они явно недостаточно эксплицированы по отношению именно к темпоральной организации систем, по отношению к атрибутивной взаимосвязи принципа итеративности и темпоральной организации как таковой. Более того, если принцип целевой детерминации и *субстанциональная* системность – это, как отмечалось, своеобразные alter ego друг друга, то и принцип итеративности и сама темпоральная системность в целом это также alter ego друг друга, но по отношению уже к временной организации систем. Наконец, подчеркнем, что и этот принцип не дан – не предзадан так сказать сразу и полностью. Напротив, он также подвержен и первоначальному складыванию, и достаточно развернутому развитию в большом диапазоне его содержательных и функциональных характеристик. Другими словами, на относительно ранних этапах онтогенеза, на которых, собственно говоря, и доминирует игровая деятельность данный принцип (равно как и два других, уже рассмотренных принципа – иерархичности и целевой детерминации) не только и не просто действуют, а именно *складываются* и формируются. Само же это складывание и формирование данного принципа составляет еще одну грань *генезиса системности* (причем, не только и даже – не столько субстанциональной, но и темпоральной) на относительно ранних фазах развития деятельности формы активности в целом.

Далее, в свете результатов проведенного выше анализа сходные по смыслу выводы должны быть сделаны и по отношению к еще одному – быть может, наиболее общему и важному принципу организа-

ции систем в целом, как и системной формы организации как таковой. Известно, что в качестве такового обычно трактуется способность к *самоорганизации*, принцип самоорганизации, саморегуляции. Причем, он, конечно, не рядоположен другим принципам – в том числе даже таким общим, которые были рассмотрены выше, а выступает в качестве принципа еще более высокого уровня обобщенности. Дело в том, что он сам в значительной мере базируется на них, точнее – выступает продуктом их интеграции – совместного (и, добавим, синергетического) действия. Вместе с тем, трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что данный принцип вообще может существовать и «работать» лишь в том случае, если в организации систем воплощена еще более имплицитная – глубинная, но и фундаментальная закономерность. Это – подробно рассмотренная выше способность систем использовать *результаты* своего же собственного функционирования, достигаемые на тех или иных его этапах, в качестве *условий* и факторов – детерминант это функционирования, но на его последующих этапах. Другими словами, это – способность к *трансформации* результатов в процесс; способность не только к использованию, но и к накоплению – аккумуляции результатов своего же собственного функционирования. На определенном уровне эволюции системная форма организации делает качественный скачок. Системы не только приводят к тем или иным результатам», но и обретают способность к распознаванию возможности их использования в целях своего же развития, генезиса. В предельно отчетливом и рельефном виде это как раз и представлено по отношению к деятельности. Деятельность продуктивна и конструктивна не только в плане обеспечения посредством нее тех или иных *внешних* результатов и эффектов. Она обладает аналогичным потенциалом и в отношении так сказать *внутреннего результат* – в плане «самостроительства», самогенезиса. Она, метафорически выражаясь, обладает не только внешней инструментальностью, но еще и «самоинструментальностью». Все эти особенности и атрибуты с необходимостью вытекают из наиболее общего принципа системной формы организации – принципа самоорганизации. Причем, – даже не только и не столько вытекают, сколько развивают и углубляют его содержание. Очень важно и то, что все эти связи и детерминационные отношения между ними с наибольшей очевидностью проявляются именно в ходе анализа именно темпоральной организации систем.

Наконец, по отношению и к данному принципу имеет место та же самая – наиболее общая закономерность, которая уже была установлена к трем рассмотренным принципам. Она состоит в том, что данный принцип не просто действует на том онтогенетическом интервале, на котором ведущим типом деятельности является игра, но именно *складывается* на нем. В свою очередь, его складывание и лишь затем – развитие и совершенствование выступает еще одной – очень важной гранью возникновения и развития самой *системности* как формы организации. Он не просто и не только «реализуется» в построении и организации тех или иных систем, но сам еще только складывается и эволюционирует.

Таким образом, можно видеть, что анализ темпоральной системности как формы организации с необходимостью приводит к экспликации очень важной и, более того, атрибутивной роли в функциональной организации систем пяти базовых принципов (иерархичности, гетерархичности, итеративности, обратной связи, самоорганизации). Причем, наиболее важно то, что все они не только и не просто действуют, воплощаются, лежат в основе и пр. временных систем и темпоральной системности, но сами возникают – складываются, а затем – совершенствуются на ранних этапах онтогенеза, на которых, собственно говоря, и доминирует сама игровая деятельность. Тем самым, генезис этой деятельности раскрывается и как своеобразное «горнило», в котором «выплавляются» сами эти принципы как основные атрибуты системной формы организации в целом. Они, находясь в основании генезиса игровой деятельности, сами складываются и развиваются «в» и «через» этот генезис. Генезис игровой деятельности выступает с этих позиций и в качестве генезиса самой *системности* как формы организации.

В генетическом плане значимость охарактеризованных выше закономерностей обусловлена еще и тем, что с их позиций несколько в новом свете должен быть проинтерпретирован *общий* характер генезиса деятельности. Он раскрывается уже не только как процесс, в котором реализована системность, то есть как нечто такое, в чем используются принципы системогенеза. Одновременно он предстает и в качестве процесса, в котором сами эти принципы (и системность как общий атрибут организации) также подвержены формированию. Они не даны исходно, а развиваются и трансформируются в его процес-

се. Причем, важным средством такого развития системности выступает она же сама. Системность, «оборачиваясь» сама на себя, порождает системность так сказать «второго» порядка, то есть метасистемность как таковую. Вместе с тем, такое «оборачивание» выступает, возможно, лишь первым шагом на пути ее качественных трансформаций, является лишь прецедентом. Не исключено, что могут реализовываться и дальнейшие трансформации, приводящие к становлению системности иных порядков сложности. На наш взгляд, именно этот наиболее общий механизм системной организации, суть которого состоит в качественной трансформации ее самой под влиянием механизмов ее же собственной организации, как раз и лежит в основе генезиса психических явлений и процессов, структур и образований. Вся эта – действительно, более сложная, но и более богатая содержанием и более близкая к реальности картина, адекватнее и полнее раскрывает истинный характер и содержание генетических трансформаций деятельности и психики в ней.

Далее, на основе представленных в параграфе 4.5. материалов необходимо, на наш взгляд, формулировать и еще одно заключение обобщающего плана, состоящее в следующем. Проведенный в нем анализ показал, что главным – магистральным направлением самой функциональной организации в целом является все более полное и действенное воплощение в ней закономерностей и принципов собственно темпоральной, временной организации, а в наиболее развитых проявлениях – и темпоральной системности. Однако тем самым и функционирование во все большей степени обретает черты и закономерности собственно системной формы организации, взятой в ее темпоральном модусе. Функционирование во все большей степени вбирает в себя атрибуты системной организации; оно во все большей степени обретает черты упорядоченности и организованности – прежде всего, конечно, временной. Вместе с тем, суть дела в том и заключается, что *через* все это само *функционирование* качественно трансформируется и обретает все атрибутивные характеристики собственно *процессуальной* организации. Собственно говоря, сама процессуальная организация – это и есть функционирование, подвергнутое организации и упорядочиванию – в том числе и, прежде всего, именно временной, темпоральной. Сама процессуальность – то и есть функционирование, обогащенное системно-организационными средствами, принципами и механизмами.

Другими словами, можно видеть, что само понятие *процесса* в его строгом и непосредственном смысле как раз и фиксирует в себе, прежде всего, собственно системную форму организации, но взятую в ее темпоральном модусе. Несколько схематизируя, можно сказать и так: процесс – это и есть наиболее общая экспликация систем темпорального типа; процессуальность – это и есть временная системность «в действии». Процесс – это и есть система темпорального типа<sup>80</sup>. Тем самым, можно видеть, однако, что логика проводимого здесь анализа темпоральной системности с необходимостью подводит и требует обращения к одному из важнейших общенаучных понятий – к понятию *процесса*. Причем, очень важно и то, что данное понятие имеет особую, можно сказать исключительную и беспрецедентную по значимости роль именно по отношению психологической проблематике. Эта роль, а также основные направления конкретизации данного – общего понятия по отношению к психологической проблематике уже были рассмотрены нами в параграфе 3.4. В связи с этим, можно сказать и так: *функциональная* организация «в лице» темпоральной системности и *через* нее трансформируется в *процессуальную* организацию; функционирование обретает черты процессуальности как конкретной по смыслу, но предельно общей по сфере действия формы организации. Собственно говоря, вся грандиозная по объему и масштабу, по разнообразию и сложности картина *психических процессов* и есть не что иное, как система психических *функций*, обогащенных принципами и закономерностями темпоральной системности и, следовательно, обретших атрибуты собственно *процессуальной* организации.

Далее, при исследовании деятельностных закономерностей генезиса процессуальной организации как специфически временной по своим принципам необходимо учитывать сформулированные выше представления о *единстве* генезиса структурно-уровневой организации деятельности в ее собственно субстанциональном и темпоральном (временном) плане. Кроме того, необходимо обязательно учитывать и то, что *определяющую* роль в обоих этих планах играет общая для них «единица» – *действие*. Вместе с тем, именно учёт

---

<sup>80</sup> Напомним в данной связи, что необходимо дифференцировать два основных значения общего понятия процесса – широкое и узкое. Они – и в целом, и в плане их дифференцирующих признаков были рассмотрены в параграфе 4.3.

этих двух положений позволяет эксплицировать следующее – очень важное обстоятельство, которое в значительной степени содействует решению данной задачи в целом. В самом деле, как известно, именно эта структурная «единица» – действие выступила исходным и наиболее ранним предметом конкретных исследований (как профессионально-графических, так и экспериментальных) в концепции системогенеза. Вполне закономерно поэтому, что именно по отношению к ней все принципы, характерные для данного типа развития, оказались эксплицированными и относительно раньше всего, и в наиболее полной степени. В особой степени это относится, в частности, к той мере, с какой в генезисе действий и их совокупности воплощены такие базовые системогенетические принципы, как принципы *неравномерности* и *гетерохронности* [605]. Кроме того, как показали дальнейшие исследования, выполненные в русле данной концепции, в генезисе действий оказались воплощенными и практически все иные системогенетические принципы. Вместе с тем, поскольку действия являются базовой «единицей» не только субстанциональной – содержательной организации деятельности, но и в еще большей степени и ее временной организации, то *они же* – эти принципы характеризуют и генезис деятельности в качестве системы темпорального типа. Генезис содержательного и временного аспектов действий (и деятельности в целом), как мы уже подчеркивали выше, неразделим; они выступают двумя сторонами единого целого, взаимополагают и взаимодетерминируют друг друга.

Таким образом, уже это *само по себе*, то есть воплощенность в генезисе действий принципов системогенеза, строго говоря, дает не только необходимые, но и *достаточные* основания для того, чтобы считать сформулированные выше представления верифицированными. Действительно, с одной стороны, действие, как показано выше, является и основным собственно временным компонентом деятельности, проинтерпретированной в качестве системы темпорального типа. Но, с другой стороны, как было установлено в концепции системогенеза уже на ранних этапах ее развития, именно на уровне действий (так сказать в их «пространстве») соблюдаются основные принципы системогенеза как такового. Следовательно, синтезируя два эти – доказанных положения, можно сделать следующий – вполне обоснованный вывод. Формирование самой деятельности и как

системы темпорального типа также с полным правом может быть рассмотрено как одна из разновидностей системогенеза.

Вместе с тем, очень показательным и то, что принципы неравномерности и гетерохронности по отношению к временному аспекту генезиса деятельности имеют и дополнительные значимые проявления, новые существенные особенности. Так, в частности, было показано, что отчетливая неравномерность и гетерохронность присуща динамике не только качественных параметров действий, но и их количественных – скоростных, то есть, фактически, собственно *временных* параметров [605]. Тем самым, эти принципы охватывают собой и собственно временной аспект как отдельных действий, так и их скоординированных комплексов. При этом неравномерность и гетерохронность динамики их временных параметров следует понимать именно в качестве процессов *временной оптимизации* деятельности, то есть становления и совершенствования ее собственно временной организации.

Другой – также важный и тесно связанный с предыдущими закономерностями аспект временной оптимизации деятельности состоит в следующем. Как известно, одной из черт генезиса деятельности на уровне действий является то, на относительно более ранних его этапах происходит, в основном, формирование относительно более *простых* ее компонентов (действий). Это проявляется, в том числе, и в форме сокращения временных затрат на их реализацию. Однако, *тем самым* – причем, совершенно объективно в содержании и организации деятельности формируется определенный временной резерв. Он создает важные условия и предпосылки для формирования и совершенствования уже относительно более сложных действий. В результате этого в общей временной структуре деятельности образуются так сказать «временные окна», лакуны для того. Они и являются объективными временными условиями для формирования относительно более сложных действий и иных форм организации деятельности. Тем самым, неравномерность формирования действий, фактически, создает предпосылки и условия для того, чтобы в генезисе деятельности оказался воплощенным и принцип гетерохронности их формирования.

Далее, еще одна закономерность, которая также эксплицирует реализацию принципов неравномерности и гетерохронности на уровне действий, заключается в следующем. Темпы сокращения временных затрат на реализацию относительно более простых дей-

ствий являются бóльшими вначале их освоения, а затем существенно снижаются и, фактически, стабилизируются. И напротив, темпы сокращения временных затрат на реализацию относительно более сложных действий, являясь относительно меньшими вначале их освоения, затем, как правило, существенно повышаются. Наконец, известно и еще одно – наиболее радикальное проявление совокупного развертывания принципов неравномерности и гетерохронности. Оно состоит в том, что лишь благодаря временной оптимизации деятельности (которая и достигается за счет этих принципов), в ней возникают *объективные* временные условия для включения в ее содержание все *новых* действий. Тем самым происходит обогащение ее компонентного состава, а значит – и для обогащения ее содержания в целом.

Наряду с этим, в ходе формирования деятельности столь же отчетливо и полно обнаруживаются референты и таких важных системогенетических принципов, каковыми выступают принципы *прогрессирующей интеграции* и *нарастающей дифференциации*. Кроме того, с содержательной – собственно психологической стороны, то есть в аспекте их закономерностей и механизмов, данные принципы являются еще более показательными и соответствующими основополагающим положениям теории деятельности. В самом деле, фундаментальное значение в ней, как известно, имеет такой механизм, который считается вообще *основным* механизмом обучения (и научения), равно как и становления деятельности в целом. Им, разумеется, является механизм *автоматизации*, выработки *навыка*, формирования операций в структуре деятельности. Вместе с тем, он должен быть проинтерпретирован, прежде всего, именно в качестве объективного референта принципа прогрессирующей интеграции; поясним сказанное.

В параграфе 4.5.1. было показано, что по отношению к деятельности как системе темпорального типа главным механизмом, лежащим в основе межуровневого перехода компонентного уровня в элементный, является трансформация «отношений следования», предполагающих *десинхронизированность* ее компонентов (действий) в отношении *синхронизированности*. Это, однако, может быть достигнуто лишь в том случае, если компоненты (действия) утратят один из своих базовых атрибутов – наличие у них *осознаваемой* цели. Следовательно, что сама природа синхронизации как базового механизма временной оптимизации деятельности как раз и обеспечивает

формирования операций как таковых, лежит в их основе. Принцип прогрессирующей интеграции в значительной мере вообще реализуется именно *через* механизм синхронизации. Он, в свою очередь, эмпирически представлен как транспонирование осознаваемого действия в неосознаваемые операции.

Таким образом, можно видеть, что в несколько новом свете раскрывается такой, повторяем – основополагающий для генезиса деятельности механизм, который обычно обозначается как механизм выработки навыка, как явление автоматизации. Он, фактически, имеет своей важнейшей гранью (а не исключено, и основным содержанием) именно средства *временной* оптимизации – феномен синхронизации. В свою очередь, фундаментальный и универсальный характер данного феномена (и, соответственно, лежащего в его основе принципа прогрессирующей интеграции), проявляется и в собственно временном модуле деятельности. Дело в том, что именно это является основным, критически значимыми средством *временной* оптимизации деятельности в целом. Это – главное средство, обеспечивающее снижение временных затрат на нее в целом и на ее отдельные «составляющие». Синхронизация все большего числа единиц деятельности объективно (даже просто – по определению) является залогом оптимизации временных параметров деятельности в целом.

Вместе с тем, точно так же, как принципы прогрессирующей интеграции и нарастающей дифференциации неразрывно взаимосвязаны в деятельности в ее *содержательном* плане, они взаимосвязаны и во *временном* аспекте ее организации. В самом деле, именно благодаря синхронизации (как следствию принципа прогрессирующей интеграции) во *временной* структуре деятельности появляются своеобразные «окна», то есть временные возможности для включения в ее состав все новых компонентов – все новых и уже, как правило, более сложных действий. Тем самым – в наиболее общем плане и деятельность в целом все более *дифференцируется*, нарастает степень ее внутреннего разнообразия. Однако, как известно, именно это и составляет непосредственное содержание системогенетического принципа нарастающей дифференцированности. Вместе с тем, нарастающее разнообразие деятельности не только создает предпосылки, но и, фактически, объективно требует подключения все более сложных *интегративных* средств. Расширяющийся компонентный состав требу-

ет и все более сложных и мощных интегративных средств, направленных на обеспечения необходимой степени его организованности.

Экспликация данного обстоятельства приводит, однако, к обнаружению дополнительной – очень важной, на наш взгляд, особенности генезиса деятельности. Дело в том, что в его процессе, как было показано выше, формируется один из ее макроуровней – инфрадеятельностный. Он образован целостными и скоординированными комплексами действий, синтезированных по функциональному признаку. Они образуют такие «функциональные органы» деятельности, которые направлены на обеспечение тех или иных ее основных функций, задач, целей и пр. Одной из их отличительных особенностей является то, что они обладают свойством *ситуационной относительности*. Это означает, что они характеризуются способностью трансформироваться и адаптироваться в соответствии с изменениями деятельностных ситуаций – как в плане их общей организации, так и в плане каждого из входящих в них действий. Однако, все это *объективно* возможно лишь в том случае, если в них будет сохраняться обязательный контроль за каждым их компонентом, если будет постоянно поддерживаться установка на возможность их подстраивания и перестраивания – трансформации под ситуационные изменения. Это, в свою очередь, возможно лишь при условии того, что ни один из компонентов, входящих в состав данных комплексов, в принципе не будет автоматизирован, то есть не перейдет на уровень операций.

Данная закономерность заключается в том, что в генезисе деятельности представлены два основных механизма. С одной стороны, это, разумеется, традиционный механизм автоматизации, выработки навыка, то есть переноса уровня регуляции с осознаваемой на *неосознаваемую*. С другой стороны, это механизм трансформации сознательной формы репрезентации информации (и регуляции деятельности) в *метасознательную форму*. В ней и *через* нее в деятельность включаются механизмы, препятствующие гиперавтоматизации. Они не допускают автоматизации того, что *не должно быть* подвергнуто ей, то есть переведено с осознаваемого уровня контроля на неосознаваемый. Вместе с тем, эта форма (что мы также показали в главе 4) в очень существенной степени разгружает деятельность, снижает когнитивную нагрузку субъекта. Таким образом, можно видеть, что обнаруживается еще одна грань действия принципа нарастающей

дифференциации. Он не только тесно сопряжен с базовым механизмом освоения деятельности – механизмом становления метасознательной формы ее психической регуляции, но и во многом обеспечивает его, а потому – лежит в основе его реализации.

Далее, достаточно полно, хотя и более имплицитно в ходе формирования деятельности как системы темпорального типа представлены и три других системогенетических принципа – «обеспечения минимального эффекта», «одновременности закладки» и *целевой детерминации*. Кроме того, они в реальности в значительной степени синхронизированы и синтезированы – представлены именно в комплексе и взаимодополнении друг с другом; поясним сказанное. Как известно, сама суть принципа целевой детерминации состоит в том, что некоторый процесс начинает разворачиваться не по типу каузальной причинности, а по типу причинности телеологической. Она, в свою очередь, предполагает в качестве одного из своих атрибутов не только инверсию классических «отношений причинности», но и локализацию самой причины (цели) в *будущем*. Тем самым объективно образуется некоторый обязательный временной интервал – то, что обозначается понятием *временного лага*. Поэтому принцип целевой детерминации, фактически, является объективной предпосылкой для того, чтобы формирование темпоральной системы *объективно* и исходно уже было обеспечено определенным временным ресурсом. Причем, это такой ресурс, который с необходимостью является *достаточным* для ее формирования. Последнее связано с тем, что уже на этапе формирования цели она складывается отнюдь не *произвольно* по отношению к ее последующей реализации, а *производно* от многих факторов, которые и будут в дальнейшем определять процесс ее реализации. Именно это составляет, как известно, саму суть, а одновременно – и главную сложность процесса целеобразования. Другими словами, данный ресурс является таким, что, с одной стороны, он достаточен для реализации цели. С другой стороны, он обеспечивает и необходимые условия для его дифференциации на те компоненты – этапы и в такой их временной продолжительности, которые обеспечивают ее реализуемость. Нетрудно видеть, однако, что все это, фактически, эксплицирует действие еще одного системогенетического принципа – «одновременности закладки». Компоненты временной системы (этапы) дей-

ствительно, закладываются одновременно – в объеме того ресурса, который соотносится со сформулированной целью и обеспечивает ее реализуемость. Причем, и каждый из этапов должен иметь такой масштаб временных возможностей (быть таким по продолжительности), чтобы обеспечить его эффективность. Это, является, в свою очередь, референтом еще одного принципа – принципа «обеспечения минимального эффекта».

Безусловно, все множество референтов, которые эксплицируют реализацию в генезисе деятельности как системы темпорального типа системогенетических принципов, не исчерпывается лишь теми, которые были рассмотрены выше. Цель проведенного рассмотрения заключалась, однако, не в их полном выявлении. Она состояла в том, чтобы продемонстрировать положение наиболее общего и принципиального характера. Это – положение, согласно которому основные системогенетические принципы, действительно, имеют место и в отношении генезиса деятельности как системы темпорального типа<sup>81</sup>.

Обоснованность сформулированных выше положений, общий смысл которых заключается в том, что базовые принципы системогенеза характеризуют формирования деятельности, проинтерпретированной и в качестве системы темпорального типа, подтверждается еще одной группой данных. Проведенный выше анализ был пока сконцентрирован вокруг тех принципов, которые считаются традиционными – так сказать классическими. Вместе с тем, как показано в работе [251], к настоящему времени сложились все необходимые и достаточные условия, не только позволяющие, но и *требующие* расширения их традиционного множества. В него обязательно должны быть включены новые – дополнительные и также очень значимые принципы. Это, прежде всего, принципы *иерархизации, гетерархизации и конкордантности и субсистемогенеза*. Более того, эти принципы имеют, как минимум, не менее общий характер, чем традиционно описанные,

---

<sup>81</sup> Кроме того, как отмечалось выше, при этом формулируется и еще более общая в теоретическом плане задача. Она состоит в необходимости раскрытия специфики действия системогенетических принципов (и вообще – в экспликации категории системогенеза) по отношению к системам особого, качественно специфического типа – темпорального. Тот факт, что выше это было осуществлено по отношению к одной из наиболее сложных среди них (деятельности), является лишь первым, хотя и значимым, шагом в данном направлении.

а нередко являются и более обобщенными, нежели они. Выше это было показано, например, по отношению к принципу иерархизации как фундаментальному и определяющему в плане генезиса *базового* атрибута систем – их структурно-*уровневой* организации.

Все эти принципы также – причем, с достаточно высокой степенью очевидности обнаруживаются в ходе генезиса деятельности, проинтерпретированной в качестве системы темпорального типа. Так, максимально обобщенной закономерностью данной системы является то, что она организована на основе *уровневого* принципа. Однако, как было показано выше, сам процесс этого генезиса, по существу, и есть не что иное, как разведение основных «временных составляющих» деятельности (ее действий) по уровням временной организации. Тем самым, и *результативно*, и *процессуально* генезис временной организации деятельности детерминирован факторами именно иерархического плана. Другими словами, *временное комплексирование* – синтез, организация и координация действий во времени является и механизмом формирования самих уровней темпоральной структуры деятельности. В свою очередь, именно это, по существу, и равнозначно тому, что системогенезу деятельности полно и органично воплощается принцип иерархизации.

Наряду с этим (и это также было показано нами ранее), принцип иерархизации всегда очень тесно сопряжен с другим принципом – принципом *конкордантности*. Его суть состоит в том, что в общей иерархической организации и ее становлении имеют место механизмы двух основных типов. Во-первых, это, конечно, традиционно изучающиеся механизмы межуровневых взаимодействий – согласования уровней друг с другом. Во-вторых, это механизмы и более имплицитного плана. Их содержанием выступает то, что процессы согласования (координации «составляющих» каждого уровня – внутриуровневые процессы) также не являются взаимонезависимыми от аналогичных процессов, но развертывающихся на *других* уровнях. Внутренние перестройки и трансформации, развертывающиеся на всех уровнях, также «чувствительны» друг к другу. Более того, они также должны быть согласованы друг с другом, то есть осуществляться конкордантно. Все это, разумеется, полностью справедливо и по отношению к временной организации деятельности. Дело в том, что одной из ее атрибутивных черт (и, соответственно, – императи-

вов) является обязательная *синхронизированность* – своеобразный аналог конкордантности, а точнее ее разновидность.

В ходе генезиса деятельности обнаруживается, далее, и такой важный системогенетический принцип, который был обозначен нами ранее как принцип *субсистемогенеза*<sup>82</sup>. Он имеет многочисленные референты своего действия, двумя основными из которых выступают, в частности, следующие закономерности. С одной стороны, хорошо известно (и вообще – является одной из главных особенностей формирования деятельности), что в ходе этого формирования осуществляется всё более полный переход от ее реализации по типу рядоположенной (агрегативной, суммативной) совокупности действий к реализации по типу иерархической организации (интегративной). Во втором случае она дифференцируется на относительно целостные и функционально завершенные – достаточно крупные семантические фрагменты. Действительно, как показано выше, подвергнутые синтезу и интеграции действия, образующие в итоге их ситуационные комплексы – «функциональные органы», не существуют в деятельности так сказать в изолированном друг от друга виде. Они и образуют аналогичные, но уже более укрупненные, нежели отдельные действия, ее «единицы». Деятельность как система состоит поэтому не из своих компонентов (действий) *непосредственно*, а из их достаточно обобщенных синтезов – комплексов действий, вступающих ее подсистемами (субсистемами). С другой стороны, столь же известно, что и в нормативном плане деятельность, особенно профессиональная практически всегда организована таким же образом. Она дробится, а затем представляется (прежде всего – в нормативно-одобренном способе) не на действия, а на существенно более крупные фрагменты. Тем самым, она и фиксируется, и нормативно закрепляется, и вообще – существует в своей «надличностной» форме как представленная именно на субсистемном уровне ее организации. Таким образом, и по *процессу*, и по *цели*, то есть по тому, *что* надо освоить

---

<sup>82</sup> Отметим, что его характеристика представлена также в работе [263], а сущность данного принципа состоит в том, что одной из важных сторон генезиса систем является формирование и развитие особого уровня их организации – субсистемного, на котором локализованы основные подсистемы, образующие в совокупности содержание самих систем.

(нормативно-одобренный способ деятельности) генезис деятельности раскрывается с этих позиций как обязательно подчиняющийся принципу субсистемогенеза формирования и развития.

В ходе генезиса деятельности как системы темпорального типа органично воплощается и еще один неклассический, но очень значимый принцип – принцип *гетерархизации*. Кроме того, сквозь «призму» того, как именно это происходит, выявляются дополнительные и также значимые особенности психической регуляции деятельности и ее генезиса. Действительно, как было показано в параграфе 4.5.3., в основе психической регуляции деятельности лежит особый класс процессов – *интегральные процессы*. Их формирование, в свою очередь, составляет одну из важнейших сторон общего генезиса деятельности. Более того, оно во многом определяет развитие и всей совокупности средств и механизмов генезиса психической регуляции в целом становление присущих ей особенностей и закономерностей. Их подробный анализ, равно как и раскрытие того, почему и как это происходит, был представлен выше. В данном контексте, базируясь на результатах этого анализа, необходимо обратить специальное внимание лишь на две фундаментальные психологические закономерности организации совокупности этих процессов. С одной стороны, в их общей совокупности, точнее в их системе, которая представлена в форме *регулятивного инварианта*, находит свое органичное и очень полное – фактически, атрибутивное воплощение параметр времени. Временная «координата реальности» как таковая является одним из оснований их собственной организации<sup>83</sup>. С другой стороны, еще одной из основных и наиболее принципиальных особенностей данного класса (отличающих его от организации другого основного класса психических процессов – когнитивных) выступает то, что он основан не на принципе иерархичности, а на принципе *гетерархичности*. Среди них нельзя выделить какой-либо один про-

---

<sup>83</sup> Действительно, как уже отмечалось, одним из основных принципов его организации как раз и выступает непосредственная воплощенность в нем собственно временной координаты, поскольку он образован вполне определенной, хронологически выстроенной последовательностью интегральных процессов (целеобразование – антиципация – принятие решение – прогнозирование – планирование – программирование – контроль).

цесс, устойчиво находящийся «на вершине» иерархии регулятивной подсистемы. Любой из интегральных процессов в зависимости от конкретной ситуации может становиться ведущим и организовывать в целях своей реализации все иные интегральные процессы, соподчинять их себе. Показательно и то, что смена интегральных процессов на ведущем уровне происходит достаточно естественно, зависит от складывающейся ситуации, от содержания и условий конкретной деятельностной и поведенческой задачи. Все это, как отмечалось ранее, свидетельствует о том, что организация интегральных процессов подчиняется не иерархическому, а иному – *гетерархическому принципу*. Он, как известно, характеризуется возможностью гибкого и динамичного перераспределения, смены «управляющих центров» в зависимости от конкретной ситуации, а также наличием нескольких паритетных управляющих центров одновременно.

Следовательно, и формирование, а также последующее развитие этих процессов в ходе генезиса деятельности не может не носить «печати» их организации в целом – не обусловленным гетерархичностью их организации. Аналогично тому, как система интегральных процессов гетерархична в своем *сформированном* виде, она столь же гетерархична и по процессу ее *формирования*, то есть по генезису. При этом необходимо обратить внимание и на еще одно обстоятельство. С одной стороны, именно принцип гетерархии рассматривается в теории, как известно, в качестве *наиболее* совершенного и мощного. С другой стороны, именно он и обнаруживает наиболее тесную связь с аналогичным ему по статусу, то есть также *наиболее* важным аспектом психической регуляции деятельности и ее генезиса – собственно *процессуальным* (и даже производным от него). Именно процессуальное содержание психической регуляции деятельности образует ее подлинную *онтологию*; в ее процессуальном обеспечении заложены базовые средства и механизмы этой регуляции в целом. Тем самым, можно видеть, что задача раскрытия системогенетических закономерностей формирования деятельности оказывается тесным образом сопряженной с еще более общей проблемой генезиса психической регуляции в целом, генезиса регулятивной подсистемы психики. Она, в свою очередь, выходит за пределы собственно деятельностной проблематики и требует обращения к более широкому и общему (в том числе, не только по характеру проблем, но и по временному охвату) плану генетического исследования – онтогенетическому.

Таким образом, завершая анализ действия системогенетических принципов по отношению к деятельности как системе качественно специфического – темпорального типа, необходимо подчеркнуть и еще одно очень показательное обстоятельство. Как можно было видеть из всего его хода, общая логика рассмотрения принципов системогенеза вновь (и уже далеко не в первый раз, что также является очень показательным) привела, в конечном итоге, к необходимости обращения к категории интегральных процессов психической регуляции деятельности. Она тем самым вновь эксплицировала их определяющее значение для деятельности. Однако если ранее это было сделано по отношению к структурно-функциональной организации деятельности в ее уже сформированном виде, то теперь это же становится совершенно очевидным и в плане раскрытия сути закономерностей ее *генезиса*.

### 5.5. Заключительные замечания

Итак, в данной главе проблема субъективного времени была рассмотрена в еще одном и также основном аспекте общей комплексной стратегии его изучения – генетическом. Подводя итоги этого рассмотрения, целесообразно резюмировать те основные результаты, к которому оно привело. Так, во-первых, все эти результаты, в конечном счете, обусловлены двумя главными обстоятельствами, так сказать, установочного плана. Первое из них состоит в том, что данный аспект должен рассматриваться и реализовываться не столько как автономный, а в контексте общей стратегии изучения этой проблемы – как ее неотъемлемая часть. Следовательно, он должен выступать как преемственный по отношению к результатам, полученным при реализации предыдущих этапов в целом и функционального, в частности. Это означает, что он должен базироваться на их результатах и конкретизировать – развивать их, но уже в ином – генетическом отношении. Следовательно, при его реализации необходимо опираться на наиболее общий вывод реализации предыдущего этапа – на обоснование существования временной, темпоральной системности и, соответственно, систем темпорального типа. Второе положение состоит в том, что по отношению к данной проблеме генетический план исследования должен быть реализован, хотя и в общем

по смыслу, но вполне конкретном по содержанию аспекте. Дело в том, что генетический план проблемы субъективного времени достаточно хорошо раскрыт по отношению к нему именно как к феномену – в его собственно содержательном плане, в аспекте его особенностей и закономерностей, свойств и проявлений, то есть именно в качестве некоторого операнда. В меньшей степени, но все же во вполне приемлемо виде он раскрыт и в другом аспекте – в отношении того, как в нем воплощена совокупность специфических операционных средств, обеспечивающих то, что традиционно фиксируется в понятии приспособления ко времени. В этом плане субъективное время рассматривается уже не в качестве относительно пассивного операнда, а в качестве активного оператора. Однако существует еще один важный аспект его изучения, который непосредственно вытекает из самой сути общего методологического подхода, положенного в основу данной работы. Этот – более глубокий и определяющий ее аспект (субъективного времени), связан с выявлением того, каким образом темпоральность реализована, воплощена в самой структурно-функциональной организации психики, как она уже представлена в ней. В этом плане субъективное время и темпоральность в целом предстает уже не в качестве операнда и даже не в качестве оператора, а в качественно ином модусе – в качестве своеобразного протооператора. В нем темпоральность эксплицируется как базовый атрибут структурно-функциональной организации психики и ее генетических закономерностей, уже встроенный в нее – предусмотренный этой структурой и организацией.

Во-вторых, эти положения, выступив изначально именно установочными, а потому по необходимости – гипотетическими, то есть в качестве предположений и подвергнувшись затем верификации в ходе проведенного анализа, подтвердили в его результате свою обоснованность. В силу этого, они выступили уже не как предположения, а как доказанные положения, а главное и них состоит в том, что, действительно, темпоральность и ее феноменология – субъективное время выступает в качестве основы для формирования его такового – и как операнда, и как оператора. Сами операционные средства субъективного времени складываются и развиваются на ее основе и выступают как продукты ее эволюционно-генетического развития и формирования. Темпоральность тем самым и выступает в качестве

того, на основе и вследствие чего формируется само операционное средства – время в его операторном модусе. Именно поэтому она и должна быть проинтерпретирована в качестве своеобразного протооператора, то есть того, что предшествует самим операторам и что является протообразом – протоосновой их как таковых – в особенности в их функциональном предназначении. Это означает, что темпоральность как таковая органично включена в содержание и структуру – в процесс генезиса психических структур и образований, не только выступая неотъемлемой составляющей этого генезиса, но и в значительной степени организующая его ход – процесс развертывания. В силу этого, она должна быть понята как наиболее глубинная, имплицитная детерминанта генезиса психических структур и психики в целом. В этом, по нашему мнению, заключается наиболее принципиальный смысл и главное предназначение темпоральности в ее генетической функции. Этим подтверждается и наиболее общее положение, развиваемое в данной работе, согласно которому темпоральность уже исходно – объективно, онтологически включена во все базовые аспекты организации психики – не только в структурный и функциональный, но и генетический; предусмотрена самой спецификой этой организации. Она не только и не просто *влияет* на эту организацию, а *составляет* ее, точнее – один из важнейших ее атрибутов. Время как базовый атрибут реальности – и объективной и субъективной является таковым – определяющим и критически значимым не только для уже сформированных – «ставших» их фрагментов – объектов исследования, но и для самого процесса их становления – генезиса; оно плетено в их генезис, как его регулятор и организатор.

В-третьих, вся эта совокупность темпорально-обусловленных генетических трансформаций развертывается в достаточно сложном и весьма специфическом виде, который выступает и фактором, затрудняющим их изучение. Дело в том, что по отношению к генетическому формированию темпоральность никогда не представлена, так сказать, «в чистом виде» – в отрыве от тех носителей (субстанциональных основ), на базе которых она существует и на организацию которых она направлена. Данное обстоятельство послужило основой для формулировки принципа субстанциональной опосредствованности как базового методологического императива иссле-

дования темпоральности. Согласно ему ее, исследование, а также изучение субъективного времени должно осуществляться не прямо и непосредственно, а опосредствованно – на основе раскрытия особенностей и закономерностей того, как оно связано и обусловлено структурно-функциональной организацией и генетическими закономерностями того или иного субстанционального объекта – его носителя и основы.

В-четвертых, реализация именно этого принципа выявила еще один принципиальный факт, выступающий как итоговый по отношению к проведенному анализу. Он состоит в том, что темпоральность является не только фактором и детерминантой генезиса психических структур, но и сама развивается – совершенствуется в этом генезисе. Имеет место обратное влияние результата – продуктов генезиса на те факторы, которые лежат в его основе – в данном случае на темпоральность. Следовательно, субъективное время и темпоральность в целом также формируются и развиваются, но не сами по себе, не непосредственно, а на основе и вследствие развития целого ряда иных, но именно субстанциональных структур и процессов, образований и качеств психики. И только через раскрытие закономерностей их формирования можно рассчитывать на раскрытие особенностей формирования самого субъективного времени.

В-пятых, это означает, что установление особенностей формирования самой темпоральности в целом и субъективного времени, в частности, также может способствовать раскрытию генетических закономерностей этих субстанциональных основ. Здесь закономерности генезиса темпоральности выступают уже в качестве средства и даже *метода* генетического исследования психики в целом. В этом проявляется и собственно методический потенциал генетического плана исследования, который является очень специфическим для него и который неоднократно реализован по отношению ко многим другим предметам психологического исследования. То, как именно это происходит, и составило существенную часть всех представленных выше результатов.

В-шестых, в их свете становится вполне очевидным и еще одно обстоятельство принципиального плана. Оно состоит в том, что на взаимоотношения двух рассмотренных выше генетических линий – генезиса темпоральности, с одной стороны, и генезиса самих

психических структур и образований, с другой, не только могут, но и должны быть распространены общие представления относительно связи генетических трансформаций функциональных основ психики и ее процессуальных проявлений. Действительно, как показано в генетических исследованиях общепсихологического плана, важной закономерностью генезиса психики и ее компонентов выступает то, что основные и наиболее специфические – содержательные их аспекты и, прежде всего, операционные формируются на основе другой категории средств и механизмов – функциональных. Как известно, сами психические процессы, взятые в их атрибутивных чертах – как образованные определенным операционным составом, формируются на основе вполне определенных психофизиологических функций, то есть на основе собственно функциональных механизмов. В этом отношении процессы это и есть продукт генетических трансформаций функций. Аналогичным образом, однако, предстает и взаимосвязь генезиса темпоральности, с одной стороны, и многих базовых структур психики, с другой. Первая выступает в качестве функциональной основы для формирования вторых: но и их формирование – совершенствование также выступает фактором ее собственного генезиса. Она, представленная изначально, как некоторая функциональная основа, вплетенная в генезис психического, затем сама развивается и совершенствуется вслед за развитием тех образований, которые она сама и детерминирует. Имеет место взаимная детерминация развития функциональных основ темпоральности и ее операционных механизмов. Тем самым сама темпоральность выступает уже не только как детерминанта генезиса психических структур, но и как ее операционное средство, точнее как совокупность такого рода средств, представленных на разных уровнях организации психического. Отсюда следует также, что известная концепция Б. Г. Ананьева относительно существования двух категорий механизмов психических процессов – функциональных и операционных должна быть распространена и на проблематику субъективного времени, равно как и на понятие темпоральности и ее генезис в ходе общего онтогенетического развития.

В-седьмых, в свете представленных результатов с высокой степенью очевидности вскрывается и еще одно обстоятельство принципиального плана: взаимосвязь и взаимообусловленность двух

типов системности – субстанциональной и темпоральной, но уже не в ее структурном и функциональном плане, а в ином плане – собственно генетическом. Это означает, что их формирование осуществляется по принципу взаимной стимуляции, когда они выступают и детерминантами и результатами формирования друг друга, взаимно обуславливая это развитие. Все новые уровни организованности в субстанциональном плане – новые более совершенные формы субстанциональной системности создают условия для развития временной организации – темпоральной системности и даже требуют ее. Однако, и все более совершенная темпоральная организация выступает важным фактором совершенствования субстанциональной системности.

В-восьмых, обоснованность и конструктивность сформулированных положений относительно темпоральной системности в целом подтвердилась еще и в том плане, что с их позиций оказалось возможным углубить представления о ряде весьма значимых психологических феноменах и закономерностях. Так, на их основе в новом, дополнительном свете раскрывается фундаментальное общепсихологическое явление опосредствованности: оно эксплицируется и как темпоральный феномен, поскольку объективно сопряжено со следованием как атрибутивно-специфическим временным явлением. Это – новое его качество, не обменяет, однако, и его исходного, основного статуса – содержательного. В нем оно эксплицируется, как известно, в качестве носителя именно содержательной – субстанциональной системности, тогда как во временном плане оно предстает как темпоральной системности. Тем самым феномен опосредствованности сам опосредствует связь между двумя основными типами системности, в силу чего раскрывается и как синтетический по своей сути, интегрирующий механизмы как содержательно-смыслового плана, так и темпорального плана. Кроме того, он является и очень показательным в отношении взаимосвязи и этих двух типов системности в целом

В-девятых, в аналогичном – также дополнительном свете раскрывается и понятие метакогнитивных процессов. Дело в том, что, выступая как вторичные, то есть как «процессы по организации процессов», то есть как процессы более обобщенного уровня организации, они раскрываются и как закономерное следствие общей линии

усложнения функциональной организации, присущей всем иным психическим процессам. Однако в основе самой этой функциональной организации лежит внесение в нее дополнительной – собственно темпоральной упорядоченности, своего рода удвоение самих процессов и трансформация из их первичной формы во вторичную. Именно такое удвоение и является не только механизмом формирования самих метакогнитивных процессов, но и одной из важных форм темпоральной организации как таковой. В то же время, они знаменуют собой качественно иной – новый и более совершенный ее тип. Их функциональная организация раскрывается как единство общего и специфического по сравнению со всеми иными процессуальными образованиями. Все средства метакогнитивного плана предстают с этих позиций как способы и формы дальнейшего «проникновения» процесса к своему содержанию, а частично и к закономерностям его осуществления, а на этой основе – и к регуляции им самого же себя. Однако в основе всего этого как раз и лежит дальнейшее усложнение собственно процессуальной организации как основной и наиболее специфической формы реализации в психике собственно темпоральной системности. Тем самым, именно темпоральная системность выступает и одним из механизмов метакогнитивных процессов.

В-десятых, эта закономерность – качественное изменение степени воплощенности временной системности имеет место и по отношению к еще одному переходу – от уровня вторичных процессов к уровню рефлексии как «третичному» процессу. Она сопряжена, как известно, с еще большей степенью развернутости, прежде всего – временной всей системы психических процессов. Рефлексия как процесс – это и есть развернутая и внутренне дифференцированная форма организации всей системы психических процессов – и первичных, и вторичных. Следовательно, она представляет собой психический процесс максимальной степени интегрированности – «процесс по организации всех иных процессов», что и является критерием ее отнесения к процессам ее «третьего» порядка сложности. В ней вторичные процессы, являющиеся синтезом первичных процессов, также подвергаются соорганизации, в результате чего оказываются представленными в скоординированном и целостном виде. Все это требует, однако, реализации дополнительных – также процессуальных средств, которые по вполне понятным и естественным причинам

также обуславливают возрастание собственного масштаба времени рефлексивных процессов.

В-одиннадцатых, на основе представленных материалов в еще более глубоком плане эксплицируется понятие процесса, поскольку именно оно является тем ключевым концептуальным и категориальным средством, которое синтезирует в себе два основных типа системности – субстанциональную и темпоральную. Действительно, с одной стороны – и это традиционно соотносится с главным значением данного понятия – оно фиксирует в себе именно содержание тех или иных сущностей. Процесс – это всегда процесс чего-либо, бессодержательного и внесодержательного процесса не может быть по определению. Процессуальность всегда отягощена содержанием. С другой стороны, процесс – это и столь же временное понятие, поскольку в нем атрибутивно представлена не только структурная – статическая организация того или иного явления, но и его динамическая сторона. Тем самым, именно данное понятие позволяет выявлять и изучать принципы и закономерности собственно темпоральной организации не в общем виде, не абстрактно – в отрыве от того содержания, на основе которого они и действуют, а наоборот – в органичной связи с ним. Принципы организации процессов – это не то, что дополняет принципы содержательной организации, а то, что вплетено в само содержание и выступает атрибутами его собственно временной организации. Характеризуя динамику явлений, закономерности процессуальной организации, в столь же непосредственной степени производны и от содержания этих явлений.

В-двенадцатых, в дополнительном аспекте предстает и еще одно весьма значимое явление, точнее – механизм процессуальной организации – механизм операндно-операторной обратимости. Дело в том, что любая обратимость, в том числе и та, которая его составляет – это, прежде всего переход одного в другое – следование одного за другим, некоторая цикличность. В свою очередь, любой переход – это всегда некоторый ход, течение, развертывание. Тем самым он выступает и как атрибутивно темпоральная сущность, в которой не только непосредственно воплощена временная координата, но который, собственно говоря, и является ей. В силу этого, организации самого перехода является носителем и основой для развертывания темпоральной системности, а она тем самым лежит в основе механизма операндно-операторной обратимости.

В-тринадцатых, на основе развитых представлений открываются возможности и для более полного раскрытия одной из значимых общепсихологических проблем – проблемы самосензитивности психики. По нашему мнению, этому могут содействовать два установленных выше механизма. Первый – это механизм транспонирования результатов процесса, достигаемых на том или ином этапе его развертывания, в его содержание и в его условия и их использование в качестве операционных средств, но уже на последующих этапах. Из статуса следствий (результатов) они трансформируются в статус причин (детерминант). Второй – это механизм трансформации системных качеств в функциональные, суть которого состоит в способности системы использовать первые в роли вторых. Кроме того, эти два механизма не только не являются автономными, но, напротив, теснейшим образом взаимосвязаны. Более того, именно механизм трансформации системных качеств в функциональные как раз и выступает, по всей вероятности, основой для трансформации парциальных результатов процесса в само содержание этого процесса. Это – основа для порождения им же самим все новых условий, средств, посылок для его же собственного развертывания. На основе этих механизмов системы обретают принципиально новое свойство, новую способность – сензитивность к своим же собственным системным качествам. Она означает их «восприимчивость» и последующее использование этой категории качеств как операционных средств функциональной организации. Именно оно и лежит, на наш взгляд, в основе базового атрибута психики – свойства ее самопрезентированности и самосензитивности, феноменологически проявляющемся в сознании как таковом.

В-четырнадцатых, на основе проведенного анализа раскрываются дополнительные грани и одной из наиболее общих и традиционных психологических теорий – теории деятельности (независимо от ее конкретных вариантов). Дело в том, что генезис самой темпоральности является во многом или даже в решающей степени деятельностью-обусловленным, а деятельностьная детерминация выступает критически значимой для нее. Это является еще одним проявлением известного принципа единства психики и деятельности, согласно которому, как известно, психика не только проявляется в деятельности, но и формируется в ней. Вместе с тем, формируется

не только психика в целом, но и такая ее важнейшая детерминанта организации, как темпоральность, а сама система деятельности вообще предстает как темпоральная система, точнее – и как темпоральная система. Тем самым создаются основы для еще одного направления разработки психологической теории деятельности, которое можно обозначить как деятельностьная психология субъективного времени (или как темпоральная теория деятельности). Причем, речь должна идти не столько о деятельности в ее традиционно исследуемом модусе – в ее развитых формах, то есть трудовой деятельности или же о деятельности как категории, но уже также представленной в развитом виде, а о другом ее виде – игровой. Дело в том, что он как раз и является тем видом, в котором темпоральность не только развивается, но вообще возникает как феномен и механизм организации любой формы активности. В этом плане она предстает уже не как более простая, а как более сложная, чем иные виды деятельности, поскольку в ней данный феномен только развивается, но и порождается. В этом же плане ведущую роль выполняет и такой фундаментальный феномен, как детская игра, а в связи с этой ролью можно говорить и о новом направлении психологии субъективного времени – о том, что можно обозначить как «игра и время».

В-пятнадцатых, в свете представленных результатов новыми гранями эксплицируется базовое понятие концепции системогенеза – понятие принципов системогенеза. Дело в том, что именно это главное понятие раскрывается в его дополнительном и очень важном смысле. Оказывается, что они выступают важными средствами и формами, а в этом смысле – своего рода операторами, упорядочивающими и организующими сам процесс генезиса, то есть придающими ему именно временную организацию. Принципы – это и есть такие регуляторы, которые обуславливают упорядоченность, организованность генезиса в его временной развертке, в его хронологической упорядоченности. Так, например, вполне очевидна временная природа важнейшего системогенетического принципа – целевой детерминации, поскольку сама эта детерминация выступает по определению как подчеркнуто временной феномен – феномен детерминации будущим настоящего. Момент темпоральности входит не только в существо, но даже в название еще одного принципа – гетерохронности (корень – хронос). Следовательно, данное обстоятельство

означает, что, фактически, складывается новое направление развития самой фундаментальной теории системогенеза, которое можно обозначить как «системогенез и время», как темпоральная концепция системогенеза. Причем, речь идет не только о традиционном варианте системогенеза – применительно только к деятельности, но и о ее более общем варианте – об интегральной концепции системогенеза, охватывающей многие иные образования и структуры психики. Более того, речь должна идти даже не столько о развитии понятия системогенеза как такового, то есть того, что раскрывает закономерности формирования систем, а о понятии системногенеза – того, что раскрывает закономерности формирования самой системности как формы организации. В едином процессе развития – и онтогенетического, и профессиогенетического представлены не только парциальные процессы развития тех или иных системных образований (психологических систем), но и формирование самой системности как базового средства организации первых. Более того, ее формирование – это, пожалуй, еще более глубинный и важный процесс, поскольку она имеет так сказать надсодержательный характер и может транспонироваться на многие предметные сферы, то есть обладает высокой степенью обобщенности. Важно и то, что в ее формировании большую роль как раз и играет генезис не только субстанциональной, но и темпоральной системности.

## Глава 6

### Интегративные закономерности в организации субъективного времени

#### 6.1. Теоретические основы исследования

Следующим за генетическим аспектом (и этапом), в котором должна быть произведена экспликация основных закономерностей исследуемого предмета в целях обеспечения реализации по отношению к нему методологии системности, является *интегративный* план исследования. Кроме того, он является и *завершающим* – «венчающим» собой общую стратегию системной концептуализации предмета исследования. Обращаясь к нему, следует иметь в виду, что он, в отличие от всех иных, является относительно наименее разработанным. Кроме того, сама его локализация в общей структуре исследования – его хронологически завершающий, а значит – и подытоживающий собой все исследование характер обуславливает еще одно важное обстоятельство. Нередко то или иное исследование просто не «добирается» до него (в силу очень разных причин) и, следовательно, он часто оказывается попросту нереализованным. Соответственно, и исследовательский опыт его применения, а также сложившийся при этом методологический арсенал средств и приемов существенно меньше. Наряду с этим, в нем сложился ряд достаточно устойчивых традиций, характеризующих его общий смысл и главную направленность – специфику его основных задач. При всем многообразии его трактовок, а также различиях в понимании его целей, в нем существует все же одна – пожалуй, наиболее общая и давняя традиция, фиксирующая его наиболее специфическое содержание. Согласно ей, реализация данного аспекта исследования должна быть направлена на выявление и интерпретацию особых – наиболее обобщенных и синтетических, то есть именно интегративных свойств предмета исследования – его *системных* качеств. В методологии системного подхода именно эта задача считается одной из самых сложных, а сами системные качества – наиболее трудными для их раскрытия и понимания, а иногда и «загадочными». Кроме того, данная задача предполагает и раскрытие тех средств и механизмов, которыми

обеспечиваются эти качества – механизмов *интегративного* и си-нергетического типа. Следовательно, сама сущность данного аспекта непосредственно сопряжена с категорией *качества*. Причем, повто-ряем, она рассматривается в нем, в основном, в ее наиболее слож-ном и комплексном проявлении – в виде системных, интегральных качеств. Вместе с тем, есть все основания полагать, что исследование должно быть направлено на выявление не только системных качеств, но и иных базовых типов качеств изучаемого объекта, то есть не про-сто качественно-ориентированным, но при этом также дифференци-рованным и множественным – *поликачественным*.

Итак, сутью и основным содержанием интегративного плана иссле-дования должно выступать выявление и интерпретация качественной определенности изучаемого предмета. Наряду с этим, общий – имен-но завершающий, а потому так сказать характер, «венчающий» собой общую реализацию всей процедуры изучения, обуславливает еще одну специфическую особенность и даже функцию данного плана исследования. Согласно ей, основной задачей данного этапа является реализация *обобщающей* функции по отношению ко всей совокуп-ности данных, полученных при реализации всех предшествующих ему планов исследования. Кроме того, данный план представлен в исследованиях в существенно разных вариантах, которые были рас-смотрены в главе 2 – в резюмирующе-агрегативном, обобщающе-ин-тегративном и др. Вместе с тем, именно это же обстоятельство – его завершающий исследование характер придает ему особый статус. Оно делает его в известном смысле не только итоговым, но и опре-деляющим в плане экспликации общего *смысла* всех результатов, по-лучаемых в исследовании в целом.

Еще одна важная особенность данного плана связана со значи-мым положением системной методологии в целом, согласно которо-му важнейшей, атрибутивной характеристикой систем выступает их *иерархическая, структурно-уровневая* организация. Сама дифферен-циация систем на уровни их организации означает становление таких их «измерений» и форм организации, которые глубоко и принци-пально, то есть именно *качественно* различны по отношению друг к другу. Два понятия – понятия уровней организации системы и каче-ства, (качественной определенности) являются поэтому, фактически, *взаимопологаемыми* и *однопорядковыми*. Следовательно, в иерархии

уровней организации систем, в их общей структурно-уровневой организации проявляется аналогичная, то есть также иерархическая организация базовых типов самих качеств. Поэтому выявление и интерпретация всей совокупности качеств систем является объективно необходимым средством для раскрытия закономерностей их структурно-уровневой организации в целом. В силу этого, интегративный план изучения раскрывается еще одной своей важной гранью. Он предстает как важнейший аспект и необходимое средство раскрытия наиболее важной категории закономерностей организации систем – собственно структурных, взятых в их иерархическом, то есть *структурно-уровневом* модусе. В связи с этим, становится совершенно очевидным, что интегративный план исследования, будучи, разумеется, очень важным и сам по себе (самодостаточным по своей гносеологической роли), в то же время, имеет и более общее значение. Он, фактически, во многом эквивалентен изучению систем не просто в *одном из*, а в объективно *наиболее значимом* плане – в аспекте их структурно-уровневой, иерархической организации. Это определяется тем, что иерархия уровней систем лежит в основе иерархии ее качественных характеристик. Основные уровни систем и базовые категории их качеств характеризуются принципиальным *изоморфизмом*: каждому основному уровню соответствует тот или иной базовый тип качеств. Поэтому *через* выявление и анализ базовых типов качеств возможно и изучение самих уровней, а также закономерностей их организации в целостную иерархию.

Итак, в центр реализации интегративного плана должна быть поставлена категория *качества*. Вместе с тем, она должна быть рассмотрена не только в одном, как это обычно делается, а во всех ее реально существующих типах. Кроме того, поскольку все основные типы качеств не являются рядоположенными, а закономерным образом синтезированы в составе и в структурно-функциональной организации систем, то их необходимо рассмотреть именно в аспекте их соорганизованности. Общая структура качеств изоморфна базовому атрибуту систем – их уровневой (иерархической) организации, а эта организация качеств, в свою очередь, порождает новые качественные характеристики, несводимые к аддитивной совокупности всех категорий качеств и выступающие эффектами их интеграции – синергетическими эффектами. Поликачественность

поэтому, действительно, интегративна, поскольку все внутренне гетерогенное множество качеств также подвергается организации со стороны интегративных механизмов. Наконец, необходимость именно в интегративно-поликачественном варианте реализации данного плана обусловлена еще и тем, что субъективная реальность обладает очень выраженной – принципиальной гетерогенностью, то есть существованием целого ряда качественных измерений, которые характеризуются существенными различиями, то есть сама она имеет поликачественную природу. Степень ее гетерогенности сопоставима со степенью гетерогенности объективной реальности, поскольку лишь в этом случае она может быть релевантной последней и служить адекватной основой для адаптационного взаимодействия с ней. Следовательно, она может быть выявлена и объяснена лишь на основе не одного, а целого ряда базовых типов качеств.

Наряду со всеми указанными – общими особенностями интегративного плана исследования, следует, конечно, учитывать и те его черты, которые связаны со спецификой предмета, являющегося основным в данной работе – субъективного времени. Действительно, как показано в главе 1, в наиболее общем и принципиальном плане само время должно быть понято как своего рода *alter ego* реальности как таковой – причем, любой, то есть не только объектовой, но и субъективной. Используя термин Ф. Брентано, можно считать, что оно является *сращенным* с реальностью, взаимополагаемым с ней и в этом смысле производным от нее. Это зафиксировано также и в принципе субстанциональной опосредствованности исследования времени в целом и субъективного времени, в частности, согласно которому оно может быть корректным и конструктивным лишь при учете раскрытия той субстанциональной основы, которая с ним сопряжена. Время существует только в связи с его субстанциональной основой; точнее – оно выступает формой экспликации все той же субстанциональной организации, но в ее сукцессированном, протяженном виде, в аспекте темпоральной организации. Следовательно, для понимания самого субъективного времени необходимо руководствоваться достаточно несложным и вполне очевидным, но крайне важным положением. Время, порожаемое реальностью, не может быть понято вне раскрытия самой этой реальности; она является субстанциональной основой для него и его свойств и, следо-

вательно, выступает ключом для его раскрытия. Однако то же самое можно констатировать и в отношении не только времени в целом, но и субъективного времени. Оно также порождается реальностью, но уже не объективной, а субъективной. Следовательно, его невозможно адекватно раскрыть вне раскрытия природы самой этой субъективной реальности. Оно выступает как форма ее собственной организации, но в определенном – сукцессированном, то есть темпоральном аспекте. Однако, раскрытие самой этой реальности, то есть выявление ее сущностных основ – ее подлинной онтологии невозможно вне раскрытия ее качественной определенности. Раскрытие же самой этой качественной определенности требует обращения к категории качества, взятой в ее основных разновидностях. Дело в том, что именно качества – это и есть то, благодаря чему нечто является тем, чем оно и является.

Следовательно, и в этом отношении вновь эксплицируется важнейшая роль категории качества – но уже в плане специфически временных задач, связанных с выявлением ключевых особенностей субъективного времени. Наряду с этим, отсюда следует, что сама категория качества и ее основные типы должны быть рассмотрены с учетом того своеобразия, которое они обретают по отношению к специфической и даже уникальной реальности – субъективной. Иными словами, категория качества и ее основные типы должны быть рассмотрены не только в целом, но и в их спецификации, обусловленной своеобразием самой субъективной реальности как носителя самих качеств. Все это означает, что важнейшее значение приобретает еще одна проблема, которая заключается в том, чтобы выявить эту специфику – эксплицировать, так сказать, качественное своеобразие самих основных типов качеств по отношению к субъективной реальности, а также их роль в ее конституировании. Поэтому она должна выступить и как одна из основных при реализации интегративного плана исследования субъективного времени.

Наконец, следует отметить и еще одну характерную особенность интегративного плана исследования субъективного времени. Она состоит в том, что он – будучи направленным именно на установление качественной определенности изучаемого предмета, то есть на выявлении того главного, что и характеризует его, предполагает экспликацию самого времени именно как субъективного феномена –

во всех основных атрибутах, которые присущи субъективности, точнее – субъектности как таковой. При этом следует иметь в виду, что одним из главных, критически значимых среди них выступает свойство непосредственной данности – ощущаемости, чувственной несомненности. Он, в свою очередь, является следствием наиболее базового атрибута психического в целом – свойства самосензитивности, самопрезентированности. Оно состоит в том, что важнейшие психические образования не просто обладают непосредственной чувственной данностью, не просто даны и пр., но сами и являются этой данностью. Следовательно, и субъективное время должно быть эксплицировано и объяснено не только как то, что ощущается, чувствуется, воспринимается, но и как то, что само составляет эту чувственную ткань – как то, что составляет важнейший момент самой чувственности. Именно это, кстати говоря, и зафиксировано в целом ряде временных понятий – чувства времени, восприятия времени, ощущения длительности и т. п. Причем, это имеет место вопреки столь же фундаментальной особенности самого времени – невозможности его непосредственной рецепции, поскольку оно не является тем, что можно ощутить, воспринять, почувствовать и т. п. Другими словами, ощутить и воспринять его нельзя, но само ощущение и чувство времени существует, в связи с чем и возникает вопрос – как это возможно? Как ощущается не ощущаемое, воспринимается не воспринимаемое, чувствуется сверхчувственное? Именно к этим – очень трудным, но ключевым вопросам и приводит интегративный план исследования субъективного времени в его действительном смысле – как экспликация методологии качественного анализа, взятого с учетом специфики самих качеств в их субъективном модусе – в роли базовых компонентов субъективной реальности. В связи с этим, есть основания полагать, что по отношению к этому вопросу должны быть привлечены сформулированные нами представления об одном из средств и даже – своего рода механизме, обеспечивающим репрезентацию основных типов качеств в субъективной реальности, то есть в содержании психики. Он был обозначен как *механизм окачествления*, а его сущность, в самом общем и пока предварительном виде, может быть резюмирована следующим образом.

По отношению к собственно психической организации субъекта основные типы качеств – материальные, функциональные и системные выступают в двух статусах одновременно – исходном (гносеоло-

гическом) и производном (онтологическом). С одной стороны, они, разумеется, выступают в своем именно исходном – гносеологическом статусе и предстают как то, в чем нечто *проявляется* и, следовательно, открывается познанию (как обыденному, так и научному). Однако, с другой стороны, глубочайшая специфичность именно психики, психической формы организации (то есть своеобразия, так сказать, «психического материала» – онтологии психического) в том и заключается, что сами качества в значительной степени составляют его содержание, *являются* им. Так, материальные (субстанциональные) качества составляют суть и содержание *сенсорного* уровня; собственно говоря, и являются им. Далее, функциональные качества, обретая *процессуальную* форму и, становясь тем самым психическими процессами, составляют суть и содержание процессуально-психологического уровня организации психики. Они, фактически, конституируют данный уровень. Наконец, системные качества, выступая одним из важнейших механизмов порождения сознания и приводя к его главному атрибуту – свойству идеальности, составляют суть и содержание самого осознаваемого уровня, в значительной мере конституируют природу *сознания* в целом. Тем самым, качества онтологизируются; они трансформируются из свойств носителя в содержание самого носителя, выступая его базовыми уровнями. Они обретают свой вторичный статус – собственно онтологический; выступают именно в онтологической функции и раскрываются как подлинная онтология психического. То, как конкретно реализуется данный механизм, станет предметом специального анализа в параграфе 6.2.

Итак, руководствуясь всеми сформулированными выше положениями методологического характера, перейдем к тому, каким образом они могут быть реализованы по отношению к интегративному плану исследования субъективного времени. Обращаясь к попытке решения этих вопросов в целом, предполагающей, в свою очередь, обобщение – интеграцию тех результатов, которые были рассмотрены выше, следует учитывать данные, полученные в ходе реализации цикла исследований, проводимых нами на протяжении уже достаточно длительного времени. Действительно, в процессе его реализации, направленной на исследование таких достаточно общих проблем, как проблема *сознания* [256], *деятельности* [251], *личности* [247], а также проблема структурно-функциональной *организации психики*

в целом [258], постепенно и со все большей степенью рельефности и очевидности эксплицировалось обстоятельство принципиального плана. При максимально обобщенном взгляде на содержание и характер всех этих проблем можно видеть, что они выступают, фактически, теми или иными экспликациями, проявлениями и модусами некоторой *базовой сущности*, лежавшей в их основе и проявляющейся в них. Этой сущностью и является, собственно говоря, психика в целом, но взятая не в тех или иных ее *гносеологических* экспликациях и теоретических концептуализациях, а в ее *онтологическом* статусе – в том, что она представляет собой именно как, хотя и субъективная, но все же именно как *реальность*. В свою очередь, эта реальность может конституироваться лишь будучи презентированной субъекту, то есть как данная ему, а иначе говоря, – как базирующаяся на фундаментальном и все еще сохраняющим свою загадочность свойстве *самосензитивности* психики – чувствительности к самой себе. Собственно говоря, именно она – *субъективная реальность* и составляет истинный предмет психологии. Она обладает двумя главными и во многом определяющими ее атрибутами. Во-первых, это свойство их *непосредственной данности* субъекту. Причем, это такая данность, которая не только не требует никаких дополнительных – так сказать, вспомогательных средств для того, чтобы стать «реальностью-для-субъекта», но такая, которая сама и *является* этой реальностью. Во-вторых, и в значительной мере на основе предыдущего атрибута, эта реальность не просто дана субъекту», но столь же непосредственно *ощущается* – чувствуется им. Иначе говоря, она обладает еще и непосредственной чувственной данностью; причем не просто обладает, но и во многом также *является* ей<sup>84</sup>. Другими словами, она как раз и является тем, что обеспечивается фундаментальным свойством психики в целом – свойством ее сензитивности к самой себе, то есть *самосензитивности*. В связи со всем этим, собственно говоря, и эксплицируется важнейшая – по существу, фундаментальная значимость исследования этой реальности. Фактически, речь идет и о том, чтобы попытаться выявить и проинтерпретиро-

---

<sup>84</sup> Вместе с тем, подчеркнем еще раз, что эта «чувственность» нетождественная только собственно сенсорной чувствительности, что подробно охарактеризовано выше.

вать базовые атрибуты (и детерминанты, их конституирующие) этой реальности, то есть о том, чтобы эксплицировать ее в присущей ей *качественной определенности*. Именно она – эта определенность и, соответственно, образующие ее базовые типы *качеств* и должны поэтому быть предметом специального и по возможности детализированного анализа.

Очень важно, что тем самым на первый план – причем, вполне закономерным и естественным образом выходит общая гносеологическая *категория качества*. Она, как известно, играет не просто важнейшую, но, по существу, определяющую роль и в гносеологии в целом, и в конкретно-научном познании, в том числе – и в психологическом. Известно и то, что она вообще рассматривается как *основная «единица»* познания. Это совершенно оправданно, поскольку, как гласят общефилософские определения качества, оно является тем, «благодаря чему нечто является тем, чем оно является»; качество – «тождественная со своим бытием сущность». Все это как раз и указывает на нерасторжимую связь и, более того, взаимополагаемость исследования субъективной реальности как подлинной *онтологии* психического и категории качества как главного *гносеологического* средства. Раскрытие субъективной реальности в ее подлинном и «корневом» – онтологическом статусе, фактически, равнозначно выявлению ее качественной определенности, а она, в свою очередь, может быть установлена лишь на основе базовой категории качества.

В связи с этим, со всей очевидностью эксплицируется тесная связь комплекса указанных выше вопросов и направлений анализа с одной из наиболее важных, а одновременно – и сложных психологических проблем. Она обычно обозначается как проблема *онтологии психического*. К сожалению, до сих пор она – прежде всего, именно в силу своей сложности, остается одной из наименее разработанных в психологии. Она, к тому же, характеризуется достаточно выраженной неопределенностью и даже – некоторой аморфностью ее смысла и содержания. Уже сама ее постановка не лишена известной противоречивости. С одной стороны, по своему смыслу и конечным задачам она, безусловно, не только является важнейшей в содержательном плане, но и направлена на раскрытие самих *основ* психического. С другой стороны, на нее переносятся неоднозначность и дискуссионность самой возможности использования понятия онтологии

по отношению к психике. Данная проблема рассматривается и как связанная с раскрытием и объяснением наиболее глубоких, имплицитных аспектов – именно механизмов психического.

Действительно, разработка данной проблемы требует обращения уже не к тем или иным проявлениям психического, а к его носителю, то есть к онтологическим основаниям. Отсюда вытекает другая важнейшая особенность данной проблемы: она эксплицирует один из важнейших теоретических вопросов – вопрос о соотношении *свойств* носителя и самого *носителя*. Одновременно в нем эксплицируется и еще более общая – по существу, фундаментальная проблема соотношения *явления* и *сущности*. Специфической чертой данной проблемы является и то, что она раскрывается как своего рода терминальная, то есть проблема, связанная с рассмотрением, так сказать, «конечных» вопросов психологии. Вопросы подобного рода удачно охарактеризовал Ф. М. Достоевский, называя их «последними» – в смысле их наиболее сущностного, предельного в познавательном и экзистенциальном отношении характера [184]. Они, как известно, заключаются в необходимости установления, раскрытия и объяснения объективных, то есть именно онтологически представленных основ организации и функционирования психического. Характерной ее особенностью является, далее, и то, что она значительно чаще лишь только обозначается как некоторая возможность для изучения, как некоторая перспектива развития той или иной области, проблемы, нежели подвергается реальной разработке. Главной причиной этого как раз и является ее огромная сложность, даже – определенная необычность и известная противоречивость, а также те традиции, которые связаны с ее разработкой.

В самом деле, с одной стороны, существуют такие традиции, которые, безусловно, являются позитивными и адекватно отражают ее психологическую сущность. Полагается, в частности, что онтологические основания психического, по крайней мере, должны существовать, поскольку *без* и *вне* их сама психика не может выступать как реальность. Это – наиболее общее и аксиоматичное положение, которое носит, по существу, фундаментальный характер. Оно, как известно, вообще знаменует собой демаркационную линию между материалистическим и идеалистическим подходом к исследованию психики. Далее, безусловно, правомерным является и то, что онто-

логия психического должна быть существенно – кардинально и качественно иной, нежели онтология непсихического (материального). Термин «онтология» по отношению к психике фиксирует не ее *материальность*, а ее *существование* как некоторой реальности. Причем, эта реальность является качественно иной – не объективной, а субъективной. «Онтологичность» по отношению к психике не тождественна «материальности», а фиксирует факт реальности. Материальность и бытие – не тождественные понятия; «быть» и «существовать материально» – совершенно не одно и то же, что и проявляется в наиболее ярком виде по отношению к психике.

Вместе с тем, исторические традиции, пронизывающие, по существу, всю историю научного познания, включая его постнеклассический этап, прочно ассоциируют онтологию предмета с его объективным бытием. Онтологический аспект исследования, как правило, связывается с рассмотрением материальных основ предмета. В этом коренится противоречивость онтологического аспекта любого психологического исследования. Будучи направленным на раскрытие реальных, то есть онтологически представленных механизмов, он, однако, имеет дело с такой реальностью, которая является не объективной, а качественно, принципиально иной – субъективной. Вместе с тем, истинная глубина и сложность данной проблемы состоит именно в том, что сама субъективная реальность также в известном смысле объективно существует. Она, будучи предельно специфичной и даже уникальной по своему содержанию, тем не менее, выступает неотъемлемым компонентом объективной реальности. Эта сложность обуславливает сохраняющуюся до сих пор неясность и противоречивость самого понятия онтологии психического, фиксирующего объективную реальности субъективного мира.

Еще одна особенность данной проблемы состоит в том, что она не является в подавляющем большинстве случаев основной и самостоятельной целью тех или иных психологических исследований, а выступает, скорее, как сопутствующая по отношению к разработке иных проблем. Она сложилась, так сказать, стихийно и не «венчает» каких-либо специальных усилий, направленные на ее становление и разработку. Данная проблема оформляется, скорее, не *благодаря*, а *вопреки* им – под мощным давлением объективной логики развития и углубления многих иных психологических проблем.

Наконец, следует отметить и еще одну достаточно специфическую особенность данной проблемы, которая носит уже подчеркнуто негативный характер и во многом затрудняет ее разработку. Полагается, что онтология психического – даже, если она существует, представляет собой нечто принципиально *гомогенное*. Это – некоторая субстанциональная основа, которой, хотя, конечно, и очень сложна, но в принципе едина в плане своей качественной определенности, то есть гомогенна в этом отношении. Причем, основным атрибутом ее содержания, равно как и, фактически, единственным, а потому – единым признаком ее дифференциации и спецификации как таковой является то, что она именно *не-материальна*. По отношению к ней можно констатировать ту же особенность, которая характерна для определения еще одного базового понятия психологии – бессознательного. Как мы уже отмечали выше, практически все его определения носят своего рода *отрицательный* характер, поскольку бессознательное – это то, что обладает атрибутами, противоположными сознательному. Оно – то, что *не* является сознательным. Точно так же и специфика онтологии психического определяется через особенности, являющиеся противоположными и в этом смысле – отрицательными по отношению к онтологии материального мира. В результате этого, содержательная – позитивная экспликация содержания онтологии психического в целом и его гетерогенность остаются недостаточно раскрытыми. Причем, еще точнее было бы сказать, что обычно не формулируется даже сам вопрос о возможной *не-гомогенности* (а, напротив, – принципиальной гетерогенности) онтологии психического. Такой – традиционный подход к трактовке онтологии психического, который принял даже характер некоторого научного стереотипа, в значительной степени затрудняет, а в ряде случаев – фактически, блокирует ее конструктивное и дифференцированное раскрытие.

На наш взгляд, разработке данной проблемы может содействовать учет следующих положений, которые, однако, до сих пор не эксплицированы в явном виде и не выступают пока предметом специального методологического анализа.

Во-первых, следует обязательно учитывать явную и очень глубинную – фактически, сущностную взаимосвязь онтологического плана исследования (равно как и самого понятия онтологии) с базовой общенаучной категорией *качества*. Раскрытие онтологических

оснований любого предмета, как своего рода терминальный аспект изучения, направлены на выявление его, так сказать, «основы основ» – тех объективно представленных и определяющих его характеристик, которые эксплицируют его сущностные черты. Известно, однако, что именно категория качества и является средством, фиксирующим черты именно такого рода – сущностные характеристики, составляющие качественную определенность любого предмета исследования. Именно она, образованная совокупностью базовых качеств, это и есть та сущность, раскрытие которой, собственно говоря, и является главной целью исследования любого фрагмента объективной реальности (и субъективной тоже). Как уже отмечалось, качество это и есть «тождественная со своим бытием определенность».

К сожалению, до сих пор глубинная и, по существу, атрибутивная взаимосвязь и даже взаимополагаемость онтологического плана исследования и категории качества осознается, а тем более – реализуется в исследовательской практике явно недостаточно. Если в философском отношении эта связь в общем плане все же зафиксирована как определенный методологический императив, то по отношению к психологическим исследованиям дело обстоит совершенно иначе. Постановка и разработка проблемы онтологии психического до настоящего времени вообще пока, фактически, не сопряжена ни с категорией качества, ни с методологией качественного анализа. Онтологический план исследования как таковой вообще обходит стороной данную категорию. Представленные в психологических исследованиях попытки его реализации по отношению к тем или иным проблемам осуществляются вне должной связи с этой категорией. Данная ситуация является, конечно, не вполне естественной и даже труднообъяснимой с гносеологической точки зрения; она, разумеется, должна быть каким-либо образом преодолена. Для этого в содержание онтологического плана исследования и должна быть обязательно включена категория качества. Более того, она должна выступить одним из базовых средств реализации онтологического плана психологических исследований. Другими словами, онтологический план, как один из важнейших, должен быть синтезирован с соответствующей его рангу (то есть значимости и степени обобщенности) методологией – с методологией *качественного анализа*. Причем, она должна быть реализована в том варианте, который наи-

более полно соответствует современным представлениям в этой области. Данный вариант был обозначен нами как *интегративно-поликачественный* и подробно обоснован в ряде предшествующих работ [256, 258]<sup>85</sup>. Раскрытие «основ основ» – сущности психического, то есть того, что и составляет его качественную определенность, невозможно без обращения к тому, в чем эта определенность и состоит – к его базовым качествам.

Во-вторых, следует четко осознать и достаточно явную ограниченность общего – исторически сложившегося отношения к трактовке самого понятия онтологии психического. Оно, как отмечалось выше, рассматривается как нечто принципиально гомогенное, хотя, конечно, и предполагающее определенную дифференцированность, не являющуюся, однако существенной и, тем более, определяющей для экспликации его качественной определенности. Причем, еще точнее было бы сказать, что ситуация в этом плане еще хуже, поскольку вопрос о его принципиальной *не-гомогенности* обычно вообще не ставится и даже не осознается как возможный. Глубочайшее своеобразие психического по отношению ко всем иным объектам познания заслоняет собой вопрос о возможных качественных спецификациях внутри него самого. Мера его своеобразия и даже уникальности такова, что она «затмевает» его возможную собственную гетерогенность и провоцирует иллюзию несуществования (или, по крайней мере, несущественности) таких спецификаций. Вместе с тем, имеется, конечно, множество аргументов самого разного плана – и теоретико-методологических, и эмпирико-феноменологических, а также – просто житейских в пользу его принципиальной разнородности, то есть разнокачественности. Психическое (идеальное, нематериальное), являясь принципиально гетерогенным, высту-

---

<sup>85</sup> Напомним, что он базируется на двух основных положениях методологического плана. Во-первых, на том, что качественная определенность любого предмета исследования решающим образом определяется его наиболее обобщенными, то есть интегративными характеристиками и, соответственно, аналогичными по природе феноменами и эффектами, механизмами и закономерностями – интегративными, синергетическими. Во-вторых, на том, что обязательным условием раскрытия качественной определенности является опора не только на выявление традиционно использующихся в этих целях качеств – системных, а на все их реально существующие типы, взятые в их взаимосвязи.

пает как единство качественно различных форм (уровней, структур, механизмов и пр.), составляющих содержание его онтологии. Оно, конечно, является единством, но – единством *разнообразного*.

Далее, принципиально то, что степень такой гетерогении не только весьма высока, но и, как отмечалось, соизмерима с мерой гетерогении самого материального. В противном случае психика не могла бы эффективно реализовывать свои функции по отношению к организации взаимодействия с внешней, то есть объективной, материальной средой. Напротив, мера ее внутреннего разнообразия должна быть однопорядкова с качественной гетерогенией внешней среды – объективной реальности. Иными словами, регулятор взаимодействия (психика) должен быть соразмерен по степени сложности и, соответственно, – мере гетерогенности с той объективной реальностью, в отношении которой эта регуляция осуществляется. Подчеркнем также, что раскрытие возможной гетерогении психического затрудняется и даже – блокируется двумя основными причинами. Первая – это хорошо известная в научном познании принципиальная необъективируемость онтологии психического. Вторая – это столь же хорошо известная меньшая дифференцированность репрезентации внутреннего мира по сравнению со степенью дифференцированности репрезентации в содержании психического внешнего мира. Другими словами, гетерогенность онтологии психического не только принципиально необъективируема, но и существенно менее субъективируема. Вместе с тем, если все же признать, что качественная определенность онтологии психического также принципиально гетерогенна, то с необходимостью надо сделать и следующий шаг. Он состоит в необходимости реализации по отношению к ней тех общих представлений – концептуальных подходов и средств, которые сложились в научном познании при решении вопроса о качественной гетерогении. Эти представления, в свою очередь, основаны на общих положениях о существовании совокупности базовых типов качеств, которые были подробно рассмотрены выше.

Наконец, в-третьих, необходимо учитывать и еще одно положение методологического плана. По-видимому, онтология психического как «основа его основ» должна проявляться, прежде всего, в тех – также основных данных, которые исторически сложились в психологии и которые составляют суть наиболее общих представлений

о структурно-функциональной организации психики. Содержание онтологии психического должно быть, так сказать, «соразмерно» – конгруэнтно им. Другими словами, формулировка любых представлений об онтологии психического не только не должна противоречить наиболее общим и фундаментальным общепсихологическим представлениям, но, напротив, – должна базироваться на них. Более того, отмеченное соответствие разрабатываемых представлений об онтологии психического с этими положениями может и должно выступать в качестве средства их верификации. Онтология как уровень *сущности* должна проявляться во всем эмпирическом базисе и теоретическом строе психологического знания как ее гносеологическом отображении, то есть на уровне *явления*. Это гносеологическое отображение должно закономерным образом структурироваться на основе наиболее общих психологических положений. В связи с этим, можно допустить, что содержание и организация самой онтологии должна быть подобной или даже изоморфной тем общим закономерностям, на основе которых организована психика в целом. Более того, по-видимому, именно то, как структурирована психика и, соответственно, то, как эта структура представлена в современных исследованиях картины субъективного мира, определяется тем, какова структура самой онтологии психического. Вторая есть причина первой; однако, в свою очередь, первая выступает средством верификации представлений об онтологии психического.

Реализация трех указанных выше методологических положений является, таким образом, необходимой для корректной постановки и конструктивной разработки проблемы онтологии психического. Именно это и оказывается возможным с позиций развитых выше представлений об основных типах качеств и их эксплицированности в содержании субъективной реальности. Очень показательно и даже примечательно, что при такой постановке проблемы естественным образом выявляется еще одна – очень важная, но, к сожалению, уже полузабытая сегодня грань системной методологии в целом. Дело в том, что сам системный подход является, хотя, конечно, и очень общей методологией, но все же выступает как частный случай еще более общей методологии *качественного анализа* [311]. Таким образом, можно видеть, что три важнейшие категории – субъективной реальности, качества и системности, фактически, синтезируются воедино;

они стягиваются в один проблемный «узел», а тем самым получают потенциальную возможность выступать и как объяснительные средства по отношению друг к другу.

Второй основной предпосылкой, точнее – своего рода источником всех этих – основных и исходных методологических вопросов являются обстоятельства уже преимущественно гносеологического характера. Они, как отмечалось выше, непосредственно сопряжены с общей логикой развития системной методологии в целом и системного подхода, в особенности, а также с его закономерной трансформацией из классических и канонических вариантов в иные – более совершенные и мощные в эвристическом отношении варианты. Одним из таких вариантов выступил сформулированный и реализованный нами по отношению к указанным выше проблемам принцип *метасистемного подхода*. Однако, именно в ходе его разработки и особенно – при его реализации по отношению к этим проблемам все более полно и многогранно вырисовывалась фундаментальная роль в системной (и метасистемной) организации психики и ее основных структурных «составляющих» гносеологической *категории качества*. Действительно, какие бы проблемы ни рассматривались и какие бы предметы ни исследовались посредством этой методологии, практически всегда как главный и определяющий встает вопрос об их сущности – об их содержании и организации, то есть вопрос об их *качественной определенности*. В свою очередь, он с необходимостью требует обращения к тем представлениям, которые сложились в философии относительно категории качества в целом, а также об основных типах качеств, в частности – материальных, функциональных и системных. Вместе с тем, суть дела заключается еще и в том, что именно в русле метасистемного подхода оказалось возможным дополнить эту традиционную «триаду» основных типов качеств *новыми* их типами (виртуальными и метасистемными). За счет этого оказалось возможным существенно расширить интерпретационные возможности и гносеологический потенциал категории качества в целом.

Итак, развитие принципа системности в направлении его трансформации в принцип метасистемности с необходимостью предполагает фокусировку на изучении того, что составляет основу – онтологическую базу содержания и организации любого предмета познания,

то есть его *качественной* определенности в целом и выявлении роли основных типов качеств, в особенности. Другими словами, оно предполагает необходимость обращения к наиболее глубинным и определяющим аспектам такой организации – к тому, что лежит в основе, в глубине такой организации – к *базовым качествам* предметов исследования. Значимость этого связана еще и с тем, что в русле самого традиционного системного подхода парадоксальным образом пока наименее разработанным остается именно этот аспект, который, однако, имеет объективно наибольшую значимость для раскрытия того *основного*, что есть в предмете, – его качественной определенности, то есть, фактически, его содержания. Кроме того, в свете сказанного выявляется и обстоятельство еще более принципиального плана, которое, однако, также несколько странным образом перестало не только реализовываться, но даже и осознаваться. Дело в том, что, как уже отмечалось, принцип системности является частным случаем общенаучной методологии качественного анализа [311]. Она, в свою очередь, не только и не просто базируется на категории качества, но и фактически является формой и обобщенным *способом реализации* того гносеологического потенциала, который заложен в ней. Следовательно, и в этом плане со всей очевидностью и остротой вновь эксплицируется настоятельная необходимость обращения к *категории качества* в целом и к ее реализации по отношению к психологической проблематике, в частности.

Собственно говоря, именно эти обстоятельства определили и принципиальный смысл реализации интегративного плана исследования по отношению к проблеме субъективного времени, его направленность и существо наиболее острых вопросов, которые должны подлежать приоритетному рассмотрению. Все они, с одной стороны, предполагают попытку реализации вполне определенного гносеологического средства – *метасистемного подхода* к его исследованию. С другой стороны, все они должны решаться на основе реализации сформулированных нами представлений об определяющей роли базовой гносеологической категории – *категории качества* в конституировании субъективной реальности.

## 6.2. Сущность и содержание механизма окачествления реальности

### 6.2.1. Содержание механизма окачествления

Концептуальным «ядром» этих представлений, их своего рода содержательной сердцевиной явилось обоснование положения, согласно которому определяющую роль в конституировании субъективной реальности играет специфический механизм, обозначенный как *механизм окачествления*. Он состоит в том, что по отношению к психической организации субъекта основные типы качеств выступают двух статусах одновременно – исходном (*гносеологическом*) и производном (*онтологическом*). С одной стороны, они, разумеется, выступают в своем именно исходном, первичном, то есть гносеологическом статусе. Они предстают как то, в чем нечто *проявляется* и, следовательно, открывается познанию (как обыденному, так и научному). Однако, глубочайшая специфичность психики (то есть своеобразие онтологии психического) в том и заключается, что сами качества в значительной степени и составляют ее содержание – *являются* им. Качества подвергаются сообразной онтологизации и трансформируются из *свойств* носителя в *содержание* самого носителя. Точнее – они становятся им, а еще точнее – они его и *конституируют*<sup>86</sup>.

Очень показательным, что обоснованность этих представлений с достаточно высокой степенью очевидности проявляется при обращении уже к первому и наиболее традиционному типу качеств – материальным. При этом, правда, следует учитывать принципиальную трудность использования данного типа качеств как, действительно, основного и имеющего фундаментальное гносеологическое значение по отношению именно к психологическим исследованиям. Она обусловлена их несовместимостью, противоположностью их природы и самой сути психического – как имеющего атрибутивно нематериаль-

---

<sup>86</sup> В данной связи следует напомнить о том, что у самого термина «окачествление» в историческом плане есть, так сказать, философские предшественники – это термины «окачествование» (Г. Гегель [139]), «качествование» (Л. П. Карсавин [279]), «качествователь» (И. Кант), которым, что показательным именно в плане проблематики субъективного времени, он обозначал время.

ную, идеальную природу. В действительности, эта принципиальная трудность во многом преодолевается в том случае, если аналогичной, то есть также существенной корректировке подвергнуть само традиционно сложившееся понимание категории материальных качеств – осуществить концептуальное расширение представлений о нем.

На наш взгляд, оно должно быть обобщено до понятия *субстанциональных* качеств. Их атрибутивной характеристикой выступает то, что в них фиксируется относительно наиболее простая из возможных форм существования качественной определенности той или иной системы. Это означает, что они соотносятся с такими ее структурными «составляющими» (единицами – носителями качественной определенности), которые, с одной стороны, еще несут ее на себе, а с другой, выступают простейшими из них. Такими единицами, как известно, и являются компоненты любой системы (в отличие от элементов, которые, будучи объективно необходимы для формирования на их основе компонентов и выступая их онтологической основой, вместе с тем, сами по себе уже утрачивают качественную определенность целого). Эта трактовка позволяет расширить исходную категорию материальных качеств, вскрывает их статус как *видовых* по отношению к субстанциональным качествам (как *родовым*). Другими словами, сами материальные качества предстают с этих позиций как частный случай более общего понятия *субстанциональных* качеств. Последние, в свою очередь, релевантны всем иным существующим типам – прежде всего, собственно психологическим, а также темпоральным. На наш взгляд, именно термин «субстанциональные качества» является более общим и в большей степени соответствующим их сути и истинной сфере действия. В этом случае, однако, формулируется вопрос о том, что же именно является такой единицей – относительно простейшим носителем психического? Что именно выступает *уже* психическими сущностями, но одновременно и такими, которые являются относительно простейшими из всех возможных форм этой – собственно психической организации? Именно эти образования, а также их состав, содержание и особенности и будут характеризовать совокупность субстанциональных качеств по отношению к психике в целом. В плане возможного ответа на эти вопросы необходимо, прежде всего, обратить внимание на то, что существует очень явная и прямая связь между материальными качествами и *уровнем сенсорики*; поясним сказанное.

Действительно, можно видеть, что при такой – существенной степени конкретизированности исходный исследовательский вопрос представляется уже достаточно очевидным в плане своего возможного решения. Теми единицами, которые соотносятся с субстанциональными качествами, как раз и выступают основные *модальности*, основные типы ощущений и сенсорика в целом. Именно они в наибольшей степени – естественно и атрибутивно соответствуют базовым характеристикам, зафиксированных в понятии компонентов. Действительно, они, являясь уже собственно психическими сущностями (то есть, уже выступая носителями качественной определенности всего целого), одновременно представляют собой и относительно наиболее простые из всех возможных ее форм. В этом плане очень характерно и показательно (а одновременно и доказательно) существование глубокого – доходящего до степени этимологической идентичности подобия двух указанных понятий. С одной стороны, это сама категория *качеств*, в том числе – и материальных. С другой стороны, это понятие модальностей, которое дословно и как раз и означает «*качество*». Модальности ощущений – это и есть их качества. Не менее очевидно и показательно также, что именно ощущения, модальности (сенсорика в целом) образуют собой исходный «материал» психического, его субстанциональную основу. Она составляет то, что обычно обозначается как чувственная ткань психического.

Вместе с тем, существует и еще одна – более глубинная причина принципиального подобия субстанциональных качеств и модальностей (качеств ощущений). Как известно, в системном подходе одним из основных и даже аксиоматичных положений является то, что материальные качества в значительной степени вообще конституируются и, соответственно – дифференцируются от других типов качеств на основании их принципиально *чувственного* характера [258]. Они непосредственно даны, доступны прямому *чувственному* познанию. Более того, через них и, соответственно, через их данность субъекту (причем, данность прямую и непосредственную) внешний мир и открывается человеку неоспоримо и явно. Он материализуется в них, трансформируясь из «существования-в-себе» в «существование-для-личности». Таким образом, можно видеть, что имеет место явная – атрибутивная связь сути этих качеств с феноменом чувственной данности. Сами качества дифференцируются в объективной

среде лишь постольку, поскольку собственная организация психики в целом и ее сенсорной организации, в частности, содержит в себе вполне определенный набор модальностей. Мир кодируется и отображается именно в тех качествах и в том их количественном составе, которые обусловлены сенсорной организацией субъекта как таковой. Они и обозначаются как материальные качества. Если бы сенсорная организация была иной – и по «*качеству* качеств» (по содержанию того, что могло бы быть доступно отражению), и по их *количеству*, то и объективный мир материализовался бы в психике существенно иначе. В результате вся картина психического была бы иной. Сама вторичная – хотя и субъективная, но все же реальность вообще оказывается возможной лишь на основе такой «материализации», точнее – субстанционализации. Эта реальность *до* возникновения сенсорики вообще не существовала<sup>87</sup>. Нетрудно видеть, что во всем этом конкретизируются фундаментальные проблемы гносеологического плана, связанные с известным «законом специфических энергий органов чувств» [759]<sup>88</sup>.

Однако трудно не видеть и того важнейшего обстоятельства, что аналогичное свойство – свойство прямой, исходной чувственности не только наиболее полно присуще основным модальностям, как основным носителям субстанциональных качеств, но и вообще – составляет их сущность, *является* им. Модальности ощущений, качества, составляющие сенсорную сферу, – это уже не только то, что *обладает* чувственной данностью; они и *есть* сама эта данность.

---

<sup>87</sup> Как отмечал в этой связи Р. Грегори, «До возникновения жизни шума на Земле не было, хотя горы рушились» [156].

<sup>88</sup> Точное название этого закона звучит именно так – «закон специфических энергий органов чувств», то есть во множественном числе, что отражает его суть – специфичность качества «энергий», то есть содержания, которое соотносится с каждой модальностью [759]. Согласно ему, вне зависимости от того, что именно воздействует на орган, ощущение от этого раздражителя будет одинаковым. Например, не имеет значения, какой стимул будет воздействовать на глаз – итогом будет раздражение зрительного нерва. Значение имеет не свойство раздражителя, а качество объекта (органа чувств). Это означает, что любой орган (к примеру, упомянутый выше зрительный нерв) обладает специфической энергией, которая находит выражение при воздействии раздражителей. В свою очередь, это приводит к выводу о том, что каждое ощущение – это не результат деятельности внешних стимулов (отражение объективной реальности), а специфика органов чувств.

Субстанциональные качества, представленные в модальностях, не просто чувственно даны (что является общим обязательным и объективным требованием для их отнесения к материальным качествам); они, повторяем, и есть сама эта чувственность. Именно поэтому они не требуют каких-либо дополнительных средств для того, чтобы быть доступными психике. Поэтому они образуют ее субстанциональную основу, ее качественную определенность, ее «самость» – выступают для нее в качестве своеобразной *causa sui*.

Естественно, что при такой трактовке понятия материальных, а шире – субстанциональных качеств возникает целый ряд очень сложных, но одновременно – очень интересных вопросов теоретического и даже философского плана. Так, встает вопрос о том, почему в ходе эволюции сформировались именно те модальности, которые, собственно говоря, и сформировались – и в том составе, и в том содержании, в котором это реально имеет место? Почему иные объективные «агенты внешнего воздействия» – иные типы физических воздействий на организм извне оказались не обеспеченными соответствующими им модальностями для их отображения? Почему существующие модальности ограничены определенным диапазоном? Насколько субъективный «мир модальностей» адекватен объективному миру физических стимулов и, следовательно, насколько полно и точно он позволяет субъекту моделировать его? Не попадает ли человек сразу – уже на уровне модальностей «в плен» гносеологических иллюзий, связанных с тем, что кодирование объективного мира посредством существующего набора модальностей является, возможно, исходно неполным и даже не вполне адекватным, деформированным? При этом возникает и наиболее радикальный вопрос: либо модальности существуют потому, что есть материальные качества объектов, либо сами материальные качества существуют потому, что есть определенные модальности? Вместе с тем, в плане обсуждаемой проблемы, наиболее важно то, что независимо от любого варианта ответа на него сохраняется важнейшее положение о взаимопологаемости модальностей и данного типа качеств. Оно должно быть поэтому зафиксировано специально как важный, хотя пока и промежуточный результат проводимого здесь анализа и затем выступить как одна из посылок итоговых обобщений.

Далее, следует обратить специальное внимание и на еще одну – важную и, более того, сущностную особенность основных сенсор-

ных модальностей как носителей субстанциональных качеств психики. Фактически, все сенсорные модальности, выступая, с одной стороны, именно качествами, с другой, как бы «перерастают» исходный статус самого понятия качества – как феноменологического проявления некоторой более глубинной и первичной по отношению к нему сущности. Они сами становятся уже не столько качествами как *проявлениями* (и потому – явлениями, то есть феноменами) какой-либо сущности, но и самой этой *сущностью*. Они как раз и образуют «фундамент», лежащий в основе всех иных психических образований и структур, процессов и свойств, особенностей и закономерностей их организации – лежат в основе всего содержания психики. Тем самым, они, по существу, и образуют базис подлинной онтологии психического; переходят из феноменологического статуса в статус онтологический – перестают быть только тем, в чем *нечто является* и выступают как само это *нечто* – как субстанциональная основа психического. Имеет место явление, которое можно обозначить как феномен, точнее, по-видимому, – как *механизм окачества*. Он состоит в том, что субстанциональные качества трансформируют свой исходный статус и предстают уже не только как *свойства* носителя, а как *содержание* носителя, трансформируются в собственно онтологический статус<sup>89</sup>. В этом, собственно говоря, находит проявление еще одна грань глубочайшей специфичности и уникальности организации психики, своеобразие ее природы. Психика – ее содержание, так сказать, «материал», то есть, фактически, ее онтология как раз и конституируется на основе такого механизма окачества. Внешняя – объективная реальность окачивается в модальностях (ощущениях), что, собственно говоря, и конституирует ее чувственную ткань. Трансформация гносеологического статуса качеств в онтологический тем самым и порождает сенсорный уровень как таковой. Специфичность и уникальность психики как раз и заключается в том, что в сенсорных модальностях имеет место трансформация, точнее – переход качеств носителя в содержание самого этого носителя, в его собственную онтологию.

---

<sup>89</sup> Возможно, это не лучший термин для обозначения данного механизма. Он используется здесь как условный, рабочий и допускает в дальнейшем возможность его корректировки.

Вместе с тем, эта формирующаяся в качествах, то есть в сенсорных модальностях – *через* них онтология психического (как субъективной реальности) теснейшим и, по существу, атрибутивным образом связана с базовыми чертами реальности объективной. Дело в том, что и в составе (номенклатуре) сенсорных модальностей и в их содержании, внешний мир репрезентируется также в его относительно наиболее простых – собственно материальных проявлениях. Качества, как сенсорные модальности, «кодируют» – репрезентируют объективную реальность в ее базовых – именно основных и наиболее простых материальных проявлениях, образуя тем самым и субъективную реальность. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что в них достигается «сплав» – единство внешнего материала и, так сказать, материала внутреннего, то есть собственной онтологии психического. Две онтологии – объективная и субъективная тем самым синтезируются в них, образуя феномен сенсорных модальностей как единства внешнего и внутреннего, материального (в смысле объективного) и собственно психического.

Однако уже в этом плане со всей отчетливостью предстает вся относительность, условность и, возможно, – неполная корректность *оценочного* подхода к сравнительной степени сложности отдельных психических процессов. Дело в том, что с позиций развитых выше представлений именно тот процесс, который считается традиционно наиболее *простым* (ощущение), в известной мере выступает наиболее *сложным* и вообще – наиболее труднообъяснимым и малопонятным. Дело в том, что именно в нем и *через* него достигается трансформация материального в идеальное, переход не-психического в психическое<sup>90</sup>. Он, собственно говоря, и есть то, что знаменует возникновение самой качественной определенности психического как такового. Кроме того, в данной связи формулируется и ряд очень важных общетеоретических вопросов – прежде всего, вопрос о том, как именно это происходит. В данном отношении можно отметить, например, известную «гипотезу уподобления» А. Н. Леонтьева [332]. В ней принцип подобия воспринимающего воспринимаемому, который выдвигался еще античными философами, получает конкретно-научную психологическую трак-

---

<sup>90</sup> Напомним, что этот же вывод был сделан и ранее, хотя и в связи с совершенно иным аспектом организации процесса ощущения.

товку. Речь идет не просто о подобии, а об уподоблении, не о некоем изначальном соответствии органа объекту, а о процессе уподобления состояний органа свойствам отражаемого объекта. Это, как известно, и лежит в основе данной гипотезы. Анализируя результаты исследований осязательного восприятия, А. Н. Леонтьев приходит к выводу, что «в процессе осязательной рецепции... происходит «снятие слепка» объекта...», но «...это осуществляется не путем изменения формы самого «снимающего» субстрата, а путем изменения процесса; не сама ощупывающая рука, соприкасаясь с предметом, воспроизводит ее контур, а ее движение. При этом, самый простой и само собой понятный факт состоит в том, что, чем более движение изоморфно объекту, тем совершеннее отражение его формы, тем точнее может быть отличена данная форма от другой» [101]. В ходе осязания свойство объекта преобразуется в сукцессивный рисунок (траектории движения руки), который затем вновь «развертывается» в симультанное отражение объекта. «Таким образом, – заключает Леонтьев, – специфическая особенность механизма процесса осязания заключается в том, что это есть механизм, уподобления динамики процессов в рецепицирующей системе свойствам внешнего воздействия» [331].

Еще более полную и детальную разработку данная проблема получила, как известно, в работах Л. М. Веккера, базирующихся на сформулированных им идеях изоморфизма и инвариантности базовых информационных принципов организации объективной и субъективной реальности, а также на введенном им понятии «психофизиологического сечения» [111]. Фактически, во всех этих и сходных с ними исследованиях проводится идея о подобии, доходящем до степени изоморфизма, между сенсорными процессами, взятыми в их конкретном психофизиологическом содержании, и структурой и содержанием внешних раздражителей.

В наиболее общем и принципиальном плане данная проблема органично сопряжена с известной гносеологической дихотомией на две основные парадигмы понимания природы и генезиса психического. Их условно можно обозначить как парадигму *отражения* и парадигму *порождения*. К первой относятся все подходы, признающие, так сказать, «вторичность» и производность психического по отношению к не-психическому, а также воспроизведение второго в первом в возможно более адекватном виде. Ко второй относят-

ся подходы, ставящие во главу угла генеративные, конструктивные средства конституирования субъективной реальности. Кроме того, если первая парадигма, признавая, разумеется, важную роль активности субъекта в порождении психического, все же отдает приоритет внешним воздействиям (как объективным), то вторая отдает приоритет именно этим – внутренним источникам порождения психического, факторам субъективного плана. Наиболее полное воплощение она получила в экологическом подходе Дж. Гибсона, базирующемся на ключевом понятии аффордансов [142]<sup>91</sup>. В еще более общем – гносеологическом плане, данная парадигма основывается на одном из важных философских направлений – конструктивизме [406]<sup>92</sup>.

Наряду с этим, важно иметь в виду, что в сенсорных модальностях, как своего рода базовых и первичных носителях качественной определенности психики (в ее субстанциональных качествах), представлена, конечно, не вся онтология психического. В них представлена лишь ее относительно наиболее простая и исходная форма – так сказать, «фундамент» этой онтологии, основа субъективной реаль-

---

<sup>91</sup> Неологизм *affordance* (аффорданс) происходит от глагола *afford* – предоставлять, разрешать. Аффордансы – это то, что окружающий мир предоставляет, разрешает совершить индивиду. Индивид соотносится не с миром, описываемым в физических терминах, а с экологическим миром. Он трактуется как набор аффордансов, являющийся видо-специфическим. В этом плане данный подход восходит к известной и более общей парадигме активности; один из основных ее тезисов состоит в том, из среды активно «отбирается» индивидом то, что может быть использовано для достижения цели. Как полагал в свое время J. von Uexkull (по [142]), число объектов, которые может различить индивид, равно числу функций, которые он может реализовать. Анализ среды как обеспечивающей активность индивида в ней, дано в теории аффордансов. Описание экологического мира определяется тем, какие акты в нем может совершить индивид. Понятие аффордансов подразумевает взаимодополнительность мира и индивида. Дж. Гибсон отмечает, что понимает под ним «нечто, относящееся одновременно и к окружающему миру, и к животному таким образом, который не передается ни одним из существующих терминов» [142].

<sup>92</sup> Как известно, конструктивизм представляет собой подход, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием; это альтернатива эпистемологическому реализму, базирующемуся на постулате объективности и самодостаточности познаваемого. Базовым тезисом конструктивизма является положение, что реальность не отражается и не репрезентируется языком и сознанием, а создается в процессе наблюдения или познания [406].

ности в целом. Это именно исходный материал, на основе которого формируется все это содержание. Он является еще относительно наиболее простым – «сырым», наиболее приближенным именно к объективной, материальной реальности; он воспроизводит ее и является принципиально подобным ей. Он чувственен – модален, но еще принципиально асемантический. В нем объективная реальность «кодируется» в элементарных единицах – единицах чувственной данности, в сенсорных качествах. Одной из важнейших и также отличительных их черт является и то, что они являются, так сказать, максимально, автономизированными – отчлененными друг от друга по сравнению практически со всем иным психическими образованиями – прежде всего, психическими процессам (данное обстоятельство, кстати говоря, не учитывается в психологических исследованиях должным образом). Модальности характеризуются значительно меньшей степенью взаимосвязанности и единства (а уж тем более – органической целостности), нежели, скажем, психические процессы или качества личности. Они принципиально отделены и отчленены друг от друга, а связи между ними, хотя, разумеется, и существуют (достаточно отметить в данной связи известный феномен синестезии), но все же носят подчиненный характер. Эти связи не входят в самую сущность их организации и, более того, по-видимому, противоречат ей.

Действительно, очень хорошо известно, что ни один психический процесс, фактически, невозможно аналитически изолировать от всех иных процессов и выделить его, так сказать, в «чистом виде». Однако это вполне реализуемо – причем, достаточно просто и естественно по отношению к модальностям. Аналитичность модальностей и даже их своеобразная атомистичность имеет, на наш взгляд, глубокие причины и обладает важным смыслом. Дело в том, что в них представлены базовые и самостоятельные, вполне самостоятельные «измерения» внешней – объективной реальности. Они, однако, являются – именно по причине их самостоятельности, ортогональными друг другу. Поэтому и в сенсорных модальностях, точнее в их выраженной автономности друг от друга как раз и воспроизводится эта ортогональность. Кроме того, очень важно иметь в виду, что для возможности последующей реализации совокупности интегративных механизмов, которые в значительной степени и лежат в основе всей организации и функционирования психики, нечто

должно вначале подвергнуться необходимой и достаточно глубокой дифференциации. Именно это и достигается посредством сенсорных модальностей как субстанциональных качеств, образующих онтологию психического. Они должны быть принципиально «атомистичными» – аналитичными, поскольку именно от степени глубины дифференцировки как раз во многом и зависит эффективность (мощность) последующей интеграции.

Наконец, говоря о сенсорных модальностях как о субстанциональных качествах психики, образующих основу ее онтологии, нельзя оставить без внимания еще один вопрос. Он, к сожалению, обычно не становится предметом самостоятельного анализа, хотя и является достаточно важным. Действительно, при их изучении основное (или даже исключительное) внимание уделяется именно их качественной стороне. Главный вопрос, рассматривающийся при их изучении, это вопрос о том, насколько адекватно они отображают внешнюю реальность. Однако не менее важным и интересным является, как уже отмечалось выше, и вопрос об их *составе* – о том, почему в ходе эволюции, в процессе филогенеза сформировались именно эти модальности и именно в таком количественном составе<sup>93</sup>.

Раскрытие специфики механизма окачествления по отношению к материальным (субстанциональным) качествам должно, на наш взгляд, учитывать и еще два – очень значимых обстоятельства. Во-первых, если рассматривать свойство сензитивности, присущее психике и данное в определенной совокупности типов ощущений (модальностей) в наиболее общем плане, то необходимо учитывать тот факт, что это свойство не сводится к сензитивности лишь по отношению к внешней среде. Данное свойство распространяется, разумеется, и на внутреннюю среду. Этот – фундаментальный факт зафиксирован, как известно, в наиболее общей дифференциации всех ощущений на экстеро- и интероцептивные ощущения (с их последующей дифференциацией) [189, 598]. Первые (по определению) ориентированы на реализацию функции сензитивности по отношению к внешней среде; вторые – на реализацию этой же функции, но по отношению к среде внутренней. В этом плане приходится констатировать, что, в силу многих причин, именно те модальности, которые относятся

---

<sup>93</sup> Ниже мы возвратимся к обсуждению данного вопроса.

к их первому классу (экстероцептивные) дифференцированы значительно более детально и изучены несопоставимо лучше, нежели другие. Они включают общеизвестные пять чувств – пять типов модальностей (зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые).

Вместе с тем, уже сам по себе фундаментальный факт существования не только экстероцептивных, но и интероцептивных ощущений с очевидностью указывает на то, что количество модальностей, реализующих общую функцию сензитивности, не сводится к упомянутой «пятерке», а включает, как минимум, еще два типа модальностей, входящие в класс интероцептивных – висцеро- и проприоцептивные ощущения [598]. К сожалению, повторяем, они дифференцированы и исследованы в значительно меньшей степени, нежели пять «классических» типов ощущений (то есть экстероцептивных модальностей). Однако, во-первых, не подлежит сомнению сам факт их существования; во-вторых, не исключено, что и они – при их более углубленном изучении также потребуют дополнительной дифференциации на виды и подвиды. Так, например, уже сейчас совершенно ясно, что интероцептивные ощущения отнюдь не являются однородными, гомогенными, а включает целый ряд достаточно отличных друг от друга «внутренних ощущений». Например, интероцептивные ощущения могут и должны быть дифференцированы на висцероцептивные и хеморецептивные. Последние, как известно, играют очень большую роль в возникновении и протекании мотивационных процессов, поскольку многие из первичных биологических мотиваций (голод, жажда) связаны именно с отклонением химического состава психофизиологических констант от их нормального уровня. Это проявляется, прежде всего, в биохимических сдвигах, которые и инициируют соответствующие мотивационные процессы (и вообще – переживаются как биологические потребности). Следовательно, если говорить о количестве модальностей, то их существует, как минимум, *семь*, а не пять.

Показательно также, что именно в связи с этим, возникает достаточно важный в теоретическом плане вопрос. Он состоит в том, почему именно интероцептивные ощущения, а также иные классы психических процессов, кроме когнитивных, – мотивационные и эмоциональные, характеризуются существенно меньшей степенью дифференцированности? Причем, это относится не только к тому, насколько дифференцированно и детализировано – так ска-

зять «расчлененно» они представлены на уровне научного познания – в психологической систематике, но и к тому, насколько дифференцированно они репрезентированы и субъективно. По-видимому, в основе этого лежит следующая основная причина. Высокая степень дифференцировки и, следовательно, относительно более полная репрезентированность субъективной реальности, а в целом – и полноты интроспективной данности является очень мощной предпосылкой для того, чтобы она становилась доступной для субъективного *вмешательства* в нее – контроля, управления, трансформации и пр. Это – частный случай общего правила, согласно которому важнейшим критерием познания чего-либо является возможность воздействия на познаваемое и изменение его. Однако это же относится не только к познанию, но и к самопознанию: не только к внешней, но и к внутренней среде – к психике в целом и к отдельным ее «составляющим», в частности, к типам опущений и классам психических процессов. Следовательно, чем более полно репрезентирована та или иная «составляющая», чем дифференцированнее и тоньше она субъективно дана, тем большие возможности существуют для субъектного воздействия на нее. Оно, однако, являясь именно субъектным, выступает и *субъективным*, а значит – и не вполне объективным, то есть могущим нарушать базовые и жизненно важные закономерности организации психики в целом и модальностей, а также процессов, в частности. И, если такого рода нарушения еще относительно допустимы для когнитивных процессов, то они уже практически недопустимы для иных процессов, имеющих более непосредственное отношение к обеспечению *жизненно* важных функций – функций, имеющих в большей степени физиологическую ориентацию. Однако именно таковыми как раз и являются interoцептивные ощущения, с одной стороны, и мотивационные и эмоциональные процессы, с другой. Метафорически выражаясь, можно сказать и так: природа в большей степени «охраняет» их от субъективного вмешательства посредством именно их меньшей дифференцированности и интроспективной данности.

Отсюда следует, что механизм окачествления даже в случае этих – относительно наиболее простых качеств не сводится лишь к его действию по отношению только к внешне представленным материальным качествам. Он не исчерпывается только прямым, непосредственным окачествлением материальных (физических) качеств объективной

реальности в тех или иных сенсорных модальностях. В этом плане сенсорика в целом и модальности, в частности, как раз и выступают прямыми следствиями окачества материальных качеств самой объективной реальности в ее физических (и иных – но также материальных) воздействиях на организм. Однако сенсорика включает и внутренне-ориентированные модальности, которые также являются продуктами действия механизма окачества, но по отношению к внутренней среде – к параметрам самого субъекта. Можно видеть, что уже на уровне сенсорики данный механизм дифференцируется на две сферы его действия – на окачество не только внешней, но и *внутренней* среды. Во втором случае он, фактически, выступает как механизм *самоокачества*. Вместе с тем, следует, конечно, подчеркнуть, что по отношению к данному уровню в общей структуре этого механизма явно доминирует первая сфера, причем, настолько, что, как мы уже отмечали, сама сенсорика вообще часто сводится только к совокупности внешне-ориентированных модальностей.

Далее, следует учитывать и то, что в общем виде механизм окачества означает трансформацию объективно представленных качеств, то есть качеств, носящих именно *объективный* характер, в качества субъективной реальности. Однако именно в этом пункте анализа возникает достаточно сложное и даже, так сказать, «тонкое» обстоятельство, существенно затрудняющее его, но которое обязательно необходимо учитывать. Дело в том, что, как правило, понятия *объективной* реальности и *внешней* локализации материальных носителей, а соответственно, и их качеств просто отождествляются. Данное обстоятельство является настолько само собой разумеющимся, что практически никогда не подвергается рассмотрению и дифференцированному анализу. Понятия «объективного» и «внешнего» практически полностью отождествляются, что в известном смысле не только понятно, но и допустимо, хотя в целом, конечно, и не вполне корректно. Однако, эти близкие или даже, казалось бы, практически тождественные понятия «внешнего» и «объективного» (в данном случае – внешнюю локализацию носителя качеств и их характер – либо объективный, либо субъективный) совершенно недопустимо смешивать и тем более отождествлять. В действительности, они обозначают собой несовпадающие сущности, а их дифференциация может выступить ключом для определения специфики механиз-

ма окачествления по отношению и к субстанциональным качествам. Действительно, если эти понятия в целом не тождественны, то нечто (например, какой-либо процесс или механизм, структура или функция) могут быть в принципе, хотя и *внутренне* локализованными, но в то же время, и носить совершенно *объективный* характер. Впрочем, это давно известная истина и она относится к материалистическому способу видения психики и ее основных «составляющих». И она в целом, и все ее основные «составляющие», в частности, имеют в своей основе объективные закономерности. Они функционируют *по* ним и *согласно* им, что, однако, на уровне субъекта может репрезентироваться существенно иначе, порождая ощущение субъективности внутреннего мира и его компонентов и, соответственно, субъективного, а не объективного характера их функционирования.

Другими словами, практически независимо от различий в подходах к указанным вопросам, смысл предлагаемых вариантов их решения сходен. Он состоит именно в признании объективного характера самих внутренне локализованных структур и процессов, а в более общем плане – в наличии у психики и ее «составляющих» объективных основ и закономерностей. С этой точки зрения понятия внешнего и объективного, а также внутреннего и субъективного недопустимо отождествлять: внутреннее также может и, более того, должно быть не только субъективным, но и объективным. Поэтому сами субстанциональные качества (равно, впрочем, как и все иные), объективно представленные в реальности, также имеют двойную локализацию – и внешнюю (экстрапсихическую), и внутреннюю (интрапсихическую). Это означает, что одним из модусов качеств, как объективно представленных, является их соотносительность с интересующими модальностями.

Отсюда, далее, вытекает важный, по нашему мнению, вывод: механизм окачествления вовсе не сводится к трансформации объективных, но только внешне-локализованных качеств и ей отнюдь не исчерпывается. Дело в том, что этот же механизм действует и по отношению к трансформации и внутренне-локализованных субстанциональных качеств из их объективного статуса в субъективный. Объективно представленные субстанциональные качества, но присущие самому субъекту, также выступают несомненной реальностью, не нуждающейся в особом обосновании. Следовательно, уже на уровне сенсори-

ки механизм окачествления действует не только по отношению к внешне-локализованным и носящим статус объективных качеств, но и по отношению к внутренне-локализованным качествам. В свете данного заключения эксплицируется и тот факт, что данный механизм имеет не одну, как это было установлено в наши предыдущих работах, сферу действия – *внешне*-локализованную, а две таких сферы. Вторая из них как раз и является *внутренне*-локализованной. Вместе с тем, по отношению к уровню сенсорики явно доминирует первая «составляющая» данного механизма – его направленность на внешне-представленные качества. Несколько предвосхищая дальнейшее изложение, отметим также, что по отношению к двум другим основным типам качеств – функциональным и особенно системным эта пропорция очень существенно и вполне закономерно меняется в направлении придания все большего веса в нем внутренне-локализованных качеств.

Таким образом, на основе представленных выше данных можно сделать обобщающее заключение, согласно которому первые из базовых типов качеств – материальные находят свое максимально полное и органичное, естественное и необходимое воплощение в организации психики. Они, однако, представлены в ней в специфическом модусе – как субстанциональные качества. Они атрибутивно сопряжены с базовыми сенсорными модальностями, а потому уже не просто характеризуют – описывают содержание психики как субъективной реальности (то есть выступают уже не только как феноменологические проявления и гносеологические средства). Они и *составляют* это содержание; сами являются подлинной онтологией психического – хотя, разумеется, и онтологией, представленной пока в относительно простейшей форме. Специфичность и уникальность психики как раз и заключается в том, что в сенсорных модальностях имеет место трансформация, точнее – переход *качеств* носителя в *содержание* самого этого носителя, в его собственную онтологию.

Итак, принципиальное значение по отношению к данному механизму имеет также еще одна его особенность, которая проявляется уже по отношению к материальным качествам, к уровню сенсорики, но которая становится более явной на более высокоорганизованных уровнях субъективной реальности. К ее рассмотрению мы еще возвратимся ниже, а пока зафиксируем ее смысл и, так сказать, генетические корни, а также относительно наиболее простую форму ее существо-

вания. Действительно, если рассматривать свойство сензитивности, присущее психике и данное в определенной совокупности типов ощущений (модальностей) в наиболее общем плане, то необходимо учитывать тот факт, что это свойство не сводится к сензитивности лишь по отношению к *внешней* среде. Оно распространяется, разумеется, и на внутреннюю среду. Этот – фундаментальный факт зафиксирован, как отмечалось, в наиболее общей дифференциации всех ощущений на экстеро- и интероцептивные ощущения (с их последующей дифференциацией). Первые (по определению) как раз и ориентированы на реализацию функции сензитивности по отношению к внешней среде; они включают общеизвестные пять чувств – пять типов модальностей (зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые). Вторые ориентированы на реализацию этой же функции, но по отношению уже к среде внутренней. В этом плане приходится констатировать, что в силу многих причин, именно экстероцептивные модальности дифференцированы значительно более детально и изучены несопоставимо лучше, нежели интероцептивные. Следовательно, механизм окачествления даже в случае этих – относительно наиболее простых качеств не сводится лишь к его действию по отношению только к *внешне* представленным материальным качествам. Уже по отношению к уровню сенсорики данный механизм дифференцируется на две сферы его действия – на окачествление не только внешней, но и внутренней среды. Во втором случае он, фактически, выступает как механизм *самоокачествления*. Вместе с тем, следует, конечно, подчеркнуть, что на данном уровне в общей структуре этого механизма явно доминирует первая сфера. Отсюда вытекает важный, по нашему мнению, вывод: механизм окачествления вовсе не сводится к трансформации объективных, но только внешне-локализованных качеств в субъективные и ей отнюдь не исчерпывается. Дело в том, что этот же механизм действует и по отношению к трансформации и внутренне-локализованных субстанциональных качеств из их объективного статуса в субъективный. Объективно представленные субстанциональные качества, но присущие самому субъекту, также выступают несомненной реальностью, не нуждающейся в особом обосновании. Однако, если это действительно так, то и факт наличия у них соответствующих качеств, имеющих статус объективных, также очевиден. В свете данного заключения эксплицируется и тот факт, что данный механизм

имеет не одну, как это было установлено в наши предыдущих работах, сферу действия – *внешне*-представленную, а две таких сферы, вторая из которых и является *внутренне*-представленной. Вместе с тем, по отношению к уровню сенсорики явно доминирует первая «составляющая» данного механизма – его направленность на внешне-представленные качества.

По отношению к двум другим основным типам качеств – функциональным и особенно системным эта пропорция очень существенно и вполне закономерно меняется в направлении все большей выраженности в нем внутренне-локализованных качеств. Так, обращаясь к тому, каким образом представлен данный механизм по отношению к *функциональным* качествам, необходимо дифференцировать две его основные сферы, которые как раз и соотносятся с их различной локализацией – внешней и внутренней, то есть либо экстра-, либо интрапсихической. По отношению к ним, в отличие от субстанциональных качеств, действительно, с существенно большей развернутостью и выраженностью представлен именно второй – внутренний (интрапсихический) аспект. В свою очередь, в этом находит проявление обстоятельство наиболее принципиального плана: функциональные качества репрезентируются в онтологии психического именно через категорию психических процессов. Поэтому в них как таковых, в онтологии психического, фактически, находит свое воплощение еще одна базовая категория качеств – функциональные. С такой же объективной необходимостью и очевидностью, с какой в понятии сенсорных качеств – модальностей воплощается первый основной тип качеств (субстанциональные), в понятии психических процессов находит свое онтологическое воплощение вторая базовая категория качеств – функциональные. Степень взаимополагаемости этих понятий и, соответственно, тех реальностей, которыми ими обозначаются, такова, что очень трудно определить причинно-следственные отношения, между ними (отношения, так сказать, «первичности – вторичности»). В плане соотношения психических процессов и функциональных качеств со всей отчетливостью и очевидностью предстает вся относительность дифференциации онтологического содержания психики и форм ее гносеологической репрезентации. Более того, онтологическое содержание и средства гносеологической экспликации этого содержания во многом становятся, фактически, одними и теми

же. Функциональные качества как *средства* экспликации содержания психических процессов, сами становятся этим *содержанием*. Они трансформируются из статуса *феноменологических* проявлений в статус *сущностных* основ самой онтологии психического. Они переходят из разряда того, что характеризует процессы, в то, что, собственно говоря, и подлежит этой характеристике. Качества онтологизируются, а сама эта онтология и порождает реальное содержание психики, взятое, однако, уже не в относительно наиболее простом – сенсорном плане (уровне), а в ее существенно более сложном, но одновременно и базовом аспекте – в процессуальном содержании.

Вместе с тем, при рассмотрении данного механизма по отношению к функциональным качествам необходимо обязательно учитывать еще одно обстоятельство – столь же важное, сколь и имплицитное и даже трудно уловимое. Оно состоит в том, что близкие и, казалось бы, вообще во многом тождественные понятия внешнего и объективного совершенно недопустимо смешивать и тем более отождествлять<sup>94</sup>. В действительности, они обозначают не совпадающие сущности, а их дифференциация должна выступить ключом для определения специфики механизма окачествления по отношению к функциональным качествам. В самом деле, нечто (например, какой-либо процесс или механизм, структура или функция) может быть в принципе, хотя и внутренне локализованными, но в то же время, носить совершенно объективный характер. Впрочем, это давно известная истина, характеризующая материалистический способ видения психики в целом и ее основных «составляющих», в частности. И она в целом, и все ее основные «составляющие» имеют в своей основе именно объективные закономерности; они функционируют *по* ним и *согласно* им. Однако, для самого человека это репрезентируется существенно иначе, порождая ощущение субъектности внутреннего мира и, соответственно, субъективного, а не объективного характера их функционирования как такового.

Разумеется, в наиболее общем виде, это старая тема, состоящая в соотношении и сложных перипетиях содержания субъективных

---

<sup>94</sup> Это означает, что недопустимо смешивать *локализацию* носителя качеств (в данном случае – внешнюю) и их характер – либо объективный, либо субъективный.

репрезентаций и тех объективных детерминант (стимулов), которые в них представлены. Однако, независимо от общих подходов к ней и конкретных вариантов ее решения, смысл практически всех из них достаточно сходен. Он состоит именно в признании объективного характера самих внутренне локализованных структур и процессов, а в более общем плане – в наличии у психики и ее «составляющих» объективных основ и закономерностей. Иными словами, с этой точки зрения понятия внешнего и объективного, а также внутреннего и субъективного недопустимо отождествлять: внутреннее также может и, более того, должно быть не только субъективным, но и объективным. Поэтому сами функциональные качества, объективно представленные в реальности, также имеют двойную локализацию – и внешнюю (экстрапсихическую), и внутреннюю (интрапсихическую). Это означает, что одним из модусов функциональных качеств, как объективно представленных, является их соотносительность с самими психическими структурами и функциями, процессами и образованиями. Как это ни непривычно звучит, но функциональные качества, имеющие объективную представленность, то есть выступающие как фрагменты объективной реальности, могут соотноситься и с реальностью психической, точнее – с той ее частью, которая связана с ее функциональными основами и механизмами.

Отсюда вновь вытекает важный, по нашему мнению, вывод: механизм окачествления вовсе не сводится к трансформации объективных, но только внешне-локализованных качеств в субъективные – внутренне-локализованные и ей отнюдь не исчерпывается. Дело в том, что этот же механизм действует и по отношению к трансформации и внутренне-локализованных функциональных качеств из их объективного статуса в субъективный. Объективно представленные функциональные качества, но присущие именно психике в целом и ее основным «составляющим», также выступают несомненной реальностью. Однако, если это действительно так, то и факт наличия у них функциональных качеств, имеющих статус объективных, также очевиден. Следовательно, общее содержание механизма окачествления по отношению к функциональным качествам состоит в том, что ему подвергаются не только внешне-локализованные и носящие статус объективных качества. Ему подвергаются и внутренне-локализованные, но также объективные функциональные качества.

Итак, механизм окачества присущ и второму основному типу качеств – функциональным; однако по отношению к ним он обретает и специфичность. Она состоит в том, что данный механизм, в очень выраженной форме разворачивается по отношению к функциональным качествам, имеющим внутреннюю локализацию, а не только к внешне-локализованным функциональным качествам. Они являются производными от всей функциональной организации психики и от ее основных «составляющих» в целом, а также от базовых психофизиологических функций, в особенности. Подчеркнем, что в этом заключении нет никакой ревизии или отхода от наших – сформулированных выше принципиальных позиций относительно атрибутивной сущности механизма окачества. Он, как мы отмечали выше, состоит в том, что качества, как проявления объективной реальности – как их гносеологические «измерения» трансформируются в собственно онтологические единицы. Они становятся уже не только тем, в чем нечто проявляется, но и тем, чем является сам материал – сама онтология психического как также реальности, но уже иной – не объективной, а субъективной. Поэтому и психофизиологические функции, являясь безусловно объективными в своей основе, не только могут, но и должны подвергаться его действию. Это и происходит, а система психофизиологических функций – именно как фрагмент объективной, но внутренне-локализованной реальности, и составляет базу, точнее – еще один ее локус (наряду с внешней реальностью), которая является «полем» действия механизма окачества.

В свете этого несколько по-новому и существенно более полно раскрывается и механизм окачества в целом. Дело в том, что с этих позиций эксплицируется факт принципиального плана: сфера действия данного механизма не ограничивается только теми функциональными качествами, которые, будучи атрибутивно объективными, имеют только внешнюю локализацию. Он реализуется так же и по отношению к функциональным качествам, которые, являясь опять-таки объективными, то есть выступая производными от объективной основы функционирования психики, имеют тем самым внутреннюю локализацию. Они не менее объективны, чем первые, но противоположны им по своей локализации. И именно в отношении обеих указанных категорий качеств, носящих объективный характер, и реализуется данный механизм, приводя в итоге к порождению качеств иного

порядка – собственно субъективного. Они не просто характеризуют субъективную реальность или же выступают ее проявлениями; они ее, собственно говоря, *конституируют*, а точнее – являются ей. Будучи сходными по своей природе и направленности, эти два модуса механизма окачествления, разумеется, существенно различны по целому ряду параметров. При этом действие данного механизма по отношению к внутренне-локализованным качествам приводит, фактически, не просто к окачествлению психики, а к ее *самоокачеству*. Однако именно оно имеет очень глубинную связь с генезисом одного из наиболее сложных и важных, но в то же время и все еще столь же загадочных свойств психики в целом и сознания, в особенности – свойством *самосензитивности* и, соответственно, самопрезентированности. Кроме того, по всей вероятности, эти два модуса механизма окачествления тесно взаимосвязаны. Их взаимосвязь проявляется, в частности, в том, что между ними имеет место своеобразный «обмен» результатами, а частично и операционными закономерностями.

Итак, степень развернутости второго направления механизма окачествления – внутреннего по отношению к функциональным качествам существенно выше, чем по отношению к субстанциональным качествам (и, соответственно, к сенсорному уровню). Он в большей степени имеет здесь фенотипическую обусловленность, тогда как по отношению к субстанциональным качествам он в большей степени генотипически обусловлен: он более формируем и развиваем, а не «предзадан». Кроме того, он и более субъектно-обусловлен, то есть в большей степени определяется влиянием на него субъектных факторов. По нашему мнению, это вполне закономерно, поскольку по отношению к субстанциональным качествам и, соответственно, к уровню сенсорики механизм окачествления вообще в идеале никак не должен зависеть от субъектных факторов, то есть быть максимально объективированным, приводя к возможно большей адекватности отображения внешнего мира. Кроме того, можно видеть, что в этом проявляется и еще одна – также очень *общая* закономерность. Пропорция двух модусов механизма окачествления не просто изменяется при переходе от менее сложных качеств – материальных к более сложным – функциональным, но изменяется именно закономерно. Чем сложнее качество, тем более выражен внутренний модус данного механизма.

Кроме того, еще одной важной гранью механизма окачествления является то, что сами функциональные качества подвергаются в его результате не только онтологизации, но и *операционализации*. Это означает, что они оказываются в состоянии выступать (точнее – использоваться субъектом) в их *инструментальной* роли, то есть как средства организации его информационного и любого другого взаимодействия со средой, а тем самым эксплицируются как важнейшие «составляющие» базовых психических *процессов* – прежде всего, когнитивных. Посредством их системы объективно представленные, но уже внешне-локализованные функциональные качества сами становятся *содержанием* этих процессов. Более того, они и только они доступны «ощущению» с его стороны, поскольку любой процесс презентирован субъекту только в его результатах – в его содержании. Тем самым, объективно существующие и внешне локализованные функциональные качества трансформируются в аналогичные, то есть также функциональные качества самих процессов. Они становятся фрагментами субъективной реальности и, более того, во многом *составляют* ее. Они, в дополнение к чувственной основе психики, образуют тем самым еще один – мощнейший и существенно более богатый, нежели сенсорика, «слой» – уровень субъективной реальности. На нем локализована содержательная сторона психических процессов, в особенности – когнитивных, которая, как раз и презентирована в таком важнейшем образовании, как система *знаний* (а шире – и опыта в целом). Сами же знания раскрываются с этих позиций как продукт и результат действия общего механизма окачествления по отношению ко второму основному типу качеств – функциональным. Психика организована таким образом, что в самой процессуальности воплощено одно из двух направлений механизма окачествления – его действие по отношению к основным психическим функциям. Процессуальность – это и есть следствие и результат, итоговый эффект данного механизма по отношению к системе основных функций. Однако, то, каким содержанием наполняется эта процессуальность, обусловлено вторым его основным направлением. Оно в итоге приводит к тому, что и в содержательном плане каждый когнитивный процесс также раскрывается как результат общего механизма окачествления, поскольку таким содержанием выступают окачествленные в знаниях функциональные качества внешнего мира.

Действительно, функциональные качества, воплощаются в организации психики посредством специфической для нее формы – собственно процессуальной. Она тем самым конституирует ее особое качественное «измерение» – процессуальное, репрезентированное в системе основных психических процессов. Поэтому и все основные психические процессы раскрываются как продукты еще одного типа окачествления – трансформации функциональных качеств в операционные средства (процессуальные), составляющие основу структуры и содержания психики, то есть важнейшую часть ее онтологии. Психические процессы раскрываются как формы того, каким образом психика «использует» в своей организации сами функциональные качества. Важно и то, что в процессуальности в целом и в каждом из основных когнитивных процессов, в частности, воплощены базовые атрибуты функциональных качеств как таковых – их собственная качественная определенность – прежде всего, функциональность в смысле операционности, «технологичности»; поясним сказанное.

Дело в том, что благодаря становлению процессуальной формы организации, являющейся, в свою очередь, эффектом транспонирования функциональных качеств со всеми присущими им атрибутами, психика обогащается еще одной важнейшей особенностью. Она обретает уже не только способность к адекватной идентификации той или иной психической репрезентации со вполне конкретным психическим процессом, но и способность к произвольной активации этих репрезентаций и «осознанно контролируемой» работе с ними. Несколько схематизируя реальность, можно сформулировать следующее положение. Психика характеризуется не только возможностью адекватной *перцепции* – распознавания и идентификации своего гетерогенного содержания, но и, так сказать, «моторными» – *регулятивными* функциям по отношению к нему. Именно в когнитивных процессах и через них субъект управляет динамикой сознания, регулирует его, осуществляет активные воздействия на него (конечно, в известных пределах). Тем самым обеспечивается еще одно, также фундаментальное и очень явно представленное феноменологически свойство сознания и субъективной реальности в целом – их *подвластность* самому субъекту; чувство не только их непосредственной данности, но доступности для *вмешательства* в них, то есть управляемости ими. Сочетание *доступности и подвластности* обе-

спечивает тот наиболее общий феноменологический признак сознания, как интегральной формы репрезентации субъективной реальности, согласно которому оно выступает не просто наиболее полным воплощением субъектности, «самости» личности, но, фактически, *составляет* эту субъектность и самость, является ей. Метафорически выражаясь, субъективная реальность доступна не только, так сказать, прямой *афференции*, но и столь же прямой *эфференции* – регуляции со стороны самого субъекта. Процессуальность и ее содержание – это не только то, что дано непосредственно, но и то, что столь же непосредственно репрезентируется как нечто непосредственно контролируемое, управляемое – подвластное субъективным воздействиям и, более того, во многом и образующее эту субъектность как таковую – субъективную реальность. Она является не только субъективной *реальностью* (поскольку она не требует ничего дополнительного для ее конституирования, а просто является ей), но и *субъективной* реальностью, поскольку обладает прямой управляемостью субъектом и, главное, – сопровождается ощущением этой управляемости. Она не только *чувственна*, но и *подвластна*. Для каждого она – «моя», причем, не просто в смысле *принадлежности* мне, но и в смысле *подчиненности* мне. Субъект ей не только *располагает*, но и *владеет*.

Далее, на основе проведенного анализа становится существенно более ясным и то, как именно, в каких формах и посредством каких средств происходит развертывание другой основной линии общего механизма окачествления – его действие по отношению к объективно представленным функциональным качествам, имеющим внешнюю локализацию. Более понятным становится также и природа того образования – той психической реальности, которая и выступает итоговым эффектом и результативным проявлением действия данного механизма к ним. В данной связи напомним, что одним из важнейших методологических принципов научного познания в целом и психологического познания, в частности, выступает принцип единства *процессуального и результативного* уровней изучения [126]. В наиболее общем плане он, фактически, фиксирует наличие в любом объекте исследования двух основных сторон, модусов – собственно процессуального, связанного с бытием явления во времени, с его собственно функциональной организацией и темпоральными закономерностями, и результативного, связанного с теми итоговыми эффектами,

к которым эта организация приводит. Последние, однако, объективно представлены в определенных – также итоговых проявлениях и, прежде всего, в тех или иных качествах.

Особо явно и рельефно данный принцип проявляется именно по отношению к психическим процессам и, главным образом, когнитивным. Любой из них, имея процессуальную развертку, свое течение и, следовательно, функциональную организацию (с присущими ей качествами), в то же время, обязательно приводит к тому или иному результативному эффекту – так сказать, «кристаллизуется» в результате и, соответственно, в тех качествах, которыми он обладает. Тем самым, последние выступают как качества функционального типа, как такие, которые входят в содержание общего типа функциональных качеств на уровне психического. Однако они достаточно существенно отличаются от уже рассмотренных качеств – производных от процессуальности как таковой. Их специфика состоит в том, что они являются производными уже не от *процессуальности* как таковой, а, так сказать, от *результативности* – от тех продуктов, которые являются итоговыми эффектами самой процессуальности. Следует учитывать также, что эти результаты во всем многообразии их качественных характеристик входят в само содержание того или иного процесса. Более того, одна из фундаментальных закономерностей организации психики в том и состоит, что, фактически, любой когнитивный процесс дан самому субъекту именно в этих – содержательных, то есть результативных проявлениях и, соответственно, в тех качествах, которые характеризуют его итоги. Сами же процессы и механизмы, лежащие в их основе, столь же принципиально скрыты от субъективной презентации; они, как известно, «трагически невидимы» [375]<sup>95</sup>. Причем, важно и то, что по отношению к каждому из когнитивных процессов такие их результативные проявления являются глубоко различными и столь же подчеркнута качественно специфическими. Так, для ощущения – это тот или иной чувственный тон; для восприятия – перцепты; для памяти – мнемические

---

<sup>95</sup> В этом вообще состоит одна из наиболее фундаментальных закономерностей организации психики в целом и специфики ее субъективной репрезентации. Она дана самому ее носителю – субъекту лишь в итоговых, результативных проявлениях, в содержании процессов, а не в плане их средств и механизмов.

репрезентации; для мышления – понятийные структуры (концепты). Они, выступая, хотя и существенно различными по содержанию и механизмам, направлены, все же, на решение принципиально общей задачи – на оптимизацию информационного взаимодействия со средой в целом и на повышение «чувствительности» (в широком смысле) к ней, приводящее в итоге к повышению его информационной емкости.

Таким образом, анализ приводит к необходимости обращения к такому понятию, которое, являясь фундаментальным для психологии в целом и очень традиционным для нее, в то же время, пока практически не ассимилировано методологией качественного анализа – к понятию *знаний*, взятых в их многообразных формах [23, 95, 178, 227, 327, 405, 417, 425, 435, 440]. Знания, как итоговые эффекты когнитивных процессов, «кристаллизуются» в адекватных им проявлениях – в их содержательных, то есть, фактически, *качественных* характеристиках. С собственно содержательной стороны тот или иной процесс репрезентирован субъективно – «чувствуется», ощущается субъектом и, следовательно, выступает как фрагмент самой субъективной реальности именно через его знаниевые проявления – через то, каким образом в нем отображены особенности и проявления внешней срезы, в том числе, и ее функциональные качества. Тем самым, можно с очевидностью заключить, что и по отношению к этому аспекту общей функциональной организации психики также действует механизм окачествления. Именно посредством системы психических процессов (прежде всего, когнитивных) объективно представленные, но уже внешне-локализованные функциональные качества сами становятся *содержанием* этих процессов. Более того, они и только они доступны «ощущению» с его стороны, поскольку любой процесс дан только в его результатах – в его содержании. Поэтому сами объективно существующие и внешне-локализованные функциональные качества трансформируются в аналогичные, то есть также функциональные качества самих когнитивных процессов. Они становятся фрагментами субъективной реальности и, более того, во многом *составляют* ее. В дополнение к чувственной основе психики, они образуют еще один – мощнейший и существенно более богатый, нежели она, «слой», уровень субъективной реальности как таковой. На нем локализована вся система знаний субъекта (а шире – и опыта в целом); сами же знания раскрываются как продукт и результат действия общего механизма

окачествления по отношению ко второму основному типу качеств – функциональным. Процессуальность, как мы уже отмечали, – это и есть следствие и результат, итоговый эффект данного механизма по отношению к системе основных функций. Однако, то, каким содержанием наполняется эта процессуальность, определяется еще одним направлением его действия. В его итоге в собственно содержательном плане каждый когнитивный раскрывается как совокупность репрезентированных в *знаниях* функциональных качеств внешнего мира. В силу этого, сами знания могут и должны быть, на наш взгляд, проинтерпретированы в еще одном – правда, достаточно специфическом аспекте.

Действительно, в свете сказанного с очевидностью раскрывается зависимость содержания знаний от специфики тех или иных процессов, вообще от того, что они являются производными от их особенностей (а не только выступают «слепком» с объективной реальности). Они столь же субъективны, сколь и объективны. Тем самым, их природа во многом сближается или даже выступает сходной с природой ощущений как таковых, порождая те же самые в принципе проблемы, которые возникают и при понимании сути и возможностей сенсорики. Как мы неоднократно подчеркивали по ходу предшествующего анализа, одной из острейших проблем как психологического, так и философского плана является трудность, связанная с практически полной нетождественностью содержания ощущений как субъективной реальности и содержания тех материальных носителей, которые их вызывают [9, 111, 156]<sup>96</sup>. Все трудности подобного рода привели к формулировке проблемы, которая, как известно, является одной из наиболее сложных – к проблеме *квалиа*. Однако можно видеть, что она же, причем, в еще более сложном виде возникает и по отношению к уровню процессуального содержания психики, на котором локализованы психические процессы в целом и когнитивные процессы, в частности. Здесь она выступает в качестве проблемы интерпретации самого феномена знаний; знания, фактически, выступают как аналог квалиа. Отсюда следует, что проблема квалиа – это вовсе не только проблема созна-

---

<sup>96</sup> Мы уже отмечали в этой связи, что, например, ощущение света вовсе не похоже на электромагнитное излучение с определенными параметрами. Ощущение запаха совершенно не совпадает содержанием тех химических раздражителей, которые его вызывают и т. п.

ния и чувственного опыта (его природы и достоверности). В не меньшей, если не в большей степени, это и проблема *знания*<sup>97</sup>. Поэтому в ее общем виде и истинном объеме – это проблема познания в целом, то есть, фактически, проблема столь же гносеологическая, сколь и психологическая. Тем самым, категория качества вновь эксплицирует свою миссию: она является концептуальным «мостом» между философским и конкретно-научным (психологическим) уровнями познания.

Глубинная связь, а по нашему мнению, и взаимополагаемость категории знаний и функциональных качеств (точнее – производность первых от вторых посредством механизма окачествления) проявляется в еще двух очень важных аспектах. Действительно, как хорошо известно, и в фило-, и в антропо- и в онтогенетическом плане любое знание (а по отношению к животным – индивидный опыт) первично возникает именно как функциональное. Это означает, что оно, во-первых, исходно и первично всегда соотносится с реализацией той или иной физиологической функции по организации взаимодействия со средой в целом и (или) по удовлетворению той или иной потребности. Во-вторых, любое знание (или фрагмент опыта) всегда предполагает возможность использования какого-либо материального объекта – исходно нейтрального по отношению к способам его использования во вполне определенной функции, то есть в определенном *качестве* – полезном именно в плане решению этой функциональной задачи, обеспечения того или иного поведенческого эффекта. Первично знания (и опыт) именно функциональны – практичны, а не теоретичны; они первично регулятивны, а не когнитивны. Знания как таковые вообще возникают в качестве определенного средства решения тех или иных практических задач и именно этим отличаются от близкого к ним понятия информации, которая, напротив, не имеет тесной привязки к каким-либо задачам и носит подчеркнуто «нейтральный» характер. Кроме того, именно это придает знанием их субъектность и, следовательно, субъективность, что также дифференцирует их от информации, от «содержания» как такового (также нейтральных по своей природе). И лишь затем – посредством различных процедур обобщения и абстрагирования знания могут приобретать и реально приобретают все более

---

<sup>97</sup> В этой связи еще большую остроту обретает уже отмечавшееся известное выражение: «что значит знать – вот в чем вопрос».

не связанный с их функциональной предназначенностью характер, становясь все более абстрактными, а не конкретными, теоретичными, а не практичными. Именно это, кстати говоря, является и одним из важнейших отличий житейского знания (и познания) от научного, а другими словами – знания практического от знания теоретического.

В свете этой дифференциации еще более важным и, в то же время, понятным и необходимым предстает разделение двух основных типов знания как такового – *декларативного* и *процедурального* [320]. Вместе с тем, строго говоря, на любом уровне абстрагирования знание все же сохраняет свою неразрывную связь с «интересами субъекта» – оно субъектно и, следовательно, субъективно<sup>98</sup>. И в этом плане знания всегда «отягощены» субъектностью – точно так же, как это происходит в ощущениях и приводит к возникновению практически необъяснимого феномена квалиа. При этом вновь обнаруживается глубинное сходство понятия квалиа и понятия знаний. Вторые столь же субъективны по своей природе, хотя и относительно меньшей степени, поскольку они подвергаются «верифицирующему абстрагированию» от самой субъектности – многократному и многоуровневому обобщению, что и приводит к их своеобразному «очищению» от нее (которое, однако, никогда не может быть полным).

Далее, именно потому, что функциональные качества возникают там и тогда, где и когда нечто исходно материальное начинает использоваться в определенной функции и, следовательно, в нем эксплицируются новые возможности, в функциональных качествах и возникает нечто такое, что означает некоторую «прибавку» к его сугубо материальному содержанию, к материальным качествам как таковым. И в этом плане функциональные качества обнаруживают свою *двойственность*. С одной стороны, они несут на себе все основные характеристики материальных качеств и, в частности, их чувственную доступность – данность прямому чувственному восприятию. Однако, с другой стороны, в них обязательно присутствует и нечто такое, что выходит за пределы их простой материальности и, соответственно, прямой чувственной доступности, поскольку в них обязательно «есть и то, чего в них нет непосредственно». Это

---

<sup>98</sup> Здесь вновь приходится вспомнить известное выражение «человек – мера всех вещей».

как раз и обусловлено тем содержанием – качествами, которые обретает нечто материальное при его использовании в функции чего-либо. Поэтому функциональные качества должны рассматриваться и как *переходные* между материальными и системными качествами, что в значительной степени способствует уяснению природы самих системных как чувственно-сверхчувственных качеств.

Кроме того, на основе этого можно сделать и еще одно значимое, на наш взгляд, заключение. Трудно не видеть глубинного сходства предыдущей закономерности с тем базовым механизмом мышления, который иногда рассматривается вообще как его *основное* операционное средство, как «основной нерв мышления» (С. Л. Рубинштейн). Это механизм, который был обозначен им как «анализ через синтез», а его суть, как известно, состоит в следующем. «Поставленная проблема во всем многообразии своих объективных свойств и принципов включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых свойствах и качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из проблемы, таким образом, как бы «вычерпывается» все новое содержание, она как бы поворачивается каждый раз своей новой стороной, в ней выявляются все новые свойства» [484]. При оценке масштаба данной аналогии (а точнее, по нашему мнению, более чем аналогии, поскольку речь должна идти об определенной генетической преемственности этих явлений) необходимо учитывать следующее обстоятельство. Именно мышление является не просто важнейшим когнитивным процессом (то есть процессом, направленным именно на генерацию и переработку знаний), но и таким, который интегрирует все другие когнитивные процессы. Таким образом, глубинное сходство и генетическая преемственность категории знаний и функциональных качеств эксплицируется не только в их содержательном отношении, но и в операционном плане – в плане сходства базовых механизмов порождения функциональных качеств и генерации принципиального нового в ключевом процессе «работы со знаниями» – в мышлении.

На наш взгляд, в свете всех этих закономерностей представляется необходимым особо подчеркнуть еще одно принципиальное обстоятельство обобщающего характера. Анализ содержания и специфики механизма окачествления по отношению к функциональным качествам привел в итоге к дифференциации двух его базовых направлений и, соответственно, двух модусов его существования. Одно из них состо-

ит в становлении процессуальности в целом и основных когнитивных процессов, в частности. Они выступают как продукты трансформации функциональных качеств психики, (как внутренне-локализованных). Однако в основе его самого лежит фундаментальный механизм генезиса психических процессов – становление и развитие специфического *операционного состава* каждого когнитивного процесса на базе тех или иных психических функций. Другое направление состоит в трансформации также исходно объективно представленных, но внешне-локализованных функциональных качеств. Его анализ с такой же необходимостью привел к столь же фундаментальному *феномену знаний*. В таком случае, однако, возникает вполне закономерный вопрос: а не является ли, в силу этого, само понятие окачествления и дифференциация той реальности, которая им обозначается, избыточной. Действительно, в чем состоит ее необходимость, если она в итоге приводит к уже известным и, более того, основополагающим по своей значимости психологическим понятиям и закономерностям? Данный вопрос, несмотря на его видимое «неудобство», не только нельзя замалчивать, но, напротив, на нем следует акцентировать внимание.

Дело в том, что он, в действительности, является аргументом не *против*, развитых выше представлений, а *за* них, чему существуют, как минимум, следующие причины. Во-первых, с их позиций два эти, действительно, фундаментальные механизма, лежащие в основе генезиса психических процессов и представляющиеся, на первый взгляд, очень разными, эксплицируются как *частные* случаи еще более глубинного и *общего* по своему функциональному назначению механизма<sup>99</sup>. Во-вторых, с этих позиций становится более понятным не только то, как и за счет чего разворачивается каждое из этих направлений, но – и это принципиально, *зачем* все это происходит. Причем, «зачем» не только в плане выяснения того, что именно будет иметь место, так сказать, на их «выходе» (само по себе это вполне понятно – психические процессы и знания), но и в плане того, зачем формируются именно они как базисные фрагменты самой субъектив-

---

<sup>99</sup> Кстати говоря, именно в силу этих – представляющихся очень явными различий, они практически никогда не рассматриваются в совокупности друг с другом, то есть как частные проявления некоторой общей – родовой сущности. Ей как раз и выступает механизм окачествления как таковой.

ной реальности. В-третьих, именно на основе обнаружения того, что в основе их возникновения и формирования лежит механизм окачествления, получает объяснение еще один важный и до сих пор наименее понятный феномен субъективной реальности. Он состоит в том, что и процессы, и знания обладают уникальным и фундаментальным атрибутом – непосредственной данностью субъекту, непосредственной ощущаемости им. Причем, они не просто непосредственно чувствуются, но и *составляют* саму эту чувственность, не требуя никаких дополнительных средств для того, чтобы быть фрагментами субъективной реальности. Именно поэтому они и образуют ее очень важную часть. При этом они «чувствуются», так сказать, не абстрактно – не как просто некая данность, а в шлейфе обертонов, которыми характеризуются функциональные качества как таковые. Они – как вторичные мультиплицируют в себе все свойства самих объективно представленных функциональных качеств – как первичных. Они, выступая исходно как *качества* носителя, то есть как свойства некоторых сущностей, сами становятся *носителями* качеств, то есть тех базовых атрибутов, которые присущи функциональным качествам как особому типу. Тем самым, раскрытие содержания механизма окачествления в целом и его специфики по отношению к функциональным качествам, в частности, реализует свою познавательную роль – объяснительную, интерпретационную. С его позиций становятся более понятными такие важные психологические категории и закономерности, как, например, категория знаний, закономерности и критерии дифференциации их базовых типов, генезис когнитивных репрезентаций как фрагментов субъективной реальности и др.

Вместе с тем, весьма показательно, что этот – собственно объяснительный потенциал представлений о механизме окачествления весьма отчетливо проявляется и по отношению к еще одному основному типу качеств – *системным*. В самом деле, по отношению к ним действует та же самая принципиальная закономерность, которая была констатирована и для двух других их основных типов – материальных и функциональных. Ее сущность состоит в том, что и системные качества, имеющие исходно объективный характер и, соответственно, выступая в гносеологическом статусе (как то, что характеризует некоторые объективно представленные носители) подвергаются в психике закономерной и весьма глубиной трансформации. Они меняют

этот статус на иной и во многом противоположный – онтологический. Это означает, что, будучи репрезентированными на уровне психического, они – субъективно выступают именно как непосредственные носители самой субъективной реальности. Они не просто *характеризуют* ее, а *являются* ей, то есть из «свойств носителя», сами становятся этим «носителем свойств». Они, фактически, и конституируют, в силу этого, основной атрибут всей субъективной реальности – саму субъектность. В еще более глубинном плане они лежат и в основе такого фундаментального свойства психики в целом и сознания, в особенности как *самопрезентированность* – ее непосредственная «чувствительность», сензитивность к самой себе. Особо подчеркнем также, что действие данной закономерности по отношению к системным качествам сопряжено с принципиально иным уровнем организации психики, нежели те, которые связаны с двумя другими их типами – материальными и функциональными. Им является наиболее обобщенный и интегративный уровень ее организации, на котором локализовано важнейшее и сложнейшее психическое образование – *сознание*.

Другими словами, по отношению и к этим качествам с достаточно высокой степенью отчетливости эксплицируется тот же самый механизм, который был выявлен по отношению к материальным и функциональным качествам – механизм окачества. Они как представленные исходно и объективно в гносеологическом статусе подвергаются своеобразной онтологизации и сами начинают выступать как фрагменты определенной онтологии. Она, однако, весьма специфична и кардинально отличается от онтологии объективной реальности, являясь онтологией субъективной реальности. В силу этого, они уже не столько характеризуют ее, сколько являются ей.

Действительно, главная специфическая черта данного механизма по отношению к системным качествам состоит в том, что он лежит в основе конституирования качественно глубоко своеобразного уровня организации психики в целом и субъективной реальности, в частности. Он, как подчеркивалось выше, сопряжен с наиболее интегративным психическим образованием – *сознанием*. Важнейшим аргументом в пользу обоснованности данного положения является то, что между основными атрибутами, характеризующими качественную определенность структурно-функциональной организации сознания, и базовыми свойствами системных качеств, действительно, существуют

очень глубинные и достаточно множественные черты сходства<sup>100</sup>. Причем, они выражены настолько, что следует говорить не просто о сходстве, но и подобии, доходящем до степени *конгруэнтности*.

В этом плане очень показательным также, что данное – наиболее принципиальное обстоятельство максимально полно и рельефно проявляется по отношению именно к тому атрибуту системных качеств, с одной стороны, и сознания, с другой, который является уникально присущим только им; это свойство, заключающееся в их так называемом «чувственно-сверхчувственном» характере. Действительно, именно системные качества, характеризующие качественную определенность системы в целом и, более того, раскрывая и воплощая ее главные и наиболее интегративные особенности и свойства, могут быть, вместе с тем, и не даны чувственному восприятию, то есть быть сверхчувственными. Они, существуя реально – онтологически, тем не менее «не ощущаемы», а потому могут репрезентироваться лишь в сверхчувственной, то есть в собственно идеальной форме. Само идеальное, следовательно, – это и есть доминантная и наиболее специфическая форма существования системных качеств как таковых. Форма их данности – принципиально иная, нежели чувственная данность. Однако от этого сам факт такой данности не перестает существовать.

Не менее важно и очевидно то, что и среди всех атрибутов сознания представлен и такой, который обычно рассматривается как важнейший – присущее ему свойство *идеальности*. Как бы ни трактовать сознание, с каких бы позиций его ни рассматривать, как бы ни эксплицитировать его содержание и структуру, никуда не уйти от того фундаментального факта, что сама его суть состоит именно в его идеальной природе. Результативно – феноменологически оно всегда дано лишь как идеальное. Понятия идеального и осознаваемого являются, фактически, взаимополагаемыми и естественным образом взаимодействующими. Любое содержание потому и осознается, что обретает форму идеального, переводится из любой иной формы репрезентации в психике именно в форму идеального.

Однако истинная сложность данного вопроса заключается в том, что идеальное само по себе (именно потому, что оно является таковым – идеальным), в принципе недоступно прямому чувствен-

---

<sup>100</sup> Данный вопрос рассматривался в параграфе 3.4.

ному восприятию; оно по самой своей природе в принципе, то есть атрибутивно сверхчувственно [225]. Однако, от того, что оно является сверхчувственным, а потому – не репрезентируемым сенсорно, оно не только не перестает быть фактом субъективной реальности, но, наоборот, выступает как наиболее очевидная и феноменологически бесспорная часть этой реальности (а строго говоря – и как вся она, и как только она). Следовательно, идеальное дано субъекту, но принципиально иначе, нежели это возможно посредством чувственного восприятия. В свою очередь, это означает, что в структуре психики в целом и в функциональной организации сознания, в особенности, должны быть представлены соответствующие – очень специфические средства и механизмы. Они должны обеспечивать эту «иную данность», которая является парадоксальной по самой своей сути. Она, фактически, означает своеобразную «чувствительность к нечувственному» (точнее, к сверхчувственному), то есть к идеальному. Это – сензитивность к тому, для чего нет адекватных средств в самой сензитивности, то есть в сенсорно-перцептивной сфере.

В связи с этим, несколько иначе, чем это полагается традиционно раскрывается и само понятие идеального. С одной стороны, идеальное предстает как необходимое содержание системных качеств как таковых, как модус их существования (по крайней мере, – в психике). С другой стороны, в идеальном достигается своего рода синтез сверхчувственного (то есть не данного посредством чувственного восприятия) и данного психике. Ничто не обладает такой субъективной несомненностью как идеальное; оно дано субъекту, репрезентировано его психике непосредственно. Таким образом, идеальное – это такой способ «улавливания» психикой системных качеств (как сверхчувственных по своей природе), который позволяет сделать их чувственными – но не в том смысле, что они начинают ощущаться какой-либо модальностью. Более того, само идеальное как очень существенная компонента психики, как форма ее существования – это и есть отображение в ней системных качеств внешней среды. Если чувственное познание («до-идеальное») характеризуется сензитивностью по отношению к материальным и функциональным качествам, объективной реальности, то идеальное есть форма «отображения» и способ интрапсихического существования системных качеств внешнего мира.

При этом обязательно следует учитывать, что именно системные качества являются не просто и не только *одним* из базовых типов качеств объективной реальности. Они выступают *наиболее* обобщенным, интегративным, а потому – наиболее значимым и максимально насыщенным в плане информационного содержания их типом. Следовательно, именно их адекватное и, по возможности, наиболее полное отображение является одновременно и наиболее значимым в плане обеспечения общего информационного взаимодействия со средой, в плане полноты ее репрезентации в психике. Для этого они должны восприниматься, «улавливаться» субъектом именно в их атрибутивных особенностях и характеристиках – в их интегративном, обобщенном, синтетическом статусе, то есть как свойства и проявления феноменов организации и целостности объектов внешнего мира. Все это и оказывается возможным, благодаря тому, что они – именно в этой своей сверхчувственной природе адекватно отображаются и репрезентируются в психике в аналогичной, то есть также сверхчувственной природе (как идеальные). Тем самым они составляют суть и содержание идеального. Оно, а также его формирование и функционирование, должно быть понято в этой связи как такой способ репрезентации важнейших качеств внешнего мира – его системных качеств, который адекватен самой их природе, а потому обеспечивает и адекватность их восприятия и последующего использования. В свете этого, можно видеть, что системные качества являются основным *механизмом идеального* как такового. Они выступают уже не только как исходно данное явление, то есть то, в чем нечто проявляется (то есть не только в своем гносеологическом статусе), а более глубинно – тем, чем нечто является. Посредством этого они раскрываются в своем онтологическом статусе – в качестве одного из механизмов и одного из операционных средств формирования идеального, а потому и как одна из важнейших «составляющих» общей онтологии психического.

Кроме того, с этих позиций становятся более понятными и те механизмы, которые обеспечивают, пожалуй, наиболее трудное для объяснения свойство – своеобразную «чувствительность к не-чувственному», то есть к самому идеальному. На наш взгляд, она коренится, в конечном счете, в очень важной особенности организации сверхсложных систем. Данная особенность состоит в том, что они обладают способностью не только к *порождению* какого-либо результата (характеризующегося

обобщенными, то есть именно системными качествами), но и к его последующему *использованию*, но уже в качестве условия для дальнейшего развертывания их функционирования. Тем самым в их организации очень существенную роль начинает играть механизм, который обозначен нами как *трансформация результата в процесс*. Однако, в основе его самого, как следует из проведенного анализа, лежит еще более глубинный механизм – *трансформация системных качеств в функциональные*. Первые, характеризуя результат функционирования системы в целом на каком-либо интервале времени, являются поэтому именно обобщенными (результативными) его характеристиками, то есть его системными качествами. Однако, они же, но на иных – последующих этапах фиксируются системой и используются как операционные средства его дальнейшей *функциональной* организации, то есть начинают выступать уже как собственно *функциональные* качества.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что данная особенность организации сверхсложных систем в еще более общем плане является прямым следствием того, что в них воплощен особый тип системности – *темпоральная системность*. Ее атрибутивная особенность состоит в следующем. Процесс, организованный на ее основе, развертывается таким образом, что на каждом последующем его этапе в качестве содержательных посылок, условий, факторов и пр., то есть, фактически, его детерминант используются те результаты, которые были получены на предшествующих его этапах. Результат «распознается» системой, фиксируется ей и *в ней*, а затем трансформируется в содержание процесса – в совокупность его детерминант, но уже на следующем этапе функционирования. Благодаря такому «погружению» результата в процесс, достигается и своеобразная сензитивность к содержанию самого процесса как таковому, что субъективно репрезентируется как его данность субъекту именно в аспекте содержания (через возможность репрезентации и идентификации содержания промежуточных результатов). Кроме того, за счет этого же создаются предпосылки и для воздействия на организацию процесса – возможности управления ходом процесса на основе уже полученных парциальных результатов.

Вместе с тем, если это, действительно, имеет место по отношению к любому – отдельно взятому процессу, то это же, но с еще большей степенью обоснованности справедливо и по отношению ко всей их системе, синтез которых и образует онтологию функционирования

психики. Следовательно, на каждом последующем «такте» функционирования всей макросистемы процессов в этом функционировании оказывается представленным содержание предшествующего «такта». Оно репрезентировано именно как содержание – как результат предшествующего «такта». Тем самым, но уже не на уровне отдельно взятого процесса, а на уровне всей их макросистемы (которая, повторяем, и составляет содержание функционирования психики) она обретает способность чувствительности по отношению к своему же собственному содержанию, то есть фундаментальное свойство самосензитивности. Целое (вся система процессов, составляющих содержание функционирования психики на предшествующем временном этапе), воплощаясь – фиксируясь и мультиплицируясь в результате этого функционирования как его частном проявлении, затем – на следующем этапе и выступает именно как все это целое, но уже репрезентированное субъективно. Можно видеть, что именно с позиций механизма темпоральной (временной) системности по-новому формулируется и получает дополнительные возможности своего решения наиболее острая проблема психологии сознания, обозначаемая обычно как проблема *саморепрезентированности*, самосензитивности<sup>101</sup>.

Следовательно, само сознание, несмотря на его высочайшую степень обобщенности и сложности, все же может быть проинтерпретировано как частное проявление, как *видовой* случай другой сущности – системных качеств. Это означает, в свою очередь, что

---

<sup>101</sup> Разумеется, в этом пункте анализа мы вынуждены обращаться к очень сложному вопросу о различных способах и формах системной экспликации и, соответственно, – интерпретации сознания. Это конечно, специальная и чрезвычайно объемная задача, выходящей далеко за пределы целей этой работы. В ее рамках важно подчеркнуть лишь сам по себе – очень принципиальный факт признания системности механизмов организации сознания. Собственно говоря, пафос и смысл многих современных концепций (не только сознания, но и психики в целом), разработанных, прежде всего, в когнитивной психологии, как раз и определяется этим – наиболее принципиальным обстоятельством. Это, например, концепция «ментальных пространств»; принципы организации субъективного опыта, обнаруженные в «субъективной психосемантике»; различные варианты развития представлений о способах интеграции ментальных репрезентаций (признаковые модели и сетевые модели, одноформатные и мультиформатные модели и др.) [6, 13, 14, 17, 46, 296, 314, 337, 366, 395, 417, 493, 512, 557, 563, 677, 781].

сами эти качества обретают в содержании и структурно-функциональной организации сознания одну из множества своих возможных форм существования. Системные качества со всеми присущими им базовыми свойствами, фактически, во многом и *конституируют* содержание сознания – особенно в аспекте его субъектной репрезентированности и феноменологической данности.

Тем самым, системные качества, выступая механизмом идеального, эксплицируют и общий смысл данного типа качеств, и его специфическое содержание. Они являются интегративными по своей природе средствами, обеспечивающими целый ряд важных психологических феноменов и закономерностей, особенностей и принципов. В этом плане системные качества это и есть *реальная онтология* интегративных механизмов – так сказать, «интеграция в действии». В связи с этим, высший уровень структурной организации психики – сознание, его содержание и механизмы оказываются непосредственно производными от еще одной базовой категории качеств – системных. Они, в свою очередь, выступают комплексным средством, генеративно-порождающим механизмом, приводящим к формированию и обеспечению функционирования психики в целом.

Однако за этим подобием стоят причины еще более глубокого и, по существу, фундаментального порядка, состоящие в следующем. Дело в том, что системные качества выступают наиболее важным и специфическим *операционным средством*, механизмом феномена сознания как такового. Это объясняется не только тем – очень важным обстоятельством, что именно они обеспечивают возможность существования такого уникального свойства, каковым является свойство идеальности, сверхчувственности. Важно еще и то, что *все* иные атрибуты сознания (трансцендентность, эмерджентность, субъективность, целостность, имманентность, интенциональность) являются, по существу, производными от него<sup>102</sup>. Следовательно, системные качества выступают и механизмом, лежащим в основе *всех* основных атрибутов сознания.

Действительно, пора, наконец, понять и со всей определенностью принять тот важнейший факт, что между основными атрибу-

---

<sup>102</sup> В этой связи следует, конечно, иметь в виду, что вопрос о составе и содержании основных атрибутов сознания является особой и очень сложной темой; он характеризуется наличием ряда подходов к его рашению (см. обзор в [256]).

тами, характеризующими качественную определенность структурно-функциональной организации сознания, и базовыми свойствами системных качеств, существуют очень глубинные и множественные черты сходства. Причем, они выражены настолько, что следует говорить не просто о сходстве, но и подобии, доходящем до степени *конгруэнтности*. Данный факт допускает, на наш взгляд, интерпретацию на двух уровнях осмысления, точнее – глубины проникновения в суть эксплицированной связи. Так, с одной стороны, он может быть проинтерпретирован в том плане, что именно системные качества с присущими им основными характеристиками являются детерминантами – причинами, факторами, а частично и операционными средствами, лежащими в основе главных атрибутов сознания. Одновременно с этим, и сами его атрибуты могут быть проинтерпретированы как необходимые следствия тех характеристик, которыми обладают системные качества, выступая при этом их феноменологическими проявлениями. Такое объяснение, действительно, не только возможно, но и необходимо – оно выступает определенным шагом на пути выяснения связи исследуемых сущностей.

С другой стороны, данный результат может быть осмыслен и на ином – более глубоком уровне. Действительно, при его интерпретации обязательно следует учитывать тот факт, что эта связь была эксплицирована не только в плане каких-либо хотя и важных, но все же частных, локальных свойств и проявлений, а именно в аспекте главных и определяющих параметров – их атрибутов. При этом, однако, необходимо учитывать и другое – очень важное положение, сформулированное в гносеологии (и в логике) и состоящее в следующем. Если между двумя (или более) сущностями – объектами, предметами, явлениями и пр. существует именно атрибутивное подобие (то есть общность их базовых атрибутов), то это может свидетельствовать только о трех причинах. Во-первых, анализируемые сущности являются просто идентичными – *одними и теми же*. Во-вторых, эти сущности выступают частными случаями – *видовыми* проявлениями какой-либо третьей – более общей сущности как *родовой* по отношению к ним. Наконец, в-третьих, одна из двух анализируемых сущностей выступает как частный случай (то есть как видовое проявление) по отношению ко второй как *родовой*. С этой точки зрения понятно, что первый вариант не является адекватным просто «по определению», так как ана-

лизируемые здесь сущности – сознание и системные качества *в целом* являются, все же, существенно различными образованиями, причем, по многим основаниям. Второй вариант также не может быть принят, поскольку какой-либо третьей – более общей сущности по отношению к такой предельно общей сущности как категория качества, по-видимому, не существует (именно в силу ее категориального, то есть максимально общего статуса). Следовательно, необходимо принять третий вариант. Он означает, что одна из анализируемых сущностей – сознание, несмотря на его высочайшую степень обобщенности и сложности, выступает все же частным проявлением, видовым случаем другой сущности – самих системных качеств.

Данное обстоятельство, хотя и в других формулировках, как мы уже отмечали, неоднократно зафиксировано в психологических исследованиях<sup>103</sup>. Так, в частности, Л. С. Выготский, определяя вопрос о природе сознания как центральный для психологии, рассматривает сознание как специфическую – собственно психическую реальность, качественная характеристика которой возможна на основе признания его системного строения. Более того, он формулирует еще более сильный тезис, согласно которому системность является не просто свойством сознания или даже – его атрибутом, но и его *критерием* [130]<sup>104</sup>. Отсюда вытекает, что понятия сознания и системность являются во многом взаимопологаемыми. И хотя, как отмечает А. Н. Леонтьев, «Предпринятое Л. С. Выготским исследование сознания не было завершено, и конкретно-психологическая теория сознания осталась недостроенной» [33], ее главный тезис – тезис о системном характере организации сознания является очень важным. Вместе с тем, данный тезис, равно как и проблема сознания в целом, остались, скорее, именно предложенными, сформулированными, чем реализованными и тем более – приведшими к конкретным результатам. Однако, как бы то ни было, сама по себе постановка проблемы сознания в контексте общей категории «система» была осуществлена, что, повторяем, положило начало одной из основных

---

<sup>103</sup> В связи с этим, ниже будут привлечены материалы, которые представлены в данном параграфе.

<sup>104</sup> Как отмечает в этой связи В. Ф. Петренко, «Системность, по Л. С. Выготскому, есть критерий осознанности» [427].

и даже ставшей в настоящее время своеобразным «общим местом» традиции рассмотрения сознания как системы.

Такой подход к сознанию как к системе имел в дальнейшем двоякие последствия. С одной стороны, безусловно, позитивной является сама по себе попытка синтеза проблемы сознания с данной категорией. Она наметила своеобразный «концептуальный мост» между ней и общей теорией систем, а также с получившим в дальнейшем широкое распространение системным подходом. С другой стороны, не менее показательно и то, что попытки содержательной реализации данного положения по отношению к столь сложной и уникальной, предельно специфической системе, каковой выступает сознание, не получили достаточного развития. Это уже само по себе должно быть понято как свидетельство определенной ограниченности трактовки сознания «как системы» и, соответственно, необходимости расширения такого рода концептуальных рамок его исследования (см. далее).

Итак, системные качества обретают в содержании и структурно-функциональной организации сознания одну из множества своих возможных форм существования. Само же сознание раскрывается с этих позиций как такая сущность, которая использует – так сказать, «эксплуатирует» потенциал системных качеств. Более того, как уже отмечалось выше, множественность проявления первых во втором такова, что следует говорить о существенности зоны перекрытия содержания сознания в целом и той сферы, которую образует функционирование системных качеств. Они со всеми присущими им базовыми свойствами во многом и конституируют содержание структурно-функциональной организации сознания. Тем самым, с достаточно высокой степенью очевидности и обоснованности выявляется обстоятельство, имеющее, пожалуй, наибольшее значение. Оно состоит в том, что и по отношению к третьему основному типу качеств – системным эксплицируется тот же самый механизм, который установлен по отношению к двум другим типам качеств (материальным и функциональным) – механизм окачествления. Системные качества, как и два других основных типа, также подвергаются в психике его действию, а его содержанием по отношению к ним выступает то, что они меняют свой исходный статус – исходный (гносеологический) на вторичный, производный (онтологический). Они становятся уже не только *свойствами* носителя – тем, в чем нечто проявляется,

но и самим *носителем* – тем, чем нечто (в данном случае сознание) является. Они, онтологизируясь, в то же время и операционализируются, поскольку начинают выступать и в роли операционных средств организации самого носителя – сознания.

Таким образом, в свете всего изложенного с достаточно высокой степенью очевидности и обоснованности эксплицируется и обстоятельство наиболее принципиального плана, которое одновременно наиболее непосредственно соотносится с основными целями всего проводимого здесь анализа. Системные качества как представленные исходно и объективно в гносеологическом статусе подвергаются своеобразной онтологизации и сами начинают выступать как фрагменты определенной онтологии. Она, однако, весьма специфична и кардинально отличается от онтологии объективной реальности, являясь онтологией субъективной реальности. В силу этого, они уже не столько характеризуют ее, сколько являются ей. Тем самым, данный механизм обнаруживает свой, действительно, общий характер, поскольку в его сферу действия оказываются вовлеченными все три известные в настоящее время типа качеств.

Вместе с тем, как отмечалось выше, по отношению к системным качествам механизм окачествления является существенно более сложным и внутренне дифференцированным, нежели по отношению к материальным и функциональным. Дело в том, что по отношению к нему получает свое продолжение и развитие важная тенденция его изменения при переходе от одних качеств к другим. Это – изменение пропорции между степенью выраженности двух основных аспектов данного механизма, которые были обозначены выше как внешне- и внутренне-ориентированная его «составляющие» – вторая из них приобретает все бóльшую выраженность и развернутость по отношению к первой. Так, он не сводится к трансформации объективных, но только внешне-локализованных функциональных качеств в субъективные – внутренне-локализованные и ей отнюдь не исчерпывается. Этот механизм действует и по отношению к трансформации и внутренне-локализованных функциональных качеств из их объективного статуса в субъективный. Последние, то есть объективно представленные функциональные качества, но присущие уже именно психике в целом и ее основным «составляющим», также выступают несомненной реальностью, не нуждающейся в особом обосновании. Следовательно,

содержание механизма окачествления по отношению к этим качествам состоит в том, что ему подвергаются не только внешне локализованные и носящие статус объективных. Ему подвергаются также и внутренне локализованные, но также объективные по их статусу функциональные качества. Обретая процессуальную форму и конституируя тем самым психические процессы, функциональные качества составляют суть и содержание процессуально-психологического уровня.

Необходимость напоминания об этом принципиальном обстоятельстве обусловлена тем, что именно оно не только с еще большей степенью отчетливости проявляется и по отношению к системным качествам, но и во многом составляет его суть и содержание в этом случае. Степень выраженности данного механизма по отношению к трансформации и внутренне-локализованных системных качеств (по сравнению с его ролью в трансформации внешне-локализованных системных качеств) становится здесь еще более выраженной. Дело в том, что сами системные качества (подобно функциональным), объективно представленные в реальности, также имеют двойную локализацию – и внешнюю (экстрапсихическую), и внутреннюю (интрапсихическую). Это означает, что одним из модусов системных качеств как объективно представленных является их соотношенность с самими психическими структурами и функциями, процессами и образованиями. Системные качества, имеющие объективный характер, то есть выступающие как фрагменты объективной реальности, выступают как свойства и проявления также и самой психической реальностью.

Отсюда и следует, что по отношению к ним механизм окачествления также имеет два основных направления развертывания. Первое – это трансформации объективных, но только внешне-локализованных качеств в качества субъективной реальности, а второе – аналогичная трансформация, но уже внутренне-локализованных системных качеств. В плане объяснения того, как именно осуществляется первое направление этих трансформаций, был обоснован возможный вариант ответа на этот принципиальный вопрос, смысл которого состоит в следующем. По-видимому, параллельно с генезисом способности к чувственному восприятию реальности (через материальные и функциональные качества) осуществляется генезис и таких средств, которые обеспечивали бы способность к отражению иных, еще более важных и информационно-емких качеств – системных. Это означа-

ет, наряду с формированием чувствительности к тому, что *есть* в стимуле, в ходе филогенеза в целом и антропогенеза, в особенности, развертывается и иной процесс – процесс формирования способности, чувствительности также к тому, чего и *нет* в стимуле непосредственно, то есть способности к презентации именно системных качеств объектов. При этом следует учитывать, что само понятие «существования» имеет, как известно, разные смыслы: «не существовать» в материальном и функциональном смысле – то есть не быть представленным в материальных и функциональных качествах, отнюдь не означает «не существовать вообще». Существование может быть представлено в более сложных формах и быть представлено, в частности, в системных качествах. Разумеется, в самих системных качествах сохраняются, хотя и в «снятом» виде, те собственно материальные и функциональные носители, на основе которых они формируются посредством организации и интеграции. И в этом смысле воспринимаемость, чувственная данность того, «чего нет в стимуле» *непосредственно*, безусловно, предполагает и обязательную чувствительность к тому, «что в нем есть»; более того, она базируется на этой чувствительности, хотя она сама не выступает непосредственно данной. Все известные в психологии «феномены целостности», например, перцептивные образы – это и есть то, что существует реально, но не соотносится непосредственно с частными – материальными и функциональными качествами, а выступает именно продуктами их организации. Однако, именно эта целостность не только презентуется непосредственно, но и составляет саму суть *перцепции* в отличие от *рецепции*.

В этом плане следует учитывать и принципиальное положение, согласно которому объективно важнейшей для адаптации к среде является оптимизация информационного взаимодействия с ней – формирование и функционирование таких средств, которые бы обеспечили возможность репрезентации уже не только материальных и функциональных, но и существенно более сложных и имплицитных качеств (системных). Она тем более значима, что именно системные качества обладают целым рядом кардинальных преимуществ не только перед материальными, но и перед функциональными качествами. Главное из них состоит в том, что они являются значительно более информационно-емкими и фиксируют такие свойства объектов, которые наиболее значимы именно для функционирования самого организма. Они,

однако, принципиально не сводятся к их чувственно воспринимаемому носителю, а содержат существенную информационную «прибавку», которая обусловлена тем, как он организован. Говоря об этом, подчеркнем еще раз, что эта организационная «прибавка» и системные качества в целом не могут быть рецепируемы по тому же принципу, по какому это происходит по отношению к материальным качествам – по принципу их прямого, непосредственного отображения в сенсорике, в модальностях. Они, являясь следствием определенной организации материального носителя (пусть даже и относительно простой), должны быть «расшифрованы», распознаны и идентифицированы как таковые, а в известном смысле – и сконструированы, исходя из их направленности на решение тех или иных функциональных задач. Понятно, что для этого требуется достаточно сложная и развернутая система средств такой «расшифровки» и распознавания. Иначе говоря, должна быть обеспечена та сензитивность к ним, которая обеспечивала бы их рецепирование и, следовательно, должны быть сформированы своеобразные аналоги «органов чувств» для этого.

Именно в этих целях, как было показано выше, и развертывается механизм окачества по отношению к функциональным качествам. Он, приводит в итоге к формированию системы психических процессов в целом и когнитивных процессов, в особенности, а в более общем плане и к формированию процессуальности как таковой – как формы организации психического, как модуса его бытия и как важнейшей «составляющей», лежащей в основе всей его онтологии (субъективной реальности). Они – процессы и, прежде всего, именно когнитивные как раз и выступают теми – пусть очень специфическими, но все же достаточно явными аналогами «органов чувств», которые и обеспечивают такую сензитивность. Именно эта тенденция получает свое продолжение и развитие и по отношению к характеру репрезентации системных качеств. Дело в том, что системные качества внешне-локализованных объектов (а также явлений, процессов и пр.) являются наиболее информационно-емкими – содержательно богатыми и ценными в плане репрезентации в них важнейших характеристик самих этих объектов. В силу этого, сами их субъектные репрезентации и составляют основное содержание, наиболее существенную часть общего и фундаментального феномена знаний как таковых, его наиболее специфическую «составляющую». Содержание всей информации психического, его

семантика во многом вообще образовано совокупностью знаний как итоговых эффектов воспроизведения в психике именно системных качеств объектов и явлению внешнего мира. В силу этого, репрезентированное субъективно в форме знаний, данное содержание представлено в атрибутивно идеальных образованиях. Они, являясь идеальными и, следовательно, амодальными, – по определению – имеют не чувственный а «сверхчувственный» характер.

Вместе с тем, несмотря на это, они и репрезентированные в них объективно представленные, но внешне-локализованные системные качества, оказываются непосредственно данными субъекту и, более того, образуют саму эту данность. Иными словами, через их субъектную репрезентацию достигается возможность, казалось бы, невозможного: обретение «сверхчувственным» (то есть самим идеальным) свойства чувствительности к нему. Оно становится не просто «ощущаемым», точнее – данным субъекту, но и выступает как эта данность, причем, в самом непосредственном и даже феноменологически бесспорном виде. Конкретные средства, благодаря которым это становится возможным, были подробно проанализированы выше, а основным среди них является, на наш взгляд, механизм трансформации системных качеств (как средства порождения самого идеального и «сверхчувственного») в функциональные качества – как уже в принципе доступные чувственному восприятию.

Второе направление действия данного механизма – это трансформации и внутренне-локализованных системных качеств из их объективного статуса в субъективный. Объективно представленные системные качества, но присущие именно психике в целом и ее основным «составляющим», также выступают несомненной реальностью, не нуждающейся в особом обосновании. Действительно, то, что такого рода особенности, закономерности и принципы не только существуют, но и составляют *основу* структурно-функциональной организации психики, по-видимому, достаточно очевидно и доказывается, по существу, всей – достаточно длительной и богатой историей развития системных представлений в психологии. В этом плане можно привести, конечно, большое число конкретных свидетельств данного положения, а также различных походов и полученных при их реализации результатов, демонстрирующих основополагающее значение системных закономерностей в организации психики и ее объективных ос-

нов<sup>105</sup>. Поэтому и наличие у них системных качеств, имеющих статус объективных, также вполне очевидно. Следовательно, специфика механизма окачествления по отношению к системным качествам состоит в том, что ему подвергаются не только внешне-, но и внутренне-локализованные качества. Кроме того, еще одна отличительная особенность данного механизма по отношению к системным качествам состоит в том, что именно это – второе направление действия данного механизма является и существенно более выраженным, и весьма специфичным тому, как он представлены по отношению двум иным типам качеств – материальным и функциональным.

Действительно, его специфика по отношению к ним, а одновременно и трудность его изучения состоит в том, что в общей совокупности системных закономерностей и принципов представлены не только те, которые имеют преимущественно *психофизиологические* и даже биологические основы и которые с несомненностью эксплицируют свой объективный статус (а также являются генетически предзаданными). В эту совокупность входят как ее существеннейшая

---

<sup>105</sup> Так, в этом плане можно отметить, например, наиболее ранние в историческом плане исследования, выполненные в гештальтпсихологии [117, 304]; представления К. Лешли о локализации психических феноменов [336]; теорию функциональных физиологических систем П. К. Анохина, а также многочисленные исследования, явившиеся в значительной степени ее развитием и углублением и выполненные в русле системной психофизиологии (В. Б. Швырков, Ю. И. Александров и др. [13, 611]); представления школы А. Р. Лурии о системной локализации высших психических функций [348]; «интеграционно-дифференциальную» теорию организация психики (Н. И. Чуприкова [601]); исследования в русле «голографической метафоры» (Д. Габбор, Р. Родик, К. Прибрам, В. Н. Дружинин [186, 442, 705, 778]); разработку общих принципов системного исследования психики Б. Ф. Ломовым [335]; структурно-морфологическую парадигму психологической теории деятельности, в которой обоснованы различные варианты собственно системной экспликации структурно-функциональной организации деятельности и введено базовое понятие психологической системы деятельности (В. Д. Шадриков, Д. А. Ошанин, О. А. Конопкин, В. П. Зинченко, Г. В. Суходольский и др. [213, 299, 418, 530, 605]); концепцию системогенеза деятельности [606] и др. К числу основных должны быть отнесены также и подходы, в которых обосновано понятие полисистемности (Д. Н. Завалишина [205]); сформулирован межсистемный подход (Ю. Я. Голиков, А. Н. Костин [145]); развиты методологические основания системного подхода (В. А. Барабанщикова [53], В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина [485, 486, 630]); разработаны синергетические версии системного подхода (Г. Хакен, И. Пригожин [575, 576, 443, 444] и др.)

часть также те закономерности и принципы собственно системного характера, которые имеют собственно психологический характер и которые складываются и формируются в процессе онтогенетического развития (и, добавим, любого иного – например, профессиогенетического). Более того, именно они играют в ней определяющую роль. Их, однако, уже ни в коем случае нельзя трактовать как объективные только в том смысле, что они носят психофизиологический по своим механизмам и субстрату характер. Являясь столь же объективной, как и они, данная категория характеризует совокупность закономерностей и принципов собственно *психической* организации. Они выступают, как это, быть может, ни непривычно звучит объективными закономерности субъективной реальности.

В этом плане очень показательным (и доказательным), что данное положение с наибольшей отчетливостью и полной проявляется по отношению к двум – пожалуй, наиболее общим и важным, а потому и наиболее репрезентативным предметам психологического исследования в целом, каковыми выступает *система деятельности*, с одной стороны, и система основных *когнитивных процессов*, с другой. Формирующиеся в ходе их становления и развития основные – атрибутивно присущие им как образованиям системного типа качества (системные) становятся затем предметом действия механизма окачествления. Показательно также, что доказательство существования данного механизма по отношению к ним позволило установить и ряд новых, не описанных пока и достаточно общих особенностей и закономерностей этих образований системного типа.

Так, показательна дифференциация еще одного основного типа системности – временной, (*темпоральная*). Это означает что, наряду с субстанциональными (синхроническими) системными качествами, существуют и системные качества еще одного класса – временные (диахронические). Они, с одной стороны, принципиально отличны от класса субстанциональных системных качеств по совершенно четкому критерию (их направленности на собственно временную организацию и производностью от нее). С другой стороны, они принципиально идентичны с ними по природе: они также являются собственно системными по механизмам их генеза и статуса. Следовательно, и сама временная системность играет, по-видимому, не меньшую роль в функциональной организации сложных объектов, нежели субстан-

циональная системность. Временные системные качества имеют идентичный в плане их роли для общей организации систем статус – они являются операционными средствами такой организации: они, в конечном итоге, направлены на то, чтобы расширить, увеличить и разнообразить функциональные, а также все иные возможности самой системы. Они, равно как и субстанциональные системные качества, означают, фактически, некоторую «прибавку» функциональных возможностей систем. В силу этого, они обуславливают повышение их общего потенциала, достигаемое, однако, исключительно за счет механизмов организации, а не за счет привлечения ресурсов извне. Система, оставаясь самой собой и не выходя за свои онтологические пределы, становится, благодаря этим качествам, бóльшим, нежели аддитивная сумма ее «составляющих». Поэтому она в известном смысле все же «выходит» за их пределы. В результате этого, как можно видеть, имеют место те же самые – фундаментальные по своей значимости эффекты системности, интегративные эффекты, которые лежат и в основе субстанциональной системности. Возникают собственно системные – *синергетические* эффекты, но уже не в собственно субстанциональном, а во временном плане; в аспекте собственно функциональной организации систем – их бытия во времени.

В связи с этим, эксплицируется и еще более принципиальное обстоятельство, согласно которому системы временного типа воплощают в своей организации очень общий принцип организации. Это – способность использования результатов своего собственного функционирования как средств организации его же, но на последующих этапах развертывания. Показательно, что именно с позиций представлений о такого рода системах удалось дать и вполне естественное и даже – необходимое объяснение одному из наиболее имплицитных феноменов, установленных в ходе предыдущего изложения – становлению своеобразной чувствительности к сверхчувственному, то есть формирование *сензитивности к идеальному*. Именно он и составляет сущность и основной атрибут сознания, а также субъективной реальности в целом. С этих же позиций выявляется и фундаментальный, на наш взгляд, механизм, обеспечивающий данный атрибут, – *трансформация системных качеств в функциональные*.

Кроме того, при еще более углубленном анализе оказывается возможной экспликация и, так сказать, «механизма самого этого ме-

ханизма», то есть обнаружение тех средств, на основе которых он сам реализуется. Действительно, как показано выше, в его основе лежит еще более общее свойство, присущее определенным классам систем в целом и психике как одной из них, в частности, – способность использовать результаты своего функционирования в качестве средства организации его же, но на последующих фазах. Это – своего рода «погружение» результатов в процесс, а тем самым – обогащения и расширения возможностей самого процесса, его своеобразное «самостроительство». Было показано также, что он имеет, в конечном счете, именно деятельностьную природу, а в его основе лежит присущая системам данного типа атрибутивная способность к трансформации промежуточных результатов функционирования в детерминанты организации его же, но на последующих фазах. За счет этого они обретают специфическую «чувствительность» к ним, а затем – и к «распознаванию» в качестве операционных средств организации процесса функционирования.

Очень показательно также, что данный механизм наиболее ярко и полно – вообще очевидным образом представлен по отношению к функциональной (и темпоральной в целом) организации *деятельности*. Следовательно, он имеет собственно регулятивные «истоки» и исходно регулятивные генетические корни. И лишь затем и на основе этого (и также в целях этого) он обретает более традиционную феноменологически (и традиционно) когнитивную форму, составляя, в частности, как показано выше, важнейшую компоненту важнейшего механизма организации сознания – то, что обычно фиксируется в термине «механизма осознания». Однако, именно за счет этого сами системные качества (причем, в данном случае не имеет принципиального значения, какой вид и даже тип этих качеств подвергается его действию) обретают своеобразную «чувствительность» к ним. Они становятся ощущаемыми и воспринимаемыми – данными феноменологически, субъективно. Более того, они даны именно непосредственно и вообще, как показано выше, составляют саму эту данность, выступая фрагментом субъективной реальности как таковой. Следовательно, механизм такой трансформации эксплицирует еще более общий характер, являясь одновременно и основой окачествления важнейшего типа качеств – системных. В силу этого, он раскрывается и как ключевое средство генезиса субъективной реальности в целом.

Подчеркнем также, что данный механизм является, в то же время, и частным случаем еще более общего феномена трансформации качеств, относительно более высоких порядков сложности, в качества относительно менее высоких порядков. Так, было установлено, что он имеет место, и в отношении трансформации системных качеств в функциональные (см. также в [257, 258]). В этом плане нами было сформулировано положение, согласно которому качественные трансформации в целом (в том числе, и по отношению к психике) развертываются в двух основных направлениях. Во-первых, – «снизу вверх», то есть в направлении генезиса качеств более высокого порядка сложности на основе относительно менее сложных качеств. Это наиболее традиционный и изученный путь их трансформаций, который вообще обычно связывается с качественным развитием как таковым и им исчерпывается. Во-вторых, – «сверху вниз», то есть посредством мультиплицирования характеристик качеств более высокого уровня сложности в качества относительно меньшей степени организации.

В еще более общем плане данный механизм составляет основу и для становления важнейшего свойства, точнее атрибута сознания, а в его «лице» и психики в целом – свойства *самосензитивности*. То, что характеризует ее в целом, то есть является ее именно обобщенными – системными качествами, становится воспринимаемым ей же самой именно как таковое; это и составляет феномен ее данности самой себе – самопрезентированности. Именно на основе этого и благодаря этому возникает и еще один очень важный и даже уникальный феномен, обозначенный нами как феномен *автовзаимодействия*. Он состоит в том, что система – в данном случае психика оказывается в состоянии взаимодействовать сама с собой, что открывает, конечно, принципиально новые возможности ее структурно-функциональной организации, которые во многом еще только предстоит понять и тем более объяснить. Однако сам факт такого автовзаимодействия имеет место и составляет важнейший атрибут субъективной реальности в целом и сознания, в особенности.

Наряду с этим, были эксплицированы и некоторые новые особенности и закономерности организации *когнитивной подсистемы* – как еще одного репрезентативного в плане рассматриваемых здесь задач предмета исследований. Так, оказалось возможным дать новую – более обобщенную интерпретацию особой категории (и, соответственно,

особого уровня) организации всего процессуально-психологического содержания психики *метакогнитивных* процессов. Они раскрываются как необходимое и объективное следствие общей логики усложнения и совершенствования процессуальной организации в целом, в основе которой как раз и лежит охарактеризованная выше способность систем – в данном случае процессуальных использовать свои результаты как средства и детерминанты самого функционирования. В метакогнитивных процессах эта особенность выходит на новый уровень, обретает *предельную* выраженность, поскольку в них становится возможным использование не какой-либо *части*, но какого-либо локального их результата в целях организации функционирования, а *всего* процесса в целом. Тот или иной когнитивный процесс обретает способность использовать в качестве средства организации самого себя в целом – возникает механизм *операндно-операторной обратимости*. На его основе и складываются метакогнитивные процессы как таковые. В них, таким образом, достигается и своеобразная чувствительность – сензитивность к самим «первичным» когнитивным процессам. В силу этого, метакогнитивные процессы как «вторичные» раскрываются в качестве основных парциальных «составляющих» *рефлексии*, которая, в свою очередь, выступает процессуальной основой самого сознания<sup>106</sup>. Поэтому, с позиций развитых выше представлений, его содержание и структурная организация также получают новый импульс для более детализированного раскрытия.

Действительно, именно благодаря двуединой природе когнитивных процессов (их представленности и как объективной и как субъективной реальности, их бытия как в онтологической, так и в инструментальной функциях; их статуса и как операторов и как операндов одновременно) они раскрываются не только существенно более полно, но и обретают качественно новое свойство – становятся основными компонентами сознания. Они выступают уже не только тем, что реально протекает в психике и не только тем, «*чем* познается», но и тем, «*что* познается» – репрезентируются на уровне сознания,

---

<sup>106</sup> В связи с этим следует отметить, что та проблематика, которая стала основной для метакогнитивизма, во многом созвучна традиционным для отечественной психологии исследованиям рефлексии и рефлексивных процессов (и свойств) личности (см. обзор в [258]).

то есть осознается. Очень важно при этом, что указанные модусы психических процессов (операторный и операндный) не рядоположены друг другу, а именно *взаимобратимы*, а также представлены в единстве. Они могут перманентно менять друг друга, чем и обеспечивается столь очевидное феноменологически свойств динамичности сознания – атрибут, который зафиксирован, например, в известном термине «потока сознания». Кроме того, с позиций изложенных представлений раскрывается еще большая сложность организации системы когнитивных процессов. Все они, порождая своей собственной организацией «вторичные» процессы и, трансформируя поэтому самих же себя из *операторов* в *операнды*, тем самым, фактически, приводят к возникновению новой и обладающей глубочайшей качественной спецификой реальности. Она, однако, также доступна репрезентации, поскольку сами «вторичные» процессы как раз и обеспечивают ее, а тем самым конституируют эту – субъективную реальность.

Итак, резюмируя сказанное, можно сделать следующее заключение обобщающего плана. Общий механизм окачествления, действительно, реализуется по отношению к еще одному основному типу качеств – системным и по второму из дифференцированных выше направлений. Оно состоит в том, что ему подвергаются не только объективные по статусу, но внешне-локализованные системные качества, но и качества, имеющие столь же объективный статус, но иную – внутреннюю локализацию. Ему подвергаются те качества, которые являются производными от собственной системной организации самой психики и ее основных «составляющих». Вместе с тем, он по отношению к этому типу качеств имеет достаточно выраженную специфичность, отличающую его от того, каким образом он представлен по отношению к функциональным и особенно материальным качествам. Дело в том, что он никак не может быть приурочен только к тем принципам и закономерностям системной организации психики, которые заложены в ней исходно и являются генетически предзаданными, выступают как то, что характеризует ее именно объективные основы и сопряжено, главным образом, с психофизиологическим уровнем ее организации. В еще большей степени он сопряжен с теми – формирующимися и развивающимися в ходе онтогенеза системными образованиями, которые, естественно, характеризуются и существенно большей сложностью, и большей значимостью, и большей репре-

зентативностью в плане воплощенности в них особенностей и закономерностей иного уровня организации – собственно психологического. *Прежде* чем и *для* того, чтобы данный механизм мог реализоваться в отношении очень многих системных качеств, должны возникнуть и подвергнуться формированию сами психологические системы и иные психические структуры, построенные на основе принципов системности. Другими словами, сначала должен сформироваться сам *носитель* качеств, который затем и будет выступать их источником для действия механизма окачествления. Его суть как раз и состоит в том, что эти качества носителя – онтологизируясь и операционализируясь сами становятся носителями качеств, приводя к становлению очень существенной части всей субъективной реальности. Этим комплексным носителем выступает та «составляющая» психики, которая сопряжена с уровнем сознания, с осознанной регуляцией деятельности (а также поведения, общения и иных сложных форм активности субъекта).

Все эти и иные раскрытые в ходе проведенного анализа особенности и закономерности, принципы и механизмы системного типа, порождая сопряженные с ними качества – также системные по своему статусу, создают одновременно и достаточную базу для действия наиболее важного механизма – их окачествления. Они также подвергаются его действию, в результате чего обеспечивается двуединый эффект. С одной стороны, сами эти качества становятся фрагментами субъективной реальности, точнее – образуют ее, репрезентируясь как очень существенная компонента всего сознания в целом. С другой стороны и в значительной степени именно поэтому же, они оказываются в состоянии выступать в роли действенных средств организации самой психики – обретают статус операционных средств ее организации и функционирования.

Можно видеть также, что все эти результаты содействуют углублению представлений и о содержании самого механизма окачествления, представленного по отношению к системным качествам. Действительно, они показывают, что в его основе и лежит трансформация системных качеств в функциональные. В результате этого объективно представленные системные качества, характеризующие ту или иную психическую структуру, обретают иной – функциональный статус и, соответственно, иную – уже субъектную репрезентацию. Благодаря этому, они становятся ощущаемыми, то есть обретают свойство сензитивности. Еще точнее было бы сказать, что они

*составляют* саму эту сензитивность, выступая феноменологически как осознаваемый контроль за динамикой когнитивных процессов в целом. Следовательно, феномен обретения сензитивности к идеальному и механизм окачествления по отношению к системным качествам обнаруживают глубинную общность. По нашему мнению, она вполне закономерна, поскольку второй как раз и является причиной первого. Благодаря этому, само идеальное становится не просто ощущаемым – субъективно данным, но во многом и *образует* эту данность, а тем самым и субъективную реальность как таковую. На уровне сознания содержанием субъективной реальности поэтому выступает вся совокупность системных качеств психики и ее основных «составляющих», подвергнутая данному механизму и ставшая в результате репрезентированной – ощущаемой субъектом, данной ему.

Доказательство существования механизма окачествления по отношению и к системным качествам как еще одному их основному типу, имея, разумеется, самостоятельное значение, создает, вместе с тем, достаточно своеобразную ситуацию в плане решения основных задач данной работы в целом. Действительно, с одной стороны, посредством него данный механизм эксплицируется по отношению ко *всем* трем – традиционно дифференцируемым основным типам качеств (материальным, функциональным, системным). Иначе говоря, это означает, что *вся* классическая триада получает свою верификацию в плане ее подверженности этому механизму. Следовательно, его существование получает *верификацию* в отношении всех традиционно дифференцируемых типов качеств и поэтому может считаться обоснованным в необходимой степени. Кроме того, получает подтверждение и то, что каждый из них, действительно, соответствует тому или иному – также базовому уровню организации психики и субъективной реальности. Так, его действие по отношению к субстанциональным качествам приводит в итоге к конституированию уровня *сенсорики*; действие по отношению к функциональным качествам сопряжено генезисом уровня *процессуального* содержания психики; наконец, его действие по отношению к системным качествам сопряжено с порождением уровня *сознания*.

Однако, с другой стороны, фиксация анализа только на этой «триаде» пока оставляет вне сферы рассмотрения иные и также основные и фундаментальные по своей значимости и степени обобщенности сферы психического – уровни его организации и, соответственно, сферы

субъективной реальности. Это, прежде всего, такая важнейшая сфера психического, каковой выступает *бессознательное*, а также еще одна его сфера, в которой само понятие качества вообще получает, пожалуй, наиболее полное и естественное, широко представленное и само собой разумеющееся проявление – сфера *индивидуальных качеств*. В более широком плане – это, фактически, все свойства, качества личности как носители ее качественной определенности – самости, субъектности. Они, собственно говоря, понятийно и закреплены посредством еще другой, причем, еще более традиционной терминологической «триады», издавна сложившейся в психологии – дифференциации психики на процессы, *свойств* и состояния.

Тем самым, казалось бы, данное обстоятельство выступает свидетельством не «за», а «против» развиваемых здесь положений о наличии и важнейшей роли в конституировании субъективной реальности механизма окачества и его общем характере. Вместе с тем, именно оно является отнюдь не аргументом отрицательного плана, а одним из важнейших обстоятельств, свидетельствующих в пользу и этих представлений и, что не менее значимо, в пользу правомерности самого методологического подхода, на основе которых они развиты – принципа метасистемности. Дело в том, что именно с его позиций эксплицируется очень значимое, на наш взгляд, обстоятельство, состоящее в необходимости дополнения самих – традиционно сложившихся представлений о базовых типах качеств посредством включения в их общую совокупность еще, как минимум, двух основных типов – *виртуальных* и *метасистемных*.

Иными словами, неполными и потому – недостаточно общими являются не сформулированные здесь представления о существовании механизма окачества, а те представления, которые продолжают доминировать по отношению к традиционной номенклатуре основных типов качеств. Они должны быть расширены посредством включения в нее еще двух – указанных выше основных типов качеств. Тем самым, однако, в очередной раз сам метасистемный подход демонстрирует свои возможности в плане решения, действительно, достаточно общих и важных в теоретическом отношении вопросов. Это же обстоятельство, давая решение одних вопросов, приводит к постановке новых – также трудных вопросов и, соответственно, требует их решения. Их сущность как раз и состоит в том, чтобы выяснить,

действует ли и, если да, то как именно, данный механизм по отношению к этим – так сказать, «неклассическим» типам качеств. Анализ этих вопросов привел к очень показательному заключению, состоящему в следующем. Во-первых, эти два – эксплицируемых с позиций данного подхода типа качеств, также с высокой степенью очевидности и рельефности, подвержены действию данного механизма. Во-вторых, те сферы субъективной реальности, которые конституируются на основе их окачествления, также выступают как максимально очевидные. Они традиционно дифференцируются в качестве именно качественно специфических уровней, «плоскостей» психического в целом и, соответственно, самой субъективной реальности, в частности. В-третьих, раскрытие специфики механизма окачествления именно по отношению к ним с наибольшей степенью полноты вскрывает и новые возможности, которыми обладает сам метасистемный подход как средство психологического исследования; они являются максимально конгруэнтными как самому этому подходу, так и его возможностями по отношению к анализу собственно психологической проблематики.

Действительно, все эти обстоятельства с высокой степенью отчетливости проявляются при рассмотрении первого из этих двух вновь дифференцируемых с позиций данного подхода качеств – *виртуальных* в аспекте той роли, которую они играют в структурно-функциональной организации и генезисе субъективной реально. Так, прежде всего, в наиболее общем и принципиальном плане сам факт существования виртуальных качеств как таковых получил свое, действительно, комплексное и многоплановое обоснование – причем, не только в аспекте собственно психологической проблематики, но и в иных аспектах гносеологическом, теоретико-системном, общефилософском. Тем самым подтверждаются и общие предположения, базирующиеся, в свою очередь, на метасистемном подходе относительно необходимости концептуального расширения традиционных представлений о классической триаде основных типов качеств и включения в них новых типов качеств. Причем, с наибольшей очевидностью необходимость в таком расширении представлена именно по отношению к психологической проблематике – по отношению к психике как одной из наиболее сложноорганизованных систем. В самом деле, так сказать, «потребность» в виртуальных качествах, а соответственно и мера их представленности наиболее очевидны по отношению именно к организации психики в целом.

Действительно, поскольку в качестве «единиц» ее компонентного состава представлены, в основном, информационные сущности – знания, репрезентации, элементы опыта и пр., то сделанное заключение можно конкретизировать. С одной стороны, в целях возможно более высокой адаптированности к среде необходимо максимальное расширение объема этих – информационных носителей. Однако, с другой стороны, психика, как и любая иная система, обладает естественными – объективными ограничениями. Следовательно, возникает необходимость в такой форме и в таком механизме функциональной организации знаний, информации, опыта – такой их «упаковки», которая учитывала бы два важных обстоятельства. Она должна быть одновременно и ограниченной, и неограниченной (по крайней мере – субъективно). Поэтому для психического атрибутивно характерен такой способ организации, который предполагает принципиальную двойственность существования самих компонентов. Для понимания этой двойственности, точнее – двух взаимообратимых модусов существования компонентов, как известно, используются различные оппозиционные пары понятий: актуальное – потенциальное, реальное – виртуальное, эксплицитное – имплицитное [55, 80, 171, 215]. Это означает, что в любом случае – в любом «акте бытия» системы со «встроенным» метасистемным уровнем в целом и психика как одна из них, в частности, не сводятся лишь к тем компонентам, которые актуально (эксплицитно) вовлечены в него. Всегда имеет место нечто такое, что отсутствует актуально, но образует контекст и фон – представлено в потенциальной, имплицитной, то есть в *виртуальной* форме. Однако для того, чтобы компонентный состав системы сохранялся в ней, не будучи включенным в ее актуальное содержание (причем, на протяжении больших и очень больших временных интервалов), нужны соответствующие механизмы.

Следовательно, с высокой степенью очевидности и комплексности обнаруживается принципиальное взаимоотношение атрибутивной природы виртуальных качеств с такой – обширной по объему и фундаментальной по значимости сферой (и уровнем) психики, каковой выступает сфера *бессознательного*. В свою очередь, это означает, что существует прямая – закономерная и очень естественная, то есть, фактически, атрибутивная связь понятия виртуальных качеств с одним из наиболее общих и важных *принципов* структурно-функциональной организации психики. Им является, фундаментальный прин-

цип ее дифференциации на *осознаваемую и неосознаваемую* сферы, на сознательное и бессознательное. Посредством него как раз и обеспечивается реализация в организации психики базового феномена (и механизма) виртуальности. Он, в свою очередь, резко повышает ее функциональные возможности. При этом сама сфера бессознательного как раз и выступает сосредоточием виртуального содержания психики и, соответственно, – носителем виртуальных качеств. В форме бессознательного психическое существенно обогащает общий арсенал своих качеств, повышает степень своей качественной гетерогенности; в него включается также и еще одна базовая категория качеств – виртуальные. Они оставляют своего рода онтологический базис любой системы, ее «фундамент», а одновременно являются очень специфическими именно в плане их качественной определенности – двуедиными в плане их онтологического статуса. Он, в свою очередь, непосредственно отражает еще более общую особенность, согласно которой этой двойственностью – двуединством онтологического статуса обладают совершенно определенные структурные «единицы» системной формы организации как таковой – ее *элементы*. Несколько схематизируя, можно сказать: они и существуют, и не существуют одновременно. Существует – в том смысле, что являются объективно необходимыми для структурирования и организации всей системы в целом, поскольку именно из них синтезируются компонента системы, как ее основные «единицы». Не существует – в том плане, что не могут быть рассмотрены и поняты в качестве носителей качественной определенности этой системы, а потому – как бы уже «выводится за ее пределы», локализуется вне ее (точнее – *под* ней).

В свою очередь, это означает, что дифференциация виртуальных качеств в целом и факт их воплощенности в организации психики, в частности, полностью согласуется и с базовыми представлениями, сложившимися в теории систем относительно универсального критерия-дискриминатора уровневой дифференциации. Категория виртуальных качеств адекватно – полно и точно, естественным образом соотносится с еще одним структурным *уровнем* организации систем – элементным. Это проявляется во вполне очевидном сходстве, подобии и даже в известном тождестве статуса и природы виртуальных качеств, с одной стороны, и сущности элементного уровня организации систем, с другой. Виртуальные качества полностью конгруэнтны атрибутив-

ным характеристикам элементов как базовых «составляющих» любой системы, образующих их базовый уровень – элементный. Сущность же эта заключается в том, что они, как отмечалось, выступают такими образованиями, которые также обладает двойственностью своей природы, статуса. С одной стороны, в понятии элемента (в отличие от компонента) фиксируются такие образования, входящие в состав систем, которые уже утрачивают качественную определенность самих этих систем, не являются ее носителями. Однако, с другой стороны, это – такие образования, которые объективно (онтологически) необходимы для существования систем, для формирования на их основе (посредством внесения в них дополнительной организации и содержания) всех иных ее уровней – уровней, которые уже обладают качественной определенностью системы как таковой.

Далее, виртуальные качества обладают целым рядом очень специфических и даже – уникальных особенностей, обуславливающих столь же выраженную специфичность их проявления в структуре субъективной реальности. Одним из основных среди них является то, что они являются одновременно и существующими и не существующими, – в зависимости от тех или иных. Так, в одной «системе координат» – *объективной* они, разумеется, существуют, поскольку выступают носителями качественной определенности бессознательного и реальны в такой же мере в какой реально оно само. В другой «системе координат» – *субъективной* они могут и не быть представленными в тот или иной момент времени, а потому – не существуют именно для субъекта, как фрагмент субъективной реальности. Тем самым, они раскрываются не как абсолютные, а как относительные – *релятивистские* по своей сути – в том числе и как темпорально-относительные, и как онтологически-относительные.

Очень специфичен также и общий тип репрезентации этих качеств в структуре субъективной реальности. В основе их репрезентации в целом, а также в основе того, что они, хотя и очень специфическим способом, но все же даны субъекту, «ощущаются» им, лежит очень общий и фундаментальный для организации психики в целом принцип *опосредствованности*. Дело в том, что все иные – не виртуальные типы качеств, представленные в любом акте осознания, то есть «ощущаемые», воспринимаемые субъектом, всегда предполагают опору на нечто *неосознаваемое*, но лежащее в основе осознания.

Нечто осознается только потому, что многое иное перестает осознаваться: осознание становится возможным только благодаря *не-осознанию*, а любое существование на уровне субъективной реальности предполагает *не-существование* чего-либо другого. В известном смысле справедливо положение, согласно которому любое существование возможно только благодаря не существованию. Тем самым это несуществующее, фактически, входит в процесс конституирования самого существующего. Оно *представлено* в нем, содержится в нем, хотя и в «снятом» виде – как фон, как контекст, то есть как нечто, в действительности, существующее, но не эксплицированное актуально. Тем самым, и виртуальные качества также являются данными опосредствованно, все же репрезентированными, хотя и очень специфическим образом. Они приобретают двойственность своего существования – они и *есть*, и их *нет* одновременно. Их нет актуально и непосредственно, но они есть виртуально – *опосредствованно*. Они существуют и репрезентируются только *через* другие – уже не виртуальные типы качеств.

Данный принцип имеет, как известно, целый ряд конкретных проявлений и сфер действия, пронизывая, фактически, всю структурно-функциональную организацию психики, а также выступая базовым в плане ее генетического развития (см. обзор в [256]). Он, к тому же, является и одним из основных принципов психологического познания в целом. Действительно, одной из важнейших закономерностей структурно-функциональной организации не только психических процессов, но и подавляющего большинства всех других психических образований является то, что субъективно они презентированы лишь в аспекте своих итоговых, *результативных* эффектов и проявлений – именно как феномены [111]. Сама же *процессуальная* сторона, обеспечивающая их, столь же принципиально скрыта от субъективной репрезентации и не представлена интроспективно; она «непроницаема» для интроспекции. Психическое дано субъекту именно как *феномен*, но не как *ноумен* – как явление, но не как сущность. Тем самым, со всей очевидностью эксплицируется факт принципиального значения: в любом акте психического всегда и притом – *объективно* представлено и нечто такое, что не презентировано *субъективно*, то есть не выступает как эксплицированная субъективная реальность, а существует именно в виртуальной форме. Именно эта реальность является онтологической базой – совокупностью детерминант и факторов,

а в более широком плане и детерминант того, что презентировано субъективно, то есть субъективной реальности как таковой. В известном смысле можно считать, что сама субъективная реальность существует только постольку, поскольку она базируется на виртуальной реальности. Все это конечно, практически никак не осознается самим субъектом и, подчеркиваем, *не должно* осознаваться, в чем также имеется глубокий смысл. Однако, от этого сам *факт* именно такой организации не перестает быть таковым, составляя важнейшую особенность организации практически любого «акта психического».

Наконец, с этих позиций выявляется и обстоятельство еще более общего плана, состоящее в том, что психика в целом раскрывается в качестве одного из *постсистемных* образований. Как известно, ими являются такие образования, которые по степени сложности своей организации *выходят* за пределы самой системной формы организации – превышают ее. В этом плане дополнительный смысл обретает понятия метасистемной организации: она раскрывается именно как *мета-системная*, то есть преодолевающая собственно системную форму, выходящая за нее. Сам же метасистемный подход демонстрирует свою релевантность не только собственно системным образованием, но и образованиям постсистемного типа. Однако истинная сложность организации психики состоит в том, что, являясь таковым, она вовсе не перестает быть типичным воплощением собственно системной формы организации. Она, разумеется, продолжает использовать – так сказать, «эксплуатировать» принципы собственно системной организации, но не переходит только на них. Понятно, что такая форма организации является, пожалуй, наиболее сложной из всех известных. Однако, именно она релевантна высочайшей сложности самой психики в целом и тех крайне сложных отношений, которые существуют между двумя ее основными сферами – осознаваемой и бессознательной.

Обоснованность и конструктивность понятия виртуальных качеств, проявляется еще и в том, что с этих позиций оказывается возможным раскрыть дополнительные особенности организации как самого сознания, так и его сложнейших взаимодействий с бессознательным. В частности, с этих позиций бессознательное может быть понято как такой механизм, основная функция которого заключается в деструкции – *дезорганизации* тех систем, которые генерируются сознанием, в придании «информации психического» *асистемности*

посредством трансформации его отдельных «составляющих» из статуса компонента (как частей некоторых целостных контекстов) в статус элементов, обладающих виртуальными качествами. Тем самым обеспечивается фундаментальное и не в полной мере оцененное пока свойство психического – свойство, точнее своего рода способность к динамической смене порождаемых им систем. Однако чтобы эта смена стала реальной и действенной, чтобы взамен прежней и нередко – неэффективной системы сформировались другие, более эффективные, объективно необходима вначале деструкция первых и, следовательно, перевод ее «составляющих» из статуса компонентов в статус элементов. Основным механизмом этого и является трансформация осознаваемой информации в бессознательную, а само бессознательное раскрывается как сосредоточие именно виртуальных качеств, а также тех носителей, свойствами которых они и являются. В этом и состоит, на наш взгляд конкретное содержание *продуктивных функций* самого бессознательного.

Следовательно, в структурно-функциональной организации психики, наряду с важнейшими для нее механизмами системобразования – средствами собственно интегративного типа, обязательно и притом совершенно объективно представлены механизмы и средства диаметрально противоположного типа. Это – средства и механизмы *асистемности* и дезорганизации. Есть все основания полагать, что бессознательное как таковое, а также перевод в него информации из сферы осознаваемого как раз и является наиболее обобщенной совокупностью механизмов и средств такого рода. Действительно, в осознаваемой форме информация, знания, компоненты личного опыта и т. д. по определению представлены в интегрированном, целостном виде – как некоторая система, как осмысленная и, по возможности, освобожденная от внутренних противоречий целостность. В ней все они, поскольку осознаются, репрезентированы как некоторые актуальные качества. Однако, этот свой статус – как актуальных, как осознаваемых они могут обретать не в качестве автономных и изолированных элементов, а лишь становясь компонентами определенной системы, поскольку лишь в ее контексте они обретают свой смысл и тем самым вообще начинают осознаваться.

Вместе с тем, деструкция системы, то есть трансформация ее компонентов в *несвязанный* друг с другом вид, выключение их из целост-

ного контекста – это и есть, по существу, их перевод в бессознательную форму, утрата ими свойства осознаваемости. Трансформируясь в бессознательную форму, но сохраняясь, естественно, в содержании психики, они вновь обретают множественность своих «степеней свободы», то есть потенциальных возможностей включения в иные системы знаний. Следовательно, истинная сложность организации психики в целом и сознания, в особенности, заключается в том, что в них представлены не только механизмы и средства интегративного, системообразующего плана, но и противоположные механизмы – *дезинтеграционного* типа. Сложность, а одновременно – совершенство психики и сознания таковы, что они оказываются в состоянии использовать саму асистемность и дезорганизацию как средство (причем, не только очень действенное, но и объективно необходимое) своего функционирования. «Сосредоточием» этой асистемности и дезинтегрированности как раз и является сфера бессознательного.

Кроме того, одним из проявлений и даже механизмов дезинтеграционного типа выступает и то, что, становясь виртуальными, те или иные качества и компоненты психического переводятся из их интегрированного вида в иной – построенный на основе принципа *агрегативности*. Следовательно, именно благодаря виртуальным качествам как специфическим операционным средствам, в организации психики в целом и бессознательного, в особенности, наряду с интегративным принципом, реализован еще один базовый принцип организации – агрегативный. В свою очередь, на основе этого, в структурно-функциональной организации психики достигается синтез обоих указанных принципов, что также порождает качественно новые возможности и особенности ее функционирования в целом, а также лежит в основе взаимодействия двух ее уровней – осознаваемого и бессознательного.

Конструктивность понятия виртуальных качеств, а также обоснование того, что по отношению к ним также реализуется общий механизм окачествления, проявляется, далее, в еще одном обстоятельстве. Оно состоит в том, что общая сфера виртуальных качеств, подобно сфере бессознательного, не сводится лишь к той ее части, которая традиционно рассматривается как его основная или даже единственная – к своего рода *когнитивному бессознательному* [6, 14, 15, 20]. Наряду с ним, в нее включается и очень обширная область того, что можно обозначить как *регулятивное бессознательное*

и что формируется в результате действия фундаментального психологического механизма *автоматизации*, порождая в итоге столь же фундаментальный феномен *операций*. Именно этот механизм, равно как и его результативное проявление – сами операции, во многом и лежат в основе конституирования его виртуального содержания в целом и присущих ему качеств – также виртуальных. В известной мере можно сказать и так: автоматизация – это и есть виртуализация. В ее результате порождается очень существенная по объему и очень значимая по функциональной роли и структурному месту часть всей субъективной реальности. Она носит именно виртуальный характер и принципиально не дана в непосредственном виде субъекту, то есть является атрибутивно неосознаваемой (и именно поэтому выступает как «составляющая» бессознательного).

Однако операции определенным образом все же даны ему – доступны своеобразной «чувствительности», но совершенно особой, непохожей на сензитивность в ее непосредственном проявлении. Это объясняется тем, что именно они являются своего рода *терминальными* образованиями, в которых, так сказать, *заканчивается* собственно психическая форма организации и регуляции, а также редуцируется вся специфическая для психики феноменология и *начинается* преимущественно физиологическая форма. Они являются поэтому пограничными образованиями, лежащими на «демаркационной линии» между собственно осознаваемым и неосознаваемым, между субъективным и объективным. Сами по себе они не репрезентируются субъективно – не ощущаются непосредственно; их содержание может быть эксплицировано лишь опосредствованно. Вместе с тем, они выступают именно тем, что как раз и лежит в основе опосредствованности по отношению к сензитивности ко многим иным психическим образованиям и структурам, ко многому иному содержанию психики. Они, являясь принципиально неосознаваемыми, выступают тем контекстом и фоном, на основе которого и благодаря которому становится возможной «чувствительность» к содержанию психического. Они обеспечивают тем самым своеобразную «корневую субъектность» – чувство данности субъекту содержания (а частично и операционных средств) его психики как таковое. Для того, чтобы она презентировалась именно как данность не нужно ничего более, поскольку сами операции как раз ее и *составляют*. Они выступают не как *чувствуемое* (напротив,

они являются принципиально не чувствуемыми), а как *чувствующее*. Они лежат в основе не чувствительности как таковой, а своеобразной *проточувствительности* – того, на чем сама чувствительность и базируется. Бессознательное в целом и виртуальность как таковая раскрывается уже не как *порождаемое* и ощущаемое, а в принципиально ином, противоположном модусе – как *порождающее* и ощущающее. Субъективная реальность может обрести свой онтологический статус, то есть стать именно реальностью (чувствуемой, ощущаемой) лишь благодаря существованию в психике иной реальности – виртуальной, на основе которой сама эта сензитивность (точнее – самосензитивность) и конституируется. Как мы уже отмечали, для того, чтобы нечто существовало (субъективная реальность), необходимо, чтобы нечто другое не-существовало. Это «несуществование другого» как раз и составляет виртуальную реальность.

Наконец, отметим, что в свете представленных результатов, которые, в свою очередь, оказалось возможным получить на основе детального анализа феномена операций, эксплицируется целый ряд его собственных – дополнительных по отношению к уже известным особенностей и закономерностей. Он раскрывается как существенно более общий и значимый в плане структурно-функциональной организации и генетической динамики психики. Кроме того, терминальный характер операций лежит и в основе того, что именно они являются своеобразной инверсионной формой фундаментального по своей значимости «психофизиологического сечения». Это означает, что в них локализован обратный по отношению к нему переход – не объективного в субъективное, а напротив – субъективного в объективное, психического в не-психическое.

Показательно и то, что по отношению к виртуальным качествам общий механизм окачества приобретает очень выраженную специфичность. С одной стороны, он сохраняет по отношению к ним свой общий смысл и свое главное предназначение, состоящие в том, что на его основе как раз и конституируется качественная определенность самой субъективной реальности. Более того, эта общность состоит и в том, что он и по отношению к виртуальным качествам также включает два основных направления. Одно из них сопряжено с окачением внешне-локализованных виртуальных качеств, а второе – с внутренне-локализованными виртуальными качества-

ми. Однако его специфика по отношению к виртуальным качествам состоит в том, что в основе конституирования – порождения, а затем и функционирования виртуальных качеств субъективной реальности лежит *наиболее радикальная* трансформация форм и уровней организации психического – переход из осознаваемой формы их субъективной репрезентации в неосознаваемую. Именно он, фактически, и тождествен трансформации всех качеств из их актуальной (эксплицитной) формы в виртуальную (имплицитную); более того, он как раз и *составляет* эту трансформацию. Следовательно, именно этот переход (точнее – сложнейшие процессы, обеспечивающие его) и должен быть понят в роли основного средства, или даже – механизма, лежащего в основе окачествления данного типа качеств. С этих позиций само формирование бессознательного как таковое как раз и должно рассматриваться как наиболее общий *механизм* конституирования виртуальных качеств в целом, как механизм порождения сферы виртуального в психике. Одновременно, возникновение самого бессознательного выступает как частный случай более общего процесса виртуализации содержания систем в целом и психики как оной из них.

Однако, данный механизм специфичен и по отношению к внешне-локализованным виртуальным качествам. Он состоит в становлении своеобразной *антисензитивности* – возможности не-восприятия того, что «есть в стимуле». Такая антисензитивность базируется на фундаментальной общесистемной закономерности, согласно которой относительно более сложные качества ингибируют проявление относительно более простых качеств – накладывают запрет на их экспликацию и репрезентацию в психике. Объективно конституирование качеств более высокого порядка сложности предполагает «снятие» качеств более низкого порядка. Так, в функциональных качествах «снимаются» материальные качества, поскольку для первых вторые во многом попросту «безразличны». В системных качествах также «снимаются» все более частные качества (функциональные, материальные), поскольку они – по определению, – это то, «чего *нет* у частей и у их суммы». Однако то же самое имеет место и в субъективной реальности. Так, репрезентация функциональных качеств как таковых предполагает отказ от восприятия иных – материальных качеств; она требует определенного «безразличия» – нечувствительности к ним. То же самое имеет место и при отображении системных

качеств: они – именно как качества целостности рецепируемы лишь при условии *не восприятия* частей самого целого. Объективно высшие качества для того, чтобы возникнуть, ингибируют низшие. Субъективно же репрезентация высших качеств также осуществляется на основе ингибиции репрезентации низших.

В связи с этим, можно предположить, что в ходе эволюции параллельно с формированием и совершенствованием – эволюцией форм чувствительности осуществлялась и эволюция средств противоположного плана. Это – средства и механизмы, обеспечивающие своеобразную *не-чувствительность*, способность не воспринимать то, что объективно представлено в сенсорном пространстве. В свете этого общая картина информационного взаимодействия со средой еще более усложняется и детализируется. Так, взятое в его наиболее очевидной форме – как ощущение и восприятие, оно предполагает чувствительность к тому, что *есть* в стимуле. Взятое в его существенно более сложной форме, оно может развертываться и на основе чувствительности к тому, чего *нет* в стимуле непосредственно. Это – чувствительность к идеальному, к системным качествам внешней среды. Однако в еще более имплицитной и сложной форме это взаимодействие предполагает также и становление своеобразной антисензитивности – возможности не-восприятия того, что «есть в стимуле». Вместе с тем, вся сложность и даже «хитрость» данной закономерности заключается в том, что, подвергаясь такой ингибиции, низшие качества вовсе не перестают существовать: меняется лишь форма их существования – она становится виртуальной. Именно как таковая она и репрезентируется – они входят в саму репрезентацию актуальных качеств, поскольку последняя вне их попросту невозможна. Таким образом, виртуальные качества, все же, отображаются, характеризуются чувствительностью и к ним – причем репрезентируются они именно в своей качественной определенности – как виртуальные. Наряду с формированием чувствительности к *сверхчувственному* (идеальному) формируется и чувствительность к *до-чувственному* (виртуальному).

В свете всего этого становится очевидным, что механизм окачества, действительно, имеет место и по отношению к данному типу, причем в достаточно сложном, а одновременно и весьма специфическом, отличном от других качеств виде. Тем самым, он эксплицирует свой, действительно, общий характер и важную роль в конституиро-

вании и структурно-функциональной организации психики в целом и субъективной реальности, в особенности. Его принципиальный смысл и итоговый результат по отношению к данному типу качеств подобны тем, которые были установлены по отношению ко всем иным качествам. Он приводит к коренной трансформации статуса самих виртуальных качеств, точнее – к их удвоению, а его принципиальный смысл тождественен тому, какой был констатирован для всех иных типов качеств. Виртуальные качества, подвергаясь действию данного механизма, также перестают быть только тем, в чем нечто *проявляется* и становятся тем, чем нечто *является*. Являются же они именно в том, что обозначается обобщающим понятием бессознательного. Они, собственно говоря, во многом попросту и *конституируют* все бессознательное как то, что составляет сферу виртуального в психике.

Одним из следствий обобщающего характера, которое с достаточной степенью очевидности вытекает из сравнительного анализа действия механизма окачествления по отношению ко всем четырем основным типам качеств, является присущее ему свойство принципиальной *гетерогенности*. Действуя по отношению ко всем типам и являясь поэтому общим в содержательном, функциональном и генетическом плане, он обладает весьма выраженной спецификой<sup>107</sup>. Причем, эта специфика также имеет ряд различных аспектов, основными из которых являются следующие его особенности. Во-первых, степень *сложности* данного механизма в целом *возрастает* при переходе от качеств относительно менее сложных качеств (согласно традиционным представлениям о них) к более сложным: она является пропорциональной сложности самих рассматриваемых типов качеств. Во-вторых, при этом возрастает и степень *дифференцированности*, развернутости данного механизма в плане тех операционных и иных средств, на основе которых он реализуется. В-третьих, закономерным образом меняется и мера его, так сказать, *онтогенетической* развернутости – то, насколько в нем представлена «составляющая» складывающаяся и развивающаяся в процессе онтогенетического развития, а не являющаяся генетически предзаданной. В-четвертых, изменяется пропорция между степенью вы-

---

<sup>107</sup> Ниже мы более подробно остановимся на этом – принципиальном вопросе; пока же зафиксируем его наиболее общий смысл.

раженности двух основных аспектов данного механизма, которые были обозначены выше как *внешне-* и *внутренне-*ориентированная его «составляющие» – вторая из них приобретает все большую выраженность и развернутость по отношению к первой. В-пятых, данный механизм отнюдь не сводится к его наиболее очевидной, но все же и относительно наиболее несложной форме – к той, которая была первоначально установлена и характеризует его действие по отношению к субстанциональным качествам. Это – так сказать, прямое, *непосредственное* окачествление материальных качеств в качествах-модальностях. Данный механизм, разумеется, может принимать и более сложные, развернутые и богатые содержанием формы и вступать уже не просто как аналог «отражения» тех или иных физических параметров внешней среды, а скорее, как их *освоение*, как воссоздание и реконструкция (или даже – как создание и конструирование). Наконец, в-шестых, можно констатировать и еще одну особенность, имеющую, правда, в большей степени гносеологический характер, нежели связанную с содержанием самого этого механизма. Она состоит в том, что по мере усложнения качеств возрастает *степень соответствия* данного механизма с основными положениями методологического подхода, который положен в основу их изучения, – метасистемного. Этот механизм, с одной стороны, во все более явной форме эксплицируется как непосредственное следствие данного подхода, как проявление его специфических особенностей. С другой стороны, тем в большей мере и содержание данного механизма воплощает в себе основные особенности метасистемной организации как таковой.

Все эти особенности не только находят свое воплощение – продолжение и развитие в том, каким образом представлен данный механизм в еще одном основном типе качеств – метасистемных, но и получают здесь свою, пожалуй, наиболее полную и развернутую экспликацию. И именно это должно рассматриваться, по нашему мнению, как одно из важных доказательств того, что отмеченные выше особенности, действительно, являются общими для всех видов данного механизма и, следовательно, раскрывает его с собственно содержательной стороны.

Действительно, по отношению к метасистемным качествам складывается ситуация, аналогичная в определенном смысле той, которая была констатирована по отношению к виртуальным качествам. Ее можно охарактеризовать как своего рода «ситуацию недостаточ-

ности»<sup>108</sup>. Вместе с тем, как было показано выше, такая недостаточность является отнюдь не недостатком развиваемого здесь подхода, а следствием определенной неполноты самих традиционных представлений о номенклатуре основных их типов. Более того, именно с позиций сформулированного подхода как раз и открывается возможность преодоления этой трудности, устранения такой «недостаточности», поскольку выявляется необходимость экспликации дополнительных типов качеств – в частности, виртуальных. Однако, эта же ситуация возникает и по отношению к еще одному – «неклассическому» типу качеств – метасистемным; она, правда, представлена здесь в несколько в ином аспекте. По отношению к ним *априорно* весьма затруднительно с достаточной степенью очевидности определить какую-либо сферу психического, которая была им конгруэнтна и являлась бы производной от действия механизма окачествления по отношению к ним. В уровневой организации психики – по крайней мере, на первый взгляд (а точнее согласно традиционному сложившимся представлениям), так сказать, отсутствует какой-либо достойный «кандидат» на то, чтобы соответствовать этому типу качеств. Вместе с тем, в действительности, это, конечно, не так, а возникающее впечатление такого отсутствия (точнее было бы сказать – иллюзия отсутствия) обусловлено не тем, как реально организована психика в ее структурно-уровневом плане, а тем, что, возможно, существующие представления об этой организации неполны и сами нуждаются в корректировке. Причем, скорее всего, речь должна идти вовсе не о поиске каких-либо принципиально новых и не выявленных ее сфер и уровней, а о том, чтобы *распознать* в ее уровневом статусе те или иные – уже *известные* и, более того, важнейшие и достаточно общие ее сферы. Именно такая ситуация и явилась исходной

---

<sup>108</sup> Напомним, что при их анализе эта недостаточность проявилась в том, что, с одной стороны, с несомненностью представлена огромная по объему и важнейшая по роли сфера психики в целом и субъективного реальности, в частности, – сфера бессознательного (а шире и неосознаваемого, точнее внесознательного (см. обзор в [258])). Она, согласно сформулированным выше теоретическим представлениям, равно как и все иные основные сферы, должна базироваться на механизме окачествления. Однако, с другой стороны, среди основных типов, входящих в традиционную триаду качеств уже «не остается места» для соответствующего данной сфере типа.

для анализа механизма окачествления по отношению к метасистемным качествам как еще одному их основному типу. И именно констатация такого ее своеобразия выступила своего рода подсказкой для выхода из нее как, действительно, сложной в концептуальном отношении.

В самом деле, именно с этих позиций раскрывается очень полная и, по существу, максимальная степень соответствия данного типа качеств с сутью всего развиваемого в данной работе подхода – метасистемного. Эти качества и по генезису, и по структуре, и по функциональному предназначению, феноменологии, свойствам и пр. являются прямыми следствиями и проявлениями метасистемного принципа организации психики в целом, который подробно охарактеризован в главе 2. Не повторяя, разумеется, данную в ней характеристику и самого этого подхода, в целом, и этого типа качеств, в частности, напомним только о главном – о его явной специфичности по отношению ко всем иным типам. Это такие качества, которые обладают принципиальной двойственностью (точнее – двуединством) своего статуса. С одной стороны, они не перестают быть качествами того носителя, которому они атрибутивно присущи – самой метасистемы. Однако, с другой стороны, они же выступают и качествами другого носителя – той или иной системы, включенной в эту метасистему; они являются для нее «своими» (внутренними), не переставая быть при этом, однако, и «чужими» (внешними). Качества метасистемы становятся и качествами самой системы, что, естественно, приводит к беспрецедентным по масштабу, глубине и степени разнородности последствиям для качественной определенности ее самой. Поэтому и сущность метасистемных качеств состоит вовсе не в том, что это – так сказать, «просто качества метасистемы». Как раз напротив – это качества самой системы, которые, однако, порождены качествами метасистемы и, более того, являются их своеобразной «превращенной» – удвоенной формой. В связи с этим, равно как и в связи с иными – также специфическими особенностями метасистемных качеств, основные закономерности процесса окачествления по отношению к данному типу качеств также обретают выраженную специфичность по отношению ко всем иным их типам. Он отличается от них точно в такой же степени, в какой сами метасистемные качества отличаются от всех иных их типов. И, прежде всего, эта специфичность заключается в том, какая сфера психической

реальности соотносится с данным типом качеств, точнее – какая ее сфера конституируется на основе его окачествления. Напомним, что именно по соотношению к данному аспекту как раз и проявляется та «иллюзия недостаточности», которая была констатирована выше – на первый взгляд, представляется, что такая сфера практически отсутствует, а тем самым (опять-таки, на первый взгляд) появляется аргумент «против» развиваемых здесь представлений.

В действительности, однако, данная трудность может быть преодолена, на наш взгляд, вполне естественным способом. Дело в том, что она сопряжена с еще более общей проблемой способов дифференциации (в том числе, и уровневой) психического на его основные «составляющие». Более того, она фактически, порождена этой проблемой – точнее, отсутствием ее приемлемого и теоретически обоснованного решения. Все предпринимавшиеся ранее попытки дифференциации состава и *содержания* психики характеризовались тем, что из нее исключалось само *содержание* – знания, опыт, а в еще более общем плане и субъективные репрезентации объективной реальности в целом, составляющие основу для функционирования всей психики. Вместе с тем, как убедительно свидетельствуют многочисленные исследования, выполненные в когнитивной психологии [359, 512, 699, 742 и др.], равно как и в русле метасистемного подхода [256, 258], сами знания, выступают в общей функциональной организации психики не только в своем исходном модусе – в качестве содержания, информации, то есть в качестве *операндов*. Они могут выступать и в качестве операционных средств, то есть в качестве активных *операторов*. Данное положение зафиксировано, в частности, и в фундаментальной дифференциации знаний на два основных типа – *декларативные* и *процедуральные* [320]. Причем, они выступают не столько как типы, сколько как функциональные модусы, которые могут характеризовать одно и то же содержание знаний; эти модусы могут чередоваться и, более того, синхронизироваться. В любом случае, однако, по отношению к знаниям как таковым возникает необходимость дифференциаций в их собственной структуре еще и операторного начала, связанного с тем, что они могут выступать и в качестве операционных средств – средств процессуальной динамики психики. Они, наряду с иными своими атрибутами, характеризуются и собственно операционными возможностями, то есть выступают

и в качестве активных операторов. Тем самым по отношению к ним был констатирован феномен, точнее – механизм, который обозначается как механизм *операндно-операторной обратимости* знаний. Он заключается в том, что знания могут выступать (и попеременно, и одновременно) и в качестве операндов, и в качестве операторов.

В данной связи очень принципиально именно то, что знания как таковые как раз и выступают основными носителями тех содержательных особенностей и характеристик, вообще – всего содержания, всей информации, которыми характеризуются объекты внешней среды – объективной реальности, то есть, фактически, всей метасистемы. Знания – это и есть та форма, в которой она (как метасистема) получает свою репрезентацию в системе – психике, функционально «встраивается» в нее. Одновременно и субъективные репрезентации этих качеств – это и есть знания как таковые.

Однако, если знания – в их наиболее полном и многоплановом статусе играют столь фундаментальную роль в организации психики и если они определяющим образом влияют на всю ее организацию, то их истинный психологический статус должен быть также очень высоким или даже максимально высоким. Он должен быть сопоставим или даже одинаков с тем, которым характеризуются основные «составляющие» психического, зафиксированные в их классической триаде (процессы, свойства, состояния). Другими словами, она должна быть преобразована в тетраду: процессы – свойства – состояния – знания.

Кроме того, если этот же вопрос ставить по отношению не к психике в целом, а по отношению к субъективной реальности, то данный вывод становится еще более очевидным. Дело в том, что по отношению к ней именно содержание, представленное, в основном, в форме знаний, как раз и является наиболее специфической и вообще – основной его «составляющей». Субъективная реальность практически полностью презентирована именно как определенное содержание, а не как механизмы и средства, процессы и закономерности. Последние, напротив, принципиально скрыты от субъективной данности, от самонаблюдения. В своей подавляющей и определяющей части субъективная реальность – это именно ее содержание, представленное в форме гетерогенных и разноуровневых репрезентаций, прежде всего, знаниевого типа. Следовательно, она является такой сферой всей этой реальности, которая не только не может быть игнорирована, но, напротив, составля-

ет ее *важнейшую* часть. Иными словами, существует принципиальное взаимосоответствие между метасистемными качествами как еще одним их основным типом, с одной стороны, и всей совокупностью *содержательных* характеристик психики (знаний, опыта, репрезентаций и пр.), с другой. Собственно содержательные параметры психики в целом и субъективной реальности, в особенности, как раз и являются соотносимыми с данным типом качеств и, не исключено, – генетически порожденными им. И наоборот, этот тип качеств находит свое воплощение в субъективной реальности именно в феномене знаний, индивидуального опыта, в содержании психического в целом.

В самом деле, для того, чтобы любой фрагмент объективной реальности получил в субъективной реальности адекватную репрезентацию, то есть обрел форму знаний, он должен быть представлен в ней не в каком-либо одном типе качеств, а во *всех* них<sup>109</sup>. В свою очередь, такая – комплексная, а значит полная и адекватная репрезентация может быть обеспечена лишь в том случае, если она будет основана на *всей* совокупности четырех видов механизма окачествления. Это означает, что содержанием механизма окачествления по отношению к метасистемным качествам выступает не какой-либо особый и, так сказать, дополнительный комплекс средств, а вся совокупность уже выявленных его видов, каждый из которых соотносится с тем или иным основным типом качеств. При этом подчеркнем, что по отношению к метасистемным качествам их адекватная репрезентация может быть обеспечена лишь в том случае, если в нее будут вовлечены именно *все* иные виды данного механизма – только в этом случае сама репрезентация может быть адекватной и точной. Только в этом случае любой фрагмент объективной реальности может быть репрезентирован на уровне субъективной реальности не *парциально* – частично, аспектно и потому не вполне адекватно, а именно *целостно*. Он в этом случае репрезентируется как некоторая онтологическая «единица» объективной реальности, то есть как нечто «отчлененное» от других, относительно автономное, целостное и самодостаточное – обладающее собственным «бытийным потенциалом», объектностью как таковой. В несколько

---

<sup>109</sup> Подчеркнем также, что лишь в этом случае будет реализовано не просто «то или иное», то есть рядовое положение самого метасистемного подхода, а его главное положение, вытекающее из самой его сути.

заостренной формулировке данное положение можно выразить и так: в механизме окачествления по отношению к метасистемным качествам, по-видимому, нет ничего нового и дополнительного с операционной точки зрения – того, чего не было бы во всех иных видах этого механизма, соотносящихся с каждым из четырех основных типов качеств.

Однако, такая синтетическая представленность всех основных типов качеств – по существу, их *интеграция* с необходимостью, то есть объективно порождает такие эффекты, которые присущи любой иной интеграции – эффекты *супераддитивности*. Она приводит к возникновению того, что в принципе отсутствует у каждого из них в отдельности и у их простой суммы. Поэтому в результате их интеграции посредством механизма синергии и лежащих в его основе системных качеств возникает принципиально *новое* содержание, отсутствующее у аддитивной совокупности самих базовых типов. Следовательно, являясь продуктами интеграции всех иных основных типов качеств, метасистемные качества *не сводятся* к их простой совокупности. В них возникает принципиально новое содержание, присущее только им и составляющее их специфическое содержание. Одновременно этот же вывод является и еще одним доказательством реальности и специфичности самих метасистемных качеств как особого их типа (причем, достаточно обоснованным, поскольку он опирается на базовое положение всей системной методологии и даже носит своего рода формальный характер, коренясь в закономерностях, составляющих базис теории систем). Интеграция всех парциальных репрезентаций, в результате которой они и предстают уже не как абстракции, а как аспекты синтезированной воедино целостности, приводит, к возникновению эффектов супераддитивности, к порождению *нового качества*.

Оно состоит в том, что сами эти качества перестают репрезентироваться именно как таковые, а предстают субъективно в их своего рода «снятом» виде – именно как части некоторой целостности – самого репрезентируемого *объекта*. Они оказываются представленными в субъективной реальности именно в его форме – в форме целостного объекта. Иными словами, итогом и эффектом такой интеграции является то, что результатом механизма окачествления по отношению к метасистемным качествам является репрезентация уже не *качеств* носителя, а самого этого *носителя*. Данный механизм приводит здесь к тому, что субъективно репрезентируются не отдель-

ные качества и их типы, а сами *объекты* внешней среды, которые и являются их носителями. Имеет место переход от *качественной* репрезентации внешней среды к ее *объектной* репрезентации. Сама же внешняя среда отображается именно в том виде, в каком она и представлена объективно – в виде расчлененной на целостные объекты реальности, в форме знаний. Интеграция качеств приводит к новому качеству, которое состоит в редукции – в своеобразном «исчезновении» самих качеств. Следовательно, специфика механизма окачествления по отношению к метасистемным качествам состоит в том, что ему подвергаются не столько *качества* носителя, сколько сами *носители* качеств в целом – в их объективном статусе.

Отсюда следует, что важнейшей специфической особенностью механизма окачествления по отношению к метасистемным качествам является весьма своеобразный эффект – *эффект объективации*: субъективно содержание тех качеств, которые и входят в состав метасистемных, репрезентируется в интрапсихическом плане, в ином – противоположном плане, то есть экстрапсихическом. Они субъективно локализируются не внутри психики, а принципиально иначе – вне ее, то есть в объективной среде, получая принципиально внешнюю, экстрапсихическую локализацию.

На наш взгляд, важно отметить и то, что именно с позиций этих представлений открываются реальные возможности для преодоления одной из наиболее общих трудностей практически всех современных трактовок феномена знаний как такового. Она состоит в том, что, с одной стороны, сама категория качества является основной «единицей» познания, с чем солидарны практически все исследователи и что стало, фактически, аксиомой гносеологии. Однако, с другой стороны, она, фактически, никак не реализуется по отношению уже не к процессу познания (как научного, так и индивидуального), а к его результатам – к самим знаниям. Категория качества и представления об их основных типах, фактически, не выступают объяснительным средством в плане раскрытия феномена знаний. Знания о качествах не привлекаются для понимания самих знаний – феномена знаний как такового. Будучи основной «единицей» познания, качества не выступают таковыми для понимания сути самих знаний, их природы и организации. Вместе с тем, наиболее общий смысл всех развитых выше представлений как раз и состоит в том, что роль данной категории вовсе не сводит-

ся к тому, что она является основной единицей познания, а выступает в аналогичном статусе и по отношению к психике в целом – к субъективной реальности. Другими словами, она эксплицируется как основная «единица» не только *познания*, но и *сознания*.

Данное заключение является, однако, не только теоретически-обоснованным обобщением, но выступает и достаточно конструктивным средством решения ряда вопросов, связанных с более детальным раскрытием самого феномена знаний. Так, прежде всего, отрывается возможность для того, чтобы эксплицировать его *структуру* как базирующуюся на принципах собственно системной организации и, следовательно, образованную структурой определенных уровней. В результате этого выявляется обстоятельство принципиального порядка, состоящее в следующем. Феномен знаний, действительно, базируется на *структурно-уровневом* принципе организации; он образован пятью основными, *качественно* различными и глубоко специфичными типами субъективных репрезентаций. Каждый из них непосредственно соотносится с тем или иным основным типом качеств (материальными, функциональными, системными, виртуальными, метасистемными) и является результатом – продуктом механизма окачествления по отношению к ним. Такими продуктами как раз и выступают пять основных типов репрезентаций, лежащих в основе субъективной реальности, точнее – порождающие и составляющие ее. Сенсорные репрезентации, составляющие «чувствительность» как таковую (являющиеся ей) выступают эффектами данного механизма по отношению к субстанциональным качествам. Процессуальные репрезентации выступают аналогичным по генезу эффектом данного механизма в отношении функциональных качеств. Идеальные репрезентации являются его результативным эффектом по отношению к третьему основному типу качеств – системным. Неосознаваемые репрезентации производны от другого и также основного типа качеств – виртуальных. Наконец, поскольку еще один тип качеств – метасистемные выступают как продукт синтеза, интеграции всех иных типов, то в результате их окачествления также достигается новый – интегративный по природе эффект. В них репрезентируются не те или иные стороны и аспекты объектов – их качественные «измерения», а сами эти объекты в целом, представленные именно в синтезе различных типов качеств, которые им, в действительности, присущи.

Показательно и то, что эксплицированная таким образом структурно-уровневая организация феномена знаний выступает естественным основанием для *таксономизации* базовых *типов* знаний как таковых. Каждый из пяти базовых уровней, который образован той или иной формой субъективных репрезентаций и который, в свою очередь, соотносится с тем или иным типом качеств, естественным образом соотносится и с каким-либо основным *типом знаний*. Так, сенсорные репрезентации соотносятся с базовым типом знаний, с их «фундаментом» – с тем, что, собственно говоря, и зафиксировано в понятии *чувственного опыта*. Далее, репрезентации процессуального типа, составляющие основу – «ткань» когнитивных процессов – операционные средства их функциональной организации, соотносятся со знаниями *процедурального* типа. Репрезентации идеального типа, в которых зафиксированы более обобщенные формы знаний и опыта, непосредственно соотносятся с *декларативными* знаниями. Неосознаваемые репрезентации столь же прямо соответствуют так называемым «знаниям по умолчанию», «подразумеваемым знаниям» – с *имплицитными* знаниями. Наконец, если все эти четыре типа качеств соотносятся только с индивидуальным модусом знаний, то пятый их тип – метасистемные соотносится с иным их модусом – *надиндивидуальным*, метаиндивидуальным. Это не тот или иной тип знаний, а *Знания* как таковые в их надличностном, то есть социальном модусе, как фрагмент уже не личности, а общества.

Наконец, показательно, в плане развитых выше представлений о специфичности механизма окачествления по отношению к метасистемным качествам – и доказательно то, что с их позиций открываются дополнительные возможности для исследования такой важной и общей проблемы, как проблема соотношения сознания и бессознательного, проблема взаимосвязей двух основных уровней организации психического – осознаваемого и неосознаваемого. Дело в том, что знания раскрываются с этих позиций как то содержание психического, которое, будучи ранее обязательно представлено в осознаваемой форме, то есть подвергнуто осознанию, затем приобрело иную форму существования и трансформировалось в неосознаваемое. Однако оно является при этом уже не бессознательным как *до-сознательным*, а *пост-сознательным*, то есть уже прошедшим опосредствование сознанием, «окрашенное» им, то есть ставшим своего рода *метасознательным*. И именно в нем оказывается возможной фиксация, сохранение,

а затем (при необходимости) актуализация того или иного содержания психического. С этих позиций знания – это и есть существование метасознательной формы как такой, которая позволяет использовать все ранее осознанное именно в том виде, в котором оно и было презентировано исходно. Метасознательная форма как способ существования знаний, позволяющая сохранять их «окрашенное сознанием» содержание, тем не менее, не требует самого сознания. В таком – в своего рода удвоенном качестве метасознательное одновременно выходит за пределы самого сознания (отсюда, в частности, и префикс «мета»).

С этих позиций раскрываются дополнительные грани сложных отношений сознательного и бессознательного в целом и взаимоотношаемости этих форм, уровней организации психики в целом. Выше мы уже отмечали, что эти понятия и, соответственно, – реальности, которые ими обозначаются, во многом рассматриваются в психологии как взаимоотношаемые, взаимопорождающие, что, разумеется, в целом справедливо. Проблема, однако, состоит не в том, чтобы подвергать сомнению эту их взаимопорождаемость, а в том, чтобы попытаться раскрыть конкретные механизмы и средства, обеспечивающие ее. Необходимо вырваться из известного «порочного круга», состоящего в том, что сознание объясняется через бессознательное, а бессознательное – через сознательное (то есть посредством выявления таких характеристик, которые противоположны особенностям самого сознательного). На наш взгляд, для их объяснения возможен и еще один способ – так сказать, третий – альтернативный путь.

Действительно, если и сознание существует лишь благодаря бессознательным механизмам, и само бессознательное также существует лишь благодаря «отрицающему» его сознательному – как противоположного ему, как не-сознательного, то становится очевидным следующее обстоятельство. Эти два понятия с необходимостью предстают не как самодостаточные и в этом смысле – абсолютные, но обретают смысл и вообще становятся возможными лишь как соотносящиеся друг с другом, то есть как *относительные*. Данное обстоятельство, к сожалению, редко фиксируется с должной степенью отчетливости. Несмотря на признание взаимоотношаемости и соотносительности сознания и бессознательного, они все же, как правило, изучаются с акцентом на их специфике, на отличиях друг от друга. Если, скажем, при изучении когнитивных процессов их «всепроникающие» связи друг с другом

не только учитываются, но и вообще выступают одним из принципов изучения каждого из них, то аналогичные – так же «всепроницающие» связи сознательного и бессознательного, напротив, остаются на втором плане. Однако если эти понятия являются принципиально относительными, то и подход к их дифференциации и изучению, а также к раскрытию особенностей их общей организации должен быть аналогичным, то есть принципиально релятивистским. Как это ни парадоксально звучит, но с этой точки зрения и понятие сознания, и понятие бессознательного вступают как некоторые абстракции, как некоторые гносеологические конструкты, за которыми стоит определенная онтология (точнее – онтологическая, субстанциональная основа). Знания, представленные в метасознательной форме, это одновременно и составляющие самой системы (сознания), и метасистемы (психики в целом).

Итак, можно видеть, что экспликация категории знаний (а частично – и объяснение механизмов их возникновения, генерации) именно через понятие метасознательного позволяет достаточно органично и естественно включить ее в общую структурно-уровневую организацию сознания в целом. Более того, такая экспликация позволяет лучше понять и частично объяснить, почему данная категория и, соответственно, та реальность, которая в нем зафиксирована, не только входит в состав, содержание и структуру сознания, но и играет в них ведущую роль. Дело в том, что с этих позиций вскрывается факт локализации знаний именно на высшем – метасистемном уровне организации. Тем самым категория знаний получает более детализированную и операционализированную интерпретацию: знания сохраняя, разумеется, статус отражения объективной реальности, вместе с тем, выступают уже не только как сугубо содержательные, информационные образования. Они обретают и качественно иной статус – структурного *уровня* в общей организации психики, который уровень взаимодействует со всеми иными ее иерархическими уровнями. Тем самым, система знаний (повторяем – в широком смысле, то есть все информационное содержание психики) начинает подчиняться общим структурно-уровневым закономерностям.

Таким образом, в представленных выше материалах были резюмированы главные особенности механизма окачествления по отношению ко всем основным типам качеств – как традиционно выделяемым, так и дополнительным – дифференцированным с позиций метасистемного подхода, определяющими среди которых являются следующие черты.

Во-первых, в содержании и организации психического, действительно, воплощены все базовые категории качеств (материальные, функциональные, системные, виртуальные, метасистемные). И именно их полная воплощенность в ней обуславливает принципиальную гетерогенность психического – его атрибутивную многокачественность.

Во-вторых, само содержание психического – его качественная определенность, то есть, фактически, его онтология, имеет в своей основе механизм, обозначенный нами как окачествление психикой объективной реальности (и, соответственно, ее самоокачествление в них). Основные категории качеств, характеризующие базовые содержательные особенности объективной реальности – ее главные качественные «измерения», выступают тем самым, с одной стороны, свойствами носителя – свойствами самой этой объективной реальности. Психика, однако, тем и уникальна, что она чувствительна – сензитивна к ним (а строго говоря – только к ним). Она осуществляет специфическое «кодирование реальности» посредством, так сказать, «алфавита», образованного этими категориями качеств. Они, в свою очередь, составляют феноменологию объективной реальности, которая и доступна психическому, точнее – во многом составляет его, является им. Объективная реальность, ее сущности различных порядков открываются и раскрываются психикой лишь через качества – через их основные типы. Доступ к сущности возможен лишь через явления, которые и составляют качественную определенность объективной реальности. Они и репрезентируются психикой (используя традиционную терминологию, – «отражаются» ей). Суть дела, однако, состоит в том, что они же, не переставая быть «свойствами носителя», становятся и содержанием самого носителя – психики, образуют ее онтологию.

Наиболее ярко и рельефно это представлено по отношению к относительно наименее сложной категории качеств – материальным. Действительно, будучи «свойствами носителя» объективной реальности – его качествами, они же одновременно становятся и «чувственной тканью» психики. Они выступают сенсорной основой, то есть, фактически, базисом всего психического. Дело в том, что они выступают в нем не только качествами внешнего мира (его модальностями), но и модальностями в психологическом, то есть в непосредственном смысле данного понятия – видами ощущений. В свою очередь, сами эти виды также обладают рядом, но уже собственно психологических

особенностей и атрибутивных характеристик. Они, повторяем, и образуют неотъемлемую и, более того, – базовую «составляющую» всего содержания психического они являются его «чувственной тканью», сенсорной основой. Тем самым, «свойства носителя» трансформируются в «носителя свойств». Психическое в своих модальностях (видах ощущений) окачивает объективную реальность. Однако оно и само обретает тем самым в них свою качественную определенность, то есть самоокачивается. Материальные качества одновременно выступают – но уже, так сказать, в «превращенной форме» и субстанциональными качествами содержания самого психического. В связи с этим, в значительной степени преодолевается одна из наиболее негативных особенностей современного состояния проблемы онтологии психического, констатированная выше и состоящая в том, что категория качества является, фактически, нереализованной по отношению к ней. Становится очевидным, что именно данная категория – этот и есть тот «ключ», который открывает доступ к содержанию онтологии психического, то есть к его качественной определенности.

В-третьих, механизм окачивания представлен по отношению не только к материальным, но и ко всем базовым типам качеств. Это означает, что он характеризуется принципиальной множественностью своей реализации. При этом наиболее важной является следующая закономерность. Каждый базовый тип качеств, воплощаясь в онтологии психического, естественным и очень органичным образом соотносится с той или иной – важнейшей его «сферой». Точнее – он, воплощаясь в онтологии психического, и порождает ту или иную сферу, составляет ее и, фактически, является ей. Речь при этом идет об уже рассмотренных – именно базовых сферах, образующих подлинную онтологию психического: о его сенсорном уровне, об уровне психических процессов, о сознании, о бессознательном, а также о наиболее обобщенном уровне, на котором представлены результативные эффекты ее функционирования – ментальные репрезентации реальности и, прежде всего, система знаний. Тем самым можно видеть, что преодолевается и третья из сформулированных выше методологических трудностей разработки проблемы онтологии психического. Это – необходимость учета в ней совокупности основополагающих представлений об основных «составляющих» – сферах и уровнях психического. Эти представления, как отмечалось выше, должны рассматриваться в качестве свое-

образных верификаторов и тех представлений, которые формулируются в отношении онтологии психического. То, в какой мере разрабатываемые представления об онтологии психического, соответствуют ей, как раз и является индикатором их собственной корректности.

Действительно, одним из основных верификационных критериев правомерности представлений об онтологии психического является их соответствие с наиболее общими взглядами на организацию психики, которые существуют в настоящее время. Если они будут соответствовать друг другу (а еще лучше – если между ними будет выявлен изоморфизм), то это и будет выступать свидетельством правомерности формулируемых здесь взглядов относительно содержания онтологии психического. Однако, именно это, как можно было видеть из представленного анализа, и проявилось в полученных на его основе результатах. Более того, с позиций развитых представлений оказалось возможным эксплицировать и общий – обоснованный и объективно представленный критерий дифференциации онтологии психического на ее основные уровни. В их качестве, как известно, выступают те – наиболее общие и традиционно дифференцируемые «сферы психического», посредством которых обычно раскрывается его содержание (сенсорика, психические процессы, сознание, бессознательное, знания). Тем самым можно сформулировать и еще один вывод, состоящий в следующем. Именно методология качественного анализа, в целом, а также реализация по отношению к раскрытию онтологии психического истинного потенциала категории качества, в частности, позволила вскрыть основной критерий его уровневой дифференциации, а также раскрыть содержание его основных уровней. Те – давно и хорошо известные сферы психического, которые составляют в своей совокупности содержание предмета психологического познания, с позиций данного подхода эксплицируются как объективно представленные уровни его собственной онтологии. В свою очередь их совокупность – раскрывается как содержание онтологии психического в целом.

Тем самым, в определенной степени проясняются и те механизмы, которые лежат в основе конституирования качеств как таковых, равно как и их различий. Сами уровни раскрываются как «носители» тех механизмов, которые, собственно говоря, и конституируют те или иные типы качеств. Таким образом, можно видеть, что получает свое решение одна из наиболее общих и сложных задач всего каче-

ственного анализа, на особую значимость которой указывал в свое время Л. М. Веккер [111]. Это – задача распознания через иерархию *качеств* носителя иерархии *уровней* организации самого носителя. Одновременно получает импульс для своего решения и задача перехода от гносеологической экспликации систем к их онтологической экспликации, то есть перехода от того, как они могут быть поняты, к тому, чем они являются в действительности.

Очень показательны и то, что пять дифференцированных выше – основных уровней онтологии психического, фактически, исчерпывают собой всё ее содержание. Все базовые категории качеств, выступающие исходно как совокупность именно «свойств носителя», раскрываются с этих позиций и как совокупность, точнее – структура уровней самого «носителя». Будучи, действительно, фундаментальной, дифференциация пяти основных типов качеств приводит к аналогичной, то есть также, по-видимому, базовой и наиболее глубокой дифференциации уровней структурной организации психики. В этой связи совершенно закономерно, что данная дифференциация дает «на выходе» такие уровни, которые, действительно, имеют наиболее общий характер. Их реальность, равно как и правомерность их дифференциации друг от друга, подтверждается, фактически, всей историей развития психологических знаний и ее основными результатами.

### **6.2.2. Общие и специфические особенности механизма окачества**

Все представленные в предыдущем параграфе материалы были направлены лишь на *обобщенную* характеристику механизма окачества и, следовательно, на фиксацию лишь наиболее важных и демонстративных особенностей каждого из основных видов механизма окачества. Однако даже при таком – обобщающем, резюмирующем характере их объем оказался все же достаточно большим. Данное обстоятельство уже само по себе свидетельствует о сложности и комплексности данного механизма, а также о его гетерогенности и дифференцированности. Кроме того, оно свидетельствует и о том, что содержание и специфика данного механизма, по-видимому, еще не исчерпываются теми особенностями, которые уже выявлены при рассмотрении каждого из его видов. Есть все основания полагать, что дополнительные

и также значимые его особенности могут быть выявлены посредством *сравнительного* анализа этих видов и *обобщения* их основных особенностей. Наконец, вся совокупность представленных материалов не только требует, но и позволяет осуществить его – именно по причине развернутости и полноты проведенного рассмотрения.

Действительно, все эти материалы свидетельствуют о том, что между различными видами данного механизма существуют как черты фундаментального сходства, общности, так и не менее выраженные и значимые особенности, эксплицирующие их явную специфичность. Так, их *общность* проявляется в следующих основных аспектах.

Во-первых, проведенный выше – достаточно детализированный и развернутый анализ каждого из них, позволив дать их аналогичную, то есть также весьма подробную характеристику и, выяви их сложное содержание, уже самим этим фактом позволяет заключить, что все они, по крайней мере, существуют как таковые. Этот факт – существование каждого из них следует рассматривать как наиболее общую и значимую особенность, присущую всем им. Он же должен рассматриваться и как средство обоснования существования не только этих *видов* по отдельности, но и того *родового* образования, частными (то есть именно видовыми) случаями которого они выступают – механизма окачествления в целом. Их существование, а также их представленность в качестве видовых образований по отношению к более общему, родовому образованию – это и есть их наиболее значимая общая особенность.

Во-вторых, они имеют и еще одну столь же значимую, а одновременно – явную общность их функциональной направленности. Все они лежат в основе конституирования того или иного – *базового* аспекта, фрагмента субъективной реальности – причем, такого, который имеет несомненные феноменологические референты, эмпирические проявления и вообще составляет ту или иную определяющую грань общего предмета психологии.

В-третьих, все они базируются и на едином – общем *принципе* их реализации. Он состоит в транспонировании тех или иных основных типов качеств объективной реальности в содержание субъективной реальности, в воспроизведении первых во второй, точнее – в конституировании ее самой на их основе. Как мы неоднократно отмечали выше, его сущность состоит в том, что по отношению к психической организации субъекта основные типы качеств выступают двух ста-

тусах одновременно – исходном (гносеологическом) и производном (онтологическом). С одной в стороны, они, разумеется, выступают в своем именно исходном, первичном, то есть гносеологическом статусе. Они предстают как то, «в чем нечто проявляется» и, следовательно, открывается познанию (как обыденному, так и научному). Однако, глубочайшая специфичность психической формы организации (онтологии психического) в том и заключается, что качества в значительной степени и составляют его содержание; они во многом и *являются* им. Качества подвергаются сообразной онтологизации, трансформируясь из *свойств* носителя в *содержание* самого носителя. Точнее говоря, они становятся им, а еще точнее – они его *конституируют* и вообще в значительной мере порождают.

В-четвертых, принципиально важной и также общей особенностью является и то, что данный механизм выступает именно общим, поскольку он действует в отношении *всех* пяти основных типов качеств (материальных, функциональных, системных, виртуальных, метасистемных).

В-пятых, общность состоит и в том, что каждому базовому типу качеств соответствуют качественно различные, но, так сказать, сходные – общие по степени их «фундаментальности» и *важности* для организации психики в целом аспекты самой субъективной реальности.

В-шестых (и в значительной степени – по причине предыдущей особенности), общим является и то, что анализ каждого из них сходным образом приводит к необходимости обращения к таким проблемам и вопросам, которые имеют одинаковый ранг их общности и значимости – *основополагающим* по их сути. Так, первый основной вид данного механизма (соотносящийся с субстанциональными качествами и сферой сенсорики) приводит к постановке важнейшей и, пожалуй, наиболее сложной проблемы – проблемы квалиа<sup>110</sup>. Другой и также важный вид, соотносящийся с системными качествами и уровнем сознания, порождает не менее сложную и фундаменталь-

---

<sup>110</sup> Подчеркнем, что она обычно соотносится только с проблематикой сознания и даже обозначается как «трудная проблема сознания». Однако, как показано выше, она возникает уже на уровне сенсорики и порождена, в конечном счете, именно «тайной психофизиологического сечения» – трансформацией объективного в субъективное [110].

ную проблему (причем, не только психологическую, но и общенаучную) – *проблему идеального*, а также его связи с материальным. Аналогичная картина имеет место, впрочем, и по отношению ко всем иным основным видам данного механизма, что также выявляет черты их принципиальной общности.

Вместе с тем, на фоне черт фундаментальной общности, не менее отчетливо представлены и такие особенности и закономерности, присущие различным видам данного механизма, которые эксплицируют их *специфичность*. Они тем самым свидетельствуют об их принципиальной гетерогенности, множественности – фактически, о *полиморфизме*<sup>111</sup>. Более того, вторые только и могут быть установлены на основе первых – выступают как их продукт и следствие. В силу этого, в ходе дальнейшего рассмотрения относительно более подробно будут рассмотрены именно черты специфичности различных видов данного механизма. Он принципиально вариативен по конкретным средствам и содержанию в зависимости как раз от его реализации по отношению к тому или иному из этих основных типов. Он столь же гетерогенен, сколь гетерогенны сами типы качеств, а также те формы и уровни субъективной реальности, которые конституируются на основе его основных видов. Наиболее значимыми являются, на наш взгляд, следующие черты, обуславливающие их специфичность.

Во-первых, наиболее явной в плане экспликации и, в то же время, относительно наиболее простой в плане ее объяснения является следующая особенность. Степень развернутости и содержательности, а в целом – и *сложности* данного механизма возрастает при переходе от относительно менее сложных качеств к более сложным: она является пропорциональной сложности самих рассматриваемых типов качеств<sup>112</sup>.

---

<sup>111</sup> В данной связи весьма уместно руководствоваться известным положением гносеологического плана, состоящим в том, то именно анализ черт специфичности тех или иных видовых [650] проявлений какого-либо родового образования, то есть различий между ними, является относительно более конструктивным и продуктивным, чем выявление черт их общности.

<sup>112</sup> При этом, однако, необходимо еще раз сделать те две оговорки, которые уже формулировались нами ранее. Первая из них состоит в том, что по отношению к объектам научного исследования в целом и психологического исследования, в частности, такие сугубо оценочные понятия, как «сложность» и «простота» явля-

Очень показательно, что данное обстоятельство проявляется уже именно по отношению к тому типу качеств и, соответственно, к той сфере психического, которая традиционно считаются относительно наиболее простыми – к субстанциональным качествам и к сфере сенсорики. Полагающиеся традиционно именно такими, они, в действительности – при ближайшем рассмотрении являются, наоборот, наиболее сложными и даже «загадочными». Действительно, при любом ином переходе от одной сферы психического к другой оно подвергается – хотя, конечно, и существенным – но все же именно *трансформациям*, изменениям. Однако при переходе к самой сенсорике имеют место уже не изменения – не совершенствование, усложнение, развитие и пр. форм психического, а его именно *порождение*, возникновение. Все иные процессы – суть формы такого усложнения, а ощущение – процесс, в котором психическое именно рождается, пусть еще и в наиболее простой форме. Понятно, что процесс и механизмы, лежащие в основе порождения – возникновения нового не только ничуть не проще, чем процесс его эволюционного развития, но, по-видимому, еще более сложен. С другой стороны, и сами материальные (субстанциональные) качества также в известном смысле не могут быть поняты как относительно наиболее простые. Дело в том, что в них – виртуально содержатся необходимые и достаточные условия для порождения всех иных основных типов качеств; они в них «уже есть», хотя пока лишь как возможность, потенция. Наконец, и переход от них к самой сенсорике также не может рассматриваться как относительно наиболее простой, но напротив именно он как раз и составляет основную проблему – наиболее сложный предмет научного познания и его самую «жгучую тайну». Она обычно обозначается как

---

ются далеко не всегда оправданными и корректными, поскольку они принципиально относительны в зависимости от различий в используемых критериях оценки. Более того, в реальности то, что представляется относительно более простым, может выступать и, как правило, выступает более сложным. Второй момент состоит в том, что данное обстоятельство справедливо и по отношению к сравнительной оценке основных типов качеств – их также проблематично расположить по степени возрастания их сложности; в силу этого, говоря о различиях в ней, мы будем следовать традиционно сложившимся представлениям. При этом следует говорить именно о степени содержательности – развернутости то есть насыщенности психологическим содержанием, а не о сложности как таковой и даже не о важности.

загадка «психофизиологического сечения», как трансформация материального в идеальное, а в более традиционной терминологии – как *психофизиологическая проблема*.

Во-вторых (и в значительной степени по причине предыдущей особенности), при этом возрастает и степень *дифференцированности* данного механизма в плане тех операционных и иных средств, на основе которых он реализуется. Кроме того, закономерным образом трансформируется и основная «плоскость» действия этих средств, их характер и собственные механизмы. Они во все большей степени утрачивают свою изначальную, так сказать, физиологическую окрашенность и, напротив, обретают собственно психологические основы и средства. Действительно, первые очень явно представлены по отношению к субстанциональным качествам и уровню сенсорики. Однако, уже относительно меньше, хотя и также значимо, они эксплицированы по отношению к функциональным качествам и процессуально-психологическому уровню, базирующемуся именно на психофизиологических функциях. Наконец, по отношению к системным и тем более к метасистемным качествам их выраженность становится сугубо подчиненной, а на первый план выходят подчеркнута психологические операционные средства и процессуальные механизмы.

В-третьих, закономерным образом меняется и мера его, так сказать, *онтогенетической* формируемости – то, насколько он подвержен развитию в процессе онтогенеза, а не является генетически детерминированным – предзаданным. В своем относительно наиболее простом случае он представлен вообще как практически полностью генетически предзаданный, тогда как при возрастании сложности самих типов качеств и видов данного механизма степень его формируемости – диапазон генетических трансформаций становятся существенно более представленными и значительными. Более того, в известном смысле можно считать, что именно это их развитие во многом и выступает как конкретное по содержанию, хотя и общее по функциональному предназначению содержание генезиса всей психики в целом и субъективной реальности, в частности.

В-четвертых, изменяется *пропорция* между степенью выраженности двух основных аспектов – двух основных «составляющих» данного механизма, которые были обозначены выше как внешне- и внутренне-ориентированное направление его действия. Вторая из них при-

обретает все бóльшую выраженность и развернутость по отношению к первой. Данная закономерность представляется весьма показательной в плане экспликации сути данного механизма в целом, в связи с чем на ней целесообразно остановиться несколько более подробно.

В самом деле, одной из наиболее принципиальных трудностей раскрытия реального, а не симплифицированного содержания данного механизма является существование следующей – кардинальной по ее значимости закономерности. Действие механизма окачествления нельзя сводить только к тому, что ему подвергаются, хотя и объективные по их характеру, но только *внешне*-локализованные качества. Наряду с этим, необходимо признание и объективного характера у самих психических структур и процессов – как *внутренне*-локализованных, а в более общем плане – и наличие у психики и ее «составляющих» объективных основ и закономерностей. Иными словами, с этой точки зрения понятия внешнего и объективного, а также внутреннего и субъективного недопустимо отождествлять: внутреннее также может и, более того, должно быть не только субъективным, но и объективным. Поэтому основные типы качеств, объективно представленные в реальности, также имеют двойную локализацию – и внешнюю (экстрапсихическую), и внутреннюю (интрапсихическую). Как мы отмечали выше, это означает, что одним из модусов основных типов качеств как объективно представленных является их соотносительность с самими психическими структурами и функциями, процессами и образованиями. Как это ни непривычно звучит, но качества, имеющие объективный характер, могут соотноситься и с реальностью психической.

Отсюда, однако, и вытекает важное – сформулированное выше следствие: механизм окачествления вовсе не сводится к трансформации объективных, но только внешне-локализованных качеств в субъективные – внутренне-локализованные и ей отнюдь не исчерпывается. Этот же механизм действует и по отношению к трансформации и внутренне-локализованных качеств. Объективно представленные качества всех типов, но присущие именно психике в целом и ее основным «составляющим», также выступают несомненной реальностью, не нуждающейся в особом обосновании. Однако, если это, действительно, так, то и факт наличия у них функциональных качеств, имеющих статус объективных, также очевиден. Следовательно, общее содержание механизма окачествления по отношению ко всем типам

качествам состоит в том, что ему подвергаются не только внешне-локализованные и носящие статус объективных качества. Ему подвергаются и внутренне-локализованные, но также объективные качества. Будучи сходными по своей природе и направленности, эти два модуля механизма окачествления, разумеется, весьма различны по ряду параметров.

Далее, существенно и то, что действие данного механизма по отношению к внутренне-локализованным качествам приводит к окачествлению самой психики, то есть, фактически, к ее *самоокачествлению*. Оно имеет наиболее глубинную связь с генезисом одного из наиболее сложных и важных свойств психики в целом и сознания, в особенности – свойством *самосензитивности*. Оно, к тому же, составляет основу и для другого – также атрибутивного ее свойства – самопрезентированности. Данная закономерность существует – правда, еще в неразвернутом виде уже на уровне сенсорики и действует по отношению к субстанциональным качествам. Здесь она проявляется в дифференциации двух сфер данного механизма – на сферу, соотносящуюся с экстерорецепторами, и на сферу интерорецепции. Вторая из них как раз и является своего рода генетическим «корнем» формирования самосензитивности, «самоданности» психического себе – своего рода *авточувствительности*<sup>113</sup>. Однако, значительно более выраженной она становится при переходе к иным типам качеств – к функциональным и особенно к системным и метасистемным. Кроме того, эти два модуля механизма окачествления тесно взаимосвязаны, что проявляется, в частности, в существовании своеобразного обмена их результатами, а частично, по всей вероятности, и операционными средствами.

В-пятых, данный механизм отнюдь не сводится к его наиболее очевидной, но все же и относительно наиболее несложной форме – к той, которая была первоначально установлена и характеризует его действие по отношению к субстанциональным качествам. Это, так сказать, прямое – *непосредственное* окачествление материальных качеств в качествах-модальностях. Данный механизм, разумеется, может принимать и более сложные, развернутые и богатые содержанием формы и вступать уже не просто как аналог «отражения» тех или иных

---

<sup>113</sup> В этой связи уместно, на наш взгляд, вспомнить о понятиях эндопсихики и экзопсихики, а также сходных с ними попытках дифференциации двух этих сфер психического [317, 570].

физических параметров внешней среды, а скорее, как их освоение, как *воссоздание* и реконструкция или даже – как создание и конструирование. Тем самым, он с очевидностью не может быть проинтерпретирован в смысле окачествления как «отражения». Он имеет более широкий спектр содержания и операционных средств, выступая и как освоение, и как транспонирование, и как интернализация<sup>114</sup>.

В-шестых, существует и еще одна специфическая особенность, выявляющаяся по отношению к различным видам данного механизма и состоящая в следующем. По мере усложнения качеств возрастает степень *соответствия* данного механизма с основными положениями того общего методологического подхода, который и положен в основе их выявления и изучения, – метасистемного. Этот механизм во все большей степени эксплицируется как непосредственное следствие данного подхода, как проявление его специфических особенностей. Одновременно во все большей мере содержание данного механизма воплощает в себе основные особенности метасистемной организации как таковой. Эта специфическая черта данного механизма находит свое максимальное воплощение в том, каким образом он представлен по отношению к метасистемным качествам.

Наконец, в-седьмых, существует и еще одна грань специфичности различных видов данного механизма. Она состоит в том, что по отношению к ним имеют место и такие особенности, само наличие которых по отношению ко всем видам является общим. Однако то, в какой мере и в какой *конкретной* форме они представлены по отношению к каждому из них, является значимо различным. Так, в частности, наличие модальностной дифференцировки качеств является общим практически для всех основных их типов. Однако, то, какой именно является эта дифференцировка – и по количеству модальностей, и по их содержанию, является весьма разной для различных типов качеств. Наряду с этим, закономерность, согласно которой само окачествление ведет к известным гносеологическим абберациям, также является общей для всех типов качеств.

---

<sup>114</sup> Понятно, что в данной связи так и напрашивается термин интериоризации. Однако, как было показано выше, он далеко не в полной мере характеризует механизм окачествления, имея существенно иные генетические особенности и иную сферу действия.

Однако, то, какие именно aberrации возникают при этом и то, как именно они влияют на когнитивную сферу, также является весьма разным для различных типов качеств.

Итак, можно видеть, что основные виды механизма окачества, действительно, характеризуются глубокими и множественными различиями, эксплицирующими их несомненную качественную специфичность и, следовательно, гетерогенность. Однако только этим дело еще не ограничивается, поскольку, наряду со специфическими особенностями, существуют еще и такие, которые носят, так сказать, *единичный* характер, то есть присущи лишь какому-либо одному из них. Так, скажем, по отношению к метасистемным качествами это уникально присущий им феномен объективации. Он состоит в том, что окачеству подлежат не столько качества носителя, сколько сам это носитель – объект. По отношению к виртуальным качествам это столь же уникальный (то есть присущий только им и отсутствующий у всех иных типов качеств) феномен обретения принципиально иной формы существования – латентной, имплицитной.

Таким образом, можно заключить, что все особенности и закономерности, присущие различным видам механизма окачества, не только могут, но и должны быть синтезированы в известную гносеологическую *триаду*. Она интегрирует в себе три базовые категории закономерностей – *общие, особенные* (специфические) и *единичные*. Поэтому она же дает *полную* экспликацию всех основных категорий закономерностей, а тем самым достаточно полно выявляет истинное содержание предмета анализа – в данном случае совокупности основных видов механизма окачества. Кроме того, на основе всех этих особенностей можно сделать, по нашему мнению, заключение еще более общего и значимого плана. Степень гетерогенности данного механизма столь выражена, а его полиморфизм столь очевиден, что, по-видимому, более корректно и обосновано полагать, что сам он существует отнюдь не как единый и *унитарный* механизм – общий по своим операционным средствам. Он, скорее, представлен как общий и достаточно значимый, то есть, действительно, инвариантный *принцип*, эксплицирующийся в существенно различных проявлениях. Он столь же гетерогенен, сколь разнообразны основные типы качеств и, соответственно, те сферы психики в целом и субъективной реальности, в частности, которые соотносятся с ними. Более того,

только при условии принципиальной гетерогенности может быть обеспечено реальное качественное многообразие самой субъективной реальности.

Действительно, выше мы уже подчеркивали, что тезис о качественной гетерогенности объективной реальности является общепризнанным. Аналогичной, то есть также высокой, должна быть и мера гетерогенности субъективной реальности, обеспечивающая ее «равномощность» по отношению к первой. Однако именно это и может быть обеспечено только при условии принципиальной гетерогенности основных видов самого механизма окачествления. И именно это явилось одним из основных результатов проведенного выше рассмотрения.

В связи с положением о принципиальной гетерогенности механизма окачествления необходимо, на наш взгляд, остановиться и на еще одном – значимом в плане основных задач данной работе вопросе. Как уже отмечалось выше, обычно – согласно традиционным представлениям, принято считать, что основная загадка порождения психического – его наиболее «жгучая тайна», то есть сам переход от не-психического (материального) в психическое (идеальное) сопряжен с так называемым «психофизиологическим сечением» (Л. М. Веккер [110]). Оно возникает именно на границе стимула и относительно наименее сложного из психических процессов – ощущения. С точки зрения развитых представлений оно связано с действием механизма окачествления по отношению к субстанциональным качествами. Однако, как можно видеть из представленных материалов, это – лишь *один* из основных видов данного механизма; он, как и все иные, действительно, приводит к возникновению, точнее – к порождению нового качества, каковым и являются ощущения как таковые. Тем самым, имеет место то, что обозначается понятием *качественного перехода* – возникновение принципиально нового качества [550]. Вместе с тем, подобные качественные переходы объективно сопряжены и с иными основными видами механизма окачествления – они также приводят к порождению принципиально новых качественных характеристик. В силу этого, «психофизиологическое сечение» – это, хотя, действительно, и граница между не-психическим и психическим, но представленная лишь по отношению к относительно наиболее простому его проявлению. В ней психическое возникает не в его полном объеме – не во всей палитре его качественных характеристик,

а лишь в относительно наиболее простом виде. Все иные качественные переходы должны быть поняты в этой связи как дополнительные и очень важные ступени качественных трансформаций – усложнения и совершенствования психического. Они приводят в итоге к его наиболее развернутым и зрелым формам, уровням и проявлениям. Психическое, взятое в его полноте и многообразии, в его истинной сложности и комплексности рождается не «разом» – не одномоментно и не за счет одного механизма. Оно конституируется за счет целой совокупности таких механизмов, в роли которых и выступают основные виды рассматриваемого здесь механизма окачествления. Переход от не-психического к психическому синтезирует тем самым в себе моменты *дискретности* и *континуальности*. Он дискретен, поскольку в его основе лежат качественные переходы как принципиально аконтинуальные. Однако, он и континуален, поскольку реализуются именно через совокупность постепенно усложняющихся переходов такого рода – через их континуум, который сам, однако, носит не столько количественный, сколько качественный характер.

Наконец, в данной связи необходимо подчеркнуть и еще одно обстоятельство. Констатируя множественность такого рода переходов и, соответственно, различные виды механизма окачествления как операционных средств порождения психического, мы ни в коем случае не утверждаем, что тем самым эти средства раскрываются в их сущностных особенностях. Напротив, они как были полны «загадок и таинственности», так и продолжают сохранять свои тайны, оставаясь во многом еще закрытыми для познания. Однако они все же становятся несколько более понятными в плане того, где и в чем локализируются их основные, хотя и не раскрытые пока, особенности – где их, так сказать, «искать» и в чем именно состоят трудности их раскрытия. Данное обстоятельство, в свою очередь, может рассматриваться как основа для нового подхода к их дальнейшему исследованию, выполняя тем самым основную функцию, на которую направлено, фактически, любое познавательное средство – собственно исследовательскую, объяснительную.

### 6.2.3. Соотношение базовых типов качеств и основных уровней организации субъективной реальности

В предыдущем параграфе была дана характеристике механизма окачествления как базового средства конституирования субъективной реальности – и в его общем плане, и в плане его основных видов. Они были подвергнуты анализу в аспекте тех основных средств, за счет которых они реализуются, то есть в аспекте их *процессуальной* организации. В свою очередь, такой анализ позволяет перейти к иному аспекту их рассмотрения, связанному с раскрытием тех – уже собственно *результативных* образований, итоговых эффектов, к которым и приводит их действие. В этом, кстати говоря, находит свое очередное и очень важное проявление известный методологический принцип, имеющий, как известно, особенно важное значение именно для психологической проблематики, – принцип *единства процессуального и результативного* уровней анализа. Действительно, в каждом из своих основных видов механизм окачествления приводит к определенным результативным эффектам – к самым базовым типам качеств, играющим ключевую роль в конституировании психического в целом и субъективной реальности, в частности. Однако, в связи с этим, и возникает ключевой вопрос: *что* именно представляют собой эти качества? Какова их, так сказать, собственная качественная определенность? Как они сопрягаются с базовыми атрибутами психического, представленного на базовых уровнях его организации? Что представляет собой уже не механизм окачествления, то есть некая сущность, зафиксированная в ее процессуальном течении, а сами рождающиеся в этом процессе сущности – базовые типы качеств, причем, в их собственно психическом бытии? Не претендуя, разумеется, на полное решение всех этих – пожалуй, наиболее трудных вопросов, попытаемся, однако, сформулировать некоторые положения, содействующих такому решению.

Так, прежде всего, необходимо обратить внимание на трудность гносеологического плана, возникающую и при их постановке и при их рассмотрении, которая имеет, вероятно, наиболее принципиальное значение. Более того, именно она, на наш взгляд, как раз и является главной причиной тех несоответствий и даже парадоксов, которые постоянно сопровождают категорию качества как понятийное средство – как основную «единицу» познания при ее реализации

по отношению к психологической проблематике<sup>115</sup>. Действительно, данная категория, хотя и трактуется (и используется) как основная «единица» познания, но все же рассматривается как такая, которая имеет, в основном, исходный – *начальный* для него характер. Более того, она соотносится именно с относительно более поверхностными аспектами и проявлениями исследуемых предметов, то есть именно с уровнем явлений – *феноменов*, а не с уровнем сущности. Само познание в целом – его объективная логика в том и состоит, чтобы как можно быстрее *уйти* от этого уровня, преодолеть саму феноменологичность, сопряженную с категорией качества и перейти на тот уровень, который «наиболее достоин» собственно научного познания – уровень сущности. Качества понимаются, в основном, лишь как то, в чем нечто проявляется, а не как то, чем нечто является. А является оно тем, что локализовано вовсе не в качествах (как свойствах носителя), а в той сущности, которая их и порождает, то есть в самом носителе качеств. Поэтому, согласно данной методологической традиции, и познанию следует «как можно быстрее уйти» от качеств носителя и эксплицировать изучаемую сущность – сам носитель. Оставаться на уровне качеств – означает закрывать путь к познанию самой сущности; и наоборот, уход от этого уровня, точнее – движение вглубь от него – в направлении к сущности это и есть ключевое условие конструктивности самого познания. Данная установка приводит к известному «проклятию феноменологизма», которое лежит на данной категории как познавательном средстве и во многом объясняет то обстоятельство, которое и зафиксировано в отмеченной мысли В. П. Кузьмина. Особенно актуально оно именно для психологического познания. Поскольку данное обстоятельство имеет наиболее принципиальное значение и для рассматриваемых здесь вопросов то на нем необходимо остановиться несколько подробнее.

Действительно, в наиболее общем плане и в исходном смысле все отмеченные выше положения гносеологического порядка справедливы. Однако справедливы они по отношению именно к *объективной* реальности. По отношению же к принципиально иной реаль-

---

<sup>115</sup> Напомним, что в общем виде данная трудность была зафиксирована В. П. Кузьминым, отмечавшим, что «категория качества остается до сих пор едва ли не самой бедной в содержательном отношении» [311].

ности – *субъективной* они предстают в существенно другой форме, подвергаясь не только трансформации, но и своеобразной инверсии. В связи именно с этим положением и возникает ключевой вопрос о том, как конкретно должно быть понято и осмыслено основное – развитое выше положение. Согласно ему, сущность механизма окачествления состоит в том, что качества подвергаются онтологизации и меняют свой исходный статус. Он из гносеологического, то есть феноменологически представленного, трансформируется в онтологический, составляющий содержание определенной реальности – в данном случае субъективной.

Далее, в этой связи необходимо уточнить и само понятие субъективной реальности – его сущность и специфичность содержания. Оно фиксирует такую реальность, которая обладает двумя основными – критически значимыми, определяющими для нее и, более того, конституирующими ее особенностями, то есть атрибутами. Первый из них идентичен тому, который лежит в основе и объективной реальности: она обладает *существованием* как таковым, она *есть* – представлена именно онтологически, хотя и не материально. Другими словами, она является именно субъективной *реальностью*<sup>116</sup>. Второй ее атрибут состоит в том, что она дифференцируется именно по признаку – критерию субъектности, то есть данности субъекту. Причем – и это крайне важно, такая данность» отнюдь не сводится только к ее «ощущаемости» – сензитивности к ней и не исчерпывается ей. Дело в том, что формы этой данности, презентированности могут быть, как показано выше, и иными. Она может не только чувствоваться, но и быть презентированной амодально – в форме сверхчувственного, то есть идеального. Она может быть презентированной уже не только, так сказать, в сенсорном обличии – в ее *афферентном* обрамлении, но и в ее *эфферентном* проявлении – как ее подвластность самому субъекту, как возможность вмешательства в нее

---

<sup>116</sup> В этом плане еще раз напомним о том, что недопустимо отождествлять понятия существования и бытия, с одной стороны, и материальности, с другой. Последняя – лишь одна из форм, хотя, по-видимому, и основная, самого бытия. Оно, однако, ни в коем случае не сводится к материальности и не исчерпывается им. В этом плане понятие онтологичности также выступает более общим и широким, чем понятием материальности.

и управления ей. Она может быть презентирована даже в такой форме, которая вообще, на первый взгляд, представляется противоположной самому духу презентирования как такового. Это – виртуальная форма, представленная в феномене бессознательного. Однако, это такое *бес*-сознательное, которое составляет «фон» и неперемнное условие для того, чтобы возник и функционировал сам феномен сознания. Другими словами, этот атрибут состоит в том, что данная реальность является также обязательно и *субъективной* реальностью, а взаимополагаемость с ее презентированностью субъекту выступает ее определяющим условием. Гетерогения форм и модусов субъектной данности – это ее важнейший атрибут и он также должен быть обязательно учтен при решении сформулированного выше вопроса.

Следовательно, не только содержание, но и сущность субъективной реальности состоит в том, что она образована различными – качественно гетерогенными «составляющими», обладающими атрибутами субъективной данности и презентированности субъекту. Однако, будучи таковыми в одном аспекте, они же, но в другом аспекте выступают производными и от иной реальности – объективной. Они обязательно выступают репрезентациями чего-либо, то есть тех или иных объективно представленных сущностей<sup>117</sup>. Эти – объективно представленные сущности презентуются, однако, во вполне определенном виде и посредством вполне определенных базовых средств, каковыми и выступают их качественные проявления. Более того, они не могут выступать ни в чем ином, кроме их качественных проявлений, феноменологически представленных референтов. И именно в этом заключается важнейшая роль категории качества как базового средства не только научного познания, но и познания житейского, обыденного, каждодневного. Следовательно, сама субъективная реальность представлена именно как совокупность качеств и ни в чем ином, строго говоря, она не может быть представлена. Они – качества составляют, таким образом, и ее содержание, и ее сущность. В содержании пси-

---

<sup>117</sup> В этом плане напомним еще раз, что понятие объективности нельзя сводить только к той сфере реальности, которая имеет по отношению к субъекту внешнюю представленность. Не менее объективными являются и те закономерности, на основе которых организована сама психика, являющаяся, однако, внутренне-локализованной реальностью.

хического, взятого в аспекте того, каким образом и в какой степени (а также в какой форме оно представлено в самой субъективной реальности) нет ничего иного, кроме совокупности качественных проявлений самой объективной реальности. Именно их отображение в субъективной реальности составляет поэтому не только само *содержание* субъективной реальности, но и ее *сущность*, а также ее функциональное предназначение, поскольку именно на его основе строится и вся регуляция поведения, базируются все процессы и средства адаптации к среде. Субъективная реальность представлена в качествах и *только в них*; более того, она *не может* быть представлена ни в чем ином, поскольку только они – по определению – обладают атрибутом, потенциально присущей им особенностью. Это – свойство «быть субъективно воспринимаемым», предполагать возможность их данности субъекту, а точнее – *порождать* саму эту данность. Истинная природа качеств, как неоднократно отмечалось выше, как раз и состоит в том, что они не только существуют объективно, но и допускают сензитивность к ним. Качество – по определению это не только то, что существует объективно, но и презентуемо субъективно. Точнее было бы сказать, что сама категория качества и, соответственно, та реальность, которая в нем зафиксирована, вообще дифференцируется по критерию их принципиальной субъектной репрезентируемости. Качество – это не столько то, что доступно такой репрезентации, сколько то, за счет чего субъект вообще получает доступ к объективной реальности и что, следовательно, в значительной степени определяется организацией его самого.

Итак, в содержании субъективной реальности, фактически, нет ничего иного, кроме того, что так или иначе не соотносилось бы с каким-либо из основных типов качеств. По существу, все представленные выше материалы как раз и демонстрируют это – наиболее существенное обстоятельство; обосновывают не только атрибутивное соответствие форм существования субъективной реальности с базовыми типами качеств, но и доказывают, что такое соответствие носит, фактически, исчерпывающий характер. Он состоит в том, что все содержание субъективной реальности – по крайней мере, на том уровне представлений о ней, который достигнут в настоящее время, допускает его экспликацию именно через полную совокупность этих – основных типов качеств. Действительно, базовой сферой субъек-

ективной реальности – ее «фундаментом» является то, что обычно обозначается как чувственная ткань психического, его сенсорная основа. Она не просто непосредственно дана, но и, фактически, эту данность и *составляет*, не требуя никаких дополнительных средств для того, чтобы она обрела чувствительность к ней (поскольку, повторяем, сама ей и является). Аналогичным образом и другая – также основная сфера субъективной реальности, представленная как ее процессуально-психологическое содержание, также обладает столь же несомненной и непосредственной данностью субъекту и тоже, фактически, выступает самой этой данностью. Это объясняется тем, что в состав процессуально-психологической сферы входит базовый процесс – ощущение. Его уникальной особенностью является то, что синтезирует в себе два основных модуса: он одновременно являются и *процессом*, и модальностным образованием – *ощущением* и, в силу этого, не только не требует дополнительных средств для обеспечения сензитивности к нему, но и сам этой сензитивностью является.

Далее, еще одна специфичнейшая сфера субъективной реальности – сфера сознания обладает, пожалуй, наиболее несомненной субъективной реальностью – причем, выраженной настолько, что сама эта реальностью вообще во многом и ассоциируется с «феноменом сознания» и даже сводится к нему. В основе этого, однако, лежит фундаментальный механизм обретения психикой «чувствительности к сверхчувственному» – к идеальному. В свою очередь, в основе этого лежит еще более глубокий механизм *трансформации* системных качеств (как сверхчувственных) в функциональные (как обладающие чувственной данностью). Аналогичные по смыслу и направленности процессы и механизмы лежат в основе обеспечения субъективной данности двух других основных типов качеств – метасистемных и виртуальных<sup>118</sup>. Вместе с тем, вполне очевидно, что именно все эти сферы, взятые в их совокупности, не только с несомненностью составляют субъективную реальность, но и исчерпывают ее. Они дают тем самым ее полную экспликацию, а в определенном смысле – и объясняют, почему именно она представлена именно в них.

---

<sup>118</sup> Вместе с тем, по отношению к виртуальным качествам сама их «данность» также является очень специфической: они презентированы не по типу экспликации, а по типу *импликации*.

В связи с этим, возникает, однако, и еще более глубокая проблема, формулируется еще более сложный вопрос, содержанием которого является установление генетических, в том числе, и причинно-следственных отношений между двумя важнейшими сущностями – основными типами качеств и базовыми сферами субъективной реальности. При этом возможны два основных варианта таких соотношений, первый из которых состоит в следующем. Основные сферы субъективной реальности сформировались в ходе эволюции именно в таком виде и в такой номенклатуре, в какой они представлены в действительности, в качестве своеобразного «ответа» на организацию объективной реальности. Они оформились как *средство* приспособления к ней – к тем качествам, которые ее характеризуют, в которых она дана субъективно и которые, следовательно, вообще обеспечивают возможность контактов с ней. Второй вариант предполагает своего рода обратный «сценарий». Согласно ему, основные типы качеств потому и существуют – дифференцируются, а затем используются субъектом как средства взаимодействия с объективной реальностью, что его *собственная* организация является именно такой, какой она является. Другими словами, в этом случае сами основные типы качеств выступают уже как *производные* от собственной организации субъекта в целом и от структурной организации психики, в особенности, – от того как она устроена и какие основные сферы она включает. В любом случае, однако, вполне очевидна не только соотносимость базовых сфер субъективной реальности и основных типов качеств, но и их взаимодерминационные отношения в целом, а также производность первых от вторых.

Однако именно это и означает, что по отношению к субъективной реальности складывается очень специфическая ситуация. Она кардинально отличается от той, которая характерна для объективной реальности. Действительно, по отношению к объективной реальности фундаментальными и определяющими являются отношения, согласно которым качества соотносятся с уровнем *явления* – с феноменологическим уровнем, а потому являются производными от иного, более глубокого и важного уровня – уровня *сущности*. Они вообще не только противоположны по их «духу» данному уровню, но и дифференцируются как нечто оппозиционное ему, хотя и такое, в чем он проявляется и может быть раскрыт. По отношению же к субъективной реальности, наоборот, ее содержание – фактически, все то, что ее и составляет,

то есть ее подлинная онтология, выступает производной от совокупности основных типов качеств. Тем самым, именно они – эти основные типы качеств выступают уже не только и даже не столько этой онтологией, но и ее детерминантами, *порождающими* факторами, глубинными причинами. Фактически, именно они и составляют ее базовый уровень, то есть уровень сущности. Если для объективной реальности качества – это то, в чем онтология проявляется, то есть образуют уровень явления, то для субъективной реальности качества – это и есть сама онтология (то есть уровень самой сущности, а не явления). В этом заключаются кардинальные различия двух диаметрально противоположных форм реальности – объективной и субъективной; более того, по-видимому, именно этим и порождаются сами радикальные различия между ними. В субъективной реальности качества в целом и их основные типы, в частности, – это и есть не только ее содержание, но и то, что его конституирует. Именно они и являются той сущностью, которая конституирует ее основные сферы (чувственную основу, процессуальное содержание, сознательное, бессознательное, индивидуальные качества).

Отсюда следует, что по отношению к ней и сама методология *качественного анализа* обретает совершенно иной статус. Она перестает быть только, так сказать, *феноменологически*-ориентированной и локализованной лишь на уровне явлений (а потому – недостаточно глубокой, несущей на себе печать неустранимого феноменологизма). Она становится, напротив, *сущностно*-ориентированной, поскольку сами качества и выступают «носителями» этой сущности – ее основаниями и онтологически «единицами» субъективной реальности. Они раскрываются уже не как то, в чем «нечто проявляется», а как то, чем «нечто является». Однако это означает, что из своего гносеологического (и феноменологического) статуса они трансформируются в онтологический. Только будучи представленными именно как качества – как то, что в принципе доступно субъективной данности (ощущаемо, презентуемо), они эту реальность и могут образовывать, конституировать. Дело еще и в том, что критическим атрибутом субъективной реальности является то, что все ее «составляющие» обязательно обладают свойством субъективной данности – причем, прямой и непосредственной, несомненной. Однако, как известно, этим обдают лишь качества как таковые и, более того, именно это

и является их основным признаком. И именно потому они и *только* они составляют, так сказать, «материал» всей субъективной реальности – ее подлинную онтологию, а сама она и конституируется как продукт онтологизации основных типов качеств.

Далее, механизм окачествления и его итоговые эффекты – основные типы качеств, подвергшиеся его действию и ставшие тем самым «составляющими» субъективной реальности, имеют еще одну значимую в плане их характеристики особенность. Она состоит в том, что сферы субъективной реальности, которые конституируются на базе каждого из основных типов, не только воспроизводят в себе основные – наиболее принципиальные черты этих типов и не только воспроизводят их, так сказать, *в принципе* (что, кстати говоря, уже само по себе немало). Дело заключается еще и в том, что в этих сферах воплощаются, по существу, *все* основные специфические характеристики и особенности соответствующих им типов качеств. В этой связи можно скатать и так: в них воплощается вся качественная определенность тех или иных – соответствующих им типов качеств. Качества воспроизводятся в них в том главном, что в них есть, то есть в их качественной определенности. Здесь понятие качественной определенности *оборачивается* само на себя, поскольку оно характеризует определенность самих качеств. В этом плане следует отметить, что по каким-то не совсем объяснимым причинам вообще не принято говорить о *качественной определенности самих качеств* – в частности, о различиях этой определенности по отношению к их основным типам. Вместе с тем, именно в том случае, когда качества меняют свой статус (из подчеркнуто феноменологического в онтологический), когда из *свойств* носителя они трансформируются в *содержание* этого носителя, они сами становятся «носителями свойств». Они с необходимостью должны быть эксплицированы и как источник своих собственных свойств, то есть как источник своей качественной определенности. Именно это и происходит в том случае, когда они, подвергшись механизму окачествления, онтологизируются и конституируют основные сферы субъективной реальности. В каждой из них в полной мере, то есть во всей совокупности присущих им специфических особенностей, эксплицируются основные типы качеств.

Действительно, субстанциональные качества, подвергаясь действию данного механизма и тем самым онтологизируясь, входят в со-

став субъективной реальности (точнее – конституируют ее) именно в той палитре особенностей, которые атрибутивно присущи именно этому типу качеств. Главная из них состоит в том, что они образуют базу – материальную основу любой сущности<sup>119</sup>. Однако, именно как таковые, то есть как материал и основа – то, на чем основано, так сказать, «все остальное», они и представлены в субъективной реальности. Они ощущаются (причем не только в переносном, но и в прямом смысле) именно как то, что составляет основу всей субъективной реальности. Это, кстати говоря, закреплено и в понятиях чувственной основы психического, его сенсорной базы и пр. Они и по отношению к психическому играют ту же роль, которую они выполняют в реальности объективной. Правда, по отношению к ней они предстают как материальные качества (и поэтому образуют ее материал – основу), а по отношению к субъективной реальности они выступают как субстанциальные качества и тем самым также выполняют ту же роль – являются ее основой. Здесь так же, как в первом случае, возникает аналогичное этимологическое родство понятий субъективной реальности, субъектности, и субстанциональности, с другой; субстанциональные качества – это и есть то, что лежит в «фундаменте» всей субъектности.

Второй основной тип качеств – *функциональные*, существенно отличаясь от субстанциональных качеств, имеет свои – уже иные и присущие ему, специфичные особенности, свою качественную определенность. Наиболее принципиально то, что вся она – в полном объеме также «повторяется» – мультиплицируется в атрибутивных характеристиках той сферы субъективной реальности, которая конституируется на их основе и продуктом онтологизации которых она является. Этой сферой является уровень организации психического, на котором локализована вся система основных *психических процессов*. Одна из основных особенностей функциональных качеств состоит в том, что они уже не просто и не только обладают чувственной данностью, но характеризуются и их своего рода *операциональностью*. Они не только производны от взаимодействия субъекта и объекта (среды), но и – это главное – от принципиальной возможности *вмешательства* в них со стороны самого субъекта и, соответственно, их трансформа-

---

<sup>119</sup> В этом плане совершенно закономерно глубокое родство, доходящее до степени этимологической эквивалентности, понятий *материала* и *материи*.

ции с его стороны. Они в известной мере *создаются* – конструируются самим субъектом и потому могут им же трансформироваться. Поэтому природа их субъектной данности является несколько иной, чем у субстанциональных качеств и в целом существенно более сложной.

Таким образом, они не просто ощущаются, не только даны субъективно, но и *подвластны* субъекту – презентированы не только как «свое *наличное*», но и как «свое *подчиненное*», то есть доступное воздействию и изменению. Именно за счет этого достигается тот важнейший атрибут, который составляет несомненную реальность внутреннего мира – то, что он не только *дан*, но и то, что он *мой*, то есть *подвластен* воздействию, изменению, «работе» с ним, вмешательству в него. Функциональные качества возникают только там, где есть само функционирование – некоторая активность, динамическое развертывание какого-либо процесса. В свою очередь, она возникает только там и тогда, когда нечто реализует те или иные функции, выступает как *операционное* средство по отношению к чему-либо. Следовательно, сама операционность также с необходимостью входит, как атрибутивная особенность, в сферу процессуального содержания психики. И именно это, как известно, вообще составляет суть любого психического процесса, а он как таковой как раз и выступает прямым следствием операционности<sup>120</sup>.

С еще большей степенью очевидности и полноты – даже исчерпанности проявление всех атрибутов основных типов качеств в соответствующих им сферах субъективной реальности представлено в следующем основном типе – в *системных* качествах. Как было показано в главе 5, на структурно-функциональную организацию *сознания*, а также на его субъективно представленную феноменологию транспонируются *все* те атрибутивные особенности, которыми характеризуются системные качества. Так, важнейшим и наиболее специфическим среди них является уникально присущее системным качествам свойство, заключающееся в их чувственно-сверхчувствен-

---

<sup>120</sup> В этой связи очень закономерно и показательно, что сущность любого психического процесса – его качественная определенность, равно как и отличия от всех иных процессов, эксплицируется именно через своеобразие его операционного состава, то есть именно посредством выявления его собственно *операционного содержания*.

ном характере. Они, характеризуя качественную определенность системы в целом и, более того, раскрывая и воплощая ее главные, наиболее интегративные черты, могут быть, вместе с тем, и не данными чувственному восприятию, то есть носить сверхчувственный характер. Эти качества, существуя реально, онтологически, тем не менее, не ощущаемы, а потому могут репрезентироваться лишь в сверхчувственной, то есть собственно идеальной форме. Идеальное, следовательно, – это и есть доминантная и наиболее специфическая форма существования системных качеств как таковых. Форма их данности – принципиально иная, нежели чувственная данность; однако, от этого сам факт этой данности не перестает оставаться фактом. Однако, именно это же свойство – идеальности как раз и составляет, пожалуй, основной и важнейший атрибут и самого сознания.

Аналогичным образом и все иные, также базовые атрибуты сознания – целостность, интенциональность, имманентность, эмерджентность, трансцендентальность также выступают, во-первых, идентичными с основными свойствами самих системных качеств; во-вторых, они в значительной мере являются следствиями тех глубинных механизмов, которые лежат в их основе – механизмов интегративного типа и синергетической природы. Другими словами, то, как сознание представлено и функционирует феноменологически – в качестве субъективной реальности, практически полностью идентично тому, каким образом «устроены» сами системные качества в плане лежавших в их основе интегративных средств и механизмов. Само сознание раскрывается с этих позиций как такая сущность, которая использует – так сказать, «эксплуатирует» потенциал системных качеств. Более того, множественность проявления первых во втором такова, что следует говорить о существенности зоны перекрытия содержания сознания в целом и той сферы, которую образуют системные качества. Они со всеми присущими им базовыми свойствами, фактически, во многом, фактически, и *конституируют* содержание сознания – особенно в аспекте его субъектной репрезентированности и феноменологической данности.

Далее, столь же очевидно атрибутивное подобие сферы бессознательного и природы еще одного основного типа качеств – виртуальных. Они, не эксплицируясь, фактически, никак – ни объективно, ни даже субъективно, тем не менее, оказывают скрытое, латентное,

то есть опосредствованное воздействие на многие иные психические процессы и образования, равно как и на их качественные проявления. «Оставаясь за кадром» и будучи представленными в латентной форме, они, тем не менее, оказывают очень существенное детерминирующее воздействие на функционирование систем в целом и психики, в частности. Они поэтому ничуть не менее реальны, чем все иные категории качеств, являясь вполне материальными в этом плане. Вместе с тем, действительная «хитрость» этих качеств состоит в том, что основной формой их существования выступает не экспликация, то есть именно проявление (что как раз и составляет суть всех иных категорий качеств как того, в чем нечто именно проявляется), а *импликация*. Они выступают как такие характеристики, которые являются никоим образом не объективированными (и, добавим, – даже не субъективированными). Они потому существуют лишь как «фон», как потенция, то есть как виртуальность, чреватая реальностью, но не как сама эта реальность.

Все это с высокой степенью очевидности и выявляет прямую – очень естественную и принципиальную, то есть, фактически, атрибутивную связь виртуальных качеств с одним из наиболее общих и важных принципов структурно-функциональной организации психики. Это, разумеется, фундаментальный принцип ее дифференциации на осознаваемую и неосознаваемую сферы, на сознательное и бессознательное. Посредством него как раз и обеспечивается реализации в организации психики базового феномена (и механизма) виртуальности. Он, в свою очередь, резко повышает ее функциональные возможности. При этом сама сфера неосознаваемого, бессознательного как раз и выступает сосредоточием виртуального содержания психики и, соответственно, – главным носителем виртуальных качеств. Констатируя это, необходимо особо подчеркнуть и еще одно обстоятельство. Разумеется, дифференциация психики на осознаваемый и неосознаваемый уровни является одним из крупнейших эволюционных завоеваний. Вместе с тем, нельзя упускать из вида, что в действительности ее истинный смысл и «истинное величие» состоит не только в том – традиционном мнении, что в результате нее возникает *сознание*. Дело еще и в том, что в результате этого же возникает также и *бессознательное*, которое позволяет реализовать в общей структурно-уровневой организации психики принцип (и механизм) виртуальности как таковой. Поэтому в форме бессознательного психическое существенно

обогащает общий арсенал своих качеств, повышает степень своей качественной гетерогении; в него включается также и еще одна базовая категория качеств – виртуальные. За счет этого кардинально расширяются информационные возможности психики, очень существенно повышается ее функциональный ресурс. В конечном счете, это приводит и к возникновению столь же фундаментального феномена знаний, а также и сознания в целом. Кроме того, подчеркнем, что связь виртуальных качеств с бессознательным носит еще более очевидный и явно представленный (и даже в известном смысле – «простой») характер, чем связь всех иных типов с соответствующими им уровнями организации психики. По-видимому, это обстоятельство само по себе должно быть рассмотрено как еще одно важное свидетельство правомерности развиваемых здесь представлений о механизме окачествления и об изоморфизме основных типов качеств с базовыми уровнями структурной организации психики.

Наконец, с такой же высокой степенью очевидности данное положение эксплицируется и по отношению к еще одному основному типу качеств – *метасистемным*. Причем, именно по отношению к ним степень очевидности – полноты и рельефности их роли в конституировании субъективной реальности предстает, пожалуй, как наиболее выраженная и, фактически, как максимальная. Это проявляется в несложном, но важнейшем обстоятельстве, согласно которому сама субъективная реальность в целом – в аспекте того *главного*, что в ней есть и что вообще ее образует (ее *содержания*) как раз и репрезентируется субъектом именно как совокупность окачествленных объектов внешнего мира – как система *знаний* о них. Ее основным содержанием выступают не те или иные процессы и структуры, особенности и закономерности, феномены и качества и пр. – не то, что *репрезентирует* внешний мир, объективную реальность. Таким содержанием выступает то, что ее и *составляет*, по крайней мере, субъективно<sup>121</sup>. Субъективная реальность в ее *содержательном* плане – это и есть результат окачествления всей совокупности метасистемных качеств. Наиболее сложные – метасистемные качества оказываются, тем не менее, наиболее очевидными в плане их формы и роли в конституировании

---

<sup>121</sup> Напомним еще раз в этой связи известное выражение А. Н. Леонтьева, отмечавшего, что «Перед человеком – мир, а не мир и картина мира» [332].

субъективной реальности. Сам «феномен знаний» эксплицируется как продукт и результат – как итоговый эффект «встраивания» внешней, объективной реальности в реальность субъективную, образуя тем самым ее как таковую в аспекте ее содержательных характеристик.

Наряду с этим, базовые атрибуты метасистемных качеств очень полно и рельефно воплощены и в еще одной важнейшей сфере субъективной реальности – причем, настолько явно и отчетливо, что сама она как раз и эксплицируются как реальная онтология этого типа качеств. Это, разумеется, вся совокупность *индивидуальных качеств* личности, то есть, фактически, то, что и выражает ее – ее качественную определенность, представленную именно в совокупности такого рода личностных свойств. Действительно, именно понятие качеств личности (или личностных качеств) является тем базовым конструктом, который наиболее полно и точно фиксирует и раскрывает содержание самой личности, взятой в том «главном», что ее и образует – в содержании, в ее качественной определенности. Качества личности – это и есть то, на основе чего конституируется это содержание; из чего оно складывается, формируется и развивается. Тем самым качество эксплицируется уже не только как основания «единица» познания (как научного, так и житейского) и сознания, но и как основная «единица» личностной организации. Она обнаруживает свой статус базового компонента внутреннего мира личности, выступая одновременно как результат окачествления содержательных аспектов социума и самоокачествления внутреннего мира индивида. Совокупность качеств личности – это и есть итоговый продукт и результат действия механизма окачествления по отношению к метасистемным качествам. Эта совокупность образует тот огромный по объему и беспрецедентный по значимости «пласт» субъективной реальности, который во многом и *составляет* ее. Это – то, *через* что и *в* чем содержание личности, ее специфичность и уникальность, ее самость вообще презентирована как самому ее носителю – субъекту, так и другим людям (то есть то, как она эксплицируется объективно).

Собственное содержание личности – ее качественная определенность, по-видимому, не только проявляется в ее основных качествах и в этом плане – образована ими, но не может проявляться ни в чем ином, кроме них. В этом отношении сама личность, точнее – ее внутренний мир, репрезентированный как ей самой,

так и другим, не только дан в качествах, но ни в чем ином не может быть дан, то есть существовать вообще. И в этом смысле личность не просто состоит из качеств; она состоит только из них, а их совокупность – это и есть исчерпывающее множество тех «единиц», которые ее и раскрывают. В этом отношении не только вполне закономерно, но и очень естественно и даже необходимо, что данное понятие – это и есть *основной* конструкт всей психологии личности. Психология личности и родственные с ней направления психологии (например, дифференциальная психология, психодиагностика) – это и есть дисциплины, изучающая, в основном, именно личностные *качества*. Содержание личности и совокупность ее качеств во многом являются просто тождественными понятиями – по их объему, и предметной сфере. Раскрыть содержание и специфику личности означает раскрыть ее качества. Сами же качества, таким образом, фактически, онтологизируются и выступают уже не столько как *качества* носителя, сколько как *содержание* самого этого носителя.

Далее, весьма значимой для раскрытия общего принципа окачествления является еще одна закономерность, тесно связанная с рассмотренной выше особенностью. Она состоит в том, что имеет место очень выраженное соответствие – подобие, доходящее до степени практически полной конгруэнтности между двумя основными аспектами этого механизма и, соответственно, между двумя модусами самих качеств, которые порождаются в результате их онтологизации. Первый из них состоит в том, каким образом основные типы качеств презентированы именно субъективно, какова форма их данности, как они «чувствуются» самим субъектом и, следовательно, как именно в содержательном плане они конституируют субъективную реальность. Это – так сказать, их субъективная составляющая – то, как они даны субъекту, точнее – как они эту данность порождают в ее реальной гетерогенности. Второй из них наоборот, состоит в том, каким образом эти же типы качеств, подвергшись действию данного механизма, выступают в роли вполне конкретных по содержанию, но очень общих по сфере действия операционных средств, в функции реально действующих, то есть именно *объективных* механизмов психического.

Данная закономерность очень отчетливо проявляется уже по отношению к относительно наиболее несложному типу качеств и, соответственно, – сфере самой субъективной реальности. Это –

субстанциональные качества, с одной стороны, и модальности – «составляющие» сенсорной сферы как базы субъективной реальности. Действительно, данный тип качеств, подвергшись механизму окачествления, конституирует именно ее – основу, базу, так сказать, «фундамент» всей субъективной реальности. Она объективно складывается именно в таком виде и обладает именно такими закономерностями, которые создают возможность развертывания на ее основе всех иных форм и уровней организации психики в целом. В роли наиболее комплексного и опять-таки *объективно* представленного, очень комплексного средства этого выступает сама организация системы когнитивных процессов, построенная по иерархическому, структурно-уровневому принципу, базовым уровнем в которой как раз и выступает уровень сенсорики. Тем самым данный тип качеств, онтологизируясь, объективно выступает в качестве такого *операционного* средства, который в значительной степени обеспечивает все функционирование системы когнитивных процессов, поскольку является базовым уровнем в этой системе. Однако, и в собственно *субъективном* плане онтологизация данного типа приводит к аналогичным – так сказать, однопорядковым эффектам. Действительно, одним из наиболее очевидных свойств психического и его сенсорной сферы является непосредственная данность самому субъекту, его «ощущаемость», представленная в разных формах и представленная, в частности, в феномене сензитивности.

Однако именно данный тип качеств, приводя к конструированию сферы сенсорики в целом и процесса ощущения, в особенности, как раз во многом и обеспечивает саму чувствительность, сензитивность как таковую. Причем, наиболее характерно и важно, что в результате конституируется не чувствительность, требующая каких-либо дополнительных средств и механизмов для того, чтобы она стала феноменологической реальностью, а чувствительность как таковая – в ее *непосредственной* форме, не требующая ничего иного для ее существования. Это достигается за счет того, что само ощущение является уникальным образованием в том смысле, что в нем органично и неразрывно *синтезированы* два основных модуса – модальностный и процессуальный. Оно является и определенными *модальностями*, которые не только не требуют каких-либо дополнительных средств для возникновения чувствительности, но сами и *являются* ей. Вместе с тем, оно же выступает и как когнитивный *процесс*, обладающий

определенным содержанием и – это главное входящим в состав любого иного из надстраивающихся над ним процессов. Действительно, согласно современным представлениям о системе когнитивных процессов, она – как и любая иная сложноорганизованная система, построена на основе иерархического, структурно-уровневого принципа, а сенсорная сфера как раз и выступает базовым уровнем в этой иерархии. Все иные процессы, образующие, соответственно, иные уровни ее организации, базируются, в конечном счете, на нем. Они транспонируют на себя его основные атрибуты и, разумеется, важнейший из них – атрибут сензитивности. За счет этого все они во многом и обретают атрибутивно присущую им непосредственную данность субъекту, то есть своеобразную чувствительность к ним, ощущаемость субъектом их как своих. Тем самым его «корневая» чувственная данность входит и в них самих, обеспечивая тем самым их собственную – несомненную данность субъекту, ощущаемость.

Аналогичным образом, причем – даже с большей полнотой и очевидностью эта закономерность эксплицируется по отношению к еще одному основному типу качеств – системным, имея, к тому же, целый ряд существенно разных по форме и содержанию, но общих по смыслу проявлений. Так, мы уже отмечали, что одной из самых ярких особенностей субъективной реальности, порождаемой вследствие онтологизации данного типа качеств и наиболее отчетливо представленной в сознании, является практически *полное подобие* основных его атрибутов и базовых характеристик самих системных качеств. В самом деле, с максимальной степенью очевидности оно эксплицируется уже по отношению к базовому и, пожалуй, наиболее важному – уникально присущему сознанию атрибуту, каковым выступает свойство *идеальности*<sup>122</sup>. Поэтому становится более понятным, каким образом и на основе каких механизмов возникает одно из самых «загадочных» и труднообъяснимых явлений – порождение самого идеального. Это порождение того, что *в принципе* отсутствует в «исходных посылах» – в объективных основаниях, то есть в самих механизмах и средствах функционирования *материального* субстрата – мозга, но что составляет истинную суть реальности субъективной – ее *идеальную* природу. Аналогичным образом практически и все иные атри-

---

<sup>122</sup> Напомним, что данный вопрос подробно проанализирован в параграфе 3.3.

буты сознания также конгруэнтны базовым характеристика системных качеств. Причем, такая конгруэнтность выражена настолько, а ее проявления столь органичны и естественны, что, фактически, не остается ничего другого, кроме признания следующего обстоятельства. В основе феноменологически представленных атрибутов сознания как раз и лежат эти характеристики; сами атрибуты порождены этими характеристиками системных качеств, являются продуктами их онтологизации. Тем самым, можно видеть, что *субъективно* системные качества, онтологизируясь, репрезентируются – вообще входят в состав психического именно в таком содержании и в такой их специфичности, которая непосредственно соответствует самой их природе.

Практически та же самая картина имеет место и по отношению к тому, какую именно – очень важную, но при этом и очень специфическую и также уникальную роль эти качества, подвергаясь онтологизации, играют и как *объективные* операционные средства организации психического. Роль же эта – даже своего рода *миссия*, уникально присущая им способность состоит в том, что именно они обеспечивают саму возможность существования всех основных атрибутов сознания. Дело в том, что в системных качествах, фактически, воплощен один из наиболее общих и важных механизмов, который одновременно является и базовым во всей организации психики. Это – механизм порождения *принципиально нового*, «выхода за наличное», механизм интеграции как средство обеспечения синергетических эффектов. Его проявления на уровне психического очень многообразны по содержанию, но одинаковы по своей сути – все они обеспечивают существование у психического генеративно-порождающего потенциала. Тем самым они, но уже вполне объективно, выступают не просто в качестве реальных операционных средств психического, но именно таких, на основе которых вообще становятся возможными базовые атрибуты сознания. В данной связи вполне естественно, что между двумя экспликациями механизма окачествления по отношению к ним – субъективной и объективной существует практически полная конгруэнтность. Впрочем, иначе и быть не может, поскольку сама субъективная репрезентация, точнее – представленность данного типа на уровне субъективной реальности является прямым следствием того, каким образом он представлен, но уже объективно, то есть в роли конкретных операционных средств

функциональной организации психики в целом и сознания, в частности. Аналогичная ситуация имеет место также и по отношению ко всем иным типам качеств, а ее смысл, повторяем, состоит в практически полной конгруэнтности двух их модусов, которые они обретают в содержании и функционировании психического.

Вместе с тем, констатация такой конгруэнтности позволяет сделать еще одно – пожалуй, наиболее значимое в плане рассматриваемых вопросов заключение. Дело в том, что именно благодаря ей – фактически, идентичности и, следовательно, взаимной адекватности этих двух модусов обеспечивается еще один очень важный эффект. Он состоит в том, что становится возможной аналогичная – также адекватная субъективная управляемость (и вообще – регуляция) функционирования психического. То, как субъективно репрезентированы основные типы качеств, и то, как они же выступают в функции объективных операционных средств, во многом просто идентично и уж в любом случае, принципиально адекватно друг другу. Кроме того, именно за счет этого эффекта обеспечивается, во-первых, субъективная данность не только содержания психического, но (разумеется, лишь частично) – и операционных средств его функционирования. Во-вторых, обеспечивается и эффективность такого субъективного управления, поскольку субъективные репрезентации типов качеств и порождаемые ими же объективные операционные средства, фактически, *изоморфны* друг другу. Кроме того, не исключено, что именно такого рода изоморфизм субъективного и объективного модусов вообще является главным предназначением и наиболее общим смыслом всего механизма окачествления. Именно вследствие этого изоморфизма обеспечивается взаимное соответствие репрезентаций психического в субъективной реальности и его операционных средств. Тем самым, обеспечивается принципиальная возможность и достаточно высокая эффективность самой субъективной регуляции, то есть *саморегуляции*.

Итак, из результатов проведенного анализа можно видеть, что, по существу, вся история развития психологического знания, а также сложившаяся в нем понятийная система привела в итоге к следующему фундаментальному обстоятельству (на которое, однако, обычно не обращается специального внимания, а само оно не фиксируется как предмет самостоятельного изучения). Оно состоит в том, что понятие качества нашло свое воплощение уже в самом первом и во

многим именно базовом – находящемся в основании всей когнитивной иерархии процессе – ощущении. Причем, это воплощение носит двоякий, точнее – двуединый характер. С одной стороны, оно зафиксировано как средство дифференциации самих ощущений на их основные типы – на модальности (которые). С другой стороны, оно зафиксировано и как средство осмысления и попыток решения, пожалуй, самой «жгучей» тайны всей психологии (и философии, а также научного познания в целом). Это – загадка так называемого «психофизиологического сечения», то есть перехода от материального к не-материальному (от стимула к его ощущению). Это, фактически, и есть трансформация непсихического в психическое, материального в идеальное. Дело в том, что именно в этом «сечении» наиболее кардинальной из всех возможных подвергается именно качественная определенность стимула (в его широком смысле) – трансформация его физической, материальной природы в сущность кардинально иного плана – в идеальное. В процессе ощущения и в его результативных эффектах – в самих ощущениях, но как в модальностях как раз и происходит тот – полный таинственности переход одного качества в другое (материального в идеальное). Это, собственно говоря, и зафиксировано в том, что для него в историческом и традиционном плане как раз и закрепилось именно понятие качества (сенсорного – в его общем виде и модальностей как его конкретизации). В этом плане можно сформулировать и еще одно заключение, имеющее уже, прежде всего, гносеологическую направленность. Понятие качества как основная «единица» познания эксплицирует свой основополагающий и определяющий характер уже именно в основной проблеме гносеологического и психологического (да и философского) плана – в психофизиологической проблеме. В еще более общем и важном плане – она обнаруживает свой базовый статус и в самом основном вопросе философии, смысл которого, как известно и состоит в определении отношений между двумя основными качественными модусами – материального и идеального. Тем самым можно видеть, что имеет место та ситуация, которая была зафиксирована по ходу теоретического анализа: развертывание экспликаций понятия качества на уровне конкретно-научного (психологического) знания с неизбежностью приводит к необходимости его осмысления и объяснения на уровне знания философского – как базовой гносеологической категории. Причем, не только приводит, но и предоставляет для этого

новые эвристические средства, которые как раз и обусловлены категориальным статусом данного понятия. И наоборот, задача раскрытия самого этого категориального статуса получает дополнительные возможности и средства решения на основе тех материалов, которые накоплены на уровне конкретно-научного (психологического) знания. В данном случае – это материалы, которые содержатся в психологии и психофизиологии сенсорных систем в целом и в исследованиях основных сенсорных модальностей, в частности.

### **6.3. Основные типы качеств в порождении субъективного времени**

Представленные в параграфах 6.2.2. и 6.2.3. материалы могут, по нашему мнению, в достаточно ощутимой степени содействовать решению ряда значимых вопросов, сформулированных в рамках общей проблемы субъективного времени, а тем самым и ее разработке в целом. При этом некоторые из них уже рассматривались по ходу проведенного анализа, поскольку они непосредственно сопряжены с самой сутью тех закономерностей, которые и были его основным предметом – в особенности, с содержанием механизма окачествления реальности, лежащего в основе конституирования онтологии психического. Вместе с тем, исходя из основных целей данной работы, теперь необходимо специально остановиться на тех следствиях – новых возможностях и перспективах, которые вырисовываются в свете данного механизма, равно как и сопряженных с ним закономерностей, для разработки проблемы субъективного времени. При этом следует подчеркнуть также, что поскольку сам механизм окачествления реальности рассматривается по отношению к проблеме субъективного времени в данной работе, по существу, впервые, то и формулируемые ниже положения также следует рассматривать как первый шаг на пути его реализации по отношению к данной проблеме, допускающий возможность их дальнейшей конкретизации, углубления и, не исключено, коррекции.

Наиболее общим и принципиальным в этом плане является положение, согласно которому, в основе конституирования онтологии психического – его содержания и механизмов лежит подробно охарактеризованный выше механизм окачествления реальности – как объ-

ективной, так и субъективной. Он приводит к формированию таких структур и образований, составляющих сущность пифического, равно как состава и их содержания, которые и конституируют основные уровни его организации. Так, на основе данного механизма, реализуемого по отношению к субстанциональным качествам, конституируется уровень сенсорики. На основе него же, но реализуемого по отношению к функциональным качествам порождается уровень процессуально-психологического содержания психического. На основе этого механизма, реализуемого по отношению к системным качествам конституируется уровень осознаваемого содержания психического, сознание как таковое. На основе окачествления виртуальных качеств генерируется неосознаваемый уровень – сфера бессознательного. Наконец, на основе его действия по отношении к метасистемным качествам порождается фундаментальный феномен знаний как таковых, то есть таких образований, которые, репрезентируя исходно содержание – качества метасистемы (объективной реальности), тем не менее, становятся содержанием самого психического, выступают важнейшей оставляющей его собственной качественной определенности. Они входят в его собственный состав, образуя в своей совокупности один из базовых уровней его организации. Другими словами, они обретают собственно уровневый статус, то есть предстают уже не только как содержательные образования, но и как структурные составляющие психики.

На основе совокупного действия данного механизма по отношению ко всем основным типам качеств порождается содержание и структура психического в целом, образованные пятью основными уровнями организации – уровнями бессознательного, сенсорики, процессуального содержания, сознания и знаний. Они – эти уровни, а также составляющие их образования и структуры образуют его подлинную онтологию, лежащую в основе субъективной реальности как таковой. Они же являются носителями всех базовых атрибутов, присущих этой реальности, в том числе атрибутов непосредственной данности, субъективной несомненности, самосензитивности и др. Так, они не просто даны субъекту как непосредственная реальность, не только ощущаются и воспринимаются – чувствуются им как нечто несомненное, но сами и составляют эту чувственность и ощущаемость. Они не требуют никаких дополнительных средств для этого, а потому во многом являются ей. Они – не только *ощущаемое*, воспринимаемое

мое, чувствуемое, но и *ощущающее*, воспринимающее, чувствующее. Тем самым, однако, все, что сопряжено с ними, обретает аналогичные атрибуты – прежде всего, сам атрибут субъектности, принадлежности к собственно субъективной реальности. При этом, пожалуй, наиболее важным и принципиальным – критически значимым именно для основных задач данной работы является то, что все формирующиеся на основе данного механизма составляющие психики, выступающие и как уровни его организации, обладают и атрибутивным двуединством своего содержания и статуса. Они являются и *содержательными* образованиями (что традиционно и рассматривается в качестве их главной – сущностной черты), и *временными* структурами (что уже менее традиционно и не рассматривается обычно как их атрибут). Тем самым они синтезируют в себе два основных измерения субъективной реальности, два базовых типа его организации – субстанциональную и темпоральную. Они представлены в этих образованиях во взаимоотношаемости и анерасторжимом единстве.

Другими словами, они, генерируясь первично в качестве субстанциональных составляющих психического, столь же исходно несут на себе и воплощают в себе атрибут темпоральности, являются и специфически временными образованиями. И только определенная инерционность традиционных теоретических представлений мешает распознать и осознать то важнейшее обстоятельство, что все базовые составляющие психики и уровни ее организации являются столь же темпоральными, сколь и субстанциональными сущностями. Тем самым и темпоральность как таковая оказывается органично вплетенной, объективной включенной во все уровни организации психики, в содержание ее онтологии, обеспечивая адекватное и многоуровневое воспроизведение в ней параметра времени как такового и, в конечном счете, адаптацию к нему, равно как и феномен субъективного времени в целом. Остановимся на этом – наиболее принципиальном положении более подробно.

Так, данная закономерность во вполне очевидном виде представлена уже по отношению к относительно наиболее простому образованию и, соответственно, уровню организации психики (точнее – считающемуся таковым, но, в действительности, выступающим очень сложным), – ощущениям, уровню сенсорики. Действительно, базовые типы ощущений – модальности как таковые традиционно рассматри-

ваются не только как подчеркнута содержательные, субстанциональные образования, но и как такие, которые, собственно говоря, и лежат в основе всего содержания психического, его чувственной основы. Вместе с тем, гораздо менее осознан и принят тот факт, что они являются и такими образованиями, в которых воплощена и собственно темпоральная составляющая, специфически временное измерение. И хотя она не столь очевидна – даже в феноменологическом плане, а потому и не лежит на поверхности, а является более глубинной особенностью, тем не менее, она входит в их содержание; поясним сказанное. Действительно, одной из важнейших и специфических, даже – уникальных особенностей ощущения как базового компонента психики является следующая черта. Она является и их атрибутивным свойством, и характерным отличительным признаком, специфицирующим их по отношению к ним важнейшим «составляющим» психики. С одной стороны, ощущения в целом и их основные модальности, в частности, являются, как показано выше, производными от механизма окачествления материальных качеств объективной реальности в субстанциональные качества субъективной реальности (то есть самой онтологии психического). И в этом плане они выступают как некоторые *результативные* проявления, как именно *структурные* «составляющие» всей онтологии психического. Однако, они же и столь же очевидно выступают и в своей *процессуальной* «развертке», а ощущение является именно психическим процессом, входя в их общую систему, причем – на правах ее базового уровня. Поэтому одной из наиболее важных и интересных является следующая закономерность, которая, к сожалению, обычно не становится предметом специального анализа. Уже в относительно наиболее простом (повторяем, считающимся простым, но в действительности очень сложном) процессе – в ощущении имеет место любопытный феномен<sup>123</sup>. Он заключается в совмещении,

---

<sup>123</sup> В связи с этим, необходимо, по нашему мнению, критически переосмыслить очень традиционное и считающееся чуть ли не «само собой разумеющимся» положение. Традиционно и даже, так сказать, «автоматически» – по определению полагается, что из всех известных психических процессов именно ощущение является относительно наиболее простым. В реальности, как мы уже отмечали, дело обстоит существенно иначе: полагающееся традиционно именно таким, оно, в действительности – при ближайшем рассмотрении является, наоборот, наиболее сложными и даже «загадочными». В самом деле, при любом ином переходе от одной сферы

то есть, фактически, в онтологической синтезированнойности двух модулей психического – *модальностного* и *процессуального*. В самом деле, пора со всей четкостью осознать, что уникальность ощущения (и как понятия, и как той реальности, которая в нем зафиксирована) состоит в том, что оно одновременно является и *еще* сенсорной модальностью (включающей ряд основных типов), и *уже* психическим процессом (сенсорным процессом), хотя и представленным в относительно неразвернутом виде. Два базовых уровня этой организации (уровень сенсорики и уровень процессуально–психологического содержания) «сцеплены» – связаны посредством такой «составляющей», которая принадлежит одновременно и тому, и другому уровню. Ощущения как таковые это не только модальности – качества ощущения, но и один из базовых психических процессов. Ощущение как родовое понятие по отношению к их модальностям как видовым образованиям, само является видовым по отношению к другому – более обобщенному, то есть родовому понятию психических процессов. Через это достигается подлинное единство двух «пластов» реальной онтологии психического – уровня сенсорики (чувственной ткани) и уровня процессов (его собственно процессуального содержания). В свете сформулированных выше представлений о сущности субстанциональных качеств становится вполне очевидным, что синтезированнойность в них двух «начал» – презентуемого и презентующего как раз и является одним из конкретных способов решения данной проблемы. Дело в том, что с их позиций попросту *снимается необходимость* в каком-либо дополнительном механизме самосензитивности, поскольку он оказывается «встроенным» в один из базовых типов качеств самой субъективной реальности – в субстанциональные качества.

---

психического к другой, кроме того, который состоит в переходе к сфере сенсорики, психическое подвергается – хотя и существенным, но все же именно трансформациям, изменениям. При переходе же к сенсорике имеют место, однако, уже не изменения – не совершенствование, усложнение, развитие форм психического, а его именно порождение, возникновение. Все иные процессы – суть формы такого усложнения, а ощущение – процесс, в котором психическое именно рождается, пусть еще и в относительно наиболее простой форме. Понятно, что процесс и механизмы, лежащие в основе порождения – возникновения нового не только ничуть не проще, чем процесс его эволюционного развития, но, по-видимому, еще более сложны.

Тем самым, уже в этой – уникальной организации обеспечивает возможность достижения двух эффектов. Первый – это возможность *межуровневых* переходов, существующая в плане взаимодействия двух базовых уровней – сенсорного и процессуального. Второй – это *синтезированность* в одной и той же сущности, то есть в ощущениях, двух категорий качеств – субстанциональных (материальных) и функциональных. Здесь мы сталкиваемся с одним из проявлений общей закономерности, которая будет подробнее рассмотрена ниже – с «феноменом удвоения типов качеств»: он состоит в том, что одно и то же качество может быть одновременно и субстанциональным (материальным), и функциональным<sup>124</sup>. Его адекватное понимание и полное раскрытия поэтому возможно поэтому лишь с позиций *принципа дополнительности* его характеристики как и того, и другого. Более того, можно видеть, что и возможность самих межуровневых переходов, фактически, также заложена в аналогичном, то есть также онтологическом – объективном единстве и взаимопереходах самих категорий качеств.

В этой связи новым – достаточно неожиданным, на первый взгляд, но вполне естественным, в действительности, смыслом наполняется известный термин самоощущения. Обычно его содержание трактуется как «ощущение себя» – во всей его полноте. Однако, возможна и иная его семантическая трактовка: по аналогии со всеми иными метапроцессами, процесс ощущения также, по-видимому, может «оборачиваться» сам на себя. Это имеет в качестве следствия описанный выше «феномен удвоения процессуальности», проявляясь в существовании механизма операндно-операторной обратимости по отношению к данному процессу. Подчеркнем, что при такой интерпретации вовсе не «изобретаются» какие-либо новые объяснительные средства, которые сами еще нуждаются в обосновании; напротив, на процесс ощущения просто распространяется общая закономерность, являющаяся основной в метакогнитивизме. Кроме того, такое включение процесса ощущения в действие данной закономерности очень полно и естественно соответствует и феноменологическим данным, и эмпирическим фактам, и просто житейскому опыту. Более того, становится не вполне понятным, почему метаког-

---

<sup>124</sup> Это явление следует отличать от сходного с ним по названию, но существенно иного по содержанию явления – «удвоения качеств» [311].

нитивизм обошел стороной этот – неоспоримый факт и не включил уже изначально в состав метакогнитивных процессов относительно наиболее простой и базовый процесс – самоощущение и почему он не дифференцировал, наряду с понятиями, например, метапамяти и метамышления, еще и процесс метаощущения?

Во всем этом находит частное, но очень важное проявление и обстоятельство наиболее принципиального плана, которое уже неоднократно фиксировалось и обсуждалось выше. Оно состоит в том, что параметр времени в целом и субъективное время, в частности, то есть темпоральность как таковая, наряду со всеми иными атрибутами и характеристиками, должны быть поняты и раскрыты в их, пожалуй, наиболее имплицитном и значимом – определяющем аспекте. Дело в том, что она воплощена в самом «устройстве» психики – в ее структурно-функциональной организации; она уже воплощена в ее базовых закономерностях, а сами они в значительной мере и являются ее непосредственными следствиями и даже проявлениями. Более того, и основные «составляющие» психики – также воплощают в себе эту «учтенность». Так, наряду с уже отмеченными особенностями темпорального плана, присущими уровню сенсорики, следует подчеркнуть еще одну важную особенность. Дело в том, что уже сама модальностная дифференциация психики, которая включает в себя две доминантные модальности – зрительную и слуховую, является, фактически, ее адекватным «ответом» на два принципиально разных типа системных репрезентаций внешней среды – пространственных и временных. В самом деле, зрительная модальность оперирует, в основном, с пространственными репрезентациями и, соответственно, отображает сопряженную с ними субстанциональную – синхроническую системность. Слуховая модальность имеет иную ориентацию и даже – функциональное переназначение, связанное с тем, что посредством нее отображается уже иная организация рецепирования внешней среды – развернутая во времени, не симультанная, а сукцессированная, то есть диахроническая. Она, следовательно, отображает уже не синхроническую, а диахроническую – темпоральную организацию восприятия информации. Классическим и наиболее традиционным примером этого, а одновременно – и его обоснованием является, как известно, излюбленный объект внимания исследователей при анализе природы субъективного времени – феномен *мелодии* как столь же

временной, как и атрибутивно акустический. Две основные модальности – это, повторяем, адекватный «ответ эволюции» на существование двух основных типов системности внешней среды – субстанциональной и темпоральной, а одновременно – и доказательство их глубокой качественной специфичности. Кроме того, важно отметить, что в существовании двух доминантных модальностей – зрительной и слуховой как основы субъективной реальности, равно как и в их сопряженности, соответственно, с двумя основными типами системности, адекватно отображаются два основных атрибута объективной реальности – пространство и время.

Однако еще более значимым в аспекте основных задач данной работы является то, что за счет такого двуединства в содержание ощущений, как базового компонента психического, объективно включается временная координата как таковая, темпоральность как форма и тип организации психического в целом. Дело в том, что сама процессуальность как раз и является непосредственным воплощением темпоральности; процессуальность – это и есть временная развертка любых явлений – в том числе, и собственно психических, в частности, реализуемых на уровне сенсорики. Тем самым эксплицируется и еще одно принципиальное обстоятельство: уже на относительно наиболее простом уровне и в относительно наиболее простом образовании эксплицируется единство субстанциональной и темпоральной организации, а сами модальности выступают носителями не только содержательных аспектов психического, но и его временных – темпоральных аспектов. Они столь же субстанциональны, сколь и темпоральны. Во всем этом, в конечном итоге, проявляется неразрывная связь содержательного и темпорального модуса реальности, в том числе и субъективной. Любая реальность уже самим фактом своего существования означает и сращенную с ней темпоральность. Возникновение реальности является и возникновением его временного измерения – времени как такового, а по отношению к субъективной реальности это приводит к порождению специфического времени – субъективного. Оно, как можно видеть, возникает уже в его наиболее простой форме – на уровне сенсорики. Однако, несмотря на эту – видимую простоту, а точнее благодаря ей и, соответственно, ее фундаментальному характеру, именно здесь возникает важнейший атрибут субъективного времени как такового – именно как субъективного. Порождается сама субъек-

тивность времени, его непосредственная данность – чувственная репрезентированность, непосредственная ощущаемость, то есть, фактически, возникает само субъективное время. Именно здесь и именно потому, что оно репрезентируется как ощущение, оно получает свою чувственную данность. Оно *непосредственно ощущается* – возникает то, что традиционно и обозначается как чувство времени, ощущение времени, восприятие времени. Гораздо более понятным становится и то, почему репрезентация времени обладает именно чувственным характером, почему оно может ощущаться и чувствоваться, несмотря на его принципиально необъективированный характер, на невозможность его восприятия и непосредственного ощущения. Тем самым, открываются возможности для решения, пожалуй, наиболее трудного и острого вопроса всей психологии субъективного времени – как оно возможно вообще? Как, несмотря на его принципиальную недоступность «отражению» непосредственному ощущению и восприятию (просто потому, что отсутствует сам объект такого отражения), оно все же не только ощущается, но и составляет одно из самых несомненных составляющих содержания психического – его чувственную ткань, сенсорную основу в ее итоговых эффектах – ощущениях.

Наряду с этим, важно и то, что на этом уровне и в этой форме – в модальностях непосредственно ощущаемыми и, тем более, – отчетливо эксплицированными оказываются не все главные атрибуты времени, а один, но основной из них, – атрибут протяженности, течения (длениа, «длящести», потоковости). Здесь оно представлено именно в том проявлении, которое обычно и ассоциируется с ним как таковым, которое и означает для субъекта его как несомненную и отличную от всего другого реальность. Возникает базовый феномен, который и объективно и субъективно конституирует время как таковое – длительность, немгновенность бытия – само бытие как процесс, как представленное во времени. Бытие оказывается представленным и репрезентированными именно как бытийствование, то есть адекватно тому, как оно существует объективно. Ощущение времени – это то, что не только непосредственно чувствуется, но и составляет саму чувственность, «ощущаемость» и не требует никаких дополнительных средств для ее обретения, репрезентируется именно как процесс, то есть в объективно главном атрибуте времени – течении, длительности. Сам процесс, длительность также становится непосредствен-

но ощущаемыми, а время воспринимается именно как время – в его развертывании, потоковости. Этим достигается и адекватность его репрезентации уже на уровне сенсорной организации психики, в ее относительно элементарных проявлениях. Основной и базовый атрибут времени оказывается репрезентированным в столь же базовом и находящемся именно в фундаменте (базе) психического образования – в ощущениях. Разумеется, это не является случайностью, а отражает глубокий изоморфизм уровней сложности организации субстанцииальной и темпоральной организации психического.

Таким образом, на основе представленных материалов, раскрывающих роль механизма окачествления в порождении феномена субъективного времени, более понятным становится то, каким образом оно вообще возникает, каким образом становится возможным, казалось бы, невозможное – ощущение и восприятие того, что в принципе не ощущаемо и не воспринимаемо – просто в силу отсутствия объекта ощущения. Проясняется, как возникает феномен субъективного времени и как время отражается, несмотря на его «неотражаемость». Кроме того, предложенный вариант ответа на данный вопрос естественным образом объясняет не только то, почему это становится возможным, но и то, почему это является и максимально очевидной реальностью – очевидной настолько, что тождественно самому понятию очевидности. Перефразируя известное выражение Р. Декарта, следует сказать, что можно усомниться в любой очевидности, но только не в очевидности ее переживания<sup>125</sup>. Столь же значимо, что уже на уровне сенсорики эксплицируется двуединство основных составляющих психического – синтетическая представленность двух основных типов организации – субстанцииальной и темпоральной, их неотрывность друг от друга и их взаимодетерминационные отношения. Кроме того, важно, что на базовом – находящемся в фундаменте, в основе психики уровне локализуется аналогичный, то есть также основной атрибут времени – протяженность, длительность, течение. Точно так же, как иные уровни организации психики базируются на нем, и все иные атрибуты самого времени выступают производными от этого атрибута. Здесь вновь проявляется конгруэнтность

---

<sup>125</sup> В оригинале эта мысль формулируется следующим образом: можно сомневаться во всем, но только не в самом сомнении.

уровней организации психики и форм ее темпоральной организации, равно как и средств отображения и воплощения в ней самой временной координаты реальности. Наконец, подчеркнем, что роль сенсорики и действия механизма окачествления по отношению к ней в порождении и организации субъективного времени не исчерпывается только теми закономерностями, которые были охарактеризованы выше. Кроме них, существуют и некоторые иные – также значимые особенности и закономерности, связанные с этим уровнем; к ним мы обратимся в процессе дальнейшего рассмотрения.

Далее, на основе механизма окачествления, но реализуемого по отношению к *функциональным* качествам, порождается уровень *процессуально-психологического* содержания психического. Через категорию психических процессов функциональные качества вообще репрезентируются в онтологии психического. С такой же объективной необходимостью и очевидностью, с какой в понятии сенсорных качеств – модальностей воплощается первый основной тип качеств (субстанциональные), в понятии психических процессов находит свое онтологическое воплощение второй основной тип качеств – функциональные. Степень взаимополагаемости этих понятий и, соответственно, тех реальностей, которыми ими обозначаются, такова, что очень трудно определить однозначные причинно-следственные отношения, между ними (отношения так сказать «первичности – вторичности»). Функциональные качества как средства экспликации содержания психических процессов, сами становятся этим содержанием. Они трансформируются из статуса феноменологических проявлений в статус сущностных основ самой онтологии психического. Они переходят из разряда того, что характеризует процессы, в то, что, собственно говоря, и подлежит этой характеристике. Качества онтологизируются, а сама эта онтология и порождает реальное содержание психики, взятое, однако, уже не в относительно наиболее простом – сенсорном плане (уровне), а в ее существенно более сложном, но одновременно и базовом аспекте – в процессуальном содержании. Наряду с этим, следует, конечно, иметь в виду, что сама процессуальность не только, так сказать, формально сопряжена с функциональностью, но и, фактически, *входит* в само ее определение. Функциональные качества возникают там и тогда, где и когда нечто – некоторая сущность начинает «бытийствовать» во времени; когда она переходит

из своего статического статуса в статус динамический. Лишь при этом условии ее исходные – субстанциональные качества в целом и материальные качества, в частности, обогащаются новым их типом – функциональными. Следовательно, можно видеть, что решающим условием и базовой детерминантой возникновения функциональных качеств, лежащей и в основе процессуальной организации, и в основе всей динамической организации, является категория времени, бытие некоторой сущности во времени. Функциональность и процессуальность есть, фактически, два неразрешимо связанные и, по существу, единые атрибуты временной организации как таковой. Таким образом, становится очевидным то, что не менее, а пожалуй еще более представлена органичная вплетенность – включенность временной координаты в другую базовую составляющую психики, в еще один основной уровень ее организации – в психические процессы и, соответственно, в уровень ее процессуально-психологического содержания.

Действительно, в них констатированное выше двуединство субстанциональной (содержательной) и темпоральной (временной) организации – их, фактически, синтетическое действие выражено не просто очень рельефно, но и в максимальной степени. Ее очевидность является, к тому же – в отличие от уровня сенсорики, и столь же традиционной, разделяемой и принимаемой как неоспоримая данность и в плане теоретических представлений и в плане ее феноменологической бесспорности. Здесь, разумеется, можно вновь привести известные положения о «процессе как основной форме существования психического» (С. Л. Рубинштейн); о том, что «мысль о психическом как процессе должна быть удержана как основная» (И. М. Сеченов) и пр. Другими словами, фундаментальным по своей значимости является обстоятельство, согласно которому именно процессуальная форма и является, фактически, воплощением одного из базовых типов организации в целом и системности, частности, – временной. Сама категория процесса в целом и понятие когнитивных процессов, в особенности, как раз и фиксирует тот фундаментальный факт, что их атрибутивной чертой выступает именно воплощенность в них данного типа организации. Они не просто основываются на ней как на объективно необходимом для функциональной организации психического средстве и сами и выступают ее специфическим выражением. Психические процессы в целом и когнитивные процессы, в частности, – это и есть кон-

кретные формы реализации временной организации и системности. Другими словами, в одном из основных психологических понятий – в понятии психических процессов воплощена главная черта и аналогичный, то есть также – основной атрибут функциональной и, следовательно, временной организации как таковой. Он состоит в ее процессуальном характере; в возможности «бытия во времени» – функционирования психического лишь в процессуальной форме. Процессуальная форма существования – это и есть реальная онтология психического. Следовательно, и сам этот, повторяем, – базовый атрибут его организации должен изучаться через особенности процессуальной организации. Основные психические структуры и образования являются атрибутивно темпоральными по самой сути – они собственной природой и организацией уже не просто воплощают в себе темпоральность, но и во многом являются средствами ее реализации в организации психики в целом<sup>126</sup>.

Процессуальность как основная форма функционирования психического есть конкретизация временной организации – того, как представлен объект во временном «измерении»; как он «бытийствует» – разворачивается во времени. Сам *процесс* – как организованная и закономерным образом синтезированная совокупность этапов должен быть понят как своего рода *временная система* – как продукт временной упорядоченности различных функциональных проявлений системы, ее функциональных возможностей. Чем более эффективно организована эта система, то есть, чем более структурирован процесс, тем выше его продуктивность. Сама же *временная* организация выступ-

---

<sup>126</sup> Напомним, что при этом, конечно, необходимо учитывать высокую степень полисемичности и многозначности смысловых оттенков самого понятия процесса – степень, вполне сопоставимую с той, которая характерна и для понятия функционирования. Процессом может обозначаться и совершенно неупорядоченное, неструктурированное на фазы и этапы, по существу – хаотическое, но разворачивающееся во времени явление (это своего рода широкое значение данного понятия). Однако процессом может обозначаться и структурированное – организованное и упорядоченное протекание явления во времени (это более узкое, но одновременно и более строгое его значение). Внутри же данного континуума локализованы многочисленные промежуточные формы темпоральной организации. Для их обозначения в настоящее время сложился целый ряд понятий, в частности, временной организации, временной структуры, временной формы.

пает при этом не как *следствие*, не как эпифеномен, характеризующий организацию того или иного процесса (его функциональную организацию), а как *причина* и даже механизм того, что сам этот процесс выступает именно в форме процесса в строгом смысле указанного понятия. В этом плане необходима, на наш взгляд, определенная корректировка самого понятия процесса: процесс – это не столько то, что *порождает* временную, функциональную организацию, а то, что *порождается* механизмом временной организации. Временная организация, по-видимому, как раз и является глубинным основанием и решающей детерминантой собственно процессуальной формы организации.

Далее, если на уровне сенсорики субъективное время презентировалось в его относительно наиболее простой форме – как ощущение, чувство времени, то есть в его базовом атрибуте – самом факте его наличия (течения, дления), то на уровне процессуальной организации оно эксплицируется уже в гораздо более сложном и комплексном виде. Оно раскрывается, фактически, во всех его основных атрибутах, подобных атрибутам объективного времени. Ими являются, как известно, одномерность, однонаправленность, непрерывность (континуальность), цикличность, принципиальная квантифицируемость (дискретность), «длящность» (продолжительность, длительность). Тем самым, процессуальность оказывается, действительно, в значительной мере и в своих наиболее принципиальных чертах подобна и даже изоморфна «оси времени». Процессуальность выступает и как длительность, а сама длительность (временная протяженность состояний субъекта) обретает форму процессуальности и, фактически, является ей.

На уровне процессуально-психологического содержания и, соответственно, в самой категории психических процессов не только воплощается одна из основных и констатированных выше особенностей их организации – единство представленности в них средств и механизмов субстанциональной и темпоральной организации, но она и достигает здесь своего максимума. Действительно, с одной стороны, важнейшей особенностью психических процессов в целом и когнитивных, в особенности, является то, что они являются содержательно-наполненными образованиями, характеризуются семантикой – так сказать, контентом. Более того, они и даны субъекту – субъективно репрезентируются только в аспекте их содержания (но не в аспекте механизмов и средств процессуальной организации). Однако, с другой сто-

роны, они же, как можно видеть из представленных выше материалов, являются и носителями специфически временной организации, прием, в такой степени, что вообще выступают как формы темпоральной организации, что зафиксировано даже в самом их названии – процессы. Следовательно, то единство субстанциональной и темпоральной организации, которое в уже элементарном виде представлено на уровне сенсорики, здесь представлено в гораздо более рельефном виде и составляет суть всей процессуальной организации психики. Благодаря этому, сама темпоральность и все ее атрибуты также репрезентируются в их содержательной отнесенности – они уже не только чувствуются, но и допускают репрезентацию в иных – в том числе, и доступных произвольному контролю использованию формах. Они могут не только репрезентироваться – отражаться субъектом, но и использоваться им в качестве операционных средств организации активности и переработки информации. Если на сенсорном уровне субъективное время выступало только как феномен – как относительно пассивный *операнд*, то на процессуальном уровне оно выступает и в качестве совокупности операционных средств – как активный *оператор*. В связи с этим, есть основания полагать, что именно такой – операторный модус субъективного времени является не менее, а быть может, еще более значимым, нежели его операндный модус, поскольку он более важен для решения собственно адаптационных и иных задач. Кроме того, именно по отношению к нему сам операндный модус является вспомогательным и подчиненным.

В данной связи необходимо подчеркнуть и то, что, фактически, весь комплекс базовых темпоральных атрибутов, то есть темпоральность в целом находит воплощение именно в таком образовании – в такой составляющей психики, которая также играет определяющую роль в ней в целом и выступает всем комплексом ее базовых операционных средств – психических процессах. Качественная определенность времени, эксплицируемая через его атрибуты, оказывается конгруэнтной качественной определенности самой процессуальности как форме темпоральной организации в целом. То важнейшее, что есть во времени (его атрибуты) воплощено в том – также важнейшем, что есть в психике – в ее основных процессах. Тем самым во многом обеспечивается адекватность организации психики по отношению к самой объектной реальности, взятой в ее временном измерении.

Этим обеспечивается и достаточность заложенных в ней средств для всего того, что традиционно обозначается как приспособление ко времени.

Итак, на основе проведенного выше анализа тех эффектов и феноменов, особенностей и закономерностей, к которым приводит механизм окачества по отношению к двум базовым уровням организации психики – уровню сенсорики и его процессуального содержания, с очевидностью вырисовывается обстоятельство наиболее общего и принципиального плана. Оно состоит в том, они – эти уровни, точнее те образования и структуры, которые их образуют, могут и должны быть рассмотрены как итоговые эффекты действия данного механизма по отношению, соответственно, к субстанциональным и функциональным качествам как к двум базовым типам качеств в целом. Они, в свою очередь, транспонируясь на эти уровни и подвергаясь, хотя и специфической, но именно онтологизации, становясь субъективной реальностью, поэтому не только лежат в ее основе, но и являются ей, точнее – двумя ее важнейшими составляющими. Вместе с тем, становясь ими, они синтезируют в себе два основных измерения субъективной реальности, два базовых типа его организации – субстанциональную и темпоральную. Они представлены в этих образованиях во взаимопологаемости и в нерасторжимом единстве. Генерируясь первично в качестве субстанциональных составляющих психического, они столь же исходно несут *на себе* и *в себе* атрибут темпоральности, являются и специфически временными образованиями. Следовательно, подтверждается правомерность сформулированных выше теоретических представлений, согласно которым базовые составляющие психики и уровни ее организации являются столь же темпоральными, сколь и субстанциональными сущностями. Тем самым и темпоральность как таковая оказывается органично вплетенной – объективно включенной в эти уровни организации психики, в содержание ее онтологии, обеспечивая адекватное воспроизведение в ней объективного, равно как и феномен субъективного времени.

Вместе с тем, пока были рассмотрены не все основные уровни организации психического и, соответственно, – типы качеств, а только два из них. Следовательно, возникает необходимость продолжения этого анализа и вовлечения в его сферу иных – также основных уровней и типов качеств. При этом показательно и доказательно, что все

констатированные выше закономерности с высокой степенью рельефности и полноты проявляются по отпадению к следующему и также важнейшему уровню организации психического и, соответственно, его связи с еще одним основным типом качеств – к уровню, на котором локализовано сознание и его связям с системными качествами реальности. Причем, эти проявления не только закономерны и глубоки, но и весьма многоплановы – гетерогенны по своей сути. Они сами представлены на очень разных уровнях обобщенности познания – как конкретно-научного, в том числе, и психологического, так и философского. Действительно, как показано выше, сами системные качества в целом – во всех их основных разновидностях лежат в основе конституирования того уровня организации субъективной реальности, на котором и локализовано *сознание* как таковое. Они, подвергаясь действию механизма окачествления, составляют основу практически для всех его базовых атрибутов и тем самым – для него самого в целом. Причем, по отношению к этому аспекту действия данного механизма не вполне корректно, точнее – недостаточно говорить, что он приводит к конституированию, хотя и важнейшего, но все же аспекта этой реальности. Дело в том, что именно этот уровень – сознание, фактически, во многом и тождественно всей этой реальности: она дана в нем и *посредством* него; более того, ни в чем ином она и не может быть дана. Все иные уровни организации субъективной реальности вообще репрезентируются и в этом смысле – существуют как именно реальность только потому, что они представлены на этом уровне. За счет этой представленности психическое из вещи *в себе* трансформируется в вещь *для себя*, обретает свойство смосензитивности в его полном объеме, равно как и свойство самопрезентированности. Тем самым, понятие системных качеств оказывается не только органично сопряженным с предельно общей проблемой соотношения сознания и времени, но и выступает как методологическое средство ее исследования.

Констатация этого – повторяем, очень общего положения вскрывает обстоятельство еще более общего – фактически, предельного по степени обобщенности плана. Дело в том, что именно проблема «сознание и время» не только в очень существенной степени репрезентирует максимально обобщенную – собственно философскую по своей сути проблему существования (или несуществования) времени как такового, но и в значительней степени является тождественной

ей. Она, напомним, состоит в том, существует ли время как некоторая объективная реальность, или же выступает продуктом субъективного конституирования и даже конструирования, а потому первично представлено как идея времени, но не оно само. Спектр возможных подходов к ее решению весьма разнообразен, а их рассмотрение, конечно, не входит в сферу основных задач данной работы. Однако, саму эту вплетенность проблемы «сознание и время» как психологической в этот максимально общий – философский и мировоззренческий контекст, конечно, следует учитывать. Это означает, что на данную проблему как психологическую переносится вся – беспрецедентная по масштабу сложность и головоломная запутанность общей проблемы объективности времени – его существования (или несуществования). Здесь она конкретизируется до следующего вопроса. Является ли время объективно представленной сущностью, которая отображается сознанием, или же оно само порождает время как некоторую реальность и потому само время является уже не отображаемым, а порождаемым.

В свою очередь, это приводит к заключению о его вторичности по отношению к сознанию и, следовательно, к его необъективности, к несуществованию как объективной реальности. Более того, отсюда следует, что сознание реализует собственно генетические – порождающие функции ко времени как таковому, выступая не только его основой, но и источником. Данное обстоятельство, собственно говоря, и воплощено в тезисе, согласно которому время существует, прежде всего, как идея времени – как нечто идеальное, а потому субъективное и, следовательно, необъективное. В экстремистских вариантах это приводит и к утверждениям о «фиктивности времени», об устранении времени, о его соотносительности только с субъектом, о его несамостоятельности и т. п. Кроме того, следует отдавать отчет и в том, что эта проблема является во многом подобной и наиболее общей философской проблеме – соотношению материального и идеального. Дело в том, что именно во взаимосвязи и возможной производности времени от сознания, от психического – как нематериального, а потому идеального эта связь как раз и представлена. Соотношение сознания и времени, фактически, это и есть соотношение идеального и материального, что приводит к необходимости актуализации в этом плане основного вопроса философии. Все это, разумеется, давно и хорошо осознано в философских исследованиях, и, более того, является основным предметом в одном из главных

направлений философского осмысления проблемы времени – в феноменологическом подходе, который был подробно рассмотрен в главе 1. Сознание и время, рефлексия и время, субъективность и время – это те проблемы, которые и являются базовыми в нем, а основной тезис, на котором основывается данное направление, состоит в том, что время вообще порождается на феноменологическом уровне, то есть выступает продуктом сознания и его процессуального средства – рефлексии. Более того, сама субъективная реальность (которая рассматривается не только как первичная, но и единственно возможная) существует только потому, что она прошла «овременивание» (это термин данного направления) и тем самым само время и конституирует эту реальность. Другими словами, не только сознание конституирует время, но и время конституирует сознание и тем самым – всю идеальность, субъективность, самость субъекта, а потому – его внутренний мир и, следовательно, его самого. То, что зафиксировано в главной идее М. Хайдеггера и отражено в названии его главного труда – «Бытие и время», фактически, тождество главному тезису этого направления, но в аспекте бытия не объективного, а субъективного [574]. Если у М. Хайдеггера во многом тождественными оказывается время и бытие в его объективном модусе, то здесь время оказывается столь же тождественным с бытием в его субъективном модусе – с реальностью не объективной, а субъективной, с онтологией психического в целом и осознаваемого, в особенности. Любая реальность – не только субъективная, но и объективная становится возможной – вообще существует только постольку, поскольку она «овременилась», а само время выступает тем, что обозначается «качествователем» – время выполняет функцию качественания, то есть придания любой сущности ее качественной определенности; оно и порождает эту сущность. Это относится, естественно, и к внутреннему миру, а по отношению к его порождению именно сознание и рефлексия как раз и выступают в функции генератора субъективного времени и всей субъективной реальности. Тем самым, можно видеть, что уже в собственно философском плане зафиксировано положение о неразрывной связи сознания с категорией времени; более того, само сознание с предельной очевидностью эксплицируется как атрибутивно временное понятие. Оно эксплицируется как то, что во многом и генерирует его, порождает его как реальность – как нечто такое, что и делает ее таковой – реальной, очевидной, несомненной – настоящей.

В этом плане не только в очень показательном, но и заслуживающим специального внимания плане раскрывается и понятие настоящего как одного из базовых модусов времени (на что мы уже указывали в ходе предшествующего рассмотрения). Дело в том, что оно предстает уже не только в его *содержательной* коннотации – как реальное, истинное и пр., но также и в его *временном* смысле – как нечто актуальное, представленное в данный момент, не только «здесь», но и «теперь». В этом смысле оно как раз и входит в фундаментальную временную триаду «прошлое – настоящее – будущее». Тем самым, настоящее эксплицируется как двуединая по своей природе сущность – как синтезирующее в себя два фундаментальных аспекта реальности – и объективной, и субъективной – содержательный, субстанциональный и временной, темпоральный. Нечто может быть настоящим – реально существующим только тогда, когда оно не только субстанционально оформлено, но и темпорально представлено. Тем самым, уже в самом «акте настоящего» в единстве представлена как субстанциональная, так и темпоральная организация любой сущности, любого фрагмента реальности – повторяем, и объективной и субъективной. Однако суть дела и заключается в том, что само настоящее в его темпоральном модусе как раз и конституируется сознанием: нечто может выступать субъективно именно как настоящее, только будучи осознаваемым – представленным в нем и чрез него, образуя в каждый момент времени его содержание. Тем самым сознание и конституирует настоящее – причем, повторяем, не только в его содержательной наполненности – как осознание чего-либо, но и в его темпоральном смысле – как присутствующее сейчас (в этом плане необходимо вспомнить и известное понятие «теперь-момента» Э. Гуссерля не только как временное, но и как феноменологическое [163]).

Все это, собственно говоря, дает необходимые и достаточные основания для заключения, согласно которому сознание как таковое выступает и атрибутивно темпоральной сущностью (что, конечно, не отменяет его иных атрибутов, а дополняет их). Оно эксплицируется как еще более сложное и многомерное образование – как то, что и генерирует субъективное время. Причем, становится более понятным и то, как именно это происходит. Оно конституирует время посредством, прежде всего, его важнейшего модуса – модуса настоящего, порождая это настоящее, а через него и посредством него его же антиподы – прошлое и будущее (к анализу того, как именно это про-

исходит, мы возвратимся в ходе дальнейшего рассмотрения, а пака зафиксируем сам факт такого порождения). Время не только отображается сознанием – как то, что обозначается как «идея времени», но и генерируется им – причем опять-таки не только в абстрактном плане, а во вполне конкретном смысле – просто через процесс, точнее через тот базовый механизм, который обозначается как механизм осознания. Быть настоящим и быть осознаваемым оказывается во многом просто тождественным. Обретать «настоящность» не только в содержании, но и во времени – означает быть осознаваемым. Поэтому в наиболее общем плане темпоральная природа сознания заключается в том, что оно конституирует психическое настоящее в целом, а тем самым – феномен настоящего как таковой, то есть как базовую составляющую «временной оси», ее центральное звено, а через него – опосредствованно, но с необходимостью, ее края – прошлое и будущее.

В связи с этим, однако, с необходимостью возникает еще один вопрос – какова роль собственно системных качеств как основы сознания и в этом процессе – в порождении не только феномена настоящего, но и в конституировании временной «оси» и, следовательно, времени как такового – и объективного и субъективного? По нашему мнению, по отношению к тому – действительно, сложному вопросу могут быть высказаны следующие соображения. Как известно, одной из наиболее трудных проблем, возникающих при исследовании времени в целом и субъективного времени, в частности, является проблема, связанная с парадоксальностью самих терминов «отражение времени», «восприятие времени» и пр. Дело в том, что по отношению к такого рода отражению, восприятию отсутствует сам их предмет, в силу чего и они, казалось бы, становятся невозможными. Тем не менее, они существуют, что и ставит вопрос – как это оказывается возможным? Как можно отражать несуществующее, не данное объективно и потому не могущее выступать в качестве его объекта? Отражать можно лишь сущности именно содержательного – субстанционального плана, но не темпоральной природы.

Наряду с этим, столь же известным – и, к тому же, составляющим одно из важнейших положений системной методологии, является и еще одно положение. Сама суть системных качеств как таковых состоит в том, что они характеризуют некоторую сущность именно в целом – они есть у нее как таковой, но отсутствуют у ее частей

и у их простой суммы. Они возникают вследствие их синтеза и становятся реальностью тогда, когда репрезентация свойств частей переходит в субдоминантную форму, а на смену ей выходит репрезентация продуктов их синтезирования – свойств целостности. Однако именно это как нельзя более точно и полно воплощено в том, каким образом становится возможным репрезентирование временной «оси» и, следовательно, репрезентация самого времени – как того, что существует, течет, является реальностью и пр. Действительно, как мы показали выше, само осознание чего-либо порождает его настоящесть не только в содержательной коннотации, но и во временном плане – возникает сам феномен настоящего как одного из трех временных локусов. Причем, поскольку это – настоящее не только во временном, но и в содержательном смысле, то оно непосредственно презентировано и вообще составляет субъективную несомненность как таковую. Это настоящее во временном смысле также непосредственно ощущается – оно субъективно дано и более того, составляет эту данность как таковую. Однако – что также показано выше, само это «временное настоящее» объективно сопряжено, так сказать, со временным *не-настоящим* – того чего нет в нем, содержание чего не репрезентируется в данный момент, что не является этим темпоральным локусом – того, чего либо уже нет, либо еще нет, то есть с прошлым и будущим. Тем самым, однако, конституируются именно эти три темпоральных локуса, внутри которых – в пределах каждого из них самого времени – как течения, длительности, длениа как таковой нет. Более того, здесь возникает и известный парадокс – как возможно время, если прошлого уже нет, будущего еще нет, а настоящее – мгновенно и потому неуловимо. Фактически, ни одна «часть времени» не репрезентируема, тогда как время столь же очевидно ощущаемо. Дело в том, что здесь как раз и действует механизм порождения системных качеств. *Интеграция* частей временной «оси», каждая из которых не характеризуется атрибутами времени, приводит к *выходу* за пределы их качественной определенности и к формированию таких качеств, которые отсутствуют у них по отдельности, но которые присущи их синтезу. Время и его репрезентация в этом плане как раз и выступает типичным проявлением – одним из важнейших продуктов, который обусловлен механизмом системных качеств. Все основные атрибуты времени являются поэтому по своей природе именно системными качествами, возникающими вследствие

интеграции трех временных локусов, то есть на уровне их интеграции, но не присущие каждому из них по отдельности. Однако сами эти локусы возникают после и на основе того, как посредством осознания возникает феномен настоящего как базовый из этих локусов, а затем и также на основе него – и два других локуса. Само же настоящее в темпоральном смысле представляет собой единство с настоящим в его содержательном смысле, а оно, в свою очередь, является непосредственно данным и вообще является самой этой непосредственной данностью. За счет этого возникают все необходимые предпосылки для того, что, казалось бы, невозможно: восприятие не воспринимаемого, все же становится возможным, а столь неосозаемая сущность как время становится не престо ощущаемой – субъективно представленной, но и во многом и составляет саму эту представленность.

Вместе с тем, констатация этого – значимого, по нашему мнению, механизма не только решает ряд вопросов, но и ставит новые – еще более сложные вопросы. И, безусловно, главным и наиболее трудным из них является вопрос о том, как и почему сами системные качества – в данном случае темпоральные становятся ощущаемыми, чувствуемыми. Дело в том, что еще одной важнейшей чертой системных качеств как таковых является их так называемый «чувственно-сверхчувственный» характер. Они, скалываясь, в конечном итоге, на базе чувственных репрезентаций, тем не менее, выходят за них – возвышаются над ними и являются, в основном, подчеркнута идеальными образованиями. Тем не менее, они при этом все же являются и непосредственно данными, причем в еще более очевидной степени, чем сами чувственные качества. Они во многом и составляют содержание идеального как наиболее несомненной субъективной реальности. Другими словами, при этом возникает хорошо осознанная в теории системности и фундаментальная по своему статусу проблема, смысл которой состоит в том, каким образом идеальное, несмотря на его сверхчувственный характер, становится, тем не менее, чувственно данным. Это – проблема обретения идеальным свойства чувственной данности, проблема механизмов сензитивности к идеальному. Она – именно по причине ее определяющей значимости заслуживает специального рассмотрения, что и будет осуществлено в параграфе 6.4. Пока же продолжим анализ того, каким образом механизм окачествления приводит к порождению субъективного времени в целом и его основных уровней, в частности.

Действительно, возвращаясь к анализу той роли, которую играют системные качества в конституировании феномена субъективного времени, отметим еще два – также существенных ее аспекта<sup>127</sup>. Первый из них непосредственно связан не только с самой природой системных качеств, но и с одним из базовых атрибутов сознания – его *трансцендентностью*. Как известно, трансцендентность состоит в одном из важнейших свойств сознания, заключающемся в его способности к постоянному выходу за пределы самого себя, в перманентном преодолении собственных границ<sup>128</sup>.

Трансцендентность сознания означает, что оно одновременно представляет собой и то, что «оно есть», и «выход за то, чем оно является». Осознание чего-либо возможно лишь на основе выхода за содержание самого осознаваемого; само же осознание чего-либо – это также выход за пределы осознаваемого содержания. Подчеркнем, что само свойство трансцендентности отражает, действительно, основополагающую и многократно верифицированную характеристику сознания. Вместе с тем, нельзя не видеть, что сама трансцендентальность является, фактически, *alter ego* его бытия именно как *процесса* (а не как статического образования, не как относительно фиксированного состояния). Действительно, трансценденция как таковая предполагает не только и даже не столько интеграцию какого-либо содержания, но и процесс включения этого содержания в какой-либо метаконтекст. Именно это включение приводит к тому, что в его результате, то есть на следующем этапе процесса, возникает новое содержание, которое также начинает осознаваться. В этой связи очень глубокой и емкой является мысль М. К. Мамардашвили: «Сознание или сознательное восприятие есть возможность большего сознания, то есть возможность воспроизводства и расширения в объеме себе подобного» [351].

---

<sup>127</sup> При их рассмотрении нам придется обращаться к тем материалам, которые уже были рассмотрены в параграфе 3.4. в связи с проблемой соотношения базовых атрибутов сознания и основных свойств, присущих системным качествам. Вместе с тем, конечно, они будут привлекаться лишь в той мере, которая необходима и достаточна для целей проводимого здесь анализа.

<sup>128</sup> Данный атрибут отражен во многих определениях и выражениях. Так, в частности, отмечается, что сознание в любой момент – другое, чем в прошлый момент; что сознание – это всегда выход за самоё себя; что сознание – это всегда другое по отношению к себе [352].

Итак, можно видеть, что трансцендентность не просто связана с важнейшим атрибутом системных качеств – с генерацией нового содержания, новых свойств за счет интегративных эффектов, составляющих самую их суть, но, фактически, во многом попросту и *является* им, точнее, – формой его реализации в психике. Другими словами, она выступает на уровне сознания формой бытия этой атрибутивной особенности системных качеств; она является, так сказать, этим атрибутом «в действии». В результате данное *свойство*, присущее системным качествам, становится *средством* и даже механизмом, присущим носителю (в данном случае – сознанию) и, следовательно, неотъемлемым компонентом его содержания, обретая *онтологический* статус. Подчеркнем также, что в этом проявляется и еще одна особенность глубинной общности атрибутов системных качеств и сознания. Это – их тесная взаимосвязь и взаимополагаемость, а также наличие многочисленных «зон перекрытия» в их содержании. Так, в частности, можно видеть, что сама трансцендентность объективно и, фактически, нерасторжимо сопряжена с эмерджентностью, поскольку «выход за наличное» (как проявления первой) невозможен без генерации нового (как проявления второй). Вместе с тем, данное свойство нерасторжимо сопряжено и с темпральностью как таковой. Дело в том, что само порождение нового, что и является важнейшим критерием системных качеств, выступает и собственно временным актом, поскольку его возникновение – это именно процесс появления того, чего *еще* не было, но *затем* стало, то есть переход от одного состояния к другому. Он, как и любой иной *переход* – это, прежде всего именно *ход*, то есть специфически временная сущность.

Таким образом, уже в самой сути системных качеств заложена темпоральность, поскольку они возможны только как временные – темпоральные образования. Более того, они в известной степени и порождают саму темпоральность, поскольку они – но уже в субстанциональном плане и означают переход системы из одного состояния в другое, а тем самым и генерируют протяженность – сукцесированность бытия. Поэтому есть основания полагать, что именно системные качества являются не только основой для сознания и его атрибутов, но и для конституирования субъективного времени (а быть может и для времени как такового – в том числе и объективного). Возникновение системных качеств – это всегда переход системы из одного

состояния в другое, то есть элементарный акт ее бытия, но не только *акт* как таковой, а *такт*, то есть временная сущность. Совокупность таких переходов как раз и образует протяженность, течение, то есть временную «ось» как таковую. Как мы отмечали в главе 4, именно следование двух состояний, равно как и переход между ними, является относительно простейшим компонентом временной организации в целом и архитектоники темпоральной системности, в частности. Тем самым очевидна связь системных качеств с темпоральностью даже в ее наиболее простых и потому базовых аспектах – в самом ее фундаменте.

С позиций развитых представлений, далее, эксплицируются глубинные детерминационные отношения этого же базового атрибута системных качеств с еще одной важнейшей особенностью сознания. Она, правда, не входит в традиционный перечень его атрибутов, хотя по степени обобщенности и специфичности природе сознания имеет, фактически, тот же статус, что и они. Чаще всего она обозначается понятием *потока сознания*, в котором отражена важнейшая особенность сознания – его *непрерывность* [176]. В сознании «выход за наличное» посредством генерации нового – трансценденции сопровождается сохранением старого (за счет мнемических средств), а само новое обретает смысл и вообще осознается только на основе связи с ним и в его контексте. Тем самым, обеспечивается преемственность нового и старого, что и лежит в основу непрерывности – ощущения «потока сознания» а в более общем плане и в ощущении непрерывности опыта, его внутренней связанности и устойчивости Я во времени. Кроме того, в свете данного свойства сознание эксплицируется как принадлежащее к особому классу систем – к динамическим системам с трансформирующимся содержанием и сменной детерминацией [543].

Другой и столь же существенный по отношению к исследованию проблемы субъективного времени аспект взаимосвязи системных качеств и основных атрибутов сознания состоит в следующем. Дело в том, что еще одним – также важнейшим свойством системных качеств является атрибутивно присущая им *целостность*. Более того, оно является в известном смысле генетически *первичным* по отношению ко многим иным его свойствам [335]. Дело в том, что по своей природе системные качества – это такие свойства, которые существуют и обнаруживаются именно на уровне *целого*, по отношению к *целостности* и вообще являются «функцией от целостности».

Эксплицируя некоторую сущность как целое, они сами не могут быть расчленены – декомпозированы на части без утраты их качественной определенности – в этом случае они попросту перестают быть тем, чем они, в действительности, являются. Кроме того, системные качества, как следует из их базового определения, это всегда продукт определенной интеграции. Сама же интеграция, фактически, также по определению, не может быть расчленена на какие-либо части, а выступает как единоподчиненный процесс. В противном случае имела бы место, так сказать, «дифференцированная интеграция», что, конечно, лишено смысла. Интеграция всегда ведет к целому, а в основе целого и целостности всегда лежит интеграция. Однако именно это как раз и составляет одну из важнейших и феноменологически бесспорных особенностей и самого сознания – оно целостно и едино, что обеспечивает важнейший атрибут личности в норме – субъектность как таковую, ее «самость». За счет этого достигается ощущение внутренней целостности и единства внутреннего мира.

Именно эти закономерности не только очень полно и рельефно проявляются и по отношению к сознанию, но во многом вообще образуют – конституируют его качественную определенность. Действительно, важной и очень специфической особенностью сознания, составляющей одну из граней его качественной определенности, является то, что оно выступает не просто *одним* из феноменов интегративного типа, а рассматривается (и совершенно по праву) как *высшая* форма и ступень интегративной целостности. Оно феноменологически всегда ощущается, репрезентируется как нечто целостное и неделимое, а через это достигается целостность и неделимость самопрезентации внутреннего мира. Прямым следствием этого является и то – многократно описанное и проинтерпретированное свойство психики в целом и сознания, в особенности, которое обозначается понятием *одноканальности*, «однофокусности» функционирования [512]. Конечно, такого рода «фокусы» могут непрерывно и очень быстро меняться (что составляет, как известно, феномен переключаемости сознания), но сам факт данной закономерности остается неизменным. В этом проявляется еще одна грань взаимопологаемости основных свойств системных качеств и базовых атрибутов сознания. Она состоит в том, что не только уже известные особенности системных качеств проявляются или воплощаются в атрибутивных чертах сознания,

но и само сознание может и должно рассматриваться в качестве своеобразного источника для обнаружения новых, дополнительных особенностей этих качеств. Становится очевидной имплицитная, глубинная связь, доходящая до степени взаимной конгруэнтности, между другим и также одним из важнейших принципов организации сознания и сущностными особенностями системных качеств. Речь идет о таком принципе, который по-разному обозначается и получает различающиеся в деталях конкретные экспликации, но суть которого остается постоянной. Чаще всего он обозначается как принцип *однофокусности* (или одноканальности) сознания. Суть этого принципа состоит в том, что в каждый конкретный момент времени четкому осознанию доступен лишь какой-либо один фрагмент, одна «составляющая» содержания психики, одно смысловое направление. Интеграция, если это, действительно, интеграция в полном и строгом смысле слова, всегда реализуется как нечто целостное а потому – единое и дающее на выходе аналогичный эффект – эффект целостности.

Далее, при этом имеет место и не менее известный механизм *фигуро-фоновых* отношений, согласно которому осознание выступает как выделение чего-либо в качестве «фигуры», обязательно предполагающее, однако, перевод всего остального в статус «фона». Действие указанного принципа по отношению к обеспечению процесса осознания означает следующее. Интеграция и организация ряда актуально переживаемых содержаний – знаний и любых иных компонентов субъективного опыта, а также порождение в ее результате нового осознаваемого содержания обязательно предполагают двуединый процесс. С одной стороны, он обязательно приводит к выделению какого-либо одного фрагмента, одного результата (в соответствии с принципом однофокусности) в качестве «фигуры» и к столь же обязательному переводу всех иных фрагментов в статус «фона». Следовательно, само осознание может осуществляться лишь в том случае, если все актуально презентированные фрагменты за исключением одного будут переведены из актуальной формы в потенциальную, латентную. Лишь в этом случае возможно само осознание – либо того или иного фрагмента, уже существующего в опыте; либо нового фрагмента, формирующегося по типу генерации, продукции (а не репродукции). И, хотя отнюдь не все исследователи единодушны в отношении к данному принципу, а сам он иногда подвергается сомнению или даже вообще

отвергается, тем не мене, очень трудно спорить с его *феноменологически* бесспорной представленностью, с самим его наличием как фактом именно *субъективной* реальности.

Таким образом, можно видеть, что с позиций сформулированных представлений получает свое объяснение еще одно важнейшее свойство системной формы организации в целом – принципиальная *динамичность*, представленность в форме функциональной организации и, соответственно, во временном «измерении». Однако легко видеть, что эта же закономерность отчетливо и феноменологически явно представлена и по отношению к функциональной организации сознания. Она не только проявляется в уже проанализированных атрибутах сознания (эмержентности, трансцендентности, непрерывности), но и, фактически, лежит в их основе. Кроме того, эта закономерность в сочетании с отмеченным выше принципом однофокусности – одноканальности сознания является важной детерминантой конституирования и такого важнейшего феномена как *субъективное время*. Действительно, согласно ему, в каждый отдельно взятый момент, «в фокусе» сознания может быть локализована лишь одна цель и, соответственно, одно *психическое настоящее*. Однако, эти цели могут последовательно сменять друг друга, меняя тем самым и «фокус» осознания, а следовательно, – изменяя и психическое настоящее. Такие перманентные трансформации и образуют саму последовательность субъективного времени. Точнее – само субъективное время во многом и *конституируется* последовательностью различных репрезентаций психического настоящего.

Итак, на основе проведенного анализа эффектов и закономерностей, к которым приводит механизм окачества по отношению к трем базовым уровням организации психики – уровню сенсорики, его процессуального содержания и сознания, вновь с очевидностью вырисовывается обстоятельство наиболее общего и принципиального плана. Оно состоит в том, эти уровни, а точнее – те образования и структуры, которые их образуют, могут и должны быть рассмотрены как итоговые эффекты действия данного механизма по отношению, соответственно, к субстанциональным, функциональным и системным качествам как трем базовым типам качеств в целом. Они, в свою очередь, транспонируясь на эти уровни – подвергаясь, хотя и специфической, но именно онтологизации – становясь субъективной реальностью, поэтому не только лежат в ее основе,

но и являются ей, точнее – тремя ее важнейшими составляющими. Однако, становясь ими, они синтезируют в себе два основных измерения субъективной реальности, два базовых типа его организации – субстанциональную и темпоральную. Они представлены в этих образованиях во взаимопологаемости и а нерасторжимом единстве. Генерируясь первично в качестве субстанциональных составляющих психического, они столь же исходно несут на себе и в себе атрибут темпоральности, являются и специфически временными образованиями.

Однако анализ только этой триады пока не охватывает иные и также основные и фундаментальные по значимости и сферы психического – уровни его организации и, соответственно, сферы субъективной реальности. Это, прежде всего, такая важнейшая сфера психического, каковой выступает *бессознательное*. Кроме того, вне его сферы остаются пока и еще два базовых типа качеств – виртуальные и метасистемные, которые, как показано выше, также играют значимую роль в структуре и содержании онтологии психического. Следовательно, к ним и к их роли в порождении феномена субъективного времени теперь необходимо перейти. При этом отметим также, что, поскольку их характеристика в общем плане уже была дана выше – в главе 3, то в ходе последующего рассмотрения мы будем опираться на нее, конкретизируя ее по отношению к проблеме субъективного времени.

Так, в этом плане необходимо напомнить, что одним из итогов проведенного в параграфе 3.6. рассмотрения явилась не только экспликация содержания и специфики одного из этих типов качеств – виртуальных, но и выявление его органичного соответствия с одной из базовых сфер (и уровнем) организации психического – со сферой бессознательного. При этом сама сфера бессознательного как раз и выступает сосредоточием виртуального содержания психики и, соответственно, – носителем виртуальных качеств. В форме бессознательного психическое существо обогатит общий арсенал своих качеств, повышает степень своей качественной гетерогении; в него включается также и еще один базовый тип качеств – виртуальные. В свою очередь, это означает, что существует прямая – закономерная и очень естественная, то есть, фактически, атрибутивная связь понятия виртуальных качеств с одним из наиболее общих и важных *принципов* структурно-функциональной организации психики. Им является, фундаментальный принцип ее дифференциации на *осозна-*

*ваемую и неосознаваемую* сферы, на сознательное и бессознательное. Посредством него как раз и обеспечивается реализация в организации психики базового феномена (и механизма) виртуальности. Он, в свою очередь, резко повышает ее функциональные возможности.

Главной особенностью виртуальных качеств в целом является то, что они составляют такой аспект общей качественной определенности систем, который, с одной атрибутивно присущ ей; с другой стороны, актуально он может вообще не обнаруживать себя в тот или иной интервал времени. Однако, то, что эти качества не обнаруживаются актуально и не составляют поэтому аспект качественной определенности системы в тот или иной момент (в тех или иных условиях), отнюдь не означает, что они не существуют *вообще* и не могут быть эксплицированы в другой момент и в других условиях. Иными словами, эти качества обладают еще и свойством *темпоральной относительности*: они не абсолютны, а относительны во временном отношении.

Еще одна важная их особенность состоит в том, что, не эксплицируясь, фактически, никак – ни объективно, ни даже субъективно, они, тем не менее, оказывают скрытое, латентное – *опосредствующее* воздействие на иные структуры, процессы и их качественные проявления. «Оставаясь в тени» и будучи представленными в латентной форме, они, тем не менее, оказывают очень существенное детерминирующее воздействие на функционирование систем. Они поэтому ничуть не менее реальны, чем все иные категории качеств – являются вполне материальными, субстанциональными в этом плане. Вместе с тем, действительная «хитрость» этих качеств состоит в том, что основной формой их существования выступает не *экспликация*, то есть именно проявление (что как раз и составляет суть всех иных категорий качеств как того, в чем нечто именно проявляется), а *импликация*. Они выступают как такие характеристики, которые являются никак не объективированными (и, добавим – не субъективированными). Они потому существуют лишь как фон, как потенция, то есть как «виртуальность, чреватая реальностью», но не как сама эта реальность.

Другой очень характерной особенностью виртуальных качеств (а также элементного уровня) является их *обратимость* по отношению, соответственно, к материальным (субстанциональным) качествам и к компонентному уровню. Особенно отчетливо данная особенность проявляется именно в собственно психологической

проблематике. Классическим примером этого выступает фундаментальное явление *автоматизации*, выработки навыка и связанное с ним очень важное психологическое понятие – понятие *операций*. Оно как раз – представляет собой перевод действий из статуса компонентов деятельности в статус ее элементов, то есть в психологические операции. Их сущность в том и состоит, что они, как известно, практически утрачивают все основные атрибуты качественной определенности самой деятельности. Кроме того, очень характерно, что этот перевод является одновременно и обратимым<sup>129</sup>.

Дополнительные и также важные особенности виртуальных качеств раскрываются посредством их сопоставления с материальными качествами. Так, выше мы уже отмечали, что важными категориальными средствами познания является ряд «оппозиционные пар» общенаучных понятий. Это понятия актуального и потенциального, реального – виртуального, имплицитного и эксплицитного, латентного и экстенстного, феноменального и ноуменального. В них – в предельно общем виде зафиксирован фундаментальный по своей значимости факт, состоящий в следующем. Даже то, что обозначается понятием материальных качеств и, соответственно, то, что составляет, так сказать, «самость» любого объекта – его глубинную сущность и атрибутивную качественную определенность, не является абсолютным и безусловно данным – существующим «самим по себе», но лишь *относительным*. Онтологическое (материализованное) содержание и, соответственно, те качества, в которых оно репрезентируется (субстанциональные) также в определенном смысле относительны. Дело в том, что сами они могут обнаруживать себя, а тем самым – и существовать лишь во взаимодействии с другими объектами, в процессе взаимодействия с ними как таковым.

Вместе с тем, это вовсе не означает, что они не существуют и «сами по себе». Вся суть проблемы и ее истинная сложность как раз и заключается в том, что сами материальные качества – материализованные и эксплицированные проявления объектов как фрагментов объективной реальности нельзя трактовать как полностью тождественные *всей* объективной реальности как таковой. Качества объектов и сами они могут существовать, но не быть воплощенными

---

<sup>129</sup> Напомним, что данное явление, равно как и само понятие операций, было подвергнуто специальному анализу в параграфе 3.6.

ми в материальных качествах. Они могут быть представлены не как актуальное (реальное, эксплицитное) существование, а как существование иного плана – виртуальное. То, что в этой форме объекты и их свойства как бы «молчат», то есть никак не обнаруживают себя, не означает, однако, что их нет. Материализованная форма существования, представленная в актуальном взаимодействии и, соответственно, в материальных (субстанциональных) качествах – это лишь одна из форм существования. Второй, не менее значимой его формой является виртуальная форма. Более того, в определенном смысле в ней представлен даже более широкий спектр качественных характеристик объекта: не только те, которые уже проявились в реальности – в уже «свершившихся» его взаимодействиях с иными объектами. В ней *имплицитно* заложены и те возможные характеристики, которые потенциально могут проявиться во многих иных взаимодействиях. Виртуальное – возможное содержание любой системы в известном смысле даже богаче, нежели то, которое уже эксплицировано – проявилось, то есть богаче ее уже реализованного (и в этом смысле – реального) содержания. Так, включаясь во все новые онтологические контексты, тот или иной объект, та или иная система обнаруживает все новые свои грани. Они раскрываются во все новом содержании, которое, однако, уже имплицитно представлено в них, но не было эксплицировано, не переведено в его реальное содержание<sup>130</sup>.

Отсюда, однако, с логической необходимостью вытекает достаточно значимое следствие. Любой объект, любая система, наряду со своими материализованными – реально представленными и эксплицированными качествами (материальными, субстанциональными), характеризуется и еще одной категорией качеств – виртуальными. Для их корректного осмысления и правильной интерпретации необходимо, однако, учитывать уже не раз констатированную выше двойственность природы любых типов качеств. Так и виртуальные

---

<sup>130</sup> В связи с этим, следует, конечно, подчеркнуть, что существуют своего рода «предшественники» и даже в известном смысле – аналоги понятия виртуальных качеств. Это, прежде всего, понятие *скрытых качеств* (Д. Юм, Дж. Беркли [75, 631, 632]). Данное обстоятельство, на наш взгляд, весьма существенно, поскольку оно выступает как важный аргумент в пользу существования данного типа качеств, а также средством верификации развиваемых в данной главе положений о возможной незавершенности представлений о таксономии основных типов качеств.

качества, с одной стороны, являются, естественно, и материальными. Однако, с другой стороны, они обладают принципиально новыми по отношению к ним, то есть в прямом – этимологическом смысле качественно иными особенностями. Во-первых, как отмечалось, они обладают свойством временной относительности. Во-вторых, они носят принципиально релятивистский характер и обусловлены фактом либо наличия, либо отсутствия взаимодействия их носителя (объекта, системы) с иными объектами. Они поэтому одновременно и существуют и не существуют. Они *не существуют* как нечто реальное, актуальное, эксплицитное. Однако они же *существуют* как нечто виртуальное, латентное, имплицитное. Причем, строго говоря, любой объект, взятый в аспекте его виртуальных качеств, не только богаче его же самого, но взятого в совокупности материальных – реальных качеств, но и, фактически, неисчерпаем по своему содержанию.

В связи с этим, возникает, однако, еще более сложный и глубокий вопрос, смысл которого состоит в следующем. Почему и как на этом уровне и в этом типе репрезентаций обеспечивается – пусть и очень специфическая, но именно данность психики самой себе, ее самосензитивность? Вместе с тем, с позиций развитых выше представлений открываются возможности для ответа и на него. Действительно, в этом плане сама собой напрашивается аналогия (которая, в действительности, по нашему мнению, является более, чем просто аналогией) между этой особенностью виртуальных качеств и дифференциацией чувствительности как таковой, произведенной Г. Хэдом, на *протопатическую* и *эпикритическую* (по [598]). Эпикритическая чувствительность лежит в основе дифференцированных ощущений, а протопатическая – в основе аморфных и нерасчлененных, недифференцированных ощущений: это, так сказать, ощущение в чистом виде, в известной степени «освобожденное» от его содержательной наполненности. По-видимому, по аналогии с этим, можно дифференцировать и формы репрезентации субъективной реальности на два основных типа. Первый – это сензитивность к *содержанию* качеств, представленному в самых разнообразных его формах и модусах. Второй – это сензитивность к самому факту такой презентации. Это – репрезентация самого *факта данности*, но не того, какое именно содержание составляет эту данность. Тем самым, она образует своего рода *проторепрезентацию*. Для того, чтобы быть фрагментом субъективной реальности данной

форме «ничего не нужно», поскольку она сама и *есть* эта реальность. В ней утрачивается разделение на *чувствуемое* и *чувствующее*, на презентуемое и презентующее – они синтезируются в одной и той же сущности<sup>131</sup>. Глубинный смысл того, что именно качества выступают основной «единицей» субъективной реальности, в том и состоит, что для их репрезентации не нужно ничего иного, кроме них же самих. Они и есть сама данность, репрезентированность. Тем самым с очевидностью открываются дополнительные возможности для более полного понимания свойства самосензитивности<sup>132</sup>. Здесь оно представлено как ощущение наличия некоторого содержания как таковое, но не ощущение его самого. В частности, несомненными феноменологическими референтами такого рода проточувствительности являются известные феномены типа «чувства знания», раскрытые в метакогнитивизме; понятия имплицитных, «тихих», латентных знаний. В целом виртуальные качества представлены в структуре психики не по типу экспликации ее содержания, а по типу импликации.

На основе всего изложенного с достаточно высокой степенью очевидности эксплицируется прямая – очень естественная и принципиальная, то есть, фактически, атрибутивная связь понятия виртуальных качеств с одним из наиболее общих и важных принципов структурно-функциональной организации психики. Это, разумеется, фундаментальный принцип ее дифференциации на *осознаваемую* и *неосознаваемую* сферы, на сознательное и бессознательное. Посредством него как раз и обеспечивается реализации в организации психики базового феномена (и механизма) виртуальности. При этом сама сфера

---

<sup>131</sup> Вообще говоря, сама по себе дифференциация на них, являющаяся очень традиционной и прочной – даже инерционной и обусловлена, в конечном итоге, еще более традиционной для психологии дифференциацией субъекта и объекта. Еще точнее было бы сказать, что не столько ей самой, сколько ее неоправданной экспансией, фактически, на все формы и виды, уровни и кассы взаимодействия человека с миром (в том числе, и с внутренним). Как известно, именно об этом в свое время предупреждал С. Л. Рубинштейн, указывая на опасность ошибки *онтологизации* понятия субъекта [482].

<sup>132</sup> Кроме того, появляются дополнительные возможности и для решения одной из наиболее традиционных проблем психологии сознания, которая обычно означает как «проблема гомункулуса» и которую мы уже рассматривали в параграфе 3.3.

бессознательного выступает сосредоточием виртуального содержания психики и, соответственно, – комплексным носителем виртуальных качеств. Дифференциация психики на осознаваемый и неосознаваемый уровни вообще является, по-видимому, одним из величайших эволюционных завоеваний. Причем, в действительности, его истинный смысл и «истинное величие» состоит не только в том – традиционном мнении, что в результате этого возникает *сознание*. Дело еще и в том, что в результате этого же возникает также и *бессознательное*, которое, собственно говоря, и позволяет реализовать в общей структурно-уровневой организации психики принцип (и механизм) виртуальности как таковой. В форме бессознательного психическое существенно обогащает общий арсенал своих качеств, повышает степень своей качественной гетерогенности; в него включается также и еще один базовый тип качеств – виртуальные. За счет этого кардинально расширяются информационные возможности психики, очень существенно повышается ее функциональный потенциал. В конечном счете, это приводит и к возникновению столь же фундаментального феномена *знаний*, а также и *сознания* в целом (см. подробнее ниже). Кроме того, связь виртуальных качеств как одного из их основных типов с бессознательным носит еще более очевидный и явно представленный характер, чем связь всех иных их типов с соответствующими им уровнями организации психики.

Виртуальная форма существования информации психического, репрезентированная в психике в виде бессознательного, с одной стороны, обеспечивает беспрецедентное расширение возможностей по фиксации в ней информации, с другой стороны, она создает необходимые и достаточные условия для фундаментального механизма переработки информации (механизма обратимого перевода осознаваемого в неосознаваемое). Он, в свою очередь, носит именно генеративно-порождающий – продуктивный характер. Дело в том, что он обуславливает возможность «выхода за наличное» содержание и возникновение принципиально нового содержания. Оно, в свою очередь, выступая как некоторая реальность, неразрывно сопряжено и с генерацией ее собственно временного параметра, то есть, фактически, субъективного времени как такового.

Атрибутивное подобие бессознательной формы (и, соответственно, уровня) организации психического и виртуальных качеств заключается и в еще одной – ключевой их особенности. Как известно,

дифференциация бессознательного имеет смысл лишь в соотношении с сознательным, а его фундаментальной особенностью является свойство *обратимости* [80, 366]. Оно состоит в том, что содержание бессознательного может переводиться в осознаваемую форму, и наоборот. Собственно говоря, взаимообратимый перевод этих двух форм вообще лежит в основе всей функциональной организации психики. Однако, именно *этим* же свойством – обратимости обладают и качества как таковые. Они, как отмечалось выше, могут существовать, то есть актуально проявляться в один момент времени, в одних режимах и не проявляться – не существовать в других. Они производны от актуально складывающихся взаимодействий их носителя с иными носителями, объектами. Иначе говоря, качества обладают свойством *темпоральной относительности*. Более того, в известном смысле они являются и *онтологически относительными*. Перевод их из актуальной формы в потенциальную, и обратно, – это, следовательно, важнейший атрибут качеств как таковых. Они не являются, так сказать, «абсолютно» актуальными, то есть существующими постоянно (что, напротив, очень характерно и даже необходимо для их носителя – объекта). Формы их существования – актуальная и потенциальная, реальная и виртуальная обратимы, а переходы из одной формы в другую определяются складывавшимися конфигурациями взаимодействия их носителей с другими объектами и внешними условиями и факторами их существования. Кроме того, подчеркнем, что эта особенность – обратимость как раз и является наиболее выраженной в виртуальных качествах; они вообще являются ее своеобразным апогеем, а в известной степени – и воплощением. В связи с этим необходимо заключить также, что имеет место не только естественное и закономерное соответствие этих качеств со сферой бессознательного. Не менее значимо и то, что имеет место также соответствие базового атрибута качеств как таковых (их темпоральной относительности и, соответственно, временной обратимости) с наиболее общим принципом функциональной организации психики – с принципом *обратимого перевода* двух форм, двух уровней ее организации – бессознательного и осознаваемого.

Таким образом, на основе всего изложенного можно сделать общее заключение о той – действительно основополагающей роли, которую играют виртуальные качества в порождении и функционировании онтологии психического в целом и одной из его основных

сфер – бессознательного, в особенности. И именно этим обстоятельством определяется также и их определяющая роль в конституировании феномена субъективного времени.

Далее, очень показательным и доказательным в плане развиваемого в данной работе методологического подхода, что роль механизма окачествления в конституировании субъективного времени максимально рельефно эксплицируется по отношению к еще одному типу качеств – метасистемным. Более того, сам феномен субъективного времени раскрывается как необходимое и естественное следствие метасистемного принципа организации психического, что, напомним, уже было констатировано и в главе 3. В связи с принципиальностью данного положения, напомним его суть, подвергнув, однако, рассмотренные материалы необходимой конкретизации.

Так, в ней было эксплицировано наиболее важное и принципиальное положение данного подхода, состоящее в том, что для определенного класса систем в их собственное содержание может функционально включаться – встраиваться та метасистема, которая является по отношению к ним онтологически представленной целостностью. В свою очередь, это означает, что система – в данном случае психика, воспроизводит в своем собственном содержании ту метасистему, в которую она сама онтологически включена и объективной частью которой она сама является. Причем, сама эта метасистема – объективная реальность репрезентируется в составе и содержании психического отнюдь не только и даже не столько как информация, знания и пр., а именно как сама эта реальность в целом – как нечто настоящее, естественное, целостное, завершенное, осмысленное и т. д. В данной связи показательна уже отмечавшаяся мысль А. Н. Леонтьев, согласно которой «перед человеком – мир, а не мир и картина мира». Другими словами метасистема репрезентируется в системе не как ее «копия», образ, дубликат, модель и пр., а как сама эта реальность во всей ее полноте и естественности. Не менее важно, однако, и то, что такая репрезентивность метасистемы в психике (как системе) во многом подобна или даже фактически, тождественна самому содержанию последней – ее собственной реальности, но уже именно субъективной. Эта репрезентивность «внешнего» (метасистемы) во «внутреннем» (психике) во многом и порождает само «внутреннее». Порождаемая за счет такого встраивания реальность является именно таковой –

именно реальностью, пусть и принципиально иной по своим механизмам и природе – субъективной.

Показательно, что именно как таковая – как реальность она обладает важнейшим атрибутом любой реальности – атрибутом существования: она является тем «настоящим», которое и составляет этот атрибут. Более того, для субъекта его внутренний мир, его субъективная реальность вообще является не только еще более несомненной, но и, строго говоря, вообще единственно данной ему реальностью. Собственно говоря, именно эта – не только максимальная, но и единственная «настоящая» субъективной реальности отражена во многих философских доктринах, а наиболее рельефное выражение получило в декартовском *cogito ergo sum*. Другими словами, именно благодаря механизму встраивания метасистемы в систему, то есть на основе мультиплицирования первой во второй, и возникает то «максимально настоящее», что не подлежит никакому сомнению как реальность, пусть и субъективная. Более того, эта реальность, повторяем, предельно реальна и вообще составляет ее как таковую. Она, так сказать, «просто есть», существует и составляет основу существования субъективной реальности как таковой. Однако именно это – ее несомненное существование означает и то, что любое – вновь возникающее взаимодействие субъекта с объективной реальностью оказывается сопряженным с ней и опосредствованным ей. Она – как уже существующее и, повторяем, во многом образующее само существование психического – саму субъективную реальность, данную как нечто несомненное – настоящее, фактически, всегда *предшествует* любому *вновь* возникающему взаимодействию с объективной реальностью. В результате этого любое актуальное взаимодействие субъекта с объективной реальностью (как именно с актуальным настоящим, образующим феномен, который иногда обозначается как «сейчас», «теперь-момент»), оказывается сопряженным с еще одним настоящим – с тем, что и составляет содержание репрезентированности объективной реальности в реальности субъективной. Тем самым, порождается еще один очень важный, но все же частный случай фундаментального феномена (точнее – механизма) *удвоения реальности*, который максимально характерен для психического в целом. В данном случае он состоит в порождении двух настоящих и, следовательно, в субъективной дифференциации исходно единого настоящего на два локуса. Одно настоящее – это то, что уже существует и представлено в психике как системе,

мультиплицирующей содержание метасистемы (объективной реальности). Оно отображает и воплощает определенное состояние и объективной и субъективной реальности, которое предшествует любому вновь возникающему взаимодействию субъекта с объективной реальностью и опосредствует его. Другое настоящее – это актуальное содержание того или иного взаимодействия субъекта с объективной реальностью, которое имеет место в каждый момент его развертывания. В результате само настоящее удваивается – расщепляется и растягивается. Причем, тот его модус, который уже представлен в психическом и составляет его содержание, предшествуя любому вновь возникающему актуальному взаимодействию, для самого субъекта не только не менее, но и более реален – он, собственно говоря, и образует эту реальность. Нет ничего более настоящего для субъекта, чем его внутренний мир, который, собственно говоря, во многом и образован встроенностью в психику объективной реальности.

Однако, именно в этом случае – точнее за счет всего этого, в содержании самой психики сама объективная реальность оказывается представленной дважды – как нечто уже имеющееся, существующее, наличное, данное, с одной стороны и как нечто пока отсутствующее, но актуально переживаемое в каждый момент – выступающее результатом актуального взаимодействия с внешней средой. Любое актуальное взаимодействие, образующее содержание субъективной реальности в настоящем (момент «теперь») оказывается объективно сопряженным с уже состоявшимся существованием – столь же настоящим, как и актуально представленное настоящее. Тем самым, однако, в составе и содержании психического всегда – причем, совершенно объективно оказываются представленными *две репрезентации* реальности – уже существующая и вновь порождаемая в каждый актуальный момент развертывания ее взаимодействия с миром. Между этими двумя репрезентациями метасистемы (объективной реальности) столь же объективно возникают определенные отношения, а наиболее общими из них как раз и выступают отношения *следования*, последовательности. Они, в конечном счете, и являются наиболее глубинной детерминантной главного атрибута времени в целом и субъективного времени, в частности, – течения, движения. Он, как можно видеть, может возникать только тогда, когда в системе порождается дифференциация актуальности – ее удвоение, а *точка* настоящего (момент «теперь») трансфор-

мируется в *континуум*. Причем, повторяем еще раз, такое удвоение не является чем-то искусственным и метафорическим. Та репрезентация объективной реальности (метасистемы), которая уже представлена в психике за счет механизма «встраивания» для субъекта не только не менее, а еще более «настояща», чем все иные репрезентации; она во многом и есть сам субъект, его настоящий внутренний мир. Однако и та репрезентация объективной реальности, которая порождается в любом новом акте взаимодействия с объективной реальностью (с актуальным настоящим) также с несомненностью является столь же настоящей. Феномен настоящего расщепляется, раздваивается, а то, что обозначается «настоящим как моментом» растягивается в континуум, что и порождает временную «ось» как таковую.

Вместе с тем, как известно, именно ее порождение во многом и тождественно порождению самого субъективного времени в целом. Другими словами, именно удвоение настоящего – порождение и последующее взаимодействие двух репрезентаций объективной реальности в реальности субъективной как раз и лежит в основе того, что между ними возникают те отношения, которые и образуют главный атрибут времени – течение, дление, «длящесть». Настоящее выступает в двух модусах – как уже представленное в психике и как вновь возникающее в любом вновь возникающем актуальном взаимодействии. Одно из них имеет место перед другим, а значит и раньше него, что тождественно возникновению последовательности, длительности. Без этого – уже существующего состояния второе – вновь возникающее состояние не только невозможно, но и не может породить какие-либо отношения – в том числе и отношения следования, длительности.

Кроме того, на основе этого само актуальное настоящее обретает не только свой собственно временной статус, но и статус содержательный – оно становится не только локусом «теперь», но и содержательной сущностью – таким «теперь», которое наполнено несомненным и именно «настоящим» – реальным и понятным содержанием. Причем, не просто понятным, но и составляющим саму эту понятность – тем, чем и является субъектность. Действительно, осознание себя возможно только на основе соотнесения актуального состояния с тем, что уже есть в себе и, прежде всего, – со знаниями (опытом, внешней информацией и т. д.). Последние, однако, как раз и составляют суть той репрезентации, которая уже представлена

в психике и является продуктом мультиплицирования в ней объективно реальности, «встроенности» в нее.

Именно с этих позиций с очевидностью эксплицируется и еще одно – уже наиболее принципиальное в плане задач данной работы обстоятельство. Сам переход осознаваемого в неосознаваемое, который и лежит в основе аккумуляции информации о метасистеме – это именно переход, а неосознаваемая форма является вторичной и производной от осознаваемой. Она – всегда нечто уже бывшее, то есть *прошлое*, а сама сфера бессознательного выступает с очевидностью как то, что это прошлое и конституирует. Если сознание конституирует психическое настоящее (как один из основных модусов времени), а точнее – является им, то бессознательное также конституирует другой его основной модус – *психическое прошлое* – как в ситуативном, так и в надситуативном плане. Нечто, актуально переживаемое, то есть осознающееся и являющееся настоящим, будучи переведено в бессознательное и перестав осознаваться, автоматически лишается статуса настоящего, но не перестает существовать, обретая иной временной модус – прошлого. Оно становится представленным именно в виртуальных качествах. В этом плане раскрывается и истинная роль операций как одного из важнейших образований и средство психического. Их основной атрибут – это именно неосязаемый характер; следовательно, они не сопровождаются переживанием времени, не образуют факта субъективного времени. Можно сказать также, что перевод каких-либо процессов на уровень операций приводит к редуцированию переживания субъективного времени.

В связи с этим, со всей очевидностью обнаруживается важнейшее, на наш взгляд, обстоятельство. Оно состоит в том, что операции должны быть поняты как типичные представители одной из основных сфер психического – сферы бессознательного, неосознаваемого. Они, в отличие от действий и иных более сложных образований, в том числе и процессуальных, не имеют осознаваемой цели и, следовательно, утрачивают атрибут осознаваемости. Они вообще никак не переживаются и не репрезентируются: они тем самым не входят в «психологическое настоящее», в содержание «состояния сознания» в тот или иной момент времени. Феномен субъективного времени подвергается, пожалуй, наиболее радикальной трансформации, поскольку он не просто тем или иным образом видоизменяется, а практически полностью редуцируется, по крайней мере – феноменологически. Феномен субъек-

ективного времени представлен в полностью инвертированном виде – как отсутствие его переживания. Утрата атрибута осознаваемости автоматически приводит к редукции и самого «ощущения времени» – оно и не только в содержательном, но даже этимологическом смысле «сходит в прошлое». Однако, оно – прошлое тем самым и конституируется, порождается как некоторая – хотя и виртуальная, но реальность.

Таким образом, если в основе одного из трех базовых модусов времени – настоящего лежит сознание, то в основе второго его базового модуса – прошлого лежит бессознательное. Однако и само бессознательное в значительной степени является продуктом и результатом «встраивания» метасистемы (объективной реальности) в структуру и содержание психического, то есть эффектом действия общего принципа его метасистемной организации. Тем самым, базовый модус времени – модус прошлого выступает как необходимое следствие этого принципа; в свою очередь, справедливо и обратное – лишь при условии генерирования этого модуса и на его основе оказывается возможным и существование систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Сам принцип метасистемности с необходимостью предполагает наличие прошлого и во многом базируется на нем. Системы, основанные на нем, характеризуются способностью к аккумуляции прошлого опыта – именно как прошлого, а тем самым – и модус прошлого как один из трех основных модусов времени в целом. В основе такой аккумуляции лежит, в том числе, и механизм автоматизации – формирования бессознательного (как носителя этого прошлого) на основе осознаваемого (как носителя настоящего). Соотношение сознания и бессознательно раскрываются и как соотношения настоящего и прошлого, точнее – лежат в основе порождения и первого, и второго, и их переходов. Метасистемность, с одной стороны, порождает прошлое, а с другой, порождается им. В этом плане, по нашему мнению, необходимо несколько скорректировать и традиционно сложившиеся представления о роли памяти в конституировании прошлого. Как известно, именно ей приписывается определяющая роль в возникновении самого этого феномена. В значительной степени это, конечно, справедливо. Однако, в данной связи сама эта роль, сохраняя свою значимость, должна быть несколько уточнена. Дело в том, что определяющую роль в порождении феномена субъективного времени играет не только она, сколько вся сфера бессознательно в целом, а традиционная проблема

«память и время» должна быть переформулирована и представлена как проблема «бессознательное и время». Оно – бессознательное, конституирует время не только, так сказать, ретроспективным образом – как нечто «уже бывшее» ранее, но и актуально – как соотношение психического настоящего (осознаваемого) с неосознаваемым в данный момент, но бывшем ранее и потому – прошедшим. Однако само оно – не просто прошедшее и потому прошлое; это, так сказать, «прошлое в настоящем» – нечто, виртуально присутствующее в самом акте осознания и делающее его возможными именно как настоящее.

Таким образом, повторяем, если сознание конституирует психическое настоящее (как один из основных модусов времени), а точнее – является им, то бессознательное также конституирует другой его основной модус – психическое прошлое. Субъективное время возникает и становится реальностью только там и тогда, где и когда порождается сам феномен сознания; сознание как субъективная реальность и субъективное время как нечто переживаемое – во многом взаимопрождающие сущности. Отсюда следует, что при редукции свойства осознаваемости редуцируется и само субъективное время. Те психические процессы, которые сопровождаются этим свойством, переживаются и как представленные во времени, а те феномены, которые лишены этого свойства, не генерируют субъективное время. Именно такими образованиями как раз и являются операции. Их основной атрибут – это именно неосознаваемый характер; следовательно, они не сопровождаются переживанием времени, не образуют факта субъективного времени. Можно сказать также, что перевод каких-либо процессов на уровень операций приводит к редуцированию субъективного времени. Они вообще никак не переживаются и не репрезентируются: они тем самым не входят в психологическое настоящее, в содержание «состояния сознания» в тот или иной момент времени. феномен субъективного времени подвергается, пожалуй, наиболее радикальной трансформации, поскольку он не просто тем или иным образом видоизменяется, а практически полностью редуцируется, по крайней мере – феноменологически. Можно сказать, что на этом уровне феномен субъективного времени представлен в полностью инвертированном виде – как его отсутствие. Утрата атрибута осознаваемости автоматически приводит к редукции и самого ощущения времени – это ощущение само «уходит в прошлое» а тем самым – и конституирует его.

В свою очередь, в основе порождения сознания и бессознательного, в конечном счете, лежит механизм окачества, но по отношению к двум разным типам качеств. В основе первого – его действие по отношению к системным качествам, а в основе второго – его действие по отношению к виртуальным качествам. Их окачество – это и есть порождение сферы бессознательного, а она, в свою очередь, составляет основу для конституирования другого базового модуса субъективного времени – уже не психического настоящего, а прошлого. Сам перевод осознаваемого (настоящего) в неосознаваемое – это именно перевод, то есть переход, и следовательно, уход – от начального состояния ко вторичному и трансформация его в прошедшее, прошлое.

Вместе с тем, роль бессознательного и, соответственно, виртуальных качеств в конституировании базовых модусов субъективного времени и его самого в целом не исчерпывается только этим. Дело в том, что на их же основе конституируется и еще один – третий основной его модус – будущее. На первый взгляд, данное заключение может показаться не совсем обоснованным и даже неправдоподобным; однако, существуют веские аргументы в пользу того, что это, действительно, так. В самом деле, одним из основных положений, сложившихся при изучении времени – как объективного, так и субъективного является тезис об относительности, а точнее – о соотносительности и взаимопроизводности трех модусов времени – прошлого, настоящего и будущего. Они имеют смысл только в соотношении друг с другом и вообще конституируются и, следовательно, существуют только как взаимополагаемые друг с другом. В связи с этим, складывается следующая ситуация: та дифференциация самого настоящего, которая была констатирована выше и которая составляет основу для конституирования субъективного времени на актуальное настоящее и виртуальное, то есть на него же, но только в содержательном смысле, эксплицируется в новом качестве. Это – виртуальное содержательное, не будучи эксплицированным на уровне сознания и не составляя тем самым актуального настоящего, тем не менее, для самого субъекта является предельно несомненным – настоящим, истинным, правильным и пр. Более того, оно является еще более настоящим, чем актуальное настоящее, поскольку оно – именно как информация бессознательного, в которой аккумулирован весь опыт личности, все прошлое личности, во многом и составляет ее саму. Тем самым, однако, оно, выступая именно

как настоящее и соотносясь как таковое с содержательным (актуальным) настоящим трансформирует последнее по отношению к самому себя в иной временной модус – будущее. Более того, именно за счет этого и на основе этого оно вообще и конституируется, утрачивая при этом тот флер непонятности и таинственности, который обычно его окружает в связи с загадкой того, каким образом переживается то, чего нет, то есть само будущее. Оно – то же самое настоящее, но по отношению к прошлому, в соотношении с ним, в производности от него. В главе 4 мы уже рассматривали данный аспект, однако теперь – в свете материалов относительно роли основных типов качеств конституировании субъективной реальности они обретают новый смысл и получают дополнительное обоснование.

Наряду с этим, следует констатировать еще один источник – детерминанту конституирования модуса будущего, связанную с виртуальными качествами и сферой бессознательного как их сосредоточением. Дело в том, что в понятии виртуальности заложен и другой смысловой оттенок, который является в этимологическом плане даже первичным. Он состоит в том, что этим понятием обозначается не только та реальность, которой, хотя и нет актуально, но которая может быть, потенциально возможна и, так сказать, уже существует в латентном состоянии – как потенция. В первоначальном смысле, однако, данное понятие восходит к латинскому *virtuoso* – «сильный, добродетельный» (от *virtus* – «добродетель, сила, мужество»), что произведено в свою очередь от *vir* – «мужчина»). Это означает, что виртуальность выступает и носителем сугубо позитивных качеств. Следовательно, в этой коннотации в понятии виртуальности заложена не только «идея будущего», но такого будущего, которое является позитивным, окрашенным в положительные эмоциональные тона – желаемым. Оно не только ожидаемо, но и желанно, к нему субъект стремится, а само оно выступает уже не только как потенция, но и как интенция. В этом плане дополнительное звучание обретает и известный термин «потребного будущего». Дело в том, что то будущее, которое потенциально заложено в настоящем, обычно конституируется таким образом, чтобы преодолеть несовершенства настоящего и тем самым решать адаптационные задачи. Однако в таком случае оно и выступает для субъекта как аналог цели – как того, что требуется достичь и что преодолет несовершенства настоящего. Поэтому оно экспли-

цируется именно как потребное будущее. Очевидна, таким образом, и прямая сопряженность данного понятия с мотивационными аспектами поведения, с мотивационной перспективой личности. Тем самым и временная «ось» выступает в своем мотивационном аспекте и даже – функции. Виртуальность – это то, составляя прошлое личности, содержит предпосылки и даже необходимость для ее же будущего: это то, чего нет пока, но может быть потом. Это поле возможностей которые потенциально осуществимы и чреватые реальностью. Без виртуальности как потенциальной возможности реальности последняя не может обрести свой статус. Поэтому и детерминанты самого будущего как, хотя и виртуальной, но все же реальности, заложены в прошлом, но представлены в нем в потенциальной форме. Более того, они представлены и в такой форме, которая, как следует из вышесказанного, обладает определенным мотивационным смыслом, динамическим потенциалом – требует своей актуализации, то есть перевода из виртуальной формы в реальную. Тем самым, виртуальные качества выступают и как динамический фактор – как фактор не только порождения будущего, но и как детерминанта стремления к нему.

Таким образом, на основе изложенного можно сделать следующее заключение. С одной стороны, виртуальные качества и их сосредоточение – сфера бессознательного выступает детерминантой конституирования не только модуса прошлого, но и будущего, то есть обуславливает порождение еще одного временного модуса. Однако, с другой стороны, тем самым конституируется и вся временная триада, все три модуса времени (прошлое, настоящее и будущее) – вся «ось времени». Причем, она конституируется не только во взаимосвязи ее компонентов, но и в их взаимопорождении друг другом, то есть не как статическое, а как именно динамическое образование – как нечто становящееся. Другими словами, она конституируется не только в своей содержательной наполненности, но и в диахроническом смысле – как движение, развертывание, поток, течение. Причем, оно субъективно ощущается, переживается – столь же непосредственно, как и сами базовые модусы, поскольку в его основе также лежит механизм окачествления реальности, но по отношению уже не только к традиционно дифференцируемым типам качеств, а к виртуальным качествам. Тем самым, и сама сфера психического, которая порождается на основе их окачествления – бессознательное, раскрывает-

ся в дополнительном свете. Оно выступает как основа для конституирования будущего и как источник его самого, а также интенции к нему и потенции для него в целом. Если проблема соотношения субъективного времени и сознания является одной из наиболее традиционных в психологии и философии, то в свете представленных материалов формулируется еще одна и не менее значимая проблема. Это – проблема соотношения бессознательного и субъективного времени, проблема «бессознательное и время». Можно видеть, что в связи с этим и сама беспрецедентно сложная проблема бессознательного предстает в новом свете и в еще более сложном виде.

В связи с этим, становится очевидной также не только возможность, но и необходимость концептуального расширения еще одного значимого психологического понятия – понятия аффордансов и его распространения на сферу субъективного времени; поясним сказанное. Как известно, их сущность состоит в том, что они выступают некоторыми возможностями, предоставляемыми средой для организации перцептивного процесса, для порождения перцептов как средств отображения ее фрагментов. Однако, эти возможности – потенции, чреватые реальностью, могут быть не только субстанциональными, но и темпоральными. Сами виртуальные качества, составляющие важную часть бессознательного, как раз и являются таковыми, поскольку они, не существуя актуально, могут переводиться в актуальную форму. Их наличие создает «поле возможностей», часть из которых и становится впоследствии действительностью. Тем самым они и выступают в функции уже не перцептивных, а *временных аффордансов*. Бессознательное – «прошлое» личности выступает как поле темпоральных аффордансов и, соответственно, как потенциальная основа для конституирования будущего. Дополнительный смысл обретает и понятие восприятия времени – смысл, который сближает механизмы, лежащие в основе перцепции как таковой, с перцепцией – восприятием времени. И то, и другое выступают как трансформация аффордансов из статуса виртуальной реальности в статус актуальной реальности, из потенции в реальность, из возможности в действительность. И там и здесь определяющую роль играет уже не отражение реальности, а ее порождение, активность субъекта перцепции. Кроме того, в связи с этим выносятся и конкретные пути синтеза трех значимых направлений психологических исследований – проблемы

субъективного времени, экологического подхода в психологии восприятия и новой области психологического знания – психологии возможного, которая достаточно интенсивно разрабатывается сегодня [220].

Далее, отметим также, что в свете представленных материалов относительно детерминант конституирования будущего, равно как и временной «оси» в целом, намечаются и новые направления разработки психологии времени в связи с таким ее важным аспектом, каковым является ее *биографический* аспект. Это – личностная психология времени, а также сопряженные с ней исследования временной перспективы личности, мотивационно-временного аспекта (мотивации будущего) и пр. Причем, данный аспект также очень органично сопряжен именно с понятием виртуальных качеств и их роли в конституировании онтологии психического, но уже в более общем – собственно личностном плане. Действительно, это понятие имеет еще одну важную экспликацию по отношению к структуре и содержанию субъективной реальности: как отмечалось ранее, само будущее, которое потенциально заложено в настоящем, а то, в свою очередь, в прошлом, обычно конституируется таким образом, чтобы преодолеть несовершенства настоящего. Однако в таком случае оно и выступает для субъекта как аналог цели и эксплицируется именно как потребное будущее, обладающее мотивационным потенциалом и составляющим, с мотивационную перспективу личности.

Продолжая анализ понятия виртуальных качеств и его роли в конституировании субъективного времени, отметим и еще одно значимое, по нашему мнению, обстоятельство. Оно, фактически, выступает следствием от синтеза двух предыдущих положений – о виртуальных качествах как темпоральных аффордансах и о них же, но как о «поле» потенциалов для личностного развития. В еще более общем плане оно непосредственно сопряжено с наиболее общей проблемой *детерминации* психического – как в ситуативном, так и в надситуативном плане. Дело в том, что с позиций понятия виртуальных качеств и их трактовки как именно потенциально существующих, представленных в латентной форме и образующих, так сказать, «поле детерминант» активности личности и ее развития могут быть дополнены представления о самой категории детерминации. Она раскрывается как источник перевода виртуальных качеств в актуальные, потенциальных в реальные, а сам этот процесс эксплицируется в его подчеркнуто

вероятностном статусе. Виртуальные качества представлены именно как некое поле возможностей – во множественном виде и такой форме, которая предполагает *выбор* того или иного варианта, сценария дальнейшего их развертывания. Процесс выбора выступает как стохастический, а субъективно репрезентируется как допускающий многовариативность и, следовательно, переживаемый личностью как нечто свободное – как предполагающее свободу (или, по крайней мере, ее иллюзию). За счет этого он обретает свою сложность и неоднозначность.

Во-первых, он предстает как принципиально неопределенный и не предопределенный, что очень характерно именно для психической детерминации, обуславливая сложность раскрытия поведения и его причин. Во-вторых, он репрезентируется в таком виде, который является субъективно приемлемым – понятным и даже приятным для личности, то есть как зависящий именно от нее, как управляемый ей, то есть как свободный, как окрашенный свободой (или повторяем, ее иллюзией). Понятно также, что здесь мы вплотную соприкасаемся с общей проблемой *свободы воли*. В-третьих, именно поэтому в связи с понятием виртуальных качеств встает и проблема ответственности, а также сопряженная с ней проблема не только свободы выбора, но и его трудностей («мук выбора»). Само будущее предстает не только как потребное, но и как чреватое ответственностью за выбор личностью того конкретного сценария, который она определяет как средство его достижения; или на который она соглашается и вынуждена принимать под внешним давлением (здесь вновь вспоминается формула Ж.-П. Сартра: «человек – это всегда выбор»).

Далее, понятие виртуальных качеств как средство разработки проблемы субъективного времени позволяет, по нашему мнению, несколько уточнить и еще одни также весьма традиционные представления, сложившиеся в связи с категорией детерминации. Это – представления, ставившие сегодня если не общепринятыми, то во всяком случае достаточно обоснованными и связанные с понятиями потребного будущего, акцептора действия, а в более широком плане – с принципом *целевой детерминации*. В максимально общем виде они связаны и соотношением двух основных принципов детерминации – каузальной и телеологической. Их смысл, в конечном итоге, состоит в том, что сама цель – как нечто такое, что реально отсутствует и представлено именно как виртуальное образование, может выполнять собственно

детерминационные функции, выступать в качестве и в роли причины активности личности. В конечном итоге, данная проблема восходит к известной дискуссии Н. Винера и Дж. Тэйлора о соотношении этих типов детерминации и о возможности второго вообще [118, 780]. Суть ее состоит в том, что не только на первый взгляд, но и при очень детальном рассмотрении не совсем понятно, как нечто, реально не существующее (цель) может, тем не менее, не просто влиять, на нечто противоположное – реально существующее и даже определять его; как несуществующее может быть детерминантой существующего. Известно также, что все аргументы Н. Винера как сторонника телеологической детерминации, по его собственным словам, наталкивались на «неумолимую и естественную аргументацию» Дж. Тэйлора «на скрытую в них правоту». В дальнейшем большую популярность, однако, получила точка зрения Н. Винера, что вполне созвучно и известным концепциям Н. А. Бернштейна и П. К. Анохина [25, 76].

На наш взгляд, в свете понятия виртуальных качеств и его роли в конституировании основных локусов времени существуют дополнительные возможности для понимания этого, действительно, сложного вопроса. Как это ни парадоксально, но целевая детерминация и существует и не существует, что объясняется не абсолютным, а относительным характером самих временных модусов. Действительно, как показано выше, само настоящее, но именно по отношению к прошлому, выступает и как будущее. Однако, то, что является продуктом активности психического именно в настоящем – то, «чего оно хочет» (цель), генерируется именно в нем – в настоящем и является несомненной реальностью. Это – реальный продукт такой активности, он представлен как вполне реальный фрагмент психического – как определенная форма, в которой содержится репрезентация реальности. Иными словами, это такая форма, которая, как и любая иная репрезентация может выполнять собственно детерминационные функции, выступать реальной причиной активности личности. Поэтому в ней нет ничего непонятного и неясного. Это – реальная причина реальной же активности, в которой нет никакой загадочности, связанной с тем, как несуществующее (цель в ее традиционном понимании) может определять существующее – саму активность. Однако это настоящее само выступает будущим, но по отношению к прошлому. Следовательно, для того, чтобы сама активность стала

реализуемой, необходима опора на это прошлое – на всю ту информацию, прошлый опыт, который уже существует.

Тем самым детерминантой «движения к цели» и всем комплексом средств ее достижения выступает не «непонятно как представленная» цель (которая вообще реально не существует), а вполне понятная основа – весь прошлый опыт личности. Цель – как будущее, но представленное именно как настоящее, достигается – ее достижение детерминируется столь же реальным комплексом факторов – всем опытом личности, всей информацией, которой она располагает. Поэтому, строго говоря, никакой целевой детерминации в ее традиционном понимании, скорее всего, не только не существует, но и не должно (и не может) существовать, поскольку в этом случае надо было бы говорить об инверсии «стрелы времени», что – с точки зрения существующих представлений абсурдно. Однако это не означает, что не существует и целевой детерминации вообще: она существует, но представлена в ином, чем это полагается, статусе. Сама цель представлена не в будущем, а в настоящем; однако и само оно – но по отношению к прошлому выступает именно как будущее и тем самым может использовать для своего достижения все то, что локализовано в этом прошлом и имеет столь же реальную форму существования. Конечно, делая такое заключение, мы вполне сознаем, что вторгаемся в весьма опасную сферу дискуссионного плана и в то, что гораздо «красивее» и, казалось бы, интереснее принимать иную точку зрения – о полной таинственности и загадочности детерминации несуществующим существующего, о том что нечто отсутствующее может предопределять присутствующее и пр. Однако, по-видимому, дело обстоит гораздо более прозаическим образом, что, тем не менее, делает вопрос о соотношении каузальности и телеологичности вполне понятным, а его решение естественным. Оно, наряду с этим, вскрывает еще один важный аспект проблемы субъективного времени – ее связь с предельно общей и фактически общенаучной проблемой детерминизма. Лишь осознав относительность базовых модусов времени, можно раскрыть специфику взаимодействия каузальной и телеологической детерминации и представить вторую как темпорально относительную, производную от каузальной и даже как ее проявление. Телеологичность реализуется через каузальность, которая и является конкретным средством ее существования и осуществления.

Итак, обобщая представленные выше материалы, раскрывающие роль виртуальных качеств и, соответственно, сферы бессознательного в конституировании субъективного времени как атрибута реальной онтологии психического, можно сделать следующее заключение. С одной стороны, посредством данного понятия оказывается возможным эксплицировать еще два базовых модуса самого времени – прошлое и естественные составляющие этой онтологии, как атрибуты самого психического в его реальном содержании. Они во многом и конституируются на основе механизма окачествления, но по отношению именно к виртуальным качествам. С другой стороны, это означает, что эксплицированными и проинтерпретированными – в плане именно механизмов их конституирования оказываются все три базовых временных модуса и, следовательно, вся «ось времени», то есть феномен субъективного времени в его диахроническом развертывании. Эта «ось» также становится непосредственно вплетенной в реальное содержание психического и поэтому обладающей всеми его атрибутами – в том числе, и самосензитивностью – ощущаемостью. Само же субъективное время выступает именно как *субъективное* – как нечто непосредственно чувствуемое, ощущаемое. Посредством этого понятным становится и ответ на ключевой и наиболее трудный вопрос: как можно ощущать не данное материально, как воспринимать невоспринимаемое и пр. Наряду с этим, становится более понятным и то, каким образом эта «ось» представлена в ее динамическом плане, поскольку на нее естественным образом транспонируется категория детерминации и ее специфика по отношению к собственно психической сфере. Сама «ось» времени эксплицируется как своего рода превращенная форма всего комплекса детерминационных отношений реальности, репрезентированных в психике, а время – в данном случае субъективное эксплицируется и как отображение и воплощение в психике самих детерминационных отношений, как средство их репрезентации и приспособления к ним. Психическая детерминация как субъективная раскрывается и как временная, а последняя – как следствие детерминационных отношений в самой объективной реальности.

Таким образом, можно констатировать, что в итоге проведенного выше анализа сложилась следующая ситуация. С одной стороны, оказались рассмотренными четыре из пяти основных типов качеств в аспек-

те их роли и в порождении онтологии психического в целом, и в плане конституирования субъективного времени, в особенности, – субстанциональные, функциональные, системные и виртуальные. Кроме того, были рассмотрены и те – четыре базовые сферы субъективной реальности, которые соотносятся с этими типами и которые непосредственно лежат в основе феноменологии субъективного времени и его механизмов – сфера сенсорики, процессуального содержания психики, сознание и бессознательное. Тем самым, не охваченным анализом остался лишь один тип качеств – метасистемные. С другой стороны, в итоге анализа было установлено, что действие механизма окачествления по отношению к этим – уже рассмотренным типам приводит к становлению практически *всех* основных атрибутов субъективного времени. Так, на основе субстанциональных качеств и, соответственно, сенсорики генерируется базовый феномен субъективного времени – то, что традиционно обозначается как ощущение времени, чувство времени, то есть его непосредственная чувственная данность. На основе функциональных качеств конституируется все процессуальное содержание психики и, соответственно, порождаются все базовые атрибуты времени. На основе системных качеств и, соответственно, сознания конституируется базовый феномен субъективного времени – психическое настоящее именно как феномен, то есть как то, что и составляет содержание субъективной реальности в ее темпоральном измерении. На основе виртуальных качеств и, соответственно, сферы бессознательного конституируются два других столь же базовых феномена субъективного времени – прошлое и будущее, а также то, что традиционно обозначается как «ось времени». Поэтому, казалось бы, по отношению к метасистемным качествам не остается никаких возможностей в плане их роли в конституировании субъективного времени. Однако, в действительности, это, конечно, не так, а роль данного типа качеств в его конституировании также очень существенна, хотя и достаточно специфична по отношению к уже проанализированным качествам.

В силу этого, для того, чтобы эксплицировать ее, необходимо напомнить о самой специфике этих качеств (отметим также, что данный вопрос рассматривался в параграфе 3.7.). Они и по генезису, и по структуре, и по функциональному предназначению, феноменологии, свойствам и пр. являются прямыми следствиями и проявлениями метасистемного принципа организации психики в целом, обладая прин-

ципиальной двойственностью (точнее – двуединством) своего статуса. С одной стороны, они не перестают быть качествами того носителя, которому они атрибутивно присущи – самой метасистемы. Однако, с другой стороны, они же выступают и качествами другого носителя – той или иной системы, включенной в эту метасистему. Они являются для нее «своими» (внутренними), не переставая быть при этом, однако, и «чужими» (внешними). Качества метасистемы становятся и качествами самой системы, что, естественно, приводит к беспрецедентным по масштабу, глубине и степени разнородности последствиям для качественной определенности ее самой. Поэтому и сущность метасистемных качеств состоит вовсе не в том, что это – так сказать, «просто качества метасистемы». Как раз напротив – это качества самой системы, которые, однако, порождены качествами метасистемы и, более того, являются их своеобразной «превращенной» – удвоенной формой.

Вместе с тем, по отношению к психике как такого рода системе ее содержание представлено, в основном, в форме знаний, которые поэтому и являются ее наиболее специфической и вообще – основной «составляющей». Субъективная реальность практически полностью презентирована именно как определенное содержание, а не как механизмы и средства, процессы и закономерности. В своей подавляющей и определяющей части субъективная реальность – это именно ее содержание, представленное в форме гетерогенных и разноуровневых репрезентаций, прежде всего, знаниевого типа. Следовательно, существует принципиальное взаимосоответствие между метасистемными качествами как еще одним их основным типом, с одной стороны, и всей совокупностью *содержательных* характеристики психики (знаний, опыта, репрезентаций и пр.), с другой. Однако, для того, чтобы любой фрагмент объективной реальности получил в субъективной реальности адекватную репрезентацию, то есть обрел форму знаний, он должен быть представлен в ней не в каком либо одном типе качеств, а во *всех* них<sup>133</sup>.

В свою очередь, такая – комплексная, а значит полная и адекватная репрезентация может быть обеспечена лишь в том случае, если она будет основана на *всей* совокупности четырех видов механизма

---

<sup>133</sup> Подчеркнем также, что лишь в этом случае будет реализовано не просто «то или иное», то есть рядовое положение самого метасистемного подхода, а его главное положение, вытекающее из самой его сути.

окачествления. Это означает, что содержанием механизма окачествления по отношению к метасистемным качествам выступает не какой-либо особый и, так сказать, дополнительный комплекс средств, а вся совокупность уже выявленных его видов, каждый из которых соотносится с тем или иным основным типом качеств. Являясь продуктами интеграции всех иных основных типов качеств, метасистемные качества *не сводятся* к их простой совокупности. В них возникает принципиально новое содержание, присущее только им и составляющее их специфическое содержание – именно новое качество. Оно состоит в том, что эти качества перестают репрезентироваться именно как таковые, а предстают субъективно в их «снятом» виде – именно как «части» некоторой целостности, то есть самого репрезентируемого *объекта*. Имеет место переход от *качественной* репрезентации внешней среды к ее *объектной* репрезентации. Важнейшей специфической особенностью механизма окачествления по отношению к метасистемным качествам является весьма своеобразный эффект – *эффект объективации*: субъективно содержание тех качеств, которые и входят в состав метасистемных, репрезентируется в интрапсихическом плане в ином – противоположном плане, то есть экстрапсихическом. Они субъективно локализуются не внутри психики, а принципиально иначе – вне ее, то есть в объективной среде, получая принципиально внешнюю, экстрапсихическую локализацию.

Все эти особенности метасистемных качеств в целом, а также их интегративное проявление – эффект объективации, в частности, как раз и позволяют эксплицировать их роль в конституировании феномена субъективного времени. Действительно, есть все основания полагать, что время – в его физическом смысле, являясь атрибутом объективной реальности, воплощает в себе ее базовые атрибуты в целом и, следовательно, должно подчиняться тем же фундаментальным законам, которые присущи самой этой реальности. По отношению к тому, каким образом, эта – объективная реальность в целом и ее основные атрибуты – в том числе, и время, в частности, репрезентируются в психике, это означает, что их репрезентация должна быть принципиально сходной. Следовательно, и по отношению к такому базовому атрибуту реальности, как время, также должен действовать эффект объективации. Оно, репрезентируясь как субъективное, подвергаясь объективации, «выносится» за пределы самой субъективной реальности и локализу-

ется в объективной реальности – объективируется и репрезентируется именно как ее атрибут, то есть как объективное время – как то, что соотносится с внешним миром, во что он погружен и что его характеризует. Иными словами субъективное время, оставаясь субъективным по механизмам и средствам, феноменологии и свойствам, тем не менее, выступает для самого субъекта как то, что характеризует и внешний мир, объективную реальность, что неотъемлемо присуще именно ей, и только затем «отражается» и «воспринимается». Иными словами, порождается то, что традиционно обозначается как «идея времени», как время в его гносеологической кооптации – как некий продукт идеализации и даже частично конструирования. При этом, конечно, вновь возникает фундаментальный вопрос о том, существует ли оно как некоторая объективная реальность, или же является лишь результатом идеализации, который подробно рассмотрен выше.

В связи с этим, следует отметить также, что по отношению ко времени следует констатировать его подверженность так называемому «онтологическому парадоксу» психики, сформулированному Л. М. Веккером. Так, он отмечал, что «физические изменения, совершающиеся в органе психического процесса, предстают перед их носителем как события, разыгрывающиеся вне этого органа в реальном внешнем пространстве – в пространстве объекта, явно не совпадающем с пространством органа» [110]. В свете изложенного, однако, совершенно понятно, что и эта особенность не только получает свое естественно объяснение, но раскрывается как инструментальное, адаптивное средство, обеспечивающее адекватность информационного взаимодействия субъекта и объекта. Метасистемные качества не просто и не только «встраиваются» – функционально включаются в онтологию психического. Они транспонируются в него (и должны транспонироваться!) именно как таковые: они репрезентируются субъективно как принадлежащие к тем системам, которые реально – объективно и являются их носителями. Поэтому, собственно говоря, они и репрезентируются субъективно именно как внешне локализованные.

Следует подчеркнуть также, что данный парадокс проявляется уже на уровне сенсорно-перцептивных процессов, распространяясь далее и на все иные уровни организации психики. Однако, по-видимому, именно в метасистемных качествах как наиболее сложных и максимально интегративных, синтетических по своей природе он

воплощен в максимально комплексном и, соответственно, богатом содержанием виде. Своеобразие ситуации, складывающейся вследствие его действия, состоит в том, что объективная реальность, репрезентированная в реальности субъективной, может быть адекватно воспроизведена в ней лишь при условии того, что последняя сама подвергнется объективации – будет «вынесена» вовне и локализована во внешнем мире – как система его свойств, а не свойств его репрезентаций. Объективация – важнейший эффект метасистемных качеств, который обуславливает определяющее свойство всей субъективной реальности, состоящей в ее адекватности по отношению к самой объективной реальности<sup>134</sup>. Кроме того, можно заключить, что механизм окачествления не только связан с сущностью данного парадокса, но и во многом *объясняет* то, почему он существует, за счет чего порождается и посредством каких конкретных средств реализуется. Особенно рельефно – в комплексном виде он представлен, повторяем, именно по отношению к метасистемным качествам.

Кроме того, он сопряжен и с *гносеологическим парадоксом*, заключающимся в том, что «процессуальная динамика механизма и интегральная характеристика результата отнесены к разным предметам: первая – к органу, вторая к объекту» [111]. Иначе говоря, функционирование «органа» (психики) может быть описано только в терминах объекта – как внешнеположенной по отношению к ней сущности. Нетрудно видеть, однако, что в основе этого парадокса лежит как раз тот механизм окачествления, о котором здесь идет речь, действующий по отношению к категории метасистемных качеств. Содержанием психики – ее подлинной онтологией как раз и выступают продукты транспонирования, то есть функционального «встраивания» в нее метасистемных качеств; фактически, – как результаты действия механизма окачествления по отношению к данному типу. Однако, в результате этого психика одновременно и самоокачивается – конституируется

---

<sup>134</sup> Подчеркнем, что термин «объективация» является весьма многозначным и используется как в философии, так и в конкретных науках в ряде его значений. Например, в философии им обозначается, например, приобретение чем-либо внешней, объективной формы существования. Одновременно и в психологических исследованиях – скажем, в школе психологии установки им обозначается, аспект опредмечивания объективный мир [562, 563].

та «составляющая» ее общей онтологии, которая является ее наиболее непосредственной и самоочевидной субъективной реальностью. Эта реальность, однако, не просто дана – презентирована с наибольшей полнотой, но и составляет эту данность, является ей.

В свете этого необходимо, на наш взгляд, обратить внимание и на еще одну – весьма важную особенность роли метасистемных качеств в конституировании субъективной реальности. Так, с одной стороны, именно эти качества являются, пожалуй, не только наиболее сложными, но и раскрытыми настоящее время относительно в меньшей степени, нежели все иные, а потому – и относительно менее понятными. Однако, с другой стороны, степень очевидности – полноты и рельефности их роли в конституировании субъективной реальности предстает как наиболее выраженная, как, по существу, максимальная. Это проявляется в несложном и вообще – так сказать, «лежащем на поверхности», но крайне важном обстоятельстве, согласно которому субъективная реальность в целом – в аспекте того *главного*, что в ней есть и что вообще ее образует – ее содержания как раз и репрезентируется субъектом именно как совокупность окачествленных объектов внешнего мира. Это – не какие-либо процессы и структуры, особенности и закономерности, феномены и качества и пр. – не то, что *репрезентирует* внешний мир, объективную реальность. Это – именно то, что ее *составляет*, по крайней мере, субъективно.

В этой связи следует подчеркнуть и еще один момент: можно спорить о том, насколько велика и в чем состоит роль механизма окачествления в репрезентации метасистемных качеств по отношению к психике *в целом*. Однако, по отношению к самой субъективной реальности и к ее конституированию эта роль, по-видимому, столь очевидна, что споры относительно нее уже вряд ли оправданы. Дело в том, что субъективная реальность в ее содержательном плане – это и есть результат окачествления всей совокупности метасистемных качеств. Наиболее сложные – метасистемные качества оказываются, тем не менее, наиболее очевидными в плане их роли в конституировании субъективной реальности. Тем самым, однако, именно данное обстоятельство должно рассматриваться и как своеобразный верификатор общих – сформулированных в главе 2 представлений о метасистемном принципе организации психики и, соответственно, о метасистемном походе как методологическом принципе ее изучения.

Итак, объективируясь и обретая за счет этого уже не только статус субъективного (интраличностного), но и объективного (экстраличностного), время эксплицируется как специфически метаиндивидуальный феномен – как знание в его широком смысле, в том смысле и в его социально-детерминированном плане. На основе метасистемных качеств субъективное время конституируется в еще одном важнейшем модусе, который парадоксальным образом «самоинвертируется» и приводит к его объективации – к тому, что имеет надындивидуальный характер и, повторяем, обозначается как идея времени, как идеальное, как социально выработанный конструкт и средство приспособления социума к объективной реальности. Как это и свойственно любому метасистемному образованию, обретая его статус, время выносится за пределы индивидуального бытия и становится фактом бытия надындивидуального – социального. Оно становится и предметом изучения со стороны социума – в том числе, научного, в частности, психологического и приводит к становлению, например, психологии времени, обретая гносеологическую коннотацию. Кроме того, в несколько ином, но также очень важном отношении именно этот статус времени выступает в процессе онтогенеза для формирующейся личности исходным и первичным – она, что называется, осваивает время, у нее формируются временные эталоны и представления – все то, что является предметом исследования в генетическом направлении психологии времени.

Можно видеть, что логика рассмотрения метасистемных качеств и их роли в конституировании времени – и субъективного, и объективного обуславливает необходимость обращения к двум другим и также важным аспектам – социальному и генетическому. Однако, очень показательно в данной связи, что именно они как раз и получают необходимые основания для рассмотрения именно с позиций самого метасистемного подхода<sup>135</sup>. Действительно, сама внешняя среда – объективная реальность, выступающая метасистемой по отношению

---

<sup>135</sup> И именно поэтому в целях определения роли метасистемных качеств в конституировании субъективного времени обязательно должны быть привлечены те общие представления об их природе и роли в структурной организации психического в целом, которые были сформулированы в параграфе 3.2., в связи с чем ниже это и будет сделано, а его материалы также будут привлекаться к последующему изложению.

к психике и являющаяся носителем данного типа качеств, вовсе не является гомогенной, а напротив, выступает предельно разнородной и комплексной, сложнейшей по составу и содержанию. Одним из важнейших проявлений этой гетерогенности является то, что она образована не только *объектами* в непосредственном смысле данного термина (как «неодушевленными» сущностями), но и *субъектами* – как носителями совершенно особой реальности (субъективной). Их организация порождает, к тому же, и особый уровень действительности – *социальную* форму ее организации, социум в целом со всеми его сложнейшими качественными «измерениями». В этом смысле вполне очевидно, что сама объективная реальность включает в себя и субъективную реальность – как ее неотъемлемый компонент. Она субъективна (точнее, – субъектна) по содержанию, но вполне объективна по закономерностям, лежащим в ее основе, а соответственно – и качествам, которых она проявляется. Она объективна также и в плане того, что по отношению к каждому отдельно взятому индивиду она локализуется, разумеется, вне его, то есть имеет экстрапсихическую представленность и тем самым выступает для него как имеющая именно метасистемную локализацию.

Кроме того, по вполне понятным причинам, эти качества (качества «других субъектов») являются для каждого индивида не просто очень важными, но и определяющими в плане его адаптации и к миру в целом, и к социуму, в особенности. Они, следовательно, также с необходимостью – причем, еще более острой должны быть подвергнуты действию данного механизма. Наконец, и это главное, базовые характеристики – качества внутреннего мира самого индивида и характеристики «других», фактически, полностью *идентичны* по их природе и принципиальному смыслу, а также в значительной мере даже по составу и содержанию. Кроме того, внутренний мир каждого вообще во многом вообще и формируется как продукт интернализации этих характеристик и параметров – качеств «*других*»<sup>136</sup>. Он, как из-

---

<sup>136</sup> Данное положение, являющееся наиболее принципиальным, осознано достаточно давно и зафиксировано в ряде философских и конкретно-научных подходов – например, в течении туизма (от лат. *tui* – ты). Он представляет собой особое течение в европейской философии, восходящее к творчеству Л. Фейербаха [33]. Согласно ему, «Я» не может ни быть счастливым, ни вообще

вестно, *конституируется* как продукт и результат социализации как таковой, как порожденный социумом и качествами образующих его индивидов. Тем самым, с очевидностью вскрывается обстоятельство наиболее принципиального порядка: механизм окачествления, действительно, представлен и по отношению к внутренне-локализованным качествам индивидуальной психики. Более того, большинство из этих качеств как раз и формируются, а затем – функционируют как результат *транспонирования* (хотя, конечно и очень специфического) качеств «других», то есть качеств, имеющих именно метасистемную локализацию и природу. При этом сам термин транспонирования имеет, здесь, действительно, достаточно специфический смысл, что, в свою очередь, отражает явное своеобразие той реальности, которая им обозначается.

Действительно, в данном контексте речь должна идти, конечно, не о транспонировании в смысле *прямого* переноса чего-либо из одной сферы в другую, а о более сложном процессе. Его можно уподобить, скорее, некоторому *уподоблению*, формированию некоторой сущности по «образу и подобию» того, что уже представлено вовне. Так и индивидуальные качества отнюдь не формируются по типу непосредственного переноса чего-либо из внешней среды во внутреннюю. Они складываются по типу преобразования самого внутреннего, то есть некоторой системы задатков в то, что и составляет содержание ее индивидуальных качеств, совокупность индивидуальных качеств в целом и личностных качества, в частности, это и есть наиболее несомненная и притом ярчайшая часть субъективной реальности как таковой. В них она и репрезентируется и саморепрезентируется, то есть не только эксплицируется для других, но конституируется и для самого индивида. В значительной мере человек – это и есть их совокупность; сущность личности состоит именно в ней, а она, в свою очередь, это и есть содержание самой личности. В этой связи уместно напомнить об известном тезисе, согласно которому «личность есть не что иное, как совокупность общественных

---

*существовать* без «Ты». Достоверность бытия достигается лишь посредством доступности личного ощущения человека, реальностью для другого. Существование «Я» в этом смысле вообще является зависимым от существования «Ты» и производным от взаимодействия с ним.

отношений»<sup>137</sup>. Строго говоря, в ней нет «ничего более того», что бы не проявлялось в качествах и их комплексах. Они, в свою очередь, – это, по существу, единственный канал экспликации ее содержания и проникновения к нему. Следовательно, та «составляющая» психики в целом и субъективной реальности в особенности, которая конгруэнтна метасистемным качествам как еще одному их основному типу – это и есть вся совокупность индивидуальных качеств как таких, которые исходно имеют *социальную* детерминацию и, соответственно, экстрапсихическую (метасистемную) локализацию. Они, однако, – и в этом, собственно говоря, состоит вся суть процесса *социализации*, транспортируются в интрапсихическую плоскость и выступают как базовые характеристики – качества системы (субъективной реальности).

Отсюда вытекает, что эта их роль является не просто важной и очень выраженной, как и «положено» в свете одной из отмеченных выше закономерностей. Она такова, что вообще конституирует внутренний мир в целом – в его базовых *качественных* «измерениях» и базовых характеристиках, то есть в индивидуальных *качествах* как таковых. Следовательно, вновь эксплицируется обстоятельство наиболее важного и принципиального порядка, являющееся одновременно и наиболее общей – «сквозной» закономерностью для всех представленных выше материалов. Качество как главная гносеологическая категория – как основная «единица» познания и знания выступает такой же, то есть главной и определяющей и в плане конституирования самой онтологии психического – в плане его порождения как субъективной реальности. И наоборот, *главное* в психике – ее содержание, ее качественная определенность (то есть то, благодаря чему «нечто становится тем, чем оно является») эксплицируется через такое же – *главное* средство ее познания, то есть через категорию качества, в данном случае – через его конкретизацию до понятия индивидуальных качеств.

Однако все это становится возможным, благодаря действию очень общей и фундаментальной закономерности. Она состоит в том достаточно несложном в плане констатации (но крайне трудном в плане раскры-

---

<sup>137</sup> Хотя более точный перевод немецкого оригинала известной работы К. Маркса, в которой сформулировано это положение, предусматривает не слово «совокупность», а слово «сосредоточение», что еще более адекватно развиваемым здесь взглядам.

тия механизмов, лежащих в его основе) факте, что в своем наиболее общем виде личность представляет собой определенное социальное качество, точнее – систему таких качеств, а еще точнее – уровень в общей организации индивида. Другими словами, они образуют в своей совокупности уровень собственно личностной организации индивида. Вместе с тем, трудно не видеть того очевидного обстоятельства, что все они и в плане генезиса, и в плане содержания, и во многих иных планах, фактически, представляют собой (причем, по определению) своеобразное «удвоение социальной реальности». Они не только могут, но и должны быть поняты как, прежде всего, индивидуальная форма существования социального мира, как продукт и результат транспонирования социальных институтов (и соответствующих им норм, правил, ценностей и др.), социума в целом в содержание и структурно-функциональную организацию индивидуальной психики. Более того, сама трактовка личности как социального качества индивида с необходимостью указывает именно на это обстоятельство как на важнейшее и определяющее для понимания ее атрибутивной природы. Тем самым, можно видеть, что, действительно, внешний – социальный мир, социум в целом повторяет, воспроизводит, то есть мультиплицирует себя в содержании и структуре личности. Он «встраивается» в ее содержание и в ее структурно-функциональную организацию и даже во многом образует ее.

Подчеркнем, что все эти и аналогичные им положения являются не только очень общими, но и наиболее фундаментальными, а одновременно – и общепринятыми, разделяемыми подавляющим большинством исследователей [3, 21, 359, 466, 511, 517 и др.]. Различия же между ними и действительная сложность данного вопроса проявляются не в плане констатации указанного положения самих по себе, то есть не в признании самого факта «встроенности» социума в личность, а в том, как именно осуществляется этот процесс; какие механизмы лежат в его основе. По существу, это и есть основной вопрос психологии личности и он, к сожалению, пока еще достаточно далек от своего решения. Вместе с тем, сам факт этого «встраивания» – факт мультиплицированности социума в личности является, повторяем, вполне очевидным, общим и труднооспоримым. Фактически, именно он многократно зафиксирован в различных и достаточно общих теоретических положениях, составляющих основу психологии личности. Это, в частности, и уже отмечавшийся выше тезис о том, что «личность

есть не что иное, как совокупность общественных отношений». Это – и метафора личности как «социального микрокосмоса», который повторяет в себе «социальный макрокосмос». Это и точка зрения, согласно которой уровень зрелости и масштаб личности определяются именно степенью воплощенности в ней «надличностного», то есть именно общественного, социального содержания, и мн. др.

Кроме того, не менее, а, быть может, и еще более показательным то, что и сам процесс формирования личности обычно обозначается наиболее общим понятием социализации, что наилучшим образом передает психологическую природу самой личности как именно системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Ее содержание, поскольку оно формируется как результат процесса социализации, представляет собой в итоговых проявлениях также воспроизводство, «дубликат» самого социального. Все это, собственно говоря, и лежит в основе многих исследований, выполненных в самых различных парадигмах и направленных на раскрытие содержания личности, а также ее формирования. В них используются очень показательные именно в этом плане понятия: интернализация социального в индивидуальном (в личности); интериоризация внешнего (то есть социального) во внутреннем (то есть в самой личности); распрямление внешнего во внутреннем и опредмечивание внутреннего во внешнем; «присвоение» личностью (индивидуальным) социального (общественного) и др. – см. обзор в [247].

Тот механизм «встраивания» метасистемы (социума) в систему (личность), который был охарактеризован выше, во многом и лежит в основе генезиса не только ее в целом, но – именно поэтому же и в основе генезиса всей совокупности ее качеств, особенно высших порядков, то есть собственно личностных. Социум как метасистема для личности (как системы) оказывается функционально включенным, представленным – «встроенным» в самом содержании и организации системы, то есть личности. Он образует при этом не просто важную, но и главную, определяющую ее часть – ее именно качественную определенность, то есть систему ее индивидуальных и личностных качеств, а в наиболее общем плане и всю личность как «социальное качество индивида», его личностность. Он репрезентируется в личности как свое alter ego, как свое «инобытие», как его превращенная форма (что, впрочем, на уровне феноменологиче-

ских описаний многократно представлено не только в психологической, но и в социологической и философской литературе).

Если заглянуть за «феноменологический фасад» этих явлений, то приходится констатировать, что все они обусловлены одним и тем же – инвариантным и, по-видимому, очень важным и глубинным механизмом. Им как раз и является механизм окачествления, но взятый именно в отношении еще одной базовой категории качеств – метасистемных. Тот общий принцип, на котором основаны сами метасистемные качества и который составляет их суть и специфику, «эксплуатируется» тем самым и в организации психики. Однако при этом необходимо особо подчеркнуть явное своеобразие его действия именно по отношению к генезису индивидуальных качеств в целом и личностных качеств, в особенности. В наших предыдущих работах уже было обосновано положение, согласно которому в общем виде данный механизм действует и по отношению к метасистемным качествам, составляя тем самым одну из основных граней организации психики и ее уникальности [317, 321]. Данное обстоятельство связано с тем, что психика в целом является одной из наиболее типичных представителей класса систем со «встроенным» метасистемным уровне. Следовательно, в самом ее содержании функциональной представлены качества той метасистемы, в которую она сама онтологически включена; они и образует содержание ее высшего уровня.

Однако, в этом – общем плане речь может идти только о функциональном включении метасистемных качеств и вообще любых иных особенностей метасистемы в систему. Вместе с тем, по отношению к взаимодействиям социума (как метасистемы) и личности во всем многообразии ее качеств (как системы) ситуация выглядит во многом иначе. Как показано выше, сама суть того, что традиционно обозначается понятием социализации, во многом попросту тождественно мультиплицированию именно содержания социального во всей его полноте в индивидуальном. Тем самым, речь идет именно о *содержательной* и в этом смысле – субстанциональной, а не только функциональной мультипликации социума в личности и ее качествах. Следовательно, сам механизм окачествления здесь представлен не только наиболее полно и явно, но и, по существу, в своем *максимально* возможном виде: он выступает не просто как операционное средство, а как способ воспроизведения содержания. Метасистема (социум) посредством него

не просто функционально включается – операционно «встраивается» в систему (личность), но и содержательно воспроизводится, точнее – воссоздается в ней. Общий же арсенал операционных средств, на базе которых построена организация психики, существенно расширяется и обогащается – в него включается и механизм окачествления еще одной базовой категории качеств – метасистемных. Этот механизм и, соответственно, порождаемые им качества – метасистемные становятся качествами самой психики (и личности). Из того, в чем проявляется социум и личность, они трансформируются в то, чем она является. Они, фактически, становятся частью общей онтологии психического и, тем более, – онтологией личности в целом. Метасистемные качества как исходно принадлежащие именно метасистеме, становятся и собственными качествами самой системы – в данном случае личности. Тем самым, однако, не только в принципах организации, но даже и в самом содержании личности социум воспроизводится – воссоздается во всей его специфичности. Та онтология психического, которая порождается вследствие окачествления метасистемных качеств, дополняет собой иные онтологические аспекты психического (которые возникают вследствие действия этого же механизма, но по отношению к трем иным основным типам качеств – материальным, функциональным, системным).

Итак, завершая экскурс в проблему генезиса индивидуальных качеств личности и ее самой с позиций принципа метасистемности, можно сделать следующее заключение, непосредственно связанное с основой рассматриваемой в данной работе проблемой – проблемой субъективного времени. Оно состоит в том, что весь *процесс* социализации, содержанием которого как раз и выступает «встраивание» метасистемы – социума в систему (личность) не только может, но и должен быть рассмотрен именно с позиций понятия темпоральности. Процесс социализации – это, прежде всего, именно процесс, то есть организованная во временном отношении последовательность закономерных генетических этапов. Точнее было бы обозначить его как макропроцесс, поскольку он сопряжен с очень длительным временным интервалом, с биографическим масштабом времени. Важно и то, что в его результате формируются не только личностные качества как таковые, но и максимально интегральное из них, обозначаемое направленностью. Однако трудно не велеть того, что оно по своей природе также имеет специфически временной аспект –

направленность это ориентация на будущее. Можно видеть, что уже в основном свойстве личности также заложена – предусмотрена в ней временная координата. Время – в данном плане биографическое выступает и здесь не только феноменом – операндом, но и фактором и даже операционным средством – активным оператором, поскольку сама темпоральность не только вплетена в личностную структуру, но и локализуется на высшем уровне ее организации – в направленности личности как ее обобщающей характеристике. Кроме того, в связи с этим эксплицируется органичная связь метасистемного подхода к проблеме субъективного времени и таких – традиционных направлений его исследования, как биографическое, личностное, мотивационное, организационное, генетическое.

Таким образом, в этом параграфе были эксплицированы и проинтерпретированы основные направления генезиса субъективного времени, которые сопряжены с базовым механизмом конституирования субъективной реальности в целом – механизмом окачествления. В результате его действия, как можно видеть из представленных материалов, действительно, генерируется целый ряд очень значимых свойств и закономерностей – даже атрибутов субъективного времени, равно как и темпоральной формы организации психического. Более того, и многие уже известные их свойства также получают в этих позиций свое дополнительное объяснение, представая новыми гранями. Вместе с тем, по ходу всего анализа постоянно возникал и такой вопрос, который является критически значимым для понимания феномена субъективного времени в целом – именно как субъективного, то есть не просто входящего в субъективную реальность, но и во многом – составляющий ее и, следовательно, обладающий атрибутом непосредственной данности. В свою очередь, что также подчеркивалось выше, при этом возникает фундаментальная по своему статусу и значимости теоретическая проблема, смысл которой состоит в том, каким образом идеальное, несмотря на его сверхчувственный характер, становится, тем не менее, чувственно данным. Это – проблема обретения идеальным свойства чувственной данности, проблема механизмов сензитивности к идеальному. Она – именно по причине ее определяющей значимости заслуживает специального рассмотрения, что и будет осуществлено в следующем параграфе.

#### 6.4. Идеальное и системные качества

Обращаясь к рассмотрению данной проблемы, но не претендуя, разумеется, на ее полное решение, мы считаем возможным, тем не менее, сформулировать некоторые положения, содействующие ему. При этом мы будем опираться на ряд выполненных нами ранее исследований теоретического плана, в которых они уже были предметом исследования [256, 258]. Прежде всего, обратим внимание на следующее важное, но одновременно не вполне отвечающее априорным теоретическим ожиданиям положение. Его суть состоит в том, что, исходя из постулата наибольшей сложности категории системных качеств (и, соответственно, той реальности, которая ей обозначается), логично предположить, что именно эта категория, а также решение проблемы поиска соответствующего ей структурного уровня организации психики, будет приводить и к наибольшим сложностям теоретического порядка. Вместе с тем, несмотря на всю логичность данного предположения, в действительности, оно оказывается не совсем справедливым (или даже – несправедливым в существенной степени). Тому есть, как минимум, две основные и, по-видимому, не нуждающиеся в подробной аргументации причины.

Во-первых, это причина, носящая, так сказать, формально-логический характер. Она состоит в том, что системные качества (по определению) – это свойства, характеризующие систему *в целом* и, следовательно, возникающие, а также проявляющиеся на *общесистемном* уровне ее организации. Поэтому они соотносятся именно с данным уровнем, атрибутивно конгруэнтны ему. Таким образом, можно видеть, что, несмотря на действительно наибольшую сложность самих системных качеств, проблема поиска соответствующего им уровня решается, наоборот, значительно более просто, чем проблема установления соответствия иных типов качеств с другими уровнями организации систем в целом и с уровнями организации психики, в частности. Следует учитывать также, что именно на этом уровне как раз и достигается целостная организация и общая интеграция всех психических процессов<sup>138</sup>.

---

<sup>138</sup> Конечно, в этой связи необходимо учитывать, что существуют различные подходы к самой трактовке природы сознания, в том числе, и такие, которые отличаются от представленной выше.

Во-вторых, наиболее общее положение – о производности сознания от всей системы психических процессов, как известно, характерно для подавляющего большинства из подходов. Сам же этот уровень выступает, согласно общепринятым представлениям, еще одним, третьим и наиболее обобщенным структурным уровнем в организации психики – уровнем *сознания*. Аналогично тому, как существуют атрибутивная взаимополагаемость двух других типов качеств (материальных и функциональных) и двух основных структурных уровней (сенсорики и процессов), она же, по-видимому, имеет место и в еще одном плане. Это означает, что системные качества – как основной тип качеств в целом также являются взаимополагаемыми с еще одним уровнем – уровнем, на котором обеспечивается интегративное, целостное функционирование всех процессов, то есть с уровнем сознания. Понятие системных качеств (и реальность, обозначаемая им) наиболее непосредственно и достаточно закономерно связаны именно с этим уровнем, а также с феноменом сознания как таковым<sup>139</sup>.

Далее, при рассмотрении данного вопроса представляется целесообразным осуществить следующий гносеологический прием. В феномене сознания, с одной стороны, и в понятии системных качеств, с другой, необходимо выделить их основные, критически значимые – *атрибутивные* свойства, которые определяют их сущность и содержание. После этого необходимо сопоставить эти свойства, то есть, фактически, провести сравнительный анализ рассматриваемых сущностей. По отношению к понятию системных качеств данный вопрос решается относительно проще, поскольку в методологии системного подхода существуют достаточно четкие критерии дифференциации данного типа качеств. С одной стороны, это качества, которые присущи именно целостности, но которые отсутствуют у каждой из ее частей, а также у их аддитивной совокупности. С другой стороны, еще одной важнейшей их особенностью, которая одновременно является и их базовым дифференцирующим признаком по отношению к качествам иных типов, выступает их так называемый *чувственно-сверхчувственный* характер. Они тем и отличаются от других типов качеств, что могут быть

---

<sup>139</sup> Используя здесь и далее словосочетание «феномен сознания», мы не преследуем никакой иной цели, кроме той, которая состоит только в фиксации сознания как предмета исследования

не данными непосредственному чувственному восприятию – быть сверхчувственными. Другими словами, важнейшим и наиболее специфическим атрибутом системных качеств является уникально присущее им свойство, заключающееся в их чувственно-сверхчувственной природе. Они, характеризуя качественную определенность системы в целом и, более того, раскрывая и воплощая ее главные, наиболее интегративные особенности и свойства, могут быть, вместе с тем, и не данными чувственному восприятию. Они, существуя реально – онтологически, тем не менее, могут быть и не ощущаемыми, а потому репрезентируются лишь в сверхчувственной, то есть собственно идеальной форме. Само идеальное, следовательно, – это и есть доминантная и наиболее специфическая форма существования системных качеств как таковых. Форма их данности – принципиально иная, нежели чувственная данность. Однако от этого сам факт такой данности не перестает существовать. Они могут презентироваться субъекту не модально, а принципиально иными средствами – так сказать, амодально.

По отношению к феномену сознания данный вопрос значительно более труден, поскольку именно проблема экспликации и интерпретации его базовых атрибутов – это одна из наиболее сложных, вполне самостоятельных и, по существу, фундаментальных теоретических задач психологии. Она, к тому же, имеет ряд вариантов своего решения, которые отнюдь не всегда хорошо согласуются друг с другом. Вместе с тем, если все же выделять, так сказать, «главное из главного», то достаточно отчетливо эксплицируются два – именно главнейших, то есть *критически* значимых атрибута сознания. С одной стороны, это, разумеется, атрибут *целостности*, который, в свою очередь, имеет ряд своих модусов. В частности, это его производность от многих иных содержательных «составляющих» психики, но одновременно и несводимость к ним и к их агрегативной совокупности (то есть свойство супераддитивности) [256]. Это, далее, и принципиальная невозможность его существования вне целостности как таковой (неделимость) и ведущая роль механизмов интегративного плана в его обеспечении. Это – и локализация именно на высшем уровне организации психики в целом и др. [258] С другой стороны, ярчайшим атрибутом сознания является, конечно, свойство *идеальности* и, соответственно непосредственной данности – причем, данности не столько модальной, сколько амодальной. Содержание, а частично – и операционные средства психики

открываются ей самой в сознании отнюдь не посредством каких-либо органов чувств, а принципиально иначе – идеально (то есть сверхчувственно, амодально).

Констатируя наличие и у системных качеств, и у феномена сознания двух указанных – наиболее важных и, по существу, атрибутивных особенностей, нельзя, однако, не видеть их очевидного подобия<sup>140</sup>. Они, фактически, *идентичны* по их сути – природе и содержанию. Обнаруживается ситуация, при которой определяющие – критически значимые особенности (то есть именно атрибуты) системных качеств, с одной стороны, и феномена сознания, с другой, фактически, идентичны. Такое подобие, доходящее до степени совпадения, является не только очень принципиальным, но и вполне закономерным. В его основе, по нашему мнению, лежит еще более глубинная связь самих механизмов формирования системных качеств, с одной стороны, и функционирования сознания, с другой. Соответственно, механизмы, лежащие в основе порождения системных качеств, по-видимому, играют определяющую роль также и в организации сознания. Порождение – генерация этих качеств, а затем их реализация в функциональной организации сознания как его операционных средств, по всей вероятности, и лежит в основе собственно процессуальной динамики сознания, а в значительной степени составляет самую ее суть. Естественно, что эти положения носят пока характер, хотя и вполне обоснованных, но все же *предположений* и, соответственно, нуждаются в обосновании, что и будет предпринято ниже. Однако именно в их свете эксплицируется следующее – важное, на наш взгляд, обстоятельство. Если они, действительно, справедливы, то на функциональную организацию сознания, а также на его субъективно представленную феноменологию, должны транспонироваться все те атрибутивные особенности и свойства, которыми характеризуются системные качества в целом. Одновременно и само это транспонирование, если оно, действительно, обнаружится, должно рассматриваться как доказательство сформулированных выше предположений.

Возвращаясь к базовому атрибуту сознания – свойству *идеальности*, необходимо подчеркнуть следующее. Как бы ни трактовать сознание, с каких бы позиций его ни рассматривать, как бы ни эксплицировать

---

<sup>140</sup> Данный вывод был сделан при реализации двух предыдущих аспектов исследования – структурного и функционального в главах 3 и 4.

его содержание и структуру, никуда не уйти от того фундаментального факта, что сама его сущность состоит именно в его идеальной природе. Результативно – феноменологически оно всегда дано лишь как идеальное [140]. Понятия идеального и осознаваемого являются, фактически, взаимополагаемыми и естественным образом взаимно детерминированными. Любое содержание потому и осознается, что обретает форму идеального, переводится из любой иной формы репрезентации в психике именно в форму идеального. С этих позиций не только сознание в целом, но и его ключевой процесс – процесс *осознания* должен быть проинтерпретирован как перевод не-идеального в идеальное. Этот процесс, а точнее – даже механизм во многом и *является* таким переводом.

Вместе с тем, истинная сложность данного вопроса заключается в том, что идеальное само по себе, в принципе недоступно прямому чувственному восприятию; оно по самой своей природе в принципе, то есть *атрибутивно* сверхчувственно. Однако от того, что оно является сверхчувственным, а потому – не репрезентируемым сенсорно, оно не только не перестает быть фактом субъективной реальности, но, наоборот, выступает как наиболее очевидная и феноменологически бесспорная часть этой реальности (а строго говоря – и как вся она, и как *только* она). Следовательно, идеальное дано субъекту, но принципиально иначе, нежели это возможно посредством чувственного восприятия. В свою очередь, это означает, что в структуре психики в целом и в функциональной организации сознания, в особенности, должны быть представлены соответствующие – очень специфические средства и механизмы. Они должны обеспечивать эту «иную данность», которая является парадоксальной по самой своей сути: она, фактически, означает своеобразную «чувствительность к нечувственному» (точнее, к сверхчувственному), то есть к идеальному. Это – сензитивность к тому, для чего нет адекватных средств в самой сензитивности, то есть в сенсорно-перцептивной сфере. В связи с этим и возникает ключевой вопрос – как же это возможно?

Итак, анализ приводит к формулировке двух основных положений. С одной стороны, это положение о «чувственно-сверхчувственном» характере системных качеств как их базовом атрибуте и, соответственно, как о наиболее специфической форме их существования. С другой стороны, это положение о существовании особой – сверхчувственной форме данности идеального. Вместе с тем, их сопоставление свиде-

тельствует о том, что оба они являются не только теснейшим образом взаимосвязанными, но и, по существу, взаимополагаемыми. И именно эта их атрибутивная – глубинная и органичная взаимосвязь позволяет предложить один из возможных вариантов решения сформулированных выше вопросов, сущность которого состоит в следующем.

Одной из основных особенностей системных качеств (не исключено, что вообще – основной) является, как отмечалось выше, то, что они могут носить *сверхчувственный* характер. Они могут быть недоступными прямому чувственному восприятию и познанию; быть, так сказать, внемодальными, точнее – надмодальными. Кроме того, они могут обнаруживаться и «улавливаться» субъектом на основе и за счет выявления определенных инвариантов в чувственной информации – за счет ее интеграции, систематизации и структурирования. Они могут обнаруживаться также и в результате процедур концептуализации, идеализации и пр. Реально характеризуя объекты и принадлежа им, они могут, в то же время, обнаруживаться субъектом не за счет их прямого чувственного восприятия, а лишь на основе переработки информации об иных качествах – материальных и функциональных, то есть качеств, доступных чувственному восприятию. Поэтому системные качества по необходимости имеют идеальную природу – идеальную в том смысле, что они выступают продуктом и результатом обработки чувственных (то есть субидеальных) данных.

В связи с этим, несколько иначе, чем это полагается традиционно раскрывается и само понятие идеального. С одной стороны, идеальное предстает как необходимое содержание системных качеств как таковых, как модус их существования (по крайней мере, – в психике). С другой стороны, в идеальном достигается своего рода синтез сверхчувственного (то есть не данного посредством чувственного восприятия) и чувственного – данного психике. Ничто не обладает такой субъективной несомненностью как идеальное; оно дано субъекту, репрезентировано его психике непосредственно. Таким образом, идеальное – это такой способ «улавливания» психикой системных качеств (как сверхчувственных по своей природе), который позволяет сделать их чувственными – но не в том смысле, что они начинают ощущаться какой-либо модальностью. Более того, можно предположить, что само идеальное как очень существенная компонента психики, как форма ее существования – это и есть отображение

в ней системных качеств внешней среды. Если чувственное познание («до-идеальное») характеризуется сензитивностью по отношению к материальным и функциональным качествам, объективной реальности, то идеальное есть форма отображения и способ интрапсихического существования системных качеств внешнего мира.

При этом обязательно следует учитывать, что именно системные качества являются не просто и не только *одним из* базовых типов качеств объективной реальности. Они выступают *наиболее* обобщенным, интегративным, а потому – наиболее значимым и наиболее насыщенным в плане информационного содержания их типом. Следовательно, именно их адекватное и, по возможности, наиболее полное отображение является одновременно и наиболее значимым в плане обеспечения общего информационного взаимодействия со средой, в плане полноты ее репрезентации во внутреннем мире. Для этого они должны восприниматься, «улавливаться» субъектом именно в их атрибутивных особенностях и характеристиках – в их интегративном, обобщенном и синтетическом статусе, то есть как свойства и проявления феноменов организации и целостности объектов внешнего мира. Все это и оказывается возможным, благодаря тому, что они – именно в этой своей сверхчувственной природе адекватно репрезентируются в психике в аналогичной, то есть также сверхчувственной природе (как идеальные). Тем самым они составляют его суть и содержание идеального. Оно, а также его формирование и функционирование, должно быть понято в этой связи как такой способ «улавливания» и репрезентации важнейших качеств внешнего мира – его системных качеств, который адекватен самой их природе, а потому обеспечивает и адекватность самого их восприятия и последующего использования. Разумеется, пока не решенным остается другой – также очень важный вопрос: *что* же именно обеспечивает субъекту «чувствительность к сверхчувственному», то есть к идеальному? Почему оно не просто ощущается (пусть даже и специфическим образом), но и дано с максимальной степенью субъективной отчетливости и несомненности? Как оно становится содержанием сознания?

Действительно, в свете проведенного анализа, идеальное может быть интерпретировано как атрибут репрезентации системных качеств, как форма их отображения в психике. Однако это такая форма, которая, являясь системным качеством и, следовательно, сверхчувственным

свойством, все же субъективно дана – презентирована, но не чувственно, а в иной форме – в форме осознаваемого. Само идеальное дано лишь постольку, поскольку оно осознается, а механизм осознания – это и есть доступ к идеальному. Его содержанием как раз и выступает репрезентация психикой важнейших свойств реальности – системных качеств. В действительности, они репрезентированы в ней – даны субъективно и непосредственно как идеальное; они и составляют содержание самого идеального. Соответственно, они и ощущаются как именно такие, то есть по-особому – амодально, посредством осознания.

В свете этого, можно видеть, что системные качества являются основным *механизмом* конституирования идеального как такового. Они выступают уже не только как то, в чем нечто *проявляется* (то есть не только в своем гносеологическом статусе), а более глубинно – тем, чем нечто *является*. Посредством этого они раскрываются в своем онтологическом статусе – в качестве одного из механизмов и одного из операционных средств формирования идеального, а потому – и как одна из важнейших «составляющих» общей онтологии психического. В них материальный носитель организован в такой степени, что практически полностью «отрицается» его исходный материал. Тем самым выполняется один из важнейших критериев системных качеств: «в них есть то, чего в нем (то есть в материале – их носителе) нет». И наоборот, – «в нем (носителе) нет того, что в них есть (самого свойства идеальности)».

Кроме того, в этом плане можно констатировать ту же самую принципиальную ситуацию, которая уже была выявлена ранее в плане соотношения двух других типов качеств и других структурных уровней и которая заключается в следующем. Основные типы качеств «перерастают» свой гносеологический статус: они выступают уже не только тем, в чем *проявляется* та или иная сущность (и, следовательно, – через что она может быть изучена), но и тем, чем эта сущность *является*. Это означает, что они обретают статус операционных средств, а частично – и механизмов, лежащих в основе этой сущности. Они в значительной мере и порождают эту сущность, а потому – и *являются* ей, выступая тем самым уже в собственно *онтологическом* статусе. Подчеркнем также, что в данной связи вновь возникает фундаментальный вопрос о том, какой из этих двух статусов является *первичным* по отношению к психике; он имеет два варианта решения. Согласно одному из них, первичным является гносеологический статус; он со-

стоит в том, что психика обнаруживает системные качества в процессе познания, а затем фиксирует и использует их в особом типе качеств. Согласно другому варианту, первичным является онтологический статус; с его позиций системные качества выступают атрибутивно присущими психике операционными средствами и составляют само содержание тех механизмов, которые лежат в основе познания как такового. Они *порождают* (но не отражают), а в известной мере даже конструируют системные качества реальности. За счет этого, в свою очередь, и обеспечивается целостность, то есть именно системность репрезентаций объективной реальности. Однако именно эта целостность составляют, как известно, основу системности как принципа познания (и в практике повседневной деятельности – на уровне житейского познания, и в теории – в том числе, и в методологии системного подхода).

Во всем этом с высокой степенью очевидности и выраженности проявляется и то, что данные средства и механизмы выступают, фактически, как *видовые* по отношению к еще более общему, то есть *родовому* механизму. Это – механизм, вытекающий из самой сути генеративно-порождающей природы системных качеств как таковых и связанных с ними интегративных – синергетических эффектов. Его суть в том и состоит, что, благодаря системным качествам, оказывается возможным «*выход* за наличное содержание». Становится возможной генерация *нового* содержания и нового потенциала систем, несводимого к аддитивной совокупности множества ее компонентов (и непосредственно не выводимого из него). Этот общий механизм имеет целый ряд важных и в принципе известных в психологии проявлений и следствий. Например, это синтетическая по своей сути природа подавляющего большинства наиболее специфических для мышления операций – синтеза, обобщения, абстрагирования [481]. Это, далее, и основная загадка мышления (его наиболее «жгучая тайна»), состоящая в сущности перехода от посылок (и их суммы) к нахождению решения – как того нового, чего в принципе нет в простой сумме первых [291, 382]. Здесь механизм системных качеств выступает уже как ключевое звено, точнее – как базовый механизм, обеспечивающий получение принципиально нового содержания; как переход от данного к требуемому, как механизм генерации нового<sup>141</sup>. Наконец, это и ключевой атрибут сознания – его трансцендентность,

---

<sup>141</sup> Ниже данный процесс будет рассмотрен более подробно.

то есть постоянный «выход за наличное» [216, 351]. Сознание в каждый последующий момент времени – уже не то, чем оно было в предыдущий момент; оно постоянно и «выходит» за свои собственные границы, что и обеспечивается перманентной генерацией системных качеств [256]. Именно генерация системных качеств является механизмом этого «выхода» и лежит поэтому в основе трансцендентности сознания.

Итак, системные качества, выступая механизмом конституирования идеального, эксплицируют свой более общий смысл и даже своего рода – «миссию». Они являются общими по сфере действия и интегративными по природе *средствами*, обеспечивающим целый ряд важных психологических феноменов и закономерностей, особенностей и принципов организации психического. Фактически, системные качества – это и есть реальная онтология его интегративных механизмов, так сказать, «интеграция в действии». Причем, все это наиболее полно и явно представлено именно по отношению к конституированию идеального. Тем самым, высший уровень структурной организации психики – сознание, его содержание и механизмы оказываются непосредственно производными от еще одного базового типа качеств – системных [256]. Они, в свою очередь, выступают комплексным средством – генеративно-порождающим механизмом, приводящим к формированию и обеспечению функционирования психики в целом. За этим подобием стоят причины еще более глубокого и, по существу, фундаментального порядка: сами системные качества, по-видимому, выступают наиболее важным и специфическим операционным средством, механизмом феномена сознания как такового. Это объясняется тем, что именно они обеспечивают возможность существования такого уникального свойства, каковым является свойство идеальности, сверхчувственности.

Далее, при такой постановке проблемы очень показательно и, в то же время – доказательно, что она сразу же обнаруживает свою связь с другим – не просто важным, но и во многом определяющим и наиболее сложным вопросом. Это вопрос о тех *средствах* и *механизмах*, которые лежат в основе наиболее важного и во многом остающегося «загадочным» свойства психики – свойства *самосензитивности* и, соответственно, *саморепрезентированности*. Действительно, предложенный выше вариант решения вопроса о взаимосвязи и взаимопологаемости системных качеств и атрибута идеальности сознания одновременно ставит и другой – также очень значимый вопрос, суть которого заключается

в следующем. Каким образом и за счет каких механизмов системные качества (как сверхчувственные, а потому – представленные в идеальной форме и составляющие основу содержания сознания) оказываются, однако, не просто «ощущаемым», но и составляют *наиболее* очевидную и непосредственную субъективную данность? Как они трансформируются из сверхчувственных в чувственные? Каким образом достигается, казалось бы, недостижимое – обретение психикой «чувствительности к сверхчувственному», а значит – не-чувственному? В этих вопросах, собственно говоря, и эксплицируется тесная связь и взаимополагаемость двух атрибутов сознания – идеальности и непосредственной данности. При этом следует, конечно, помнить, что само идеальное составляет, хотя и важнейшую, но все же часть всей субъективной реальности, в том числе и репрезентированной на уровне сознания. Кроме того, и чувственная данность не сводится только к той ее части, которая входит в сферу идеального (как сверхчувственного). В то же время, именно потому, что идеальное – это важнейшая и определяющая сфера всего содержания сознания, то выявление механизмов сензитивности именно к нему является наиболее репрезентативным и в плане общей проблемы самосензитивности психики в целом.

#### **6.4.1. Механизм обретения чувствительности к идеальному**

Данный вопрос тесно связан и с более общей проблемой установления базовых принципов функциональной организации сознания в целом и с одним из них, в частности, состоящим в следующем. Как известно, во всем многообразии проблем, возникающих при изучении закономерностей его функциональной организации, традиционно и практически единодушно выделяется такая, которая рассматривается и как наиболее важная – *критически* значимая для этой организации в целом, а одновременно и как наиболее сложная. Речь идет, разумеется, о проблеме, обычно формулируемой как проблема *механизма осознания*. Ее суть заключается в том, чтобы выявить, как конкретно – с помощью каких средств и процессов осуществляется переход от неосознаваемого к осознаваемому, то есть как возникает само *качество осознаваемости*? Безусловно, взятая в ее полном объеме и истинном масштабе, данная проблема, являющаяся, по существу, «ядром» всей психологии сознания, характеризуется беспрецедентной сложностью.

Уровень этой сложности таков, что попытки ее решения могут носить по необходимости лишь характер того или иного приближения к нему, но, конечно, не претендовать на «полноту и окончательность». Более того, одной из характерных особенностей проблемы сознания в целом и проблемы «механизма осознания», в особенности, как раз и является то, что получение новых данных по ним зачастую не только не содействует более полному их объяснению, но напротив, – демонстрирует еще бóльшую их сложность, нежели это представлялось исходно. Отдавая полный отчет в этом, необходимо, однако, помнить и о другом: без попыток решения именно данной проблемы не только весьма затруднителен, но и вряд ли возможен ощутимый прогресс в разработке многих иных – также основных, но производных от нее проблем психологии сознания. В связи с этим, вполне очевидно, что конструктивность и обоснованность того или иного вновь предлагаемого объяснительного средства в значительной степени определяется тем, насколько он способствует решению именно данной ключевой проблемы.

Предпринимая попытку ее решения, зафиксируем предварительно два исходных положения, которые одновременно являются средствами ее необходимой операционализации и приведения к более конкретному виду. Первое из них как раз и заключается в том, что очень важная и, не исключено, определяющая роль в функциональной организации сознания принадлежит формированию и последующей реализации в этой организации особого типа качеств – системным, а также тем механизмам, которые, собственно говоря, и лежат в основе их формирования и реализации. Порождение – генерация этих качеств, а затем их реализация в функциональной организации сознания как ее операционных средств, лежит в основе собственно процессуальной динамики сознания и в значительной степени составляет самую ее суть.

Однако, если это так, то на функциональную организацию сознания, а также на его субъективно представленную феноменологию должны транспонироваться все те атрибутивные особенности и свойства, которыми характеризуются системные качества в целом. Важнейшим и наиболее специфическим среди такого рода атрибутов является, как показано выше, уникально присущее системным качествам свойство, заключающееся в их «чувственно-сверхчувственной» природе. Они, как уже отмечалось выше, характеризуют качественную

определенность системы в целом и, более того, раскрывая и воплощая ее главные, наиболее интегративные черты, могут быть, вместе с тем, и не данными чувственному восприятию, то есть носить сверхчувственный характер. Эти качества, существуя реально, онтологически, тем не менее «не ощущаемы», а потому могут репрезентироваться лишь в сверхчувственной, то есть идеальной форме. Идеальное, следовательно, – это и есть доминантная и наиболее специфическая форма существования системных качеств как таковых.

Кроме того, необходимо учитывать и другое – также обоснованное выше положение, носящее еще более общий характер, поскольку оно конкретизирует по отношению к рассматриваемой проблеме не просто *один* из атрибутов сознания в целом, а его *важнейший* атрибут – свойство идеальности. Мы уже отмечали, что как бы ни трактовать сознание и с каких бы позиций его ни рассматривать, никуда не уйти от того фундаментального факта, что сама его суть состоит в идеальной природе; в том, что результативно и феноменологически оно всегда дано лишь как идеальное. Понятия идеального и осознаваемого являются, фактически, взаимополагаемыми и естественным образом взаимодетерминированными. Любое содержание потому и осознается, что обретает форму идеального, переводится из любой иной формы репрезентации в психике именно в форму идеального. С этих позиций и само осознание должно быть проинтерпретировано как перевод не-идеального в идеальное; точнее – является им. Поэтому и общая проблема «механизма осознания» может быть конкретизирована до вопроса о механизмах трансформации не-идеального в идеальное. Само идеальное дано субъекту, но дано принципиально иначе, нежели это возможно посредством чувственного восприятия. В свою очередь, это означает, что в структуре психики в целом и в функциональной организации сознания, в особенности, должны быть представлены такие средства и механизмы, которые обеспечивали бы собой эту – иную данность.

Таким образом, можно видеть, что два рассмотренных выше положения (о «чувственно-сверхчувственном» характере системных качеств как доминантной и наиболее специфической формы их существования, а также об особой – сверхчувственной форме данности идеального) являются не только теснейшим образом взаимосвязанными, но и взаимополагаемыми. И именно эта их атрибутивная – органическая взаимосвязь позволяет предложить один из возможных

вариантов решения общего вопроса о природе непосредственной данности идеального, а также о содержании процесса осознания.

На наш взгляд, это возможно на основе учета базовых особенностей системных качеств как таковых в целом и их сверхчувственного характера, в особенности. Они, как отмечалось выше, могут быть недоступными прямому чувственному восприятию и познанию; быть, так сказать, внереальными, точнее – надреальными. Реально характеризуя внешние объекты и принадлежа им, они могут в то же время, обнаруживаться субъектом не за счет их «прямого» чувственного восприятия, а на основе переработки информации об иных качествах – материальных и функциональных, то есть качеств, доступных чувственному восприятию. Поэтому системные качества по необходимости имеют идеальную природу – идеальную в том смысле, что они выступают продуктом и результатом обработки чувственных (то есть субидеальных) данных. В этом плане идеальное как очень существенная компонента психики, как форма ее существования – это и есть отображение в ней системных качеств внешней среды. Если чувственное познание («до-идеальное») характеризуется сензитивностью по отношению к материальным и функциональным качествам, объективной реальности, то идеальное есть форма «отображения» и способ интрапсихического существования системных качеств внешнего мира. Для этого они должны восприниматься, «улавливаться» субъектом именно в их атрибутивных особенностях и характеристиках – в их интегративном, обобщенном, синтетическом статусе, то есть как свойства и проявления феноменов организации и целостности объектов внешнего мира. Вместе с тем, именно в связи с этим и формулируется наиболее важный вопрос – *что именно обеспечивает субъекту «чувствительность к сверхчувственному», то есть к идеальному? Почему оно не просто ощущается, но и дано с максимальной степенью субъективной отчетливости и несомненности? Как оно становится содержанием сознания? По нашему мнению, можно предложить следующий – пока по необходимости гипотетический ответ на эти и производные от них вопросы.*

Как было показано выше, само идеальное может быть интерпретировано как общее свойство репрезентирования системных качеств, как форма их отображения в психике. Однако это уже такая форма, которая, являясь системным качеством и, следовательно, сверхчувственным

свойством, все же субъективно дана. Она презентирована, но, повторяем, не чувственно, а по иному – осознаваемо. Само идеальное дано лишь постольку, поскольку оно осознается, а механизм осознания – это и есть «доступ» к идеальному. Таким образом, сам механизм осознания, который так понятен субъективно и который так часто упоминается в психологической литературе, предстает именно как механизм презентации психикой важнейших свойств реальности – системных качеств. Они презентированы – даны субъективно непосредственно как идеальное; составляют содержание идеального и «ощущаются» как именно таковые, но по-особому – амодально, посредством осознания.

Данное заключение, имея самостоятельное значение, приводит, однако, к еще более сложному и имплицитному вопросу, сущность которого заключается в следующем. Каким образом и за счет каких механизмов системные качества как сверхчувственные, а потому – представленные в идеальной форме и составляющие основу содержания сознания оказываются, тем не менее, не просто «ощущаемыми», но и составляют наиболее очевидную и непосредственную субъективную данность? Как они трансформируются из сверхчувственных в чувственные? Каким образом достигается, казалось бы, недостижимое – обретение психикой чувствительности к сверхчувственному?

Не претендуя, разумеется, на полное решение этого беспрецедентного по своей сложности вопроса, обратим, однако, внимание на ряд обстоятельств, которые могут содействовать такому решению. И идеальное в целом, и любая его парциальная составляющая, представленная, например, в виде отдельных знаний (и их комплексов) есть не что иное, как форма существования в психике особых и очень специфических качеств – системных. Оно – идеальное потому и является таковым, то есть сверхчувственным, что воплощает в себе важнейший атрибут системных качеств как таковых – их сверхчувственный характер. Вместе с тем, будучи сверхчувственным, идеальное, однако, оказывается все же данным субъекту и поэтому – «ощущаемым» им, обретающим свойство чувствительности к нему.

Констатируя это, обратим, далее, внимание на то, что само понятие системных качеств как объяснительное средство необходимо рассматривать не только, так сказать, «само по себе» (что, впрочем, также немаловажно), но и во взаимосвязи с двумя другими основными типами качеств – материальными и функциональными. Именно «триа-

да» этих основных типов качеств, как известно, является необходимой и во многих случаях достаточной для раскрытия качественной определенности систем в целом. Кроме того, следует обязательно учитывать, что материальные и функциональные качества характеризуются важной особенностью, являющейся противоположной по отношению к атрибутам системных качеств: они в принципе доступны чувственному восприятию, непосредственно ощущаемы. То же самое с полным правом можно констатировать, однако, и в отношении репрезентации психикой своих собственных материальных и функциональных качеств. «Материал» психического представлен онтологически, то есть субстанционально в форме содержания ощущений, образов и пр. – вообще всего так называемого «отраженного», то есть всех операндов, составляющих это содержание. Этот «материал» обладает несомненной чувственной данностью, непосредственно ощущается.

Аналогичной прямой чувственной доступностью характеризуются и собственно функциональные проявления психики. Действительно, не только содержание того или иного процесса (начиная от ощущения и заканчивая мышлением) непосредственно дано субъекту, но аналогичной данностью обладает и сам *факт* развертывания того или иного процесса, сам факт его наличия. Любой психический процесс как форма проявления того или иного функционального аспекта организации психики, сам факт его существования, а в значительной степени – и его операциональные характеристики и особенности также доступен чувственному восприятию. Психические процессы не только даны субъекту – ощущаются непосредственно, но во многом эквивалентны самой этой субъективной данности, то есть *является ей*. Следовательно, материальные и функциональные качества психики обладают общей фундаментальной особенностью – они характеризуются по отношению к субъективной реальности именно *чувственной* данностью, носят непосредственно воспринимаемый характер. И в этом они принципиально отличаются от системных качеств, которые, напротив, являются атрибутивно сверхчувственными. Вместе с тем, и они, как неоднократно подчеркивалось выше, также оказываются данными субъекту – специфическим образом «чувствуются» им, несмотря на их сверхчувственность и неоощуаемость.

Далее, следует обязательно учитывать, что все три основных типа качеств (материальные, функциональное и системные) не только тесно

взаимосвязаны, но и взаимообусловлены и в структурно-функциональном, и в генетическом плане. Это означает, что качества более высокого порядка сложности выступают как продукты и результаты организации качеств более низкого порядка. Так, функциональные качества – суть продукт и результат соорганизации компонентов какой-либо системы в процессе ее функционирования, а значит – и эффект соорганизации самих материальных качеств этой системы и ее компонентов. В свою очередь, соорганизация ряда частных функциональных проявлений системы (и, следовательно, ее функциональных качеств) в целостном процессе ее функционирования порождает и наиболее обобщенные, то есть собственно системные качества. Они тем самым выступают продуктами интеграции функциональных, а также – опосредствованно – и материальных качеств. В них, следовательно, представлены, хотя, разумеется, в снятом виде, и материальные и функциональные качества. Все это – своеобразные «аксиомы» системной методологии. Вместе с тем, при их реализации обычно делается акцент лишь на том аспекте взаимосвязи и взаимообусловленности качеств, который был отмечен выше, то есть на том, как более сложные качества порождаются на основе менее сложных; как системные качества интегрируются из функциональных, а сами функциональные – из материальных. Однако, на наш взгляд, не менее важен и другой – противоположный, то есть своего рода «зеркальный» по отношению к предыдущему аспект общей организации трех типов качеств и их взаимодействий.

Действительно, с достаточной долей обоснованности можно предположить, что в реальном функционировании систем, особенно – сложных и сверхсложных имеет место и трансформация качеств более высокого порядка в качества более низкого порядка. Это означает, что системные качества могут трансформироваться в функциональные, а функциональные – в материальные. Что касается второй из отмеченных трансформаций, то она имеет многочисленные и в принципе хорошо известные (в том числе и в психологии) референты и проявления. Они обозначаются обычно обобщающим термином «кристаллизации функции в структуре» [25, 77, 78]. Однако, тот же самый в принципе механизм, по всей вероятности, характерен и для соотношения системных и функциональных качеств: первые также могут трансформироваться во вторые. Это означает, что система, характеризуясь своими наиболее обобщенными и интегративными качествами – си-

стемными, а зачастую и порождая их, оказывается в состоянии затем использовать их же, но уже как своего рода средства, как свои частные функциональные характеристики. Собственно говоря, именно эта – фундаментальная, на наш взгляд, особенность организации сверхсложных систем в очень отчетливой форме обнаруживается в другой – также важнейшей особенности их функциональной организации. Она состоит в том, что эти системы обладают способностью не только к порождению какого-либо *результата* (характеризуемого обобщенными, то есть именно системными качествами), но и к последующему использованию этого результата, но уже в качестве *условия* для дальнейшего развертывания их функционирования. Тем самым в их организации очень существенную роль начинает играть механизм, который можно обозначить как *трансформация результата в процесс*. Однако в основе самого этого механизма как раз и лежит, как следует из *проведенного* анализа еще более глубинный механизм – *трансформация системных качеств в функциональные*. Первые, характеризуя результат функционирования системы в целом на каком-либо интервале времени, а потому являются именно обобщенными (результативными) его характеристиками, то есть его системными качествами. Однако, они же, но на иных – последующих этапах фиксируются системой и используются как операционные средства его дальнейшей функциональной организации, то есть начинают выступать уже как собственно функциональные качества<sup>142</sup>.

В этой связи необходимо подчеркнуть также, что данная особенность организации сверхсложных систем в еще более общем плане является прямым следствием того, что в них воплощен особый тип системности – *временная*, темпоральная системность. Процесс, организованный на ее основе, как было показано выше, может развертываться таким образом, что на каждом последующем его этапе в качестве содержательных посылок, условий, факторов и пр., то есть, фактически, его *детерминант* реализуются те результаты, которые были получены на предшествующих его этапах. Результат «распознается» системой, фиксируется ей и *в ней*, а затем трансформируется в содержание процесса – в совокупность его детерминант,

---

<sup>142</sup> Эти механизмы рассматривались также в главе 4, поэтому результаты их рассмотрения должны быть учтены и в процессы проводимого здесь анализа.

но уже на следующей фазе функционирования<sup>143</sup>. Сам же процесс обретает способность использовать результаты своего собственного осуществления в качестве операционных средств для его организации и развертывания на последующих фазах реализации. Благодаря такому «погружению» результата в процесс, достигается и своеобразная чувствительность к содержанию самого процесса как таковому, что субъективно репрезентируется как его данность субъекту именно в аспекте содержания (через возможность репрезентации и идентификации содержания промежуточных результатов). Кроме того, за счет этого же создаются предпосылки и для воздействия на организацию процесса – возможности управления ходом процесса на основе уже полученных парциальных результатов.

Вместе с тем, если это, действительно, имеет место по отношению к любому – отдельно взятому процессу, то это же, но с еще большей степенью обоснованности справедливо и по отношению ко всей их системе, синтез которых и образует онтологию функционирования психики. Следовательно, на каждом последующем «такте» функционирования всей макросистемы процессов в этом функционировании оказывается представленным содержание предшествующего «такта». Оно репрезентировано именно как содержание – как результат предшествующего «такта». Тем самым, но уже не на уровне отдельно взятого процесса, а на уровне всей их макросистемы (которая, повторяем, и составляет содержание функционирования психики) она обретает способность чувствительности по отношению к своему же собственному содержанию, то есть фундаментальное свойство *самосензитивности*. Целое (вся система процессов, составляющих содержание функционирования психики на предшествующем временном этапе), воплощаясь – фиксируясь и мультиплицируясь в результате этого функционирования как его частном проявлении, затем – на следующем этапе и выступает именно как все это «целое», но уже репрезентированное субъективно. Мы уже отмечали ранее, что именно с позиций механизма временной системности по-новому формулируется и наиболее острая проблема психологии сознания, обозначаемая

---

<sup>143</sup> Одним из наиболее отчетливых проявлений данного механизма выступает функциональная организация деятельности. Данный вопрос подробнее был рассмотрен в параграфе 4.5.

обычно как «проблема гомункулуса» [671]<sup>144</sup>. Более того, она получает и дополнительные возможности своего решения. Действительно, психика «в лице» сознания обладает способностью к самосензитивности (чувствительности к своему собственному содержанию) отнюдь не потому, что оно представляет собой некоторый «распознаватель» этого содержания. Эта способность в целом и сознание как ее проявление становятся возможными, благодаря именно временной организации функционирования психики. Суть такой организации заключается в том, что она же сама, но на последующих «тактах» функционирования как раз и включает – мультиплицирует результаты, то есть содержание функционирования на предшествующем «такте», а тем самым как бы декодирует, распознает свое же собственно содержание. Поэтому и решение ключевой проблемы психологии сознания – проблемы самосензитивности может быть осуществлено лишь через привлечение *категории времени*, через включение в организацию сознания «временной координаты», то есть на основе закономерностей его темпоральной организации.

Следовательно, можно видеть, что сама суть функциональной организации сложных систем, позволяющая обрести ее черты необходимой организованности, то есть выступить в собственно процессуальной форме, обязательно и объективно предполагает наличие двух взаимосвязанных механизмов. Первый – это описанный выше механизм транспонирования результатов процесса на том или ином этапе его развертывания в его содержание, в его условия и их использование в качестве операционных средств, но уже на последующих этапах. Второй – это механизм трансформации системных качеств в функциональные, а также сама способность к использованию первых в роли вторых. Кроме того, эти два механизма не только не являются автономными, но, напротив, механизм трансформации системных качеств в функциональные выступает, по всей вероятности, основой

---

<sup>144</sup> Напомним, что ее суть заключается в следующем. Для распознавания – осознания содержания сознания в нем должна быть представлена инстанция, обладающая способностью к этому и обладающая, следовательно, большими возможностями, чем само сознание. Однако, для того, чтобы эта инстанция сама обрела способность к осознанию, в ней также должна быть представлена еще одна инстанция, обладающая аналогичной способностью, и так – до бесконечности.

для существования механизма трансформации парциальных результатов процесса в само содержание этого процесса, в порождении им же самим все новых условий, средств, посылок для его развертывания.

На основе проведенного выше анализа можно сделать вполне обоснованное заключение, непосредственно связанное с целью основного – рассматриваемого здесь вопроса. Действительно, если механизм трансформации системных качеств в функциональные не только имеет место, но и составляет основу функциональной организации систем, то становится возможным и обретение ими принципиального нового свойства, новой способности. Она состоит в чувствительности к своим же собственным системным качествам, к их «восприимчивости» и последующем использовании как операционных средств своей же функциональной организации. Это оказывается возможным благодаря тому, что сами системные качества, будучи, естественно, исходно сверхчувственными и поэтому невосприимчивыми на каком-либо интервале функционирования, затем – на последующем его этапе трансформируются в иной статус, в иную категорию качеств – в собственно функциональные. Последние, однако, как известно, уже характеризуются принципиальной доступностью именно чувственному восприятию, а потому «ощущаются» системой в непосредственном и полном объеме и с такой же степенью очевидности, субъективной данности. Система на основе этого механизма получает, фактически, неограниченный доступ ко всему своему содержанию, в том числе – и к такому, которое представлено в форме ее наиболее интегративных, то есть именно системных качеств.

По отношению к психике это – представленное в форме ее системных качеств содержание как раз и репрезентировано как ее идеальное содержание в целом, являющееся одновременно и наиболее специфическим содержанием сознания. Посредством этого, однако, идеальное (как сверхчувственное) обретает возможность быть чувственным. Достигается возможность, казалось бы, невозможного – чувствительность к сверхчувственному. Сам же этот переход, точнее – трансформация системных качеств в функциональные составляет, следовательно, основу атрибута непосредственной данности идеального в целом. Он лежит и в основе перехода того или иного содержания психического из неосознаваемой формы в осознаваемую, то есть механизма осознания, в частности.

С позиций изложенных представлений вполне естественным и даже – необходимым образом решается также и еще один вопрос, традиционно дискутируемый в психологии сознания, суть которого состоит в следующем. Механизм осознания, будучи, конечно, объективно очень сложным в аспекте его содержания, средств и тем более – психофизиологических процессов, обеспечивающих его, в то же время, обязательно должен быть достаточно прост, легок и естественен в плане его реализации субъектом. Более того, феноменологически несомненной данностью, обладающей высокой степенью очевидности, является то, что осознание практически всегда осуществляется именно так – достаточно легко и не требует ощутимых субъективных затрат. Тем самым возникает острое противоречие между реальной – онтологической, объективной сложностью процесса и «механизма осознания», с одной стороны, и его субъективной простотой и легкостью, с другой.

Вместе с тем, данное противоречие в значительной степени преодолевается (или даже – не возникает), если учесть, что субъект овладевает этим механизмом и использует его не прямо, а косвенно, хотя, повторяем, и очень естественным образом – через использование результатов, данных непосредственно, в качестве условий и содержательных посылок, компонентов реализации самого процесса. Данность результатов в их содержательных характеристиках (что составляет несомненную и фундаментальную особенность организации психики) – это и есть прямая предпосылка и основное условие для реализации механизма трансформации системных качеств в функциональные, а следовательно, и для достижения высокой степени легкости механизма осознания.

Кроме того, с этих позиций несколько по-иному предстает и само понятие процесса в целом и процесса осознания, в особенности. Процессуальная форма организации сознания раскрывается как необходимое следствие и общее проявление фундаментального механизма трансформации системных качеств в функциональные. Существование системы «во времени», ее онтологически представленное бытие, порождая с необходимостью, то есть объективно, обобщающие результаты такого бытия – ее системные качества, столь же объективно требует их реализации в самом этом бытии, но уже в статусе иных – функциональных качеств.

Итак, подводя промежуточные итоги проведенному анализу, можно заключить, что, действительно, важную роль в обеспечении

процесса осознания играет описанный выше механизм *трансформации системных качеств в функциональные*. Он, пронизывая собой весь этот процесс, составляет важную грань и, не исключено, – основу самого «механизма осознания». Вместе с тем, его обнаружение и констатация очень значимой роли не только решает, но и ставят новые, дополнительные вопросы, а также, что еще более существенно, содержит необходимые предпосылки для их возможного решения. Ключевым и наиболее репрезентативным в плане общей, рассматриваемой здесь проблемы является, по-видимому, следующий вопрос, к постановке которого приводит осуществленный выше анализ и который можно сформулировать следующим образом.

Действительно, с одной стороны, именно благодаря механизму трансформации системных качеств в функциональные достигается возможность перевода идеального как сверхчувственного в чувственное. Тем самым обеспечивается – пусть и специфическая, но все же именно ощущаемость идеального, его непосредственная данность субъекту. В конечном счете, это становится возможным, благодаря тому, что сами функциональные качества, в отличие от системных, доступны чувственному восприятию, ощущаемы. С другой стороны, данный вывод ставит не менее принципиальный вопрос о том, почему же, собственно говоря, функциональные качества обладают этим атрибутом – свойством их чувственной данности, ощущаемости. Как вообще следует понимать и интерпретировать тезис о функциональных качествах как чувственных, доступных непосредственному восприятию? Благодаря чему – каким более конкретным причинам и факторам, процессам и механизмам достигается эта «чувственность»? Что означает сама эта чувственность – данность, ощущаемость? На основе всей совокупности представленных выше материалов можно предложить следующий вариант решения указанных вопросов<sup>145</sup>.

В самом деле, как следует из этих материалов, механизм трансформации системных качеств в функциональные непосредственно сопряжен с другим – также очень значимым механизмом. Это – меха-

---

<sup>145</sup> Кроме того, в ходе дальнейшего анализа необходимо учитывать те результаты, которые получены в предыдущем параграфе по отношению к специфике функциональных качеств и их роли в конституировании субъективной реальности в целом и субъективного времени, в частности.

низм транспонирования результатов того или иного процесса в условия, то есть в содержательные посылки его же собственного развертывания, но на последующих этапах реализации; он был обозначен также как механизм «погружения» результата в процесс. Более того, первый из этих механизмов является основой и конкретным средством реализации второго. Однако именно это и означает, что тот или иной результат, являясь носителем системных качеств всего процесса в целом, то есть, выступая его наиболее обобщенными – интегративными, именно результативными проявлением на каком-либо временном интервале, на другом – следующем интервале уже утрачивает статус целого и становится частью – условием, посылкой для дальнейшего развертывания процесса. При этом он, «погружаясь» в процесс, вместе с тем, конечно, сохраняет все те основные особенности и свойства, которые были присущи ему и которые характеризуют его как таковой. Если бы эти – достигаемые посредством предыдущего этапа особенности не сохранялись и не воспроизводились на последующих этапах процесса, то и само использование результата в качестве условия процесса было бы просто лишено смысла. Следовательно, становясь частью процесса – «погружаясь» в его содержание, тот или иной результат сохраняет, хотя и в «снятом» виде основные его характеристики, присущие ему как таковому. И наоборот, эти характеристики начинают окрашивать собой все последующее развертывание процесса на иных этапах его осуществления.

Вместе с тем, следует, конечно, учитывать и то, что основой – онтологической базой для реализации любого акта осознания как раз и выступает вся система *когнитивных процессов*, представленных в их единстве и целостности. Поэтому и сам механизм «погружения» результата в процесс осуществляется не по отношению к какому-либо абстрактному и не вполне определенному процессу, а к процессу функционирования всей системы когнитивных процессов. Результаты, достигаемые на том или ином этапе осознания (или даже в отдельные микроинтервалы времени), становятся тем самым объективными составляющими – содержательными компонентами процесса функционирования когнитивной системы в целом и каждого из входящих в нее процессов, в частности. Сами результаты оказываются воплощенными – презентированными субъекту именно посредством этих процессов – *в них и через них*. Однако, как из-

вестно, любой когнитивный процесс имеет собственную – сложную, иерархически построенную структурную организацию и базируется, в конечном счете, на тех или иных основных психических (и психофизиологических) *функциях*. Они, в свою очередь, выступают онтологической основой, базой для формирования и развертывания когнитивных процессов как таковых.

Следовательно, любой осознаваемый результат, «погружаясь» в содержание процесса, но на последующих этапах его реализации (и утрачивая поэтому статус целого, становясь его частью), подвергается двоякой, точнее, двуединой трансформации. С одной стороны, он становится частью не какого-либо абстрактного – особого и не вполне определенного процесса, а начинает выступать органичной и естественной «составляющей» функционирования совокупности именно когнитивных процессов в целом. Он распределяется по всей этой совокупности, входя в состав каждого из когнитивных процессов, и репрезентируется через них, «окрашиваясь» их собственным содержанием. С другой стороны, именно в силу того, что результат «погружается» в содержание вполне конкретных и качественно определенных процессов – когнитивных, обеспечивается и еще один эффект. Каждый из основных когнитивных процессов, как уже отмечалось, имеет в качестве своей онтологической основы ту или иную психическую функцию. Эти функции, выступая именно онтологической базой, основой каждого из процессов, являются в такой же степени психическими, в какой и психофизиологическими. Они лежат в основе обеспечения психических процессов, а потому и составляют в значительной степени само содержание – онтологию психического и обеспечивающих его психофизиологических механизмов. Они не только *не требуют* поэтому каких-либо дополнительных средств для того, чтобы стать ощущаемыми – данными чувственному восприятию, но как раз и *составляют* саму суть этой ощущаемости, чувственной данности. Они являются не только тем, благодаря чему достигается возможность чувственного восприятия чего-либо, но и составляют саму эту чувственность и ощущаемость, поскольку выступают функциональными аспектами самой онтологии психического. Другими словами, они не требуют дополнительных механизмов и средств для обретения ими чувственности именно потому, что сами и являются ей.

Таким образом, можно видеть, что развертывание механизма трансформации результатов в содержание процесса приводит, в конечном счете, к тому, что и сами результаты (представленные в виде системных качеств, в идеальной форме – как осознаваемое), оказываются представленными как части в содержании когнитивных процессов. Однако именно поэтому они – результаты, становясь частями указанных процессов и «погружаясь» в их содержание, объективно включаются и в развертывание тех функциональных основ, на которых базируются сами эти процессы. Другими словами, результаты трансформируются не только в содержание процессов, но и в динамику тех функций, на основе которых реализуются сами эти процессы. Вместе с тем, сами эти функции не только непосредственно даны – чувственно ощущаемы и воспринимаемы, но и являются по своей атрибутивной природе именно этой «чувственностью», несомненной данностью. Можно видеть, таким образом, что тем самым получает решение и исходный, сформулированный выше вопрос. Это вопрос о том, почему и как механизм трансформации системных качеств в функциональные, действительно, приводит к возможности их чувственного восприятия. Становится более понятным, как и почему само идеальное, выступающее основой содержания и формой существования сознания и представленное в сверхчувственном виде, становится, тем не менее, доступным чувственному восприятию, обладает атрибутом феноменологической данности, субъективной очевидности.

#### **6.4.2. Психические функции в структуре сензитивности к идеальному**

Представленные выше материалы демонстрируют, что системные качества, репрезентирующие собой идеальное как форму существования сознания, действительно, могут трансформироваться в функциональные качества. Тем самым они получают воплощение в содержании когнитивных процессов и обеспечивающих их психических функций, обретают за счет этого в самих функциях свою онтологическую базу. Во всем этом, однако, в очередной раз эксплицируется глубинная – атрибутивная связь функциональных качеств как их особого типа и базовых психических функций, на основе которых эти качества становятся возможными, и которая была подроб-

но рассмотрена выше. Функциональные качества психики в целом и сознания, в частности, потому и становятся возможными, а также непосредственно данными – ощущаемыми, что в их основе лежит вся совокупность основных психических функций. Эта глубинная и объективно представленная связь и взаимополагаемость функциональных качеств и психических функций, в конечном итоге, обеспечивает то, что функциональные качества, в отличие от системных, обладают чувственной данностью. Однако эта же связь обеспечивает и то, что само идеальное как модус существования системных качеств и основа содержания сознания также становится доступным чувственному восприятию, получает статус феноменологической данности. Сознание как идеальное становится, благодаря этому, одновременно и чувственной данностью; оно обретает атрибут субъективной ощущаемости, что и составляет важнейшую его черту в целом.

В свете сформулированных выше положений представляется целесообразным, далее, обратить специальное внимание еще на три достаточно значимых, на наш взгляд, обстоятельства. *Первое* из них состоит в следующем. Как можно видеть из проведенного анализа, он привел к необходимости обращения в целях объяснения присутствующих сознанию атрибутов идеальности и непосредственной данности к категории *психофизиологических функций*. Без этого очень затруднительно или даже невозможно дать решение наиболее важного вопроса о том, почему же сознание (как идеальное) обладает непосредственной данностью, а в этом смысле и чувственностью, точнее, – своеобразной, но все же именно ощущаемостью. Отсюда, однако, с очевидностью следует, что психофизиологические функции, вопреки традиционно доминирующей точке зрения, обязательно должны быть включены в общую структурную организацию самого сознания в целом. Они составляют качественно специфический уровень его собственной организации, локализованный в ее основании. Он, являясь базовым для всей иерархии иных уровней, соотносится с аналогичным, то есть также базовым – *онтологически* представленным уровнем психики в целом; на нем локализованы основные психофизиологические функции. Тем самым со всей очевидностью вскрывается и еще одно – достаточно значимое обстоятельство: понятие психофизиологических функций, а также представления об их составе и содержании являются необходимым средством раскрытия

закономерностей организации сознания. Дело в том, что именно с этих позиций, как можно видеть из проведенного анализа, открываются возможности для решения ключевого вопроса, возникающего при исследовании его организации, – вопроса о средствах, обеспечивающих чувствительность к идеальному.

Смысл *второго* следствия заключается в следующем. Одной из весьма характерных и достаточно негативных черт всей психологии сознания является своего рода гипертрофия его качественной специфичности и даже – уникальности как совершенно особого свойства, способности, феномена и пр. Конечно, для этого есть достаточно веские причины, состоящие в том, что сознание – это, действительно, уникальная сущность, не похожая во многих отношениях на иные предметы психологического исследования. Вместе с тем, абсолютизация данного положения привела к тому, что разработка проблемы сознания – и в историческом, и в традиционном, и в предметном планах осуществлялась и значительной мере продолжает осуществляться как относительно автономная, самодостаточная и не синтезированная в должной мере с иными – основополагающими психологическими проблемами. Так, вполне очевидным является отсутствие должного концептуального синтеза данной проблемы с проблемой психических процессов; невостребованность многих фундаментальных положений, полученных в ходе разработки последней, психологией сознания. И уж тем более, такой синтез не достигнут между психологией сознания и теми представлениями, которые существуют в области исследования психических (и тем более психофизиологических) функций. Они вообще обычно «выносятся за скобки» проблемы сознания, рассматриваются как не имеющие отношения к раскрытию его природы и закономерностей организации.

Вместе с тем, как показано выше, без включения категории психических функций в разработку проблемы сознания очень затруднительно или даже невозможно дать сколько-нибудь приемлемое решение ключевой проблемы всей психологии сознания – проблемы обеспечения чувствительности к идеальному как основной форме существования сознания, а также связанного с ней вопроса о «механизме осознания». И наоборот, включение в концептуальный аппарат психологии сознания данной категории в значительной степени содействует этому. В связи с этим, следует заключить, что и общий под-

ход к разработке проблемы сознания должен обязательно предполагать опору и на категорию психических функций. Отрывая сознание от той онтологической – объективно представленной базы, на основе которой оно, в конечном счете, реализуется и которая обеспечивает «чувствительность» к нему как к идеальному, то есть от системы психических функций, раскрыть природу сознания вряд ли возможно. Отметим также, что данное положение получило достаточно развернутое обоснование и развитие в сформулированном нами в работе [176] принципе функциональной организации сознания, обозначенном как *функционально-системный* принцип. Он, наряду с иными своими гранями, означает, что эта организация, в конечном счете и в своих глубинных – объективных, онтологических основаниях, как раз и базируется на психических функциях. Именно на их основе и посредством целого ряда межуровневых трансформаций строится и разворачивается вся иерархия иных – более сложноорганизованных уровней, образующая общую структурно-уровневую организацию сознания. И именно они обеспечивают то свойство, которое является наиболее трудным для объяснения и все еще во многом загадочным, постоянно ускользающим от понимания – свойство чувственной данности идеального как атрибутивно сверхчувственного.

Наконец, с позиций представленных материалов необходимо сформулировать и еще одно – *третье* основное следствие. Действительно, они привели, наряду с иными, к двум основным выводам. Во-первых, к выводу о существенной роли в функциональной организации сознания механизма трансформации системных качеств в функциональные, благодаря которому первые становятся доступными чувственному восприятию – ощущаемыми и воспринимаемыми. Во-вторых, к выводу о том, что сами функциональные качества потому и обладают свойством ощущаемости и непосредственной данности, что они, в конечном счете, реализуются в форме базовых психофизиологических функций. Вместе с тем, обратим внимание и на то, что оба этих вывода не являются независимыми друг от друга. Напротив, их следует рассматривать и интерпретировать как теснейшим образом взаимосвязанные, а их синтез позволяет заключить следующее. Сам механизм трансформации системных качеств в функциональные как раз и означает, что терминальными «носителями» этих – функциональных качеств, в конечном итоге, выступают основные психофизиологические функции.

Далее, необходимо учитывать, что в структурно-функциональной организации психики представлена, естественно, не какая-либо одна функция, а их определенная совокупность, точнее – система. Следовательно, сам механизм трансформации системных качеств в функциональные объективно предполагает воплощение, мультиплицирование любого системного качества в целый ряд функциональных качеств, соотносящихся с каждой из основных функций. То или иное системное качество, представленное как компонент идеального – как определенное осознаваемое содержание, становится не абстрактно ощущаемым и не чувствуемым вообще, а обретает одновременно *множество* чувственных репрезентаций<sup>146</sup>. Оно одновременно и *ощущается* как нечто свое; и *воспринимается* в целом – как некоторое целостное содержание; и удерживается «в фокусе» *внимания*; и репрезентируется как именно элемент своего опыта, зафиксированный *мнемически*; и, наконец, допускает принципиальную возможность активного воздействия на него посредством реализации операций *мыслительного*, интеллектуального плана. Поэтому любое системное качество, являясь формой существования идеального, но трансформируясь в иной статус – становясь функциональным, подвергается именно множественной трансформации, что обеспечивается множественностью самих психических функций. Любой компонент идеального, любая его «составляющая» (в частности, тот или иной фрагмент знаний) потому и является таким – именно идеальным, что он обеспечивается не каким-либо одним когнитивным процессом и не их суммой, а всей их системой. Лишь в этом случае то или иное содержание психики обретает статус осознаваемого знания – *целостного*, а значит и осмысленного, предметно отнесенного, включенного в контекст иных знаний, семантически наполненного и пр. В связи с этим, необходимо еще раз отметить одну из важнейших особенностей организации когнитивных процессов, являющуюся общей для них и также рассмотренную в предыдущей главе. Каждый из них имеет в качестве своей онтологической основы ту или иную психофизиологическую функцию, на базе которой он формируется, развивается и реализуется. Однако, сами функции, для того, чтобы быть ощущаемыми, доступными чувственной данно-

---

<sup>146</sup> Напомним также, что данный вопрос уже частично рассматривался в предыдущей главе.

сти уже *не требуют* каких-либо вспомогательных опосредствующих механизмов и средств, поскольку они как раз и являются этой данностью. Они (а строго говоря – только они) не просто чувственно даны, но и *конституируют* саму эту данность.

Кроме того, следует подчеркнуть, что, безусловно, ключевую роль в обеспечении самой этой закономерности играет наиболее общая, а одновременно и относительно наиболее простая, но в то же время базовая, «корневая» функция – функция сензитивности, лежащая в основе сенсорных процессов. Именно она, собственно говоря, и является чувствительностью как таковой; она не только *не требует* дополнительных средств для обеспечения этой чувствительности, но и сама выступает ей, обеспечивая аналогичный атрибут по отношению ко всем иным функциям и процессам. Однако именно она и именно постольку, поскольку является базовой и выступает «корневой» для всех иных функций (по определению), *включена* в их состав и в их содержание. Тем самым на них переносится ее главный атрибут – сама чувствительность как таковая. Поэтому все иные функции, обладая своей – дополнительной по отношению к ней качественной определенностью, в то же время, *воспроизводят* в себе этот главный атрибут (атрибут чувствительности). Поэтому все иные функции, базируясь на ней и включая ее в свое содержание, являются чувственно данными, ощущаемыми уже просто потому, что существуют, реализуются. Одновременно с этим чувственным становится и все то, что базируется на них и обеспечивается ими.

Тем самым и общая проблема чувствительности к идеальному не только получает с этих позиций свое достаточно естественное решение, но и, фактически, перестает выглядеть такой загадочной, как это нередко представляется. Такая чувствительность достигается благодаря тому, что психофизиологические функции как непосредственная чувственная данность органично, хотя и достаточно опосредствованно включаются в сам состав обеспечиваемых ими когнитивных процессов, которые, в свою очередь, и выступают основными «составляющими» сознания. Получая свое *онтологическое* обеспечение в системе психических функций, идеальное в целом и любые его фрагменты (в том числе, и важнейшие из них – знания как таковые) обретают тем самым и чувственный характер. Через психические функции сознание становится непосредственно «ощу-

щаемым знанием». Кроме того, в результате этого любой содержательный компонент идеального получает разноплановую – многомерную чувственную репрезентацию. Оно не просто и не только *чувствуется*, но и *воспринимается*, *приковывает внимание*, *представляется*, *помнится*, *мыслится*. Эта множественность чувственных репрезентаций как раз и лежит в основе того свойства сознания, согласно которому оно характеризуется не только целостностью, но и *дифференцированностью* – разноплановостью, объемом. Данный вывод можно, однако, представить и в своего рода инверсионной форме. Тот или иной фрагмент содержания психического потому и репрезентируется как компонент сознания, как идеальное, что он обеспечен целым рядом, точнее – системой функциональных качеств. Каждое из них соотносится с тем или иным когнитивным процессом, а вся их совокупность и порождает феномен знания как *интегративный эффект* всей совокупности когнитивных процессов.

Итак, выше мы достаточно подробно остановились на том, каким образом атрибутивные особенности системных качеств могут содействовать раскрытию и пониманию двух основных – также атрибутивных особенностей сознания (его идеальности и непосредственной данности). При этом следует учитывать, что именно они не только лежат в основе его, пожалуй, важнейшего и также атрибутивного свойства – самосензитивности, самопрезентированности, но и, фактически, конституируют его. Основным итогом такого рассмотрения явилось установление практически полного сходства, доходящего до степени идентичности, двух этих атрибутов сознания с конгруэнтными им базовыми характеристиками самих системных качеств – прежде всего, с их чувственно-сверхчувственным характером. Причем, даже сами термины «сходство» или даже «идентичность» не вполне передают суть дела, поскольку речь в данном случае должна идти не о том, что нечто является *сходным* с чем-либо другим, или же воспроизводит в себе те или иные его черты. Правильнее было бы сформулировать, так сказать, более «сильное» утверждение, смысл которого состоит в следующем. Некоторая – *общая* сущность (в данном случае – системные качества) эксплицирует в *чем-либо* (в данном случае в сознании) одну из форм своего существования. Она, следовательно, воплощаясь в нем, во многом попросту и выступает как форма его существования, то есть, фактически, *является* им.

В результате этого складывается та же самая ситуация, которая была констатирована выше по отношению к механизму окачествления в целом. По существу, все рассмотренные закономерности доказывают его существование и по отношению к связи системных качеств и сознания. Последнее как раз и выступает в его значительной части как продукт и результат действия данного механизма по отношению к этому – третьему основному типу качеств.

Таким образом, все представленные выше материалы в определенной мере раскрывают и объясняют то, каким образом время как некоторая идеальная и потому сверхчувственна сущность – как нечто объективное не только не представленное, но и, возможно, не существующее, становится ощущаемым и воспринимаемым – непосредственно данным. Другими словами, это означает, что становится более понятным и как возникает феномен субъективного времени в целом именно как субъективно данной с высокой степенью несомненности. Фактически, более понятным становится и сам этот феномен – как он не только возникает, но и становится фрагментом субъективной реальности, а в известной мере и ее базой. В его основе лежит механизм формирования и функционирования системных качеств, а в основе него самого еще более имплицитный механизм трансформации системных качеств в функциональные. Наконец, сами они потому и становятся ощущаемыми, а через них столь же ощущаемыми становятся и сами системные качества, что он непосредственно базируется на основных психических функциях, которые не только не требуют каких-либо дополнительных средств для того, чтобы стать субъективной реальностью – некоторой чувственной данностью, но сами и является этой данностью.

### **6.5. Гносеологические аспекты механизма окачествления**

В заключение анализа той роли, которую играет механизм окачествления в порождении онтологии психического в целом и в конституировании субъективного времени, в частности, необходимо, по нашему мнению, остановиться еще на одном вопросе. Он имеет весьма общий – собственно гносеологический характер и сопряжен с одной из наиболее острых проблем всей науки о времени – с вопросом о его существовании (или не существовании) в качестве некото-

рой реальности, а также с производным от него вопросом о соотношении субъективного и объективного времени – об их относительной первичности и вторичности. Действительно, в связи с представленными выше материалами возникает следующая принципиальная проблема. Либо психическое в целом и субъективное время, в частности, *конституируется* объективной реальностью – посредством механизма окачествления? Либо оно само *конструирует* репрезентации этой реальности на основе своей собственной организации (включающей пять сфер, выступающих одновременно и ее уровнями)? Либо уровни субъективной реальности – ее основные сферы складываются – возникают и формируются, развиваясь далее в ходе онтогенеза, как *следствия* и продукты окачествления объективной реальности? Либо же сама субъективная реальность и структурно-уровневая организация психики (состоящая из этих пяти базовых сфер) *порождает* иерархическое – структурно-уровневое видение объективной реальности, а сами дифференцируемые в ней уровни выступают производными от уровневого строения психики? Либо уровни субъективной реальности (и психики) порождены механизмом окачествления, то есть формируются вследствие его действия? Либо же сами эти сферы – базовые уровни субъективной реальности приводят к формированию способности дифференцировать те или иные типы качеств реальности, а затем использовать и в качестве операционных средств своего функционирования, взаимодействия со средой и адаптации к ней?

В необходимости обращения к этим вопросам проявляются известная и очень общая гносеологическая закономерность. Она состоит в том, что установление какого-либо достаточно общего феномена или механизма в данном случае – механизма окачествления приводит к постановке иных и еще более сложных вопросов. Они носят уже, по существу, гносеологический, философский характер и выходят за пределы основных задач данной работы. Действительно, с позиций представленных результатов становится очевидным, что в содержании психики в целом и ее структурно-уровневой организации, в частности, все базовые типы качеств не просто воплощаются, но и, фактически, конституируют само это содержание. Тем самым, однако, вскрывается еще одно принципиальное обстоятельство. Психика структурируется и организуется таким образом, что в ней органически воплощается важнейшее гносеологическое средство,

то есть, фактически, основная познавательная категория – категория качества. Она в целом и ее разновидности, в частности, реализуются как операционные средства переработки информации. Психика, как показано выше, вообще структурируется на основе критерия соответствия ее уровней с главными модусами этой категории – с ее базовыми типами. Они, в свою очередь, и выступают в ней как основные операционные средства; фактически, являются механизмами ее функционирования.

Однако, в связи с этим, и возникает фундаментальный – сформулированный выше очень общий, по существу, философский вопрос. Либо психика формируется таким образом, чтобы ее уровни были конгруэнтны базовым типам качеств (как к основным «измерениям» объективной реальности). Либо эти «измерения» (базовые типы качеств) потому и существуют, что они соответствуют уровням психики, а тем самым, фактически – конституируются ей самой – *конструируются* ей и являются производными от нее? Другими словами, либо психика в своей уровневой организации адекватно *отражает* – совокупность качественных «измерений» объективной реальности (представленных в ее базовых категориях качеств)? Либо она *порождает* эти категории – именно потому, что они составляют суть и содержание ее собственных основных уровней организации?<sup>147</sup> В данной связи уместно привлечь известное в гносеологии правило, согласно которому вопросы подобного рода, то есть такой степени сложности и такого общего характера, не могут и не должны решаться по принципу «или–или». Они допускает свое решение лишь на основе принципа «и–и», то есть с позиций принципа дополнительности; поясним сказанное.

Как известно, согласно давней и прочной – очень устойчивой и широко распространенной традиции, практически все теоретические вопросы психологии рассматриваются и решаются на основе изначально принимаемой дихотомии *субъекта и объекта* [395,

---

<sup>147</sup> Нетрудно видеть, что данный вопрос не просто аналогичен по смыслу, но и является общим случаем уже давно известного, но сформулированного по отношению только к собственно сенсорному уровню вопросу, решение которого представлено в так называемом «законе специфических энергий органов чувств» [759].

650]. Анализ обычно проводится на основе их *уже осуществленной* дифференциации как некоторой не подлежащей обсуждению данности. Потому и их взаимодействия рассматриваются как вторичные по отношению к ней. Иначе говоря, вначале осуществляется дифференциация на две самостоятельные системы (субъекта и объекта), а затем рассматривается вопрос, связанный с выявлением содержания и закономерностей их взаимодействий, в том числе – и реализующегося на собственно психическом уровне. В таком случае, действительно, со всей остротой встает та проблема «первичности – вторичности», которая и была сформулирована выше. Более того, степень ее остроты и даже определенной антиномичности такова, что, по-видимому, не допускают однозначного и, так сказать, «окончательного» решения.

Вместе с тем, если отказаться от такой, изначальной и уже существующей – априорной дифференциации на субъект и объект и представить их взаимодействие (вообще – онтологически, объективно представленное их бытие) как некоторую целостность, то есть как внутренне единую систему, то ситуация предстает существенно иначе. Эта – единая и целостная система, будучи несомненным фрагментом объективной реальности, подчинена всем объективным закономерностям, лежащим в ее основе. Но это означает, в свою очередь, что ей присущи и все пять базовых типов качеств. Суть дела при этом заключается в том, что они присущи ей именно в целом, а не только тому или иному ее компоненту (в данном случае – либо субъекту, либо объекту, по отдельности). Ни один, ни другой не могут быть поэтому ни первичными, ни вторичными; они не могут быть причинами по отношению друг к другу. Как раз напротив, оба они и, соответственно, – их качества являются следствием того, что эти качества уже представлены в их взаимодействии, точнее – сами и выступают, как показано выше необходимыми следствиями и результатами, то есть эффектами этого взаимодействия. Данный вывод является частным проявлением того общего гносеологического случая (и острой в теоретическом отношении трудности), когда невозможность установления отношений «первичности-вторичности» обусловлена тем, что обе рассматриваемые сущности одновременно и с равными основаниями являются следствиями некоторой третьей – более общей сущности. Тем самым обе они выступают следствиями причины более общего порядка.

Однако если все же учитывать внутреннюю дифференцированность процессов субъект-объектного взаимодействия, то можно отметить следующую – значимую в плане анализируемых вопросов закономерность. *Направленность* детерминационных отношений между рассматриваемыми здесь сущностями (основными типами качеств и уровнями субъективной реальности) является значимо различной в двух – также существенно разных *генетических* планах. Так, в плане *филогенетического* развития психики и эволюции ее форм, по-видимому, именно базовые «измерения» объективной реальности (которые, соответственно, и эксплицированы в основных типах качеств) являются, так сказать, *активным* началом в этих отношениях. Сами уровни организации психики складываются и развиваются в филогенезе как адекватный ответ на качественную гетерогению объективного мира – на палитру ее качественных «измерений». Психическое в его реальном уровне строении как раз и формируется «по образу и подобию» тех пяти базовых качественных измерений, которые характерны для объективной реальности. Однако, по отношению к кардинально иному генетическому плану – *онтогенетическому* картина является не только существенно иной, но и в известном смысле даже противоположенной. Здесь, по-видимому, активным началом выступает уже сама сформировавшаяся филогенетически структурно-уровневая организация психического, в которой уже воплощены предпосылки для дифференциации пяти базовых «измерений» реальности – пяти основных типов качеств. Тем самым, онтогенетическое развитие, в основном, предполагает освоение этих типов, а в существенной мере – и своего рода конструирование внешнего мира по их «образу подобию». В этом случае понятно также, что такое конструирование внешнего мира во многом тождественно конституированию и мира внутреннего, поскольку первый отображается в пяти типах качеств, которые и составляют сущность самой субъективной реальности.

В связи с этим, далее, возникает, конечно, и еще один, пожалуй, наиболее сложный вопрос, составляющий суть, пожалуй, *основной* гносеологической проблемы – проблемы зависимости процесса познания не только от его объекта, но и от его субъекта [7, 156, 238, 239, 447]. Действительно, в свете представленных материалов с еще

большей степенью очевидности и полноты предстает обстоятельство, состоящее в теснейшей связи и явной зависимости процесса и, что еще более значимо, – результатов познания от атрибутивных особенностей субъекта познания и даже известная предопределенность ими. В таком случае, однако, еще более проблематичной становится само понятие *истинности* познания, возможности его объективного характера и пр. Вместе с тем, как это ни парадоксально, но именно в свете этих результатов данная проблема получает импульс для своего решения. Она становится более доступной для понимания и не выглядит такой уж неприступной. Действительно, с одной стороны, основные типы качеств как базовые средства познания производны от уровневой структуры психического и в этом смысле *предопределены* ей. Однако это вовсе не означает полной субъективности познания. Дело в том, что сами уровни психического, будучи носителями субъективной реальности, не перестают быть органичной «частью мира», то есть реальности *объективной* и не перестают тем самым подчиняться ее собственным – объективным закономерностям. Напротив они строятся *по ним*, воплощают их в себе. Однако последние также базируются на этих же пяти базовых «измерениях», а пять основных типов качеств адекватно и, более того, практически исчерпывающим образом, эксплицируют объективную реальность. Тем самым складывается ситуация, при которой субъективная и субъективная оказываются *конгруэнтными* – адекватными друг другу в их наиболее общих, точнее даже предельно общих – базовых качественных «измерениях». Следовательно, и то, каким образом первая эксплицирует вторую, также является производным от объективной реальности, а потому – и столь же *объективным*. На наш взгляд, именно в этом и заключается наиболее глубинная причина того, что познание, несмотря на свой предельно *субъективный* характер и кажущуюся полную зависимость от организации психического, носит все же *объективный* характер и является в целом адекватным объективной реальности. Другими словами, за счет этого и достигается объективность познания, причем, – не *несмотря на* его субъективность, а именно *благодаря* ей.

На основе этого можно предложить также и вариант решения проблемы, которую можно обозначить как проблема *гносеологической относительности*. Ее суть, как отмечалось, состоит в том, что

процесс и результаты познания в очень существенной мере зависят от самого субъекта. Более того, они не могут не зависеть от него в силу принципиально релятивистского характера категории качества и его исходной – операциональной, функциональной направленности, связанной с реализацией взаимодействия тех или иных материальных систем. И в этом плане, безусловно, результаты человеческого познания также глубоко человечны – они определяются и даже предопределяются базовыми особенностями субъекта познания<sup>148</sup>. Однако, вся суть проблемы в том и состоит, что сами эти базовые особенности познающего субъекта во многом тождественны характеристикам объекта познания, поскольку базируются на идентичном с ними *инварианте* пяти основных качественных «измерений». Он является общим как для объективной, так и для субъективной реальности, и именно поэтому, познание, являясь субъективным, выступает и объективным<sup>149</sup>.

В этой связи, на наш взгляд, необходимо вновь обратиться к уже рассматриваемому выше вопросу о так называемой «ошибке онтологизации» субъекта, точнее – к попытке выявления ее причин, а также к тому, что, возможно, она не является только ошибкой, а в ее основе коренятся факторы более глубокого плана. Действительно, как мы уже отмечали, в своем исходном и строгом смысле само понятие субъекта является принципиально релятивистским, поскольку имеет смысл и вообще конституируется лишь в соотношении с понятием объекта. Вместе с тем, как известно, именно в психологии такая – наиболее строгая и адекватная трактовка сплошь и рядом не соблюдается, а понятие субъекта рассматривается и используется в ином – более широком плане. Другими словами, в психологии сложилась прочная и широко представленная традиция использования понятия субъекта в несколько ином плане – уже не преимущественно гносеологическом (релятивистском, то есть соотносительном с объектом), а именно

---

<sup>148</sup> В этом плане вновь приходится вспомнить известное выражение «человек – мера всех вещей».

<sup>149</sup> Вместе с тем, напомним, что истинная сложность данной проблемы состоит еще и в том, что субъективно эти типы качественных «измерений» объективной реальности, репрезентируются в существенно ином виде, нежели их «физическое обличие». Это представлено на всех уровнях организации субъективной реальности, начиная с сенсорного и заканчивая высшими ее уровнями.

в онтологическом. Согласно ей, понятие субъекта и тем более – субъективного сближается или даже, фактически, отождествляется с понятием психического в целом. Субъект, рассматривается как носитель особой формы организации психического, а субъективное – как сама эта особая и высшая по уровню сложности форма. Эта – так сказать, расширенная трактовка. Наконец, выше было показано также, что главной причиной такого «тренда» значений данного понятия является то, что понятием субъекта и субъективной реальности обозначается такая, которая носит характер, так сказать, «не-объективной» – в том смысле, что она детерминирована теми особенностями и факторами, которые вытекают из всей психической организации как таковой. Это – то, что обычно обозначается понятиями субъективных детерминант, параметров «человеческого фактора», внутренних условий», специфических особенностей психики и пр. Иными словами, это все то, что синтезирует в себе качественную определенность, а одновременно – и специфичность именно психической организации субъекта. Это – вся система его качественных «измерений», которые и составляют субъектность как таковую. Вместе с тем, как показано в представленных выше материалах вся суть дела в том и состоит, что атрибутивной особенностью именно психического в целом и субъективной реальности, в частности, является то, что ей присущ механизм (точнее, принцип) окачествления. В результате его действия сами эти качественные характеристики, базовые качественные «измерения» подвергаются онтологизации – они из статуса проявлений носителя трансформируются в статус содержания носителя. Они, действительно, становятся реальной онтологией психического в целом и субъективной реальности, в частности. Характеристики субъекта в его строгом и исходном смысле – как релятивистского по своей сути, они, в то же время, трансформируются в иной статус – сущностей уже не релятивистского, а субстанционального, то есть именно онтологического характера. И именно в этом, на наш взгляд, состоит главная причина того, что сама «ошибка онтологизации» не только существует, но и очень широко представлена, являясь, фактически, уже не столько ошибкой, сколько положением, гласно или не гласно разделяемым подавляющим большинством исследователей и, что еще важнее, реально использующимся в исследованиях. В свете этого можно видеть также, что она, строго говоря, вовсе и не является «ошибкой», а реально, хотя и имплицитно, отражает тот факт, что

в основе субъективной реальности и, соответственно, в основе конституирования самой субъектности лежит именно механизм окачествления. Тем самым, факт ее наличия, а также причины того, почему она существует и почему она так устойчива к критике – почему она так резистентна к ней и «живуча», является важным аргументом того, что она вовсе не является ошибкой. Наоборот, она является доказательством реальности такого механизма, который и был основным предметом рассмотрения в данной работе – механизма окачествления.

Итак, психика, являясь носителем субъективной реальности, в то же время, сама выступает как часть объективной реальности, а потому, в конечном итоге, не может не подчиняться тем же самым закономерностям, что и последняя. Она, следовательно, также воплощает в своей организации те категории качеств, которые присущи объективной реальности. Одновременно, уже исходно – онтологически и объективно воплощая их в себе, «строясь» по ним, она же затем и дифференцирует их же в самой объективной реальности в ходе взаимодействия с ней. В этом плане следует обратить внимание на следующую аналогию, которая, впрочем, является бóльшим, чем просто аналогия. Совокупность из пяти базовых категорий качеств раскрывается как своеобразный аналог пяти базовых модальностей. В последних объективный мир дан психике чувственно, а сама эта данность, фактически, и образует внутренний мир, конституирует субъективную реальность. Однако, и в пяти базовых категориях качеств (в их, так сказать, «алфавите», в их коде) он же дан и сверхчувственно – амодально, то есть процессуально, концептуально и пр. Тем самым, базовые типы качеств раскрываются как, действительно, важнейшие, исходные и, более того, predetermined самой структурой психики (основными уровнями ее организации), так сказать, «модальности амодального» – сверхчувственного. Они также выступают важнейшими средствами «чувствительности» к объективной реальности; *в них* и *через* них она также репрезентируется в психическом.

В этом смысле еще более глубоким смыслом наполняется традиционное философское положение об *априорных категориях* познания [238, 239]. Это, как известно, такие категории, которые полагаются наиболее фундаментальными и именно доопытными средствами познания. Иными словами, они сами выступают не следствиями,

а средствами и условиями формирования самого этого опыта (и познания в целом). На наш взгляд, наряду с ними, существуют и еще более глубинные, *латентные* априорные категории. Кроме того, они, в отличие от традиционно дифференцируемых априорных категорий, являются не результатом философских спекуляций и гносеологических абстракций очень высокого порядка, а выступают как, по существу, предопределенные самой природой психики, точнее – ее структурно-уровневой организацией. Ими как раз и выступают базовые типы качеств. *До* познания, взятого в широком смысле (как эквивалента любой переработки информации), равно как и *в* содержании самой познающей системы (психики), уже представлены такие базовые средства, которые выступают его наиболее общими регуляторами.

Действительно, любое познание (и переработка информации в целом) разворачивается на основе достаточно ограниченного и инвариантного ряда базовых и даже – так сказать, «архетипических» (но именно поэтому очень устойчивых) категориальных императивов. Так, любое познание исходит из априорной установки, согласно которой само познаваемое всегда из чего-то состоит – имеет некоторое *содержание*. Оно, далее, исходит и из того, что познаваемое существует и сохраняется (но и изменяется), то есть представлено и во *времени*. Наконец, оно исходит и из того, что познаваемое всегда как-то «устроено», то есть *организовано*. Можно видеть, таким образом, очень отчетливую – прямую и непосредственную связь этих априорных «установок» (фактически, – имплицитных категориальных структур) с тремя базовыми категориями качеств. Это – их связь с категорией *материальных* качеств (вопрос «из чего-то состоит?»); с категорией *функциональных* качеств (вопрос «как существует во времени?»); и с категорией *системных* качеств (вопрос «как организован?»).

Кроме того, следует учитывать, что любое познание в качестве еще одного своего, так сказать, «архетипического» компонента обязательно предполагает и аналог «принципа причинности» – выяснения того, *почему, как и почему?* По существу, это и есть сама суть познания, смысл и цель не только научного – детерминистского, но и обыденного познания. Однако столь же очевидной и общей является подчеркнуто приоритетная ориентация на поиск и установление такого рода причин локализованы не внутри «познаваемого»,

а вне его. Используя системную терминологию, это означает, что раскрытие причин, установление причинности как таковой практически всегда предполагает «выход» за границы предмета – в ту *метасистему*, в которой он онтологически представлен. Наконец, любое познание содержит и еще одну – также «архетипическую» установку. Оно возможно лишь постольку, поскольку существует представление о еще не познанном, еще неизвестном. Поиск неизвестного без представлений о самом факте наличия этого неизвестного как такового (то есть без осознания того, что оно, по крайней мере, существует), без самого понятия неизвестного – непознанного, фактически, невозможен. Вместе с тем, «неизвестно» – это именно не-известное (пока), но могущее быть известным впоследствии. Тем самым, нельзя не видеть атрибутивной связи и этой установки с еще одной базовой категорией качеств – *виртуальными*.

Таким образом, с достаточной степенью очевидности эксплицируется следующее обстоятельство. Базовые типы качеств раскрываются в своем наиболее общем и, по-видимому, исходном статусе. Они выступают в функции аналогов или даже *эквивалентов априорных категорий* познания – причем, таких которые носят, так сказать, «еще более априорный» характер, нежели известные в философии их виды [27, 538]. Дело в том, что они обусловлены причинами не собственно гносеологического, а онтологического плана: они коренятся в содержании и структурно-уровневой организации самой психики – то есть в ее онтологии.

В заключение проведенного выше анализа необходимо подчеркнуть еще одно – также достаточно показательное обстоятельство. Действительно, как можно видеть из представленных выше материалов, их анализ потребовал обращения к достаточно общим и весьма сложным вопросам. Они, к тому же, нередко имеют ярко выраженную гносеологическую «окраску». Однако все это не только не является избыточным, но напротив, вполне закономерно и даже необходимо. Дело в том, что в этой необходимости, в конечном итоге, проявляются две основные причины. Они связаны со спецификой как самой проблемы онтологии субъективной реальности (исходным предметом анализа), так и с методологией системного подхода в целом и качественного анализа, в особенности (как методологией изучения).

Во-первых, практически невозможно рассчитывать на сколько-нибудь полное решение вопросов, связанных с природой субъективной реальности, то есть с ее *качественной определенностью*, без обращения к общим и специальным аспектам философской категории *качества*, равно как и его конкретно-научных экспликаций в психологии.

Во-вторых, сама «идеология» качественного анализа и его общая направленность глубоко специфичны. Эта специфика заключается в том, что анализ качеств, вопреки встречающимся иногда его упрощенным трактовкам, не является в нем ни основной, ни тем более единственной его целью (то есть самоцелью). Напротив, анализ качеств это средство проникновения в само содержание предмета – в его феномены и особенности, закономерности и механизмы, в его реальную онтологию. Собственно говоря, именно это и проявилось с высокой степенью отчетливости в ходе осуществленного анализа: он обусловил необходимость обращения к достаточно общим вопросам, но и позволил, в то же время, предложить конкретные варианты ответов на них.

Итак, в свете изложенного общенаучная категория качества, действительно, эксплицирует свои дополнительные и достаточно существенные грани. Качества эксплицируются и как базовые «измерения» реальности, на основе которых формируется сама онтология психического. Фактически, качества раскрываются как «мост» между двумя онтологиями – объективной и субъективной (психической). Тем самым в значительной мере преодолевается та известная в научном познании ситуация, которая сложилась по отношению к категории качества и в философском, и в конкретно-научном плане<sup>150</sup>.

Вместе с тем, в связи со сформулированным выше вариантом решения анализируемых здесь проблем возникает еще более имплицитный и сложный вопрос, смысл которого заключается в следующем. Почему именно эта категория (категория качества) является столь важной – по существу, *критически* значимой как в плане конституирования онтологии психического, так и в плане взаимосвязи

---

<sup>150</sup> Она, как мы уже неоднократно отмечали, состоит в том, что данная категория является едва ли не самой бедной в содержательном отношении.

двух онтологий – объективной и субъективной? Как вообще должна быть проинтерпретирована данная категория в свете результатов проведенного выше анализа?

На наш взгляд, решению данного вопроса может содействовать следующее – основное положение, которое в общем виде достаточно давно осознано в гносеологии. Более того, оно составляет одну из ее основных трудностей, хотя редко становится предметом специального и особенно конкретно-научного анализа. Известно, что любое качество обладает достаточно парадоксальной особенностью: оно и существует «само по себе» (в противном случае не могла бы конституироваться качественная определенность объектов реальности), и не существует в изоляции от взаимодействия с иными объектами. Оно всегда является функцией от некоторого взаимодействия того или иного объекта с иными объектами и проявляется только в этих взаимодействиях (по крайней мере, оно принципиально не может быть эксплицировано и объективировано вне какого-либо взаимодействия). В этом плане любое качество – это результативный эффект и объективное следствие некоторых взаимодействий. Любое качество носит принципиально *релятивистский* характер.

По отношению к собственно психической организации, то есть к субъект-объектным взаимодействиям, это означает следующее. Качества всегда выступают в такой же степени функциями объективной реальности, в какой зависят и от самого субъекта. Любое качество есть продукт и результат – эффект взаимодействия либо двух объектов, либо субъекта и объекта, либо (в еще более сложном случае) двух субъектов. Поэтому категория качества и носит принципиально релятивистский характер. Она и в аспекте дифференциации на базовые типы, и в аспекте, так сказать, внутренней дифференциации самих этих типов на разновидности всегда обусловлена процессом взаимодействия некоторых сущностей, а также их собственным содержанием. Качества – суть объективное следствие этого взаимодействия; они несут на себе печать и его процесса, и самих «агентов» взаимодействия. На собственно гносеологическом уровне данное положение, повторяем, достаточно хорошо осознано и раскрыто. Оно составляет не только ту теоретическую трудность, которая зафиксирована в уже отмеченном «законе специфических энергий органов чувств» [759], но и в еще более общем и принци-

пиальном гносеологическом положении. Это – тезис о зависимости результатов познания не только от содержания познаваемого предмета, но и от самого познающего (субъекта), а также – что еще более удивительно – и от самого процесса познания, от его конкретной процедуры [294].

В таком случае, однако, качества раскрываются несколько иными своими гранями. Они выступают уже не только как «свойства вещей», но и как закономерные продукты и результаты – как эффекты их взаимодействия (в том смысле – и субъект-объектного). Вместе с тем, необходимо учитывать, что сама суть взаимодействий субъект-объектного типа (то есть того, что, собственно говоря, и интересует психологию) заключается в обеспечении его эффективности для первого, то есть для субъекта. Оно строится, организуется и развертывается (а при необходимости корректируется) так, чтобы решить эту задачу оптимальным для субъекта образом – обеспечить эффективность и вообще адаптивность такого взаимодействия. Поэтому в ходе эволюции не могли, по-видимому, не возникнуть средства, которые были бы направлены на ее решение. Причем, – такие средства, которые были бы не только необходимы, но и достаточны для ее решения. Следует иметь в виду также, что, строго говоря, продукты и эффекты любого взаимодействия характеризуются принципиальной множественностью. В связи с этим, возникает важный вопрос о дифференциации этих проявлений на более и менее значимые в аспекте их «ценности» для организации взаимодействия.

С этих позиций смысл категории качества, равно как и существования их основных типов, заключается в том, что они, являясь продуктами взаимодействия субъекта и объекта, выступают эффективными и достаточными *средствами* его организации. Они раскрываются как необходимые и достаточные в плане обеспечения такого взаимодействия во всем спектре его проявлений и форм. Тем самым, однако, они раскрываются в своей операционной, инструментальной функции. По-видимому, именно в этом – в исходной *регулятивности* и *операциональном*, то есть, фактически, в функциональном характере «феномена качества» коренятся истоки еще одного фундаментального явления, точнее важнейшей формы взаимодействия – *информационного*. В его основе, как известно, лежит *сигнальный* тип причинности, при котором тот или иной физический «*заместитель*»

выполняет функции самого *замещаемого* – репрезентирует его. Однако *точно* так же и качества, выступая в известной мере производными от какого-либо объекта, могут выступать в функции его репрезентанта, достаточного для организации самого взаимодействия. Тем самым, они, фактически, во многом и отождествляются с функцией его «заместителя». Они выступают не столько как его эквивалент, сколько как *символ*, замещающий и репрезентирующий его содержание – но лишь в той мере и в той форме, в какой это достаточно для организации взаимодействия субъекта и объекта.

В этой связи, вопрос о так называемом «истинном содержании» качеств вообще во многом лишен смысла, поскольку он, фактически, нерешаем (что, кстати говоря, давно зафиксировано в принципиальных трудностях и даже невозможности проникновения через феноменальное в ноуменальное). С этой точки зрения содержанием качества выступает только то, что важно в плане обеспечения им сигнальных, информационных функций. Одновременно само обретение качествами этой функции становится возможным именно потому, что они подвергаются онтологизации – трансформируются из их «первичного» (гносеологического) статуса в онтологический статус. Они трансформируются из того, «в чем нечто проявляется», в то, «чем нечто является». Качества из *проявления* трансформируются в *существование*; они сами становятся сущностями – «носителями», то есть обретают свою субстанциональность.

Естественно, что при этом возникает и традиционный вопрос об *уровнях сущности* – сущностях «первого порядка», «второго порядка» и т. п. По-видимому, он как раз и решается по отношению к онтологии психического посредством дифференциации самих качеств на их базовые типы. Каждая из них знаменует сущность того или иного – все более глубокого порядка. Очень характерно и то, что этих типов качеств – и по составу, и по содержанию оказывается достаточным для организации субъект-объектных взаимодействий, для организации функционирования психики в целом. Качества выступают как очень общий и наиболее глубокий – *латентный* код, посредством которого осуществляется взаимодействие субъекта и объекта. Их совокупность, как мы уже отмечали, является тем «супералфавитом», который достаточен для «чтения» психикой реальности и, следовательно, для обеспече-

ния функционирования психики. Он вполне достаточен для того, чтобы субъект-объектные взаимодействия были эффективными и адекватными, а значит – и для конституирования всей онтологии психического в целом.

Во всем этом, проявляется и еще одна очень важная и, по существу, фундаментальная особенность природы и организации психики – ее *функциональный* характер. Все ее важнейшие образования, в том числе, разумеется, и типы репрезентаций качеств, в которых и *через* которые она взаимодействует с объективной реальностью, складываются и эволюционируют как необходимые и достаточные средства, обеспечивающие решение тех или иных *функциональных* задач, реализацию ее базовых функций. Пяти базовых категорий качеств (взятых, разумеется, с их дифференцировкой на виды) оказывается вполне достаточным для решения этих задач и реализации этих функций. Сами же типы качеств раскрываются как достаточные для этого средства (причем, – средства и объективные, и онтологически представленные). По отношению к субъект-объектным взаимодействиям эта картина является максимально сложной и развернутой, наиболее богатой содержанием.

Дело в том, что, являясь продуктами такого взаимодействия, качества (всех типов), затем используются как *средства* его же последующей организации и оптимизации. Это, собственно говоря, и выступает основным операциональным предназначением самого механизма окачествления в целом. Качества трансформируются из их гносеологического статуса в онтологический, а тем самым переходят из *свойств* носителя в *содержание* носителя. Именно они не только по существу, но даже этимологически наиболее полно и непосредственно воплощают *определяющие* черты любых сущностей; более того они и выступают различными сторонами их качественной *определенности*. Из этого следует и более «сильное» заключение. По-видимому, эффективное взаимодействие (в том числе, и субъект-объектное) не может развертываться на основе ничего другого, кроме качеств, взятых, разумеется, во всех их полноте и многомерности. В этом, на наш взгляд, и заключается истинная значимость и принципиальная роль данной категории по отношению к собственно психологической проблематике, в том числе – и по отношению к вопросу о содержании онтологии психического.

Естественно, трактовка базовых типов качеств в указанной функции не означает, так сказать, зауживания их общего понимания и обеднения их содержания. Как раз напротив, всё то содержание, которое им присуще традиционно, полностью сохраняется, но дополняется при этом той их функциональной ролью, которая и рассмотрена выше. Более того, следует, конечно, учитывать, что каждый из этих типов фиксирует беспрецедентный по широте и объему «пласт» качественной определенности объективной (впрочем, и субъективной тоже) реальности, а также и ее репрезентации и саморепрезентации в психике. Они соотносятся с аналогичными, то есть также с базовыми ее модусами и «измерениями»<sup>151</sup>. Взятые в их совокупности они обеспечивают возможность доступа к объективной реальности – сензитивности к ней в уникальном по широте диапазоне ее качественных характеристик. Действительно, даже каждый тип качеств, так сказать, *в отдельности*, фактически, «безбрежен»: любой из них конституирует столь же обширные сферы психического. Это и его чувственную ткань, и его процессуальная сфера (система психических процессов), и «мир сознания», и сфера бессознательного, и совокупность знаний, и совокупность личностных качеств. Однако, будучи синтезированными друг с другом, они дают несопоставимо более мощное пространство, которое является еще более гетерогенным и многомерным. Вместе с тем, именно оно и релевантно истинной многомерности внутреннего мира, а потому – адекватно раскрывает истинную гетерогенность и разнокачественность онтологии психического.

---

<sup>151</sup> Выше мы уже отмечали, что ими являются такие «измерения» реальности, которые связаны с ее непосредственно материальным модусом (материальные качества); с движением, изменениями – динамикой (функциональные качества), с организацией, взятой в ее различных проявлениях (системные качества); с существованием реальности в форме возможности (виртуальные качества), а также с существованием объектов реальности в их метасистемном бытии (метасистемные качества).

### 6.6. Заключительные замечания

Итак, в данной главе по отношению к проблеме субъективного времени был реализован пятый, заключительный этап (план) его рассмотрения, предписываемый общей – комплексной стратегией исследования, которая, в свою очередь, базируется на алгоритме системного исследования, разработанном в метасистемном подходе – интегративный. Подводя итоги проведенному анализу, целесообразно выделить те – главные результаты, к которым привела реализация этого гносеологического плана исследования.

Во-первых, в ходе его осуществления все более явно и рельефно вырисовывалась не только его определяющая значимость для раскрытия базовых особенностей и закономерностей изучаемого предмета – субъективного времени, но и необходимость существенной корректировки сложившихся в методологии представлений о его сути и содержании, равно как и о его предметной сферой. Дело в том, что именно он направлен на выявление не какого-либо, хотя и важного, но все же частного аспекта изучаемого предмета, а на раскрытие того объективного важнейшего и определяющего, что есть в нем – его качественной определенности. Вместе с тем, и сама его сфера также должна быть существенно расширена и не может быть сведена только к выявлению и интерпретации тех качеств, которые в нем традиционно рассматриваются – интегративных, то есть системных. В него должны быть включены все реально существующие типы качеств, в том числе и такие, которые выходят за пределы их традиционно сложившейся таксономии – виртуальные и метасистемные. Иными словами, он должен быть интегративно-поликачественным.

Во-вторых, все это будучи справедливо в общем плане, обретает еще бóльшую значимость и специфичность именно по отношению к психологической проблематике. Дело в том, что именно категория качества и своеобразие – даже уникальность репрезентации их основных типов как раз и является очень важной – определяющей для конституирования структуры и содержания психического в целом, его реальной онтологии. Она – эта категория выступает по отношению к психике не только основной единицей познания, но и основной единицей самой ее онтологии – ее содержания и структуры, находясь в само основании ее онтологии и составляя базу

для субъективной реальности в целом. Это объясняется тем, что именно основные типы качеств лежат в основе конституирования субъективной реальности – ее реальной онтологии. Сама эта онтология, как показано нами в ряде предыдущих работ, а также в этой главе, как раз и конституируется на основе очень важного и уникального для психики механизма – окачествления реальности, взятой в базовых типах ее качеств. Его сущность состоит в том, что по отношению к психической организации субъекта основные типы качеств выступают двух статусах одновременно – исходном (*гносеологическом*) и производном (*онтологическом*). С одной стороны, они, разумеется, выступают в своем именно исходном, первичном, то есть гносеологическом статусе. Они предстают как то, «в чем нечто проявляется» и, следовательно, открывается познанию (как обыденному, так и научному). Однако, глубочайшая специфичность психики (то есть своеобразие онтологии психического) в том и заключается, что сами качества в значительной степени и составляют его содержание – являются им. Качества подвергаются своеобразной онтологизации и трансформируются из *свойств* носителя в *содержание* самого носителя. Точнее – они становятся им, а еще точнее – они его и *конституируют*. На основе данного механизма, реализуемого по отношению к субстанциональным качествам, конституируется уровень сенсорики. На основе него же, но реализуемого по отношению к функциональным качествам порождается уровень процессуально-психологического содержания психического. На основе этого механизма, реализуемого по отношению к системным качествам, конституируется уровень осознаваемого содержания психического, сознание как таковое. На основе окачествления виртуальных качеств генерируется неосознаваемый уровень – сфера бессознательного. Наконец, на основе его действия по отношению к метасистемным качествам порождается фундаментальный феномен знаний как таковых, то есть таких образований, которые, репрезентируя исходно содержание – качества метасистемы (объективной реальности), тем не менее, становятся содержанием самого психического, выступают важнейшей оставляющей его собственной качественной определенности. Они входят в его собственный состав, образуя в своей совокупности один из базовых уровней его организации. Другими словами, они обретают собственно уровневый статус, то есть предстают уже

не только как содержательные образования, но и как структурные составляющие психики.

В-третьих, это означает, что существует глубинный изоморфизм базовых типов качеств и основных сфер, точнее – уровней организации самой субъективной реальности, онтологии психического. Следовательно, уровневая структура самих типов качеств является объективной основой и комплексным критерием для уровневой структуры самой психики, субъективной реальности в целом, взятой в ее базовом аспекте – онтологическом. Важно и то, что, выступая как основа этой онтологии и образуя субъективную реальность как то, что непосредственно дано субъекту эти типы качеств обретают атрибут самопрезентирваности, обеспечивая тем самым важнейшее свойство психики в целом и сознания, в частности, – свойство самосензитивности, самоданности. Они не столько обеспечивают ее чувствительность к самой себе, сколько являются ей в действительности.

В-четвертых, этот механизм, являясь очень общим, обнаруживает свое действие и по отношению к конституированию одного из важнейших атрибутов реальности – субъективному времени, то есть к порождению его как в целом, так и по отношению к порождению его основных форм и уровней, свойств и феноменов, особенностей и закономерностей. В наиболее общем и принципиальном плане это объясняется следующим – фундаментальным, по нашему мнению, обстоятельством, которое, однако, обычно не включается в сферу проблематики субъективного времени. Дело в том, что оказывание каждого из этих типов приводит к конституированию таких – повторяем, базовых психических структур и образований, которые, будучи хорошо известными сами по себе и составляя их основу, обладают еще одной особенностью. Это – двойственность, точнее двуединство их природы: они выступают не только как субстанциональные – содержательные образования, но и как образования темпорального плана. В них атрибутивно представлена и временная организация, вплетена «ось времени», а сами они построены таким образом, чтобы адекватно отображать те или иные атрибуты времени как такового. Так, данная закономерность проявляется уже на относительно наиболее простом уровне организации психики, то есть в образовании, которое считается относительно наименее сложном – на сенсорном уровне, в ощущениях как таковых. Действи-

тельно, их важнейшей особенностью является то, что они синтезируют в себе два основных модуса: они одновременно являются и *процессом*, и *модальностными* образованием – именно ощущением как чувствуемым и, в силу этого, не только не требуют дополнительных средств для обеспечения сензитивности к ним, но и сами этой сензитивностью являются.

В-пятых, непосредственным следствием и прямым проявлением сказанного выступает и то, что именно благодаря этому оказывается возможным конституирование всех известных сегодня атрибутов самого времени, а также и порождение субъективного времени в целом. Действительно, на основе сенсорики формируется базовый из этих атрибутов – само ощущение времени, сама длительность, дление. Они становятся не только «понимаемыми», но именно непосредственно ощущаемыми, воспринимаемыми. В свою очередь, именно это объясняет, как и почему становится возможным то, что, казалось бы, невозможно, – ощущение реально не существующего в физическом плане, то есть доступного прямому рецепированию объекта. Далее, на основе конституирования процессуальной организации, то есть на базе становления системы психических процессов, в особенности, когнитивных, генерируется большинство базовых свойств субъективного времени – отношения следования, последовательности, непрерывности, континуальности, длительности, цикличности. Все это объясняется тем фундаментальным фактом, что сами процессы – это и есть экспликация в психике темпоральной организации в целом и временной системности, в частности. Это означает также, что атрибутивно присущая психическим процессам организация – временная не только воплощает в себе архитектуру временной системности, охарактеризованную в главе 4, но и формируется на ее основе, является ее экспликацией в психического. Наряду с этим, еще один базовый уровень его организации, на котором локализовано сознание в целом, также знаменует порождение еще одного базового и даже главного атрибута времени – феномена настоящего, который, строго говоря, вообще конституирует его как нескорую реальность – в данном случае субъективную. Объяснение получает то, почему именно с сознанием практически всегда связывалось и продолжает связываться время как таковое – идея времени. Далее, еще один, но оппозиционный к предыдущему

уровень психики – сфера бессознательного также является базой для конституирования важнейших временных модусов – прошлого и будущего. Тем самым, однако, складываются все три базовых модуса времени и, следовательно, определяющее для времени образование – «ось» времени, которая вообще во многом и репрезентирует его как таковое.

В-шестых, на основе этого со всей очевидностью раскрывается и то, как и почему – на основе каких принципов субъективное время, действительно, имеет структурно-уровневую организацию; почему оно, с одной стороны, столь многомерно и комплексно, а с другой, – организовано и едино для личности. Дело в том, что в основе этой организации лежит не какая-либо «новая» структура – дополнительная по отношению к общей структурной организации психики, а сама эта уровневая организация психики, но взятая во вполне определенном аспекте – темпоральном. Все структурные единицы психики, локализованные на ее основных уровнях, выступают, как показано выше, и собственно темпоральными образованиями. Тем самым они и образуют системы собственно временных единиц, которые, подвергаясь соорганизации, выступают в качестве структуры уровней субъективного времени. Это означает, что сама структурно-уровневая организация субъективного времени должна быть понята и объяснена как специфический тип такой организации – как наложенная структура, как структура производного и, следовательно, распределенного типа. Причем, повторяем, на каждом из уровней сохраняется констатированный выше базовый атрибут – свойство ощущаемости, сензитивности, непосредственной данности. Если на сенсорном уровне он представлен в относительно наиболее простом виде, то на иных уровнях он трансформируется и представлен в иных, более сложных формах. Например, на уровне сознания он представлен как сензитивность к идеальному, а на уровне бессознательного – по типу протопатической сензитивности. Поэтому субъективное время – это не только то, что непосредственно чувствуется, но и то, что понимается, осознается, помнится, «знается» и пр.

В-седьмых, показательно и то, что именно с позиций реализации интегративного и, следовательно, качественного плана исследования, то есть на основе базовой общенаучной категории качества оказывается возможным несколько по-новому поставить и частич-

но решить ряд вопросов собственно гносеологического характера, которые неразрывно связаны с проблемой времени. Так, в частности, становится более понятным, как и почему именно категория качества может содействовать решению, пожалуй, наиболее острой проблемы всей науки о времени – вопросу о его существовании в качестве некоторой реальности, как объективной, так и субъективной. Дело в том, что с этих позиций по отношению к категории времени вообще преодолевается оппозиция объективного и субъективного, а объективное и субъективное время эксплицируются как взаимополагаемые сущности. В их основе лежит инвариантная совокупность базовых измерений реальности – основных типов качеств и, соответственно, их носителей, то есть уровней организации самой реальности – как объективной, так и субъективной. Поэтому в самой онтологии психического – в структуре и сущности субъективной реальности адекватно отображена онтология объективной реальности в целом и объективного времени как ее атрибута, в частности. Именно это, в конечном итоге, и лежит в основе организации самого субъективного времени, а также его отношений с объективным временем, равно как и в основе репрезентации второго в первом и эффективного приспособления к нему.

## Заключение

### I

Подводя итоги данной работы и обобщая результаты представленных в ней исследований, необходимо выделить главные из них, а также резюмировать их общий смысл и логику реализации представленного в ней исследования. Как известно, именно такие – обобщающие по своему характеру задачи традиционно рассматриваются в качестве основных и наиболее специфичных жанру «Заключения», определяют его место и назначение в структуре той или иной монографии. Разумеется, это в целом справедливо и по отношению к данному исследованию, что предписывает необходимость реализации, прежде всего, задач именно обобщающего плана. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что реализация именно этих – обобщающих по своему характеру и направленности задач является по отношению к данному исследованию достаточно специфичной. Дело в том, что их решение по отношению к основной проблеме этой книги объективно – тесным и непосредственным образом связано с той общей ситуацией, которая сложилась в настоящее время в данной области психологических исследований. Более того, сам ее замысел и основная направленность вообще в значительной степени обусловлен именно этой ситуацией. Она, в свою очередь, столь же непосредственно сопряжена со спецификой развития основной проблемы данной работы, равно как и ее статусом – по существу, междисциплинарным, общенаучным, а также ее тесными и многогранными связями с собственно философской проблематикой. Собственно говоря, все особенности сложившейся ситуации и определили как общий замысел данной работы, так и ее исходные – стартовые позиции, равно как и основные трудности ее разработки, на преодоление которых она в значительной мере и направлена.

Эти особенности достаточно естественным образом дифференцируются на две основные группы – преимущественно теоретического и подчеркнуто методологического плана. Причем, первые тесным образом сопряжены с теми исследованиями, а также полученными в низ результатами, которые на протяжении длительного времени проявляются и в наших работах. Действительно, как уже отмечалось во «Введении», замысел этой книги возник не вдруг и не сразу, а складывался

в ходе выполнения многих циклов исследований теоретического и методологического плана, посвященных самым разным, но всегда весьма значимым предметам психологического исследования – проблеме структурно-функциональной организации деятельности, системе психическим процессов, структуре и сущности сознания, специфике и принципам организации индивидуальных качеств личности, природе субъективной реальности и др. В процессе их реализации постепенно, но неуклонно складывалось сначала ощущение, а затем – и убеждение, согласно которому очень важную роль в их организации играет время как таковое во всей полноте его атрибутов и проявлений; время – как то, что обозначается как временная координата реальности, причем, не только объективной, так и субъективной. Оно, само являясь атрибутом любой реальности, неразрывно сопряжено с ней и с ее основными экспликациями – в том числе, и теми, которые зафиксированы в основных, отмеченных выше предметах психологического изучения.

Тем самым, достаточно отчетливо выявляется обстоятельство принципиального плана: параметр времени – временная координата реальности как ее атрибут, причем, повторяем, реальности не только объективной, но и субъективной, действительно, неразрывно сопряжена с базовыми «составляющими» психики. Более того, она не просто сопряжена с ними, но и, по существу, вплетена в их организацию, а еще точнее – в известной мере составляет ее сущность, ее временную развертку. Сама суть важнейших понятий психологии – например, понятий процессов и функций отражает эту сопряженность. Многие, а не исключено и подавляющее большинство или даже – все базовые образования психики попросту не могут существовать, не будучи организованными во времени, а сама временная организация должна быть поэтому осознана и раскрыта как критически значимое условие их бытия. Эти заключения, следуя с необходимостью из современных представлений об организации важнейших предметов психологического исследования и выступая тем самым не только как достаточно обоснованные, но и как вполне естественные и даже необходимые, не встречаются, однако, адекватного отклика со стороны существующих теоретических представлений в тех областях, в которых они изучаются.

Таким образом, с очевидностью эксплицируется наиболее общее и принципиальное обстоятельство – отсутствие необходимых концептуальных и иных контактов между важнейшими областями психологи-

ческих исследований и разработанными в них теориями, с одной стороны, и категорией времени, с другой. Они не только не синтезированы в должной мере, но и характеризуются ощутимым концептуальным разрывом. Существующие теории разрабатываются в значительной мере вне и без опоры на то, что является атрибутом любой реальности, в том числе, и субъективной – время. Именно это и является столь же труднообъяснимым, сколь и неестественным и даже недопустимым.

Вместе с тем, в действительности, сложившаяся ситуация является еще более сложной и эту сложность нельзя не учитывать, а наоборот ее следует эксплицировать и реализовывать в дальнейших исследованиях. Она состоит в том, что констатированную выше несинтезированность вовсе нельзя трактовать как то, что во всех отмеченных теориях и направлениях параметр времени не учитывается и не изучается вообще. Как раз наоборот, он исследуется – причем, достаточно разнопланово и с позиций психических процессов, и по отношению к организации деятельности и др. Дело в другом – в том, *как* именно он учитывается и исследуется. А исследуется он, в основном, как то, что связано с этим параметром и на что он сам влияет. Время – прежде всего, субъективное рассматривается в качестве предмета исследования, в качестве фактора, который влияет на те или иные образования и который сам испытывает воздействия с их стороны. Причем, на первый взгляд, представляется, что именно такая постановка проблемы является и наиболее естественной и даже единственно возможной. Дело, однако, в том, что это, по-видимому, не так, а время – как атрибут субъективной реальности и как его базовая координата может выступать и реально выступает не только как предмет исследования. Оно выступает и одним из факторов организации многих психических образований и структур, точнее – сопряженная с ним специфическая – временная, темпоральная организация является одним из средств их организации в целом. Поэтому существующая сегодня – традиционная психология времени, рассматривающая его как предмет исследования, должна быть дополнена иным гносеологическим планом. Он направлен не только на то, чтобы понять время как предмет – как феномен, но и как детерминанту и, не исключено, фактор собственной – внутренней организации психического, то есть в его собственно операционной, организационной функции – как то, что вплетено в организацию психики

и составляет ее атрибут. Предпосылки для этого, как следует из проведенных исследований, в том числе и наших, существуют уже сейчас. Однако для того, чтобы они из разряда предпосылок перешли в разряд действенных концептуальных средств, необходимо специальное исследование, которое и составило основную цель данной работы.

Итак, одной из главных и определяющих черт современного состояния данной проблемы является ситуация несинтезированнойности и даже в известном смысле – концептуального «разрыва» между ней и существующими – основными психологическими концепциями и методологическими подходами к их разработке. Однако именно в связи с этим вполне отчетливо вырисовывается и основная перспектива возможного преодоления данной ситуации – направленность тех исследований, которые должны вступить как приоритетные. Она, по нашему мнению, имеет двуединый характер. С одной стороны, необходима реальная ассимиляция целым рядом основных – существующих сегодня психологических теорий категории времени, включение ими ее в свой концептуальный состав. Причем, она должна осуществляться не только и даже не столько как включение некоторого внешне-положенного предмета исследования, сколько как базовой – реальной и глубинной детерминанты организации и функционирования их собственного предмета, как внутреннего – аутохтонного фактора его собственной организации. Существующие теории – теория деятельности, теории сознания, концепции когнитивных процессов и др., сохраняя свою статус как ориентированных на раскрытие субстанциональных основ своих предметов и свою исходную направленность на выявление их содержательных особенностей и закономерностей, должны быть, однако, дополнены и ориентацией на раскрытие их специфически временной организации. Иначе говоря, они должны стать и темпоральными по своему характеру. Сама же психология времени также должна быть сориентирована на то, чтобы стать одной из органичных «составляющих» более общих и широких теоретических представлений, зафиксированных в этих концепциях и включаться в их базовые теоретические представления, в их общий концептуальный строй.

Вместе с тем, наряду с этими обстоятельствами теоретического плана, существуют и особенности несколько иного рода, точнее уровня обобщенности – те, которые сопряжены с методологическими аспектами развития и состояния данной проблемы в настоящее время.

Действительно, аналогичной логикой развертывания характеризуются не только теоретические исследования, но и собственно методологические разработки, которые, впрочем, тесно связаны с первыми и, более того, выступают в качестве средства обобщения и осмысления их результатов. В этом плане можно констатировать следующую – также демонстративную по отношению к современному состоянию данной проблемы ситуацию. Как известно, и в психологии в целом и в тех ее разделах и направлениях, которые связаны с отмеченными выше важнейшими проблемами (деятельности, сознания, личности, психических процессов, субъективной реальности) на протяжении последнего – достаточно длительного периода их разработки доминировала методология системности, *системный подход* в целом.

В этом плане достаточно явно предстают две особенности методологического плана – два обобщающих результата, к которым привели многочисленные варианты реализации методологии системности в психологии. Во-первых, все более очевидным становится тот факт, что традиционные – классические варианты системного подхода отнюдь не лишены недостатков и ограничений, в том числе и принципиального плана. В связи с этим, есть все основания считать, что одним из «несовершенств» традиционных вариантов системного подхода как раз и является недостаточный учет в них параметра времени; отсутствие в них не только специальных методологических средств его изучения, но и даже должного внимания к нему. Поэтому возникает вполне логичное предположение, согласно которому традиционные варианты системного подхода требуют их развития. Оно должно быть, в частности, таким, чтобы позволять реализовывать исследование параметра времени как атрибута систем и важнейшего фактора их организации. Во-вторых, в еще более общем плане следует констатировать и то, что в самом системном походе категория времени во многом просто обойдена вниманием, а он вообще остается практически не реализованным по отношению к ней – к временной координате реальности. Складывается достаточно парадоксальная ситуация, при которой такой – предельно общий методологический подход, каковым и выступает методология системности, остается практически не реализованным по отношению к аналогичной – столь же предельно обобщенной координате и даже атрибуту реальности, как время. То направление исследований, которое можно обозначить как «системность и время»,

остаётся до сих пор одним из наименее разработанных. Следовательно, и тот концептуальный разрыв, но уже не только теоретический, но и методологический существует и по отношению к проблеме времени, с одной стороны, и системным подходом, с другой.

Безусловно, у этого обстоятельства, наряду со многими иными – в том числе, и традиционными, существует целый ряд весьма имплицитных причин, связанных со специфичностью и даже уникальностью времени как предмета научного исследования в целом и реализации по отношению к нему системного подхода в частности. Среди них можно отметить, например, явную неконгруэнтность самой сути времени и основных особенностей систем как таковых; несоответствие временной координаты реальности базовым критериям дифференциации системных объектов и др. Однако, такая – выраженная специфичность не должна все же рассматриваться как причина отказа от возможности реализации данного подхода по отношению к категории времени. Именно в связи с этим выводом эксплицируется уже отмеченное выше принципиальное обстоятельство: для того, чтобы методология системности, действительно, могла быть реализована по отношению к категории времени, он сам должен быть подвергнут развитию и совершенствованию – причем, не исключительно, такому, которое требует достаточно существенной корректировки и даже трансформации его ключевых положений.

Другими словами, это заключение приводит к тому выводу, который был сделан нами ранее по отношению к логике развития представлений о способах реализации методологии системности в целом ряде иных исследований, направленных на изучение отмеченных выше – основных предметов психологического изучения. Эта логика состоит в том, что для их адекватного раскрытия системный подход не только может, но и должен быть реализован, но при условии его собственной существенной трансформации. Он должен быть преобразован в такой его – неклассический вариант, который получил обозначение метасистемного подхода. Он, повторяем, был сформулирован и реализован нами ранее по отношению к целому ряду значимых предметов и зарекомендовал себя в качестве достаточно конструктивного методологического средства. В связи с этим, есть основания считать, что он окажется таковым, то есть достаточно продуктивным и по отношению к еще одному – но уже предельно общему предмету, каковым и выступит

пает категория времени как атрибут субъективной реальности. Вместе с тем, то, как именно он должен быть реализован по отношению к ней и как он должен быть модифицирован под влиянием ее специфики, является самостоятельной и очень сложной задачей. Она, собственно говоря, и выступила одной из основных в данной работе. Иными словами, общая методология разработки проблемы времени должна быть существенно трансформирована, а одним из основных и определяющих направлений этого может и должна быть реализация по отношению к ней принцип системного подхода, но при соблюдении двух существенных условий. Первое состоит в том, что должен быть преодолен еще более выраженный «разрыв» между ним и исследованиями времени как в психологии, так и в иных дисциплинах, а также в философии, нежели это представлено по отношению к теоретическому уровню данной проблемы. В силу этого и для этого, сам он должен быть подвергнут определенной – не исключено, весьма существенной корректировке и приведению к виду, позволяющему конструктивно включить в него категорию времени и осуществить разработку специфических методологических средств, релевантных ее специфике и даже уникальности. И именно с этим обстоятельством связано второе условие – сама категория времени в целом и понятие субъективного времени, в особенности, должно быть подвергнуто исследованию в таком направлении и раскрыто в таком плане, который бы позволил эксплицировать специфику его статуса как предмета системного изучения. Другими словами, необходимо выявить, каким образом существующие в системном подходе методологические средства и понятийные возможности релевантны категории времени и каким образом они могут быть модифицированы в целях ее дальнейшего изучения. При этом не исключено, что такая корректировка может носить отнюдь не косметический характер, а требовать достаточно существенных изменений традиционных представлений и понятийных стереотипов.

Таким образом, можно видеть, что одной из основных особенностей проблемы субъективного времени, проявляющейся как в плане истории ее становления и развития, так и в плане общей логики ее разработки, является постепенное складывание предпосылок – необходимых условий, которые не только позволяют, но и требуют преобразования общего подхода к ее разработке – *аналитического в системный*. Это равнозначно и необходимости трансформации общей

парадигмы исследований в данной области – предметоцентрической в системоцентрическую. Причем, все эти предпосылки и иные – многочисленные факторы необходимости в такой трансформации складываются не только в русле собственно психологических исследований, но и в рамках философского знания, а также в ряде иных конкретно-научных дисциплин. Вместе с тем, такая трансформация сталкивается с целым рядом трудностей и препятствий, не реализуется так казать «гладко и безболезненно» и не приводит пока к сколько-нибудь ощутимым результатам. Системный подход отнюдь не занимает пока доминирующего положения в общей методологии разработки данного направления, хотя необходимость именно в нем обусловлена ее основными особенностями, равно как и атрибутивными чертами самого предмета исследования – субъективного времени. В свою очередь, главной причиной такой ситуации выступает вовсе не несоответствие этого подхода данной проблеме и ее предмету. Этой причиной является то, что сложившееся к настоящему времени варианты самого системного подхода – его классические версии обладают целым рядом ограничений, своего рода «несовершенств», которые не позволяют ему выступать эффективной методологической основой ее разработки. Он в целом не может и не должен рассматриваться как полностью сформировавшийся и окончательно развившийся, как достигший высшей стадии своего развития. Напротив, он не только допускает, но и требует его дальнейшего совершенствования и приведения к виду, который обладал бы большими эвристическими возможностями, нежели эти канонические варианты. Показательно и то, что главные направления такого развития, его базовые детерминанты сопряжены с его собственным содержанием, носят внутренний – аутохтонный характер и являются поэтому фундаментальными и оправляющими. Они дифференцируются на два типа и, соответственно, обуславливают два основных «вектора» его совершенствования. Первый ориентирован, так сказать, «вверх», то есть в направлении того, какие новые и не менее фундаментальные, нежели традиционные для системной методологии закономерности, конституируются во взаимодействии тех или иных систем с более широкими и общими по отношению к ним целостностями – метасистемами. Иными словами, он требует преобразования исходной парадигмы, сложившейся в рамках методологии системности и обозначаемой как компонентно-системная, в иную парадигму, с позиций

которой главным предметом изучения должны выступить не соотношения компонентов целого и самого целого, а существенно более сложные соотношения систем и метасистем. Дело в том, что во втором случае возникают многочисленные и очень значимые – принципиально новые закономерности такого взаимодействия, которые не эксплицируются с позиций системно-компонентной парадигмы. Системоцентрическая парадигма должна быть трансформирована в метасистемоцентрическую, а сам классический системный подход должен трансформироваться в его новые – постнеклассические варианты. Используя метафору Л. С. Выготского, можно сказать, что сам метасистемный подход может и трактоваться как своего рода «вершинное» развитие традиционных вариантов системного подхода. В результате такого развития, действительно, оказалось возможным выявить и проинтерпретировать целый ряд новых и достаточно существенных закономерностей системного типа, позволяющих более глубоко понять некоторые достаточно значимые закономерности организации структурных «составляющих» психики и ее организации в целом. Одни из них как раз и выступает разработанный нами ранее метасистемный подход.

Объективная сопряженность времени как общего атрибута реальности со столь же общей методологией – с системным подходом высвечивает не только те особенности, самого времени, которые затрудняют его реализацию по отношению к этому атрибуту. Наряду с этим, еще более зримо предстают и иные – также специфические особенности времени как предмета исследования в целом и психологического, в частности. Их экспликация также необходима в качестве ориентиров для понимания природы субъективного времени. Дело, однако, еще и в том, что многие из них являются не просто специфическими и даже уникальными, но и отчасти парадоксальными – трудными не только для исследования, но даже и понимания. Так, приходится учитывать, что в психологии времени сложился целый ряд понятийных стереотипов и штампов, терминологических оборотов и даже своего рода «мифов» не только не способствующих ее разработке, но и препятствующих ей. Например, уже сам базовый конструкт – восприятие времени отнюдь не лишен условности и метафоричности, а отчасти и парадоксальности, которая, впрочем, давно зафиксирована в литературе и является постоянным источником обсуждений и возражений. Она состоит в том, что именно время является такой

сущностью, которая носит принципиально вневещественный – идеальный, не данный в восприятии характер; это то, что нельзя воспринимать непосредственно вообще. Однако вся суть этой трудности состоит в том, что, несмотря на «невосприимчивость», оно все-таки воспринимается. Это – фактически, одно из проявлений того фундаментального и загадочного свойства психики, которое состоит в наличии способности к восприятию идеального, к его трансформации в чувственную данность. В результате этого возникает принципиальная трудность очень высокой степени сложности, состоящая в выявлении механизмов, обеспечивающих, казалось бы, невозможное – чувствительность к сверхчувственному, то есть сензитивность к идеальному.

То же самое следует констатировать и по отношению к еще одному терминологическому стереотипу – «отражению времени». В его адрес должны быть высказаны все те возражения, которые существуют по отношению к предыдущему термину, но с еще одним дополнением. Оно состоит в том, что именно по отношению к времени парадигма отражения (как исходно реактивная и потому – относительно пассивная) обладает наибольшими ограничениями. Субъективное время – и в каждом индивидуальном случае, и время вообще – как надиндивидуальная реальность, то есть как категория вовсе не отражается, а порождается – и в онтогенезе, и в еще более очевидной форме в социогенезе. Впрочем, это также классическая проблема, связанная с оппозицией конструктивизма и объективного реализма в трактовке времени, равно как и иных категорий и понятий. Метафоричен и термин «приспособление ко времени». Дело в том, что адаптация в любом случае осуществляется вовсе не по отношению к самому времени, а к той среде – к ее содержанию и организации, в которой функционирует личность; к тем ее параметрам и условиям, факторам и детерминантам, которыми она характеризуется. Поэтому время не дано, а задано организацией тех материальных сущностей, которые, в свою очередь, непосредственно даны. И уж совсем метафоричными являются те обороты, которыми пестрит «народная психология»: время – судья, время лечит и пр. Конечно, судит и лечит не время, а все то, что оно вмещает. Все эти метафоры, не лишённые, конечно, основания и оправданные в определенных пределах, все же являются разными проявлениями того, что можно обозначить как «ошибка субстанционализации» или ошибка онтологизации времени, поскольку время –

не сама онтология (реальность), а ее атрибут. Отсюда, кстати говоря, производны и живучие представления о «загадочности» времени, о его непонятности, непостижимости и пр. Сложность, однако, в том, что эти представления – так сказать, презумпция загадочности все же в определенном смысле оправданны. Дело в том, что через них и в них, действительно, проявляется такая загадочность и таинственность, но не самого времени, а того, что в нем высвечивается, то есть самого бытия, эксплицирующего в нем еще большую сложность и непостижимость.

Далее, по отношению к этой проблеме как нельзя более остро формулируется вопрос о существовании (или не существовании) самого предмета исследования как некоторой объективной реальности. Это – вообще наиболее трудная и общая проблема всей науки о времени, равно как и вненаучных представлений о нем. Принципиальный смысл этих трудностей зафиксирован, как известно, в «вечной» проблеме, состоящей в том, существует ли время как таковое, а ее содержание как раз и сводится к тому, чтобы обосновать онтологический статус самой реальности, которая зафиксирована в этой категории. Существует ли время как нечто объективное – внесубъектное, а категория времени – это отражение и фиксация данной объективной реальности; или же оно – не отражение реальности, а продукт порождения со стороны самого субъекта, то есть реальность исходно не объективная, а субъективная. Она, к тому же, может не только выступать продуктом субъектного конструирования, но и лежать в основе этого конструирования (что зафиксировано в понятии априорных категорий познания И. Канта). Известно также, что эта проблема является источником дифференциации двух основных концепций времени – объективистской и релятивистской. В этом плане используются даже выражения «устранение времени», «элиминация времени», «исчезновение времени» и т. п. Поэтому в максимально общем плане эта проблема сопряжена и основным вопросом философии: признание парадигмы порождения равносильно идеалистическому варианту его решения, а признание парадигмы отражения – его материалистическому варианту. Время, точнее его понимание выступает и как критерий решения данного вопроса, в чем проявляется еще одна грань его значимости.

Наряду с этим, очень характерной является и еще одна особенность субъективного времени. Ничто не обладает столь же несомненной субъективной очевидностью – причем, такой, которая не только

не требует дополнительных средств для своего обоснования, но сама и является этим обоснованием, сколько и невозможностью выступать в качестве продукта, результата и пр. отражения. Оно столь же ощущаемо – чувственно, сколь и сверхчувственно, недоступно ощущению в традиционном смысле.

Другая – хотя, и не уникальная, но все же очень характерная особенность предмета исследования в психологии времени состоит в том, что он обладает свойством «вездесущести». Точно так же как нет времени без сущности, нет и вневременных сущностей, а потому любой компонент объективной и субъективной реальности представлен во времени и так или иначе включает временную координату в свою организацию. Следовательно, в предмет психологии времени должны быть включены, по существу, все основные предметы психологии в целом. Тем самым, предмет первой получает свойство распределенности по предмету второй; он не только растворяется в предмете второй, но и поглощается им, а тем самым начинает характеризоваться и свойством ускользаемости. Имеет место известная в гносеологии ситуация «исчезновения предмета», которая, в действительности, свидетельствует о том, что «исчезает» не предмет, а наши упрощенные представления о нем. Кстати говоря, именно с этим сопряжена и одна из основных трудностей его изучения. Она состоит в том, что чем глубже и детальнее – конкретнее становится собственно временной – темпоральный анализ тех или иных предметов психологического исследования, тем в большей степени он трансформируется в субстанциональный. Это означает, что попытки выявления специфически темпоральных закономерностей всегда и неуклонно приводят к необходимости выявления закономерностей субстанциональной организации. Сама же темпоральная организация эксплицируется не только как сопряженная с субстанциональной, но и как полностью производная от нее, точнее – как ее аспект, одна из сторон. Однако в этом есть и свои плюсы, поскольку выявление темпоральной организации может быть понято и как средство – метод проникновения в субстанциональные основы изучаемого предмета. В силу этого, однако, при рассмотрении собственно темпоральных аспектов организации с необходимостью приходилось обращаться к закономерностям собственно субстанционального плана, что делало это рассмотрение и объемным и не всегда напрямую соотносящимся непосредственно с временной проблематикой. В связи с этим,

по отношению к уровню конкретно-научного исследования проблемы времени, в отличие от философского уровня, категория времени не может и не должна рассматриваться в качестве априорной – доопытной. Напротив, она должна реализовываться в ее апостериорном статусе – как уже прошедшая опосредствование бытием и наполненная субстанциональностью, получив свою привязку к реальному носителю и окрашенная его закономерностями – более того, выступающая формой их собственного существования и экспликации в научном познании.

Во всех этих, равно как и многих иных – также характерных особенностях времени как предмета исследования проявляется не только его беспрецедентная сложность, но и явная специфичность. Они сами подразделяются на две группы. Первая включает те, которые являются общими у нее и у ряда иных – также фундаментальных общенаучных проблем (распределенность предмета, его ускользаемость от анализа, множественность экспликаций и пр.). Вторая включает те, которые являются специфическими и даже уникальными для нее (например, специфика онтологического статуса, принципиальная несамостоятельность – «сцепленность» с субстанциональной основой). Все они в своей совокупности, а также в связи со сложной и противоречивой историей развития данной проблемы – и в философии и в конкретных науках во многом и определили собой то состояние, в котором данная проблема находится сегодня.

Далее, при разработке проблематики субъективного времени, наряду с особенностями предмета исследования, необходимо учитывать не только особенности современного состояния этих исследований, но также и логики их развития. Так, в частности, весьма значимой тенденцией развития представлений о субъективном времени является расширение спектра тех вопросов и проблем, которые, собственно говоря, и составляют содержание каждого из них. В частности, то направление, которое обозначается как социальная психология времени, дифференцируется на относительно самостоятельные важные направления исследований, связанные, во-первых, с его собственно групповым аспектом и, во-вторых, с организационной психологией времени – с исследованиями отношения к нему в организационном контексте. Еще одно важное направление, которое традиционно обозначается (причем, по нашему мнению, не вполне удачно) как психофизическое также дифференцируется

на два поднаправления. Первое связано с традиционной проблематикой специфики оценивания микроинтервалов времени, а второе – с определением существенно более сложных когнитивных средств и процессов, обеспечивающих приспособление ко времени в целом – с тем, что условно можно обозначить как когнитивная психология времени.

Кроме того, имеет место и возникновение новых направлений разработки данной проблемы, отсутствующих в их классическом перечне. Например, это исследования субъективного времени в контексте проблематики дефолт-системы мозга (системы пассивной работы мозга – СПРМ), в связи с особым классом психических процессов – метакогнитивными процессами, с понятием возможного как временной категорией, а также с относительно новым для психологии предметом изучения – прокрастинацией как специфически временным феноменом. Значимой тенденцией развития представлений о субъективном времени является и имеющая место в ряде случаев конвергенция исследований в различных направлениях. Так, показательной является все более явная конвергенция исследований когнитивных средств оценивания времени с изучением их нейрональных основ и психофизиологических механизмов, что является одним из проявлений важного тренда развития наук о мозге и психике – становления когнитологии как междисциплинарного направления. Последовательное и все более полное изучение данной проблемы приводит к тому, что, фактически, не остается ни одной сколько-нибудь значимой сферы психического – процесса и структуры, образования и свойства, феномена и качества и пр., который не оказался бы вовлеченным в нее. Все аспекты этой сферы, начиная базовыми и относительно наименее сложными и заканчивая максимально интегративными и обобщенными, оказываются представленными в ней. Более того, даже те из них, которые пока явным образом не охвачены этой проблематикой, при их внимательном рассмотрении достаточно естественным и очевидным образом эксплицируют их собственно временной аспект. В связи с этим еще более значимой становится необходимость реализации адекватной такой комплексности – многомерности и разнородности подхода, то есть системного.

Второй вектор ориентирован уже не «вверх», а «вглубь», поскольку, как показал проведенный анализ, системный подход должен подвергнуться не только вершинному, но и глубинному развитию.

По мере его развития все более полно и многогранно вырисовывалась фундаментальная роль в системной (и метасистемной) организации психики и ее основных структурных «составляющих» такой гносеологической категории, как категории качества. Действительно, какие бы проблемы ни рассматривались и какие бы предметы ни исследовались посредством этой методологии, практически всегда как главный и определяющий встает вопрос об их сущности – об их содержании и организации. Однако это и есть вопрос об их качественной определенности, о выявлении и объяснении тех основных качеств, которые ее и составляют. Вместе с тем, суть дела заключается еще и в том, что именно в русле метасистемного подхода оказалось возможным дополнить традиционные представления о самих качествах – так называемую «триаду» их основных типов (материальных, функциональных, системных). Конкретно это означает, что были дифференцированы новые их типы – виртуальные и метасистемные качества, а за счет этого существенно расширены интерпретационные возможности и гносеологический потенциал категории качества в целом. Тем самым, развитие принципа системности в направлении его трансформации в принцип метасистемности с необходимостью предполагает и фокусировку на изучении того, что составляет основу – онтологическую базу содержания и организации любого предмета познания – его качественной определенности в целом и выявлении роли отдельных типов качеств, в частности. Другими словами, это необходимость обращения к наиболее глубинным и определяющим аспектам такой организации, то есть к тому, что лежит в основе – так сказать «в глубине» такой организации.

В силу этого, а также по многим иным причинам, метасистемный подход должен быть подвергнут симметричному развитию не только «вверх», но и «вниз», точнее, вглубь. Продолжая отмеченную выше метафору, можно сказать, что он должен подвергнуться не только вершинному, но и глубинному развитию. Лишь при этом условии он может обрести свойства концептуальной полноты и методологической завершенности, а это, в свою очередь, объективно требует первостепенного внимания к категории качества. Значимость этого связана еще и с тем, что в русле самого традиционного системного подхода парадоксальным образом пока наименее развитым остается именно этот его аспект – аспект, который имеет объективно наиболь-

шую значимость для раскрытия того основного, что есть в предмете – его качественной определенности. Данный аспект рассматривается в этой методологии как завершающий этап общего алгоритма системного исследования, обозначаемый понятием интегративного этапа. При его реализации, однако, главным и, фактически (и даже – «к сожалению») единственным предметом изучения выступает лишь один из типов качеств – системные качества, интегративные свойства предмета. Другие же их типы, в особенности те неклассические, которые установлены в метасистемном подходе, практически не включаются в сферу изучения. Разумеется, эта ситуация должна быть преодолена, что вновь выводит на первый план необходимость обращения к категории качества, взятой не только в одном из его типов, а во всей их реальной, онтологически представленной комплексности и многомерности. Какие бы предметы ни изучались посредством этой методологии, практически всегда как главный и определяющий встает вопрос об их сущности – об их содержании и организации, то есть вопрос об их качественной определенности, о выявлении и объяснении тех основных качеств, которые ее и составляют. Тем самым, развитие принципа системности с необходимостью предполагает фокусировку на изучении того, что составляет основу – онтологическую базу содержания и организации любого предмета познания – его качественной определенности в целом и выявлении роли отдельных категорий качеств, в особенности. Однако именно это и означает, что традиционный системный подход должен быть развит и в направлении его конвергенции с еще более широкой методологией – методологией *качественного анализа*. Лишь на основе дополнения классических вариантов системного подхода методологией качественного анализа, причем, взятой в ее наиболее современных вариантах, можно рассчитывать на раскрытие того главного, что составляет содержание предмета психологии в целом и психологии субъективного времени, в частности, – его качественной определенности, то есть экспликации структуры и сущности субъективной реальности как таковой.

Показательно, что к аналогичным выводам привела логика развития целого ряда иных и также очень важных, даже определяющих проблем и направлений психологического исследования, в том числе и тех, которые были подвергнуты изучению и в наших работах. Все они как раз и эксплицировали необходимость реализации указанной

двуединой перспективы их разработки. Она, наряду с развитием их собственного концептуального содержания, предполагает и модификацию методологических оснований их разработки – причем, не «вообще», не как абстрактную необходимость, а во вполне конкретном, хотя также весьма общем виде – в виде совершенствования и углубления методологии системности в направлении ее трансформации в методологию метасистемного подхода. Именно он, разработанный нами ранее и реализованный по отношению к отмеченным – базовым предметам психологического исследования продемонстрировал свою конструктивность и, следовательно, возможность (а по нашему мнению необходимость) его распространения и на иные также определяющие сферы психологической проблематики – в частности, на проблему субъективного времени. Решающим фактором такой конструктивности выступило то, что он позволяет преодолеть целый ряд принципиальных трудностей и противоречий, которыми характеризуются традиционные – классические варианты системного подхода и содержит в себе такие концептуальные и методологические средства, которые более релевантны специфике предметов собственно психологического исследования.

В этом плане следует подчеркнуть важную, по нашему мнению особенность самого системного подхода, которая обычно не становится предметом самостоятельного рассмотрения. Она состоит в том, что основные направления его развития и совершенствования носят, как было показано выше, внутренний характер, они сопряжены с собственной логикой его развития в целом. Это – его развитие «вверх», то есть в направлении трансформации в метасистемный подход, и развитие «вглубь», то есть в направлении его конвергенции с качественным анализом, с реализацией всего потенциала базовой гносеологической категории – категории качества. Вместе с тем, подчеркнем, что такого развития просто не могло быть, если бы у него не существовали те «несовершенства», на преодоление которых оно и направлено. Иными словами, для того, чтобы он мог развиваться и усовершенствоваться, он должен обладать определенными негативными моментами как источниками и детерминантами такого совершенствования. В этом плане можно, по-видимому, сформулировать и положение более общего плана. По всей вероятности, наиболее конструктивные средства методологического плана не только не

могут (что вполне естественно), но и не должны быть, так сказать, «безупречными» или даже – просто лишенными сколько-нибудь значимых несовершенств. Напротив, они их должны включать как необходимый элемент и как важнейший фактор их же собственного развития. Они должны быть внутренне противоречивыми, поскольку, как известно, именно противоречия и являются главными детерминантами и даже источниками любого развития. Более того, чем более фундаментальными они являются, тем более кардинальным является и их преодоление и, следовательно, масштабнее само развитие как таковое. Все это, собственно говоря, и проявляется в масштабности тех трансформаций, которые имеют место при преобразовании системного подхода в метасистемный, поскольку они сопряжены именно с фундаментальными, атрибутивными ограничениями самого традиционного системного подхода, а не с его частными аспектами. Попытка такого дополнения также была осуществлена нами ранее в специальном цикле исследований, направленных как раз на то, чтобы осуществить экспликацию и объяснение субъективной реальности на основе фундаментальной философской и общенаучной категории качества, то есть на основе именно методологии качественного анализа.

Итак, можно заключить, что оба основных направления – оба «вектора» развития системной методологии, равно как и сформулированные в итоге этого его новые варианты, и должны выступить в качестве методологических оснований для разработки проблемы субъективного времени. Одним из таких постнеклассических вариантов и является разработанный нами метасистемный подход, составивший основу и для решения основных задач данной работы. Экспликация его принципиального смысла и основного содержания представлена во второй главе, в связи с чем, при итоговом обобщении полученных результатов нет ни необходимости, ни возможности дублировать все эти результаты – тем более, что они уже рассмотрены в ней с достаточной степенью детализированности. Вместе с тем, на наш взгляд, не только целесообразно, но и необходимо еще раз акцентировать внимание на их принципиальном смысле, а также на их гносеологической роли в общем процессе исследования проблемы субъективного времени.

## II

Так, сущность метасистемного подхода вытекает из экспликации, обоснования и объяснения следующего – фундаментального, на наш взгляд, обстоятельства. Наряду с системами традиционных классов, существует еще один – очень специфический класс системных образований Их атрибутивной особенностью является то, что та – объективно существующая и более общая по отношению к ним метасистема, в которую они сами онтологически включены, в то же время, оказывается функционально представленной в их собственном содержании. Разумеется, речь при этом идет не о прямом – так сказать, «морфологическом» представительстве – не о том, что метасистема становится частью самой системы, а о представительстве сугубо функциональном. Другими словами, метасистема оказывается представленной в составе и содержании системы в лишь определенном – подчеркиваем, сугубо функциональном плане. Данное обстоятельство ведет к радикальным и множественным трансформациям всего содержания и базовых принципов структурно-функциональной организации систем, выявленных и подробно охарактеризованных в данной работе. В своей совокупности они и обуславливают существование особого качественно специфического класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Он является именно классом, поскольку включает в свой состав целый ряд основных типов и видов.

В контексте собственно психологической проблематики очень показательным, что, пожалуй, наиболее полным и репрезентативным представителем данного класса как раз и выступает психика в целом. Действительно, вся история развития психологии, все ее наиболее общие положения, а также сама атрибутивная природа психики указывают на существование базового и фундаментального, а не исключено, – и наиболее общего принципа ее организации. Более того, этот принцип является настолько общим, его проявления и воплощения настолько многообразны, а сам он настолько «привычен и обычен», что подробно раскрывать его нет необходимости, а достаточно лишь указать на его смысл. Внешняя – объективная реальность (как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика) получает в ней своего рода «удвоенное» существование в виде субъективной реальности – в форме так называемого «отраженного» (если пользоваться

традиционной терминологией). Эта субъективная реальность может принимать очень разные формы, она может по-разному обозначаться и трактоваться в плане ее механизмов, структур и процессов, но сам факт ее существования неоспорим и непреложен. Более того, как известно, степень его неоспоримости и очевидности даже выше, нежели очевидность существования объективной реальности, что послужило основанием для целого ряда философских направлений и доктрин. В психологии существует очень много понятий для обозначения этой реальности, а также ее разновидностей, форм, аспектов, проявлений и т. д. Как мы уже отмечали это, в частности, понятия внутренней информации, знаний, ментальных репрезентаций, когнитивных схем, опыта, образа мира, внутреннего мира, модели ситуации, субъективных репрезентаций, фреймов, скриптов и мн. др.

Иными словами, атрибутивная природа психики, а одновременно – ее уникальность (и это раньше обозначалось как ее «отражательная природа») такова, что в ней объективная реальность получает свое «удвоенное бытие» в форме реальности субъективной. Более того, чем полнее, адекватнее и точнее будет совпадать последняя с объективной реальностью, тем бóльшие предпосылки обеспечиваются и для решения общепсихологических задач. Следовательно, та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая «внешнеположена» ей, оказывается представленной в структуре и содержании ее самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной (которая, однако, по самой своей сути и назначению должна быть максимально подобной в аспекте своих информационных и содержательных характеристик объективной реальности). Естественно, что наиболее сложным и главным исследовательским вопросом является проблема того, как именно это происходит? Как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть основной вопрос психологии, и она пока не готова дать на него удовлетворительный ответ. Однако сам факт порождения и, соответственно, – существования субъективной реальности как «удвоенной» объективной реальности имеет место и не вызывает сомнений. Причем, – «не вызывает» в такой степени, что этот фундаментальный факт очень часто просто принимается как данность, но не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских

задач. В частности, он очень слабо не учитывается и в исследованиях, базирующихся на принципе системного подхода, а также – что еще более негативно – в содержании самого системного подхода.

Можно видеть, что сама сущность психического такова, что в его собственном содержании оказывается представленной и получает свое «удвоенное» существование та метасистема, которая является по отношению к нему исходно внешнеположенной и в которую оно объективно включено. Повторяем, что речь идет именно об определенной форме существования этой объективной реальности, а не об ее онтологической представленности в психике. Причем, чем более полным, адекватным и, так сказать, «глобальным» является такое представительство метасистемы в собственном содержании психики, тем лучше для нее самой – тем выше ее адаптационные и многие иные возможности. Другими словами, по отношению к психике метасистемный уровень имеет не только экстрасистемную представленность (как по отношению практически ко всем иным известным в настоящее время системам), но и интрасистемную представленность. Метасистема, в качестве которой по отношению к психике выступает, в конечном итоге, вся «внешнеположенная» ей объективная реальность (а также взаимодействия с этой реальностью) получает в содержании самой психики свое «удвоенное бытие», свое «второе существование». Оно, разумеется, нетождественно онтологической представленности, а принимает качественно иные формы. Кардинальное отличие всех этих форм от «исходного бытия» метасистемы состоит в том, что они носят противоположный по отношению к нему характер – имеют не материальную, а идеальную природу. Для их обозначения, как мы уже отмечали, в психологии выработано множество понятий. И наоборот, метасистемный уровень синтезирует в себе все эти важнейшие психические образования, а само понятие метасистемного уровня является родовым по отношению к каждому из них как видовому.

Все сказанное можно обозначить как метасистемный принцип функциональной организации психики. Он, повторяем, сопряжен с включением в ее структуру метасистемного уровня и, более того, является его основой. При этом следует иметь в виду, что сам статус понятия «принцип» предполагает достаточно общий характер его действия и множественность сфер существования. Следовательно, есть основания считать, что он характеризует собой не только

отношения метасистемного уровня с иными уровнями организации системы в целом, но и пронизывает собой многие другие – также важные, хотя и более частные аспекты ее организации. Эту же мысль можно сформулировать по-другому. Психика как суперорганизованная система, придя в результате своей эволюции к метасистемному принципу организации как к общему, может, вместе с тем, мультиплицировать его и в своих частных проявлениях. Этот – достаточно важный, по нашему мнению, вывод подтверждается многими общепсихологическими данными и результатами, в том числе – и полученными нами.

Особо следует подчеркнуть также и следующее – важное в методологическом плане обстоятельство: выполненные к настоящему времени исследования показывают, что метасистемный принцип лежит в основе организации не только психики в целом, но и многих, причем, – важнейших «составляющих» психики. Это, прежде всего, система психических процессов, общая совокупность способностей личности, процессы принятия решения, система психологических защит личности, структурно-функциональная организация системы деятельности, феномен организационной культуры и др. Тем самым получает свое обоснование и содержательное наполнение общий тезис, согласно которому и психика в целом, и ее основные «составляющие» базируются на принципе метасистемной организации. Следовательно, они должны быть проинтерпретированы как принадлежащие к особому и качественно специфическому классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Этот общий для психики принцип воспроизводится – мультиплицируется и в основных ее «составляющих». В связи с этим, становится очевидным, что, реализуясь в целом ряде (точнее – во многих) подсистемах, данный принцип, действительно, демонстрирует свой статус как именно общего принципа организации.

Очень показательно также, что с позиций представлений о существовании систем со «встроенным» метасистемным уровне, а также – и с позиций развитого на основе их изучения метасистемного подхода получает свое решение целый ряд важных и острых теоретических вопросов, которые поставлены, но не решены в традиционных – канонических вариантах системного подхода. К их числу относятся и те вопросы, также теоретические трудности принципиального порядка, которые характерны и для разработки многих основополагающих психологических проблем.

Системы со «встроенным» метасистемным уровнем являются существенно более сложными, нежели системы традиционных типов еще в одном – очень важном отношении. Они «выходят» за рамки традиционно понимаемой системности (и в этом плане базируются именно на принципе метасистемности, то есть принципе именно «выходящим за» пределы системности). В частности, они обретают новую и, по существу, уникальную возможность использовать противоположность системности – саму асистемность в качестве мощного операционного средства своей собственной организации и особенно – своего генезиса. Действительно, с одной стороны, их генезис разворачивается под мощным, а нередко и определяющим воздействием той метасистемы, в которую они онтологически включены. Метасистема своими собственными генетическими закономерностями и особенностями, детерминируя развитие включенной в нее системы, тем не менее, может вносить и реально вносит в процесс ее формирования не только черты «организованности и упорядоченности», но и противоположные черты – черты дезорганизованности, асистемности.

Вместе с тем, еще более существенным и специфическим именно для систем со «встроенным» метасистемным уровнем является то, что и сама метасистема оказывается функционально представленной в их собственном содержании, локализуясь на ее высшем уровне. Поэтому те детерминанты и взаимодействия метасистемы и системы, которые по отношению ко всем иным классам систем имеют внешнюю локализацию, транспонируются в их собственное содержание, становятся внутренними детерминантами их развития. При этом следует учитывать, что именно метасистемный, то есть высший уровень является, как известно, принципиально открытым. Это означает, в свою очередь, что именно через него система не только наиболее активно взаимодействует с другими системами, но в нее постоянно вносятся «возмущения», элементы неупорядоченности, хаоса. Они тем самым становятся и внутренними факторами их собственного развития. Таким образом, можно заключить, что действительно многие и притом – основные аспекты изучения, предписываемые принципом системного подхода существенно, а в ряде случаев – и достаточно радикально трансформируются по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем. Более того, в ряде случаев они приобретают инверсионную форму. Вместе с тем, их учет

совершенно необходим, поскольку лишь при этом условии возможен прогресс в разработке общих положений системного подхода, его действительное и действенное развитие, а не только косметическая корректировка. Метасистемный подход, являясь поэтому необходимым продолжением и развитием идей системности в целом, логическим этапом этого развития должен быть, однако, понят и как диалектическое снятие ряда положений самого системного подхода. Этот подход – не только эволюционное развитие системного подхода, но и определенный «выход за» его пределы, что очень полно и точно соответствует самой этимологии словосочетания «метасистемный подход» (преодолевающий, выходящий за, находящийся вне).

### III

Наряду с этим, следует учитывать, что сам метасистемный подход представлен в двух своих основных вариантах – онтологическом и гносеологическом. Поэтому для решения основной и наиболее общей – по существу, стратегической задачи, к постановке которой привела логика развития проблемы субъективного времени и которая является основной в данной работе, необходима реализация и его второго варианта – гносеологического. Дело в том, что именно он содержит необходимые и во многом доставочные условия для трансформации аналитической стадии разработки тех или иных направлений, проблем и др. в собственно системную; для перевода представлений, разрабатываемых в них, с претеоретической фазы на собственно концептуальную – теоретическую. Данный вопрос также подробно рассмотрен в соответствующих разделах этой книги, а сущность сформулированных при этом представлений может быть резюмирована следующим образом.

Действительно, в контексте именно этой задачи возникает, быть может, наиболее принципиальный вопрос – вопрос о том, что именно составляет суть собственно теоретической фазы развития? Что является атрибутами этой фазы и каковы основные признаки теории как таковой, какова ее гносеологическая структура? При ее решении следует исходить из того, что для подавляющего большинства научных направлений, а также тех или иных, действительно, крупных проблем в их развитии достаточно отчетливо дифференцируются две основные

фазы. На первой из них преобладает кумулятивное накопление эмпирических и экспериментальных данных, доминируют описательные схемы исследования, а общий «вектор» познания направлен, скорее, вширь, нежели вглубь, то есть процесс познания разворачивается по экстенсивному, а не интенсивному пути. Все это вполне закономерно и естественно; это – «общая судьба» большинства эмпирических наук. Данная – собственно эмпирическая, претеоретическая фаза развития может быть охарактеризована также и как аналитическая, поскольку на ней явно доминирует аспектный способ изучения. Следствиями аналитичности и аспектности являются иные особенности научного знания на данной фазе развития – эклектизм, «мозаичность» и фрагментарность представлений о предмете, их слабая систематизированность, нередкая противоречивость, дескриптивность и др. Причем, все эти особенности – отнюдь не оценочные «ярлыки», а объективные особенности, свидетельствующие о переходном, развивающемся и недостаточно зрелом характере самих научных представлений.

Переход с эмпирической, то есть претеоретической фазы развития представлений, на собственно теоретическую фазу, как правило, связывается с необходимостью трансформации аналитического способа исследования в системный. Этот переход обозначается как преобразование предметоцентрической парадигмы исследования в системоцентрическую. Вместе с тем, в подавляющем большинстве случаев данное требование остается на предельно обобщенном уровне – на уровне деклараций; оно, как правило, не подвергается конкретизации и, соответственно, – адекватной операционализации. Между тем, сама по себе задача операционализации данного императива и его детализации приводит к достаточно важным, на наш взгляд, методологическим следствиям.

Действительно, с одной стороны, в огромном большинстве случаев развитие тех или иных психологических проблем и направлений приводит, в конечном итоге, к постановке очень сходной группы принципиальных вопросов. Практически всегда этими – «критически значимыми» вопросами являются следующие вопросы. Какова качественная определенность и качественная специфичность изучаемого предмета? Какой статус он имеет в качестве видового образования в пределах того или иного рода сходных с ним явлений? Каково его содержание – состав компонентов и их структура? Каковы особенно-

сти его динамики – функциональной организации? В чем заключаются закономерности его возникновения и развития – генезиса? Каковы наиболее обобщенные, важные и определяющие его свойства – интегративные по своей сути, то есть системные качества?

Совокупность указанных проблем (и об этом также было сказано выше) воспроизводит общий гносеологический инвариант основных планов исследования, который выступает императивом любого собственно теоретического исследования. И наоборот, лишь при раскрытии предмета изучения во всех планах этого инварианта можно считать, что знание о предмете достигло уровня своей теоретической зрелости; преодолело свою изначальную мозаичность и аспектность.

С другой стороны, в методологии системного подхода сформулированы представления о еще одном инварианте основных «призм» видения предмета, синтез которых необходим для его полной, то есть собственно системной, характеристики. Другими словами, одним из основных ее императивов является необходимость раскрытия предмета во взаимодополняющей последовательности ряда основных планов (которые и составляют основу алгоритма системного исследования). Ими являются следующие гносеологические планы: определение метасистемы по отношению к изучаемому предмету; раскрытие предмета в плане выявления его качественной определенности; установление закономерностей соотношения предмета с более общей целостностью и выявление тех качественных спецификаций; раскрытие закономерностей структурной организации предмета исследования; раскрытие закономерностей его функциональной организации; установление и интерпретация закономерностей генезиса предмета; определение и интерпретация интегративных свойств предмета исследования – его системных качеств.

Сопоставляя далее два инварианта – общегносеологический (раскрывающий структуру научных теорий) и системный (служащий для целостной экспликации предмета), можно видеть, что они не просто подобны, но и фактически изоморфны. Следовательно, само знание о предмете уже как система, а не конгломерат отдельных аспектов, становится таковой в том случае, когда оно воспроизводит в своей организации все основные атрибуты системной организации самих объектов. Иначе говоря, знание достигает уровня теории и становится теорией в строгом смысле этого понятия тогда, когда

оно само становится системой. Или еще проще: теория – это знание, удовлетворяющее атрибутам системной организации; знание, достигшее ступени системной организации.

Такой вывод вполне согласуется со сложившимися в методологии системного подхода представлениями и содействует их развитию в его гносеологическом варианте; он позволяет определить смысл и конкретные ориентиры для разработки теоретических представлений в различных областях изучения. Кроме того, следует принимать во внимание и обязательно учитывать и еще более глубинную причину констатированного выше сходства и, по существу, изоморфизма двух познавательных инвариантов. В его основе лежит, хотя и достаточно латентная – скрытая от непосредственного видения, но очень важная и, по существу, фундаментальная причина гносеологического порядка. Она заключается в том, что основные этапы алгоритма системного исследования органично и непосредственно сопряжены, соответственно, с основными категориями закономерностей, которые дифференцируются в гносеологии. Во-первых, это закономерности, являющиеся производными от включенности изучаемого предмета в контекст более общей целостности, в состав той или иной – онтологически представленной системы, в которой сам он приобретает свое конкретное, внутрисистемное бытие. Во-вторых, это закономерности структурной организации предмета. В-третьих, это закономерности его функциональной организации. В-четвертых, это генетические закономерности предмета. В-пятых, это закономерности, связанные с формированием и функционированием наиболее обобщенных, интегративных свойств предмета – его системных качеств.

Следовательно, именно данные этапы реализации алгоритма системного исследования, являясь одновременно основными аспектами исследования любого объекта, в совокупности – через синтез получаемых при их реализации результатов позволяют дать достаточно полное представление о нем, преодолеть односторонность «аспектного» его исследования. Одновременно через них предмет получает и необходимые основания для причинного объяснения обнаруживаемых в нем закономерностей в аспекте структурной, функциональной, генетической причинности. Такое – системно-организованное знание о предмете является необходимым условием для его перевода с уровня эмпирико-феноменологических представлений на уровень

собственно теоретического знания; условием придания развиваемым теоретическим представлениям свойства концептуальной полноты и завершенности. В силу этого и стратегия исследования, построенная на базе сформулированных положений, содействует переводу существующих и вновь получаемых знаний на уровень системной организованности, что в концептуальном плане равнозначно их переводу с претеоретического уровня развития на собственно теоретический уровень. Он тем и отличается от первого, что знания на нем приобретают черты системности, переставая быть просто их совокупностью или конгломератом. Объект же раскрывается в них пусть и неполно, но целостно, во всех его основных измерениях. И именно такое, целостное, то есть интегративное решение, наиболее релевантно как собственно концептуальным задачам, связанных с разработкой обобщающих теорий, так и практическим задачам, на решение которых, в конечном итоге, направлено развитие самих теорий.

Итак, все эти представления о содержании и специфике научных концепций, должны быть положены в основу разработки проблемы субъективного времени. Эти представления, базирующиеся на всей логике предшествующего развития принципа системности, а также воплощая в себе его основные принципы и императивы, позволяют дать не только многоаспектное, но и целостное раскрытие изучаемого предмета. При этом следует, конечно, специально подчеркнуть, что полная реализация данного подхода по отношению к анализируемой здесь проблеме – это, безусловно, предельно комплексная и чрезвычайно объемная исследовательская задача. Она может рассматриваться, скорее, как наиболее общая и стратегическая перспектива. Поэтому в своем полном объеме она не может быть, по-видимому, реализована в рамках одного, отдельно взятого исследования, в том числе, разумеется, и представленного в данной работе. Вместе с тем, она все же должна быть положена в основу разработки данной проблемы, а сама эта проблема должна быть подвергнута приоритетному изучению именно в тех гносеологических планах, которые образуют содержание данной стратегии.

В связи с этим, существенным и в предметном и в композиционном плане является еще одно обстоятельство. Действительно, представленные выше материалы позволяют определить вполне четкие ориентиры для последовательности реализации общей стратегии исследования. Оно должно реализовывать основные этапы этой стра-

тегии, образующие в своей совокупности охарактеризованный выше алгоритм системного исследования. Это означает, что вначале должен быть реализован метасистемный (онтологический) план и, соответственно, этап исследования проблемы субъективного времени, затем – структурный план, а после него последовательно и три другие плана (этапа) – функциональный, генетический и интегративный.

Вместе с тем, при реализации данной стратегии необходимо учитывать и очень явную специфичность самих систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Их определяющая черта, напомним, состоит в том, что один из их основных уровней – метасистемный как раз и образован посредством мультиплицирования – «встраивания» в них той метасистемы, онтологической составляющей они сами являются. Те сложнейшие особенности и закономерности, которые лежат в основе этого, то есть в основе того, как метасистема детерминирует собой структуру и содержание самой системы, одновременно выступают и закономерностями ее структурно-уровневой организации. Поэтому сам метасистемный план – аспект исследования и, соответственно, его этап, фактически, оказывается во многом просто тождественным одному из аспектов следующего этапа – структурного, поскольку последний как раз и предполагает раскрытие основных уровней организации системы в целом и одного из них – метасистемного уровня. При этом скидывается показательная картина в плане известной диалектики предмета и метода. Аналогично тому, как метасистемный уровень организации является встроенным – включенным в саму структуру и организацию систем, его исследование – в том числе, и раскрытие в ходе представленного изложения также должно быть включено в реализацию собственно структурного этапа (плана). Поэтому сам первый этап (план) реализации комплексной стратегии исследования – метасистемный должен выступать не столько как отдельный и самостоятельный, а как включенный – «встроенный» в реализацию ее другого этапа (плана) – структурного.

#### IV

Такая – синхронная реализация обоих этих планов позволила решить двуединую задачу. С одной стороны, раскрыть метасистемную природу субъективного времени – его органичную, атрибутивную сопряженность со спецификой качественно специфического класса

систем со «встроенным» метасистемным уровнем. С другой стороны, выявить и изучить закономерности его собственно структурной организации. Так, в плане первой из указанных задач необходимо акцентировать внимание на следующих полученных при ее рассмотрении – определяющих результатах. Как известно, одним из основных вопросов, на решение которых направлен метасистемный план исследования, является вопрос об определении общего статуса изучаемого предмета – о специфике его реальной онтологии, то есть о само его сущности. В свою очередь, это означает необходимость раскрытия и объяснения того, что в этом предмете, то есть в самом субъективном времени является главным и определяющим? Что является не тем, от чего оно зависит, на что оно влияет или даже в чем заключаются его особенности и закономерности и каково его содержание и организация? Все это, разумеется, не просто важно, а очень важно и, более того, составляет само содержание всего направления субъективного времени. Однако, не менее, а не исключено – и более значимым является несколько иной вопрос. Это о том, каким образом и почему возникает феномен субъективного времени? Как он становится возможным, как обретает статус некоторой – пусть и очень специфической, но все же реальности? Как понять само время именно в целом – и объективное и субъективное в их взаимоотношении и в их специфичности? Существует ли оно вообще как нечто объективное, или же выступает продуктом конструирования психикой, не являясь поэтому объективным, а выступая лишь идеальной сущностью? Как, наряду с несомненностью и непосредственной данностью настоящего – актуального, порождается еще и то, что не обладает этими атрибутами и не являющееся объективно представленным – прошлое и тем более будущее? Как существует это несуществующее – объективно ли оно? Как возникает, а потом существует то, чего объективно не только нет, но и не может быть? Причем, это «не может быть» справедливо только в одном отношении – объективном. В другом же отношении – субъективном, напротив, мало что другое обладает столь несомненной реальностью, как именно прошлое, являющееся, в свою очередь, прямой производной от «идеи времени» и вне нее немислимое.

Действительно, сама «ось времени» – течение, поток, развертывание, то есть оно именно как нечто длящееся и, более того, образующее это «длание», может существовать только тогда, когда имеет

место еще более имплицитный феномен, который можно обозначить как «преодоление актуальности». Это – выход за актуальность, то есть за настоящее, которое дано объективно в каждый конкретный момент и составляет эту объективность. Само течение, движение – поток, то есть дление может возникнуть только тогда, когда некоторая «точка актуальности» перестает быть только точкой и трансформируется – пусть в простейший, но все же континуум. Иными словами, сама эта «ось» возможна только при условии, так сказать, «расщепление актуальности» (настоящего), как минимум на два локуса, между которыми и устанавливаются отношения следования, последовательности, сменяемости, а в результате – течения, длительности, то есть собственно темпоральные отношения. В таком случае, однако, возникает наиболее непринципиальный и трудный вопрос – как это возможно, то есть как конкретно и посредством каких механизмов происходит такое расщепление? Как порождается то, чего объективно попросту нет, но субъективно представлено как, напротив, наиболее несомненная реальность – субъективное ощущение времени, нахождения в нем и ощущение его, которое как раз и образует ось «прошлого – настоящего – будущего», а также саму идею времени? Как возникают те две необходимые точки, которые и порождают эту ось в ее принципиальном виде – именно как континуум, а не только как актуальное настоящее? Как осуществляется, так сказать, «преодоление актуальности» – выход за границы настоящего и трансформация реальности – и объективной и субъективной из ее статического измерения в динамическое?

Наиболее принципиальный и максимально сложный характер этих вопросов все же не должен рассматриваться как причина отказа от попыток их решения – пусть и частичного, предварительного – допускающего уточнение и углубление. Очень важно и показательно также, что это решение может быть предложено с позиций той методологии, которая реализуется в данной работе – с позиций метасистемного подхода в целом и его базовых, определяющих положений, составляющих его суть, в особенности. Действительно, как подробно обосновано в главе 2, его наиболее важное и принципиальное положение состоит в том, что психика воспроизводит в своем собственном содержании ту метасистему, в которую она сама онтологически включена и объективной частью которой она является. Причем, сама эта метасистема – объективная реальность репрезентируется в составе и содер-

жании психического отнюдь не только и даже не столько как информация о реальности, знания о ней и пр., а именно как сама эта реальность в целом – как нечто настоящее и естественное, целостное и завершенное, осмысленное и т. д. Другими словами, метасистема репрезентируется в системе не как ее «копия» (образ, дубликат, модель и пр.), а как сама эта реальность во всей ее полноте и естественности. Не менее важно, однако, и то, что такая репрезентированность метасистемы в психике (как системе) во многом подобна и даже, фактически, тождественна самому содержанию последней – ее собственной реальности, но уже именно субъективной. Эта репрезентированность «внешнего» (метасистемы) во «внутреннем» (психике) во многом его само и порождает. Конституирующаяся за счет такого встраивания реальность является именно таковой – несомненной реальностью, пусть и принципиально иной по своим механизмам и природе, нежели объективная – субъективной. Однако, именно как таковая – как реальность она обладает важнейшим атрибутом любой реальности – атрибутом существования: она является тем «настоящим», которое и составляет этот атрибут. Более того, для субъекта его внутренний мир, его субъективная реальность вообще является не только еще более несомненной, но и, строго говоря, вообще единственно данной ему реальностью. Собственно говоря, именно эта – не только максимальная, но и единственная «настоящая» субъективной реальности отражена во многих философских доктринах, а наиболее рельефное выражение получило в декартовском «Мыслю, следовательно, существую».

Другими словами, именно благодаря механизму встраивания метасистемы в систему, то есть на основе мультиплицирования первой во второй, как раз и возникает то «максимально настоящее», что не подлежит никакому сомнению как реальность, пусть и субъективная. Кроме того, эта реальность, повторяем, наиболее реальна и вообще составляет ее как таковую. Она, так сказать, «просто есть», существует и составляет основу существования субъективности в целом. Однако, именно это – ее несомненное существование означает и то, что любое вновь возникающее взаимодействие субъекта с объективной реальностью оказывается сопряженным с ней и опосредствованным ей. Она – как уже существующее и, повторяем, во многом образующее само существование психического – саму субъективную реальность, данную как нечто несомненное – настоящее, фактически, всегда предшествует

любому вновь возникающему взаимодействию с объективной реальностью. В результате этого любое актуальное взаимодействие субъекта с объективной реальностью (как именно с актуальным настоящим, образующим феномен, который иногда обозначается как «сейчас», «теперь-момент»), оказывается сопряженным с еще одним настоящим – с тем, что и составляет содержание репрезентированной объективной реальности в реальности субъективной. Тем самым, порождается еще один очень важный, но все же частный случай фундаментального феномена (точнее – механизма) *удвоения* реальности, который очень характерен для психического в целом. В данном случае он состоит в порождении двух настоящих и, следовательно, в раздвоении исходно единого настоящего на два локуса. Одно настоящее – это то, что уже существует и представлено в психике как системе, мультиплицирующей содержание метасистемы (объективной реальности). Оно отображает и воплощает определенное состояние и объективной и субъективной реальности, которое предшествует любому вновь возникающему взаимодействию субъекта с объективной реальностью и опосредствует его. Другое настоящее – это актуальное содержание того или иного взаимодействия субъекта с объективной реальностью, которое имеет место в каждый момент его развертывания. В результате само настоящее удваивается – расщепляется и растягивается. Причем, тот его модус, который уже представлен в психическом и составляет ее содержание, предшествуя любому вновь возникающему актуальному взаимодействию, для самого субъекта не только не менее реален, но реален в еще большей степени. Он, собственно говоря, и образует эту реальность. Для самого субъекта нет ничего более настоящего, чем его внутренний мир, который во многом и образован встроенностью в психику объективной реальности. Однако, именно в этом случае – точнее за счет всего этого в содержании психики сама объективная реальность оказывается представленной дважды.

С одной стороны – как нечто уже имеющееся, существующее, наличное, данное; с другой стороны – как актуально переживаемое, как выступающее результатом текущего взаимодействия с внешней средой. Любое актуальное взаимодействие, образующее содержание субъективной реальности в настоящем (момент «теперь») оказывается объективно сопряженным с уже состоявшимся существованием – столь же настоящим, как и актуально представленное настоящее. Тем

самым, однако, в составе и содержании психического всегда – причем, совершенно объективно оказываются представленными две репрезентации реальности – уже существующая и вновь порождаемая в каждый актуальный момент развертывания ее взаимодействия с миром. Между этими двумя репрезентациями метасистемы (объективной реальности) столь же объективно возникают определенные отношения, а наиболее общими из них как раз и выступают отношения следования, последовательности. Они, в конечном счете, и являются наиболее глубинной детерминантной главного атрибута времени в целом и субъективного времени, в частности, – течения, движения, «дления». Он, как можно видеть, может возникать только тогда, когда в системе порождается разведение актуальности – ее дифференциация, а «точка настоящего» (момент «теперь») трансформируется в континуум. Причем, повторяем еще раз, такое «раздвоение» не является чем-то искусственным и метафорическим. Та репрезентация объективной реальности (метасистемы), которая уже представлена в психике за счет механизма «встраивания» для субъекта не только не менее, а еще более «настояща», чем все иные репрезентации; она во многом и есть сам субъект, его настоящий внутренний мир. Однако и та репрезентация объективной реальности, которая порождается в любом новом акте взаимодействия с объективной реальностью (с актуальным настоящим), также с несомненностью является столь же настоящей. Феномен настоящего расщепляется – раздваивается, а то, что обозначается «настоящим как моментом» растягивается в континуум; это, собственно говоря, и порождает временную «ось» как таковую. Однако, как известно, именно ее порождение во многом и тождественно порождению самого субъективного времени в целом. Другими словами, именно удвоение настоящего – порождение и последующее взаимодействие двух репрезентаций объективной реальности в реальности субъективной как раз и лежит в основе того, что между ними возникают те отношения, которые образуют главный атрибут времени – течение, движение, «длительность». Настоящее выступает в двух состояниях – как уже представленное в психике и как вновь возникающее в любом вновь реализуемом актуальном взаимодействии. Одно из них имеет место перед другим, а значит и раньше него, что, собственно говоря, во многом тождественно возникновению последовательности, длительности. Без этого – уже существу-

ющего состояния второе – вновь возникающее состояние не только невозможно, но и не может породить какие-либо отношения – в том числе, и отношения следования, последовательности.

Итак, можно заключить, что, по-видимому, только те системы, которые воплощают в себе основной принцип всех систем качественно специфического класса – системы со встроенным метасистемным уровнем, оказываются способными генерировать собственное время. Представленность в них метасистемы является важнейшим и определяющим условием для того, чтобы она была репрезентированной в них в двух состояниях – уже имеющимся и вновь порождаемым. Между ними возникают отношения следования, что дает временную ось в ее простейшем виде, но таком, который уже содержит феномен темпоральности и является необходимым для порождения времени как такового. Тем самым, можно видеть, что исходный вопрос о том, как и за счет чего порождается сам феномен времени в целом и субъективного времени, в особенности, в значительной степени получает свое решение.

## V

Именно это решение позволяет, далее, не только обоснованно перейти к следующему основному плану изучения субъективного времени – *структурному*, но также и предложить достаточно общий по смыслу, но совершенно конкретный по содержанию вариант раскрытия его сущности и специфичности. При этом следует учитывать, что, хотя в общем – гносеологическом плане содержание структурного этапа и его задачи представляются достаточно ясными и определенными, его воплощение по отношению к данной проблеме оказалось сопряженным с принципиальными трудностями. Дело в том, что сам предмет исследования – субъективное время характеризуется явной специфичностью и отчасти даже «загадочностью», давно и многократно зафиксированной в литературе. С одной стороны, оно является такой сущностью, по отношению к которой используется термин непротяженности и даже невещности – несубстанциональности, что сразу же ставит многочисленные барьеры на пути реализации по отношению к нему методологии структурного анализа, который разработан практически полностью по отношению к сущностям иной – протяженной, овеществленной, субстанциональной природы.

С другой стороны, еще бóльшие сложности сопряжены с известной проблемой «существования – несуществования» времени в целом, а в более корректной формулировке – с тем, что обозначается как его несамостоятельность – сращенность и атрибутивная неотрывность от его носителей, от их бытия и от бытия как такового. Время, в том числе и субъективное реально только постольку, поскольку есть некоторая иная реальность, которая и обуславливает его как свой атрибут. В силу этого, по отношению к его рассмотрению в целом, а также по отношению к изучению субъективного времени, в частности, должен быть реализован сформулированный и охарактеризованный в книге принцип субстанциональной опосредствованности. Следовательно, и разработка структурного аспекта субъективного времени должна осуществляться на основе вполне определенных представлений о структурной организации самого его носителя – психики в целом. В свою очередь, это ставит не менее сложную проблему выявления такой структурной организации. В силу ее предельной сложности, трудно рассчитывать на какое-либо «единственно правильное» решение, на существование единого и унитарного способа ее решения. Как известно, она, также и иные проблемы такого ранга сложности, может быть решена на основе взаимодополнения ряда походов, способов и парадигм ее разработки. Один из них как раз и был предложен в русле того подхода, который является методологической основой всего исследования, представленного в данной работе, – метасистемного. Он предполагает дифференциацию пяти основных уровней структурной организации, эксплицируемых на основе общесистемного критерия-дискриминатора уровневой дифференциации – метасистемного, общесистемного, субсистемного, компонентного и элементного. Причем, подчеркиваем еще раз, речь идет о дифференциации уровней организации не самого субъективного времени непосредственно, а о дифференциации уровней организации того носителя, который его и атрибутирует – психики в целом.

Наконец, при разработке данной проблемы следует исходить из того, что она имеет два существенно разных плана, две разных «плоскости», которые были обозначены как экзопсихология и эндопсихология субъективного времени. Первая – традиционная сопряжена с его экспликацией в качестве операнда, а вторая – в качестве оператора. Это означает, что субъективное время может быть представлено

и в качестве феномена, явления – предмета изучения, и в качестве операционного средства – своего рода механизма организации психики. Понятно, что по вполне естественным причинам, именно во втором случае затрагиваются существенно более глубинные аспекты и механизмы субъективного времени, хотя этот план исследования разработан в несопоставимо меньшей мере, чем первый. Собственно говоря, этим и обусловлена приоритетность его реализации в данной работе.

## VI

Конструктивность такой постановки проблемы проявилась в том, что с ее позиций оказалось возможным получить результат наиболее принципиального плана. Он состоит в том, что свою комплексную верификацию получила сформулированная нами в главе 2 на основе методологии метасистемного подхода общетеоретическая гипотеза о структурно-уровневом принципе организации субъективного времени. При этом напомним, что само выражение «структурно-уровневая организация времени» нуждается в пояснении и детализации. Такая организация соотносится не с самим временем непосредственно, а с теми субстанциональными основами, которые с ним сопряжены и носителями которого они являются. Именно они и выступают основой для такой организации, точнее – они порождают ее и предстают в ней. Это, в свою очередь, прямо следует из сформулированного выше принципа субстанциональной опосредствованности субъективного времени. В результате были установлены основные уровни его структурной организации, а также доказано, что вся их совокупность полностью удовлетворяет базовому критерию-дискриминатору уровневой дифференциации. Вместе с тем, было эксплицировано и в значительной степени объяснено также содержание каждого из пяти дифференцированных уровней, что, собственно говоря, и составило содержательную часть всех представленных материалов. Их развернутая характеристика дана в соответствующих разделах книги, а сущность каждого из них может быть резюмирована следующим образом.

Содержание и само существование первого из них – метасистемного возможно только благодаря взаимодействию субъекта с объективной реальностью, которое имеет, однако, весьма специфический характер. С одной стороны, сама эта реальность представлена

социальной действительностью – социумом, в котором, следовательно, и заложены базовые детерминанты данного уровня. С другой стороны, это взаимодействие выходит за рамки простой детерминации и обретает принципиально иной характер – она рождается по типу «встраивания», мультипликации социума в личности и ее психике. В результате такого взаимодействия по отношению к каждому индивидуальному случаю, то есть по оснащению к индивидуальной психике складывается аналог или точнее – экспликация этих общих временных представлений, выработанных социумом, то есть совокупность знаний о времени, а шире – всех субъективных репрезентаций, связанных с этим атрибутом. Вследствие этого, имеет место типичная ситуация взаимодействия социального (надиндивидуального, метаиндивидуального) и самого индивидуального, которая, как известно, и составляет основу для всего процесса социализации личности в целом и для формирования индивидуальной психики, в частности. Однако, сам процесс социализации как раз и представляет собой типичный случай встраивания метасистемы (социума) в систему (личность) в аскете его принципов и механизмов. Социум как метасистема для индивида и его психической организации «встраивается» в индивидуальную психику и строит ее, порождая, в том числе, и системы ее знаний о его временном содержании; он мультиплицируется в совокупности представлений о нем – в картине мира, взятой, разумеется, во всех его атрибутах, в том числе и временном.

Кроме того, временная организация объективной реальности – социума отображается и воспроизводится в психике не только в плане совокупности ее субъективных репрезентаций, но и в плане ее воплощенности в средствах и закономерностях ее собственно функциональной организации. Внешняя темпоральность как атрибут социума транспонируется во внутреннюю темпоральность; «встраивается» в нее, мультиплицироваться в ней, порождая субъективное время. Темпоральность, однако, не просто «встраивается» во все ее содержание и функционирование психики, но буквально пронизывает ее и, более того, во многом составляет ее сущность и качественную определенность на всех основных уровнях ее организации. Время отображается и учитывается психикой не только феноменологически и не только за счет реализации тех или иных средств операционного плана, но и самим ее «устройством» – составом и содержанием ее основных структурных образующих – тем, из чего она состоит

и как она функционально организована. Следовательно, будучи очень специфичным и даже во многом – уникальным, данный уровень, все же, отражает и воплощает атрибутивно важнейшую особенность психики в целом, один из базовых принципов ее организации – принцип метасистемности. В силу этого, он в максимально полном и непосредственном виде является и воплощением того методологического подхода, который базируется на учете данного принципа – метасистемного подхода. Одновременно экспликация данного уровня и его раскрытие является обоснованием и верификацией правомерности данного подхода, равно как и его конструктивности. В пользу этого же свидетельствует и выявление сложного – многообразного и гетерогенного состава данного уровня. В нем следует дифференцировать, как минимум, три основных аспекта и, соответственно, три направления, по которым осуществляется его формирование.

Во-первых, это содержание, связанное с таким базовым и фундаментальным для психики в целом образованием, каковым выступает феномен знаний, представленный в различных модусах и на разных уровнях организации. Причем, даже не только знаний в их строгом смысле, а всех субъектных репрезентаций, в которых зафиксированы социально выработанные представления о временной организации объективной реальности. Именно они обладают той принципиальной двойственностью, которая является основным признаком всех «составляющих» метасистемного уровня: они принадлежат и некоторой метасистеме (социуму), и системе, включенной в нее (психик), которая, однако, затем сама мультиплицирует ее в себе.

Во-вторых, это и вся совокупность интернализированных темпоральных характеристик объективной реальности, выступающая уже не как совокупность знаний, информация, а как система операционных средств для организации различных форм активности личности в ее основных разновидностях – деятельностной, поведенческой, коммуникативной. В этом модусе субъективное время выступает не как нечто содержательное – не как операнд, а как активное операционное средство, то есть как оператор.

В-третьих, это наиболее глубинный пласт субъективного времени, образованный базовыми принципами и даже морфофизиологическими особенностями структурно-функциональной организации психики и организма в целом. Они, выступая онтологической базой

реализации подчеркнута субъективных, то есть психологических закономерностей, в то же время, сами являются частью объективной реальности и поэтому подчиняются ее фундаментальным закономерностям, но уже именно объективным. Одной из важнейших среди них является категория темпоральных закономерностей, которая также «встраивается» в структурно-функциональную организацию психики – в ее устройство. Тем самым время входит в самую базовую структуру психики – в то, как она устроена и построена в аспекте ее компонентного состава, и в аспекте принципов ее функционирования.

Второй основной уровень субъективного времени – общесистемный также глубоко специфичен, а его сущность может быть резюмирована следующим образом. В наиболее общем и принципиальном плане он соотносится с важнейшим и во многом определяющим, максимально интегративным психическим образованием – *сознанием* как результативным феноменом и с рефлексией как его процессуальным средством. Сознание это и есть то, благодаря чему психическое обретает свою – пусть и специфическую, но все же именно реальность – субъективную. Сознание является тем, благодаря чему психическое, используя философскую терминологию, из вещи-в-себе трансформируется в вещь-для-себя; благодаря чему складывается атрибут субъектности, самости, самоданности и конституируется новая – субъективная реальность, во многом отличная от объективной реальности. Однако, как и любая иная реальность, она атрибутирует и ее важнейшее свойство – темпоральность, порождает сам атрибут времени – в данном случае субъективного. Понятия сознания и субъективно времени оказываются взаимопологаемыми и взаимопорождающими в такой же степени, в какой в аналогичных отношениях находятся понятия объективного времени и бытия в целом. Психическое как нечто, объективно существующее, становится также и еще одной, кардинально иной реальностью – субъективной именно благодаря тому, что оно осознается. Осознание выступает фактором и решающим условием его возникновения именно как реальности. Однако, именно то, что оно возникает как реальность, порождает и время как ее атрибут. Таким образом, на общесистемном уровне, на котором субъективное время выступает атрибутом сознания, оно, собственно говоря, и порождается – является его непосредственным следствием и продуктом. Следовательно, проблема природы субъективного времени является и *alter ego* наиболее

трудной проблемой всей психологии в целом и психологии сознания, в особенности, – проблемы саморепрезентированности психики как основы для ее данности себе, внутреннего мира личности, а в более широком плане – и идеального как базового и наиболее специфичного атрибута психического. В еще более общем плане данное заключение имеет непосредственное отношение и к наиболее острой проблеме – к вопросу о существовании (или же не существовании) времени как такового. Является ли оно объективной данностью и физической реальностью, или же выступает как некоторый конструкт – как порождение и продукт субъективного конструирования – идеальная сущность? В конечном итоге, данная проблема сопряжена и с предельно общим – основным вопросом философии относительно первичности и вторичности двух сущностей – материального и идеального.

В свете феномена времени, однако, складывается ситуация, при которой сам этот вопрос – несмотря на то, что он традиционно считается предельно общим – «последним», эксплицируется как частный случай еще более общего вопроса. Дело в том, что время как таковое сопряжено с любой реальностью, с любым бытием, независимо от его типа – материального или идеального. Оно находится «по ту сторону» от дихотомии материального и идеального. Оно сопряжено и с тем и с другим, существуя везде, где есть само существование – причем, любое. Однако в таком случае возникает еще более сложная и вообще – трудно понимаемая проблема, выходящая по степени своей сложности даже за пределы той, которая считается в науке наиболее сложной – проблемы соотношения материального и идеального (в психологии она конкретизируется до проблемы «психофизиологического сечения»). Суть данной проблемы состоит в том, чтобы определить в каких отношениях находятся между собой эти сущности – бытие и время? Ни один из известных сегодня типов детерминационных отношений не вполне адекватен этим отношениям. Так, классические причинно-следственные связи здесь с очевидностью не работают. Отношения параллелизма также не вполне конструктивны. Генеративно-порождающие связи также не вполне релевантны и пр. В историческом плане предпринимались попытки терминологического оформления этих отношений – например, в понятии «сращенности» времени с субстанцией у Ф. Brentano; в атрибутивном статусе времени по отношению к субстанции у Б. Спинозы и пр.

Далее, необходимо зафиксировать и тот факт, что сознание становится возможным только за счет организованной совокупности специфических процессуальных средств, каковыми выступают основные когнитивные процессы, взятые в их интегрированном виде, в их целостности. Она, представленная как макропроцесс рефлексии, и является основным процессуальным содержанием сознания. Интеграция когнитивных процессов, представленная в их иерархически организованном виде, как раз и образует сознание уже не как результирующий эффект – не как состояние, а в его процессуальном бытии, которое эксплицируется субъекту, повторяем, через макропроцесс рефлексии. Тем самым, сознание как состояние и рефлексия как его процессуальная основа предстает уже не только как интеграция системы знаний, но и как интеграция процессов, лежащих в основе их обеспечения. Следовательно, выявляется двуединство его интегративных функций: с одной стороны, это интеграция всей совокупности знаний (и вообще – субъектных репрезентаций), а с другой – интеграция всей совокупности процессуальных средств (когнитивных процессов). Их синергия генерирует все базовые атрибуты сознания как субъективной реальности, в том числе, и один из важнейших среди них – время, в данном случае субъективное.

На основе этого заключения с очевидностью эксплицируется определяющая роль психических процессов в целом и когнитивных процессов, в особенности в порождении субъективного времени. Вместе с тем, необходимо учитывать, что именно психические процессы как таковые как раз и выступают такой «составляющей», которая имеет атрибутивно темпоральный характер и вообще является воплощением темпоральности в ее наиболее явном и полном виде и форме. Действительно, представляется совершенно очевидным и имеющим многочисленные эмпирико-экспериментальные референты, а также несомненные феноменологические проявления то положение, согласно которому сама специфика любого психического процесса как раз и заключается в том, что он является именно организованной последовательностью ряда этапов, стадий, фаз. Фактически, любой из известных психических процессов интерпретируется и раскрывается именно как закономерно организованная последовательность ряда этапов и стадий такого рода, специфичных по своему содержанию тому или иному – конкретному процессу. По отношению к организации

психических процессов речь должна идти именно об использовании механизмов временной организации и, следовательно, ее эффектов и средств. Один из наиболее фундаментальных атрибутов реальности – время оказывается не только органично и полно воплощенными и реализованным в организации психики в целом, но и представлен в ней в аналогичном, то есть также базовом, определяющем модуле – процессуальном, в категории психических процессов. Тем самым, темпоральность оказывается учтенной и воплощенной в самом устройстве психики – в ее структурно-функциональной организации. Приспособление к времени осуществляется уже не только за счет тех или иных средств, но и за счет самой ее организации – того, как она устроена. В самой структуре и организации когнитивных процессов находит свое воплощение – органическую и естественную реализацию параметр времени, временная координата как таковая. Их структура в значительной степени и является воплощением временной упорядоченности как таковой. Следовательно, в самой их темпоральной организации заложены необходимые и, по-видимому, достаточные предпосылки не только для «приспособления» ко времени, но и для активного использования временной системности как средства функциональной организации психики.

Одной из важнейших, а не исключено – фундаментальных закономерностей психики в целом является то, что она базируется на такой компонентной базе (на совокупности основных когнитивных процессов), которая уже воплощает в себе временную координату реальности и ее организацию. Благодаря этому, система когнитивных процессов в целом и обеспечивает общую адаптацию к параметру времени как одному из основных «измерений» объективной реальности. Однако, благодаря этому, достигается и возможность порождения своего рода внутреннего – субъективного, психологического времени, а затем – его использования в целях своей же собственной функциональной организации. Любой психический процесс, фактически, и становится таковым, то есть процессом в строгом и наиболее непосредственном смысле данного понятия благодаря тому, что в нем – в его структуре и функционировании реализуется временная упорядоченность, темпоральная организация. Он, собственно говоря, и становится таковым лишь благодаря тому, что воплощает в себе черты и закономерности именно темпоральной организации, а в наи-

более развернутых и зрелых формах – и темпоральной системности. Психические процессы раскрываются в их истинном и наиболее полном, богатом содержанием и принципами организации виде – в качестве психологических систем, но уже не только субстанционального типа, но и в качестве темпоральных систем.

Выявление и характеристика компонентного уровня организации психики и, соответственно, его спецификация по отношению к проблеме субъективного времени явилась важной предпосылкой для экспликации еще одного также глубоко специфического уровня – субсистемного. Действительно, именно компонентный уровень и его «единицы» – компоненты (психические процессы) обладают очень важной особенностью. В них заложены интенции и потенции для генерации всех иных уровней организации, в силу чего они обладают собственным потенциалом развития, генеративностью. В свою очередь, в основе этой особенности лежит то, что в компонентах воплощаются очевидные черты качественной определенности самого целого, частями которого они выступают. Следствием генеративно-порождающего потенциала компонентного уровня является то, что именно на его основе складывается и обретает статус одного из важнейших особых и качественно специфический уровень организации и психики в целом и субъективного времени, в частности (субсистемный). В его основе лежит комплексирование основных процессов, их синтез в соответствии с теми или иными функциональными задачами, что образует в результате те или иные их комплексы, подсистемы. Это, прежде всего, такие основные подсистемы, как когнитивная, регулятивная и коммуникативная, дополненные впоследствии и иными подсистемами аналогичного плана – в частности, подсистемой метакогнитивных и интегральных процессов.

Так, в частности, темпоральность воплощена в организации базовой подсистемы – когнитивной. Действительно, вся совокупность когнитивных процессов достаточно четко, полно и вполне естественным образом может быть упорядочена именно по данному критерию, «выстроена» вдоль оси времени. Такого рода – временной, своего рода хронологический критерий демонстрирует явную – атрибутивную соотнесенность мнемических процессов с категорией прошлого; аналогичную соотнесенность сенсорно-перцептивных и аттенционных процессов – с категорией настоящего; наконец, соотнесенность и вообще – атри-

бутивную связь процессов воображения и представления с категорией будущего. В результате все когнитивные процессы (пока за исключением мыслительных процессов) выстраиваются вдоль оси времени, вдоль оси «прошлое – настоящее – будущее». Они не только заполняют весь диапазон, составляющий эту «ось», но и образуют его. В самой структуре и организации когнитивных процессов находит свое воплощение – органическую и естественную реализацию параметр времени, временная координата как таковая. Их структура в значительной степени и является воплощением временной упорядоченности как таковой. Следовательно, в самой их диахронической организации заложены необходимые и, по-видимому, достаточные предпосылки не только для «приспособления» ко времени, но и для активного использования самой временной системности как средства функциональной организации психики. Кроме того, общая структура процессуальных средств приспособления ко времени включает в себя, фактически, всю когнитивную подсистему, взятую в ее иерархическом строении и в определенном функциональном назначении. Этим эксплицируется тот факт, что в структуре психики нет (и, по-видимому, не может быть) какого-либо специфического «органа» приспособления к времени, или специфических процессов, направленных только на такое приспособление. В этих целях используются все те же операционные средства, которые заложены в каждом из основных когнитивных процессов.

С этих же позиций эксплицируется и важная роль темпоральности в организации подсистемы метакогнитивных процессов. Она лежит в основе специфической для нее закономерности, обозначенной понятием операндно-операторной обратимости. Ее сущность состоит в том, что когнитивные процессы принципиально двуедины по своей природе. Они выступают и как операторы и как операнды; и как «отражающее» и как «отражаемое» (точнее – и как порождающее и как порождаемое). Причем, эти модусы являются принципиально динамическим, что означает возможность перманентной и субъективно достаточно легко реализуемой их смены. Следовательно, наряду со всеми иными особенностями, именно она лежит в основе не только функциональной, но и собственно временной организации метакогнитивных процессов, поскольку любая обратимость может иметь только функциональный характер и объективно предполагает включение временной координаты в организацию про-

цессов. В результате этого, в функциональной организации метакогнитивных процессов находит воплощение особый тип системности – временная, диахроническая системность, а сами они предстают как одна из разновидностей систем темпорального типа. Это и есть главная и наиболее общая особенность их функциональной организации. Метакогнитивные процессы – это не просто «удвоение» процессуальности, но именно за счет этого и качественно иная и более полная степень воплощенности темпоральности как таковой; более полная степень воплощенности временной координаты в субъективной реальности, взятой в ее процессуальном аспекте. Причем, сама темпоральность реализуется посредством наиболее специфической для психики формы ее воплощения – процессуальной, то есть посредством базовой категории психических процессов.

Далее, очень показательна в этом отношении и еще одна процессуальная подсистема, в состав которой входят качественно специфические процессы – интегральные процессы регуляции деятельности и поведения. Их совокупность включает в себя специфическую группу процессов регуляции деятельности и поведения – целеобразование, антиципацию, принятие решения, прогнозирование, планирование, программирование, контроль, самоконтроль. Однако, именно эта совокупность и, следовательно, весь класс интегральных процессов, фактически, воспроизводит в своем составе и содержании определенный – базовый временной регулятивный инвариант. Он как раз и представляет собой закономерную последовательность этих процессов: целеобразование – антиципация – прогнозирование – принятие решения – планирование – программирование – контроль – самоконтроль. Все эти процессы объективно очень естественным и даже необходимым образом также распределяются – как бы «выстраиваются» именно вдоль «оси» времени. Они организуются на основе хронологического, темпорального критерия. Аналогичным образом эксплицируется определяющая роль темпоральности в организации и иных подсистем психических процессов, а также деятельностных структур.

Наконец, при экспликации субсистемного уровня следует учитывать, что максимально обобщенными – интегративными «составляющими» психики в целом, ее двумя максимально обобщенными макроуровнями, подсистемами и пр. является все то, что зафиксировано в понятиях *осознаваемого* и *неосознаваемого* (бессознательно-

го). Они, наряду с их глубочайшими различиями, обладают и фундаментальной общностью, поскольку выступают двумя основными временными формами бытия психического. Иначе говоря, они выступают такими его модусами, которые атрибутивно взаимополагают себя именно во временном отношении: они сменяют друг друга, а сама как раз и образует феноменологически – субъективно представленную «ось времени», субъективное время как таковое.

В плане обоснования конструктивности предложенного и реализованного подхода к структурной экспликации субъективного времени показательным явилось и то, что с его позиций оказалось возможным выявить и объяснить еще один специфический уровень субъективного времени – элементный. Его сущность обусловлена одной из важнейших закономерностей организации психических процессов. Она состоит в том, что сущность любого процессуально-психологического образования, а также его содержание, взятое и в его качественной определенности, и в его качественной специфичности, связано именно с его *операционным составом* и, фактически, детерминировано им. Особенно явно это представлено по отношению к когнитивным процессам. Поэтому именно через обращение к понятию операционного состава и через его приоритетное исследование – в том числе, и в плане его временной организации открываются наиболее благоприятные перспективы для исследования психических процессов и как базовых компонентов собственно временной организации. Необходимо особо учитывать и то, что одним из главных, а не исключено, – и определяющих механизмов формирования и развития психических процессов является не только возникновение у них качественно специфического операционного состава, но и обретение им черт именно временной, темпоральной организации.

С позиций этих представлений новой – очень важной и, не исключено, определяющей гранью раскрывается одно из базовых понятий психологии – понятие операций. Дело в том, что они выступают базовыми и относительно наименее сложными составляющими – элементами процессуального содержания психики. Их важнейшая черта заключается в том, что они, равно как и их деятельность аналогичные – также операции, но как составляющие действия, имеют неосознаваемый – автоматизированный характер. Данное положение является принципиальным с точки зрения рассматриваемых здесь вопросов,

поскольку оно имеет самое непосредственное отношение к феномену субъективного времени. Дело в том, что оно как таковое возникает и становится субъективной реальностью только там и тогда, где и когда порождается сам феномен сознания; сознание как субъективная реальность и субъективное время как нечто пережевываемое во многом взаимопорождающие сущности. Отсюда следует, что при редукции свойства осознаваемости редуцируется и само субъективное время. Те психические процессы и явления, которые сопровождаются этим свойством, переживаются и как представленные во времени, а те, которые лишены этого свойства, не генерируют субъективное время. Именно такими образованиями как раз и являются операции. Их основной атрибут – это именно неосознаваемый характер; следовательно, они не сопровождаются переживанием времени, не образуют факта субъективного времени. Можно сказать также, что перевод каких-либо процессов на уровень операций приводит к редуцированию субъективного времени. В связи с этим, со всей очевидностью обнаруживается важнейшее, на наш взгляд, обстоятельство. Оно состоит в том, что операции должны быть поняты как типичные представители одной из основных сфер психического – сферы бессознательного, неосознаваемого.

Однако, тем самым, на проблему операций и на трактовку их психологического смысла и содержания обязательно должен быть перенесен тот концептуальный и понятийный потенциал, который соотносится с фундаментальной по своей значимости и широте проблемой бессознательного в психологии. Они, в отличие от действий и иных более сложных образований, в том числе и процессуальных, не имеют осознаваемой цели и, следовательно, утрачивают атрибут осознаваемости. В силу этого, они никоим образом не загружают канал осознаваемой регуляции, произвольно контролируемой переработки информации – не включаются в него. Они вообще никак не переживаются и не репрезентируются: они тем самым не входят в психологическое настоящее, в содержание состояния сознания в тот или иной момент времени. Следовательно, и их временная организация является существенно иной: для нее отнюдь не обязательно их строго последовательное чередование. Напротив, они могут структурироваться на ином, нежели принцип последовательности, принципе переработки. Действительно, реализуясь автоматически, в фор-

ме навыков, а потому не требуя «однофокусности» – концентрации сознания на них, они допускают принципиальную возможность их синхронизации – временного синтеза и, следовательно, реализации совмещено друг с другом, одновременно. Иначе говоря, они вполне допускают по отношению к своей организации реализацию принципа параллельности переработки информации и организации деятельности в целом. Отсюда с логической необходимостью вытекает вывод, согласно которому система операций, поскольку она реализуется в неосознаваемой форме, допускает организацию и реализацию на основе принципа параллельности (полипроцессорности). Но это же означает, что и само бессознательное, по-видимому, также функционирует, преимущественно именно на основе этого же принципа.

Итак, на элементном уровне феномен субъективного времени подвергается, пожалуй, наиболее радикальной трансформации, поскольку он не просто тем или иным образом видоизменяется, а практически полностью редуцируется, по крайней мере – феноменологически. Можно сказать, что на этом уровне феномен субъективного времени представлен в полностью инвертированном виде – как его отсутствие, что, разумеется, не означает редуцирование собственно объективного времени. Утрата атрибута осознаваемости автоматически приводит к редукции именно ощущения времени. Тем самым вновь эксплицируется глубинная связь субъективного времени с сознанием – как свойством и рефлексией как процессом.

Наряду этим, такого рода трансформации вовсе не являются лишь эпифеноменом, поскольку за ними скрыт весьма важный смысл и функциональное предназначение. Дело в том, что перевод в неосознаваемую форму и не загружаемость операциями уровня сознания является важнейшей предпосылкой для возможности реализации кардинально иного принципа переработки информации, чем тот, который характерен для осознаваемого уровня. Это – уже отмеченный переход от одноканального принципа к многоканальному, от монопроцессорности к полипроцессорности. Существенно и то, что эти два типа начинают соседствовать в общем процессе переработки информации – они представлены в синергии друг с другом, что, естественно, резко повышает функциональный ресурс психики в целом. Точно так же как порождение субъективного времени и его дальнейшее использование может выступать в качестве операцион-

ного средства функционирования психики, его же редукция может выступать в аналогичном статусе. Редукция осознанности и, следовательно, ощущения времени, создает основу для самого принципа поликанальности, полипроцессорности.

Таким образом, можно видеть, что все дифференцированные уровни, действительно, обладают не только явно представленным и весьма специфическим для каждого содержанием, но и глубокими и множественными – качественными различиями. Именно это и является решающим аргументом в пользу обоснованности их выделения как таковых. Наряду с этим, констатация этого основного обстоятельства делает более понятной и еще – наиболее характерную и общую особенность субъективного времени, Дело в том, что оно и как субъективное, и время в целом – как некоторая, пусть и специфическая, но все же реальность, как некоторая сущность обладает интересной и даже парадоксальной особенностью, внутренней противоречивостью.

С одной стороны, мало что другое имеет столь не данный чувственному познанию характер, такую принципиальную нечувственность, как оно. Термин «восприятие времени» отнюдь не лишен метафоричности и даже парадоксальности, которая, впрочем, давно зафиксирована в литературе и является постоянным источником обсуждений и возражений. Она состоит в том, что именно время является такой сущностью, которая носит принципиально нечувственный – идеальный, не данный в восприятии характер; это то, что нельзя воспринимать непосредственно вообще. Однако вся суть трудности состоит в том, что несмотря не «невосприимчивость», оно все-таки воспринимается. Это – фактически, одно из проявлений того фундаментального свойства психики, которое состоит в наличии способности к восприятию идеального, к его трансформации в чувственную данность. В результате этого возникает принципиальная трудность, состоящая в выявлении механизмов, обеспечивающих, казалось бы, невозможное – чувствительность к сверхчувственному, то есть сензитивности к идеальному. Это отражено и в известных дискуссиях относительно его несуществования как объектной реальности – того, что и может выступать в качестве источника чувственности.

С другой стороны, мало что иное сопряжено с таким большим числом терминов и выражений, в которых фиксируется именно восприимчивость, чувствительность к нему. В связи со всем этим,

и возникает вопрос: почему, собственно говоря, сложилась такая ситуация? Только ли это «ошибка познания» или же отражение некоторой глубинной закономерности? Или же «недоработка эволюции», в ходе которой почему-то – несмотря на важнейшую роль этого атрибута – не сформировался специальный орган – модальность, предназначенная для его отражения? По нашему мнению, ответ на этот вопрос состоит в том, что – именно в силу его предельной важности и определяющей роли – оно не может и не должно быть прерогативой какого-либо одного, пусть и крайне значимого уровня психики. Оно и приспособление к нему не только предполагают, но и требуют опоры на все эти уровни. То, что у него отсутствует какой-либо специальный орган, а тем более модальность, направленная на его воспроизведение, – это свидетельство не его малой значимости, а напротив, его огромной значимости. Сводить «работу» с ним к какому-то парциальному компоненту психики – значит преуменьшать эту роль. Наоборот, оно столь значимо, что требует опоры на всю ее структуру. Тем самым можно видеть, что, с одной стороны, опять-таки в структуре самой психики адекватно отображается объективная реальность. В ней нет времени как объективной сущности и, следовательно, само это отсутствие адекватно воспроизводится отсутствием и специфической модальности, сопряженной с ним. Поэтому структура психики является одним из аргументов в дискуссиях о существовании или несуществовании времени. С другой стороны, за этим отсутствием парциального – локального механизма стоит присутствие гораздо более важного средства – уровневой, а значит комплексной организации адаптации к нему, воспроизводящей структурное строение психики в целом.

## VII

Вся совокупность этих результатов позволяет сделать и еще несколько заключений обобщающего плана. Первое из них заключается в том, что феномены и явления, средства и механизмы, особенности и закономерности субъективного времени атрибутивно сопряжены практически со всеми основными психическими процессами и образованиями, включены в них и составляют их неотъемлемый аспект. Они обладают известным в науке свойством «вездесущести», распределенности по более общей системе, атрибутом которой они выступа-

ют. Причем, очень показательно и то, что они сопряжены не только с какими-либо относительно локальными процессами и образованиями, а с теми, которые являются наиболее важными и определяющими, базовыми для психики в целом – с психическими процессами и функциями, с сознанием, со знаниями, с бессознательным, с операциями. Более того, сущность и содержание этих понятий также неразрывно сопряжено с темпоральностью, с категорией времени, являясь в значительной степени ее отображением на уровне психического. Так, понятие процесса даже этимологически содержит момент динамичности, диахронии, временного развертывания как определяющий. То же самое относится и к понятию функции, поскольку функционирование это и есть бытие любой сущности во времени. Наряду с этим, важнейшими атрибутами сознания являются его трансцендентность, и эмерджентность, что также эксплицирует его как «поточковый» феномен – как то, что объективно может существовать лишь перманентно трансформируясь вдоль оси времени и, более того, образуя эту ось и, следовательно, субъективное время.

Второе – непосредственно связанное с предыдущим обобщающее заключение состоит в следующем: именно потому, что субъективное время сопряжено не с рядовыми, а с определяющими процессами и структурами, оно по своей собственной организации в значительной степени изоморфно структурно-уровневой организации психики в целом. Оно включено во все ее базовые уровни, играя важную роль в их организации и функционировании. Действительно, оно представлено в разных – каждый раз специфических, но всегда определяющих их формах и на основных уровнях ее структурной организации в целом. Оно представлено и на сенсорно-перцептивном, и на процессуально-психологическом уровне, и на уровне сознания, и на уровне ее функциональных основ, а также на уровне бессознательного. Подчеркнем, что совокупность именно этих пяти уровней не только наиболее полно соответствует базовым теоретическим представлениям о структурно-уровневой организации психики, но и полностью удовлетворяет общесистемному критерию-дискриминатору уровневой дифференциации, разработанному в методологии системного подхода. Тем самым получает свое комплексное подтверждение сформулированная нами общетеоретическая гипотеза о структурно-уровневом принципе организации субъективного времени как основным для него.

Вместе с тем, истинная сложность такой организации заключается в том, что она присуща не субъективному времени непосредственно, а тому субстрату – его носителю и атрибутанту, который его и порождает – самой психике. Сквозь субъективное время всегда «просвечивает» то, атрибутом чего оно выступает (психика в ее структурно-уровневой организации). Субъективное время также и «высвечивает» эту организацию, в связи с чем его исследование выполняет важную методическую – познавательную функцию по отношению к исследованию самой психики. Субъективное время эксплицируется не только в его предметном модусе – не как то, что исследуется, а в его методологическом и методическом модусе – как то, посредством чего нечто исследуется.

Третье заключение состоит в том, что, как опять-таки предсказывалось априорно, субъективное время, взятое в комплексе его особенностей и закономерностей, средств и механизмов воплощено в самой структурой организации психики – встроено в нее, выступая тем самым в своей инструментальной функции. Психика уже самим своим «устройством» адекватно и полно отображает и воплощает важнейший атрибут реальности – время, темпоральность как характеристику объективной действительности. Не только ее закономерности, но и даже само устройство – прежде всего, уровневое воспроизводит в себе темпоральность и тем самым обеспечивает важнейшее условие адаптации к действительности. Оно выступает не только как операнд, но и как активный оператор – хотя, повторяем, и опосредствованно, то есть через его реализованность в субстанциональных основах психики, в ее основных операционных средствах. Тем самым эксплицируется наиболее глубинный и значимый пласт субъективного времени – его реализованность в самой структурной организации психики, воплощенность в ней как комплексного инструментального, операционного средства. Выявление этого пласта означает и кардинальную переориентацию самой психологии субъективного времени – от изучения его феноменологии и свойств, особенностей и закономерностей к изучению темпоральности как основы и принципа структурной организации психики. Это переход от приоритетного рассмотрения того, в чем оно проявляется и каковы его особенности и закономерности к первоочередному рассмотрению того, в чем оно заключается не только как базовый атрибут субъективной реальности, но и как фундаментальный операционный

механизм ее порождения и функционирования. Такой переход был обозначен как дополнение экзопсихологии субъективного времени его эндопсихологией.

Четвертое обобщающее заключение состоит в том, что в свете полученных материалов раскрывается еще бóльшая сложность феномена субъективного времени по отношению к традиционным представлениям о нем и даже его некоторая противоречивость. Дело в том, что в психике в органичном единстве представлены базовые средства отображения реальности не только в диахроническом – динамическом плане, но и в присущей ей инвариантности. Субъективное время соединяет в себе его репрезентированность и как течение, достигаемое через процессуальность, и как некоторую несомненную данность – как именно настоящее. Оно обеспечивается посредством ощущения, сознания и знаний (которые и являются этой настоящестью). Дело в том, что и сенсорика, и сознание принципиально апроцессуальны, чем и отображается инвариантность реальности, в отличие от противоположной природы самой процессуальности, за счет которой отображается ее вариативность – в том числе, и темпоральная, репрезентированная как субъективное время. Приспособление к времени, феномен субъективного времени как таковой атрибутивно двуедин – симметричен. Наряду со средствами, конституирующими время как течение, как развертывание, существуют и средства, направленные на преодоление такой текучести – на порождение самого настоящего. Сама же «ось времени» эксплицируется не как гомогенный континуум (что, напротив, характерно для физического времени представленного как стрела времени), а как единство дискретного и континуального. Она включает цепь (и в этом отношении – континуум) дискретных сущностей – психических настоящих (и в этом плане оно аконтинуально).

Кроме того, в этой связи раскрывается и своего рода темпоральная двойственность, точнее двуединство базовых понятий психологии. Так, ощущения и сознание имеют, с одной стороны, подчеркнуто апроцессуальный характер, выступая средствами отображения стабильности объективной реальности. Однако они же имплицитно сопряжены и с тем, что в них представлен момент процессуальности – диахронии. По отношению к сознанию это представлено в том, что оно имеет в качестве своей основы именно специфически процессуальное образование – макропроцесс рефлексии. Апроцессуальность

сознания – не более чем иллюзия, точнее адаптивное средство, позволяющее конституировать реальность в ее инвариантом модусе – как нечто настоящее (и в содержательном и во временном смысле). Точно так же и по отношению к ощущениям эксплицируется их принципиальное двуединство. Дело в том, что они обладают уникальной особенностью, которая отсутствует практически у всех иных психических образований. Она состоит, что ощущения – это одновременно не только модальности, но и процессы, что отражено даже в их этимологии. Наряду с этим, в двух других – базовых составляющих психики – процессах и функциях, напротив, с максимальной очевидностью представлен противоположный – диахронический, собственно темпоральный аспект. Они носят атрибутивно темпоральный характер и вообще являются воплощением темпоральности как таковой. Однако и в них также имплицитно представлены моменты синхронии. Они заключаются том, что, во-первых, принципиальной особенностью организации психики в целом и процессов, в частности, является то, что они даны только в их результативных, итоговых эффектах, то есть в относительно статических образованиях. Во-вторых, в еще большей мере это относится и к репрезентированности в субъективной реальности функций: они даны только как некоторое ощущение, как фон, как итоговое состояние, но не в их механизмах и средствах, то есть не процессуально, а феноменологически.

Показателен, хотя практически не изучен в этом плане, и статус бессознательного. Дело в том, что в нем, точнее на его уровне субъективное время феноменологически вообще редуцируется. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в нем имплицитно представлены все три базовых модуса времени – прошлое, настоящее и будущее. Так, оно – по своему функциональному предназначению во многом и направлено на становление субъективного опыта, на аккумуляцию информации и средств взаимодействия со средой и на их фиксацию. Его становление – это и есть формирование прошлого, а его содержание – это и есть прошлое личности. Однако, и ее настоящее, как показано выше, возможно только благодаря феномену сознания, то есть благодаря тому, что нечто переводится на его уровень, осознается. Вместе с тем, сам акт осознания, точнее его механизмы объективно предполагает перевод неосознаваемого в осознаваемое, то есть опять-таки невозможен без участия бессознательного. Поэтому настоящее «дела-

ется» не только сознанием, но и бессознательным. Наконец, поскольку, как показано выше, бессознательное – это и сфера виртуального в психике, то есть того, что, не существуя в тот или иной момент как актуальное, тем не менее, может становиться им, то в нем имплицитно представлено и будущее. Оно чревато будущим и является его предпосылкой. Тем самым раскрывается интегративная роль бессознательного по отношению к достижению синтеза всех трех модусов времени, обеспечения его непрерывности и континуальности.

## VIII

Все эти результаты, раскрывая особенности и закономерной структурной организации субъективного времени, не только позволяют, но и требуют перехода к исследованию иных базовых категорий его закономерностей – прежде всего, *функциональных*. Собственно говоря, именно это предписывается и общей – комплексной стратегией исследования, положенной в основу данной работы, а в ее итоге также был получен комплекс результатов, которые могут быть резюмированы следующим образом.

Во-первых, следует учитывать, что, являясь предельно общим и во многом определяющим в гносеологическом плане в целом, этот план исследования обретает по отношению к этой проблеме, равно как и по отношению к категории времени в целом, весьма выраженную специфику и дополнительную значимость. В конечном счете, это обусловлено тем – наиболее принципиальным обстоятельством, согласно которому понятия функционирования и времени являются во многом не просто взаимополагаемыми, но и атрибутивно односущностными. Все живое, а тем более – психическое атрибутивно невозможно вне его временной развертки, а потому функционирование как форма их бытия является важнейшим условием самого этого бытия. В силу этого функциональный план исследования в значительной мере тождествен исследованию особенностей и закономерностей временной организации объектов, в том числе – и проблеме субъективного времени. Поэтому функциональный план во многом совпадает в содержательном плане с проблемой временной организации, с проблемой времени в целом и субъективного времени, в частности. Особо значимо это как раз по отношению к исследованиям психологического плана, поскольку

ку, как неоднократно подчеркивалось по ходу изложения, «психическое существует лишь в форме процесса»; поскольку «процесс – это и есть основной способ существования психического». Другими словами, в одной из основных психологических категорий – в категории психических процессов воплощена главная черта и основной атрибут функциональной организации. Он состоит в ее процессуальном характере; в возможности бытия – функционирования психического лишь в процессуальной форме. Функциональная, а, следовательно, и процессуальная форма существования – это и есть реальная онтология психического.

Во-вторых, весь комплекс представленных материалов дает основания и для того, чтобы сформулировать еще одно обобщающее положение – причем, такое, которое по содержанию и смыслу даже несколько выходит за пределы собственно психологической проблематики. Но именно в силу его общего характера, оно также содействует ее разработке в целом и проблемы субъективного времени, в особенности. Дело в том, что у самой временной организации существуют множественные и достаточно сложные специфические закономерности. Они дифференцируются на закономерности общего плана, присущие временной организации как таковой, а также на более частные закономерности, обусловленные качественным своеобразием тех или иных конкретных систем, подлежащих такой организации. Сама категория процесса в целом, равно как и его основные экспликации по отношению к психике – психические процессы должны быть поняты с этих позиций как онтологически представленная – объективная основа для специфической формы организации – темпоральной. При условии достаточной степени представленности такой организации сами процессы раскрываются в качестве закономерным образом синтезированной совокупности временных составляющих – как продукт временной упорядоченности различных функциональных проявлений системы и ее функциональных возможностей, то есть как временная система. Чем более эффективно организована эта система, то есть, чем более структурирован процесс, тем выше его продуктивность.

С этих позиций очевидна необходимость реализации всего арсенала методологии системности по отношению не только к структурно-содержательному (субстанциональному) аспекту объектов исследования, но и по отношению к их функциональной организации. Традиционно изучающийся феномен структурно-содержатель-

ной – точнее, субстанциональной системности не является, однако, единственным. Он должен быть дополнен другим важнейшим типом системности – временной, темпоральной (диахронической) системностью, эксплицирующей системность организации самого процесса функционирования. Объекты внешнего мира и психические явления системны не только в их «уже ставшем» виде, но и в самом процессе функционирования – процессуально системны. Это общее положение получило также и дополнительное обоснование посредством выявления у темпоральной системности тех основных особенностей и закономерностей – атрибутов, которые и являются критически значимыми для системности как таковой, выступая ее критериями. Так, в частности, была эксплицирована и раскрыта специфическая для нее и не описанная пока категория системных качеств – временные системные качества, а также предложена их обобщающая таксономия. Наряду с этим, установлена архитектура самой временной организации и темпоральной системности. Наиболее общим итогом этого явилось обоснование положения, согласно которому системы и темпорального типа (а не только субстанционального) также организованы на основе структурно-уровневого принципа. Они – в общем случае – образованы целостной иерархией, включающей ряд основных уровней, а также средства и механизмы межуровневых взаимодействий. Наконец, по отношению к темпоральной системности был установлен и проинтерпретирован еще один базовый атрибут системности, но уже специфически темпоральной – существенное развернутой совокупности скоординированные принципов, лежащих в ее основе. Наложённые на функционирование, они и порождает системность, но не субстанциональную (так сказать, синхроническую), а временную, то есть диахроническую, темпоральную. Последняя является основным и, по-видимому, наиболее совершенным средством организации самого процесса функционирования.

В-третьих, очень показательны и то, что с позиций сформулированных общетеоретических представлений позиций открываются дополнительные возможности для решения целого ряда значимых – более конкретных и острых, но остающихся пока без ответа вопросов; отметим в качестве репрезентативного примера только один из них. Так, с этих позиций получает непротиворечивое объяснение принципиальная недизъюнктивность любой – собственно процессуаль-

ной формы организации, в том числе и процессуальной организации главной формы активности – деятельности. В основе феноменологически представленной и эмпирически фиксируемой ее недизъюнктивности как раз и лежит существование в любом процессе особой категории качеств – временных, системных, а следовательно, принципиальная несводимость содержания любого процесса к аддитивной совокупности, то есть агрегативному множеству его отдельных «составляющих» – этапов, стадий, фаз.

В-четвертых, еще одним и, быть может, наиболее значимым результатом является обоснование положения, согласно которому все основные атрибуты темпоральной системности – в том числе, и отмеченные выше с максимальной полнотой, комплексностью и очевидностью воплощены именно в организации психики. Она в столь же явной мере должна быть проинтерпретирована в качестве носителя второго основного типа системности – темпоральной. Это не означает, разумеется, того, что она в целом является системой темпорального типа, точнее – только ей. В ней, естественно, воплощены – причем, с еще большей степенью очевидности и комплексности атрибуты и другого типа системности – субстанциональной. Дело, однако, состоит в том, что между этим типами существуют отношения взаимодетерминации и взаимопроизводности, они порождают друг друга, образуя ее реальную онтологию в ее полноте и сложности, комплексности и многомерности. Лишь определенная инерционность традиционных представлений относительно системности организации психики мешает распознать, понять и принять тот факт, что она не сводится только к ее субстанциональному модусу, а предполагает еще один модус – темпоральный, онтологически представленный как ее функциональная природа, а феноменологически – как процессуальность ее основных составляющих. При этом обратим внимание еще раз на то – очень показательное положение, что уже одно из основных и во многом определяющих психологических понятий – понятие психических процессов отражает это критически значимое обстоятельство – процессуальность, а значит темпоральность организации психического.

В-пятых, психическое, воплощая в себе базовые атрибуты темпоральной организации и темпоральной системности на уровне его организации в целом, обладает, однако, и способностью мультиплицировать этот тип системности в своих частных, но также крайне

значимых аспектах. Являясь темпорально-системным образованием в целом, психика транспонирует этот тип системности и на свои основные модусы и аспекты – процессы и структуры, закономерности и механизмы, а также на основные формы активности, которые она обеспечивает. В частности, это в очень демонстративном виде констатируется по отношению к таким важным и общим, а потому – репрезентативным предметам психологического исследования, как деятельность и сознание. В них, как показано в главе 4, с высокой степенью комплексности и показательности воплощены базовые особенности и закономерности, принципы и эффекты системной организации темпорального типа. Поэтому они также должны быть эксплицированы в качестве систем не только субстанционального, но и темпорального типа. Сама же психика в целом раскрывается с этих позиций как темпоральная макросистема, включающая в свой состав комплекс более частных систем темпорального типа. При этом, констатируя данное обстоятельство, подчеркнем и то – важное, но весьма сложное и трудное в интерпретационном плане положение, согласно которому существеннее систем темпорального типа вовсе не означает их альтернативность по отношению к иным – более традиционным и давно зафиксированным субстанциональным системам. Дело в том, что одни и те же в онтологическом, сущностном плане структуры и процессы психики одновременно выступают и в качестве систем субстанционального типа, и в качестве систем темпорального типа. И лишь на основе принципа дополнительности их понимания и как тех и как других одновременно может быть раскрыта их реальная сложность и многомерность. Лишь на этой основе в само их бытие реально – причем, повторяем, многопланово включается важнейшая координата реальности – временная, параметр времени как таковой.

В-шестых, отсюда следует, как это и предполагалось априорно в качестве одной из общетеоретических гипотез, что, действительно, сам феномен субъективного времени выступает не только в этом его первичном статусе – именно как феномен, но и в ином, более имплицитном статусе – как операционное средство организации психики и форм ее проявления. Оно должно быть понято не только как относительно пассивный операнд, то есть не только в его содержательном плане, но и как активный оператор – как комплекс операционных средств, лежащих в основе обеспечения функционирования основ-

ных составляющих психики. Оно в целом и темпоральность как его основа выступают в качестве общих по смыслу, но конкретных по содержанию средств их организации. Так, в частности, одним из наиболее очевидных проявлений этого является эксплицированная в книге атрибутивно темпоральная организация деятельности. В ней механизм временного сукцессирования выступает не только как важнейший, но также и как конституирующий ее в целом.

В-седьмых, по отношению к функциональному аспекту организации субъективного времени и его роли в организации психики следует констатировать и еще один – уже наиболее имплицитный и глубинный, а потому в значительной мере основополагающий факт. Он состоит в том, что роль субъективного времени и лежащей в его основе темпоральности не исчерпывается даже этими существенно более имплицитными функциями – операндной и операторной. Дело в том, что – как это также прогнозировалось априорно в качестве еще одного теоретического предположения – они воплощены в самой организации психического в целом – так сказать, «уже учтены» в ней. Еще до того, как в онтогенезе будет реализовываться сложный процесс ассимиляции психикой временной координаты реальности – то, что обозначается как приспособление ко времени, в самой организации психического уже реализована эта координата – воплощена темпоральная системность ее организации. Психика в целом организована таким образом, что в ней предусмотрела и темпоральная системность как базовый атрибут реальности.

Однако в ней он выступает уже как атрибут реальности не объективной, а субъективной. И именно такая взаимная конгруэнтность темпоральной организации объективной и субъективной реальности обеспечивает, в конечном итоге, функционирование психического, его высокую адаптивность и его общий потенциал. Данное – итоговое заключение, как можно видеть, вполне созвучно и даже аналогично итоговому заключению, сформулированному на основе рассмотрения предыдущего – структурного аспекта исследования. Напомним, что оно состояло в том, что сама структура психики в целом и ее основные «единицы» (в частности, психические процессы и функции) уже исходно – атрибутивно являются не только, а отчасти и не столько субстанциональными сущностями, сколько временными – темпоральными образованиями, то есть воплощают в себе темпоральность как таковую.

Тем самым, уже в плане структурной организации в психике воплощена временная координата реальности. Однако то же самое с еще большей очевидностью констатируется и в отношении функциональной организации психики: она и в целом и в своих основных составляющих воплощает в себе темпоральную системность и в этом плане принадлежит к классу темпоральных систем. Поэтому ее адекватность задачам взаимодействия с внешней – объективной реальностью, включающей временную координату как один из атрибутов, в конечном счете, обеспечивается тем, что она сама уже воплощает в себе это измерение; она сама является темпоральной системой, то есть такой, которая адекватна и конгруэнтна темпоральной системности объективной реальности.

Наконец, в-восьмых, на основе выявления общих принципов и закономерностей темпоральной организации, лежащих в основе функционального развертывания как такового, установлено, каким образом они реализуются по отношению к основным предметам психологического исследования – в первую очередь, наиболее сложным и репрезентативным – системе деятельности и сознанию. Действительно, их интерпретация в качестве систем специфического – темпорального типа имеет, как минимум, два достаточно значимых теоретических следствия. Первое: из нее вытекает, что генезис деятельности в целом и ее иерархической организации, в частности, включает в себя, конечно, не два «параллельно» реализующихся генезиса (соответственно, – ее субстанциональной и ее темпоральной иерархии). Он представляет собой становление единой иерархической организации, но включающей два взаимосвязанных аспекта – субстанциональный (содержательный) и темпоральный (временной). Кроме того, именно второй из них, как было показано выше, выступает объективной основой для формирования первой. Сама традиционно принятая иерархия уровней организации деятельности потому и формируется, что в рамках и на основе генезиса ее темпоральной структуры складываются объективные предпосылки и условия для нее. Другими словами, генезис системы деятельности в его значительной и очень существенно части представляет собой именно ее генезис именно в качестве системы темпорального типа. Аналогичным образом, и генезис операционных и процессуальных средств сознания также включает в себя становление средств собственно темпорального плана, представленных, в частности, как базовые принципы темпоральной организации.

Второе: как следует из результатов проведенного анализа, по отношению к деятельности именно действие выступает базовым компонентом не только ее субстанциональной (содержательной) организации, но и ее временной – темпоральной организации. Оно – основной компонент и временной организации деятельности тоже. Следовательно, именно оно должно быть реализовано в качестве аналогичного, то есть также основного интерпретационного понятия при исследовании генезиса деятельности как системы темпорального типа. Однако принципиально аналогичным образом обстоит дело и по отношению к возможным механизмам генезиса темпоральной организации сознания. Дело в том, что ведущую роль в этом генезисе играет формирование особого класса системных качеств – временных. Поэтому именно они в целом и их генезис, в частности, также могут выступить в качестве средства исследования генетических закономерностей темпоральной организации сознания в целом и его основных компонентов – психических процессов, в особенности. Можно видеть также, что реализация функционального плана исследования субъективного времени собственной логикой с необходимостью приводит к постановке данной проблемы в следующем основном плане исследования, предписываемом комплексной стратегией изучения, – генетическом.

## IX

Обобщая результаты его реализации, во-первых, следует учитывать два важных обстоятельства. Первое из них состоит в том, что данный аспект должен рассматриваться и реализовываться не столько сам по себе – как автономный, а в контексте общей стратегии изучения этой проблемы. Он должен выступать как ее неотъемлемая часть и, следовательно, как преемственный по отношению к результатам, полученным при реализации предыдущих этапов в целом и функционального, в частности. Это означает, что он должен базироваться на их результатах и конкретизировать – развивать их, но уже в ином – генетическом отношении. Следовательно, при его реализации необходимо опираться на наиболее общий вывод реализации предыдущего этапа – на обоснование существования временной – темпоральной системности и, соответственно, – систем темпорального типа. Второе положение состоит в том, что по отношению к данной проблеме гене-

тический план исследования должен быть реализован, хотя и в общем по смыслу и значению, но вполне конкретном по содержанию аспекте. Дело в том, что генетический план проблемы субъективного времени достаточно хорошо раскрыт по отношению к нему именно как к феномену – в его собственно содержательном плане – в аспекте его особенностей и закономерностей, свойств и проявлений, то есть именно в качестве некоторого операнда. В меньшей степени, но все же во вполне приемлемом виде он раскрыт и в другом аспекте – в отношении того, как в нем воплощена совокупность специфических операционных средств, обеспечивающих то, что традиционно фиксируется в понятии приспособления ко времени. В этом плане субъективное время рассматривается уже не в качестве относительно пассивного операнда, а в качестве активного оператора. Однако, существует еще один важный аспект его изучения, который непосредственно вытекает из самой сути общего методологического подхода, положенного в основу данной работы. Этот – более глубокий и определяющий его аспект, связан с выявлением того, каким образом темпоральность реализована, воплощена в самой структурно-функциональной организации психики, как она уже представлена в ней. В этом плане субъективное время и темпоральность в целом эксплицируются уже не в качестве операнда и даже не в качестве оператора, а в ином модусе – в качестве своеобразного протооператора. В нем темпоральность эксплицируется как базовый атрибут структурно-функциональной организации психики и ее генетических закономерностей, уже «встроенный» в нее – предусмотренный этой структурой и организацией.

Во-вторых, эти положения, выступив изначально как гипотетические, то есть в качестве предположений и подвергнувшись затем верификации в ходе проведенного анализа, подтвердили в его результате свою обоснованность. В силу этого, они выступили уже не как предположения, а как доказанные положения, а главное и них состоит в том, что, действительно, темпоральность и ее феноменология – субъективное время выступает в качестве основы для формирования его такового – и как операнда, и как оператора. Сами операционные средства субъективного времени складываются и развиваются на ее основе и выступают как продукты ее эволюционно-генетического развития и формирования. Темпоральность тем самым и выступает в качестве того,

на основе и вследствие чего формируется само операционное средства – время в его операторном модусе. Именно поэтому она и должна быть проинтерпретирована в качестве своеобразного протооператора, то есть того, что предшествует самим операторам и что является прототипом – протоосновой их как таковых, в особенности в их функциональном предназначении. Это означает, что темпоральность органично включена в процесс генезиса психических структур и образований, не только выступая неотъемлемой составляющей этого генезиса, но и в значительной степени организующей его ход. В силу этого, она должна быть понята как наиболее глубинная, имплицитная детерминанта генезиса психических структур и психики в целом. В этом, по нашему мнению, заключается наиболее принципиальный смысл и главное предназначение темпоральности в ее генетической функции. Этим подтверждается и наиболее общее положение, развиваемое в данной работе, согласно которому темпоральность уже исходно – объективно, онтологически включена во все базовые аспекты организации психики – не только в структурный и функциональный, но и генетический; предусмотрена самой спецификой этой организации. Она не только и не просто влияет на эту организацию, а составляет ее, точнее – один из важнейших ее атрибутов. Время как базовый атрибут реальности (и объективной и субъективной) является определяющим и критически значимым не только для уже сформированных их фрагментов – объектов исследования, но и для самого процесса их становления – генезиса; оно вплетено в их генезис как его регулятор и организатор.

В-третьих, вся эта совокупность темпорально-обусловленных генетических трансформаций развертывается в достаточно сложном и весьма специфическом виде, который выступает фактором, затрудняющим их изучение. Дело в том, что по отношению к генетическому формированию темпоральность никогда не представлена, так сказать, «в чистом виде» – в отрыве от тех носителей (субстанциональных основ), на базе которых она существует и на организацию которых она направлена. Данное обстоятельство послужило основой для формулировки принципа субстанциональной опосредствованности как базового методологического императива исследования темпоральности. Согласно ему, напомним, ее исследование, а также изучение субъективного времени должно осуществляться не прямо и непосредственно, а опосредствованно – на основе раскрытия особенностей

и закономерностей того, как оно связано с структурно-функциональной организацией и генетическими закономерностями того или иного субстанционального объекта – его носителя и основы и обусловлено ей.

В-четвертых, реализация именно этого принципа выявила еще один принципиальный факт, выступающий как итоговый по отношению к проведенному анализу. Он состоит в том, что темпоральность является не только фактором и детерминантой генезиса психических структур, но и сама развивается – совершенствуется в этом генезисе. Другими словами, имеет место обратное влияние результатов – продуктов генезиса на те факторы, которые лежат в его основе (в данном случае на темпоральность). Следовательно, само субъективное время и темпоральность в целом также формируются и развиваются, но не сами по себе, не непосредственно, а на базе и вследствие развития целого ряда иных – субстанциональных структур и процессов, образований и качеств психики. И только через раскрытие закономерностей их формирования можно рассчитывать на раскрытие особенностей формирования самого субъективного времени.

В-пятых, это означает, что установление особенностей формирования самой темпоральности в целом и субъективного времени, в частности, также может способствовать раскрытию генетических закономерностей этих субстанциональных основ. Здесь закономерности генезиса темпоральности выступают уже в качестве средства и даже метода генетического исследования психики в целом. В этом проявляется и собственно методический потенциал генетического плана исследования, который является очень специфическим для него и который неоднократно реализован по отношению ко многим другим предметам психологического исследования. То, как именно это происходит, и составило существенную часть всех представленных выше результатов.

В-шестых, в их свете становится вполне очевидным и еще одно обстоятельство принципиального плана. Оно состоит в том, что на взаимоотношения двух рассмотренных выше генетических линий – генезис темпоральности, с одной стороны, и генезис самих психических структур и образований, с другой, не только могут, но и должны быть распространены общие представления относительно связи генетических трансформаций функциональных основ психики и ее процессуальных проявлений. Действительно, как показано в генетических исследованиях общепсихологического плана, важной зако-

номерностью генезиса психики и ее компонентов выступает то, что основные и наиболее специфические – содержательные их аспекты и, прежде всего, операционные формируются на основе другой категории средств и механизмов – функциональных. Как известно, сами психические процессы, взятые в их атрибутивных чертах – как образованные определенным операционным составом, формируются на основе вполне определенных психофизиологических функций, то есть на основе собственно функциональных механизмов. В этом отношении процессы это и есть продукт генетических трансформаций функций. Аналогичным образом, однако, предстает и взаимосвязь генезиса темпоральности, с одной стороны, и многих базовых структур психики, с другой. Первая выступает в качестве функциональной основы для формирования вторых: но и их формирование – совершенствование также выступает фактором ее собственного генезиса. Она, представленная изначально, как некоторая функциональная основа, вплетенная в генезис психического, затем сама развивается и совершенствуется вслед за развитием тех образований, которые она сама и детерминирует. Имеет место взаимная детерминация развития функциональных основ темпоральности и ее операционных механизмов. Тем самым сама темпоральность выступает уже не только как детерминанта генезиса психических структур, но и как ее операционное средство, точнее как совокупность такого рода средств, представленных на разных уровнях организации психического. Отсюда следует также, что известная концепция Б. Г. Ананьева относительно существования двух категорий механизмов психических процессов – функциональных и операционных должна быть распространена и на проблематику субъективного времени, равно как и на понятие темпоральности и ее генезис в ходе общего онтогенетического развития.

В-седьмых, в свете представленных результатов с высокой степенью очевидности вскрывается и еще одно обстоятельство принципиального плана: взаимосвязь и взаимообусловленность двух типов системности – субстанциональной и темпоральной, но уже не в ее структурном и функциональном плане, а в ином плане – собственно генетическом. Это означает, что их формирование осуществляется по принципу взаимной стимуляции, когда они выступают и детерминантами и результатами формирования друг друга, взаимно обуславливая это развитие. Все новые уровни организованности

в субстанциональном плане – новые более совершенные формы субстанциональной системности создают условия для развития временной организации – темпоральной системности и даже требуют ее. Однако и все более совершенная темпоральная организация выступает важным фактором совершенствования субстанциональной системности.

В-восьмых, обоснованность и конструктивность сформулированных положений относительно темпоральной системности в целом подтвердилась еще и в том плане, что с их позиций оказалось возможным углубить представления о ряде весьма значимых психологических феноменах и закономерностях. Так, на их основе в новом, дополнительном свете раскрывается фундаментальное общепсихологическое явление опосредствованности: оно эксплицируется как темпоральный феномен, поскольку объективно сопряжено со следованием как атрибутивно-специфическим временным явлением. Это – новое его качество, не отменяет, однако, его исходного и основного статуса – содержательного, смыслового. В нем оно эксплицируется, как известно, в качестве носителя именно содержательной – субстанциональной системности, тогда как во временном плане оно предстает как темпоральной системности. Тем самым феномен опосредствованности сам опосредствует связь между двумя основными типами системности, в силу чего раскрывается и как синтетический по своей сути, интегрирующий механизмы как содержательно-смыслового плана, так и темпорального плана. Кроме того, он является и очень показательным в отношении взаимосвязи и этих двух типов системности в целом.

В-девятых, в аналогичном – также дополнительном свете раскрывается и понятие метакогнитивных процессов. Дело в том, что, выступая как вторичные, то есть как «процессы по организации процессов», то есть как процессы более обобщенного уровня организации, они раскрываются и как закономерное следствие общей линии усложнения функциональной организации, присущей всем иным психическим процессам. Однако в основе самой этой функциональной организации лежит внесение в нее дополнительной – собственно темпоральной упорядоченности, своего рода удвоение самих процессов и трансформация из их первичной формы во вторичную. Именно такое удвоение и является не только механизмом формирования самих метакогнитивных процессов, но и одной из важных форм темпоральной организации как таковой. В то же время, они знаменуют

собой качественно иной – новый и более совершенный ее тип. Их функциональная организация раскрывается как единство общего и специфического по сравнению со всеми иными процессуальными образованиями. Все средства метакогнитивного плана предстают с этих позиций как способы и формы дальнейшего «проникновения» процесса к своему содержанию, а частично и к закономерностям его осуществления, а на этой основе – и к регуляции им самого же себя. Однако в основе всего этого как раз и лежит дальнейшее усложнение собственно процессуальной организации как основной и наиболее специфической формы реализации в психике собственно темпоральной системности. Тем самым, именно темпоральная системность выступает и одним из механизмов метакогнитивных процессов.

В-десятых, эта закономерность – качественное изменение степени воплощенности временной системности имеет место и по отношению к еще одному переходу – от уровня вторичных процессов к уровню рефлексии как «третичному» процессу. Она сопряжена, как известно, с еще большей степенью развернутости, прежде всего – временной всей системы психических процессов. Рефлексия как процесс – это и есть развернутая и внутренне дифференцированная форма организации всей системы психических процессов – и первичных, и вторичных. Следовательно, она представляет собой психический процесс максимальной степени интегрированности – «процесс по организации всех иных процессов», что и является критерием ее отнесения к процессам ее «третьего» порядка сложности. В ней вторичные процессы, являющиеся синтезом первичных процессов, также подвергаются соорганизации, в результате чего оказываются представленными в скоординированном и целостном виде. Все это требует, однако, реализации дополнительных – также процессуальных средств, которые по вполне понятным и естественным причинам также обуславливают возрастание собственного масштаба времени рефлексивных процессов.

В-одиннадцатых, на основе представленных материалов в еще более глубоком плане эксплицируется понятие процесса, поскольку именно оно является тем ключевым концептуальным и категориальным средством, которое синтезирует в себе два основных типа системности – субстанциональную и темпоральную. Действительно, с одной стороны – и это традиционно соотносится с главным значением данного понятия – оно фиксирует в себе именно содержание

тех или иных сущностей. Процесс – это всегда процесс чего-либо, бессодержательного и внесодержательного процесса не может быть по определению; процессуальность всегда отягощена содержанием. С другой стороны, процесс – это и столь же временное понятие, поскольку в нем атрибутивно представлена не только структурная – статическая организации того или иного явления, но и его динамическая сторона. Тем самым, именно данное понятие позволяет выявлять и изучать принципы и закономерности собственно темпоральной организации не «в общем виде», не абстрактно – в отрыве от того содержания, на основе которого они и действуют, а наоборот – в органичной связи с ним. Принципы организации процессов – это не то, что «дополняет» принципы содержательной организации, а то, что вплетено в само содержание и выступает атрибутам его собственно временной организации. Характеризуя динамику явлений, закономерности процессуальной организации, в то же время и в столь же непосредственной степени производны и от содержания этих явлений.

В-двенадцатых, в дополнительном аспекте предстает и еще одно весьма значимое явление, точнее, механизм процессуальной организации – механизм операндно-операторной обратимости. Дело в том, что любая обратимость, в том числе и та, которая его составляет – это, прежде всего переход одного в другое – следование одного за другим, некоторая цикличность. В свою очередь, любой переход – это всегда некоторый ход, течение, развертывание. Тем самым он выступает и как атрибутивно темпоральная сущность, в которой не только непосредственно воплощена временная координата, но который, собственно говоря, и является ей. В силу этого, организации самого перехода является носителем и основой для развертывания темпоральной системности, а она тем самым лежит в основе механизма операндно-операторной обратимости.

В-тринадцатых, на основе развитых представлений открываются возможности и для более полного раскрытия одной из значимых общепсихологических проблем – проблемы самосензитивности психики. По нашему мнению, это могут содействовать два установленных выше механизма. Первый – это механизм транспонирования результатов процесса, достигаемых на том или ином этапе его развертывания, в его содержание и в его условия и их использование в качестве операционных средств, но уже на последующих этапах. Из статуса

«следствий» (результатов) они трансформируются в статус «причин» (детерминант). Второй – это механизм трансформации системных качеств в функциональные, суть которого состоит в способности системы использовать первые в роли вторых. Кроме того, эти два механизма не только не являются автономными, но, напротив, теснейшим образом взаимосвязаны. Более того, именно механизм трансформации системных качеств в функциональные как раз и выступает, по всей вероятности, основой для трансформации парциальных результатов процесса в само содержание этого процесса. Это – основа для порождения им же самим все новых условий, средств, посылок для его же собственного развертывания. На основе этих механизмов системы обретают принципиально новое свойство, новую способность – сензитивность к своим же собственным системным качествам. Она означает их «восприимчивость» и последующее использование этой категории качеств как операционных средств функциональной организации. Именно оно и лежит, на наш взгляд, в основе базового атрибута психики – свойства ее самопрезентированности и самосензитивности, феноменологически проявляющемся в сознании как таковом.

В-четырнадцатых, на основе проведенного анализа раскрываются дополнительные грани и одной из наиболее общих и традиционных психологических теорий – теории деятельности (независимо от ее конкретных вариантов). Дело в том, что генезис самой темпоральности является во многом или даже в решающей степени деятельностью-обусловленным, а деятельностьная детерминация выступает критически значимой для нее. Это является еще одним проявлением известного принципа единства психики и деятельности, согласно которому, как известно, «психика не только проявляется в деятельности, но и формируется в ней». Вместе с тем, формируется не только психика в целом, но и такая ее важнейшая детерминанта организации, как темпоральность, а сама система деятельности вообще предстает и как темпоральная система. Тем самым создаются основы для еще одного направления разработки психологической теории деятельности, которое можно обозначить как деятельностьная психология субъективного времени (или как темпоральная теория деятельности). Причем, речь должна идти не столько о деятельности в ее традиционно исследуемом модусе – в ее развитых формах, то есть трудовой деятельности или же о деятельности как категории, но уже также представленной

в развитом виде, а в другом ее виде – игровой. Дело в том, что он как раз и является тем видом, в котором темпоральность не только развивается, сколько вообще возникает как феномен и механизм организации любой формы активности. В этом плане она предстает уже не как более простая, а как более сложная, чем иные виды деятельности, поскольку в ней данный феномен только развивается, но и порождается. В ней ведущую роль выполняет такой фундаментальный феномен, как феномен детской игры в целом, а в связи с этой ролью можно говорить и о новом направлении психологии субъективного времени – о том, что можно обозначить как «игра и время».

В-пятнадцатых, в свете представленных результатов новыми гранями эксплицируется базовое понятие концепции системогенеза – понятие принципов системогенеза. Дело в том, что именно это главное понятие раскрывается в его дополнительном и очень важном смысле. Оказывается, что они выступают важными средствами и формами, а в этом смысле – своего рода операторами, упорядочивающими и организующими сам процесс генезиса, то есть придающими ему именно временную организацию Принципы – это и есть такие регуляторы, которые обуславливают упорядоченность, организованность генезиса в его временной развертке, в его хронологической упорядоченности. Так, напомним, что, например, принцип неравномерности как один из важнейших и относительно наименее сложных регулирует временную последовательность приоритетов в формировании различных компонентов системы. Еще более очевидна временная природа важнейшего системогенетического принципа – целевой детерминации, поскольку сама эта детерминация выступает по определению как подчеркнута временной феномен – феномен детерминации будущим настоящего. Следовательно, данное обстоятельство означает, что, фактически, складывается новое направление развития самой фундаментальной теории системогенеза, которое можно обозначить как «системогенез и время», как темпоральная концепция системогенеза. Причем, речь идет не только о традиционном варианте системогенеза – применительно только к деятельности, но и о ее более общем варианте – об интегральной концепции системогенеза, охватывающей многие иные образования и структуры психики. Более того, речь должна идти даже не столько о развитии понятия системогенеза как такового, то есть того, что раскрывает закономерности формирования

систем, а о понятии системногенеза – того, что раскрывает закономерности формирования самой системности как формы организации. В едином процессе развития – и онтогенетического, и профессиогенетического представлены не только парциальные процессы развития тех или иных системных образований (психологических систем), но и формирование самой системности как базового средства организации первых. Более того, ее формирование – это, пожалуй, еще более глубокий и важный процесс, поскольку она имеет, так сказать, надсодержательный характер и может транспонироваться на многие предметные сферы, то есть обладает высокой степенью обобщенности. Важно и то, что в ее формировании большую роль как раз и играет генезис не только субстанциональной, но и темпоральной системности.

## Х

Далее, вся совокупность результатов, полученных в четырех – резюмированных выше планах создали адекватную основу для реализации заключительного этапа исследования, предписываемого комплексной стратегией изучения – *интегративного*. Обобщая его итоги, целесообразно выделить те главные результаты, к которым привела реализация этого гносеологического плана исследования.

Во-первых, в ходе его осуществления все более явно и рельефно вырисовывалась не только его определяющая значимость для раскрытия базовых особенностей и закономерностей изучаемого предмета – субъективного времени, но и необходимость существенной корректировки сложившихся в методологии представлений о его сути и содержании, равно как и о его предметной сфере. Дело в том, что именно он направлен на выявление не какого-либо, хотя и важного, но все же частного аспекта изучаемого предмета, а на раскрытие того объективного важнейшего и определяющего, что есть в нем – его качественной определенности. Вместе с тем, и сама его сфера также должна быть существенно расширена и не может быть сведена только к выявлению и интерпретации тех качеств, которые в нем традиционно рассматриваются – интегративных, то есть системных. В него должны быть включены все реально существующие типы качеств, в том числе и такие, которые выходят за пределы их тради-

ционно сложившейся таксономии – виртуальные и метасистемные. Иными словами, он должен быть интегративно-поликачественным.

Во-вторых, все это будучи справедливо в общем плане, обретает еще большую значимость и специфичность именно по отношению к психологической проблематике. Дело в том, что именно категория качества и своеобразие – даже уникальность репрезентации их основных типов как раз и является очень важной – определяющей для конституирования структуры и содержания психического в целом, его реальной онтологии. Она – эта категория выступает по отношению к психике не только основной единицей познания, но и основной единицей самой ее онтологии – ее содержания и структуры, находясь в само основании ее онтологии и составляя базу для субъективной реальности в целом. Дело в том, что именно основные типы качеств как раз и лежат в основе конституирования субъективной реальности – ее реальной онтологии, поскольку сама она, как показано нами ранее, а также в этой работе как раз и конституируется на основе очень важного и уникального для психики механизма. Это – механизм окачествления реальности, реализуемый по отношению к базовым типам качеств. Его сущность состоит в том, что по отношению к психической организации субъекта основные типы качеств выступают двух статусах одновременно – исходном (гносеологическом) и производном (онтологическом). С одной стороны, они, разумеется, выступают в своем именно исходном, первичном, то есть гносеологическом статусе. Они предстают как то, «в чем нечто проявляется» и, следовательно, открывается познанию (как обыденному, так и научному). Однако, глубочайшая специфичность психики (то есть своеобразие онтологии психического) в том и заключается, что сами качества в значительной степени и составляют его содержание – являются им. Качества подвергаются сообразной онтологизации и трансформируются из свойств носителя в содержание самого носителя. Точнее – они становятся им, а еще точнее – они его и конституируют. На основе данного механизма, реализуемого по отношению к субстанциональным качествам, конституируется уровень сенсорики. На основе него же, но реализуемого по отношению к функциональным качествам порождается уровень процессуально-психологического содержания психического. На основе этого механизма, реализуемого по отношению к системным качествам, конституируется уровень осознаваемого содержания психического,

сознание как таковое. На основе окачествления виртуальных качеств генерируется неосознаваемый уровень – сфера бессознательного. Наконец, на основе его действия по отношению к метасистемным качествам порождается фундаментальный феномен знаний как таковых, то есть таких образований, которые, репрезентируя исходно содержание – качества метасистемы (объективной реальности), тем не менее, становятся содержанием самого психического, выступают важнейшей оставляющей его собственной качественной определенности. Они входят в его собственный состав, образуя в свой совокупности один из базовых уровней его организации. Другими словами, они обретают собственно уровневый статус, то есть предстают уже не только как содержательные образования, но и как структурные составляющие психики.

В-третьих, это означает, что существует глубинный изоморфизм базовых типов качеств и основных сфер, точнее – уровней организации самой субъективной реальности, онтологии психического. Следовательно, уровневая структура типов качеств является объективной основой и комплексным критерием для уровневой структуры самой психики, субъективной реальности в целом, взятой в ее базовом аспекте – онтологическом. Важно и то, что, выступая как основа этой онтологии и образуя субъективную реальность как то, что непосредственно дано субъекту эти типы качеств обретают атрибут самопрезентивности, обеспечивая тем самым важнейшее свойство психики в целом и сознания, в частности, свойство самосензитивности, самоданности. Они не столько обеспечивают ее чувствительность к самой себе, сколько являются ей в действительности.

В-четвертых, этот механизм, являясь очень общим, обнаруживает свое действие и по отношению к конституированию одного из важнейших атрибутов реальности – субъективному времени, то есть к порождению его как в целом, так и по отношению к порождению его основных свойств и феноменов, особенностей и закономерностей. В наиболее общем и принципиальном плане это объясняется следующим – фундаментальным, по нашему мнению, обстоятельством, которое, однако, обычно не включается в сферу проблематики субъективного времени. Дело в том, что окачествление каждого из этих типов приводит к конституированию таких – повторяем, базовых психических структур и образований, которые, будучи хорошо известными сами по себе и составляя ее основу, обладают еще одной

особенностью. Это – двойственность, точнее двуединство их природы: они выступают не только как субстанциональные – содержательные образования, но и как образования темпорального плана. В них атрибутивно представлена и временная организация, вплетена «ось времени», а сами они построены таким образом, чтобы адекватно отображать те или иные атрибуты времени как такового. Так, данная закономерность проявляется уже на относительно наиболее простом уровне организации психики, то есть в образовании, которое считается относительно наименее сложным – на сенсорном уровне, в ощущениях как таковых. Действительно, их важнейшей особенностью является то, что они синтезируют в себе два основных модуса: они одновременно являются и процессом, и модальностным образованием – именно ощущением в смысле ощущаемыми и, в силу этого, не только не требуют дополнительных средств для обеспечения сензитивности к ним, но и сами этой сензитивностью являются.

В-пятых, непосредственным следствием и прямым проявлением сказанного выступает и то, что именно благодаря этому оказывается возможным конституирование всех известных сегодня атрибутов самого времени, а также и порождение субъективного времени в целом. Действительно, на основе сенсорики формируется базовый из этих атрибутов – само ощущение времени, сама длительность, дление. Они становятся не только «понимаемыми», но именно непосредственно ощущаемыми, воспринимаемыми. В свою очередь, именно это показывает, как и почему становится возможным то, что, казалось бы, невозможно, – ощущение реально не существующего в физическом плане, то есть доступного прямому рецепированию объекта. Далее, на основе конституирования процессуальной организации, то есть на базе становления системы психических процессов – в особенности, когнитивных, генерируется большинство базовых свойств субъективного времени. Это – отношения следования, последовательности, непрерывности, континуальности, длительности, цикличности. Все это объясняется тем фундаментальным фактом, что сами процессы – это и есть экспликация в психике темпоральной организации в целом и временной системности, в частности. Это означает также, что атрибутивно присущая психическим процессам организация – временная не только воплощает в себе архитеконику временной системности, охарактеризованную в главе 4, но и формиру-

ется на ее основе, является ее экспликацией в психического. Наряду с этим, еще один базовый уровень его организации, на котором локализовано сознание в целом, также знаменует порождение еще одного базового и даже главного атрибута времени – феномена настоящего, который, строго говоря, вообще конституирует его как нескорую реальность – в данном случае субъективную. Объяснение получает то, почему именно с сознанием практически всегда связывалось и продолжает связываться время как таковое – идея времени. Далее, еще один, но оппозиционный к предыдущему уровень психики – сфера бессознательного также является базой для конституирования важнейших временных модусов – прошлого и будущего. Тем самым, однако, складываются все три базовых модуса времени и, следовательно, определяющее для времени образование – «ось» времени, которая вообще во многом и репрезентирует его как таковое.

В-шестых, на основе этого со всей очевидностью раскрывается и то, как и почему – на основе каких принципов субъективное время, действительно, имеет структурно-уровневую организацию; почему оно, с одной стороны, столь многомерно и комплексно, а с другой, – сорганизовано и едино для личности. Дело в том, что в основе этой организации лежит не какая-либо «новая» структура – дополнительная по отношению к общей структурной организации психики, а сама эта уровневая организация психики, но взятая во вполне определенном аспекте – темпоральном. Все структурные единицы психики, локализованные на ее основных уровнях, выступают, как показано выше, и собственно темпоральными образованиями. Тем самым они и образуют системы собственно временных единиц, которые, подвергаясь соорганизации, и выступают в качестве структуры уровней субъективного времени. Это означает, что сама структурно-уровневая организация субъективного времени должна быть понята и объяснена как специфический тип такой организации – как наложенная структура, как структура производного и, следовательно, распределенного типа. Причем, повторяем, на каждом из уровней сохраняется констатированный выше базовый атрибут – свойство ощущаемости, сензитивности, непосредственной данности. Если на сенсорном уровне он представлен в относительно наиболее простом виде, то на иных уровнях он трансформируется и представлен в иных, более сложных формах. Например, на уровне сознания он представлен как сен-

зитивность к идеальному, а на уровне бессознательного – по типу протопатической сензитивности. Поэтому субъективное время – это не только то, что непосредственно чувствуется, но и то, что понимается, осознается, помнится, «знается» и пр.

В-седьмых, показательно и то, что именно с позиций реализации интегративного и, следовательно, качественного плана исследования, то есть на основе базовой общенаучной категории качества оказывается возможным несколько по-новому поставить и частично решить ряд вопросов собственно гносеологического характера, которые неразрывно связаны с проблемой времени. Так, в частности, становится более понятным, как и почему именно категория качества может содействовать решению, пожалуй, наиболее острой проблемы всей науки о времени – вопросу о его существовании как некоторой реальности, как объективной, так и субъективной. Дело в том, что с этих позиций по отношению к категории времени вообще преодолевается оппозиция объективного и субъективного, а объективное и субъективное время эксплицируются взаимопологаемые сущности. В их основе лежит инвариантная совокупность базовых измерений реальности – основных типов качеств и, соответственно, – их носителей, то есть уровней организации самой реальности – как объективной, так и субъективной. Поэтому в самой онтологии психического – в структуре и сущности субъективной реальности адекватно отображена онтология объективной реальности в целом и субъективного времени как ее атрибута, в частности. Именно это, в конечном итоге, и лежит в основе организации самого субъективного времени, а также его отношений с объективным временем, равно как и в основе репрезентации второго в первом и эффективности приспособления к нему.

\* \* \*

Таким образом, обобщая всю совокупность полученных в данной работе результатов, можно сделать следующее заключение. Во-первых, ее наиболее общим итогом явилась формулировка и обоснование нового методологического подхода к разработке проблемы субъективного времени – метасистемного. Во-вторых, данный подход получил в ней комплексную – многоплановую реализацию, включающую пять основных гносеологических планов – метасистемный,

структурный, функциональный, генетический и интегративный. Вся совокупность представленных результатов привела к получению дополнительных данных, а также к формулировке аналогичных – также новых теоретических представлений, которые, в свою очередь, составляют основу для *обобщающей концепции субъективного времени*. Именно такой – не только обобщающей, но и целостный характер данная концепция обретает в силу того, что в ней предмет исследования – субъективное время эксплицирован и раскрыт в системе объективно основных и определяющих категорий закономерностей. Ими выступают метасистемные (онтологические), структурные, функциональные, генетические и интегративные закономерности.

На основе этого можно, однако, сделать заключение и еще более общего плана. Раскрытие предмета исследования именно в тех категориях закономерностей, которые являются онтологически основными для него и которые указаны выше, фактически, равнозначно тому, что сам предмет получает свое раскрытие в том виде, в каком он и представлен объективно – онтологически. Тем самым он отображается на уровне концептуальных представлений о нем именно в том виде, который адекватен его реальной онтологии – целостно и полно, в своей истинной и ненарушенной системности организации. Действительно, такое концептуальное отображение становится возможным через реализацию всей совокупности основных этапов алгоритма системного исследования, который также содержится в сформулированном нами метасистемном подходе и, более того, составляет суть его гносеологического варианта. Данные этапы, являясь одновременно основными аспектами исследования любого объекта, в совокупности – через синтез получаемых при их реализации результатов позволяют дать достаточно полное представление о нем, преодолеть односторонность аспектного его исследования. Одновременно через них предмет получает и необходимые основания для причинного объяснения обнаруживаемых в нем закономерностей в аспекте структурной, функциональной, генетической причинности. Такое – системно-организованное знание о предмете является необходимым условием для его перевода с уровня эмпирико-феноменологических представлений на уровень собственно теоретического знания; условием придания развиваемым теоретическим представлениям свойства концептуальной полноты и завершенности. Тем

---

самым, однако, становится более близкой и реализация наиболее важной – по существу, стратегической задачи, которая также была сформулирована выше: это – задача трансформации преимущественно аналитической стадии разработки проблемы субъективного времени в системную. Она, на наш взгляд, как раз и может быть в существенной мере решена на основе предложенного и реализованного в данной работе метасистемного подхода к развитию представлений о сущности и организации субъективного времени, а также его роли в организации психики в целом.

## Список литературы

1. Аарелайд А. Категория времени в современной науке и проблема человеческого времени // Изв. АН ЭССР. – Общественные науки. – 1978. – № 27/3. – С. 268–280.
2. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. – Москва: Владос, 1994. – 334 с.
3. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. – Москва: Наука, 1980. – 335 с.
4. Аванесян М. О. Возможные я: на пути от прошлого к будущему // Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019. – С. 283–282.
5. Августин А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонийского. – Москва: Ренессанс, 1991. – 486 с.
6. Агафонов А. Ю. Основы смысловой теории сознания. – СПб: Речь, 2003. – 290 с.
7. Адамар Ж. Исследование психологии изобретения в области математики. – Москва: МЦНМО, 2001. – 127 с.
8. Айзенк Г. Ю. Структура личности. – СПб: Ювента, 1999. – 463 с.
9. Акопов Г. В. Проблема сознания в психологии: Отечеств. платформа. – Самара: Сам. гос. пед. ун-т, фак. психологии, 2002. – 206 с.
10. Акопов Г. В. Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2010. – 270 с.
11. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. – Москва: Мир, 1974. – 272 с.
12. Аксенов Г. П. Причина времени. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 243 с.
13. Александров Ю. И. и др. Основы психофизиологии. – Москва: ИНФРА-М, 1997. – 430 с.
14. Аллахвердов В. М. и коллеги. Когнитивная логика сознательного и бессознательного. – СПб, 2006. – 352 с.
15. Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. Т. 1. Экспериментальная психологика. – СПб: «Издательство ДНК», 2000. – 528 с.
16. Алюшин А. Л., Князева Е. М. Темпомиры: скорость восприятия и шкалы времени. Ин-т философии. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 239 с.
17. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. АН СССР, Ин-т психологии. – Москва: Наука, 1977. – 380 с.

18. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Л.: ЛГУ, 1986. – 368 с.
19. Анастаси А. Психологическое тестирование. – Москва: Педагогика, 1982. Кн. 1. – 318 с.; Кн. 2. – 295 с.
20. Андерсон Дж. Когнитивная психология. – СПб: ПИТЕР, 2002. – 492 с.
21. Андреева Г. М. Социальная психология. – Москва: ИНФРА-М, 1999. – 375 с.
22. Андреева С. Г. Проблема психологического времени // Вестник Камчатского государственного технического университета. – Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ. – № 8. – С. 81–87.
23. Анисимов О. С. Рефлексия и методология. – Москва: Экономика, 1991. – 415 с.
24. Анисов А. М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. – Москва, 1991. – 151 с.
25. Анохин П. К. Избранные труды. – Москва: Наука, 1978. – 399 с.
26. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. – Москва: Наука, 1978. – 400 с.
27. Антология мировой философии. В 2 т. – Москва: Политиздат, 1970.
28. Антология мировой философии: в 4 т. АН СССР. Ин-т философии / под ред. В. В. Соколова. – Москва: Мысль, 1969–1973.
29. Антропов В. В. Этика и религия в философии Людвига Фейербаха // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. 2004. – № 1. – С. 98–117.
30. Аптер М. За пределами черт личности: реверсивная теория мотивации. – Луцк: Медиа, 2004. – 111 с.
31. Архангельский Г. А. Корпоративный тайм-менеджмент. Энциклопедия решений. – Москва: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 160 с.
32. Архангельский Г. А. Организация времени. От личной эффективности к развитию фирмы. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 441 с.
33. Ардабьев А. И. Атеизм Людвига Фейербаха. – Москва: АН СССР 1963. – 183 с.
34. Ариес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории. – Москва: Прогресс, 1977. – С. 216–244.
35. Арлычев А. Н. Онтология и теория познания. – Москва: КД Либроком, 2016. – 224 с.
36. Арлычев А. Н. Сознание: информационно-деятельностный подход. – Едиториал УРСС, КОМКНИГА, 2005. – 132 с.
37. Аристотель. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 392 с.

38. Аристотель. Метафизика. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 601 с.
39. Асеев В. Г. Значимость и временная стратегия поведения // Психол. журнал. – 1981. – № 6. – С. 28–37.
40. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. – Москва: Мысль, 1976. – 158 с.
41. Асеева И. А. Философская рефлексия будущего (на материале русской философии рубежа XIX–XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 318. – С. 52–58.
42. Аскин Я. Ф. К вопросу о временной структуре процесса развития // Проблемы структуры в научном познании. – Саратов, 1965. – С. 12–17.
43. Аскин Я. Ф. Проблема времени и ее философское истолкование. – Москва, 1976. – 200 с.
44. Асмолов А. Г., Петровский В. А. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // Вопросы психологии. – 1978. – № 1. – С. 70–80.
45. Асмус В. Ф. Очерки по истории диалектики в новой философии. – Москва-Л: Красный пролетарий, 1930. – 247 с.
46. Аткинсон Р. Человеческая память. – Москва: Прогресс, 1980. – 528 с.
47. Афанасьев В. Г. Мир живого: системность, эволюция, управление. – Москва: Политиздат, 1986. – 320 с.
48. Ахундов М. Д. Концепции пространства и время. Истоки, эволюция, перспективы. – Москва: Наука, 1982. – 259 с.
49. Багрова Н. Д. Фактор времени в восприятии человеком. – Ленинград: Наука. 1980. – 96 с.
50. Балашова Е. Ю., Портнова Г. В. Возрастные особенности психического отражения времени // Психология зрелости и старения. – 2006. – Т. 1, № 3. – С. 5–23.
51. Балонов Л. Я., Деглин В. Л., Кауфман Д. А., Николаенко Н. Н. О функциональной специализации больших полушарий мозга человека в отношении восприятия времени // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем / под ред. Н. И. Моисеевой. – Л: Наука, 1980. – С. 119–124.
52. Барабанщиков В. А. Системогенез чувственного восприятия. – Москва-Воронеж, МОДЭК, 2000. – 459 с.
53. Барабанщиков В. А., Носуленко В. Н. Системность Восприятие. Общение. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 479 с.
54. Барабанщикова В. В., Марусанова Г. И. Перспективы исследования феномена прокрастинации в профессиональной деятельности // Национальный психологический журнал. – 2015. № 4 (20). – С. 130–140.

55. Бассин Ф. В., Прангишвили А. С., Шерозия А. И. Основные критерии рассмотрения бессознательного в качестве своеобразной формы психической деятельности // Бессознательное. Т. 1. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – С. 52–87.
56. Батуев А. С., Куликов Г. Л. Введение в физиологию сенсорных систем. – Москва: Высш. школа, 1983. – 247 с.
57. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 238 с.
58. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. – Москва: Русские словари, 2002. – 800 с.
59. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопов в романе // Вопросы литературы и эстетики. – Москва, 1975. – С. 234–407.
60. Бедный Г. З. Временная структура деятельности и психологические проблемы обучения // Вопросы психологии. – № 4. – 1985. – С. 108–112.
61. Безгодова С. А. Суждение о времени как социально-психологический феномен // Психология человека: интегративный подход в психологии. – СПб.: РПГУ им. А. И. Герцена, 2004. – Вып. 2. – С. 12–20.
62. Беленков Н. Ю. Принцип целостности в деятельности мозга. – Москва: Медицина. 1980. – 311с.
63. Беленькая Л. Я. К вопросу о восприятии временной длительности и его нарушениях // Исслед. по психологии восприятия / под ред. С. Л. Рубинштейна. – Москва: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 324–358.
64. Белинская Е. П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. – 1999. – № 3 (19). – С. 140–147.
65. Беляева-Экземплярская С. Н. Об экспериментальном исследовании субъективного отсчета времени человеком // Вопросы психологии. – 1965. – № 5. – С. 59–71.
66. Бергсон А. Время и свобода воли. – Москва, 1911. – 238 с.
67. Бергсон А. Длительность и одновременность. – СПб., 1923. – 160 с.
68. Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч. Т. 3. – СПб: Изд-во М. И. Семенова, 1913. – 391 с.
69. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч. Т. 1. – Москва: Московский клуб, 1992. Гл. 2. – С. 82–111.
70. Бердик А. Куда летит время. – Москва: Эксмо, 2018. – 509 с.
71. Бердяев Н. А. Смысл истории. – Москва: Мысль, 1990. – 173 с.
72. Березина Т. Н. Вероятностные представления времени // NB: Философские исследования. – 2013. – № 11. – С. 50–80.
73. Березина Т. Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности. – Москва: ПЕР СЭ, 2001. – 319 с.

74. Березина Т. Н., Абульханова К. А. Время личности и время жизни. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 299 с.
75. Беркли Дж. Сочинения. – Москва: Мысль, 1978. – 556 с.
76. Бернштейн Н. А. О построении движений. – Москва: Медгиз, 1947. – 255 с.
77. Бернштейн Н. А. Физиология движений и активности. – Москва: Наука, 1990. – 495 с.
78. Бергаланфи Л. фон. Общая теория систем. Критический обзор // Исследования по общей теории систем. – Москва: Прогресс, 1969. – С. 28–61.
79. Бертран М. Бессознательное в работе мысли // Вопросы философии. – № 12. – 1993. – С. 35–41.
80. Бессознательное. Матер. Междунар. симп. – В 4-х т. Тбилиси: Мецниереба, 1978–1985.
81. Бехтерев В. М. Сознание и его границы. – Москва: Академический Проект, 2000. – 32 с.
82. Биологические ритмы / под. ред. Ю. Ашоффа. В 2 т. – Москва: Мир, 1984.
83. Бланко Д. Пространство – это вопрос времени. – Москва: Де Агостини, 2015. – 175 с.
84. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. – Москва: Наука, 1973. – 270 с.
85. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофсдтедтер Л. Мозг, разум, контроль за поведением. – Москва: Прогресс, 1988. – 712 с.
86. Богданов А. А. Познание с исторической точки зрения. – Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1999. – 480 с.
87. Бодалев А. А., Столин В. В. Общая психодиагностика. – Москва: СПб.: Речь, 2000. – 440 с.
88. Бодрова Е. В., Юдина Е. Г. Исследование генезиса механизмов рефлексивной саморегуляции познавательной деятельности // Новые исследования в психологии. – Москва: Педагогика, 1986. – С. 26–30.
89. Болгов В. И. Категория времени в социальном измерении и планировании и проблема экономии времени. Социал. исслед. 1970, – Вып. 6. – С. 7–71.
90. Болдачёв А. В. Темпоральность и философия абсолютного релятивизма. – Москва: УРСС, 2011. – 211 с.
91. Болотова А. К. Психология организации времени. Гос. ун-т Высш. шк. экономики. Москва: Аспект Пресс, 2006. – 254 с.
92. Болотова А. К. Психология времени в межличностных отношениях. – Москва, МПСИ, 1997. – 120 с.

93. Большая советская энциклопедия / А. М. Прохоров (гл. ред.). 3-е изд. Т. 25. – Москва: Сов. энциклопедия, 1976. – 601 с.
94. Большой философский словарь. – Москва: Политиздат, 1987. Т. 2. – 588 с.
95. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 151 с.
96. Борбели А. Тайна сна. – Москва: Знание, 1989. – 191 с.
97. Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Временная организация нервно-психической деятельности человека // Фактор времени и функциональная организация деятельности человека. – Л., 1980. – С. 112–116.
98. Бредун Е. В. Типологические особенности субъективного восприятия времени: хронопический контекст: автореферат дис. ... кандидата психологических наук. – Томск, 2018. – 23 с.
99. Brentano Ф. Избранные работы. – Москва: Дом интеллектуальной книги, 1996. – 176 с.
100. Брунер Дж. Психология познания. – Москва: Прогресс, 1977. – 378 с.
101. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. – Москва: Мысль, 1979. – 230 с.
102. Брэдик У. Менеджмент в организации. – Москва: ИН-ФРА-М. – 312 с.
103. Буономано Д. Мозг – повелитель кремния. Как наш мозг чувствует и измеряет ход времени. – Москва: Эксмо, 2019. – 320 с.
104. Бэкон Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – Москва: Мысль, 1972. – 549 с.
105. Валлон А. Психическое развитие ребенка. – Москва: Просвещение, 1967. – 208 с.
106. Варваричева Я. И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. – 2010. – № 3. – С. 121–131.
107. Вартофский М. Модели, репрезентация и научное понимание. – Москва: Прогресс, 1988. – 507 с.
108. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. – Москва: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.
109. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления кризисных ситуаций. – Москва: МГУ, 1984. – 180 с.
110. Веккер Л. М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. – Москва: Смысл, 2000. – 685 с.
111. Веккер Л. М. Психические процессы. – Л.: ЛГУ, 1974–1976. Т. 1. 334 с.; Т. 2. – 341 с.

112. Велихов Е. П., Зинченко В. П., Лекторский В. А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. – 1988. – № 11. – С. 3–25.
113. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1. – Москва: Академия, 2006. – 448 с.
114. Вилюнас В. К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. – Москва: МГУ, 1993. – 304 с.
115. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – Москва: Прогресс, 1988. – 221 с.
116. Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. – Москва: Наука, 1979. – 389 с.
117. Вертгаймер М. Продуктивное мышление. – Москва: Прогресс, 1987. – 336 с.
118. Винер Н. Поведение, целесообразность и телеология // Винер Н. Кибернетика. – Москва: Наука, 1983. С. 297–307.
119. Виценко В. О. Образ времени у представителей различных религиозных конфессий. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2005. – 29 с.
120. Власов В. Д. Приключения объективной реальности. Об отношениях внутреннего и внешнего миров. – Москва: Изд-во МИФИ, 1993. – 158 с.
121. Волкова С. Ю. Влияние уровня тревожности на оценку времени // Вопросы сенсорного восприятия. – Свердловск, 1987. – С. 140–145.
122. Воронков С. Ф. Психофизиология сенсорных систем человека. – Барнаул, АлГУ, 2001. – 100 с.
123. Восприятие времени человеком и его роль в спортивной деятельности / Н. И. Моисеева, Н. И. Караулова, С. В. Панюшкина. – Ташкент: Медицина, 1985. – 157 с.
124. Восприятие и действие / под ред. А. В. Запорожца. – Москва: Наука, 1966. – 322 с.
125. Вудроу Г. Восприятие времени // Экспериментальная психология / под ред. С. С. Стивенса. – Москва, 1963. Т. 2. – С. 859–874.
126. Вундт В. Введение в психологию. – Москва: КомКнига, 2007. – 168 с.
127. Вшивкова А. А. Время в философии и психологии // Исследования молодых ученых : материалы III Междунар. науч. конф. – Казань: Молодой ученый, 2019. – С. 31–38.
128. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 4. – Москва: Педагогика, 1984. – 376 с.

129. Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения // Выготский Л. С. Собрание сочинений. – Т. 1. – С. 78–99.

130. Габрова М. В. Парадокс настоящего и субъективное время // Психология личности и время. – Черновцы, 1991. – Сб. 1. – С. 87–89.

131. Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. – Москва: Прогресс-Традиция, 2001. – 468 с.

132. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – Москва: Прогресс-традиция, 2006. – 459 с.

133. Гайденко П. П. Проблема времени у Канта: время как априорная форма чувственности и вневременность вещей в себе / П. П. Гайденко // Вопросы философии. – 2003. – № 9. – С. 134–150.

134. Галилей Г. Избранные труды в 2 т. – Москва: Наука, 1964.

135. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. – Л.: ЛГУ, 1979. – 211 с.

136. Гареев Е. М. Особенности формирования субъективной оценки времени в онтогенезе // Вопросы психологии. – 1977. – № 5. – С. 114–119.

137. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. – Москва: Госполитиздат: Соцэкгиз, 1956. Т. 3. – 371 с.

138. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 4. Система наук. Часть 1. Феноменология духа. 1959. Т. 4. – 438 с.

139. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. – Москва: Мысль, 1977. Т. 3. Философия духа. – 471 с.

140. Геллерштейн С. Г. «Чувство времени» и скорость двигательных реакций. – Москва, 1958. – 148 с.

141. Гете И. В. Избранные сочинения по естествознанию. – Москва: АН СССР, 1957. – 212 с.

142. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. – Москва: Прогресс, 1988. – 462 с.

143. Гилбрет Ф. Б. Азбука научной организации труда. – М-Л.: Френкель, 1925. – 140 с.

144. Гоббс Т. Левиафан. – Москва: Соцэкгиз, 1936. – 503 с.

145. Голиков Ю. Я., Костин А. Н. Проблема методологических оснований анализа межсистемных взаимодействий // Психол. журн. – 1995. – № 4. – С. 11–25.

146. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. – Киев, 1984. – 267 с.

147. Головин О. Д., Симуткин Г. Г. Модель организации переживания и восприятия времени при аффективных расстройствах // Социальная и клиническая психиатрия. – 2003. – Т. 13. – № 1. – С. 27–34.
148. Горбатенко А. С. Системная концепция психики и общей психологии. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. пед. ун-та, 1994. – 106 с.
149. Горностай П. П. Личность и роль. Ролевой подход в социальной психологии личности. – Киев : «Интерпресс ЛТД», 2007. – 313 с.
150. Горобец Т. Н. Индивидуальное восприятие ритмов и циклов времени в контексте их социальной обусловленности // Мир психологии. – 2011. – № 3. – С. 160–168 с.
151. Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. – Москва: Высшая школа, 1980. – 368 с.
152. Горькая Ж. В. Социокультурный анализ психологии восприятия времени // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 9. – С. 245–250.
153. Горяинов В. П. Исследование структуры сознания руководителей в период перестроечных процессов // Социологические исследования. – № 4. – 1992. – С. 69–77.
154. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. – Москва: МГУ, 1982. – 366 с.
155. Гоулман Д., Бояцис Р., МакКи Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управление людьми на основе эмоционального интеллекта. – Москва: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 302 с.
156. Грегори Р. Разумный глаз. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
157. Гриценко М. Б. Время как одна из основных характеристик человеческого бытия в концепциях философии и лингвофилософии // Молодой ученый. – 2016. – № 5 (109). – С. 800–805.
158. Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. – Москва: Прогресс, 1969. – 590 с.
159. Губин В. Д. Бытие сознания. – Москва: Форум, 2007. – 308 с.
160. Гумилева Л. Н. Pro et contra: Личность и творчество Л. Н. Гумилёва в оценках российских мыслителей и исследователей. Антология. – СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 2012. – 1007 с.
161. Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. – 1969. – № 3. – С. 105–116.
162. Гурфинкель В. С., Левик Ю. С. Система внутреннего представления и управление // Вестник РАН. – Т. 65, 1995. – С. 29–37.

163. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. – Москва, 1994. – 162 с.
164. Гуссерль Э. Язык и интеллект. – Москва: Прогресс, 1996. – 416 с.
165. Гуткина Н. И. Разделение рефлексии на виды при экспериментальном изучении // Психология личности: теория и эксперимент. Москва: Наука, 1982. – С. 49–50.
166. Гюйо Ж-М. Происхождение идеи времени. – СПб.: Т-во «Знание», 1989. – 140 с.
167. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Москва: Русский язык, 1980, Т. 2. – 554 с.
168. Данн Д. У. Эксперимент со временем. – Москва: Аграф, 2000. – 223 с.
169. Декарт Р. Избранные произведения. – Москва: Госполитиздат, 1950. – 712 с.
170. Делокаров К. Х. Системная парадигма современной науки и синергетика // Общественные науки и современность. – Москва, 2000. – № 6. – С. 110–118.
171. Деннет Д. С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. – Москва: Идея-Пресс, 2004. – 184 с.
172. Дерябина А. С. Личностное время как социальная проблема // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2007. – № 3. – С. 9–13.
173. Дерябина А. С. Теоретический анализ проблемы времени в психологии // Молодой ученый. – 2010. – № 12 (23). – Т. 2. – С. 73–76.
174. Деятельность: теория, методология, проблемы. – Москва: Политиздат, 1990. – 359 с.
175. Джан Р., Данн Б. Границы реальности. Роль сознания в физическом мире. – Москва: Институт высоких температур РАН, 1995. – 287 с.
176. Джеймс У. Психология сознания. – Москва: 1914. – 250 с.
177. Джеймс У. Существует ли сознание? // Новые идеи в философии. – 1913. – Сб. 4. – С. 102–127.
178. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 135–152.
179. Дмитриев А. С. К вопросу о восприятии и оценки времени // Восприятие пространства и времени. – Л., 1969. – С. 135–141.
180. Дмитриев А. С. Ориентация человека во времени // Успехи физиологических наук. – 1980. – Т. II. № 4. – С. 47–67.
181. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. – Москва: Наука, 1977. – 272 с.

182. Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. – Москва: Смысл, 1993. – 456 с.
183. Доскин В. А., Лаврентьева Н. А. Ритмы жизни. – Москва, 1980. – 112 с.
184. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 12 т. – Москва: Правда, 1982. – Т. 8. – Ч. 1-2, 1982. – 460 с.; Т. 9., 1982. – 430 с.
185. Дроздова А. В. Экзистенциальное время как взаимосвязь вечности и повседневности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 1996. – 18 с.
186. Дружинин В. Н. Онтология психической реальности // Проблемы субъекта в психологической науке / под ред. А. В. Брушлинского. – Москва: Академический проект. 2000. – С. 64–75.
187. Дружинина Ю. В. Субъективное социальное время как элемент управления организационной культурой. Автореф. дисс. ... канд. соц. наук Новосибир. гос. ун-т экономики и упр. – Новосибирск, 2010. – 23 с.
188. Дубровский Д. И. Психика и мозг. Результаты и перспективы исследований // Мозг и разум. – Москва: Наука, 1994. – С. 6–26.
189. Дудел Дж. и др. Физиология человека. Т. 2. Физиология сенсорных систем. – Москва: Мир, 1985. – 238 с.
190. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. – Москва: Наука, 1965. – 234 с.
191. Дэвис А. Книга о времени. Секреты времени: как оно работает и как мы его измеряем. – Арт-Родник, 2012. – 256 с.
192. Дюбуа-Реймон Э. О границах познания природы. Семь мировых загадок. – Москва 1901. – 80 с.
193. Егоров В. В. Концепт времени в трудах философов разных эпох // Молодой ученый. – 2011. – № 12 (35). Т. 1. – С. 195–198.
194. Емельянов С. В., Наппельбаум Э. Л. Системы, целенаправленность, рефлексия // Системные исследования. – 1980. – Москва: Наука, 1981. – С. 7–30.
195. Ерофеева Т. Н. Социально-психологические детерминанты восприятия времени: дисс... канд. психол. наук. – Самара, 2006. – 181 с.
196. Ершов А. А. Время. – СПб.: ГУАП, 2000. – 134 с.
197. Жане П. Психический автоматизм. – Москва: Изд-во А. Портнякова, 1913. – 141 с.
198. Жане П. Психологическая эволюция личности. – Москва: Академический проспект, 2009. – 300 с.
199. Жаров А. М. Восприятие времени, психическое настоящее и неопределенность // Фактор времени в функциональной организации

деятельности живых систем / под ред. Н. И. Моисеевой. – Л.: Наука, 1980. – С. 124–128.

200. Жаров А. М. Проблема времени и неопределенность. Ленингр. фин.-экон. ин-т им. Н. А. Вознесенского. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1987. – 159 с.

201. Жог В. И., Канке В. А. Проблемы реальности и статуса времени // Философские науки. – 1981. – № 2. – С. 34–38.

202. Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 474 с.

203. Забелина Е. В. Психологическое время и экономическое сознание. Дис. ... докт. психол. наук. – Челябинск, 2021. – 338 с.

204. Забродин Ю. М., Бороздина Л. В. Оценка временных интервалов при разном уровне тревожности // Вестник МГУ. – Сер. 14. – 1983. – № 4. – С. 46–53.

205. Завалишина Д. Н. Полисистемный подход к исследованию мыслительных задач // Психол. журн. – 1995. – № 6. – С. 32–42.

206. Зайверт Л. Ваше время в ваших руках. – Москва, 1995. – 267 с.

207. Занков Л. В. Обучение и развитие. – Москва: МГУ, 1985. – 273 с.

208. Зараковский Г. М. Психофизиологический анализ трудовой деятельности. – Москва: Наука, 1966. – 114 с.

209. Заславский А. М. Темпоральная модель реальности // Время и человек (Человек в пространстве концептуальных времен). – Новочеркасск: «НОК», 2008. – С. 25–40.

210. Захарова К. С., Козловская В. А. Психологическое время: его значение и сущность / сост. Л. М. Ашихмина. – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2019. – С. 71–74.

211. Зельдович Я. Б., Новиков И. Д. Релятивистская астрофизика. – Москва, 1967. – 654 с.

212. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь: исправь прошлое, наслаждайся Настоящим и управляй Будущим. – Санкт-Петербург: Речь, 2010. – 349 с.

213. Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии, 1991. – № 2. – С. 15–37.

214. Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. – Москва: АПН РСФСР, 1969. – 471 с.

215. Зинченко Ю. П. Психология виртуальной реальности. – Москва: МГУ, 2011. – 360 с.

216. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. – Москва: ВШЭ, 2010. – 582 с.

217. Зинченко В. П., Гордон В. М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Системные исследования, 1975. – Москва: Наука, 1976. С. 82–127.
218. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. – Москва: Тривола, 1994. – 331 с.
219. Знаков В. В. Понимание в познании и общении. – Самара: СамГПУ, 1998. – 187 с.
220. Знаков В. В. Психология возможного. – Москва: Изд-во «ИП РАН», 2021. – 257 с.
221. Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Западная философия XX века. – Москва: МГУ, 1999. – 431 с.
222. Зубов В. П. Аристотель: Человек. Наука. Судьба наследия. Москва: Изд-во АН СССР. 1963. – 368 с.
223. Зубова Л. В., Рыжухин А. В. Особенности восприятия времени: многогранность проблемы // Фундаментальные исследования. – 2008. – № 10. – С. 64–66.
224. Иваницкий А. М. Сознание: критерии и возможные механизмы // Мозг и разум. – Москва: Наука, 1994. – С. 113–120.
225. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – Москва: Росспэн, 1997. – 464 с.
226. Ильенков Э. В. Философия и культура. – Москва: Политиздат, Москва: Росспэн, 1997. – 462 с.
227. Ильин В. В. Теория познания: Эпистемология. – М.: КД Либроком, 2011. – 136 с.
228. Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. Кн. 1. – Москва: Русская книга, 1993. Т. 2. – 1994. – 591 с.
229. Ильин Е. П. Проблема способностей: два подхода к ее решению // Психологический журнал. – 1987. – № 2. – С. 23–31.
230. Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / под ред. Л. Я. Дорфмана. – Москва: Смысл, 2004. – 319 с.
231. Каган М. С. Время как философская проблема // Вопр. филос. – 1982. – № 10. – С. 117–124.
232. Каган М. С., Эткинд А. М. Индивидуальность как объективная и субъективная реальность // Вопросы психологии. – № 4. – 1989. – С. 7–12.
233. Казарян В. П. Понятие времени в структуре научного знания. – Москва, 1980. – 176 с.
234. Камнева Е. В. Анализ психологического содержания временной перспективы в образе «Я» субъекта: в возрастном диапазоне от 6 до 18 лет: диссертация ... кандид. психол. наук. – Тула, 2002. – 191 с.

235. Камю А. Избранное. – Москва: Радуга, 1988. – 464 с.
236. Канеман Д. Внимание и усилие / пер. с англ. И. С. Уточкина. – Москва: Смысл, 2006. – 288 с.
237. Канке М. А. Формы времени. – Томск, 1984. – 225 с.
238. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собрание сочинений. Т. 7. – Москва: Наука, 1994. – 200 с.
239. Кант И. Собрание сочинений. Т. 6. – Москва: Наука, 1994. – 612 с.
240. Кардаш В. В. Измененные состояния сознания. – Москва: Сталкер, 1998. – 416 с.
241. Карнап Р. Философские основания физики. – Москва: Прогресс, 1971. – 392 с.
242. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. – Москва: РАО, 2018. – 698 с.
243. Карпов А. А. Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности. – Ярославль: ЯрГУ, 2014. – 256 с.
244. Карпов А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. – 208 с.
245. Карпов А. А., Карпов А. В. Введение в метакогнитивную психологию. – Москва: Изд. дом РАО, 2015. – 512 с.
246. Карпов А. В. К проблеме психических процессов // Психол. журн. 1986. – Т. 7. – № 6. – С. 21–31.
247. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. – Москва: Изд. Дом РАО, 2017. – 640 с.
248. Карпов А. В. Метасистемная организация уровневых структур психики. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 602 с.
249. Карпов А. В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. – 358 с.
250. Карпов А. В. Психологический анализ трудовой деятельности. – Ярославль: ЯрГУ, 1988. – 98 с.
251. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5 т. – Москва: Изд. дом РАО, 2015.
252. Карпов А. В. Психология менеджмента. – Москва: Гардарики, 1999. – 546 с.
253. Карпов А. В. Психология принятия решения в профессиональной деятельности. – Москва: Институт психологии РАН, 1991. – 180 с.
254. Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений. – Москва: Юристъ, 1998. – 435 с.

255. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 450 с.
256. Карпов А. В. Психология сознания: метасистемный подход. – Москва: Изд. Дом РАО, 2011. – 1080 с.
257. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. – Москва: Изд. Дом РАО, 2012. – 494 с.
258. Карпов А. В. Структура и сущность субъективной реальности : в 2 т. – Москва: РАО, 2021.
259. Карпов А. В., Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психол. журн. – 2003. – Т. 24. № 5. – С. 45–57.
260. Карпов А. В. Системный подход как стратегия концептуализации в психологических исследованиях // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1. – Ярославль: ЯрГУ, 2003. – С. 31–53.
261. Карпов А. В., Карпов А. А. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Т. 2. Когнитивное обеспечение. – Москва: Изд. Дом РАО. – 580 с.
262. Карпов А. В., Карпова Е. В. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Т. 1. Метасистемный подход. – Москва: Изд. Дом РАО. – 620 с.
263. Карпов А. В., Карпова Е. В. Системогенез игровой деятельности: структурно-функциональная организация и генетическая динамика. – Москва: Изд. дом РАО, 2017. – 533 с.
264. Карпов А. В., Климонтова Т. А. Внутренний мир интеллектуально одаренного человека. – Иркутск: НУРВХ СО РАМН, 2009. – 299 с.
265. Карпов А. В., Леньков С. Л. Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера. – Тверь: ТГУ, 2006. – 448 с.
266. Карпов А. В., Петровская А. С. Психология эмоционального интеллекта. – Ярославль: ЯрГУ, 2007. – 325 с.
267. Карпов А. В., Савина Н. С. Психическое выгорание в управленческой деятельности. – Ярославль: ЯрГУ, 2009. – 305 с.
268. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 325 с.
269. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология рефлексии. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. – 320 с.
270. Карпов А. В. Методологические основы психологического анализа информационной деятельности. – Москва: РАО, 2021. – 619 с.

271. Карпов А. В., Шадриков В. Д. Интегральная концепция системогенеза деятельности. – Москва: Изд. дом РАО, 2017. – 352 с.
272. Карпов А. В., Шадриков В. Д., Карпова Е. В., Субботина Л. Ю. Системогенез игровой деятельности: методологические и теоретические основы исследования. – Москва: Изд. дом РАО, 2017. – 406 с.
273. Карпов А. В., Яценко Е. Ф. Психология способностей. – Челябинск: ЮГУ, 2007. – 325 с.
274. Карпов В. В. Сигнальное программирование и формирование оптимального темпа работы. Дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль, ЯГПИ, 1964. – 180 с.
275. Карпова Е. В. Изменения субъективного времени в случаях психической патологии (сравнительное исследование адекватности временных интервалов): автореф. дис...канд. психол. наук. – Москва: МГУ, 1987. – 25 с.
276. Карпова Е. В. Дидактические игры в начальный период обучения. – Ярославль: Академия развития, 1997. – 237 с.
277. Карпова Е. В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности. – Ярославль: ЯГПУ, 2007. – 560 с.
278. Карпова Е. В., Роговин М. С. Содержание, динамика и уровневая организация понятий в психологическом анализе субъективного времени // Вопросы психологии. – 1985. – № 3. – С. 98–108.
279. Карсавин Л. П. Философия истории. – СПб: Комплект, 1993. – 350 с.
280. Кассирер Э. Познание и действительность. – Санкт-Петербург: Шиповник, 1912. – 454 с.
281. Катинас Г. С. Моисеева Н. И. Биологические ритмы и их адаптационная динамика // Экологическая физиология человека: адаптация человека к различным климато-географическим условиям. – Л.: Наука, 1980. – С. 468–515.
282. Квасова О. Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации. Дисс... канд. психол. наук. – Москва: МГУ, 2013. – 216 с.
283. Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян // Гештальтпсихология. – Москва: 1998. – 704 с.
284. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Формы общественного сознания. – Москва: Госполитиздат, 1959. – 263 с.
285. Клейн Л.С. Концепции времени в традиционной культуре // Время и календарь в традиционной культуре. – СПб.: Лань, 2000. – С. 3–7.

286. Клеменс Дж. К., Далримпл С. Власть над временем. За пределами тайм-менеджмента. Как стать эффективным руководителем, изменив свое отношение к времени. – Москва: Добрая книга, 2007. – 255 с.

287. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. – Москва: Прогресс, 1978. – 350 с.

288. Климов Е. А. Психология профессионала. – Воронеж: МПСИ, 1996. – 400 с.

289. Климонтова Т. А. Самоорганизация внутреннего мира интеллектуально одаренного человека. – Иркутск, 2012. – 226 с.

290. Ключарев Г. А. Пространство и время в жизни человека. – Москва: Знание. – № 12. – С. 16–29.

291. Ковалев В. И. Категория времени в психологии (личный аспект) // Категории материалистической диалектики в психологии / под ред. Л. И. Анциферовой. – Москва: Наука, 1988. – С. 216–230.

292. Ковалев В. И. Особенности личностной организации времени // Активность и жизненная позиция личности. – Москва, 1988. – С. 110–127.

293. Когнитивная психология / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – Москва: ПЕР СЭ, 2002. – 478 с.

294. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – Москва: Прогресс, 1979. – 504 с.

295. Коломинский Я. Л. Человек: психология. – Москва: Просвещение, 1980. – 511 с.

296. Комбс А. Сознание: хаотическое и странно-аттракторное // Синергетика психология. Вып. 3. Когнитивные процессы. – Москва: Наука, 2004. – С. 48–60.

297. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. – Москва: Политиздат, 1984. – 335 с.

298. Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения. – Москва: Экономика, 1993. – 543 с.

299. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – Москва: Наука, 1980. – 256 с.

300. Конт О. Позитивная философия. – Санкт-Петербург: Вестник знания (В. В. Битнера), 1898. – 589 с.

301. Констандов Э. А., Важнова Т. Н., Генкина О. А., Захарова Н. Н., Иващенко О. И. Латерализация восприятия коротких интервалов времени и корковая вызванная активность у человека // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 1984. – Т. 34, N 4. – С. 627–634.

302. Коробейникова Л. М. Восприятие времени в зависимости от сложности деятельности // Сенсорные и сенсомоторные процессы. – Москва: Педагогика, 1972. – С. 225–236.
303. Косилова Е. В. Философия и психология о сознании // Методология и история психологии. – Москва: Наука, 2009. – Т. 4. – Вып. 1. – С. 25–47.
304. Коффка К. Основы психического развития. – Москва: Соцэкгиз, 1934. – 260 с.
305. Кравков С. В. Самонаблюдение. – М.: Русский книжник, 1922. – 176 с.
306. Крайг Г. Психология развития. – СПб: Питер, 2000. – 992 с.
307. Краткий словарь по философии». Изд. 2-е / под ред. И. В. Блауберга, П. В. Копнина. – Москва: Политиздат. – 398 с.
308. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. – Москва: Смысл, 2022. – 303 с.
309. Кублицкене Л. Ю. Организация времени личностью как показатель ее активности. // Гуманистические проблемы психологической теории. – Москва, 1995. – С. 185–191.
310. Кузнецов О. Н., Алехин А. Н., Самохина Г. В. Моисеева Н. И. Методические подходы к исследованию чувства времени у человека // Вопросы психологии. – 1985. – № 4. – С. 140–144.
311. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – Москва: Политиздат, 1984. – 464 с.
312. Кун Т. Структура научных революций. – Москва: Прогресс. 1975. – 501 с.
313. Кунц Г., О’Доннел С. Управление. Системный и ситуационный анализ управленческих функций. – Москва: Прогресс, 1981. – 302 с.
314. Курпатов А. В. Мышление. Системное исследование. – Москва: Капитал, 2018. – 333 с.
315. Кэррол Ш. Вечность. В поисках окончательной теории времени. – СПб: Питер. 2016. – 512 с.
316. Кюльпе О. Психология мышления // Хрестоматия по общей психологии. – Москва: Просвещение, 1981. – 191 с.
317. Лазурский А. Ф. Очерк науки о характерах. – Москва: Наука, 1995. – 271 с.
318. Ланге Н. Н. Психологический мир. – М.-Воронеж: МОДЭК, 1996. – 368 с.

319. Ландау Л. Д. О фундаментальных проблемах // Theoretical physics in the 20 century: A memorial volume to W. Pauli N.Y.; L.: Interscience (1960). – 111 p.

320. Ларичев О. И., Нарыжный Е. В. Компьютерное обучение процедуральным знаниям // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. № 6. – С. 53–61.

321. Лебедева Е. В. Особенности восприятия времени людьми пожилого и старческого возраста. Дисс. .. канд. психол. наук, УрГУ им. А. М. Горького, 2004.

322. Левич А. П. Время – субстанция или реляция? Отказ от противопоставления // Философские исследования. – 1998. – № 1. – С. 6–23.

323. Левич А. П. Тезисы о времени естественных систем // Экологический прогноз. – Москва, 1980. – 181 с.

324. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Патяевой. – Москва: Смысл, 2001. – 573 с.

325. Левин К. Определение понятия «поле в данный момент» // Хрестоматия по истории психологии / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – Москва, 1980. – С. 131–145.

326. Левченко В. В., Карпов А. В. Психология состязательности: метасистемный подход. – Пермь, ПГУ, 2016. – 602 с.

327. Лейбниц Г. В. Сочинения, в 4-х томах. Серия: Философское наследие. – Москва: Мысль. Т. 3. Теория познания, методология, логика и общая теория науки. 1984. – 734 с.

328. Лекторский В. А. Деятельностный подход вчера и сегодня // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. – Москва: Росспэн. – С. 15–27.

329. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. – Москва: Наука, 1980. – 340 с.

330. Ленъков С. Л. Российская организационная культура: специфика с позиций метасистемного подхода // Журн. практической психологии. – 2007. – № 4. – С. 37–49.

331. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва: Политиздат, 1975. – 334 с.

332. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения в 2 т. – Москва: Педагогика, 1983. Т. 1. – 391 с.

333. Леонтьев Д. А. Психология смысла. – Москва: Смысл, 1999. – 486 с.

334. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 4. – С. 110–135.
335. Лефевр В. А. Рефлексия. – Москва: Когито-Центр, 2003. – 496 с.
336. Лешли К. С. Мозг и интеллект. – Москва: Огиз-Соцэкгиз. 1933. – 222 с.
337. Линдсей Г., Норман Д. Переработка информации у человека. Введение в психологию. – Москва: Мир, 1974. – 550 с.
338. Линьков Е. С. Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга. – Л.: ЛГУ, 1973. – 112 с.
339. Лисенкова В. П. Об особенностях отражения времени человеком // Психологический журнал. – 1981. – № 1, Т. 2. – С. 113–119.
340. Литвинов А. В., Иволина Т. В. Метакогниция: понятие, структура, связь с интеллектуальными и когнитивными способностями (по материалам зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. – № 3. – 2013. – С. 59–68.
341. Лой А. Н. Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство». – Киев: Наукова думка, 1978. – 135 с.
342. Лой А. Н., Шинкарук Е. В. Время как категория социально-исторического бытия // Вопр. филос. – 1979. – № 12. – С. 73–86.
343. Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. – Москва: Наука, 1978. – С. 156–172.
344. Локк Дж. Избранные философские произведения. В 2-х т. Т. 1. – Москва: Соцэкгиз, 1960. – 532 с.
345. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. Москва: Наука, 1984. – 443 с.
346. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. – Москва: Наука, 1980. – 280 с.
347. Луковников Н.Н. Нарастание дифференциации как закономерность развития психических процессов // Психол. журн. – 1985. – Т. 6, № 1. – С. 81–90.
348. Лурья А. Р. Основы нейропсихологии. – Москва: Издательский центр Академия 2013. – 384 с.
349. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2007. – 791 с.
350. Малиновский А. А. Основные понятия и определения теории систем // Системные исследования, 1979. – Москва: Наука, 1980. – С. 78–90.

351. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – Москва: Прогресс, 1992. – 412 с.
352. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 216 с.
353. Мандель Б. Р. Время на перекрестке наук: философия, культурология, психология и нейрофизиология // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2012. – № 2–3. – С. 39–53.
354. Манифест метапознания // Дистанционное интернет-образование. URL: <http://www.elitarium.ru>.
355. Мардер Л. Парадокс часов. – Москва, 1974. – 223 с.
356. Мареева Е. В. Проблема души в классической и неклассической философии. – Москва: Академический проект, 2003. – 400 с.
357. Маркс К. Капитал. – Москва: Политиздат, 1983. Т. 1, 2. – 1952 с.
358. Мартиросян К. В. Структурные и содержательные особенности субъективного психологического хронотопа: на примере русских и армянских студентов: дис. .. канд. психол. наук. – Волгоград, 2021. – 198 с.
359. Маслоу А. Психология бытия. – М.-Киев «Рефл-бук»; Киев: «Ваклер», 1997. – 304 с
360. Матюшкин А. Н. Основные направления исследований по психологии мышления // Психол. журн. – 1985. – Т. 6, № 1. – С. 3–14.
361. Мах Э. Анализ ощущений. – Москва: Территория будущего, 2005. – 300 с.
362. Медведев В. М. Самосознание личности. – Самара: Самар. акад. культуры и искусств, 2001. – 258 с.
363. Меджидова С. М. Психологические типы. Типология. – Баку, 2001. – 201 с.
364. Мелехин А. И. Восприятие и познание времени в пожилом и старческом возрасте: Обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. – 2015. – Т. 4, № 2. – С. 11–19.
365. Межжерин В. А. Биологическое время и его метрика // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем / под ред. Н. И. Моисеевой. – Л.: Изд-во АН СССР, 1980. – С. 20–24.
366. Ментальная репрезентация. – Москва: ИП РАН, 1998. – 320 с.
367. Мерлин, В. С. Структура личности: характер, способности, самосознание. – Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 1990. – 110 с.
368. Мерринг Г. А. О различных формах отражения времени мозгом // Вопросы философии. – 1975. – № 7. – С. 119–124.

369. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. – Москва: Мир, 1973. – 334 с.
370. Мескон М., Альберт М., Хедури Ф. Основы менеджмента. – Москва: Дело, 1992. – 620 с.
371. Метапсихология вчера, сегодня, завтра. – Ростов-на-Дону: Ин-т управления, бизнеса и права, 2005. – 311 с.
372. Метафизика. Научный журнал. 2013, № 1 (7).
373. Метцингер Т. Тоннель Эго. Наука о мозге и миф о своем Я. – АСТ, 2017. – 237 с.
374. Микеладзе Л. И. Восприятие времени при аффективных расстройствах в позднем возрасте: дисс. ... канд. психол. наук. – Москва, 2016. – 195 с.
375. Миллер Дж., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. – Москва: Прогресс, 1965. – 192 с.
376. Минделл А. Сновидение в бодрствовании. – Москва: Ганга, 2004. – 287 с.
377. Миракян А. И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 1. – Москва: Институт психологии РАН, 1999. – 208 с.
378. Михальский А. В. Психология времени (хронопсихология): Учебное пособие. – Москва: МПГУ, 2016. – 72 с.
379. Михальский А. В. Психология конструирования будущего. Москва, 2014. – 290 с.
380. Млодинов Л. (Нео)сознанное. Как бессознательный ум управляет нашим поведением. – Москва: Livebook, 2012. – 360 с.
381. Моисеева Н. И. Время в нас и вне нас. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 140 с.
382. Моисеева Н. И., Сысуев В. М. Временная среда и биологические ритмы. – Л., 1981. – 127 с.
383. Моллон Ф. Бессознательное. – Москва: Проспект, 2002. – 78 с.
384. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. – Москва: Высшая школа, 1998. – 144 с.
385. Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. – Москва: Наука, 1977. – 192 с.
386. Монтень М. Опыты. – Москва: Искусство, 1978. – 703 с.
387. Москвин В. А. Философско-психологические аспекты исследования категории времени / В. А. Москвин, В. В. Попович // Credo. – 1998. – № 6 (12). – С. 46–60.
388. Мостепатенко А. М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. – Москва, 1974. – 240 с.

389. Мостепаненко А. М. Хроногеометрия и причинная теория времени // Вопросы философии. – 1969. – № 9. – С. 56–66.
390. Муздыбаев К. Психология ответственности. URSS. 2017. – 248 с.
391. Муладжанова Т. Н., Николаева В. В. Изменение временной ориентации личности в ситуации хронического стресса, вызванного тяжелым заболеванием // Неврология и психиатрия. – 1986. – Вып. 15. – С. 14–17.
392. Мышление: процесс, деятельность, общение / отв. ред. А. В. Брушлинский. – Москва: Наука, 1982. – 286 с.
393. Мэгун Р. Бодрствующий мозг. – Москва: Мир, 1965 – 212 с.
394. Нагуманова С. Ф. Материализм и сознание. – Казань: Казанский ун-т, 2011. – 221 с.
395. Найссер У. Познание и реальность. – Москва: Прогресс, 1981. – 230 с.
396. Налимов В. В. Спонтанность сознания. – Москва: Изд-во «Прометей» МГПИ им. Ленина, 1989. – 288 с.
397. Наумова Н. Ф. Время человека // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 159–176.
398. Наумова Н. Ф. Психологические механизмы свободного выбора // Системные исследования, 1983. – Москва: Наука, 1984. – С. 197–221.
399. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. – Москва: Наука, 1970. – 601 с.
400. Нельсон А. Игра как опосредованное действие. Гендерный аспект // Психологическая наука и образование. – 2011. – № 2. – С. 93–101.
401. Нестик Т. А. Социальная психология времени. – Москва: Издательство ИП РАН, 2014. – 496 с.
402. Никифоров Г. С. Самоконтроль человека. – Л.: ЛГУ, 1988. – 157 с.
403. Николаев В. И. Взлеты и падения метапсихологии // Метапсихология вчера, сегодня, завтра. – Ростов-на-Дону: Ин-т управления, бизнеса и права. – 2005. – С. 51–54.
404. Николаева Е. И. Дефолтная сеть (сеть пассивного режима работы мозга). Обзор иностранных источников Комплексные исследования детства. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 80–84.
405. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – Москва: Мир книги, 2006. – 320 с.
406. Новейший философский словарь, 3-е изд. – Минск: Книжный Дом. 2003. – 1280 с.

407. Новиков Ю. Ю. Время в философии А. Бергсона // *Метафизика*. – 2013. – № 1 (7). – С. 21–28.
408. Нуркова В. В. Автобиографическая память как проблема психологического исследования // *Психологический журнал*. – 1996. – № 2, Т. 17. – № 2. – С. 16–29.
409. Нюттен Ж. Мотивация // *Экспериментальная психология* / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. – Москва: Прогресс, 1975. Вып. 5. – С. 13–110.
410. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. – Москва: Смысл, 2004. – 607 с.
411. Обухова Л. Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. – Москва: Тривола, 1998. – 357 с.
412. Оккам У. Семь избранных диспутов. // *Антология средневековой мысли* : в 2 т. Т. 2. – Москва: Изд-во РХГИ, СПб, 2001. – 530 с.
413. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды. – Москва: Смысл, 2002. – 461 с.
414. Орлов А. Б. Развитие склонности и «временная перспектива» личности // *Основные проблемы общей, возрастной и педагогической психологии*. – Москва, 1978, – С. 6–9.
415. Основные направления исследований психологии мышления в капиталистических странах. – Москва: Наука, 1966. – 299 с.
416. Основы сенсорной физиологии / под ред. Р. Шмидта. – Москва: МирГод, 1987. – 287 с.
417. Осуги С., Сазки Ю. Приобретение знаний. – Москва: Мир, 1990. – 303 с.
418. Ошанин Д. А. Концепция оперативности отражения в инженерной и общей психологии // *Инженерная психология: теория, методология, практика*. – Москва: Наука, 1977. – С. 134–149.
419. Павлов И. П. Полное собрание трудов. – Москва, Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 3. Кн. 1. – 392 с.
420. Парамузов А. В. Взаимосвязь восприятия психологического времени и управленческой идентичности руководителя. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Москва: МГУ, 2021. – 36 с.
421. Парнюк М. А., Причепий Е. Н., Огородник И. В. Пространство и время: Материалистическая диалектика. – Киев: Наукова думка, 1984. – 153 с.
422. Пацакула И. И., Зайчикова И. В., Гудовская О. С. Психологический анализ представления о субъективном времени личности // *Современные проблемы науки и образования*. – 2015. – № 2–2.

423. Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. – Москва-Ижевск: Институт компьютерных технологий, 2005. – 688 с.
424. Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. – Москва: Едиториал УРСС, 2008. – 384 с.
425. Пенроуз Р., Хокинг С. Природа пространства и времени. – АСТ, 2018. – 159 с.
426. Перре-Клемон А. Н. Роль социальных взаимодействий в развитии интеллекта детей. – Москва: Педагогика, 1991. – 240 с.
427. Петренко В. Ф. Многомерное сознание. Психосемантическая парадигма. – Москва: Новый хронограф, 2010. – 424 с.
428. Петровский В. А. Человек над ситуацией. – Москва: ВШЭ, 2010. – 560 с.
429. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – Москва: Просвещение, 1969. – 660 с.
430. Пинкер С. Субстанция мышления. – Москва: УРСС Книжный дом «Либроком», 2016. – 559 с.
431. Платон. Тимей. – Москва: Русские времена, 2013. – 154 с.
432. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. Избр. филос. произведения. – Москва, 1956. Т. 2. – 366 с.
433. Подольный Р. Г. Освоение времени. – Москва: Наука, 1989. – 306 с.
434. Познавательные процессы. – Москва: Педагогика, 1982. – 328 с.
435. Полани М. Личностное знание. – Москва: Прогресс, 1985. – 344 с.
436. Политов А.В. Онтологический смысл понятия хронотопа в философских идеях А. Ухтомского и М. Бахтина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2014. Т. 14. – Вып. 4. – С. 50–62.
437. Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. – Москва: Наука, 1983. – 205 с.
438. Пономарев М. Ф. Экспериментальное исследование некоторых двигательных реакций в связи с восприятием времени // Вопросы психологии. – 1970. – № 3. – С. 79–87.
439. Попова И. М. Проблемы современной русской литературы. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. – 150 с.
440. Поппер К. Знание и психофизическая проблема. – Москва: Наука, 2008. – 256 с.
441. Портнова Г. В., Балашова Е. Ю., Варганов А. В. Феномен «когнитивного захватывания» при оценивании временных интервалов // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27, № 1. – С. 67–80

442. Прибрам К. Языки мозга. – Москва: Прогресс, 1975. – 428 с.
443. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. – № 8. – 1989. – С. 3–19.
444. Пригожин И. Порядок из хаоса. – Москва: Наука, 1985. – 340 с.
445. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: к решению парадокса времени. – Москва: Прогресс, 1994. – 527 с.
446. Принцип системности в психологических исследованиях // под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной. – Москва: Наука, 1988. – 231 с.
447. Прист С. Теории сознания. – Москва: Идея-пресс, 2000. – 287 с.
448. Проблема пространства и времени в современном естествознании / под ред. М. Варина, А. Ефимова. – Л.: ЛВВМИУ, 1991. – 446 с.
449. Проблема сознания в современной западной философии. – Москва: Наука, 1989. – 256 с.
450. Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 586 с.
451. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. – Москва: ИП РАН, 1998. – 149 с.
452. Психодиагностика: теория и практика. – Москва: Прогресс, 1986. – 207 с.
453. Психологический анализ трудовой деятельности / под ред. А. В. Карпова. – Ярославль: ЯрГУ, 1987. – 183 с.
454. Психологические основы профессиональной деятельности. Хрестоматия. – Москва: Per Se, 2007. – 854 с.
455. Психология личности и время. – Черновцы, 1991. – 156 с.
456. Психология сознания. Матер. Всерос. конф. – Самара: Издательство НТЦ, 2007. – 647 с.
457. Психология сознания. Хрестоматия. – СПб: Питер, 2001. – 372 с.
458. Психология труда. Учебник для вузов / под ред. А. В. Карпова. – Москва: Владос, 2004. – 349 с.
459. Пьерон А. Потребности // Экспериментальная психология / ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. – Москва, 1970. Вып. 3. – 195 с.
460. Райков В. Л. Объединенная теория сознания // Психология и ее приложения. Ежегодник РПО. Т. 9. – Москва: МГУ, 2002. – С. 67–89.

461. Райл Г. Понятие сознания. – Москва: Идея-пресс, 2000. – 406 с.
462. Рамачандран В. С. Рождение разума. Загадки нашего сознания. – Москва: ЗАО «Олимп-бизнес», 2006. – 224 с.
463. Рао К. Сознание // Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, Т. Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.
464. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. – Москва: Республика, 2000. – 463 с.
465. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. – СПб.: Питер, 2007. – 688 с.
466. Реан А. А. Психология и педагогика. – СПб.: Питер, 2003. – 432 с.
467. Ревонсуо А. Психология сознания. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.
468. Регуш Л. А. Структура и возрастная динамика способности к прогнозированию // Психол. журн. – 1981. – Т. 3, № 5. – С. 31–40.
469. Рейхенбах Г. Направление времени. – Москва, 1962. – 189 с.
470. Рихтерман Т. Д. Формирование представлений о времени у детей. – 45 с.
471. Росек К. Психологические особенности личностной ориентации во времени у пожилых людей // Новые исследования в психологии. – Москва, 1990. – № 2. – С. 4–7.
472. Роговин М. С. Введение в психологию. – Москва: Высш. школа, 1969. – 381 с.
473. Роговин М. С. Проблемы теории памяти. – Москва: Высш. школа, 1977. – 183 с.
474. Роговин М. С. Современная когнитивная психология и проблема мышления // Мышление: процесс, деятельность, ощущение / под ред. А. В. Брушлинского. – Москва: Наука, 1982. – С. 213–273.
475. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977. – 79 с.
476. Розенова М. И. Психосемантические аспекты отношения ко времени. Автореф. дис ... канд. псих. наук. Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 1998. – 16 с.
477. Розин В. М. Рефлексия в структуре сознания личности // Проблемы рефлексии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 222–228.
478. Росс А., Нисбетт Р. Человек и ситуация. – Москва: Аспект Пресс, 1999. – 430 с.
479. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. – СПб, 2003. – 508 с.

480. Рубинштейн С. Л. Использование времени (фактическое и желательное) как показатель направленности личности / Экспериментальные исследования в патопсихологии. – Москва: НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1976. – С. 245–253.
481. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – Москва: Учпедгиз, 1946. – 704 с.
482. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. – Москва: Издательство АН СССР, 1959. – 242 с.
483. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – Москва: Педагогика, 1973. – 424 с.
484. Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. – Москва: Педагогика, 1973. – С. 255–382.
485. Садовский В. Н. Основы общей теории систем: логико-методологический анализ. – Москва: Наука, 1974. – 203 с.
486. Садовский В. Н., Блауберг И. В., Юдин Б. Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопр. философ. – 1978. – № 8. – С. 39–52.
487. Саймон Г. Наука об искусственном. – Москва: Мир, 1973. – 172 с.
488. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. – Москва: Республика, 2000. – 638 с.
489. Сартр Ж.-П. Тошнота: избранные произведения. – Москва: Республика, 1994. – 494 с.
490. Свешникова С. Л. Временная перспектива как фактор социально-психологической адаптации подростков. Автореф. дис. .. канд. психол. наук. – Ярославль, Яргу, 2016. – 19 с.
491. Свидерский В. И., Кармин А. С. Конечное и бесконечное. – Москва: Наука, 1966. – 320 с.
492. Сеньгибская Е. А. Понятие восприятия времени в психологии // Молодой ученый. – 2020. – № 11 (301). – С. 264–267.
493. Сергиенко Е. А. Антиципация в раннем онтогенезе человека. – Москва: Наука, 1992. – 305 с.
494. Сергиенко Е. А. Раннее когнитивное развитие. – Москва: Изд-во «Институт психологи РАН», 2006. – 462 с.
495. Серегин В. Я. Сознание как система внутреннего видения // Журн. высш. нерв. деят. – 1944. – № 4–5. – С. 627.
496. Серенкова В. Ф. Исследование проблем психологии времени // Методологические и теоретические проблемы современной психологии. – Москва, 1988. – С. 89–99.

497. Серенкова В. Ф. Типологические особенности планирования личного времени // Гуманистические проблемы психологической теории. – Москва, 1995. – С. 192–204.
498. Серл Дж. Открывая сознание заново. – Москва: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
499. Серов Н. К. Время и мы. – Л., 1980. – 128 с.
500. Серов Н. К. Личность и время. – Л., 1989. – 256 с.
501. Сеченов И. М. Избранные произведения. – Москва: АН СССР, 1952. – Т. 1. – 771 с.
502. Симуткин Г. Г. Искажение индивидуального времени как проявление десинхроноза при сезонных аффективных расстройствах // Социальная и клиническая психиатрия. – 2000. – Т. 10. – № 3. – С. 16–20.
503. Синергетическая парадигма: Нелинейное мышление в науке и искусстве. – Москва: Прогресс-Традиция, 2002. – 496 с.
504. Системная организация и детерминация психики / под ред. В. А. Барабанщикова. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 446 с.
505. Системогенез / под ред. К. В. Судакова. – Москва: Наука, 1978. – 404 с.
506. Скворцов К. А. О расстройствах восприятия времени у душевнобольных. – 1935. – Т. 4, № 3. – С. 17–34
507. Скиннер Б. Ф. По ту сторону свободы и достоинства. – Москва: Оперант, 2015. – 192 с.
508. Слободчиков В. И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии. – 1996. – № 4. – С. 21–30.
509. Слободчиков В. И. Становление рефлексивного сознания в раннем онтогенезе // Проблемы рефлексии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 60–68.
510. Смолин Л. Возвращение времени: от античной космогонии к космологии будущего. – Москва: Астрель, 2014. – 377 с.
511. Совместная деятельность. – Москва: Наука, 1988. – 228 с.
512. Современная психология / под ред. В. Н. Дружинина. – Москва: ИНФРА-М, 1999. – 686 с.
513. Солодкова А. В. Исследования восприятия времени в современной психологии // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 77–85.
514. Солсо Р. Когнитивная психология. – СПб: Питер, 2006. – 586 с.

515. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1977. – 695 с.
516. Спенсер Г. Система синтетической философии. – Москва: Ника-центр, 1997. – 510 с.
517. Спиноза Б. Сочинения. В 2-х томах. Т. 1. Изд. 2-е. – СПб.: Наука, 1999. – 489 с.
518. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. – Москва: Политиздат, 1972. – 303 с.
519. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнелассическая рациональность // Вопр. философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.
520. Степин В. С. Теоретическое знание. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
521. Столяренко Л. Д. Восприятие пространства и времени // Столяренко Л. Д. Основы психологии. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2001. – С. 143–157.
522. Стрелков Ю. К. Временные структуры профессионального опыта. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2004. – С. 97–113.
523. Стрелков Ю. К. Операционально-смысловые структуры профессионального опыта / Ю. К. Стрелков // Вест. МГУ. – Сер. 14. Психология. – 1990. – № 3. – С. 85–91.
524. Стрелков Ю. К. Темпоральность трудовой деятельности // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 1(5). – С. 62–65.
525. Столин В. В. Самосознание личности. – Москва: МГУ, 1983. – 286 с.
526. Субботина Л. Ю. Психологическая защита и стресс. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2013. – 104 с.
527. Субботский Е. В. Строящееся сознание. – Москва: Смысл, 2007. – 423 с.
528. Судаков К. В. Общая теория функциональных систем. – Москва: Медицина, 1984. – 325 с.
529. Супрун А. П., Янова Н. Г., Носов К. А. Метапсихология. Релятивистская психология. Квантовая психология. – Москва: URSS: Ленанд, 2007. – 512 с.
530. Суходольский Г. В. Основы психологической теории деятельности. – Москва: ЛКИ, 2008. – 168 с.
531. Сысоева О. В. Две мозговые подсистемы кодирования длительности // Психологический журнал. – Т. 26, № 2. – С. 107–116.
532. Сэв Л. Марксизм и теория личности. – Москва, 1972. – 580 с.

533. Тамар Р. Г. Основы сенсорной физиологии. – Москва: Мир, 1976. – 520 с.
534. Тверски А., Канеман Д. Принятие решений в неопределенности. Харьков: Издательство «Гуманитарный Центр», 2005. – 632 с.
535. Тезисы докладов Международной конференции 100-летию со дня рождения Д. Г. Элькина. Одесса, 1995. – 227 с.
536. Тейлор С. Покорение времени. Как время воздействует на нас, а мы на время. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2010. – 255 с.
537. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – Москва: Прогресс, 1965. – 282 с.
538. Теория познания, методология, логика и общая теория науки. – 1984. – 734 с.
539. Теория систем с переменной структурой. – Москва: Наука, 1970. – 290 с.
540. Теплов Б. М. Психология индивидуальных различий. – Москва: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 452 с.
541. Титченер Э. Учебник психологии. – Москва: Мир, 1914. – 250 с.
542. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. – Москва: МГУ, 1969. – 400 с.
543. Тода М., Шуфорд Э. Логика систем: введение в формальную теорию структуры // Иерархия и моделирование систем. – Москва: Концепт, 1989. – С. 322–384.
544. Тойбер А. набросок истории сознания. – Москва: РИА «Метафора», 1994. – 59 с.
545. Тойнби А. Роль личности в истории. – Москва: Астрель, 2012. – 222 с.
546. Толстых А. В. Возрасты жизни. – Москва, 1986. – 226 с.
547. Толстых Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез. – Смоленск-М.: Универсум, 2010. – 312 с.
548. Трошкин А. В. Субъективное восприятие временных интервалов и психофизиологическое состояние человека-оператора // Проблемы бионики. – Харьков, 1985. № 35, с. 96-101.
549. Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. АН СССР, Ин-т философии. – Москва: Наука, 1987. – 255 с.
550. Турчин В. Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. – Москва: ЭТС, 2000. – 368 с.
551. Уилер Дж. Гравитация, нейтрино, Вселенная. – Москва: Иностранная литература, 1962. – 200 с.

552. Уинфри А. Т. Время по биологическим часам. – Москва: Мир, 1990. Пенроуз Р., Хокинг С. Природа пространства и времени. АСТ, 2018. – 208 с.
553. Уитроу Дж. Естественная философия времени. – Москва: Прогресс, 1964. – 302 с.
554. Улыбина Е. В. Психология обыденного сознания. – Москва: Смысл, 2008. – 263 с.
555. Уманский Л. И., Лутошкин А. Н. Студенческая группа и групповая психология // Студенческая группа. – Москва: Молодая гвардия, 1975. – 205 с.
556. Ухтомский А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
557. Ушаков Д. В. Интеллект: структурно-динамическая теория. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 264 с.
558. Фаизова Р. Г. Психофизиологический анализ жизненных ритмов иерархической индивидуальности: автореферат дис. ... канд. псих. наук. Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 1999. – 24 с.
559. Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем // Сб-к научных трудов под ред. Н. И. Моисеевой. – Л., 1980. – 164 с.
560. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – Москва: Прогресс, 1986. – 543 с.
561. Филимоненко Т. Ю. Феномен психологического возраста. Теоретические и прикладные вопросы психологии. Вып. 3, часть 1. – СПб., 1997. – С. 153–160.
562. Философский словарь / под ред. В. Фролова. – Москва: Мысль, 1987. – 588 с.
563. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. – Москва: Изд-во Политической литературы, 1963. – 544 с.
564. Фихте И. Г. Избранные произведения. – Москва: Путь, 1916. – 523 с.
565. Фихте И. Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. – Москва СТ; Минск: Харвест, 2000. – 873 с.
566. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – Москва: Прогресс, 1993. – 324 с.
567. Фодор Дж., Пылишин З. Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // Язык и интеллект. – Москва: Прогресс, 1996. – С. 230–313.

568. Фомичев Н. Н. Современные социологические теории социального времени. – Москва: ИНИОН, 1993. – 46 с.
569. Франк С. Л. Реальность и человек. – Москва: Республика, 1997. – 478 с.
570. Фрейд З. Психология бессознательного. – Москва: Просвещение, 1989. – 448 с.
571. Фресс П. Восприятие и оценка времени // П. Фресс, Ж. Пиаже. Экспериментальная психология. – Москва: Прогресс, 1978. – Вып. 6. – С. 88–130.
572. Фресс П. Приспособление человека ко времени // Вопросы психологии. – 1961. – № 1. – С. 43–45.
573. Фромм Э. Душа человека. – Москва: АСТ Транзиткнига, 2004. – 572 с.
574. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – Москва: Республика, 1993. – 447 с.
575. Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. – Москва: Per Se, 2001. – 353 с.
576. Хакен Г. Синергетика. – Москва: Мир, 1980. – 380 с.
577. Халецкий А. Н. Уровни психологической деятельности. – Москва: Медгиз, 1970. – 202 с.
578. Халин С. М. Познание и метапознание (проблемы типологического единства). – Тюмень: ТГУ, 1998. – 244 с.
579. Хант Г. О природе сознания. – Москва: Издательство «АСТ», 2004. – 255 с.
580. Хант Г. Самый фундаментальный или самый ошибочный из эмпирических вопросов: что такое сознание? // Методология и история психологии. – Т. 4. – Вып. 1, 2009. С. 61–87.
581. Хасанов И. А. Время как объективно-субъективный феномен: Словарь. – Москва: Прогресс-Традиция. 2001. – 328 с.
582. Хасанов И. А. Время: природа, равномерность, измерение. – Москва: Прогресс-Традиция, 2001. – 303 с.
583. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – Москва: Просвещение, 1986. Т. 1. – 403 с.
584. Ходанович М. Ю. Психофизиологические механизмы и индивидуальные особенности восприятия человеком коротких интервалов времени. Дисс. ... докт. биол. наук. – Томск: Томск. гос. ун-т, 2010. – 330 с.
585. Хокинг С. Краткая история времени. – АСТ, 2019. – 320 с.

586. Холл К., Линдсей Г. Теории личности. – Москва: КСП+, 1997. – 719 с.
587. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – Москва: «Барс», 1997. – 391 с.
588. Хомик В. С. Деформация субъективной картины жизненного пути при ранней алкоголизации. Дис. .. канд. психол. наук. – Москва, 1985. – 240 с.
589. Хофштадтер Д. Д. Глаз разума. – Самара: Издательский дом Бахрах-М, 2003. – 432 с.
590. Худ Б. Иллюзия «Я», или Игры, в которые играет с нами мозг. – Москва: Эксмо, 2015. – 374 с.
591. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 1997. – 606 с.
592. Хьюбел Д. Глаз, мозг, зрение. – Москва: Мир, 1990. – 380 с.
593. Хэммонд К. Искаженное время: особенности восприятия времени. – Москва: Livebook, 2013. – 366 с.
594. Цертелев Д. Н. Философия Шопенгауэра: Теория познания и метафизика. – Москва: КД Либроком, 2014. – 288 с.
595. Цуканов Б. И. Время в психике человека. – Одесса: Астро-Принт, 2000. – 218 с.
596. Цуканов Б. И. Качество «внутренних часов» и проблема интеллекта // Психологический журнал. – 1991. – Т. 12, № 3. – С. 38–44.
597. Челпанов Е. И. О природе времени. – Москва, 1893. – Год IV, кн. 19 (4). – С. 36–54.
598. Черниговский В. Н. Интерорецепция. – Москва: Медгиз, 1960. – 659 с.
599. Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. – СПб.: Наука, 2001. – С. 16–162.
600. Чернокова Т. Е. Проблема классификации метакогнитивных чувств. Гуманитарный институт филиала САФУ им. М. В. Ломоносова. – Северодвинск. – С. 70–74.
601. Чуприкова Н. И., Митина Л. М. Теоретические, методические и прикладные проблемы восприятия времени // Вопросы психологии. – 1979. – № 3. – С. 16–23.
602. Шабров О. Ф. Развитие сложных систем: кибернетика или синергетика? // Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика. – Москва: Интеллект, 1997. – С. 26–28.
603. Шадриков В. Д. Ментальное развитие человека. – Москва: Аспект Пресс, 2007. – 288 с.

604. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека. – Москва: Логос, 2006. – 402 с.
605. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 419 с.
606. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. – Москва: Наука, 1982. – 183 с.
607. Шадриков В. Д. Способности и деятельность. – Москва: Логос, 1995. – 405 с.
608. Шаев Ю. М. Проблема времени в киберпространстве // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 4. – С. 364–367.
609. Шакуров Р. Х. Эмоция. Личность. Деятельность (механизмы психодинамики). – Казань: Центр инновационных технологий, 2001. – 300 с.
610. Шаров А. С. Психология ограниченного субъекта. – Томск: ТГУ, 2000. – 380 с.
611. Швырков В. Б. Введение в объективную психологию. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 590 с.
612. Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 томах. – Москва: Искусство, 1957. Т. 1. – 615 с.
613. Шибутани Т. Социальная психология. – Москва: Прогресс, 1969. – 535 с.
614. Шильштейн Е. С. Уровневая организация системы «Я» // Вестник МГУ. – Сер. 14, Психология. – 1999. – № 2. – С. 34–45.
615. Шиффман Х. Р. Восприятие времени // Шиффман Х. Р. Ощущение и восприятие. – СПб.: Питер. 2003. – С. 772–789.
616. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – Москва: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1888 – 504 с.
617. Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. – Москва: Апрель-Пресс, Психотерапия, 2008. – 192 с.
618. Шпенглер О. Закат Европы. – Москва: Наука, 1993. – 592 с.
619. Шрейдер Ю. А. Информация и метаинформация // НТИ. Серия 2. – 1974. – № 4.
620. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. – Москва: Дело, 1995. – 560 с.
621. Эдельмен Д., Маунткэсл В. Разумный мозг. – Москва: Мир, 1981. – 135 с.
622. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. – Москва: Наука, 1978. – 599 с.

623. Элькин Д. Г. Восприятие времени. – Москва, 1962. – 311 с.
624. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. – Москва: Педагогика, 1989. – 555 с.
625. Эльконин Б. Д. Опосредствование. Действие. Развитие. – Ижевск: ERGO, 2010. – 279 с.
626. Экспериментальная психология / под ред. С. С. Стивенса. – Москва: Иностранная литература, 1961. Т. 1. – 720 с.
627. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – Москва: Прогресс, 1996. – 344 с.
628. Эфендиев Н. М. Проблема времени в философии С. Кьеркегора // Вопросы философии. – 1985. – № 5. – С. 152–164.
629. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. – Москва: Иностранная литература, 1959. – 429 с.
630. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. – Москва: Наука, 1978. – 246 с.
631. Юм Д. Сочинения: в 2 т. – Москва: Мысль, 1965. Т. 1. – 847 с.
632. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании. – Москва: Канон, 1995. – 43 с.
633. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное: сборник. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 544 с.
634. Юревич А. В. Психология и методология. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 312 с.
635. Ягодинский В. Н. Ритм, ритм, ритм. Этюды хронобиологии. – Москва, 1985. – 192 с.
636. Яничев П. И. Психология отражения и переживания времени: актуальные проблемы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 9, № 42. – С. 7–20.
637. Ярошевский М. Г. История психологии. – Москва, 1976. – 463 с.
638. Ясперс К. Общая психопатология. – Москва: Практика, 1993. – 1053 с.
639. Alexander J. M. Carr M. Schwanenflugel P. J. Development of metacognition in gifted children // Directions for future research. Developmental Review, 1995. – P. 22–29.
640. Allport G. W. Pattern and growth in personality / N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1961. – 593 p.
641. Anderson J. R. Cognitive psychology and its implications (2nd ed.). – N. Y.: W.H. Freeman, 1985. – 521 p.

642. Anglin J. M. The growth of word meaning. – Cambridge: MIT Press, 1970. – 340 p.
643. Atkinson J. W., Raynor J. O. Motivation and achievement. – Washington, 1974. – 480 p.
644. Baars B. J. A Cognitive Theory of Consciousness. – Cambridge: CUP, 1988. – 520 p.
645. Back M. D. et al. Facebook profiles reflect actual personality, not self-idealization // *Psychological Science*. – 2010. – Vol. 21. – P. 372–374.
646. Barnard Ch. The Function of the Executive. – Cambridge: CUP, 1938. – 620 p.
647. Barrett W. The Flow of Time // *The Philosophy of Time*. Ed. by R.M. Gale. L., 1968. – 204 p.
648. Bayne T. Co-consciousness // *The Journal of Consciousness. Psychologist*. – Vol. 14, № 10. – P. 522–525.
649. Becker G. A. Theory of the Allocation of Time // *Economic Journal*. – 1965. – Vol. 75 (299). – P. 493–517.
650. Bertalanfy L. von. The Theory of Open Systems in Physics and Biology // *Science* 13 January. –1950. – V. 111. – P. 23–29.
651. Bertalanfy L. von General system theory. *Gen. Syst.* – 1956. – V. 1. – P. 90–97.
652. Block R. A. Hancoc P. A. The Psychology of Time: A View Backward and Forward // *American Journal of Psychology*. – 2012. – № 125 (3). – P. 267–274.
653. Block R. A. Models of psychological time / Block R. A. Psychology Press: 1990. – 283 p.
654. Block R. A. (Ed.) Cognitive Models of Psychological Time. – N. Y.: Psychology Press, 1990. – 304 p.
655. Block R. Zakay D. Models of psychological time revisited Time and mind // *Time and mind*. – 1996. – № 33. – P. 171–195.
656. Bluedorn A. C. The human organization of time: Temporal realities and experience. – Redwood city, CA: Stanford University Press, 2002. – 22 p.
657. Bogdan R. J. (ed.). *Minding Mind*. – London: MIT Press, 2000. – 215 p.
658. Boring E. G. *History of Experimental Psychology*. – N. Y.: Appleton, 1950. – 777 p.
659. Borkowski J., Carr M., Pressely M. «Spontaneous» strategy use: Perspectives from metacognitive theory // *Intelligence*. – 1987. – V. 11. – P. 61–75.

660. Boyd J. N. Time Perspective, Health, and Risk Taking / J. N. Boyd, P. G. Zimbardo // *Understanding Behavior in the Context of Time: Theory, Research, and Application*. – 2005. – P. 85–107.

661. Briñol P., Petty R. E., Rucker D. D. The role of metacognitive processes in emotional intelligence // *University Autonoma of Madrid, Ohio State University and Northwester*. – 1987. – P. 26–33.

662. Brown S. The effects of prospective versus retrospective paradigm and taste demands on perceived duration // *Perc. and Psychol.* – 1985. – V. 38 (2): 115–24. doi: 10.3758/bf03198848.

663. Bühler C. *Selbstdarstellung // Ludwig Pongratz u. a. (Hrsg.): Psychologie in Selbstdarstellungen. Band 1. Huber, Bern 1972. – 550 p.*

664. Campbell S. S. Circadian rhythms and human temporal experience // R. A. Block (Ed.) *Cognitive models of psychological time*. – 1990. – P. 101–118.

665. Campione J. C., Brown A. L. Toward a theory of intelligence: Contributions from research with retarded children // R. J. Sternberg, L. K. Detterman (Eds.) *Human intelligence: Perspectives theory and measurement*. – Norwood, N. Y.: Ablex, 1979. – P. 90–210.

666. Carlson R. A. Starting with consionness // *Amer. Journ. of Psychol.* – 1992, 105. – P. 598–604.

667. Carver C. S., Sheier M. F. *Attention and self-regulation a control approach to human behavior*. Springfield, 1981. – 224 p.

668. Catrambon R., Hobjoak K. Learning subgoals and methods for solving probability problems // *Met. and Cognit.* – 1990, 18. – № 6. – P. 593–603.

669. Cavanaugh J. C., Perlmutter M. Metamemory: A critical examination // *Child Development*. – 1982. – N 53. – P. 11–28.

670. Cleugh M. F. *Time*. – London, 1937. – 119 p.

671. Chalmers D. J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford and New York: Oxford: Oxford University Press. 1996. – 328 p.

672. Churchland P. M. *Matter and Consciousness*. – Cambridge, MA: Bradford/MIT Press. 1984. – 431 p.

673. Cohen J. Psychological time // *Scientific American*. – 1964. – Vol. 211 (5). – P. 116–124.

674. Cottle T. J. *Perceiving time: a psychological study with men and women*. N. Y.: Willey, 1976. – 267 p

675. Cottle T. J. *The present of things future: Explorations of time in human experience // Cottle T. J. Klineberg S. L. – N. Y.: The Free Press, 1974. – 290 p.*

676. Cozby P. Self-Disclosure: A Literature Review // Psychol. Bull. 1973. – V. 79(2). – P. 73–91.
677. Crick F., Koch C., Kreiman G., Freid I. Consciousness and Neurosurgery. – Neurosurgery, 2004. – Vol. 55, № 2. – P. 273–282.
678. Davidson E., Deuser D., Sternberg R. The role of metacognition in problem solving // Metcalfe & Shimamura (eds) Metacognition. – Cambridge: MIT press, 1994. – P. 207–226.
679. Davies M., Humphreys G. (eds.) Consciousness. – Oxford: Blackwell. 1993. – 719 p.
680. Deci E. L. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. – N. Y. 2001. – 221 p.
681. DeLong A. J. Phenomenological space-time: toward an experiential relativity // Science. – 1981. – № 213(4508). – P. 681–683.
682. Denis M. Image et cognition. – Paris, 1989. – 284 p.
683. Dennet D. Consciousness explained. – Boston, N. Y., Toronto, L., 1991. – 241 p.
684. Dennett D., Kinsbourn M. Time and the observer: The where and when of consciousness in the brain Behavioral and Brain Sciences. – 1992, 15 (2). – P. 183–201.
685. Dienes Z., Perner, J. A theory of implicit and explicit knowledge // Behavioral and Brain Studies. – 1999. – Vol. 22. – N 5. – P. 735–808.
686. Dixon R. A. Structure and development of metamemory in adulthood // Journ. of Gerontology. – 1983. – № 38. – P. 682–688.
687. Donaldson M. Children's Minds. – N. Y.: Wiley 1988. – 162 p.
688. Doob L.W. Patterning of time. – New haven, London: Yale univ. press, 1971. – 427 p.
689. Dörner D. Problemlösen also Informationsverarbeitung. – Stuttgart, 1977. – 387 p.
690. Dörner D. Self-reflection and problem-solving // Human and artificial intelligence. – Berlin, 1978. – P. 101–107.
691. Droit-Volet S., Wearden J. H., a Zelanti P. S. Cognitive abilities required in time judgment depending on the temporal tasks used: A comparison of children and adults // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 2015. – № 68 (11). – P. 2216–2242.
692. Elton L. Time and man / L. Elton, H. Messel. – Oxford: Pergamon press, 1978. – 114 p.
693. Evans C. O. The Subject of Consciousness. – London: George Allen & Unwind Ltd., 1989. – 234 p.
694. Ey H. La conscience. Deshler de brewer. – Paris. 1983. – 430 p.

695. Ferrari M. McBride H. Mind, Brain and Education: The Birth of a New Science. – Learning, 2011. – P. 85–100.

696. Fasbender U. et al. Is the future still open? The mediating role of occupational future time perspective in the effects of career adaptability and aging experience on late career planning // *Journal of Vocational Behavior*. – 2019. – T. 111. – P. 24–38.

697. Flavell J. H. Cognitive monitoring // *Children's oral communication skills*. – Academic Press, 2007. – P. 35-60.

698. Flavell J. H., Miller, P. H., Miller S. A. Cognitive Development. Third edition. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1993. – 441 p.

699. Fodor J. A. The modularity of mind. – Cambridge, MA: MIT Press, 1983. – 242 p.

700. Fraisse P. Psychologie du temps. – Paris: Pres. Univ. France, – 1957. – 326 p.

701. Frank L. K. Time perspectives // *Journal of Social Philosophy*. – 1939. – № 4. – P. 293–312.

702. Friedman W. J. Time in Psychology // *Time in Contemporary Intellectual Thought* / Ed. by P. Baert. Amsterdam; Lausanne etc.: Elsevier, 2000. – P. 295–314.

703. Friedman W. J., Janssen S. M. Aging and the speed of time // *Acta Psychologica*. – 2010. – Vol. 134. – № 2. – P. 130–141.

704. Furey J. T. The theory of Mind Time / J. T. Furey, V. J. Fortunato // *Cosmology*. – 2014. – Vol. 18. – P. 119–130.

705. Gabor D. Microscopy by reconstructed wave fronts. – *Proc. Roy. Soc.* – 1961, B64. – P. 449–469.

706. Gale R. M. The Language of Time. – L., 1968.

707. Galton F. Inquiries into Human Faculty and its Development. – London: McMillan, 1893. – 305 p.

708. Gardner G. N. To open mind. – N. Y., 1998. – 376 p.

709. Greenleaf R. K. The Servant-Leader Within: a Transformative Path. – NJ: Paulist Press, 2003. – 310 p.

710. Greeno J. Trends in the theory of knowledge for problem solving // D. T. Tuma, F. Reif (eds). *Problem Solving and Education*. – N. Y.: Erlbaum, 1980. – P. 160–183.

711. Greenwald A. G., Banaji M. R. Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes // *Psychological Review*. – Vol. 102. – 1995. – P. 4–27.

712. Grondin S. Timing and time perception: a review of recent behavioral and neuroscience findings and theoretical directions

// Attention, Perception & Psychophysics. – 2010. – T. 72. – № 3. – P. 561–582.

713. Grondin S. Methods for studying psychological time // S. Grondin (Ed.), Psychology of time. Bingley, UK: Emerald Group Publishing, – 2008. – P. 51–74.

714. Grondin S. Timing and time perception: A review of recent behavioral and neuroscience findings and theoretical directions // Attention, Perception, & Psychophysics. – 2010. – № 72 (3). – P. 561–582.

715. Haack V., Halm K., Wagner K.-W. Programmieren als Schematisches Problemlösen // Z. Psychol. – 1989, 197. – № 3. – P. 217–262.

716. Hacker D. J. Teaching new thinking // Journal of developmental Psychol. – Vol. 5. – 1997. – P. 173–190.

717. Halberg F. Chronobiology. Annual Review Physiology 31. – 1969. – P. 675–725.

718. Hall E. T. The dance of life: The other dimension of life. – Garden City: Anchor Press, 1983. – 50 p.

719. Hancock P.A. et al. A meta-analysis of flow effects and the perception of time // Acta psychologica. – 2019. – T. 198. – P. 102–136.

720. Helmholtz H. Wissenschaftliche Abhandlungen. Bd. 2. – Leipzig, 1883. – 948 p.

721. James W. The Perception of Time // James W. The Principles of Psychology. – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1981. – P. 605–643.

722. Janét P. L. évolution de la memoir et le notion de temp. – Paris, 1928. – 400 p.

723. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment under uncertainty. Cambridge, CUP, 1982. – 555 p.

724. Kamfer F., Grimm L. Freedom of choice and behavioral change // Journal of Consulting and Clinical Psychol. – 1978, 46. – P. 41–48.

725. Kaplan C. A., Simon H. A. In search of insight // Cognitive Psychology. – 1990, 22. – P. 374–419.

726. Karpov A. V. Reflection in the structure of cognitive organization of the decision-making procedure // Russian Psychological Journal. – 2005. – Vol. 2.

727. Karpov A. V., Karpov A. A. The interconnection of learning ability and the organization of metacognitive processes and traits of personality. Psychology in Russia: State of the Art. – Vol. 10 – Is. 1. – 2017. – P. 67–79.

728. Kegan R. The evolving self. Harvard University Press. – 1993. – 318 p.

729. Kelly J. R., McGrath J. E. Effects of time limits and task types on task performance and interaction of four-person groups // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1985. – № 49. – P. 395–407.

730. Kleitman N. Sleep and Wakefulness. Second Edition, University of Chicago Press, 1962. – 552 p.

731. Knapp P. H., Gurbutt J. T. Time imagery and achievement motive // *Journ. of Pers.* – 1958. – Vol. 26. – № 3. – P. 426–434.

732. Kolb S. K. Metacognition Metaphors. – N. Y., 1995. – 185 p.

733. Koriat A. Conscious and Unconscious Metacognition: A Rejoinder // *Consciousness and Cognition*, 9. 2000. – P. 193–202.

734. Krech D., Crutchfield R., Livson N. Elements of psychology. – N. Y., – 196 p.

735. Kruger J., D. Dunning Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // *Journ. of Pers. and Social Psychology*. – 77 (6), 1999. – P. 11–34.

736. Kuhn D. The importance of learning about knowing: Creating a foundation for development of intellectual values. *Perspectives on Child Development*, 2009. – 327 p.

737. Lecomte du Noüy. Biological Time. – London, 1936. – 180 p.

738. Grondin S. Methods for studying psychological time // S. Grondin (Ed.), *Psychology of time*. Bingley, UK: Emerald Group Publishing, 2008. – P. 51–74.

739. Leconte P., Beugnet-Lambert C., Lancry A. *Chronopsychologie*. Lille, 1988. – 341 p.

740. Lefebvre-Pinard M. Understanding and auto-control of cognitive functions // *International journal of behavioral development*. – Vol. 6. – 1995. – P. 15–35.

741. Lenz B., Ellis E., Scanlon R. The emotional Brain. – N. Y., 1996. – 427 p.

742. Lygan W. G. *Consciousness*. – Cambridge, Mass, MIT Press. – 1987. – 97 p.

743. Lyons D. T., Young A. G., Keil F. K. The hidden structure of overimitation. Harvard University. – Cambridge, MA. – Vol. 104. – No. 50. – 2007. – P. 1751–1756.

744. Malrien Ph. Les origines de la conscience du temps. – Paris, 1953. – 160 p.

745. Matthews W. J., Meck W. H. Temporal Cognition: Connecting Subjective Time to Perception, Attention, and Memory // Psychological Bulletin. – 2016. – Vol. 142. – № 8. – P. 865–907.

746. Matthews W. J., Meck W. H. Time perception: The bad news and the good // Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science. – 2014. – Vol. 5. – № 4. – P. 429–446.

747. Maustakas G. Theory and Method of Phenomenological Research. – N. Y.: Press. 1998. – 256 p.

748. McClelland J. L., Rumelhart D. E. Parallel distributed processing. – Vol. 1. – Cambridge, MA: MIT press, 1986. – 183 p.

749. McClintock M. K. Whither menstrual synchrony? Annual Review of Sex Research. – 1998, 9. – P. 77–95.

750. McCombs K. About Differences in Predicting Metacognitive Performance // Journ. of Cognitive Neuroscience. – 1997. – Vol. 19. – P. 7–13.

751. McDermott D. Planning and acting // Cognit. Sci. – Vol. 2. – P. 71–110.

752. McGrath J. E., Kelly J.R. Time and human interaction. Toward a social psychology of time. – N.Y.-L., 1986. – 183 p.

753. McGinn C. The Problem of Consciousness. – Oxford: Blackwell. 1991. – 230 p.

754. McGuigan F. J. (Ed.). Experimental Psychology. Methodological approach (3rd ed.). – Englewood Cliffs, 1978. – 441 p.

755. Metacognition: Cognitive and Social Dimensions / Ed. By V. Yzerbyt et al SAGE Publications. 2002. – 253 p.

756. Metclfe J., Shimamura A. P. (eds.). Metacognition: Knowing about Knowing. – Cambridge, MA: MIT Press. 1994. – 323 p.

757. Metcalfe J. Evolution of metacognition // J. Dunlosky, R. Bjork (Eds.), Handbook of Metamemory and Memory. – N. Y.: Psychology Press, 2008. – P. 29–46.

758. Morgan D. Unconscious unease and self-handicapping // Psychological science. – 1999. – № 6. – P. 535–540.

759. Muller J. Zur vergleichenden Physiologie des Gesichtssinnes des Menschen und der Tiere. – Berlin, Werlag, 1929. – 526 p.

760. Nelson T. O. (Ed.). Metacognition: Core Readings. – Boston: Allen and Bacon, 1992. – 225 p.

761. Nelson T. O. Consciousness and metacognition // American Psychologist. – № 51. – 1996. – P. 102–116.

762. Nelson T. O., Narens L. L. Metamemory: a theoretical framework and new findings // G. Bower. The Psychology of Learning and Motivation. – Vol. 26. – N. Y.: Academic Press, 1990. – P. 125–141.

763. Norman D., Bobrov D. Information and Scenaric Cognition // Mind and Language. – 1997. – Vol. 3. – P. 22–27.

764. Ornstein R. E. On the Experience of Time. – Baltimore, 1969.

765. Penfield W. The mystery of the mind. – Princeton; N. J.: Princeton University Press, 1978. – 123 p.

766. Pittendrigh C. S. O Temperature Independence in the Clock System Controlling Emergence Time in *Drosophila*, 1965, Proc. Natl. Acad. Sci. USA, 40 (10): 1018–1029.

767. Perfect T. J., Schwartz B. L. Applied Metacognition. – Cambridge, CUP, 2002. – 220 p.

768. Philosophy of Time. A Collection of Essays., Ed. by R.M. Gale. – London Melbourne, 1968. – 525 p.

769. Piéron H. Thought and the Brain. – London, 1927. – 262 p.

770. Power S. E. Philosophy of time: A contemporary introduction. – Routledge, 2021. – 310 p.

771. Poulet G. Etudes sur le temps humain. – Paris, 1950. – 405 p.

772. Premack D. G., Woodruff G. Does the chimpanzee have a theory of mind? // Behavioral and Brain Sciences. – № 1. – 1978. – P. 515–526.

773. Reder L. M. (Ed.). Implicit Memory and Metacognition. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 1996. – 200 p.

774. Richard J.-F. Les activités mental. Comprendre, raisonner, trouver des solution. – Armand Colin. 1990. – 446 p.

775. Richard A. Cognitive models of psychological time // Erlbaum, 1990. – 283 p.

776. Riggs G. Philosophy in a Time of Pandemic. – 2020. – 355 p.

777. Rizzolatti G. et al. Mirrors in the Mind // Scientific American Band 295. – Nr. 5. – 2006. – P. 30–37.

778. Rodieck R. W. Perception from the standpoint of psychology. – B: Perception and Its Disorders. Res. Publ. ARNMD. – Vol. XLVIII, 1970. – P. 1–11.

779. Rosch E. et al. Basic objects in natural categories // Cognitive Psychology. – Vol. 81. – 1976. – P. 390–398.

780. Rosenblueth A., Wiener N., Bigelow J. Behavior, Purpose and Teleology // Philosophy of Science. Baltimore. – 1943. – Vol. 10. – № 1. P. 18–24.

781. Roos P., Albers R. Performance of retardates and normals on a measure of temporal orientation // *American Journal of Mental Deficiency*. – 1965. – Vol. 69. – P. 835–838.

782. Schmidt H. D. *Psychologies. Allgemeine Entwicklungspsychologie*. Verlag: Deutscher Verlag der Wissenschaften. – Berlin, 1970. – 491 p.

783. Schlenker B. R. Self-presentation // *Handbook of self and identity* / M. R. Leary, J. P. Tangney (Eds.). – NY: Guilford Press, 2003. – P. 492–518.

784. Schraw G., Moshman D. Metacognitive theories // *Educational Psychology Review*. – Vol. 7. – 1995. – P. 351–371.

785. Seamster D., Redding V., Kaempf D. *Cognitive Task Analysis* // Wright State University, 1997. – 338 p.

786. Searle J. R. *The rediscovery of the mind*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1992. – 420 p.

787. Scholz U. It's time to think about time in health psychology // *Applied Psychology: Health and Well-Being*. – 2019. – Vol. 11. – Is. 2. – P. 173–186.

788. Simon H. A. *Administrative behavior*. – N. Y., 1947. – 236 p.

789. Sturt M. *The Psychology of Time*. – London, 1925. – 160 p.

790. Sternberg R. J. *Beyond IQ*. – Cambridge, CUP, 1985. – 222 p.

791. Tamm M, Jakobson A, Havik M, Timpmann S. Effects of heat acclimation on time perception // *International Journal of Psychophysiology*. – 2015. – Mar; 95(3):261-9.

792. Theresen C. E., Mahoney H. J. *Behavioral self-control*. – N. Y.: 1974. – 242 p.

793. Tysk L. Longitudinal changes in time estimation // *Percept. and Motor Skills*. 1985 Feb;60(1):179–88.

794. Velmans M. *Understanding consciousness*. – London, 2000, Routledge – 308 p.

795. Valtteri A. and Dan L. *Subjective Time // The Philosophy, Psychology, and Neuroscience of Temporality* The MIT Press. – Cambridge, Massachusetts London, England, 2014. – 668 p.

796. Wearden J. *The psychology of time perception*. – Springer, 2016. – 261 p.

797. Wearden J. H. Applying the scalar timing model to human time psychology: Progress and challenges. // *Time and mind II: Information-processing perspectives*. – 2003. – P. 21–39.

798. Wittmann M. *Social jetlag: misalignment of biological and social*

time / Wittmann M., Dinich J., Merrow M., Roenneberg T. // *Chronobiology international*. – 2006. – № 23. – P. 497.

799. Wittmann M., Lehnhoff S. Age effects in perception of time // *Psychological Reports*. – 2005. – Vol. 97. – № 3. – P. 921–935.

800. Zawirski Z. *L'Evolution de la Notion du Temps*. – Cracow, 1936. – 357 p.

801. Zakay D., Block R. A. Temporal cognition // *Current Directions in Psychological Science*. – 1997. – Vol. 6. – № 1. – P. 12–16.

802. Zeman A. The paradox of consciousness // *Lancet*. – Vol. 357. – Is. 9249. – 2001. – P. 77.

## Оглавление

<b>Глава 4. Функциональная организация субъективного времени</b> .....	3
4.1. Постановка проблемы исследования .....	3
4.2. Архитектоника временной системности .....	18
4.3. Временные системные качества .....	43
4.4. Принципы темпоральной организации .....	59
4.5. Деятельность как система темпорального типа .....	71
4.5.1. Темпоральная системность в структурно-функциональной организации деятельности .....	71
4.5.2. Действие как структурная «единица» темпоральной организации деятельности .....	82
4.5.3. Темпоральная системность в структурно-уровневой организации деятельности .....	87
4.6. Временная системность в организации сознания .....	106
4.7. Заключительные замечания .....	139
<b>Глава 5. Генетические закономерности в организации субъективного времени</b> .....	147
5.1. Постановка проблемы исследования .....	147
5.2. Игровая деятельность как детерминанта генезиса темпоральности .....	154
5.2.1. Базовые атрибуты игровой деятельности как факторы генезиса темпоральности .....	154
5.2.2. Опосредствованность как механизм генезиса темпоральной организации .....	164
5.3. Закономерности генезиса системы психических процессов в игровой деятельности .....	188
5.3.1. Закономерности генезиса темпоральной организации первичных психических процессов .....	188
5.3.2. Закономерности генезиса темпоральной организации вторичных психических процессов .....	221
5.3.3. Темпоральная системность в генезисе рефлексии как «третичного» психического процесса .....	240
5.4. Темпоральность в структуре системогенеза психики .....	254
5.4.1. Темпоральность как детерминанта психического развития	254

5.4.2. Генезис основных принципов системной формы организации в игровой деятельности .....	279
5.5. Заключительные замечания .....	301
<b>Глава 6. Интегративные закономерности в организации субъективного времени .....</b>	<b>312</b>
6.1. Теоретические основы исследования .....	312
6.2. Сущность и содержание механизма окачествления реальности .....	330
6.2.1. Содержание механизма окачествления .....	330
6.2.2. Общие и специфические особенности механизма окачествления .....	416
6.2.3. Соотношение базовых типов качеств и основных уровней организации субъективной реальности .....	428
6.3. Основные типы качеств в порождении субъективного времени .....	449
6.4. Идеальное и системные качества.....	517
6.4.1. Механизм обретения чувствительности к идеальному ..	527
6.4.2. Психические функции в структуре сензитивности к идеальному .....	542
6.5. Гносеологические аспекты механизма окачествления .....	549
6.6. Заключительные замечания .....	566
<b>Заключение .....</b>	<b>572</b>
<b>Список литературы .....</b>	<b>652</b>

*Научное издание*

**Карпов Анатолий Викторович**

**ПСИХИКА И ВРЕМЯ**

**В двух томах**

**Том II  
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ  
ГЕНЕЗИС  
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

Авторская редакция

Оригинал-макет разработан  
издательским бюро «Филигрань»  
печатает.рф

Подписано в печать .12.23. Формат 60×90 1/16.  
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 43,75.  
Тираж 80 экз. Заказ № 23178.

Отпечатано в типографии ООО «Филигрань»  
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, д. 91.  
pechataet@bk.ru